

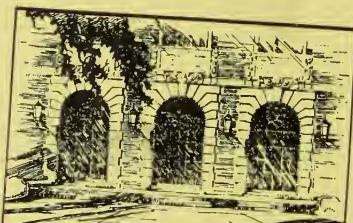
БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ
ЧЕРКЕСОВА

в ПЕТЕРБУРГѢ

НѢВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ д. №54

ИИВ: 1334.

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

057

VIE

v. 28

no. 4

59/13403

NOTICE: Return or renew all Library Materials! The *Minimum Fee* for each Lost Book is \$50.00.

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

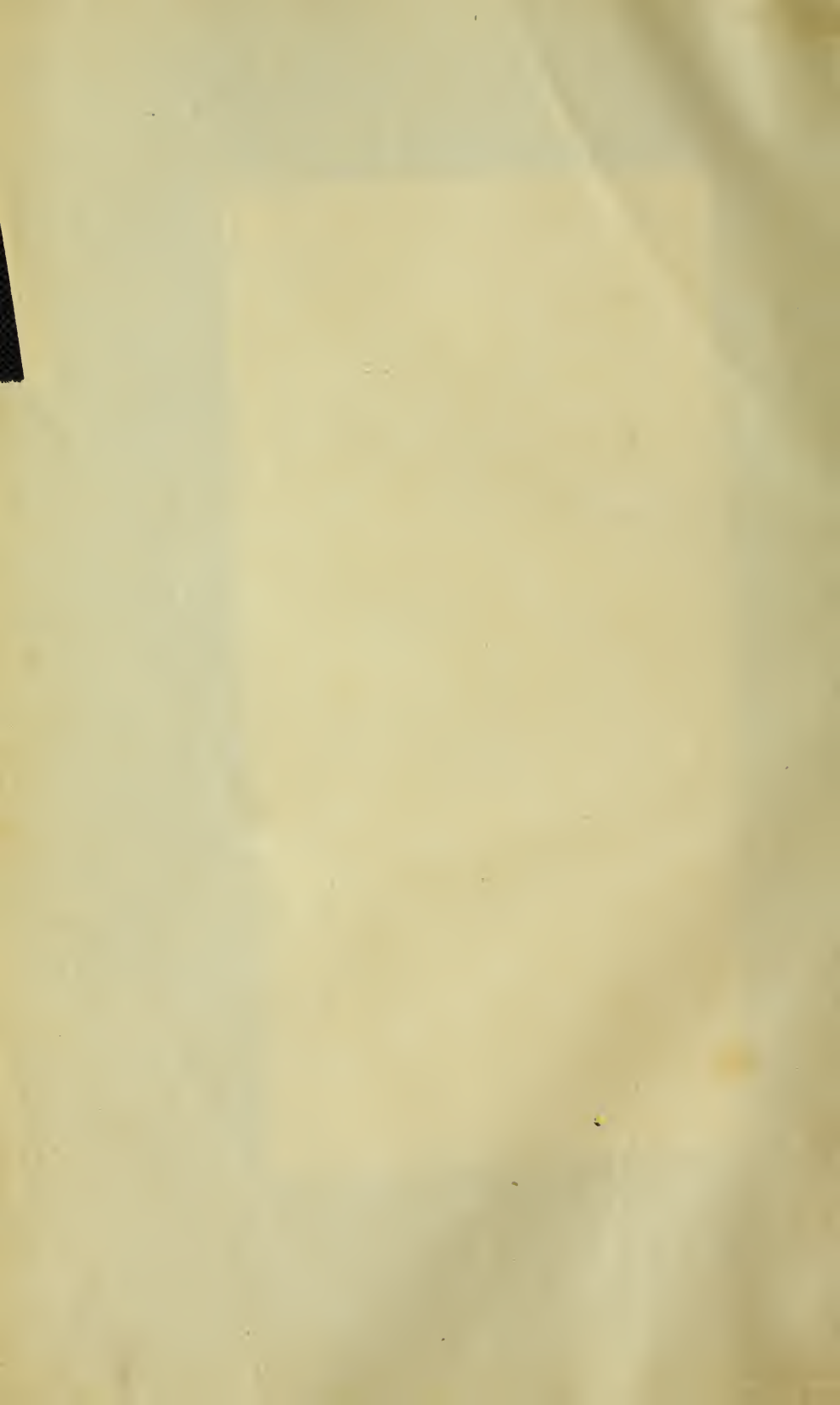
Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUN 05 1989

MAY 08 1989

L161—O-1096

ВЪСНУКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩІЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1893.

ПЕТЕРБУРГЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

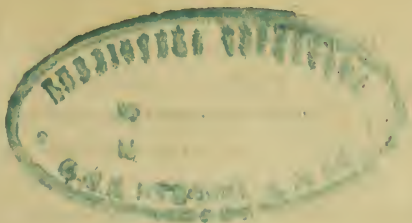
КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1893.

Стр.

I.—ИЗЪ ПОЕЗДКИ НА ВОЛГУ ВЪ ПРОШЛОМЪ ГОДУ.—Впечатлѣнія и замѣтки.—XI-XXVI.—Окончаніе.—Л. Нелидовой	453
II.—СИБИРСКИЕ КАРТИНКИ XVIII-го ВѢКА.—Изъ дѣлъ сибирской старины.—Разсказъ.—XIV-XXIII.—Окончаніе.—Н. С. Лѣскова.	534
III.—ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АМЕРИКѢ.—Изъ личныхъ воспоминаній.—VIII-IX.—П. А. Тверского.	562
IV.—ДИКАРКА.—Повѣсть Эл. Оржешко.—Съ польскаго.—V.—Гл.	588
V.—ИСКУССТВО И ПРАВСТВЕННОСТЬ.—Очеркъ.—Кн. С. М. Волконскаго	620
VI.—ВЪ СОРОЧКѢ РОДИЛСЯ.—Романъ Фр. Шпильгагена.—Книга четвертая.—А. Э.	652
VII.—ДВА ОЧЕРКА.—I. Ненадолго.—II. Ближе къ природѣ.—З. Гиппиусъ	701
VIII.—ДЕРЕВНЯ.—Карошицъ, Разсказы. — А. И. Пыпина	730
IX.—ИЗЪ СЮЛЛИ ПРЮДОМА.—I. Разбитая ваза.—II. Роса.—III. Желаніе.—IV. Ласточка.—V. Два смѣлыхъ путника.—VI. Статуя и женщина.—VII. Кто скажетъ.—О. Михайловой	783
X.—ИСПОЛИТЬ ТѢНЬ.—К. К. Арсеньева	788
XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Пауза.—II. Девятая симфонія Бетховена.—III. Съ горъ потоки.—А. М. Жемчужникова	805
XII.—ХРОНИКА.—Памяти В. А. Арцимовича.—2-е-5-е марта.—А. К.	807
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Проектируемый государственный квартирный налогъ. — Можетъ ли онъ замѣнить собою налогъ подоходный? — Главныя условія взиманія квартирнаго налога. — Квартирные присутствія. — Продолжительный отчетъ нижегородской губернской земской управы. — Земско-статистическія свѣденія о самарской губерніи. — Новые законы.	814
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Особенности французской администраціи и бюрократіи. — Старыя традиціи на новой почвѣ. — Послѣдній панамскій процессъ.—Флокé и его судьба.—Клемансо и Фрейсина.—Политическіе нравы и приемы оппортунистовъ. — Темныя факты въ панамскомъ дѣлѣ.—Смерть Жюль Ферри.—Болгарскія дѣла и правительственное сообщеніе	832
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ казанской и другихъ средне-волжскихъ губерніяхъ, А. П. Энгельгардта. — Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, В. В. — Урожай ржи въ европейской Россіи, А. Фортунатова.—Крестьянское мірское хозяйство, М. Скинбискаго.—Л. С.—Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ, А. Корнилова. — Гроза гимназій, С. Либровича. — Скамья и кафедра, А. Желанскаго.—А. П.—Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка, Н. Гориева.—С. Б.—Новыя книги и брошюры	843
XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. L'évolution sociale, par B. Lavergne.—Л. С.—Essais de littérature contemporaine, par G. Pellissier.—Vers et prose, par Mallarmé.—З. В.	857
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Итоги дѣятельности Особаго Комитета. — Частная помощь въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году.—Одна изъ причинъ неувѣденій размѣровъ бѣдствія. — Трагическая смерть Н. А. Алексѣева въ Москвѣ.—П. Я. Александровъ †.—Юбилей В. Н. Герарда	863
XVIII.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, П. Барсукова. — Германское торговое право, Карла Гарейса, пер. съ нѣм. п. р. Н. І. Нерсесова. — С. О. Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ.—М. И. Мишъ. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ.—Вопросы дня и жизни, В. А. Гольцева.	
XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

0.5
B.37

057
VIE
V.28
no. 4

ИЗЪ ПОѢЗДКИ НА ВОЛГУ

ВЪ

ПРОШЛОМЪ ГОДУ

Впечатлѣнія и замѣтки.

Окончаніе.

XI *).

Въ Липовкѣ было всего четырехъ столовыхъ: двѣ общихъ, одна бабья и одна ребячья въ училищѣ, не закрытая и на лѣтнее время. Кормятся въ столовыхъ, или получаютъ земское продовольствіе, всѣ семьи за ничтожнымъ исключеніемъ нѣсколькихъ дворовъ. Выборъ поставленъ круто: умирать—или питаться подаеніемъ, и я въ первый разъ съ грустью и жалостью видѣла сѣдыя, почтенныя головы, иконописно правильныя, чудесныя по выраженію лица, — они долго были смущены моимъ появленіемъ и уныло наклонялись надъ чашками нищенской трапезы. Помимо всего остального, они смущены неуверенностью, невѣденіемъ того, откуда же, наконецъ, получается эта милостыня, спасающая ихъ отъ немедленнаго умиранія.

Значительная часть столовыхъ тетюшскаго уѣзда открыта на средства англійскаго общества *Друзей* и на частныя пожертвованія

*) См. выше: мартъ, 204 стр.

— Я вездѣ, гдѣ могу, стараюсь имъ растолковать это, и васъ прошу дѣлать то же, объяснять гдѣ только возможно,—говорить мнѣ Вѣра Семеновна, по учительской привычкѣ тотчасъ же поясняя и комментируя собственную мысль. — Нужно, чтобы они знали, кто именно имъ помогаетъ и откуда деньги идутъ на столовые. Чтобы не было никакихъ заблужденій и недоразумѣній на этотъ счетъ,—настаиваетъ она.

Результаты успѣшности предварительнаго толкованія обнаруживаются при первой же моей попыткѣ къ объясненію.

Мужичья столовая помѣщается по срединѣ села въ просторномъ дворѣ когда-то очевидно исправнаго мужика. Подъ навѣсомъ въ тѣни по обыкновенію на козлахъ — столы; вокругъ — лавки, свесенныя съ нѣсколькихъ дворовъ. Обѣдаютъ сразу человекъ 30, 40. Есть бабы и дѣти, но болѣе взрослыхъ мужиковъ.

Я одна. Нѣсколько лицъ, знакомыхъ по леченію, привѣтствуютъ меня, остальные кланяются молча, а я не умѣю находчиво и легко, какъ бы слѣдовало, начать разговоръ.

При посѣщеніи столовыхъ мнѣ уже не разъ приходится чувствовать себя въ фальшивомъ положеніи. Меня принимаютъ за главную распорядительницу, благотворительницу; при моемъ появленіи перешептываются и, уходя, посылаютъ мнѣ благословенія, земные поклоны и благодарности.

Я останавливаю женщину съ маленькимъ ребенкомъ; она дѣлаетъ движеніе, чтобы опуститься на колѣни подлѣ меня, между лавками, и я исполняю, какъ умѣю, возложенное на меня порученіе.

Высокій мужикъ съ одутловатымъ лицомъ, съ неумѣренно длинными руками и ногами, явно стѣсняющими его своей непомѣрной длиной, сидитъ, свѣсивъ ноги, на облучкѣ телѣги тутъ же подъ навѣсомъ въ ожиданіи очереди и внимательно слушаетъ, что я говорю.

— И какимъ же это бытомъ, и кто же бы это такое надоумилъ ее—эту самую англичанку—васчетъ, то-есть, насъ грѣшныхъ? Чудно!—говоритъ онъ, перекидывая ногу на ногу, и захватываетъ на телѣгѣ конецъ веревки, которую старательно ссучиваетъ въ рукахъ.

— Пожалѣла! Вонъ какъ! Чтой-то больно жалостливы стали: чудно!—повторяетъ онъ взволнованнымъ голосомъ, и я вижу, что только мое присутствіе удерживаетъ его отъ болѣе энергическаго способа выраженія.

— Ты, вѣроятно, не понялъ меня,—говорю я, обдумывая новый приемъ сдѣлать понятнѣе объясненіе.—Это совсѣмъ не ан-

гліійская королева прислала деньги и пожалѣла насъ, а англичане, такіе же, какъ и мы, простые люди, которые живутъ въ Англіи. Они услыхали, что у насъ голодъ, и вотъ захотѣли намъ помочь...

— Знаемъ, помочь! Предлогъ сдѣлать хотятъ, въ свою вѣру обращаться...

— Помилуй! Да зачѣмъ имъ наша вѣра! Они никогда и не увидятъ насъ.

Послѣднее добавленіе возбуждаетъ явное и всеобщее недовѣріе. Всѣ головы поворачиваются въ нашу сторону. Долговязый мужикъ прищуриваетъ одинъ глазъ и машетъ веревкой съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія.

— Чтобы не выдавши въ глаза такую уйму денегъ разсорить... Ну-у! Хлѣбово—хлѣбовомъ, а кажинный день хошь и имъ артель прокормить—станетъ въ копѣчку. Знаемъ мы! Сами не увидятъ—поглядѣтъ кого пришлютъ. Что же, какъ же теперь, сударыня, — обращается онъ ко мнѣ съ такимъ видомъ, какъ будто на все время оглохъ и ни одно слово моего *объясненія* не дошло до ушей его.—Какъ скажете: припентъ ей, что-ли, какой за насъ будетъ идти отъ казны, подъ закладъ насъ что-ли ей теперь отдать хотятъ?

— А ты погоди, Прокофій, погоди!—говоритъ старикъ, благообразный и сѣдой; замѣчая, вѣроятно, мое выраженіе, онъ опустилъ ложку и поворотился лицомъ ко мнѣ.—По недоумѣнію нашему толкуемъ промежду себя, сударыня. Сумнительно будто, что это насъ новѣйшее время переписываютъ по сколько разъ? Дворы переписывали, скотину переписывали, самихъ переписывали. Всѣ теперь на счету, вкупѣ, не убѣжимъ никуда.

Глубокая тревога слышится въ этихъ вопросахъ, поставленныхъ какъ бы въ шутливой формѣ. Умные старческіе глаза съ дѣтскимъ недоумѣніемъ, ожидая отвѣта, смотрятъ на меня.

— Чего говорить! Забрались въ долги вовсе. Теперь у насъ волосъ каждый на головѣ э-вотъ стоитъ небось по рублю. Легко брать—каково-то отдавать будетъ.

— Богъ милостивъ. Вѣдь не все же отдавать придется, дѣдушка.

— Жерствѣ дарма идетъ. Жерствѣ не спросится,—слышится чей-то голосъ у стола.

Я стараюсь объяснить различіе между земской ссудой и частными пожертвованіями. Это тотчасъ схватываютъ, и изъ разговоровъ я убѣждаюсь, что большинство поняло и вполне усвоило себѣ мысль. И въ то же время замѣчаю, какъ убѣжденіе въ коварствѣ *англичанки*, въ возможности заклада, процентовъ и даже

перемѣны вѣры, засѣдаетъ гвоздемъ, который, очевидно, не удастся выбить за одинъ разъ. Вѣроятность безкорыстной благотворительности отъ неизвѣстныхъ жертвователей, хотя бы и господь, но единовѣрцевъ и единоплеменниковъ—принимается, но тоже съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и допускается съ оговорками: „Для души, Бога помнѣть. Мало ли тайной милостыни идетъ!“ Возможность та же со стороны иновѣрныхъ англичанъ представляется абсурдомъ, не заслуживающимъ серьезнаго опроверженія, и я не рѣшаюсь настаивать изъ боязни потерять всякій авторитетъ. Серьезная, дѣловая забота о хозяйственной задолженности осложняется фантастическими страхами. Разсѣять ихъ до времени нельзя.

Первая партія обѣдающихъ встаетъ и уходитъ, замѣняясь новыми, уже въ меньшемъ количествѣ. Нѣсколько человѣкъ мужиковъ подвигается въ сторону къ лавкѣ, на которой я сижу, съ видимымъ желаніемъ продолжать разговоръ. Меня интересуетъ все тотъ же неотступный вопросъ: какія причины вызвали бѣдствіе? Какъ они сами—крестьяне—понимають его? На глазахъ—исправный, когда-то навѣрное зажиточный дворъ; по размѣрамъ хлѣбовъ видно, что скотины держалось много. И вотъ вдругъ нѣтъ ничего, лошаденка одна.

— Не однимъ годомъ дѣлалось, родимая, не въ одно лѣто, матушка,—говорить старикъ, окончивъ ѣду и бережно запрятывая кусочекъ хлѣба, величиною съ дѣтскій кулакъ, въ карманъ.—Скотины, что говорить, по сколько чередовъ бывало! Сто восемьдесятъ головъ пастухи на палку срѣзывали. Теперь осталась самая малая малость. Подошли эти самые сухменные-то года, пято лѣто не даетъ Богъ дожличка. Что подѣлаешь! Бились, бились первое-то время, ну тутъ скотинѣшку-то поразмотали, изъ силъ и выбились.

— Ну, а земля какъ? Какой у васъ надѣлъ? — спрашиваю я.

— У насъ нельзя понять. У насъ тутъ три вотчины. Есть и десятинники, есть которые на полномъ положеніи. Ерастъ Ерастовичъ—ну онъ не коренной хозяинъ, а коренная хозяйка у насъ Маргарита Алексѣевна, да еще тутъ казанскій купецъ Маковъ вмѣшанъ. На три лѣта землю снимаемъ, два оборота въ каждомъ полѣ по пяти рублей съ плану. Тутъ и неудобь, и все такое. Родить ли, не родить ли земелька—пять рублей вынь да подай.

— Неужели и въ нынѣшнемъ году?

Старикъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, нонѣ не спрашиваютъ. Съ чего спрашивать! Видно—чисто, нѣтъ ничего.

Обѣдъ конченъ. Всѣ встають и передвигаются. Длинный мужикъ перетягиваетъ поясъ въ беспокойныхъ пальцахъ.

— Что, аль тѣсно, брюхо больно набилъ, перепоясаться требуется? — острять вокругъ него остальные, берясь за шапки, и расходятся со двора.

Нѣкоторые счастливыцы пріѣхали съ пашни и возвращаются къ лошадямъ, чтобы опять ѣхать пахать. Большинство вѣло бредеть домой. Лошадей нѣтъ, работы нѣтъ, дѣлать нечего.

Длинный Прокофій молча идетъ за мной и останавливаетъ меня у церкви на поворотѣ къ дому, прося дать взаймы тридцать копѣекъ на гужи.

— Да у тебя есть ли лошадь? — спрашиваю я.

— Нѣту лошади. Сосѣдъ даетъ на день попахать, сбруя своя.

Я смотрю на его слабую, вытянутую фигуру и не могу понять, правду ли онъ говоритъ, и не хочу понимать. Я первая встаю противъ мелкихъ подачекъ, бессмысленныхъ двугривенныхъ, но я хочу, какъ хлѣба хочу, увидать лучъ радости, улыбку удовольствія хотя бы на одномъ лицѣ.

Губы подъ желтыми усами не мѣняють своего выраженія, или я не умѣю разглядѣть его. Прокофій встряхиваетъ головой поднимаетъ шапку и скрывается за церковью въ деревянной коробочкѣ, къ моему удивленію вмѣщающей его длинное, нескладное тѣло.

XII.

Послѣ обѣда предпринимаются поѣздки въ дальнія деревни для осмотра кухонь, пекаренъ или столовыхъ, завѣдываніе которыми перешло въ руки Вѣры Семеновны. Произошло это случайно и неожиданно для нея самой. Заболѣлъ учредитель, уѣхала учредительница, и, зная о ней по слухамъ, передали дѣла по сосѣдству ей. Она не находила возможнымъ отказываться и принимала завѣдываніе вмѣстѣ и запутанной бухгалтеріей, которая требовала времени, а нерѣдко и пополненія изъ другихъ суммъ.

Я отказываюсь отъ бухгалтеріи, но не жалѣю времени и охотно ѣзжу; еще охотнѣе, гдѣ можно, хожу пѣшкомъ.

Деревня Глѣбово, въ двухъ верстахъ отъ Липовки, принадлежитъ баронамъ Люттихъ, по мѣстному произношенію Лютовымъ, владѣющимъ ею съ давнихъ поръ. Въ казанской губерніи вообще много иностранныхъ фамилій между помѣщиками, начиная съ бароновъ и кончая итальянскими маркизами.

Владѣлец Глѣбова послѣ освобожденія не жилъ въ имѣніи. Онъ вскорѣ устроилъ дѣла и, отдѣливъ крестьянамъ дарственный надѣлъ, уѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ служить и воспитывать дѣтей. Воспитаніе, въ лицѣ старшаго изъ сыновей, окончилось неудачей, и въ одно утро, послѣ многихъ лѣтъ отсутствія, глѣбовцы были поражены извѣстіемъ, что пріѣхалъ на житье молодой баринъ.

Двадцатилѣтній баронъ быстро зарекомендовалъ себя и не оставилъ никакихъ сомнѣній относительно своей личности. Онъ уклонился отъ знакомства и не сдѣлалъ визитовъ сосѣдямъ-помѣщикамъ, сталъ сходиться съ людьми низшими себя, съ писарями, приказчиками, содержателями постоялыхъ дворовъ, устраивалъ въ домѣ попойки и оргіи и развелъ породу собакъ, неизвѣстную еще во всей окрестности.

Крестьяне презирали и боялись его, чувствуя себя въ его власти, а властью онъ пользовался. Отецъ опредѣлилъ доходы съ Глѣбова на его содержаніе и зарманные деньги, — и уменьшеніе ихъ было бы для него стѣснительнымъ.

Помѣщичій домъ стоитъ по срединѣ деревни, окруженный крестьянскими избами. Нижегородское выраженіе, слышанное мною: „уголъ есть, да не укусишь его“ — не имѣетъ значенія для казанской губерніи. Мнѣ въ первый разъ бросается въ глаза избушка Прокофія въ Липовкѣ, и я собираюсь идти нарочно смотрѣть ее, когда вечеромъ, попавъ въ Глѣбово, прихожу къ заключенію, что размѣры избушки не представляютъ собой ничего необыкновеннаго и точь-въ-точь такими же застроены уже цѣлый порядокъ.

Это крохотные, игрушечнаго вида домики, деревянные коробочки, одиноко разставленные на оголенномъ мѣстѣ безъ сѣней, безъ плетней, безъ огорода, безъ признака двора или воротъ. Единственное, въ четыре стекла, оконце сиротливо смотритъ на улицу. Такія избы называются *одноглазками*, и за послѣдній годъ явно стремленіе ихъ вытѣснить прежній типъ.

О размѣрахъ всего лучше даетъ понятіе стоимость. Поставить такую избу въ безлѣсной мѣстности обходится 23, 25 р. За работу *одноглазки* при готовомъ матеріалѣ вмѣстѣ съ печью платятъ два рубля тридцать копѣекъ, много — три рубля.

Внутри половину помѣщенія занимаетъ печь, сравнительно мало уменьшенная. Не считая затратъ на постройку, выгода очевидная въ экономіи тепла, полученіе котораго обставлено здѣсь всѣми тѣми же затрудненіями, какъ и добываніе насущнаго хлѣба.

Лѣса нѣтъ, топятъ кизякомъ. Грязно-черные, съ формой удлинненныхъ кирпичей, запасы его сучатся на солнцѣ или сложены

кучками подлѣ избѣ. Но для кизяка нуженъ навозъ, для навоза нужна скотина, для скотины нужно помѣщеніе... Въ одноглазкѣ его нѣтъ, потому что въ немъ нѣтъ надобности, потому что нечего помѣщать.

Я какъ-то все ещё не могу *совсѣмъ* повѣрить этому. Не вѣрится въ возможность существованія подѣ угрозой умереть завтра, — потому что нечего будетъ ѣсть; замерзнуть завтра, — потому что нечѣмъ топить.

„Не можетъ же этого быть! Что-нибудь да есть же у нихъ въ виду. О чемъ-нибудь думаютъ они, надѣются на что-нибудь!“

Ничего нѣтъ.

Приходится убѣдиться въ непреложности этого вывода, сколько бы ни щуриться отъ него и ни закрывать глаза.

Мы приходимъ въ Глѣбово раннимъ вечеромъ, вдвоемъ съ школьной учительницей, навѣстить больного неизвѣстной болѣзнью; онъ лежитъ уже третій день. Чтѣ у него — не знаетъ никто, и мы не узнаемъ и въ это посѣщеніе; постоявъ немного, мѣняемъ компрессъ на головѣ и выходимъ изъ избы.

Знакомая картина вечерней, хлопотливой деревенской дѣятельности измѣнилась такъ же, какъ и все другое въ деревнѣ. Не слышно привычныхъ, веселыхъ звуковъ животныхъ, возвращающихся ко дворамъ, овецъ и коровъ. Не бѣгутъ ребятишки въ догонку за какимъ-нибудь оглашеннымъ телянкомъ, которому вздумалось погарцовать лишній разокъ передъ отходомъ ко сну. Въ *ночное* не собираются — рано; доить некого. Въ рѣдкой избѣ виденъ дымокъ. Бабы-хозяйки сидятъ праздно на улицѣ съ дѣтьми на рукахъ и безъ дѣтей, поднимаются и подходятъ къ нашему хороуду, который растетъ съ каждымъ шагомъ съ первой минуты появленія нашего на улицѣ.

— Чья такая? — Липовская? — Докторица? — Кто ихъ знаетъ. Пріѣзжая, слыш! — раздается безцеремонный шопоть вокругъ.

Разговаривать неудобно на ходу. Мы выбираемъ мѣсто и усаживаемся на завалинѣ у избы, которой предстоитъ къ осени вѣроятно превращеніе въ одноглазку, потому что одна сторона ея покачнулась уже, и вся она въ этомъ видѣ небезопасна для житья.

— Отслужила свое, годовъ 30, смотри, — 35 стоитъ. Жили, да вотъ и дожили, — говоритъ мужикъ въ женской кофтѣ, хозяинъ дома, съ гримасой вытягивая ноги въ валенкахъ и садясь на землю подлѣ меня. — Лѣто Богъ дастъ простоить, доживемъ, а тамъ — айда!

— Куда же? На теплыя моря?—иронизируетъ кто-то.

— Тамъ видно будетъ.

— А здѣсь же какъ?—спрашиваю я.

— А здѣсь что! Зады сожогъ, амбаръ сожогъ, передъ сожогъ. Останнюю хоромину продаю. Всего имущества на десять рублей. Отдалиться не съ чѣмъ, на прокатъ денегъ нѣтъ.

— Да куда же ты думаешь идти?

— Христовымъ именемъ, куда ноги донесутъ. Ноги-то вотъ плохи, плошать стали.

— Ты одинъ?

— Не одинъ! Семейство. Вонъ вишь!.. Мои.

Онъ указываетъ на кучку дѣтей, высыпавшихъ изъ избы и присѣвшихъ напротивъ въ позѣ маленькихъ идоловъ, не сводившихъ съ меня глазъ.

— Какъ же ты мелочь такую потащишь съ собой?

— А тутъ у чего оставлять! И сейчасное время опасаться, какъ бы соннымъ бытомъ не передавило неравно. Ежели бросить—уйти... Я себѣ мѣсто найду, прокормлюсь—такъ Бога боишься. Они—мои, я согрѣшилъ. Тамъ хоть помрутъ, такъ со мной.

Народъ все подходитъ, бабы и мужики. Всѣ кланяются. Одни садятся на землю; другіе, стоя, тѣснымъ кольцомъ окружаютъ насъ. Есть знакомыя лица между больными. Завязывается общій разговоръ. Содержаніе его то же, тема одна. Слышатся похвалы прежнимъ временамъ.

— Прежніе-то года по восьмисотъ брали на десятинѣ, а теперь триста да полтора. Прежнее хорошее-то время себѣ семьдесятъ пудовъ ржи, да пятьдесятъ пудовъ овса, да тамъ еще гляди какой ярвинки зародить Господь... ну и можно жить. А теперь что! Работы нѣтъ. Пять разъ отъ тоски сходишь на поле, —глядь, оно не прибываетъ.

Говоритъ бѣлокурый мужикъ, свѣжій, еще молодой, видимо пользующійся вліяніемъ и уваженіемъ въ деревнѣ и въ семьѣ. Несмотря на моложавый видъ, онъ отецъ уже взрослыхъ дѣтей. Сынъ, парень лѣтъ восемнадцати, ростомъ выше отца, стоитъ тутъ же, не вмѣшиваясь, и внимательно прислушивается къ тому, что говорить.

— Тебѣ-то, Флегонъ Политычъ, что еще говорить! У тебя работать есть кому,—выражается мужикъ въ кофтѣ, отецъ маленькихъ дѣтей.—Работа есть, да и домокъ покрытъ, слава-те, Господи. А вотъ какъ крышу прольетъ, въ избѣ не знаешь, гдѣ стать...

— Давно не проливало. Забыли, какъ и проливаетъ-то. Ну

да и насчетъ этого же дѣла въ прежніе-то года, коновнику ли, мордвиннику, безконечно ровно дубрава стоитъ. На крышу на таскаешь—и гдѣже, какъ хочешь лей—не прошибетъ.

Но куда же ушли, куда дѣвались наконецъ всѣ эти дубравы, коновники и мордвинники, снопы и пуды? Отъ этихъ вопросовъ кружится голова. А они вотъ еще могутъ сидѣть, рассказывать и разговаривать...

— Поснялъ сажень пятокъ, остатки сѣбѣ... Семь человѣкъ семейства, шестнадцать сажень земли. У чего тутъ крестьянствовать!

— Такъ зачѣмъ же вы сами шли на этотъ надѣлъ? Зачѣмъ брали дарѣнку?—спрашиваю я съ раздраженіемъ человѣка, чувствующаго свое безсиліе и виновность тѣхъ, кому онъ желалъ бы помочь.—Вѣдь навѣрное живы еще, есть здѣсь между вами кто-нибудь изъ тѣхъ, кто тогда рѣшалъ это дѣло, соглашался на малый надѣлъ?

— Есть, живы! Какъ не быть!—зашумѣли въ толпѣ.

Маленькій старичокъ съ узенькой бородой — я не замѣтила его раньше — сидитъ сбоку на самой завалинѣ и смотреть, не глядя ни на кого, поверхъ головъ.

— Мы въ тѣ поры рады были до смерти хоть отъ батога-то отстать. По недоумѣнію случилось. Слухъ былъ—разверстка земли будетъ, земли всѣ вольныя будутъ.

— Да, вонъ оно что!

Восклицанія слышатся со всѣхъ сторонъ.

Я слушаю молча. Неутихнувшее раздраженіе находитъ для себя новый предлогъ.

— А не у чего здѣсь жить, такъ все же нечего голову вѣшать. Нужно вамъ было попробовать, какъ другіе, переселиться на новыя земли,—говорю я, испытывая, почти злое чувство, похожее на то, какое бываетъ у докторовъ противъ больного, рѣшительно не желающаго выздоровѣть, между тѣмъ какъ употреблены и пущены въ ходъ мѣры и средства къ его выздоровленію!

Толпа отвѣчаетъ шумнымъ оживленіемъ. Всѣ будто только и ждали этого возраженія.

— Пытали, матушка. По всей формѣ... Ходаковъ посылали, грамоту выправили.

— Ну, и что же?

— Вонъ они стоятъ эти самые, которые ходили-то мужички, старику-то будетъ онъ родной сынъ. Что же, Нестеръ, выходи, что-ли, сказывай барынѣ, какъ дѣло было.

Молодой, небольшого роста мужикъ въ полосатой, домоткан-

ной рубахѣ, съ застѣнчивымъ видомъ, нерѣшительно отдѣляется отъ толпы. У него кудрявые волосы, расчесанные на прямой проборъ, мелкія пріятныя черты, дѣтское выраженіе и сохранилась какъ бы дѣтская округлость лица.

Разсказъ короткій, напоминающій другіе разсказы этого рода.

Пошли ходоки въ томскую губернію, нашли и облюбовали землю, задатокъ внесли и получили росписку въ немъ. По возвращеніи распродали скотину и домашній скарбъ (на избы не нашлось покупателей, и онѣ, по счастью, уцѣлѣли) и собрались въ отъѣздъ на этотъ разъ всей семьей. Но въ Петербургѣ случилась заминка. Бумагу не присылали, стали наводить справки. Причиной всему оказалась ошибка въ имени товарища мужика, мудреномъ имени, данномъ попомъ—любителемъ мудреныхъ именъ. Вся деревня отличается этими именами на подборъ одно къ одному: Флегонтъ Ипполитовъ, Акиндинъ Θεоктистовъ, Асигкрить и Акепсимъ. И вотъ, благодаря имени Акиндина, записаннаго писаремъ по мѣстному произношенію Киндинъ просто, безъ а, благодаря ошибкѣ въ одной буквѣ, случилась заминка, проволочка въ три мѣсяца. Списывались, провѣряли и удостовѣряли личность. Когда бумага пришла съ разрѣшеніемъ, дѣло было уже испорчено. Переселенцы тронулись, но не застали выбраннаго участка. Его уступили и перепродали, не дождавшись, въ другія руки, а имъ отвели новый, неудобный по положенію участокъ, безъ лѣса, вдали отъ воды. Между тѣмъ подошло зимнее время, холода, ни крыши, ни пріюта, ребятишки, чужія мѣста... Они рѣшили вернуться на свое, истративъ въ дорогѣ послѣднія сбереженія и потерявъ половину дѣтей.

— Будутъ помнить новыя земли! Теперь нѣтъ, не пойдутъ, погодять, дома посидятъ,—заканчиваетъ разсказъ сына, обращаясь ко мнѣ, сѣденькій старичокъ.

Я молчу и на минуту замолкаютъ всѣ.

Мальчуганъ дразнить дѣвочку на завалинѣ, сдергивая съ нея сади платокъ. Она хнычетъ. Мать замахивается и отталкиваетъ обоихъ. Кто-то фыркаетъ и получаетъ затрещину.

Бѣлокурая дѣвушка съ выдающейся нижней челюстью—школьная учительница—возстанавливаетъ порядокъ и возобновляетъ разговоръ.

— На міру и смерть красна. Что дѣлать! Богу надо молиться. Всѣ въ одномъ положеніи.

— Всѣ теперь на одной ваканціи, — соглашается нездоровый мужикъ.—Кто и молится, и не молится. Чуваши—имъ еще

хуже нашего. Имъ всѣмъ распускные билеты дали. Куда хочешь иди, только самъ себя прокорми.

— А татары?

— Татары по русскимъ ходятъ, Христа ради просятъ.

— Невѣрные, а просятъ! — замѣчаетъ старушечій голосъ въ толпѣ.

— И не вѣришь, да попросишь. Другой большой татаринъ придетъ, да этакъ тупо, вяло говорить: „Хри-са, Хри-са“. Ну, а давѣ мальчонка-татарченокъ прибѣгалъ, такъ перекрестился крестомъ, все равно какъ крещеный, Христа ради просить.

— А татары нашимъ подають?

— Нѣ, они и своимъ не подають. Такъ, развѣ, ложечку мучицы когда, вотъ ложку, которой хлебають. А наберетъ который куски, выйдетъ въ поле, да зачнетъ по кускамъ бить, Христовъ духъ выгонять. Выйди вонъ! Выйди вонъ!

— Ишь, вѣдь, чтѣ дѣлають! Невѣрные! Душа, знать, не принимаетъ.

— Ну, а много ли, по вашему, нужно съѣсть, чтобы чело-вѣку вполне сытымъ быть? — съ дамской неопредѣленностью ставлю я вопросъ.

— Какая ѣда!

— Да и на какого ѣдока!

— Ну, на здороваго работника, чтобы пашню могъ пахать.

— На хорошаго ѣдока хлѣба фунта четыре, пять, надо.

— А если съ приваркомъ, съ кашей, напримѣръ?

— Каша-то, гдѣ-жъ она! Каша, она рубль стоитъ. Теперь ужъ это прошло, извините. Ну, съ кашей фунта три надо.

Продовольствіе идетъ мукой, по двадцати фунтовъ въ мѣсяцъ. И мы сидимъ, и благодушно разговариваемъ, и я съ любопытностью ставлю вопросы и жду отвѣтовъ на нихъ.

Темнѣетъ. Женщины съ дѣтьми отходятъ понемногу; полукругъ рѣдѣетъ. Мы встаемъ и прощаемся съ оставшимися. Нѣсколько чело-вѣкъ отдѣляются отъ толпы и провожаютъ насъ по улицѣ.

На травѣ небольшими группами, безъ шапокъ, сидятъ ребятишки, и поютъ стройно, вѣрнымъ церковнымъ напѣвомъ:

Богородице, дѣво Маріа,

Моли Бога о насъ!

Святителю отче Микѣлае,

Моли Бога о насъ!

Бѣлая группа въ вечернемъ сумракѣ выдѣляется на темной травѣ. Затихають и недалеко разносятся тихіе дѣтскіе голоса.

— А пѣсенъ не поють у васъ теперь?—продолжаю я, побуждаемая новымъ приступомъ любознательности.

— Какія пѣсни! Съ лебеды нѣшто пѣсни будутъ пѣть!

У околицы другая группа. Парни и дѣвушки сидятъ вмѣстѣ, расположившись на травѣ. Тишина и здѣсь; кажется, будто и не говоритъ никто.

Свѣтское воспитаніе является иногда на помощь въ трудныя минуты жизни. Хочется сказать что-нибудь не любезное, но хотя бы пріятное; хочется найти что-нибудь пріятное, ради другихъ и себя.

Бѣлые платки на дѣвушкахъ давно обращаютъ на себя мое вниманіе. Я не вижу пестрыхъ, здѣсь всѣ ходятъ въ бѣлыхъ, и я высказываю свое одобреніе бѣлымъ платкамъ. Они красиво обрамляютъ молодыя лица и живописно бѣлѣютъ въ темнотѣ.

— Какъ же, хорошо! У насъ носятъ, любятъ этакъ,—подтверждаетъ учительница, видимо довольная похвалой.

Я готова повѣрить собственной находчивости.

Молодой, насмѣшливый голосъ нарушаетъ эту увѣренность и подтвержденія въ любви къ скромнымъ платкамъ.

— Любятъ, какъ другихъ взять негдѣ. Бѣлые-то по гривеннику, а за пестрые и двугривенный отдашь, такъ и не полюбишь.

Я оборачиваюсь и вижу парня, сына степеннаго мужика, котораго называли мнѣ во время разговора. Меня поражаетъ его тонъ, горечь насмѣшки и взволнованный блескъ большихъ, свѣтлыхъ глазъ. Онъ вступаетъ въ споръ съ учительницей, которая настаиваетъ на своемъ.

— Неужли не нашли бы онѣ чего лучше повязать! Какая любовь, когда прямая нужда? Кто ее любилъ?

— Какъ его зовутъ?—спрашиваю я, когда провожатые удаляются и мы однѣ входимъ въ село.

— Кенсимъ. Грубый такой, съ нимъ и не связывайся. А Антонъ-то, видно, померъ,—замѣчаетъ она неожиданно, проходя мимо избы, въ которой горитъ огонекъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Свѣтъ горитъ. Теперь вѣдь не зажигаютъ, купить не на что. Гдѣ огонь—навѣрное, покойникъ.

Изъ избы доносится причитаніе.

А безчисленные небесные огни—ясныя звѣзды—свѣтятъ голднымъ и сытымъ, и спокойно горятъ въ недостигаемой вышинѣ.

XIII.

— Вы все въ Глѣбово зачастили,—говорить мнѣ Вѣра Семеновна.—А вамъ бы нужно не то. Вамъ бы нужно взять хорошую тройку, да объѣхать участокъ съ кѣмъ-нибудь, хоть со мной. Подождите, позвольте! Геніальная мысль! Пригласимте ѣхать съ нами земскаго начальника.

— Съ какою же собственно цѣлью мы будемъ приглашать его?

— А вотъ именно для поѣздки, чтобы онъ ѣхалъ съ нами. Онъ дорогу знаетъ, и добудетъ лошадей.

Геніальность практическихъ мыслей оцѣнивается по приведеніи ихъ въ исполненіе, и я не могла не признать ея, когда послѣ перваго же приглашенія, на другой день перваго знакомства, рыжая тройка является къ услугамъ нашимъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ своимъ—земскимъ начальникомъ и мѣстнымъ землевладѣльцемъ, почтеннымъ и любезнымъ Егоромъ Егоровичемъ.

Это рыхлый брюнетъ лѣтъ сорока-пяти. Подъ широкимъ пальто у него блистаютъ пуговицы начальническаго мундира, а фуражка съ кокардой и бархатнымъ околышемъ довершаетъ внушительное впечатлѣніе.

— Видѣли вы? Ужъ не облечься ли и намъ въ торжественныя одежды! Я взяла съ собой на случай ходатайствъ у губернаторовъ, исправниковъ и высокопоставленныхъ лицъ.

— Самыми высокопоставленными на этотъ разъ будемъ мы сами, и, по моему, не стоитъ. Въ такихъ случаяхъ неоцѣненная вещь — полотняный балахонъ.

— Я давно уже оцѣнила удобства этого костюма и преимущества его передъ парижскими изобрѣтеніями—шолковыми плащами, въ которыхъ отлично кататься въ Булонскомъ лѣсу и плохо ѣздить по проселочнымъ дорогамъ въ Россіи.

— Куда же мы поѣдемъ и что будемъ смотрѣть?

— А я и объ этомъ подумала. Не знаю, что будетъ показывать вамъ Егоръ Егоровичъ, а я хочу, чтобы вы видѣли Натальино.

— Чѣмъ можно поразить кого-нибудь послѣ Глѣбова? — съ искреннимъ недовѣріемъ замѣчаю я.

— Вотъ увидите!—загадочно отвѣчаютъ мнѣ, и мы втроемъ отправляемся въ путь.

На дворѣ, кромѣ тройки, запряженной въ тарантасъ, оказывается еще пара въ легкой корзинкѣ для самого Егора Егоровича, которому толщина не позволила бы помѣститься на перед-

кемъ сидѣннiи передъ дамами. Присутствiе его такимъ образомъ не будетъ стѣснять нашъ tête-à-tête, которымъ мы рѣдко пользуемся за постоянной суматохой, наполняющей дни.

Я сижу и смотрю на худощавую, миниатюрную фигурку, потонувшую въ сѣромъ балахонѣ, изъ котораго видно подъ шляпой только истомленное, худое лицо. Шляпка старая, измѣнившая форму, небрежно надѣтая. Изъ запахнутой полы выглядываетъ рука сухая и сморщенная, въ перчаткѣ, надѣтой на половину, съ продранными пальцами. Непривычно видѣть эту руку въ спокойномъ положенiи. Такъ и кажется, что она замелькаетъ сейчасъ гдѣ-нибудь по комнатамъ съ листомъ списковъ и счетовъ столовыхъ, счетами приказчика, жертвованными кафтанами или принадлежностями туалета собственныхъ дѣтей, которыя она приводитъ въ порядокъ также собственными средствами.

Вся жизнь этой женщины — ежесекундная, неперестающая суета, поражающая своимъ разнообразiемъ. Тутъ и хозяйство, и благотворительность, и шитье, и счеты, и музыка, которою она содержитъ семью. Удивительно, какъ ея хватаетъ на все въ ея годы и при наружной тѣснотѣ.

— Я признаю генiальной вашу фантазiю и ужасно рада, что мы поѣхали. По крайней мѣрѣ вы хорошо прокатаетесь и отдохнете сколько-нибудь отъ дома. Это нужно давно, — говорю я съ искренней симпатiей, которую внушаетъ мнѣ Вѣра Семеновна. Она поворачиваетъ въ бокъ голову и смотритъ на меня усталыми глазами.

— Да, правда. Завертѣлась совсѣмъ. Ужасно много дѣла.

— Зачѣмъ же вы его такъ много набираете?

— Кто же будетъ дѣлать безъ меня?

— Создайте себѣ помощниковъ.

— Не умѣю.

Нѣсколько минутъ продолжается молчанiе.

Вѣра Семеновна куритъ и вынимаетъ изъ кармана подъ балахономъ старый, обтрепанный портъ-сигаръ, взглядывая на меня въ бокъ, видимо желая и не рѣшаясь прервать молчанiе.

— Выбьетесь изъ силъ, тогда хуже будетъ, — замѣчаю я.

Она вдругъ съ живостью поворачивается всѣмъ корпусомъ и начинаетъ говорить, какъ говорятъ люди, когда прорвется что-нибудь, накипѣвшее на сердцѣ.

— Я отлично знаю, вы все видите и понимаете, и я не стану скрывать отъ васъ, — говоритъ она, затягиваясь и поправляя папиросу, плохо скрученную, пальцами, вылѣзающими изъ

перчатки. — Объясните же вы мнѣ ради Бога, почему это я всю жизнь работаю, бьюсь какъ рыба объ ледъ, и...

— Не умѣете создать себѣ помощниковъ?

— Именно. Кажется, воспитаніе и все, что окружало ихъ съ дѣтства, атмосфера труда... Боже мой! Насъ вѣдь не принуждали, бывало, а напротивъ, всѣми мѣрами удерживали отъ дѣятельности. Помню, какихъ усилій стоило добиться позволенія работать, взяться за что-нибудь, кромѣ того, что входило въ число занятій очень опредѣленныхъ такъ-называемой *барышнии*. Чего стоило получить позволеніе давать уроки, напримѣръ, первые уроки за плату! А замѣтьте, богаты мы не были никогда и лишнія деньги ни для кого не были бы лишними. Но какъ возможно! *Барышня*—и вдругъ бѣгать по городу, собирать полтинники! А для насъ-то главное было ужъ, конечно, не въ полтинникахъ, а въ томъ, что вотъ и я тоже не даромъ небо копчу, тоже приношу пользу, дѣлаю дѣло и сама могу зарабатывать деньги, *сама*, безъ помощи папашы, и братцевъ, и супруговъ. Куда все это дѣвалось теперь! Никому не нужно. Вотъ и Леличка...

— Молода она,—пробую вставить я, глядя съ искреннимъ сожалѣніемъ на взволнованное лицо бѣдной матери.

— Нѣтъ, это не молодость! Это... Не знаю, какъ сказать. Какое-то глубокое равнодушіе, скептическое отношеніе ко всему на свѣтѣ. словно будто они все уже узнали, все видѣли и слышали, и нѣчего добиваться и ничего не интересно для нихъ. Вспомните, бывало, отъ слова одного загоралось сердце, фантазія залетала Богъ вѣсть куда. А для нихъ нѣтъ и словъ такихъ, и не нужны они имъ.

— Можетъ быть, они ихъ слишкомъ рано и слишкомъ много слышали? Можетъ быть, у нихъ есть свои, другія слова?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ никакихъ. Развѣ я требую копій, повтореній? Господи! Пусть будетъ другое, свое, но пусть я почувствую на минуту энтузіазмъ, увлеченіе, заботу о другихъ, а не о самихъ себѣ. Да вотъ чего же! Теперь, въ это страшное время, здѣсь, среди всего отчаянія и ужасовъ...

— Это какъ на войнѣ. А la longue, люди привыкаютъ, становятся менѣ чувствительны.

— Нѣтъ, не то, не то! Боюсь, что это... обратная волна. Знаете, бываетъ, чѣмъ дальше захлеснетъ, тѣмъ дальше откатится назадъ вполнѣдствіи. Вы посмотрите на нихъ, какъ они относятся теперь хотя бы къ крестьянамъ, къ простому люду. Уже одно это всеобщее „ты“, которое рѣжетъ мнѣ уши.

Вѣра Семеновна сама говоритъ мужикамъ „вы“ всѣмъ безъ исключенія.

— Вспомните, вѣдь намъ даже это „вы“ далось не безъ труда, не безъ жертвъ, если хотите.

— Можетъ быть, въ этомъ и разгадка всего,—говорю я.

Она молча вздрагиваетъ и смотритъ на меня расширенными глазами.

— Люди—худо ли это, или хорошо, но такъ ужъ они созданы, что цѣнять только то, что пріобрѣтаютъ сами трудомъ и жертвами. А тутъ какъ разъ жертвы не было. Хорошія слова поднесены были цѣликомъ, даромъ, готовыми для нихъ, и ничего для себя не потребовали...

— Позвольте, но вѣдь это отрицаніе прогресса въ такомъ случаѣ. Прогрессъ невозможенъ при этихъ условіяхъ. Нужно идти впередъ или...

— Или ѣхать... Простите за каламбуръ! Что-то случилось, что мѣшаетъ намъ ѣхать впередъ... А вотъ и самъ Егоръ Егоровичъ.

Кавалеръ нашъ выпрыгиваетъ изъ экипажа съ легкостью, которую трудно предположить при его тѣлосложеніи, и обращается съ вопросомъ:—угодно ли намъ для начала видѣть русскую или татарскую деревню?

— Ну ее къ Богу, татарву несносную. Это Лямино! Я узнаю церковь. Тутъ есть столовая. Поѣдмте!—говоритъ Вѣра Семеновна.

Я соглашаюсь, заявляя, однако, желаніе видѣть также и татарскія деревни. Помимо этнографическаго интереса, нельзя же лишать людей помощи изъ-за того, что у нихъ крикливые голоса и отвислыя уши.

Но помощь, помощь! Гдѣ взять ее для такого количества?

Въ какія-нибудь пять минутъ населеніе окружаетъ насъ сплошнымъ хороводомъ. Очевидно, здѣсь, какъ и въ Глѣбовѣ, сидятъ безъ дѣла на улицѣ и сбѣгаются при первыхъ звукахъ подѣзжающаго экипажа. Видимо, всѣ находятся въ возбужденіи. На этотъ разъ есть, впрочемъ, другая причина. Идутъ переговоры и совѣщанія еще до пріѣзда нашего. Два дня тому назадъ закрыта столовая.

Владѣлецъ Лямина — петербургскій господинъ — высылалъ раньше деньги на продовольствіе приказчику и отказался присылать, мотивируя отказъ наступленіемъ теплаго времени.

— Что же, нѣштъ тепломъ сыти будемъ!

— То бились, худо было, а теперь, видно, ложись да уже и не вставай.

— Какъ не встать! Пахать-то кто же будетъ?

— Что же вы намѣрены дѣлать?—спрашиваю я по-французски нашего спутника, который, въ распахнутомъ пальто съ сіяющими пуговицами, стоитъ посреди толпы, вытирая платкомъ вспотѣвшее лицо.

— Что же я могу!..

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ этотъ человѣкъ—добродушный и мягкотѣлый, чуждый этой толпѣ по стольку же, какъ и она чужда ему? Онъ обводитъ всѣхъ безпомощными взглядами и обмахивается фуражкой съ околышемъ. Рядомъ идетъ оживленное объясненіе относительно англійской помощи.

Уже не недовѣріе, а отсутствіе интереса замѣчаю я на лицахъ слушателей. Англійская или русская—безразлично, но нужна помощь теперь, немедленно, а мы не рѣшаемся общать ее и уѣзжаемъ неловко, не договорившись ни до чего, понапрасну потревоживъ людей и возбудивъ надежды, удовлетворить которыя не имѣемъ возможности.

— Матужка! Хошь бы на ребятенюкъ малость, вотъ на этакенькихъ!—говоритъ женщина, выдвигая передъ собою мальчугана съ большимъ животомъ и темными подглазинами.—Кормильцы вы наши!

— Пишите въ Питеръ скорѣе черезъ приказчика!—заключаетъ объясненія Вѣра Семеновна.

— Эхъ, пиши не пиши, конецъ, видно, все тотъ же!—слышится голосъ изъ толпы. Всѣ снимаютъ шапки, провожаютъ насъ молчаливыми поклонами...

— Знаете, это Богъ знаетъ что! Это нехорошо вышло!—говорю я въ смущеніи, сядя въ экипажъ и чувствуя неловкость, какъ послѣ сдѣланнаго дурного поступка.—Этакъ, пожалуй, я откажусь отъ дальнѣйшихъ посѣщеній.

— Что же дѣлать! Невозможно! Нѣтъ, поѣдемте... Все равно, они бы завтра пришли.

— Ну, когда „они“ придутъ—это другое дѣло. Разъ нечѣмъ помочь, по-неволѣ приходится отказать. А тутъ пріѣхали сами... Ужасно совѣстно.

— А замѣтили вы, какъ они покорно приняли отказъ? Удивительно! Татары—другое дѣло, вотъ увидите. Они такъ не выпустили бы насъ.

Егоръ Егоровичъ называетъ нашему кучеру татарскую деревню, и вскорѣ его пара обгоняетъ насъ. При въѣздѣ онъ со-

скакиваетъ опять съ легкостью резиновой игрушки и обращается съ вопросомъ: съ чего намъ начать обзоръ?

Въ глаза мнѣ бросается избушка-одноглазка безъ крыши, четырехугольный, потемнѣлый отъ времени ящикъ, словно брошенный и забытый кѣмъ-то у дороги.

Колокольчика нѣтъ, мы въѣзжаемъ тихо. Никто не успѣлъ еще замѣтить насъ.

Я иду на удачу, отворяю дверь и останавливаюсь на порогѣ.

Во внутренности ящика полу-темно, несмотря на яркое освѣщеніе снаружи. Свѣтъ входитъ въ крохотное отверстіе, заросшее грязью. Я вижу татарскія низкія палаты, служація вмѣстѣ постелью, столомъ и сидѣньемъ, и на нихъ лежащую фигуру, видимому женскую.

Подхожу ближе; фигура подаетъ признаки жизни и поворачиваетъ голову.

Это—старуха, сѣдая, зеленая, отвратительная, ужасная. Тряпица сбилась съ головы ея, космы вытрепались, грудь раскрытая. Она хрипитъ и мычитъ что-то невнятное, по-татарски.

Но уже комната наполнилась посѣтителемъ. Узкоглазые татарскія лица виднѣются въ окнѣ, въ дверяхъ. Переводчикъ-кучеръ даетъ объясненіе.

Старуха оставлена умирать, осуждена на смерть.

Она—вдова, одна пережила всѣхъ близкихъ. Единственный сынъ ея, малый 18-ти лѣтъ, пропалъ недѣлю тому назадъ, ушелъ и бросилъ ее. Съ тѣхъ поръ она не ѣла ничего. Помочь ей нечѣмъ, пожалѣть некому, всѣ сами бѣдствуютъ.

Все это говорится съ совершенною простотой, какъ бы дѣло шло о самомъ обыкновенномъ явленіи, и даже въ объясненіи поступка сына не слышно ни малѣйшаго неодобренія. Побился пока былъ хлѣбъ, потомъ принесъ воды въ черепкѣ и айда—пропалъ безъ вѣсти.

Кромѣ черепка и палатей нѣтъ ничего, совсѣмъ ничего, пусто и голо. Крыша снята, и въ оставшихся четырехъ стѣнахъ безъ свидѣтелей заканчивается послѣдній актъ человѣческой трагедіи.

Мы являемся непредвидѣнными нарушителями ея хода и отсрочиваемъ малодушно роковое окончаніе.

Я выхожу изъ избы, посылаю за хлѣбомъ.

Хлѣбъ находится тутъ же въ деревнѣ у богатаго татарина, по 5-ти копѣекъ за фунтъ, но хорошій хлѣбъ, свѣжій и выпеченный. Вѣра Семеновна подходитъ къ старухѣ и кладетъ разрѣзанные куски на палаты подлѣ нея. Мы ожидаемъ, что она вскопитъ, набросится на ѣду, начнетъ ѣсть съ жадностью.

— Обезсилѣла, мочи нѣтъ, — поясняетъ другой, русскій ку-черъ, ѣздившій за хлѣбомъ.

Старуха поднимаетъ руку на вершокъ и опускаетъ ее на хлѣбъ, не произнеся ни одного звука.

— Все равно умереть. Вѣроятно, у нея и хлѣбъ отнимутъ сейчасъ же, какъ только мы отѣдемъ, — замѣчаетъ земскій начальникъ.

— Такъ что мы не можемъ даже утѣшить себя мыслью, что продлили агонію.

— Ахъ, какія утѣшенія!

Всѣ мы взволнованы и не умѣемъ скрыть этого.

На улицѣ обступаетъ насъ татарскій таборъ.

Лохмотья и рубища встрѣчаются теперь на каждомъ шагу, и даже состоятельные мужики не позволяютъ себѣ въ дни бѣдствія щегольства хорошей одеждой, опасаясь навлечь немилость Божію, — но все же татарскія одѣянія превышаютъ всякое вѣроятіе. Это какой-то сборъ развѣвающихся пестрыхъ лоскутковъ, которые держатся только у ворота, оставляя болѣе или менѣе открытыми остальные части тѣла. Къ намъ подъ окна является какой-то татарскій амуръ, лѣтъ шести приблизительно, въ томъ костюмѣ, въ которомъ изображали художники амуровъ греческихъ. Мы надѣваемъ на него жертвованную холщевую рубаху и на другой день находимъ у дверей уже цѣлый отрядъ дѣтей въ томъ же одѣяніи, замѣнить которое не имѣемъ возможности, и прогоняемъ ихъ вонъ, возбуждая ропотъ и ругательства русскія и татарскія.

Толпа растетъ съ каждою минутою. Слышны крики и голоса, назойливыя, неотступныя требованія.

— Больной ходишь, бариня? Заходи, больной есть. Есть больной, бариня, — говорятъ они, коверкая русскій языкъ, хватаютъ за платье, за руки, ведутъ и тащатъ за собой.

Начальникъ черезъ переводчика объясняетъ, что пріѣхалъ узнать, много ли хлѣба еще остается у нихъ.

— Мука должна быть, — объясняетъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — До перваго числа далеко. Но они въ этомъ отношеніи несравненно хуже русскихъ. Они не въ состояніи вести расчетливо продовольствія: въ первые дни поѣдаютъ все, а затѣмъ побираются, или умираютъ съ голоду. Чуть гроши какіе-нибудь завелись, сейчасъ покупаютъ чаю и сахару, а хлѣба, напротивъ, не ѣдятъ уже Богъ знаетъ съ какого времени.

— Чѣмъ же они питаются?

— Салмою. Вонъ дымокъ въ трубѣ, варятъ что-нибудь. Не

удовно ли взойти? По крайней мѣрѣ найдемъ, что застанемъ, безъ предупрежденія.

— А развѣ были случаи?

— О, они на это мастера. Таковую комедію разыграютъ, что хоть бы актерамъ настоящимъ. Припасы запрячутъ, сами прикинутся больными.

Мы входимъ.

Снаружи татарскія избы ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ. Внутри низкія, широкія нары, на которыхъ сидятъ, поджавъ ноги, и нигдѣ нѣтъ столовъ. У богатаго торговца татарина мнѣ случилось какъ-то найти столъ крашенный и даже полированный; онъ стоялъ въ сторонѣ, очевидно безъ употребленія, густо подернутый пылью, а семейство комфортабельно распивало чай, сидя съ ногами на нарахъ вокругъ жестяного чайника съ кирпичнымъ чаемъ, съ позолоченными, пестрыми чашками въ рукахъ.

Салма—родъ лапши изъ ржаной муки, которую варятъ въ водѣ, заправляя по возможности масломъ, или саломъ, или ничѣмъ. Она имѣетъ то преимущество передъ хлѣбомъ, что ее можно сдѣлать изъ какого угодно количества муки, и представляетъ собою, кромѣ того, теплую пищу, а въ случаѣ примѣси конины, даже и довольно питательную. Конина вообще, по словамъ мѣстныхъ жителей, служила за все время хорошимъ подспорьемъ для татарскаго населенія. Русскіе были лишены его и ни разу, кого я ни спрашивала, не соблазнились дешевой убойной, предпочитая сбывать ее чуть не даромъ въ татарскія деревни.

Мы застаемъ хозяйку-татарку—съ расшитой грудью, въ платкѣ, повязанномъ двумя углами, въ видѣ покрывала, —за стряпнею у печи.

Большая, обмазанная мѣломъ печь на первый взглядъ не отличается отъ нашей, но на шесткѣ устроено приспособленіе для костра изъ мелкихъ прутьевъ, надъ которыми виситъ котелокъ.

Кучеръ-татаринъ сопровождаетъ насъ и переводитъ просьбу показать, что готовится въ котелкѣ.

Мы подходимъ ближе и видимъ мелко искрошенную зелень въ водѣ и повидимому ничего другого.

Изъ разспросовъ оказывается, что варится салма, но уже не въ видѣ лапши, для которой требуется все еще слишкомъ большое количество муки, а по новому, упрощенному способу: берется картофельная ботва—зеленый листъ взопевшаго въ полѣ картофеля, рубится мелко, посыпается мукой, кипятится—и кушанье готово.

Отвѣдать его мы не рѣшаемся.

На дощечкѣ—слѣды изрубленной зелени, въ красной деревянной чашкѣ—горсти двѣ муки, приготовленной для подправки. На нарахъ—жестяной чайникъ, и двѣ дѣтскія фігуры сосредоточенно смотрять, сидя съ подвернутыми ногами.

— Неужели же это простой картофельный листъ?—съ сомнѣніемъ спрашиваю я.

Меня мигомъ хватаютъ за руку, ведутъ изъ избы на поле на задахъ и показываютъ полосу картофеля.

Нужно бережно ошипывать листья, съ разборомъ, чтобы не повредить самое растеніе, такъ что и въ этомъ случаѣ нельзя позволить себѣ неосторожной роскоши. Люди понемногу превращаются въ травоядныхъ, ѣдятъ корни и разыскали какую-то лѣсную картошку, которая была весной и теперь перевелась уже, вся съѣдена, такъ что мы не можемъ составить себѣ о ней понятія.

Егоръ Егоровичъ объясняетъ намъ, что принужденъ былъ посадить двухъ татаръ изъ этой деревни за кражу со взломомъ, такъ что дѣло пойдетъ уже не къ земскому начальнику, а въ окружной судъ. Забрались ночью въ лавку къ богатому татарину и не тронули ничего, кромѣ хлѣба, который схватили и думали унести, но не успѣли и пойманы съ поличнымъ. Большинство дѣлъ за послѣднее время въ этомъ родѣ: преступленія противъ собственности, кражи съѣстного, хлѣба, зерна.

Переводчику-кучеру стоитъ труда объяснить цѣль нашего посѣщенія. Волей-неволей приходится заходить еще въ дома, осматривать и выслушивать здоровыхъ и больныхъ. Находимъ цингу въ слабой степени и приказываемъ придти за лекарствомъ въ Липовку, но являются новые больные, новыя жалобы, новыя требованія. Насъ буквально осаждаютъ, теребятъ за рукава, хватаютъ за плечи, тащатъ за платье, и только присутствіе земскаго начальника спасаетъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій.

— Хлибъ нѣтъ! Ашатъ нѣтъ! Ашатъ!..—громко, съ угрожающимъ выраженіемъ раздается вокругъ экипажа, къ которому протягиваются худыя, цѣпкія руки, какъ бы съ намѣреніемъ стащить насъ съ сидѣнья.

Кучеръ хлещетъ по лошадямъ, тарантасъ срывается съ мѣста, но толпа бѣжитъ за нимъ и долго еще раздаются крики и вопли:

— Хлибъ нѣтъ! Ашатъ!.. Ашатъ!

XIV.

— Чтò я вамъ говорила! Теперь видите разницу и не будете упрекать меня въ пристрастіи,—говорить Вѣра Семеновна съ негодующимъ видомъ и откидывается къ спинкѣ тарантаса.

— Я думаю, и вы устали? Да, сцена была ужасная, но для меня ужасно не то. Ахъ, совсѣмъ не то! Это единичный случай, но вотъ дойти до этого состоянія... Этому умному, хорошему, терпѣливому народу—дойти до этого состоянія, потому что они вѣдь въ гораздо худшемъ состояніи, хоть и не визжать, и не кривляются, какъ тѣ. У татаръ вѣдь и больше земли.

— Вы думаете, все дѣло въ землѣ?

— А въ чемъ же? Неужели для васъ неясно до сихъ поръ? Корень и основаніе всего—дарѣнка проклятая, малый надѣлъ.

— Да, но голодъ вѣдь одинаковый вездѣ, независимо отъ надѣловъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Вы взгляните попристальнѣ. Здѣсь у насъ хорошо наблюдать, это—своего рода наглядное обученіе. Двѣ деревни случается видѣть рядомъ, и вѣдь все—люди, лица, голоса—въ нихъ различные. Тамъ хозяйство и здѣсь хозяйство, тамъ и здѣсь нужда, но какая же разница! Тамъ сейчасъ видно, что это бѣдствіе временное. Ну, тяжело, трудно пережить этотъ годъ, но переживутъ, и на лѣто—дастъ Богъ урожай—поправятся и заживутъ лучше прежняго. А здѣсь—гибель, разоренье, конецъ всему. Положеніе до того натянутое и въ обычное время, что малѣйшаго толчка довольно для того, чтобы все прахомъ пошло.

— А за границей земля еще болѣе раздроблена, и однако мы не слышимъ о подобныхъ бѣдствіяхъ,—говорю я, цитируя по памяти читанныя изреченія.—Все дѣло въ томъ, что культура выше.

— Такъ дайте же прежде что-нибудь, культуру или землю, и затѣмъ спрашивайте послѣ крѣпостного-то права...

— Даемъ, чтò можемъ, гроши и столовые, и стоимъ съ пульверизаторомъ у пожара.

Вѣра Семеновна скрещиваетъ руки, но тотчасъ же разнимаетъ ихъ, продолжая жестикулировать.

— Не думайте, чтобы я не понимала. Я-то ужъ не дѣлаю себѣ иллюзій относительно своей дѣятельности. Но что же дѣлать, разъ попалъ сюда и въ остальномъ чувствуешь свое безсиліе? Это одно только и остается. Нѣтъ, не говорите; все же я рада,

что вы пріѣхали, и теперь не чувствую себя такой одинокой. Молодежь моя...

„Спать то же! Видно, это сильно беспокоить ее“, — думаю я, съ сожалѣніемъ отрываясь отъ вопросовъ общаго характера, въ которыхъ многое еще неясно мнѣ.

— Боюсь, что вы слишкомъ близко принимаете къ сердцу. Придетъ время...

— Нѣтъ, не придетъ. Всѣ расчеты мои оказываются неудачными. Эта фельдшерица... Вы замѣтили ее?

— Я замѣтила бы ей на вашемъ мѣстѣ, чтобы она подобрала свои рукава, и простила бы ей остальное.

— Нѣтъ, тутъ есть нѣчто поважнѣе рукавовъ, и что не такъ легко прощается. Боюсь, что я сдѣлала ошибку, пригласивъ ее, и обѣ онѣ имѣютъ дурное вліяніе на Лелечку.

Лелечка—цвѣтущая, рослая, хорошенькая дѣвушка 19-ти лѣтъ; желаніямъ ея покоряется весь домъ, и, насколько я понимаю дѣло, скорѣе она оказываетъ свое вліяніе, нежели находится сама въ зависимости отъ чьего-нибудь посторонняго. Но материнское сердце слѣпо по обыкновенію и готово обвинить всѣхъ, кромѣ истинныхъ виновниковъ.

— Случилось какъ разъ обратное тому, на что я рассчитывала,—продолжаетъ она:—Не только нѣтъ благотворнаго примѣра, а напротивъ, самое грубо-практическое, ремесленное отношеніе къ дѣлу, безъ малѣйшаго идеализма, безъ сознанія своей миссіи. Вдвоемъ онѣ съ Анной Ивановной...

— Кто она, эта Анна Ивановна?—спрашиваю я, въ первый разъ заинтересовываясь безцвѣтной особой, которую вижу каждый день съ завитыми кудерьками на лбу и умными книжками въ рукахъ.

— Мы въ дальнемъ родствѣ. Она также родственница этого господина и на тѣхъ же правахъ проводить здѣсь лѣто, хотя у нея собственное имѣніе въ двухъ шагахъ, самое знаменитое—Натальино, которое я хочу показать вамъ. Удивительное существо человѣкъ! Какія только противорѣчія ни уживаются въ немъ!

Дальнѣйшія разсужденія прерываетъ появленіе Егора Егоровича. Онъ рѣшительно желаетъ превзойти самого себя. Послѣ русскихъ и татаръ, онъ показываетъ мнѣ чувашей, требуетъ принести посмотреть старинный мордовскій костюмъ, единственный сохранившійся въ обрусѣлой деревнѣ. Но костюмъ, оказывается запертымъ у старухи, которая приготовила его себѣ на смерть; ея нѣтъ дома, и намъ приходится ограничиться разговоромъ съ чувашами. Они понимаютъ по-русски и на видъ несравненно пріятнѣе татаръ.

Мы объѣзжаемъ еще нѣсколько деревень различныхъ національностей, выходимъ изъ экипажей, разспрашиваемъ и разсуждаемъ. Общая картина вездѣ одна и та же: плохая стройка, разоренные и сожженные дворы, ворота, безобразно торчашія на голомъ мѣстѣ, безъ связи съ остальнымъ строеніемъ.

Кромѣ жалобъ на скудное продовольствіе, главная жалоба, повторяющаяся повсюду—на отсутствіе лошадей. Мы слышимъ ее каждый день и у себя въ Липовкѣ, и въ Глѣбовѣ. Пахать нечѣмъ, пашня стала, въ виду—сѣвъ. Не посѣять—нечего будетъ „ашать“—ѣсть—и въ будущемъ году. Лошади вздорожали сравнительно меньше, нежели можно было ожидать. Въ продажѣ есть, начиная отъ 15 рублей, а за 25 находятся уже порядочныя и способныя къ работѣ. Остановка за однимъ—денегъ нѣтъ. Страшно тронуть послѣдніе рубли на что-нибудь, кромѣ хлѣба, въ виду угрожающихъ слуховъ: столовыя закрываются вездѣ къ 1-му іюля!

Егоръ Егоровичъ время отъ времени удаляется въ сторону, въ сопровожденіи муллы или старосты, и мы видимъ, какъ онъ переминается, пожимаетъ плечами и дѣлаетъ жесты, означающіе, по всему вѣроятію, что ничего сдѣлать нельзя, нѣтъ помощи, послѣ чего усаживается въ свою корзинку, и мы ѣзжаемъ, сопровождаемые покорнымъ молчаніемъ или непокорными криками.

Между тѣмъ на небѣ собирается нѣчто, обещающее грозу и ливень, если только все не разразится сухою бурей, какія бывали уже не разъ за время моего пребыванія.

На горизонтѣ появляется обыкновенно узкая, темная полоска и на глазахъ ширится и растетъ съ неимоверною быстротой. Сводъ небесный, за минуту безоблачный, не покрывается облаками—имъ взятыя не откуда—а какъ-то сразу мѣняется цвѣтъ свой, словно перстью земною затемняется мгновенно лазурь неба. Наступаетъ темнота. Тучи пыли срываются съ голыхъ полей и несутся вихремъ, ничѣмъ не задерживаемыя, съ зловѣщимъ посвистомъ, съ вражьей силой. Буря начинается и заканчивается безъ единой капли дождя, и только пыльные и песчаные, неровные, напоминающіе языки пламени, налеты на поляхъ обозначаютъ мѣста, по которымъ прошелъ ураганъ.

На этотъ разъ картина, однако, измѣняется. Съ утра плаваютъ въ раскаленномъ воздухѣ плотныя и бѣлыя, какъ комки гигроскопической ваты, мелкія облака. Они соединились и образуютъ тучу, настоящую грозовую тучу, которая должна разразиться дождемъ...

Но поѣздка наша окончена. Егоръ Егоровичъ любезно откла-

нивается, сопровождаемый заявленіями благодарности съ нашей стороны за любезность, за сопровожденіе, за экипажъ и лошадей. Послѣднихъ, съ дозволенія его, мы удерживаемъ при себѣ еще на нѣкоторое время, чтобы посѣтить Натальино по дорогѣ къ дому, до котораго остается не болѣе десяти верстъ.

— Разумѣется, дай Богъ, но непріятно, если начнется въ дорогѣ,—говорить Вѣра Семеновна, поглядывая на небо. Она, также какъ и я, не любитъ грозы.

Мы успѣваемъ доѣхать въ-время.

Черная туча медленно ползетъ со стороны заката, затемняя и скрадывая лучъ за лучомъ.

Экипажъ вѣзжаетъ во дворъ усадьбы, и въ ту же минуту съ татарской живостью Вѣра Семеновна беретъ меня за руку и увлекаетъ за собой.

— Пойдемте! Скорѣй! Теперь мы въ безопасности. Начнется гроза—добѣжимъ до дому. Деревня рядомъ. Идемте скорѣе.

Я покорно иду и внимательно осматриваюсь. Близорукими глазами въ надвигающейся темнотѣ я разглядываю одну избу, потомъ—другую, но деревни нѣтъ, и зная по опыту, что понятія о разстояніи различны для различныхъ людей, я останавливаюсь и спрашиваю: — гдѣ же деревня?

Моя спутница поворачиваетъ голову. Глаза ея блестятъ насмѣшливымъ торжествомъ.

— Передъ вами — Натальино.

Я оглядываюсь и только тутъ обращаю вниманіе на безформенныя возвышенія, мимо которыхъ проносился взоръ, отыскивая знакомыя очертанія строеній и избъ.

Мы перебѣгаемъ дорогу, подходимъ вплотную—и я останавливаюсь пораженная. Никакія предупрежденія не могли приготовить меня къ дѣйствительности.

Прежде всего я не могу дать себѣ отчета въ томъ: чтѣ это?

На голомъ пустырѣ разбросаны темныя кучи, не землянки и не избы, нѣчто составное, смѣшанное изъ земли съ остатками лѣса, нѣчто, чтѣ было когда-то избою и осталось человѣческимъ жилищемъ, для котораго языкъ человѣческій не подобралъ еще наименованія. Глѣбовскія „одноглазки“ остаются далеко позади. Дальше идти некуда. Дальше—„образъ звѣриный“.

— Ну, я довольна впечатлѣніемъ, — говоритъ Вѣра Семеновна. — Что же вы стоите? Гроза надвигается. Пойдемъ.

— Куда же мы пойдемъ?

Какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ и въ дополненіе впечатлѣнія

провисшая дверь логова отворяется, изъ него выползаетъ и приближается къ намъ человѣческое существо.

Я съ трудомъ удерживаюсь отъ восклицанія, но спутница моя узнаетъ женщину.

— Марѳа, это вы?

— Я, матушка. Услыхала, проѣхали вы, встала черезъ силушку. Мочи моей нѣтъ, сударыня, изъ силъ выбилась. Молю у Господа смертнаго часа, послать по душу,—не посылаетъ Господь.

Мы всѣ трое садимся на траву, и я ближе всматриваюсь въ больную. Не ужасъ, какъ было нѣсколько часовъ тому назадъ передъ умирающей татаркой, а жалость невыразимая переполняетъ душу при видѣ блѣднаго лица съ слѣдами бывлой красоты, въ рамкѣ чистаго бѣленькаго платка, аккуратно заколотога подъ подбородкомъ; жалкія, дрожащія руки въ браслетахъ изъ опухолей, слятся что-то еще подправить, устранить какой-то безпорядокъ въ туалетѣ, стѣсняющій при видѣ постороннихъ людей. Болѣзнь — по всему вѣроятію, ревматизмъ застарѣлый и мучительный; на ногахъ — тѣ же опухоли, круглыя, охватывающія браслетами; на спинѣ — пролежни, во рту — цинга.

— Что ей давали?

— Не знаю. Вѣроятно, tinkтуру и салицилку. И приходится потѣть въ этой норѣ.

Вѣсть о нашемъ прибытіи успѣла между тѣмъ распространиться, и жители выходятъ изъ своихъ логовищъ, запуганные и угрюмые, съ видомъ звѣрей, которые живутъ подъ страхомъ вѣчной опасности.

Потому ли, что виситъ гроза, по другой ли причинѣ, но общаго разговора не затѣвается, какъ бывало до сихъ поръ вездѣ и каждый разъ.

Старый мужикъ жалуется на кашель и безъ обиняковъ проситъ двугривенный на перцовку. Молодой мужикъ, съ дикими, безпокойными глазами, переминается на мѣстѣ, видимо хочетъ сказать что-то и не рѣшается.

Я указываю на него Вѣрѣ Семеновнѣ. Она вглядывается и узнаетъ знакомаго.

— Что вамъ нужно, Титъ? Сестра больна? Что же вы не говорите? Сейчасъ придемъ.

— Ужасно они здѣсь дики, — говоритъ она, поднимаясь съ мѣста. — Вообразите, онъ такъ стѣснялся сказать потому именно, что больная не мать, не жена, а всего только сестра ему. Совѣстно беспокоить изъ-за такой малости. Чтò такое для нихъ сестра?

Мы не рѣшаемъ этого вопроса и отправляемся втроемъ.

Я на минуту задумываюсь передъ тѣмъ, какъ войти въ избу.

Нижніе вѣнцы вросли въ землю, верхніе покривились, видна щель надъ окномъ. Крыши нѣтъ. Беспорядочный ворохъ на потолкѣ снесло на сторону; пожалуй, отъ толчка въ дверь разлетится весь домъ.

Мужикъ идетъ впередъ, но тотчасъ же возвращается, прося обождать малость, пока уберетъ коня.

Только тутъ я замѣчаю пристройку къ наружной стѣнѣ со стороны входной двери. Она сдѣлана изъ „самановъ“, саманныхъ кирпичей, изъ которыхъ здѣсь часто строятъ заборы и помѣщенія для скота. На этотъ разъ помѣщается всего одна лошадь въ узкомъ ящикѣ, играющемъ роль сѣней и устроенныхъ такъ, что попасть въ избу можно или пройдя подъ брюхомъ лошади, или же выведя наружу коня.

Въ избѣ полъ земляной, въ углу—образа, и вообще пріютнѣе, нежели можно было ожидать по наружному впечатлѣнію. На лавкѣ сидитъ дѣвушка въ бѣломъ платкѣ и помѣшиваетъ что-то ложкою въ деревянной чашкѣ, которая стоитъ передъ нею на столѣ.

Перваго взгляда даже и неопытнымъ глазамъ достаточно, чтобы увидать чахотку въ крайнемъ развитіи. Кашля нѣтъ, но страшные, kloкочущіе звуки въ груди, затрудненное дыханіе, смертельная худоба, блѣдность и 40° жара въ головѣ и въ рукахъ.

— Боюсь, какъ бы она не умерла сейчасъ, здѣсь, на глазахъ у насъ,—говоритъ по-французски Вѣра Семеновна.

— Что это вы пьете? Кто далъ лекарство?

Больная молчитъ, отворачиваясь, и вытираетъ губы концомъ платка.

Братъ отвѣчаетъ за нее:

— Дали въ Липовкѣ.

— Да вѣдь это креозотъ! Посмотрите, понюхайте. Навѣрное. Господи, и принимаетъ въ водѣ!—говоритъ она съ такимъ ужасомъ, какъ будто бы зло всего міра было въ этой водѣ.

— Развѣ не приказали принимать въ молоко? Развѣ Артемій не даетъ молока?

Запекшіяся, помертвѣлыя уста раскрываются и тихій шопотъ слышенъ въ избѣ:

— Даютъ. Не пожелалось. Постъ нонѣ.

Дальше не слышно...

XV.

— И вы называете ихъ дикими! — говорю я, когда способность говорить возвращается ко мнѣ послѣ слезъ, которыя я выплакиваю въ пустой комнатѣ подъ грохотъ бури и шумъ ливня, заливающего стекла.

Вѣра Семеновна не отвѣчаетъ мнѣ. Она лежитъ на диванѣ и жмурится отъ молніи.

Удары грома оглушительные, такъ что каждый разъ кажется, будто разлетится въ щепки ветхій домишко. Молніи освѣщаютъ комнату, по всему вѣроятію, гостиную, со старинной мебелью, съ букетами на обояхъ. Мелкія вещи въ безпорядкѣ разбросаны по столамъ, свидѣтельствуя о недавнемъ пребываніи кого-то.

Дамская шляпка бросается мнѣ въ глаза, модная еще недавно и сравнительно свѣжая, небрежно брошенная въ пыли на угловомъ столикѣ.

„Цѣны этой шляпы было бы достаточно, чтобы прокормить мѣсяцъ Марѳу, больную дѣвушку и ея брата“, — думаю я, съ ненавистью глядя на шляпку, и на другую — свою собственную, и на собственное отраженіе въ пыльномъ зеркалѣ напротивъ стола.

„Нѣтъ, уйти нужно, убѣжать отсюда. Помочь невозможно, смотрѣть равнодушно нельзя. Ничего, кромѣ злобы, не возбуждаетъ это сознаніе безсилія, — злобы даже противъ тѣхъ, кому хотѣлъ бы добра. Безтолковая, нелѣпая роль, продолжать которую унижительно. Чтѣ они должны думать о нашихъ вопросахъ, посященіяхъ и грошахъ, которые мы распредѣляемъ съ торжественностью, съ аптекарскимъ расчетомъ, чтобы копѣйка, предназначенная Семену, не попала случайно Петру? Вся разница между обоими — въ томъ, что у одного уцѣлѣла корова, а у другого есть телка, но зато есть и овца. Мы назначаемъ пособіе въ тѣхъ случаяхъ, когда не уцѣлѣетъ ни телки, ни коровы, ни овцы. Мы являемся во время агоніи посмортѣть муки голодной смерти, которую не умѣемъ предупредить“...

— Полноте! Я не хочу слушать. Это ребячество. Если нельзя сдѣлать всего, это еще не значить, что нужно опустить руки и ничего не дѣлать, — говоритъ Вѣра Семеновна, вставая съ мѣста и почти ощупью переходя комнату. — Каковъ ливень! Онъ одинъ сдѣлаетъ больше, нежели мы всѣ, но это нисколько не избавляетъ отъ дѣла и насъ. А у меня, кажется, счастливая мысль...

— Какъ могли они дойти до этого?—спрашиваю я, съ тоскою глядяваясь въ мокрыя стекла, за которыми хочу разсмотрѣть очертанія наталинскихъ норъ.

— Что же! это въ своемъ родѣ также послѣдняя степень развитія болѣзни—малоземелья,—говоритъ учительскимъ тономъ Вѣра Семеновна.—Я говорила вамъ и не даромъ привезла васъ сюда. А какъ они дошли... Вотъ онъ вамъ, пожалуй, расскажетъ лучше моего. Артемій, это вы?..

— Огоньку не прикажете ли?—спрашиваетъ мужской голосъ, и въ комнатѣ появляется высокая фигура въ темномъ и останавливается у порога.

— Кто это?

— Здѣшній приказчикъ.

— Нѣтъ, огня не нужно. Разъясните сейчасъ. Садитесь, посидите съ нами. Вотъ барыня любопытствуетъ, какъ это разстроилось такъ ваше Наталино.

— Устройства настоящаго не было. Не долго и разстроиться.

— Что же, погорѣли? Пожаръ былъ?—спрашиваю я.

— Пожару не было. Когда бы погорѣли, все бы какая ни на есть стройка свѣжая была. А то видали, небось: труха.

— Не безопасно, я думаю, для житья: завалятся, того и гляди.

— Да и заваливаются. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ у Петрухи, изволите знать, завалилась матица. Старуха-то бабка отскочила, поспѣла, младенца съ зыбкой въ сторону отбросило, а двоихъ ребятинокъ еле живыхъ изъ-подъ земли вытащили.

— Какъ же вы живете такъ?

— Податься некуда.

Дождь прошелъ. Прояснилось. Блѣдная заря освѣтила комнату, и я могу разглядѣть собесѣдника.

Это высокій мужикъ богатырскаго сложенія, несмотря на худобу, съ орлинымъ профилемъ и природнымъ достоинствомъ въ осанкѣ и рѣчахъ. Изъ-подъ темныхъ бровей и волосъ, расчесанныхъ на прямой проборъ, смотрятъ узко-составленные, темные глаза. Говоритъ онъ неторопливо и спокойно, сидитъ въ гостиной въ креслѣ такъ, какъ будто бы вѣкъ иначе не сидѣлъ. А родился и прожилъ жизнь здѣсь, въ этихъ норахъ!

— Можете себѣ вообразить, — они всей деревней переведены на продовольствіе изъ суммъ благотворительныхъ, безъ отдачи слѣдовательно. Земской ссуды не получаетъ никто. А просто имъ раздаютъ каждому поголовно по фунту хлѣба въ день, —объясняетъ Вѣра Семеновна.—Насколько я знаю, это примѣръ

единственный, и Аннѣ Ивановнѣ стоило хлопотъ устроить эту комбинацію. Но ничего другого не оставалось. Уплатить ссуды они бы никогда не могли.

— Вы бы попробовали переселиться,—говорю я, предлагая свою панацею для того только, чтобы услышать отвѣтъ.

— Переселиться—деньги надобны. Теперешнее время взять негдѣ. Раньше было дѣло.

— Что же, пробовали?

— На полное положеніе откупиться задумали.

— Ну, и что же?

Фигура съ орлинымъ профилемъ сидитъ въ спокойной позѣ, опершись руками о колѣни. При моемъ вопросѣ Артемій встряхивается слегка и начинаетъ рассказъ такъ, какъ будто бы только и ждалъ вопроса и возможности рассказать.

— Задумали, сдѣлали, промежду себя столковались, выборныхъ выбрали, къ барынѣ пошли. Въ ту пору еще старая барыня была, покойница Наталья Ивановна, а мы собственно ей подвержены были по женской, значить, линіи. Ну, и супругъ ихній, Иванъ Ивановичъ, въ добромъ здоровьѣ тутъ же находился. „Что, моль, ребята?“—Такъ и такъ, моль, къ вашей милости, желаемъ, чтобы на полное положеніе. Деньги—казенная цѣна 60 рублей десятина—предоставимъ, согласны внести.—Ну, постояли, послѣ того вышли на малое время, а, наконецъ, выходитъ сама одна барыня и говоритъ: „Вотъ чтѣ, мужички, говоритъ, по 60 рублей взять съ васъ за землю словно бы дешево, мнѣ обидно, а взять цѣну по 100 рублей—вамъ не осилить. Ступайте, говоритъ, съ Богомъ, откуда пришли“.

— Тѣмъ и кончилось все?—спрашиваю я и не умѣю передать невыразимой насмѣшливости, которая кривитъ эти характерныя, твердо-очерченныя губы, когда онъ рассказываетъ.

— Чего же больше? Гдѣ же осилить?

— Такъ и не согласились?

— Самимъ надобно: дѣти малыя, дѣло бѣдное. „Живите, какъ допрежъ жили“. И живемъ съ той поры, ни день, ни ночь, ни зиму, ни лѣто, не живемъ и не помираемъ.

Вечеромъ, вернувшись домой, я сижу въ своей комнатѣ и слушаю музыку.

Играетъ Вѣра Семеновна. Инструментъ плохой, но играетъ она недурно, хотя и здѣсь, какъ въ разговорѣ, учительская манера проглядываетъ иногда. Одно жаль—на этотъ разъ не слѣдовало

выбирать Шумана... Довольно уже было диссонансовъ, печальныхъ звуковъ, мучительныхъ впечатлѣній въ продолженіе цѣлаго дня. Нервы просятъ отдыха. Хотѣлось бы чего-нибудь мажорнаго, несложнаго, пожалуй, церковнаго Баха или Гайдна, или изъ русскихихъ...

Ахъ, какіе звуки! Дождь опять льетъ и звенить по стекламъ. Вѣтеръ свищетъ въ ветлахъ и въ голомъ саду... „Wagun“ Шумана. Да! зачѣмъ, зачѣмъ все это?

Нѣтъ, она права! Только у Шумана—своя мука, свои личные диссонансы, а вотъ написать бы симфонію, въ которую вошло бы все: грохотъ бури и свистъ вѣтра въ вороньихъ гнѣздахъ, крикъ раздавленныхъ дѣтей и хрипѣніе голодающей старухи, угрожающіе вопли и смиренныя просьбы, горькая насмѣшка скованнаго богатыря и тихій шопотъ умирающей дѣвушки.

XVI.

— Не шутя, хорошая мысль. Я вчера еще хотѣла сказать вамъ, но вы такъ разстроились, что не счумѣли бы оцѣнить ее по достоинству,—говоритъ мнѣ Вѣра Семеновна при первой же встрѣчѣ на другое утро.

Я смотрю на ея лицо, оживленное внутреннимъ возбужденіемъ, и оно кажется мнѣ привлекательнѣе обыкновеннаго.

— Говорите скорѣй! Какая мысль?

— Видите ли, собственно говоря, это давно уже бродило у меня въ головѣ, но вчерашняя поѣздка дала толчокъ. Главная бѣда теперь, куда ни посмотри—неурядица съ лошадьми, пахать не на чемъ. Сейчасъ приходили опять трое, липовскій и глѣбовскихъ двое, въ ноги кланяются, просятъ помочь, купить имъ лошадей. Разумѣется, это невозможно, денегъ нѣтъ; да еслибы и были, все равно—этому не будетъ конца. Ну, и вотъ я придумала...

Она остановилась для бѣльшей выразительности.

— Мнѣ пришло въ голову, что еслибы помогать не каждому, а попробовать купить одну лошадь общественную такъ сказать, съ тѣмъ, чтобы установить очередь, и она поочередно пахала бы каждому хозяину сколько нужно: сегодня, положимъ, Петру, завтра Егору, пока удовлетворить всѣхъ. Тотъ, кто владѣетъ конемъ, обязанъ за это время ухаживать за нимъ, поить и кормить его, а на ночь... Впрочемъ, это уже подробности. Какъ вамъ нравится самый проектъ?

Проектъ мнѣ нравится. Такъ и пахнуло на меня шестидесятью годами отъ милаго лица, юношески-оживленнаго, несмотря на морщины, сѣдые волосы и года.

— Ну, я рада; я знала, что мы сойдемся. Но теперь не слѣдуетъ терять ни минуты. Каждый часъ дорогъ. Вопросъ: кому поручить купить лошадь? Въ этомъ я сама не смыслю ни бельмеса.

Вопросъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, приходитъ къ благополучному разрѣшенію.

Покупка лошади по нынѣшнимъ временамъ и къ тому же съ такимъ исключительнымъ назначеніемъ представляется дѣломъ настолько важнымъ и отвѣтственнымъ, что никто не рѣшается принять на себя этой отвѣтственности.

Приказчикъ—старый, опытный хозяинъ предсказываетъ полнѣйшую неудачу всей затѣи и наотрѣзъ отказывается отъ порученія съѣздить на базаръ приглядѣть подходящую лошадку.

Батюшка, хозяинъ молодой и также успѣвшій уже пріобрѣсти опытность, сочувствуетъ проекту, и хотя отказывается лично содѣйствовать ему, зато даетъ совѣтъ, къ кому обратиться за помощью.

Выручаетъ всѣхъ и *спасаетъ идею* барыня, сосѣдка-помѣщица, біографію которой рассказываютъ мнѣ тутъ же въ двухъ словахъ: положенія была бѣднаго, вышла замужъ за пьяницу и въ скорости ушла отъ мужа, а послѣ смерти его получила все же седьмую часть, которою и владѣетъ, и хозяйничаетъ на ней съ большимъ успѣхомъ и умѣніемъ.

Я не отказываюсь ни отъ какихъ поѣздокъ и съ удовольствіемъ принимаю предложеніе ѣхать вмѣстѣ на базаръ присутствовать при выборѣ, которому не могу содѣйствовать ничѣмъ другимъ по неопытности.

Помѣщица пріѣзжаетъ къ намъ на своей парѣ съ тѣмъ, чтобы ѣхать отъ насъ вмѣстѣ на наемныхъ крестьянскихъ лошадяхъ.

Вопросъ передвиженія въ продолженіе всего времени является настоящимъ вопросомъ, который нужно разрѣшать каждый разъ и притомъ не легко, вслѣдствіе трудности найти лошадей и ихъ ужаснаго состоянія. Приходится терять пропасть времени на самые незначительные переѣзды, такъ какъ не хватаетъ духу понукать лошадей; сами же онѣ заморены работой и еле передвигаютъ ноги.

Базарное село—въ восьми верстахъ. Дорогой я знакомлюсь и разглядываю мою спутницу.

Это не старая еще, небольшого роста, свѣжая женщина, съ мелкими чертами и грубо-краснымъ цвѣтомъ лица, какой встрѣ-

чается у людей, постоянно бывающихъ на воздухѣ. Небольшіе глазки смотрять съ дѣловымъ и озабоченнымъ выраженіемъ.

Разговоръ все время идетъ о предполагаемыхъ достоинствахъ и необходимыхъ качествахъ будущей покупки. Реплики не интересныя, и къ каждому моему слову она неизмѣнно приговариваетъ своихъ два: „этакъ, этакъ!“ Или: „вѣрно, вѣрно!“

Мнѣ случалось часто бывать на деревенскихъ базарахъ въ различныхъ мѣстностяхъ, и признаюсь, принимая въ расчетъ предшествовавшее, я ожидала худшаго впечатлѣнія.

У вѣзда въ село бросаются въ глаза два ряда крытыхъ деревянныхъ балагановъ, совершенно пустыхъ. Въ нихъ торговали прежде красными товарами; теперь эта торговля сократилась и сосредоточилась вся въ отдѣльныхъ лавочкахъ, разбросанныхъ у церкви, на самой площади. Но затѣмъ остальное не представляетъ собою ничего особеннаго. Такъ же, какъ и всегда, шумить и гудить деревенская, на этотъ разъ смѣшанная изъ русскихъ и татаръ, оживленная толпа; слышны крики и восклицанія, смѣхъ и ругательства. Въ первый разъ видъ собравшихся людей не производитъ приниженного, подавляющаго впечатлѣнія. Встрѣчается множество знакомыхъ лицъ, и у нихъ здѣсь уже не то, а другое, не жалкое и просящее, а какъ будто болѣе бодрое выраженіе. Подбодрилъ всѣхъ также и вчерашній дождь. Дорогою всѣ восемь верстъ лужи еще стояли на низинахъ и въ колеяхъ, а утро выдалось свѣжее, яркое, чудесное.

Торговля ведется обычнымъ крестьянскимъ товаромъ: сухой рыбой и дегтемъ, колесами и посудой. Нѣсколько телѣгъ въ рядъ торгуютъ мукой, которую тутъ же и отвѣшиваютъ по малости на вѣсахъ и безменахъ. Главный торгъ, оптовый, хлѣбнымъ товаромъ происходитъ въ сторонѣ у амбаровъ отдѣльныхъ владѣльцевъ. На землѣ сваленъ еще невиданный мною предметъ торговли—куча зеленыхъ, березовыхъ вѣшниковъ, которыхъ негдѣ здѣсь наломать, а нужно также купить по три, по пяти копѣекъ за штуку. У торговца сластями бросаются въ глаза, среди сѣмячекъ и пряниковъ, черныя плиты кирпичнаго чая, употребляемаго здѣсь крестьянами, татарами по преимуществу.

Съ кѣмъ ни заговоришь, всѣ жалуются на плохія дѣла и убытки. Это не мѣшаетъ, однако, общему оживленію, и для кого-нибудь да привозятся же эти леденцы и прянички, бѣлые папошники и вязки съ баранками.

— Писаря покупаютъ, священники, приказчики. А мужики не покупаютъ, не мужицкій это нынче харчъ,—отвѣчаетъ мнѣ моя спутница, пробираясь между рядами къ сторонѣ, откуда

раздаются мычаніе и ржаніе выведеннаго спозаранку живого товара.

По дорогѣ мы останавливаемся и покупаемъ ситчику на дѣтскія рубашечки. Красными товарами торгуютъ исключительно татары, и вообще много татаръ между торговцами.

Я выбираю рисунокъ и осматриваю доброту.

— Цвѣтъ хорошъ, да будетъ ли проченъ, князь?

— Хороша! Крѣпкій, какъ казямать, — отвѣчаетъ высокій, въ бараньей шапкѣ, татаринъ и показываетъ бѣлые зубы.

Роль, которую играютъ въ великороссійскихъ губерніяхъ цыгане, въ южныхъ евреи, исполняется здѣсь татарами, главнымъ образомъ, по отношенію ко всему, что касается лошадей. Они служатъ маклерами и посредниками, вымѣниваютъ, продаютъ и покупаютъ.

Мы застаемъ оживленную группу въ углу площади, гдѣ стоитъ продажная скотина — коровы, по которымъ можно изучать анатомію и лошади: передъ ними самъ „россинантъ“ показался бы откормленнымъ. Страшно смотрѣть на эти высокіе скелеты съ выдающимися костями крупа, съ сухой кожей, подернутой гречушкой. Непонятно, какъ могли выжить зиму подобные экземпляры. Приведены они на убой и стоятъ, ожидая участи, понутивъ головы, какъ-то врозь разставивъ, словно деревянные, негнущіяся ноги.

Рядомъ есть, впрочемъ, товаръ и другого сорта — сытые и на видъ хорошія лошади.

Молодой глѣбовскій мужикъ съ пріятнымъ лицомъ, возвратившійся изъ Сибири, нерѣшительно и несмѣло — не торгуетъ, а только еще высматриваетъ себѣ коня съ помощью отца и другого, также глѣбовскаго, стараго мужика. Всѣ втроемъ обхаживаютъ со всѣхъ сторонъ лошадей, смотря въ зубы, дергаютъ хвосты, поднимаютъ ноги съ внимательнымъ и озабоченнымъ выраженіемъ.

Хозяинъ-татаринъ, босой, въ длинной рубахѣ съ раскрытой грудью и въ засаленной тюбетейкѣ, ежеминутно насканиваетъ на нихъ, торопитъ, подхлестываетъ подъ брюхо лошадь, призываетъ другихъ татаръ въ свидѣтели ея необыкновенныхъ достоинствъ.

Мало-по-малу толпа собирается вокругъ. Всѣ звуки покрываетъ высокій, оживленный голосъ.

— Эхъ ты, не умѣешь взять! Добрый конь! Казань ходилъ, Тетюшь-гора возилъ, продовольствіе возилъ. Ежели бы она старъй билъ, она бы какъ ты горбатый билъ, а она — видишь — стоитъ. Веселый конь!

— Что, дѣдушка, какъ находишь?—спрашиваю я.

— Кто-жъ ее знаетъ. Глядѣть — хороша, да нѣшто этакъ можно узнать? Въ соху нужно, какъ съ мѣста пойдетъ!

— Какъ пойдетъ!? Вотъ какъ пойдетъ!

Въ одно мгновеніе татаринъ вскакиваетъ на лошадь и скрывается изъ глазъ, чуть не передавивъ народъ. Испуганное животное возвращается назадъ все дрожа, косится и дышетъ расширенными ноздрями.

— Экій вѣдь ты, братецъ, какой! Что же мнѣ нѣшто на ей скавать? Понапрасну скотинину измучилъ. Никакъ не нападемъ, замаялись лошадьми. Купили-было,—ну не показалась, безхвостая была.

— Много ли онъ за эту просить?

— Тридцать пять.

— Мошенники они тутъ всѣ, я вамъ скажу,—категорически заявляетъ помѣщица и немедленно удаляется, обѣщая найти въ другомъ, болѣе надежномъ мѣстѣ. —Сказать по правдѣ, не больно-то я и рассчитывала. Кстати отчего не поглядѣть. По домашности мнѣ тутъ кое-чего закупить бы нужно.

Она дѣлаетъ свои покупки, а я толкую съ батюшкой, который тутъ же оказывается на базарѣ въ собственной корзинкѣ, запряженной сытой, хорошенькой лошадкой.

Послѣ небольшихъ переговоровъ мы рѣшаемъ устроить иначе обратный путь. Я уступаю лошадей помѣщицѣ и сажусь съ батюшкой, который беретъ на себя трудъ доставить меня домой. Кромѣ выгоды въ ѣздѣ, у меня еще выгода въ собесѣдникѣ, несравненно болѣе занимательномъ. Вѣра Семеновна не долюбливаетъ батюшку, но у насъ съ ней вкусы и цѣли нерѣдко не сходятся, и я, напротивъ, цѣню его общество.

Это совсѣмъ еще молодой, высокій человѣкъ, съ правильными чертами, нѣсколько крупными и тяжелыми. Особенно характеренъ ротъ, какъ бы разрѣзанный однимъ взмахомъ, безъ обычнаго изгиба губъ, опущенныхъ густой бѣлокурой растительностью.

Батюшка, съ своей стороны, видимо интересуется пріѣзжей, московской барыней, и разговоры у насъ ведутся обыкновенно самые оживленные.

— Торопитесь на американскій тонъ, или же лошадку повольнѣ пустить? — спрашиваетъ онъ, когда я сажусь съ нимъ рядомъ на сѣно, покрытое ковромъ, и мы осторожно подвигаемся впередъ посреди базарной толпы.

— Я, батюшка, не тороплюсь, дорога хорошая, да и ло-

шадка у васъ не плохая. Вотъ бы намъ на такую напасть, — говорю я.

— И нападете, да того не будетъ.

— Отчего же?

— Оттого, что мужикъ грубъ, не имѣетъ понятія. Онъ и во вниманіе этого не возьметъ, что вы для него же хлопочете.

— Да вѣдь ничего особеннаго съ него и не потребуется. Только то, что онъ дѣлалъ бы и для своей лошади: приѣхать, задать корму, напоить въ-время, и все это какихъ-нибудь два-три дня, пока она будетъ въ его владѣніи. Это не трудно.

— Не трудно-то, не трудно, да народъ не тотъ, — упорно настаиваетъ онъ.

— А мнѣ кажется, что вы только такъ иногда нападаете на нихъ, а на самомъ дѣлѣ жалѣете ихъ больше, нежели хотите показать, — говорю я, слѣдя за впечатлѣніемъ своихъ словъ по лицу собесѣдника.

Лицо оживляется и краска показывается на блѣдныхъ, хотя и не худыхъ щекахъ.

— Жалѣешь по-неволѣ, какъ пробьешься съ ними тутъ пятый годъ. Ихъ хлѣбъ и намъ хлѣбъ. Ну, да и по человѣчеству конечно...

Вотъ въ томъ-то и дѣло! Я думаю, долго вы не забудете нынѣшняго года. Когда дошла до васъ первая помощь?

— Какъ считать! Получилъ я къ празднику Рождества Христова отъ неизвѣстнаго благотворителя сорокъ рублей съ просьбою употребить ихъ на нужды наиболѣе нуждающихся. А у меня ихъ шестьсотъ человѣкъ прихода, да — кромѣ десятка дворовъ — я и самъ въ то время не могъ разобрать, который менѣе или болѣе нуждается, всѣ равны стали — нищіе. Такъ вотъ не угодно ли тутъ было съ сорока-то рублями орудовать!

— Что же вы сдѣлали?

— Принесъ къ земскому начальнику, положилъ на столъ. Онъ говоритъ: „какъ же быть?“ Я говорю: по моему возвратить. Ну, онъ нашелъ — неловко. А я... Тотъ первый человѣкъ, который прислалъ мнѣ эти сорокъ рублей, я его не похвалилъ въ душѣ моей. Можетъ быть, онъ и отъ души принесъ мнѣ свой даръ, но онъ имъ отвелъ глаза тѣмъ другимъ, кому надо смотрѣть. На него да на такихъ, какъ онъ, понадѣялись. А нельзя было надѣяться.

— Но вѣдь вы же въ послѣдствіи еще получили пособіе англійское и земское, и изъ комитета?

— Получить-то получили, вѣрно. Но вы спросите — когда? Тогда, когда изъ каждой избы послѣдній соръ вымели. Что же

раньше-то не спохватились? Животы вѣдь были бы цѣлы. Мѣсяцъ вамъ тамъ, въ Москвѣ—разстояніе небольшое, а у насъ этотъ мѣсяцъ... Эхъ, что говорить! Да и что получали первое-то время! Нѣтъ, татары вѣрно говорятъ... Двадцать фунтовъ удовольствія! „Зачѣмъ, говорятъ, бачка, пять разъ умирать, шесть разъ умирать? Лучше одинъ разъ умирать“. Нѣшто двадцатью фунтами можно сытымъ быть! Да и то не всѣмъ вдругъ, а по выбору: тому года не вышли, а этому, гляди, перешли.

Краска замѣтнѣе выступаетъ въ лицѣ, полузакрытомъ полями изогнутой шляпы. Разговоръ ведется нервнымъ, возбужденнымъ тономъ, и щегольскія кучерскія возжи передергиваются то-и-дѣло въ сильныхъ рукахъ.

— Я написалъ кому слѣдуетъ: не могу долѣе, отказываюсь-моль отъ попечительства. Ну, на замѣчаніе и попалъ за строптивость. Что-же-съ, значить, насъ теперь на растерзаніе отдали? Я хочу вставить слово, но онъ перебиваетъ меня.

— Вотъ вы, скажемъ теперь, пріѣхали, пожаловали къ намъ сюда, очень хорошо-съ... Погостите у насъ, посмѣтрите... Я не къ тому говорю, я все вижу и знаю ваше доброжелательство, чего вы, можетъ быть, даже и не предполагаете. Но время придетъ, вы покинете нашу весъ, а намъ покинуть невозможно, мы къ мѣсту прикрѣплены, на мѣстѣ и останемся. И вотъ тутъ-то, какъ придетъ человѣкъ двѣсти во дворъ: „чего ты объ насъ не пишешь? не видишь—помираемъ?“ —Нельзя писать, говорю.—Вѣрить не хотятъ, этого не понимаютъ. „Что же намъ въ пропасть броситься, померзнемъ развѣ!“

Я въ первый разъ слышу такой страстно-возбужденный, горячій тонъ. Говорить такъ можетъ человѣкъ дѣйствительно задѣтый за больное мѣсто, и я больше для реплики привожу соображенія относительно надеждъ на облегченіе, на будущій урожай, который долженъ поправиться благодаря дождю.

— Дождь, что же такое-съ дождь! Дождь не есть явленіе повсемѣстное. Версту отъѣхали, вонъ у меня въ полѣ—и нѣтъ его. Нѣтъ-съ, хорошаго не жду,—прибавляетъ онъ, перехватывая возжи и заправляя волосы, которые выбиваются изъ-подъ шляпы по вѣтру и лѣзутъ въ глаза.—Хорошаго не жду. Жду смертности ко времени новаго хлѣба.

— Почему же, батюшка?

— Изголодался народъ: обрадуется своему, довольному куску, набросится на хлѣбъ, а онъ вѣдь—не того, не въ пользу бываетъ въ это время. Примѣрьте къ плоду, скажемъ—къ яблоку. Одинъ вкусъ, когда сняли съ дерева и кушаете на другой день, а по-

кушайте, когда вылежится осенью. А все то же яблоко. Также вотъ и хлѣбъ.

— А велика была смертность въ прошломъ году?—спрашиваю я.

— Да порасчистило-таки. За прежніе года въ точности не скажу, не припомню, а въ девяносто-первомъ году у меня въ приходѣ въ теченіе всего времени было шестьдесятъ смертей. Новѣйшій же девяносто второй годъ—много ли его теперь?! Къ полугоду едва сравнялось, а уже восемьдесятъ смертей есть, подбирается къ сотнѣ. И прочее также въ соотвѣтствіи: крестинъ десять всего, вчера десятаго окрестилъ, а свадьба одна, да и то вдовецъ, для дѣтей женился. „Я, говорить, женюсь не для жены, а для хозяйки“.

Въ разговорахъ время проходитъ незамѣтно, и за пригоркомъ бѣлѣетъ уже липовская бѣлая церковь. Смотрю на часы и глазамъ не вѣрю. Столько впечатлѣній, поѣхали—и уже вернулись, а всего только одиннадцать часовъ утра. Рано даже и для деревенскаго обѣда.

Батюшка приглашаетъ къ себѣ кушать чай. Я не отказываюсь.

Татаринъ-работникъ принимаетъ лошадь. Я осторожно поднимаюсь вслѣдъ за быстро-мелькающей рысью по ветхимъ ступенькамъ расшатавшагося крылечка.

XVII.

Послѣ невзрачной внѣшности тѣмъ поразительнѣе впечатлѣніе уютности и сравнительнаго щегольства внутренняго помѣщенія.

Домъ обставленъ съ комфортомъ, какого мнѣ не приходилось еще встрѣчать у деревенскаго священника, какимъ далеко не пользуемся мы сами въ запущенномъ помѣщицьемъ хозяйствѣ.

Городская, новенькая мебель обита кретономъ веселенькаго рисунка. На стѣнахъ олеографіи, на окнахъ тюлевые занавѣски, фікусы и бегоніи.

Сама матушка—миловидная блондинка, совсѣмъ еще юная, встрѣчаетъ меня съ растеряннымъ видомъ, извиняясь, что не одѣта, и несмотря на всѣ мои убѣжденія—замѣняетъ ситцевое платье модной кофточкой съ оборочками и бантами.

Желѣзныя дороги сдѣлали свое дѣло. Онѣ сократили разстоянія, и архаическіе костюмы провинціальныхъ дамъ замѣни-

лись модными, вмѣстѣ съ модными словечками и модными фразами, которые также по желѣзнымъ дорогамъ, по почтѣ, въ газетахъ и журналахъ, все быстрѣе и быстрѣе совершаютъ свое обращеніе.

— Прошу меня извинить, что оставила васъ такъ, въ одиночествѣ. Петя меня не предупредилъ, и вы застали меня *въ расстрепанныхъ чувствахъ*,—говоритъ матушка, возвращаясь въ своей кофточкѣ и приступая къ хозяйственнымъ хлопотамъ для угощенія меня чаемъ.

На столѣ появляются предметы, отъ которыхъ отвыкъ глазъ и вкусъ за время путешествія: варенье въ вазочкѣ, конфекты отъ Абрикосова и печеніе отъ Эйнемъ.

Невольно приходятъ на мысль замѣчанія Вѣры Семеновны относительно слуховъ, которые ходятъ про батюшку...

Онъ съ большой чуткостью какъ будто подмѣчаетъ впечатлѣніе отъ его обстановки и, пользуясь отсутствіемъ жены, рассказываетъ о женитбѣ своей въ городѣ на купчихѣ, которая не привыкла жить кое-какъ и принесла приданое съ собой.

Чай дается во второй комнатѣ, на столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью. Въ углу—горка съ книгами: Пушкинъ, рублевое изданіе Лермонтова, приложенія „Нивы“ и старые нумера „Волжскаго Вѣстника“.

— И сейчасъ тоже не хочется кое-какъ, по-свински жить, все стараешься, какъ бы поскладнѣе да поприличнѣе,—говоритъ батюшка, присаживаясь къ столу въ подрясникѣ съ шитымъ поясомъ и закуривая папиросу.—Что же! У меня дѣти, дочка, сынъ вонъ растетъ. Я обязанъ его воспитать, въ люди вывести. На приходъ—какая ужъ надежда, рукой махнулъ. Теперь хозяйство завелъ, арендую, хозяйствомъ занимаюсь.

— Много засѣваете?

— Десятинъ сто на кругъ яровое и озими, въ трехъ поляхъ.

— Это хорошее, большое хозяйство.

— Хозяйство хорошее, да года-то плохіе. Вамъ того въ Москвѣ во вѣкъ не узнать, какую мы здѣсь муку терпимъ. Нынѣшней зимой, аккуратъ послѣ Рождества, слухъ прошелъ: ѣдетъ посланный, важное лицо изъ самаго изъ Санктъ-Петербурга, наше дѣло обслѣдовать, край посѣтить, какія въ чемъ нужды узнать. Ну, думаю, слава-те, Господи! Наконецъ-то дождались! Вспомнили и о насъ грѣшныхъ, во тьмѣ и сѣни смертнѣй сидящихъ. Я здѣсь пятый годъ посвященъ, а раньше—что же видѣлъ? Тоже деревня, да семинарія... Ну, думаю, однако,—не сробѣю. Хотя и никого такого не видалъ, отъ роду ни съ какой особой не раз-

говаривалъ, а все же, думаю, за себя постою, отъ души скажу, какія дѣла дѣлаются, чему свидѣтелемъ приходится ежедневно бывать. Вѣрите ли, на бумажку списалъ, наизусть рѣчь вытвердилъ. Хожу по комнатамъ, да какъ урокъ и зубрю, какъ мальчишка: какъ бы не позабыть чего, пуще всего опасаясь. А тѣмъ временемъ разговоры идутъ да переговоры: остановится гдѣ? У кого принять? У помѣщика ли, проѣдетъ ли къ земскому, въ училище ли? А то, можетъ, церковь пожелаетъ осмотрѣть, да по близости подѣ мой убогій кровъ пожалуетъ? Времени въ точности не обозначено, да такъ это мы съ недѣлю каждый день съ утра до вечера во всѣхъ мѣстахъ одновременно и поджидали... Ну, на конецъ тому дѣлу, дождались, ѣдетъ. Онъ ли? Фальшивой тревоги тоже много было. Онъ самый. Впереди тройка—исправникъ, урядникъ на облучкѣ; вторая тройка—тоже сани открытыя—сидятъ трое, собой моложавые, шапки бобровыя, третья—четверная, возокъ и нашъ земскій за нимъ. А я народъ загодя обучилъ, чуть услышите что,—бѣгите всѣмъ міромъ, да на колѣни, да въ ноги. Тутъ ужъ я буду говорить, вы за мной. Вотъ, проѣхали улицу, остановились у церкви противъ самой церковной сторожки. Я бѣгу, не помню себя, подбѣжалъ, анъ у возка ужъ и дверца захлопывается. Выглянулъ оттуда сѣденькій старичокъ, собою худощавый, въ картузѣ, спросилъ: это ли Липовка?—Она самая. — „Ну, говорить, вотъ вамъ на голодающихъ“. Подаль двѣ радужныхъ земскому—и былъ таковъ. Кучера, урядники, колокольчики... Фью!.. Только мы ихъ и видѣли, будто въ сонномъ видѣніи. Вотъ тутъ-то мнѣ ужъ очень горько показалось. Забыли, значить, забыли совсѣмъ. Дождаться нечего. Уповай на Господа, да изворачивайся самъ, какъ вѣдаешь.

— Ну, что же, извернулись?—спрашиваю я съ искреннимъ сочувствіемъ.

— Изворачивались. Отруби покупали, цѣну на базарѣ держали, салму варили изъ отрубей пополамъ съ мукой; ну, лучку прибавили, перчику. Призвали татарина—пробуй!—Эхъ, „бачка, это умирать не надо—каждый день такъ ѣсть!..“ —Да чтѣ говорить! Всего было... А мнѣ что же, между прочимъ, чаю? Не полагается? Съ дороги, да отъ разговору, въ горлѣ пересохло что-то,—обратился батюшка къ женѣ.

Матушка изрѣдка вступала въ разговоръ, выражаясь необыкновенно обстоятельными и округленными фразами.

— Я готова была тебѣ налить, Петя, только не знала, было ли на то твое желаніе, чтобы выпить другой стаканъ чаю.

Батюшка подтверждаетъ свое желаніе, но въ дверяхъ появляется фигура татарина-работника. Вызываютъ на потребу къ больному въ Глѣбово.

По всѣмъ соображеніямъ, это—знакомый больной, у котораго уже наканунѣ предполагали сыпной тифъ.

— Вамъ бы, батюшка, для такихъ случаевъ завести себѣ рясу поплоче и вѣшать ее сваружи гдѣ-нибудь, вонъ хоть на заборѣ на колышкѣ,—совѣтую я, также собираясь уходить.

— Скажи—буду. Закладывай буланого. Модная теорія—бактеріи, или какъ еще тамъ онѣ? Все по разному называются,—говоритъ батюшка, не спѣша, докуривая и допивая стаканъ.—Эхъ, сказалъ бы словечко, да видно нѣтъ, погожу. Неучемъ считать будете. За мною останется. А лошадку общественную какъ купите, поглядѣть все же приду.

XVIII.

Несмотря на всеобщія сомнѣнія, печальныя предсказанія и печальныя предзнаменованія, дѣла наши подвигаются впередъ—и къ вечеру дня черезъ два намъ приводятъ съ нарочнымъ отъ помѣщицы пѣгую лошадку цѣною въ тридцать пять рублей, по общему признанію стоящую этихъ денегъ,—ни въ какомъ случаѣ не меньше, а можетъ быть и больше того.

Сосѣдка сдержала слово.

Начало сдѣлано. Мужики давно уже предупреждены, и совѣщанія о томъ, кого выбрать будущими хозяевами лошади, какимъ образомъ распределить очередь—давно уже происходятъ у крыльца по нѣскольку разъ въ день.

Крыльцо выходитъ во дворъ, заросшій и давно не чищенный. У колонны, перекачнувшись на одну ногу, стоитъ Вѣра Семеновна и ведетъ переговоры съ тремя старостами отъ трехъ сельскихъ обществъ по числу бывшихъ вотчинъ, составляющихъ теперь Липовку. Кромѣ старостъ, присутствуетъ еще нѣсколько бабъ и мужиковъ.

Лошадь тутъ же во дворѣ, на виду у всѣхъ, у телѣги кушаетъ траву. Всѣ обхаживаютъ ее, оглядываютъ и высказываютъ одобреніе.

— Живѣтъ! Добрый конь!

— По денежкамъ товаръ. Ахметка за свою восемнадцать рублей просилъ: ну, противъ этой не состоитъ,—замѣчаетъ высо-

кій мужикъ съ копной свѣтло-бѣлокурыхъ волосъ, образующихъ какъ бы сіяніе вокругъ его головы.

— Ахметка! Пустое чтѣ говорить! Лошадь безгодная, боро-нильщица, не возиха—семичникъ цѣна. А то—восемнадцать рублей!

— Ну-съ, позвольте, значить, теперь все сказано?—прерываетъ дальнѣйшія обсужденія лошадиныхъ достоинствъ Вѣра Семеновна.—Безлошадныхъ всего двадцать шесть человѣкъ.

Ихъ гораздо больше, но другіе устроились иначе съ помощью сосѣдей и родственниковъ.

— По дню—такъ и то выходитъ двадцать шесть дней, не считая праздниковъ, а скоро и рабочая пора, всѣ бросятся жать.

— Не велико нынче жнитво.

— Ну да все же отъ пахоты отобьетъ, да и времени мало остается. Такъ, значить, слышали, ребята, уговоръ нашъ таковъ: каждый, кто пользуется общественнымъ конемъ, долженъ за это пользованіе, кромѣ себя, вспахать еще долю кого-нибудь изъ больныхъ или вдовью, кто не можетъ самъ работать для себя, по выбору. Тамъ ужъ сами выберете. Я вашихъ отношеній не знаю. Кому пожелаете, какъ заблагоразсудится, но только даромъ не рассчитывайте больше, даромъ ничего не будетъ.

Это говорится съ того самого крыльца, съ котораго шло столько всѣмъ извѣстныхъ даровыхъ, безразсчетныхъ выдачъ и пожертвованій не далѣе, какъ нѣсколько дней тому назадъ. Вѣра Семеновна въ эту минуту забываетъ о нихъ и говоритъ съ искреннимъ увлеченіемъ. Глаза ея сіяютъ. Она довольна сама и ищетъ сочувствія въ окружающихъ.

— Всѣ поняли? Ясно всѣмъ? Вы кому будете пахать?—спрашиваетъ она бѣлокураго мужика.

— Мы-то? Воля ваша. Кому прикажете, тому и будемъ пахать,—слышится неохотный отвѣтъ.

— Ахъ, батюшки! Да сколько же разъ мнѣ повторять, что мнѣ все равно, рѣшительно все равно, кому вы возьметесь пахать!—съ новымъ жаромъ начинается она новое объясненіе.—Мнѣ нужно только одно: чтобы земля была вспахана, не осталась незасѣянной. А кого вы для себя выберете: его ли, ее ли, или вотъ ее—мнѣ рѣшительно все равно. Это ваше дѣло, до меня не касается... Вы чтѣ хотите сказать? Не стѣсняйтесь, пожалуйста, говорите.

Мужикъ переминается, и не сразу удается понять смыслъ его возраженія. Въ принципѣ онъ не отказывается отъ работы, но возстаетъ противъ неопредѣленности ея.

— Что же, какъ сказать, земля—она вѣдь не ровна. Я, вотъ,

скажемъ, и здоровъ, да одну душу держу, а онъ и не владаетъ, сейчасъ больной, да у него ихъ двѣ, можетъ, и три. Стало быть, теперича я за свою одну ейныхъ всѣ три должнъ пахать? Какъ же тутъ-то быть?

Возраженіе застаётъ насъ врасплохъ. Всѣ въ затрудненіи.

Приказчикъ по прежнему относится несочувственно къ идеѣ, но присутствуетъ на совѣщаніяхъ, даетъ совѣтъ и выручаетъ изъ критическаго положенія.

Рѣшено, чтобы каждый изъ участниковъ отработывалъ долю равную собственному надѣлу. Оставшіеся лишки можно будетъ распредѣлить впослѣдствіи на другихъ условіяхъ. Затрудненій большихъ не можетъ быть, такъ какъ надѣлы сами не велики.

— Слава Богу, кажется, все теперь наладили, — говоритъ, вздыхая съ облегченіемъ, Вѣра Семеновна.

— Ладно ли будетъ такъ, ребята? Довольны ли вы? — спрашиваетъ она, находя нужнымъ еще разъ обратиться къ толпѣ.

— Чего не ладно! Сказано — и шабашъ! — отвѣчаютъ голоса, но по тону и выраженію лицъ можно видѣть, что довольства въ сущности нѣтъ.

Между присутствующими есть нѣсколько мужиковъ, которые обращались къ намъ съ просьбой помочь купить лошадей, какъ мы уже помогали раньше не разъ, внося половину, иногда двѣ трети цѣны, безъ всякихъ обязательствъ, кромѣ неопредѣленной просьбы не отказать ссудить лошадь, если понадобится свезти больного въ больницу, или для другой какой-нибудь экстренной необходимости. Возможность получить въ свое пользованіе коня на одинъ день съ тѣмъ, чтобы тутъ же и отработать этотъ день, понятно, не представляетъ собою, по сравненію, ничего особенно привлекательнаго. Какъ бы то ни было, союзъ заключенъ. Очередь начать первому пашню завтра чѣмъ-свѣтъ присуждается бѣлокурому мужику.

Я не умѣю дать себѣ отчета, дѣйствительно ли оно такъ, или только представляется мнѣ по сравненію и контрасту съ татарскимъ внѣшнимъ безобразіемъ, но народъ за все время кажется мнѣ здѣсь необыкновенно красивымъ. Попадаютъ удивительныя по пріятности и красотѣ, иконописно-правильныя мужскія и женскія лица.

Бѣлокурый мужикъ менѣе симпатиченъ, но собой красавецъ совершенный. У него — одно изъ тѣхъ лицъ, у которыхъ духовная, тонкая красота привлекаетъ и сулитъ, и обманываетъ, потому что не находится въ соотвѣтствіи, далеко превышая внутреннее содержаніе. Есть такія лица.

Какъ и многіе въ этомъ году, онъ страдаетъ куриной слѣпотой и держитъ голову нѣсколько приподнятою. Свѣтлые глаза смотрятъ вверхъ съ незрячимъ, какъ бы вдохновеннымъ выраженіемъ; золотое сіяніе колеблется вокругъ головы.

— Посмотрите! — говорю я, указывая на него Вѣрѣ Семеновнѣ, но она устала и не замѣчаетъ ничего.

— Какой тамъ святой! Пренесносный мужикъ! — говоритъ она недовольнымъ голосомъ. — Битый часъ толковала съ нимъ однимъ, и все не могла втолковать. Очень жаль, что съ него именно рѣшили начать завтра. Ну, что скажете? чтѣ еще?

Болѣзнь — вечерняя слѣпота — мѣшаетъ ему свободно двигаться. Мужикъ отдѣляется отъ колонны и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ съ вытянутой рукой.

— Гдѣ барыня-то? Не вижу. Ушла что-ли?

— Я здѣсь. Говорите, чтѣ нужно.

— Да все насчетъ того же, насчетъ т.-е. пашни, сударыня. Какъ завтра утресь пахать, а сошникъ-то у меня не того, не годится, значить.

— Ну, такъ что же?

— Ну, такъ вотъ... какъ же съ имъ теперь быть?

„Битые часы“, проведенные на ногахъ въ разговорахъ и обсужденіяхъ, даютъ себя чувствовать.

Вѣра Семеновна не выдерживаетъ и раздражается упреками на тему: „дай палецъ, такъ и руку откусать“; послѣ чего обѣ компаніи расходятся въ разные стороны.

Товарищи уводятъ подъ руки мужика, окончательно потерявшего способность видѣть въ сумеркахъ, а мы удаляемся въ комнаты. Вѣра Семеновна ложится отдыхать, а я выхожу на террасу и присоединяюсь къ молодому кружку.

XIX.

Никто изъ дѣтей Вѣры Семеновны не похожъ на нее. Глядя на ея тщедушную, миниатюрную фигурку, трудно представить себѣ, что она — мать троихъ рослыхъ молодыхъ людей, отъ которыхъ такъ и пышетъ здоровьемъ и силой.

Я лично не люблю черезъ-чуръ здоровыхъ людей и вопреки латинской пословицы какъ-то нѣсколько опасуюсь ихъ. Мнѣ понятно было всегда чувство бѣднаго маленькаго Домби на морскомъ берегу при приближеніи къ его колясочкѣ здоровенныхъ мальчишекъ, а самъ Домби навсегда остался въ моихъ глазахъ

идеаломъ того, какими должны быть маленькіе мальчѣики. Они должны быть, по моему, нѣсколько больны для того, чтобы быть сколько-нибудь сносными.

Старшій сынъ Вѣры Семеновны — красивый брюнетъ — носитъ бѣлую вышитую рубаху, отъ которой кажется еще шире въ плечахъ его плотная, коренастая фигура. Онъ держится въ сторонѣ отъ всякой хозяйственной и благотворительной дѣятельности и относится къ матери съ отчѣнкомъ покровительственнаго снисхожденія на правахъ первенца и любимца.

Вѣра Семеновна часто говоритъ о его ученыхъ, студенческихъ занятіяхъ; они мѣшаютъ ему, по ея словамъ, помогать ей въ содержаніи семьи и давать уроки за деньги. Лѣтомъ онъ отдыхаетъ и проводитъ время въ спорахъ съ Анной Ивановной, которая впервые обращаетъ на себя мое вниманіе послѣ посѣщенія Натальина.

Это особа уже не первой молодости, замужняя, но не живущая съ мужемъ, избравшая своею спеціальностью общественныя науки, для усовершенствованія въ которыхъ она разсчитываетъ ѣхать осенью въ Парижъ слушать лекціи въ Collège de France.

Несмотря на интересъ, у меня не хватаетъ времени присутствовать при ученыхъ преніяхъ, и я не знаю силы противниковъ.

Студентъ лѣниво бросаетъ фразы, развалившись въ креслѣ, запустивъ пятерню въ роскошную, кудрявую гриву.

Барыня горячится, запинается, приглаживаетъ завитыя кудерьки и играетъ тоненькимъ карандашикомъ, которымъ то-и-дѣло очеркиваетъ въ книгѣ интересующія ее мѣста.

Книга — „Капиталъ“, Маркса, тибленовское изданіе.

— Прекрасное изданіе. Это теперь рѣдкость, — говорю я, подходя къ столу и заглядывая въ книгу. — Чтò, опять спорите?

— Да вотъ разошлись съ Анной Ивановной въ пониманіи теоріи ренты, какъ ее толкуетъ не Марксъ, а Смитъ, то-бишь Рикардо.

— И совсѣмъ не Рикардо! Совсѣмъ я не то хотѣла сказать... Сережа, да замолчите же, наконецъ, пожалуйста! Невозможно ни о чемъ говорить, когда вы кричите такъ! — обратилась она къ гимназисту.

Сережа — великовозрастный гимназистъ въ бѣлой блузѣ, лежать, вытянувшись на ступенькахъ, вверхъ лицомъ и, за неимѣніемъ кукушки, спрашиваетъ у воронъ: — много ли лѣтъ жить?

— Ты бы лучше спросилъ, много ли лѣтъ въ классѣ сидѣть?—совѣтуетъ старшій братъ.

Вордны отвѣчаютъ на все неумолчнымъ карканьемъ.

— А мы только-что занимались практическимъ разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. Дѣло съ лошадыю уладилось, кажется, хорошо. Вотъ бы вамъ принять участіе,—говорю я.

— Довольно суматохи и безъ меня,—отвѣчаетъ молодой человѣкъ, и холодное выраженіе появляется въ красивомъ, съ пухлымъ подбородкомъ, какъ бы уже и теперь слегка обрюзгломъ лицѣ. —Мама слишкомъ нянчается съ мужиками. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, мы расходимся съ нею. Я не говорю—не помогать, но зачѣмъ пересаливать?

— Вѣра Семеновна очень добра, но увлекается добротой и, по моему, наживетъ себѣ бѣды,—подтверждаетъ Анна Ивановна. —Народъ избалуется и привыкнетъ попрошайничать и рассчитывать на чужую помощь. У насъ въ Натальинѣ они и теперь уже только и дѣлаютъ, что просить папошниковъ.

— У васъ въ Натальинѣ они просили другого,—говорю я, чувствуя, какъ сердце у меня начинаетъ биться и губы дрожать.

Голубые глаза смотрятъ на меня изъ-подъ завитковъ съ совершенно невиннымъ, непонимающимъ выраженіемъ. Но опасливое выраженіе безпокойства появляется въ лицѣ молодого человека при первыхъ звукахъ моего голоса.

Онъ слышалъ, вѣроятно, отъ матери о Натальинѣ и съ большой находчивостью заминаетъ разговоръ, возвращаясь къ ученому спору о Рикардо и теоріи ренты. Я слишкомъ взволнована, чтобы принять въ немъ участіе.

Проходя въ свою комнату, въ отворенную дверь въ корридоръ я вижу Лелечку. Она играетъ въ дурачки съ дочерью приказчика, исполняющей въ домѣ обязанности горничной, и громко хохочетъ.

XX.

На слѣдующее утро, до восхода солнца мы—Вѣра Семеновна и я—уже на ногахъ и въ капотахъ ожидаемъ появленія мужика—перваго пахаря на общественной лошади.

Во дворѣ понемногу поднимаются рабочіе, начинается движеніе, утренняя жизнь. Фигура приказчика въ розовой рубахѣ уже выглянула въ дверяхъ маленькаго флигеля. Солнце встало. Проходитъ часъ, полтора, два часа—ни души, ни признака жизни. Рабочіе позавтракали и уѣхали въ поле.

Вѣра Семеновна въ волненіи ходитъ по комнатѣ, то-и-дѣло останавливаясь у окна.

— Ни на что не похоже! Не идетъ! Послать развѣ за нимъ? Да вѣдь опять негодится. Выйдетъ возня точно съ малыми ребятами, а я этого не хочу. Нужно, чтобы они сами понимали...

Но время дорого—и посланный командирится.

Черезъ четверть часа онъ возвращается въ сопровожденіи бѣлокураго мужика, который нѣхотя плетется сзади, съ упорнымъ и удрученнымъ выраженіемъ.

Вѣра Семеновна встрѣчаетъ его укоризнами, которыя онъ выслушиваетъ, не сморгнувъ, повторяя, что ничему-моль не причиненъ, разладилась соха, сосѣди не даютъ, и заключаетъ свое оправданіе просьбой явить божескую милость и къ общественной лошади присоединить ужъ еще и общественную соху.

— Кстати ужъ и борону,—иронически замѣчаетъ Вѣра Семеновна.—Не нанять ли ужъ лучше и работника? Онъ будетъ пахать и работать на васъ, покуда вы будете ссориться да перекоряться другъ съ другомъ изъ-за гужей да сошниковъ.

По счастью она не сердится. Вечернее раздраженіе прошло вмѣстѣ съ усталостью. Она соображаетъ и дѣйствуетъ покойно, отнимаетъ очередь и отправляетъ прочь бѣлокураго мужика и вызываетъ слѣдующую за нимъ по очереди вдову, за которую долженъ пахать другой мужикъ—родственникъ ея.

Все это дѣлается быстро, спокойно, рѣшительно, съ педагогическимъ тактомъ, котораго я и не подозрѣвала въ ней.

Мужикъ ошеломленъ. Онъ явно разсчитывалъ на другое, на дальнѣйшую помощь, въ видѣ сохи съ барскаго двора, и уходитъ видимо недовольный и разочарованный.

Но и продолженіе съ слѣдующей очередью представляетъ мало утѣшительнаго.

Заморенная, съ перепуганнымъ лицомъ, немолодая уже женщина является во дворъ также съ пустыми руками, одна, съ заявленіемъ, что некому пожалѣть сироту горькую, никто не берется пахать, дѣти малыя...

— Позвольте, это я все уже слышала. Да вѣдь вчера вечеромъ здѣсь же уговаривались, брались пахать. Кто у васъ брался? Пойдите, у меня это записано. Петръ Кузьмичевъ?

— Онъ самый, матушка. Сына, баилъ, поплю—Петруху.

— Ну, почему же не посылаетъ?—Она бросаетъ опять бѣглый взглядъ на листокъ съ записанными наканунѣ карандашомъ очередями, именами мужиковъ и условіями работы.—Онъ хотѣлъ

пахать, а вы должны были упряжь дать свою, хомутъ и все, что нужно. Вы дали?

Баба заминается.

Изъ разспросовъ оказывается, что упряжь не была дана. Хомутъ новый, хорошій, остался послѣ покойника—жалко дать въ чужія руки. Въ основаніи всего подкладка та же: надежда на даровое полученіе съ барскаго двора, которую она и высказываетъ тутъ же съ поклонами и просьбами.

Приказчикъ, уже въ пиджакѣ поверхъ розовой рубахи, появляется у крыльца и повторяетъ пророческія предсказанія относительно непониманія и неблагодарности.

— И лошадь-то испортятъ вамъ, да еще какъ! Возьмутъ да и испортятъ. Долго ли переневолятъ! А то опоятъ. Хомутъ свой жалѣть, а лошадь чужую нѣшто будетъ жалѣть? Во вниманіе не возьмутъ.

— Раньше времени что же тужить! Надо прежде попробовать,—перебиваетъ его Вѣра Семеновна и обращается съ объясненіями къ женщинѣ.

— Вы, голубушка, вотъ что; вчера я всѣмъ говорила, теперь еще разъ вамъ повторю: времени терять некогда. Вотъ я съ вами здѣсь который часъ стою, полъ-полосы за это время добрый пахарь успѣлъ бы вспахать. Хотите—бѣгите скорѣй домой, несите сбрую, а не желаете—я сію же минуту третьяго позову, чья очередь. Вамъ же хуже будетъ. Вчера вѣдь какъ просили, чтобы васъ пораньше назначить, въ первый чередъ. А не пойдете теперь—я поставлю васъ подъ самый конецъ, когда всѣ двадцать-шесть человѣкъ отпадутся—вонъ видите куда! — говоритъ она, проводя пальцемъ по всему листу и показывая женщинѣ нижній уголокъ.

Убѣжденіе дѣйствуетъ.

Баба уходитъ и возвращается съ пахаремъ и упряжью. Нѣсколько человѣкъ любопытныхъ идетъ слѣдомъ, чтобы присутствовать при первомъ выѣздѣ лошади. Ее выводятъ, запрягаютъ, женщины крестятся, и пахарь съѣзжаетъ со двора, сопровождаемый дружелюбными пожеланіями.

— Ну, дай Богъ! Въ часъ добрый. Послѣ дождичка земля мягкая—гоже пахать.

Послѣ обѣда мы сами отправляемся въ поле смотрѣть общественнаго коня, какъ будто бы въ силу этой общенности онъ долженъ иначе везти соху или переступать ногами, нежели другія, обыкновенныя лошади. Но все идетъ благополучно, лошадь хорошая, пашетъ легко, и первая неудача и непріятности съ об-

щественными лошадьми остаются единственными за все время пребыванія, до самаго моего отъѣзда изъ Липовки.

Предсказанія опытныхъ хозяевъ не сбываются. Крестьяне, послѣ первой же неудавшейся попытки, подчиняются всѣмъ распоряженіямъ въ предварительномъ росписаніи Вѣры Семеновны, соблюдаютъ строго очередь, берегутъ коня, и бѣлокурый мужикъ на другой же день является съ повинной головой, прося, какъ милости, записать его двадцать-шестымъ, вмѣсто перваго, чтобы не остаться вовсе не при чемъ.

Побѣда полная остается за нами. Ее признаютъ по-неволѣ всѣ, даже и такіе враги нашей затѣи, какъ приказчикъ и писарь, Корнилъ Ивановичъ, ближайшій сосѣдъ нашъ, все время наблюдавшій за ходомъ дѣла изъ оконъ волостного правленія, которое находится тутъ же за садомъ, у начала деревни.

Писарь Корнилъ или, какъ его всѣ называютъ, Корнилъ Ивановичъ — коротенькій человекъ, пухлый и блѣдный, въ сѣромъ пиджакѣ и не въ ситцевой, а въ бѣлой крахмаленной рубашкѣ, съ бронзовыми запонками у рукавовъ. Въ Липовкѣ онъ — недавно; переѣхалъ изъ города въ деревню собственно для здоровья и попалъ неудачно: недоволенъ мѣстоположеніемъ и воздухомъ, недоволенъ бѣдственнымъ положеніемъ русскихъ крестьянъ и съ нескрываемымъ презрѣніемъ относится къ татарамъ, съ которыми ему тѣмъ не менѣе приходится постоянно имѣть дѣло. Онъ считаетъ ихъ несомнѣнно существами низшей породы, удивляясь при каждомъ случаѣ ихъ равноправности съ русскими, въ глубинѣ души находя ее по всему вѣроятію чѣмъ-то въ родѣ вреднаго либеральничанья, и чрезвычайно скептически относится къ моимъ утвержденіямъ о томъ, будто было когда-либо время на Руси, когда русскіе находились въ порабощеніи у этихъ самыхъ татаръ.

— И вѣдь, представьте себѣ, не годъ, не два, а цѣлыхъ столѣтъ продолжалось иго татарское, — говорю я, слѣдя за впечатлѣніемъ моихъ словъ.

— Все можетъ быть, — уклончиво отвѣчаетъ онъ, выправляя запонки изъ рукавовъ съ выраженіемъ, съ какимъ говорятъ обыкновенно: — всякую-молъ глупость можно сказать, не любо — не слушай!

По данному обѣщанію Корнилъ Ивановичъ извѣщаетъ меня о собраніи попечительствъ въ помѣщеніи волостного правленія. Я заранѣе прошу и получаю отъ земскаго начальника позволеніе присутствовать на собраніи, прихожу раньше другихъ и застаю Корнила Ивановича у стола, покрытаго сукномъ, за провѣркой спи-

сковъ, въ которыхъ онъ приписываетъ что-то перомъ, время отъ времени закладывая его за ухо.

На крыльцѣ волостного правленія собралось уже нѣсколько человѣкъ русскихъ и татаръ, но въ комнатѣ нѣтъ никого — и начальникъ не пріѣзжалъ еще.

— Да-съ! вотъ не угодно ли полюбопытствовать. Вчера вечеръ писалъ, сегодня утро пишу, все списки, да отчеты, да провѣрки, чего прежде не видано было. Работы вдвое прибавилось, а больше-то ничего и не прибавилось. Прежде, бывало, и списокъ-то весь — двѣ графы. Ну-ка теперь попробуйте, посчитайте. Безъ полей — и то листа не хватаетъ, никакого формата. А ко всему еще имена-то эти идольскія!..

— Какія имена, Корнилъ Ивановичъ?

— Натощакъ и не выговоришь. Другой годъ возишься, привыкнуть не можешь. Ахъ, ты, прахъ тебя бери!

Онъ, загнувъ голову въ бокъ, старательно выписываетъ буквы, время отъ времени взглядывая на меня.

— И не скажите! Такъ нарвался, такъ нарвался я съ этимъ переѣздомъ, не накажи Господи! А по-дѣломъ, самъ скажу, что по-дѣломъ, за глупость. Чего бы, кажется, жилъ бы да жилъ себѣ на мѣстѣ въ городѣ. Догадало къ доктору сунуться, посо-вѣтоваться; ну, и переѣхалъ по совѣту для легкаго воздуху и получилъ себѣ легость. Вездѣ легко стало, а наипаче того въ карманѣ.

— Да вѣдь нынче голодный годъ. Не всегда же такъ будетъ, Корнилъ Ивановичъ.

Онъ безнадежно махаетъ рукой.

— Сторонка такова! Чего вы тутъ возьмете съ нихъ! Вонъ у него одно имя-то какое, никакъ его не обломаетъ, не облагородишь, во всю строку вытянулось: Шамардинъ Шакерзянъ Ашмодеевъ... Чему подобно!

— Можетъ быть, имъ кажутся очень странными наши имена?

— замѣчаю я.

Онъ закладываетъ перо за ухо и съ сомнѣніемъ смотритъ на меня.

— Т.-е., въ какомъ же это можетъ быть смыслѣ?

— Да вотъ, напимѣръ, Корнилъ...

— Позвольте-съ, чего же тутъ можетъ быть страннаго? Корнилъ, сотникъ Корнилій... Никакой странности я не вижу. Это не то что какой-нибудь Разъединъ Мухамедзянъ.

— А вы все-же напрасно пишете его такъ, — говорю я, невольно улыбаясь при видѣ облагороженной ореографіи. — Его

имя происходить вѣдь не отъ мухи же, а отъ ихъ пророка Магомета, по всему вѣроятію. Вамъ бы переправить.

— Живётъ! Хорошъ и такъ! — заявляетъ Корниль Ивановичъ и захлопываетъ готовый списокъ.

XXI.

На селѣ и въ окрестныхъ деревняхъ, и во всемъ районѣ, гдѣ открыты столовые, замѣчается и растетъ съ каждымъ днемъ глухое безпокойство по поводу все настойчивѣе повторяющихся слуховъ о томъ, что и столовые, и продовольствіе, и ссуды прекращаются всѣ къ первому іюля, въ виду близкаго наступленія жатвы.

Слухъ этотъ дѣйствительно страшенъ. Не вѣрится ему. Пословица: „и близокъ локоть, да не укусишь“, какъ нельзя болѣе примѣнима къ данному случаю. Распорядители, власть имѣющіе и ограничивающіе срокъ первымъ іюля, очевидно, не имѣютъ представленія о той силѣ напряженности крестьянскаго положенія, дальше которой идти нельзя ни въ какомъ направленіи.

Рожь въ средней полосѣ Россіи поспѣваетъ не ранѣе седьмого іюля. Обычно ее начинаютъ жать послѣ Казанской. Но и самая работа убиранія хлѣба сложна и требуетъ времени. Нужно сжать уже снопамъ еще выстояться въ полѣ, нужно ихъ насадить на ригу, обмолотить, свезти на мельницу и затѣмъ уже испечь хлѣбъ. Чтѣ должны дѣлать, чѣмъ питаться въ эти промежуточные, страдные дни, когда и въ обыкновенное время при благопріятныхъ условіяхъ выбивается изъ силъ все рабочее населеніе, изголодавшіеся, обезсилѣвшіе люди, у которыхъ не осталось никакихъ средствъ: нечего продать, заложить, вынести изъ дому, потому что — *нѣтъ ничего. Совсѣмъ нѣтъ ничего.*

Вотъ это-то именно и трудно представить себѣ городскому человѣку, среди комфорта, довольства и тысячи ненужныхъ вещей сложной городской обстановки. Мы сами здѣсь на мѣстѣ нѣсколько разъ ловимъ себя на этомъ недоуверіи.

Ѣдемъ въ деревню навѣстить больную. Баба выходитъ изъ избы, останавливаетъ на дорогѣ лошадь и умоляетъ зайти провѣдать мужа.

Мы знаемъ его. Это чахоточный мужикъ съ птичьей, остро-выдавшеюся грудью, безнадежный и страстно надѣющійся на выздоровленіе. Принимаетъ креозотъ, ради чего отпускается ему по стакану молока въ день; семилѣтняя дѣвочка бѣгаетъ за этимъ за двѣ версты.

Входимъ въ избу-одноглазку. Ухудшеніе въ болѣзни очевидное, и для него столько причинъ, что странно какъ-то и спрашивать о нихъ.

На столѣ у окна лежитъ нѣсколько штукъ свѣжихъ грибовъ. Я любительница и хорошо знаю наиболѣе распространенныя породы ихъ, но этихъ не узнаю и предостерегаю на всякій случай. Меня перебиваютъ.

— Какъ можно, это грибы хорошіе, луговички.

— Съ чѣмъ же вы ихъ будете варить?

— А съ водою, посоля.

— Неужели заправить нечѣмъ, муки нѣтъ или пшена?

— Родимая, у насъ столовая да пекарня, по фунтамъ хлѣбъ выдаютъ. Забыли, какъ его и пекутъ.

У насъ въ телѣгѣ, въ мѣшочкѣ, фунтовъ двадцать пшена, которое веземъ для разныхъ надобностей. Отсыпать малость въ горшокъ—не обидитъ никого.

Но неужели же такъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего?

Въ одноглазкѣ все близко, на виду даже и для близорукихъ глазъ, нѣтъ никакихъ закутъ и укромныхъ уголковъ. Пусто подъ лавками, сѣней нѣтъ. На печи видна дѣтская блѣдная фигурка и сѣрая кошка, тощая, съ зелеными печальными глазами.

Баба вынимаетъ горшокъ изъ печи, и я какъ сейчасъ вижу его передъ собой—старый горшокъ, чистый какъ новый, безъ малѣйшаго признака пригорѣлой корочки, крупинки, безъ запаха варева, словно оно никогда и не бывало въ немъ.

Вѣрно, нѣтъ ничего. Что же дѣлать въ продолженіе недѣли, восьми-десяти дней послѣ перваго іюля?

Но можетъ быть слухъ невѣренъ? Дѣло, стоившее столькоихъ усилій и такихъ жертвъ, не довести его до конца, за недѣлю до окончанія—это все равно, какъ если бы кто-нибудь съ величайшими усиліями изъ послѣднихъ силъ несъ въ гору хрупкій предметъ и за два шага до цѣли не выронилъ, а нарочно бросилъ, разбилъ бы его въдребезги подъ ногами... Это невозможно!...

Колокольчикъ... Тройка пролетѣла подъ окнами. Толпа на крыльцѣ шевелится и разступается, и Егоръ Егоровичъ, въ мундирѣ, съ портфелемъ, входитъ въ комнату. За нимъ тянется вереница татарскихъ пестрыхъ халатовъ и темныя чуйки. Всѣ размѣщаются по стульямъ и на лавкахъ съ трехъ сторонъ стола подъ тремя портретами Государя, Государыни и Наслѣдника.

Батюшка, въ коричневой старой рясѣ, торопливой походкой пробирается между присутствующими и садится вмѣстѣ съ писаремъ и начальникомъ у самаго стола.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій засѣданіе открывается, и всѣ сомнѣнія падаютъ сами собой.

— Уѣздный комитетъ официально заявилъ, что пособій никакихъ больше не будетъ, — говоритъ, заканчивая краткую вступительную рѣчь, Егоръ Егоровичъ, и какъ бы не понимая, или дѣлая видъ, что не понимаетъ значенія своихъ словъ, спокойно протягиваетъ руку за бумагой.

Но слова не могутъ не произвести впечатлѣнія. Ихъ ждутъ съ слишкомъ большимъ напряженіемъ. Въ комнатѣ поднимается глухой гулъ сдержанныхъ, встревоженныхъ голосовъ.

— Худо, мулла.

— Нуждаетъ, очень нуждается.

— Надо бы хуже, да нельзя.

— У васъ базаръ, вамъ есть съ чего получить.

— А у васъ ржи хороши.

— Гдѣ?

— На задворкахъ.

— Гдѣ вы ихъ видѣли? Въ моемъ карманѣ? Прямое дѣло — голодная смерть.

Начальникъ возвышаетъ голосъ. Все смолкаетъ и прислушивается.

Онъ заявляетъ, что въ экономіи земской ссуды у него остается еще тысяча пудовъ, каковыя онъ и можетъ предоставить для всеобщаго распредѣленія по волостямъ, — и дѣлаетъ онъ это заявленіе не безъ нѣкотораго чувства самодовольства, которое однако не встрѣчаетъ должнаго сочувствія въ слушателяхъ.

Батюшка въ особенности горячится и возмущается. Онъ требуетъ возобновленія ходатайствъ о помощи.

Начальникъ не соглашается.

— Позвольте, батюшка, да вѣдь заявленіе официальное, комитетъ закрытъ, помощи больше не можетъ быть. Наше дѣло — распредѣлить имѣющееся въ наличности.

Батюшка быстрымъ движеніемъ откидываетъ волосы и стучитъ по столу.

Онъ одинъ изъ всѣхъ держитъ себя свободно и независимо по отношенію къ начальнику, говоритъ громко, перебиваетъ его и споритъ съ нимъ.

— Наше дѣло указать на бѣдствіе и мѣры найти. Что же такое, что официально? Намъ за это головы не отрубать. А полтора фунта распредѣлить, это — дѣло кабинетное. По сіе время кормили, деньги тратили; сейчасъ бросить — смыслу не много будетъ. А въ недѣлю-то не то что помереть, а и отпѣть, и схоронить

поспѣть можно, — мѣста хватить на кладбищѣ. Полагаю, власть предержавшая не то имѣла въ виду; тутъ недоразумѣніе, не разсчитали десяти днѣй. Это есть наша человѣчность, чтобы въ-время сообщить управѣ.

Начальникъ морщится и потираетъ лобъ рукой.

— Что же мы будемъ сообщать? Опять составлять списки?

— Нѣтъ, зачѣмъ-съ! И такъ весь годъ составляемъ по всѣмъ методамъ. Тутъ не списки, тутъ деньги нужны. Каждому сельскому обществу предоставлено право ходатайствовать о своихъ нуждахъ и выражать ихъ приговоромъ.

— Позвольте, батюшка, да это все было: и ходатайствовали, и выражали въ свое время, и получали по ходатайству. А сейчасъ — оффиціальное заявленіе. Другіе молчатъ, а мы все говорить будемъ. Могутъ и не повѣрить.

— Что же, удостовѣреніе можно найти! Пошлите за статистиками. Они пріѣдутъ, будутъ чай пить...

Егору Егоровичу неловко. Его стѣсняетъ тонъ батюшки, и ему, видимо, хочется уклониться отъ непріятнаго предмета разговора.

Писарь подкладываетъ бумаги для подписи. Я не слышу вопроса, но слышу отвѣтъ:

— Графа не позволяла: грудныя не писаны.

Батюшка косится въ сторону списка и возобновляетъ разговоръ.

— Ошибетесь, такъ въ маленькомъ дѣлѣ: грудныхъ немного, нынче мало прибыли. А не принять своевременно мѣръ — и того меньше будетъ. Переселятся безъ паспортовъ на вѣчныя времена.

Засѣданіе обращается въ своеобразный діалогъ, при которомъ молча присутствуютъ остальные члены попечительства. Среди чукъ я узнаю темные глаза и орлиный профиль приказчика Артемія. Между неприглядными татарскими фizioноміями выдается сравнительно правильное и пріятное лицо знакомаго муллы.

Онъ грустно прислушивается, вздыхаетъ, качаетъ головой и изрѣдка вставляетъ въ полъ-голоса замѣчанія какъ бы про себя, не обращаясь ни къ кому.

Рѣчь идетъ о состояніи полей и видахъ на урожай. Голосъ батюшки — высокій, крикливый теноръ — одинъ раздается въ низенькой комнатѣ.

— Для этого око есть, чтобы надзирать. Ежели я пришелъ въ поле, я вполне увижу; но урожай рано опредѣлять; идетъ о ростѣ хлѣба, да и не въ томъ дѣло въ настоящую минуту, а... шуба заложена за два пуда, душевые надѣлы — за одинъ пудъ муки.

— Нуждаетъ, очень нуждаетъ, — со вздохомъ повторяетъ мулла.

Земскій начальникъ видимо начинаетъ терять терпѣніе. Въ комнатѣ жарко. Въ покраснѣвшемъ лицѣ его появляется выраженіе усталости и раздраженія.

— Ну, однако, чего же угодно?—спрашиваетъ онъ, не глядя на батюшку и обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ. Господа члены, какія у васъ на предметъ этого желанія? Пожертвованія я вѣдь своей волей не могу же привлечь; могу ходатайствовать о прибавкѣ къ ссудѣ; но, во-первыхъ, не поздно ли теперь? Время опущено. А во-вторыхъ, надо подумать и о будущемъ. Легко брать, каково-то отдавать будетъ.

— Будущее неизвѣстно. А можетъ быть будущее будетъ таково, что съ насъ не спросятъ,—вступается батюшка.

Начальникъ не отвѣчаетъ ему.

— Времени остается немного. Не лучше ли натянуть какъ-нибудь, обойтись своими средствами? Другіе же молчатъ, мы одни... Какъ хотите, дико покажется.

— Тутъ дикости никакой нѣтъ, но неисполнимо. Полтора фунта на ѣдока, не считая лицъ, которыя вписаны въ столовую. Помилуйте, чего же тутъ! Недѣлю еще жить! Выходить—сапожникъ безъ сапогъ, портной безъ пиджака, а землепашецъ безъ хлѣба. Мы являемся страдальческимъ лицомъ и наживаемъ себѣ сердечную тягость, но... нельзя не хлопотать!—говоритъ батюшка, наступая все рѣшительнѣе, чувствуя за собой молчаливую поддержку присутствующихъ.

— Курбанъ праздникъ—нужно. Господи... ни-чего!—сокрушенно замѣчаетъ мулла.

— Чтò другимъ, тò будетъ и вамъ. Списки представьте.

— Списки писалъ, много разъ писалъ. На имя Меряшево пришелъ—увзять нельзя.

— Что такое? — уже совсѣмъ ворчливымъ тономъ спрашиваетъ Егоръ Егоровичъ. Онъ видимо не привыкъ и плохо понимаетъ татаръ.

Батюшка поспѣваетъ и тутъ—и даетъ объясненіе.

— Ассигновка была для Меряшевской волости триста пудовъ, но таковыя не выданы,—и прибавляетъ, обращаясь къ татарину:

— Не жалуйтесь, мулла, что я не радѣю о Меряшевской волости. Получите по четверти фунта.

Чтобы положить конецъ непріятнымъ замѣчаніямъ, начальникъ обѣщаетъ принять мѣры и ходатайствовать о помощи—и дѣлаетъ это тономъ, который едва ли въ состояніи ввести кого-нибудь въ заблужденіе. Но добиться въ данную минуту ничего другого нельзя, и батюшка умолкаетъ, перелистывая какія-то бумаги,

покручивая и покусывая концы бѣлокурыхъ волосъ и прислушиваясь къ происходящему.

— Еще, господа члены, какіе у васъ вопросы?

Мулла, съ запинками и остановками, словно выдавливая изъ себя каждое слово, заводитъ еще разъ рѣчь о курбанѣ — великомъ праздникѣ, который нечѣмъ отпраздновать. Высокій мужикъ — липовскій старшина — спрашиваетъ о какихъ-то подробностяхъ относительно пекарни и столовыхъ.

— Коль скоро будутъ закрыты — о чемъ спрашивать? — говоритъ батюшка вполголоса, нагибаясь ко мнѣ. — Пустяки сущіе, а о дѣлѣ ни полъ-слова. По-неволѣ не выдержишь, вступишься.

— Необходимо заблаговременно ходатайствовать передъ правительствомъ объ испрошеніи дровъ крестьянамъ, — говоритъ онъ, дождавшись окончанія разговора и обращаясь къ начальнику. — Скотъ остается втунѣ, такъ какъ его нѣтъ. Но и дровъ нѣтъ. Вамъ, мулла, дровъ нужно? Попробуемъ попросить въ вѣжливой формѣ, а то придется зиму на печи вотъ какъ стучать.

Это ходатайство не встрѣчаетъ возраженія со стороны начальника. Онъ еще разъ спрашиваетъ членовъ, выслушиваетъ незначительныя замѣчанія и объявляетъ засѣданіе закрытымъ.

Въ ту же минуту халаты и чуйки покидаютъ комнату. Писарь выправляетъ запонки и собираетъ бумаги на столѣ. Начальникъ и батюшка закуриваютъ папиросы.

Засѣданіе произвело на меня тяжелое впечатлѣніе.

Въ первый разъ въ продолженіе всего времени удача съ общественными лошадьми подняла духъ, вѣрилось въ возможность хотя бы слабаго улѣчшенія, и вотъ опять нѣтъ ничего, опять чувствуешь покойника въ домѣ, мучительное сознаніе своего безсилія.

Невозможность ходатайства Егоръ Егоровичъ подтверждаетъ еще разъ въ бесѣдѣ со мной, и на вопросъ мой: „какъ же однако быть?“ — разводитъ руками и рассказываетъ, какъ на дняхъ къ нему на крыльцо принесли цѣлой толпой умирающую отъ голода татарку и не позволили накормить ее, требуя пищи для всѣхъ, потому что всѣ голодны.

Что же это будетъ? Что значить тысяча пудовъ на нѣсколько тысячъ человѣкъ?

На эти вопросы я не получаю отвѣта. Насъ приглашаютъ къ Вѣрѣ Семеновнѣ кушать чай.

По дорогѣ я встрѣчаю батюшку. Онъ стоитъ посреди улицы и разговариваетъ съ татаринкомъ въ растерзанной рубахѣ съ рас-

крытой грудью. Татаринъ усиленно жестикулируетъ и колотитъ себя въ грудь. Батюшка держитъ въ рукѣ двугривенный.

— Вотъ работника себѣ договариваю, да впередъ просить, обманетъ, боюсь, — возьметъ да и уйдетъ. Двадцать копѣекъ по новѣйшему времени — деньги не малыя.

— И-богу, и-богу! — твердитъ татаринъ, колотя себя въ грудь.

— Нѣтъ, когда такъ, ты мнѣ лучше по-своему побожись.

Татаринъ складываетъ на груди руки и наклоняетъ голову.

— Ну, хорошо! На, бери. Да смотри у меня, завтра чѣмъ свѣтъ! Плутъ-народъ! — прибавляетъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Однако вы этихъ плутовъ усердно отстаивали сегодня, — говорю я, непріятно пораженная происшедшей сценой, но вспоминаю засѣданіе. — Видно, какъ бы то ни было, что вы заботитесь о нихъ, вѣроятно любите ихъ.

— Всѣхъ люблю и всѣхъ ненавижу, — говоритъ батюшка, поднимая шляпу. Знакомая жесткая складка рѣзче обозначается по угламъ безгубаго рта. Глаза раздраженно блестятъ на молодомъ, нервномъ лицѣ.

XXII.

Общественная лошадь остается по-прежнему нашимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Мы успѣваемъ купить другую, еще лучше первой, уже не за тридцать пять, а за сорокъ рублей — для Глѣбова и, наученныя опытомъ, подбираемъ крестьянъ и устраиваемъ распределеніе очередей удачнѣе и глаже, нежели это было въ Липовкѣ.

Главнымъ помощникомъ является молодой парень Кепсимъ, заслужившій дурную репутацію въ глазахъ учительницы, но оказавшійся превосходнымъ работникомъ, смысленнымъ и дѣятельнымъ, сразу постигшимъ выгоды устройства, въ которомъ самъ лично не принимаетъ участія, такъ какъ семья находится въ сравнительно хорошемъ положеніи и лошадь имѣется своя.

Работа идетъ, полосы вспахиваются, и мы мечтаемъ уже о расширеніи дѣятельности въ этомъ направленіи — приобрѣтеніи новыхъ лошадей, когда засѣданіе попечительства полагаетъ конецъ всѣмъ мечтамъ и возвращаетъ къ страшной дѣйствительности.

Нельзя думать о будущемъ, о полосахъ, когда дѣло идетъ о голодныхъ людяхъ. Большинство столовыхъ рассчитано по первое число, и только нѣкоторыя, на средства частныхъ благотворителей, могутъ просуществовать недѣлю дольше. Упреки въ легкомыслии бесполезны, да и некого упрекать. Вѣра Семеновна при-

няла то, что было поручено ей въ законченномъ уже, заранѣе определенномъ видѣ, располагая въ сущности грошевой суммой для какихъ-либо экстренныхъ затратъ, ошибки въ которыхъ, если и были, не могли оказать большого вліянія на общій ходъ дѣла. Мои личныя средства ничтожны и приходятъ къ концу. Отвѣты изъ Москвы утѣшительные, но тысяча верстъ и „медвѣжій уголь“ даютъ себя чувствовать. Хлѣбъ въ дорогѣ. Неизвѣстно, придетъ ли онъ въ время. Глухая лѣтняя пора, всѣ разѣхались, комитетъ закрытъ. Невозможно рассчитывать на помощь въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было зимой. Всѣхъ сбиваетъ, къ тому же, злополучное соображеніе относительно наступленія жатвы и получения собственнаго хлѣба.

Мы живемъ, впрочемъ, получая свѣденія разъ въ недѣлю, исключительно изъ писемъ, не вѣдая ничего о томъ, что творится вообще на бѣломъ свѣтѣ. Газетъ нѣтъ, ихъ не получаетъ никто. Изрѣдка писарь или батюшка добываютъ откуда-то старыя, недѣли за двѣ, за мѣсяцъ назадъ, нумера „Волжскаго Вѣстника“, которыми дѣлятся съ нами, съ просьбой возвратить въ цѣлости. Этимъ ограничивается наше чтеніе.

Нельзя сказать, чтобы лишеніе было слишкомъ ощутительно. Для чтенія нѣтъ времени. Дни летятъ въ непрерывной суетѣ, не оставляющей мѣста ни для чего другого. Больные прибавляются съ каждымъ днемъ, и невольно бросается въ глаза новая форма болѣзни — острое разстройство желудка, которымъ одинъ за другимъ заболѣваютъ также и въ домѣ всѣ члены семьи. Я держусь дольше другихъ, но не избѣгаю своей очереди и провожу мучительную ночь, въ которую мысль о смерти съ полною реальностью представляется мнѣ во время жестокихъ болей, когда въ холодномъ поту я не имѣю силъ встать, чтобы позвать кого-нибудь, и безпомощно лежу до утра.

По счастью, припадки длятся не долго. На третій день обыкновенно выздоравливаютъ и поднимаются съ постели съ сильнымъ исхуданіемъ, какъ это бываетъ всегда въ желудочныхъ болѣзняхъ. Мысли и слухи о холерѣ не доходятъ и не смущаютъ нашего спокойствія, и, подивившись тому, что бы это такое значило, мы возвращаемся къ прежнему режиму и обычнымъ занятіямъ. Они идутъ своимъ чередомъ, прерываясь изрѣдка посѣщеніями батюшки или Егора Егоровича. Сосѣдей нѣтъ, а съ тѣми, которые есть, не поддерживается знакомство, такъ что въ одно утро общій переполохъ производитъ появленіе шикарной тройки, какой не случалось видѣть ни разу въ продолженіе болѣе чѣмъ мѣсячнаго пребыванія въ Липовкѣ.

Кто можетъ быть? Откуда?

Фуражка съ кокардой и соломенная мужская шляпа; ямщикъ-татаринъ лихо подкатываетъ къ крыльцу, и недоумѣніе разрѣшается.

Пріѣзжіе—отецъ съ сыномъ—родственники Анны Ивановны, вмѣстѣ съ нею владѣющіе частью Натальина, откуда они и возвращаются, заѣхавъ на перепутьѣ повидаться и потолковать о дѣлахъ по имѣнію.

Я боюсь помѣшать родственному свиданію и не хочу выходить, но Вѣра Семеновна уговариваетъ меня.

— Нѣтъ, напрасно, вы лучше выйдите. Любопытный типъ, какихъ вамъ, можетъ быть, еще не случалось встрѣчать.

— Они здѣшніе, казанскіе?

— Нѣтъ, пріѣзжіе, люди со средствами. Здѣсь, въ Натальинѣ, сравнительно небольшой клочокъ; главное имѣніе—въ другой губерніи. Тамъ отецъ—видное лицо, общественный дѣятель, одинъ изъ двухъ выбранныхъ единогласно въ нынѣшнемъ году. Онъ и тутъ проявилъ большую дѣятельность по вопросу о голодающихъ. Мы знакомы давно; мнѣ случалось быть у нихъ на Рождествѣ, и представьте себѣ—ничего не зная, я пришла въ умиленіе. Цѣлый вечеръ они, мужъ съ женой—двое стариковъ, на моихъ глазахъ провели въ томъ, что размѣчали и распредѣляли вещи, полученные изъ склада для голодающихъ—бѣлье, платье, халаты. Спорили, отнимали другъ у друга, мужъ хотѣлъ жертвовать больше—въ одну, жена—въ другую губернію. Изъ-за дѣтскаго халатика чуть не поссорились, сами какъ дѣти, тянетъ одинъ къ себѣ, другая не отдаетъ. „Мнѣ отдай!“—Нѣтъ, мнѣ уступи!—„У меня пастушокъ раздѣтъ, ходитъ нагишомъ“.—А у меня сиротъ полна изба.—Я сижу и умиляюсь душой, и вдругъ, послѣ этой идилліи—Натальино и малый надѣлъ! Что вы на это скажете? Да, сложный инструментъ—душа человѣческая!

Мы вмѣстѣ выходимъ въ залу, и я знакомлюсь съ пріѣзжими.

Старикъ сѣдой, обросшій подстриженной, жесткой щетиной, старый волкъ, травленный и травившій на своемъ вѣку.

Сынъ—цвѣтущій юноша, съ непокорнымъ вихромъ, съ видомъ, какой бываетъ у молодыхъ людей, которые рѣшительно не въ состояніи перенести ни малѣйшей несправедливости со стороны начальства. Онъ студентъ-технологъ, одѣтъ въ китель, держитъ себя увѣренно и непринужденно.

Появленіе свѣжихъ людей, какъ всегда, производитъ оживленіе въ семейномъ кругу.

Анна Ивановна усерднѣе обыкновеннаго вскидываетъ глазъ

ками. Лёлочка смѣется, и тѣнь какъ бы нѣкотораго оживленія и интереса появляется на прелестномъ скущающемъ личикѣ. Фельдшерица спускается внизъ къ обѣду съ такими рукавами, которые грозятъ паденіемъ уже не только порошкамъ и пузырькамъ, но и наиболѣе устойчивымъ предметамъ на обѣденномъ столѣ.

Студентъ держитъ себя спокойно и приглядывается.

Разговоръ вертится на мѣстной злобѣ дня—засѣданіи попечительства и прекращеніи продовольствія. Распоряженіе это оказывается всеобщимъ, за немногими исключеніями, и встрѣчаетъ одобреніе со стороны опытнаго дѣятеля.

— Повѣрьте, что обойдутся, въ концѣ концовъ найдутъ средства и дотянутъ какъ разъ до времени,—говоритъ онъ, закладывая кусокъ тощей телятины за щетинистую щеку и запивая ее желтымъ деревенскимъ кваскомъ.

Домашнее хозяйство предоставлено на волю Божію. Кушанья подаются обыкновенно съ объясненіями, какими они могли бы быть, но какими никогда не бываютъ въ дѣйствительности. Это не только не тяжело, но, напротивъ, такъ лучше. Нельзя представить себѣ чувства, съ которымъ приходится ѣсть, зная, что не гдѣ-то тамъ далеко, за тысячу верстъ, а здѣсь, подлѣ, подъ окнами, за дверьми, стоятъ люди, не выдавшіе хлѣба по два, по три дня.

— Какъ бы то ни было, нельзя не видѣть теперь же огромнаго минуса, отрицательной стороны нашей филантропической дѣятельности, — говоритъ старый гость въ отвѣтъ на замѣчаніе Вѣры Семеновны. — Народъ бѣдствуетъ, и мы жалѣемъ его, все это такъ. Но народъ избалуется, отобьется отъ рукъ... Трудно будетъ поставить его на надлежащее мѣсто потомъ.

Я только-что кончила читать извѣстную книгу: „Неурожай и народное бѣдствіе“, и привожу соображеніе относительно того, что на долю двѣнадцати губерній, входящихъ въ составъ неурожайнаго района, приходится *восемьдесятъ* процентовъ крестьянъ, сидящихъ на четвертномъ надѣлѣ, и двадцать процентовъ—на остальныхъ двадцать пять губерній Россіи.

Гость высказываетъ сомнѣніе въ точности цифръ, но не уклоняется отъ разговора и продолжаетъ спокойно теоретическое обсужденіе такъ, какъ будто бы не существовало ни малѣйшей аналогіи и наталинскія норы не находились всего въ десяти верстахъ.

Молодежь ведетъ свой разговоръ у чайнаго стола.

Марксъ и Рикардо, очевидно, не по плечу юному технологу,

и я слышу имена Шарапова и Верецагина, проекты практическихъ улучшеній въ хозяйствѣ по окончаніи курса.

Разговоръ не интересуеъ меня. Я замѣчаю черную тѣнь и черную голову, которая то прячется, то выглядываетъ въ стеклянныхъ дверяхъ террасы, — выхожу и вижу трехъ татаръ, пришедшихъ за милостыней. Они ждали долго на дворѣ у крыльца, обошли кругомъ и явились, потерявъ терпѣніе, на террасу.

— Скоро въ гостиную пожалуютъ и сядутъ на диванъ, — улыбаясь, говоритъ Лѣлечка, прогоняетъ всѣхъ трехъ и возвращается въ комнату.

Мнѣ не хочется возвращаться. Я сажусь на ступеньку на лѣстницѣ и замѣчаю внизу, среди обглоданныхъ кустовъ воздушнаго жасмина, фигуру одного изъ только что прогнанныхъ татаръ.

Онъ ушелъ и возвратился или, можетъ быть, не уходилъ. Онъ смотритъ, какъ больной звѣрь, печальными усталыми глазами и бормочетъ тихо, какъ бы про себя: „хлебъ... три день не ашаль... кусочка хлебъ“...

Господи! Чѣмъ же все это кончится!

XXIII.

Остающіяся у насъ небольшія средства мы употребляемъ на покупку пшена и муки съ цѣлью, гдѣ возможно, поддерживать столовые. Возможность эта крайне ограничена. Изъ Москвы приходятъ, наконецъ, деньги, но и онѣ являются каплей въ морѣ, и мы ломаемъ себѣ головы въ измысленіи способовъ помощи въ виду ужаснаго положенія, надвигающагося какъ туча, на которую жутко поднять глаза.

Вѣра Семеновна придумываетъ обратиться къ глѣбовскому барину и возлагаетъ эту миссію на меня.

— Скверный мальчишка, и до сихъ поръ мы его не трогали, но теперь невозможно. Долженъ же онъ сдѣлать что-нибудь для своихъ же собственныхъ крестьянъ. За все время онъ только и дѣлалъ, что развращалъ ихъ и издѣвался надъ ними. Иногда, слушая о его подвигахъ, казалось, будто не было шестьдесятъ-перваго года, и крѣпостное право оставалось въ полномъ ходу. Но есть же и въ немъ что-нибудь человѣческое. Попробуйте убѣдить его. Вамъ очень непріятно это порученіе?

— Нисколько. Я только думаю о томъ, какъ бы тактичнѣе исполнить его.

— Надѣюсь, вы поѣдете на этотъ разъ? Это будетъ лучше для представительности.

— Ну, здѣшнія лошади немного прибавятъ ея.

Я предпочитаю идти пѣшкомъ.

Вѣра Семеновна совѣтуетъ мнѣ снять дорожную сумочку, съ которой я не расстаюсь, ради удобства, предостерегая нѣсколько разъ и опасаясь, что меня убьютъ во время моихъ хожденій, такъ какъ у крестьянъ должно было составиться понятіе обо мнѣ какъ о денежномъ человѣкѣ, и сумочка можетъ поддерживать это заблужденіе.

— Развѣ были какіе нибудь случаи?

— Да, и не такъ давно, всего полгода назадъ. Старшина везъ деньги въ городъ, сравнительно большія по нынѣшнему времени. Его ограбили и убили, и преступники не найдены до сихъ поръ; такъ дѣло и окончилось ничѣмъ. Да и кромѣ того много случаевъ воровства въ окрестностяхъ.

Но дорога въ Глѣбово знакома до того, что какъ-то странно соединять съ нею мысль объ опасности. Къ тому же вечеромъ оттуда у меня всегда находятся провожатые.

Миссія моя заключается въ привлеченіи барона Л. къ денежному или вещественному пожертвованію. Какъ бы оно ни было скромно, оно важно въ настоящую минуту, когда на счету буквально каждая копѣйка. Предсказанія самыя неутѣшительныя. До сихъ поръ съ величайшимъ трудомъ, въ видѣ исключенія, удавалось выхлопотать у него порцію молока для больныхъ дѣтей изъ его же деревни. Онъ—любитель собакъ, воспитываетъ породистыхъ щенятъ и волка, который ходитъ тутъ же по двору на цѣпи, возбуждая всеобщій страхъ и особенное негодованіе въ нашемъ семейномъ кругу. Я лично не раздѣляю этого негодованія. Каждый позволяетъ себѣ развлеченія и излишества по своему вкусу, и чѣмъ волкъ на цѣпи хуже всего остального: ложи въ театрѣ, наряднаго платья или лакомой ѣды, напиримѣръ?

Въ Глѣбовѣ знакома мнѣ каждая изба, дѣти и большинство крестьянъ. Я прохожу нарочно не останавливаясь, чтобы прежде всего исполнить главное дѣло, но охотно принимаю предложеніе проводить меня отъ собакъ, которыя держать въ страхѣ все деревенское населеніе.

Мнѣ случалось уже много разъ раньше проходить мимо барскаго дома, и по внѣшности онъ давно знакомъ мнѣ. Ветхая и поломанная, деревянная рѣшотка—одна отдѣляетъ его отъ деревенской улицы. Деревянная крыша подернулась желтой плесенью; ставни съѣхали съ петель. Съ крыльца срывается на меня стая

собакъ всѣхъ цвѣтовъ и породъ. Тутъ и борзья, и гордоны, и терріеры. Большой волкъ необыкновеннаго цвѣта, не сѣрый, а взъерошенный, свѣтло-желтый, съ опущеннымъ хвостомъ, тоскливо мечется на длинной цѣпи.

Изъ окна высовывается бабья фигура въ платьѣ.

Я спрашиваю — дома ли? — и прошу доложить о себѣ, не рѣшаясь подняться на крыльцо.

Фигура исчезаетъ въ окнѣ и черезъ минуту появляется въ дверяхъ, прося пожаловать.

Я прохожу сѣни съ запахомъ звѣринца, съ новой коллекціей маленькихъ собакъ, бросающихся подъ ноги. Въ комнатахъ — обстановка цивилизованнаго человѣка, которая пріятно поражаетъ послѣ перваго впечатлѣнія: шкафы съ книгами, бархатная скатерть на столѣ и цвѣты на окнахъ.

Въ дверяхъ встрѣчаетъ меня тщедушная до жалости, бѣлокурая, золотушная фигурка юноши, почти мальчика, въ голубой затасканной канаусовой рубахѣ и суконной поддевкѣ, разстегнутой на всѣ пуговицы. Русскій, неряшливый костюмъ особенно рѣзко не гармонируетъ съ нѣмецкимъ типомъ лица и пріемами благовоспитаннаго человѣка.

— Прошу извинить меня, — говоритъ онъ, указывая на подставку и подвигая кресло: — деревенская свобода. Я не хотѣлъ заставить васъ дожидаться. Чѣмъ могу я служить?

Я безъ предисловій приступаю къ цѣли своего посѣщенія и прошу милости для глѣбовскихъ крестьянъ, которымъ грозитъ голодная смерть.

Странное лицо смотритъ на меня въ рамкѣ бѣлокурыхъ волосъ, расчесанныхъ на косой проборъ, жиденькими колечками по-стариковски прилипшихъ у висковъ. Оно и очень старо, и очень молодо, незначительное и недоброе, нервное лицо, въ которомъ то-и-дѣло обозначается и дергается одинъ мускулъ, придавая выраженіе не то гримасы, не то усмѣшки плотоядному, пухлому рту.

Послѣ моего вопроса наступаетъ молчаніе. Я не выдерживаю и даю новыя объясненія, но молодой человѣкъ прерываетъ меня.

— Да, я знаю. Я видалъ васъ здѣсь и слышалъ о вашей дѣятельности. Очень хорошо-съ! Только я, съ своей стороны, также сдѣлалъ уже, что могъ, и не могу теперь, къ сожалѣнію, исполнить вашего желанія.

Я пробую найти новые доводы и объясненія. Все дѣло — въ роковой ошибкѣ. Не рассчитали, по выраженію мужиковъ, что „хлѣбъ не рѣпа, обмылъ да и съѣлъ — легднько и то десять дѣнь

пройдеть“. Вотъ въ эти-то десять дней и необходимо придти на помощь имъ, чтобы не погубить всего, что было достигнуто цѣною общихъ жертвъ и трудовъ.

Мускуль въ правой щекѣ начинаетъ дергаться, и я опять не умѣю различить—смѣется ли мой собесѣдникъ, или не можетъ удержаться отъ гримасы.

— Все это очень, можетъ быть, прекрасно-сь, но что же вамъ собственно угодно отъ меня?

— Вы могли бы помочь намъ, пожертвовать сколько-нибудь денегъ или муки для прокормленія хотя бы только однихъ вашихъ деревенскихъ дѣтей. Тогда бы мы могли легче справиться съ остальными. Подумайте, вѣдь и мы рассчитывали на то, что ссуда будетъ продолжена, продовольствіе будетъ выдаваться до половины іюля, и для насъ это положеніе является совершенною неожиданностью. А между тѣмъ въ деревнѣ, здѣсь у васъ въ Глѣбовѣ...

Я привожу примѣры, описанія положенія знакомыхъ крестьянъ. Я ловлю себя на желаніи сказать что-нибудь пріятное, любезное своему собесѣднику по поводу его дѣятельности, раздачи молока. „Не бѣда, только бы помогло! Онъ долженъ быть самолюбивъ. *Такіе* всегда самолюбивы, это извѣстно давно“. Я говорю и увлекаюсь сама—и не замѣчаю только одного, того, что слушатель мой уже не слушаетъ меня.

Онъ разсѣянно вертитъ въ рукахъ уголь скатерти и смотреть въ окно. Напрасно было мое краснорѣчіе. Невольно и я въ томъ же направленіи перевожу глаза и вижу толстаго парня въ рубахѣ и поддѣвкѣ, который палкой дразнить волка, толкаетъ его и убѣгаетъ со всѣхъ ногъ, когда волкъ бросается за нимъ. Ребятишки, провожавшіе меня, баба въ платкѣ и самъ парень при этомъ усердно хохочутъ, и мнѣ вспоминается картина, которую я не разъ видѣла въ Глѣбовѣ, проходя мимо поломанной рѣшотки двора: днемъ, въ рабочее время, трое или четверо взрослыхъ парней играли съ бариномъ въ городки; баринъ развинченной походкой подходилъ, замахивался и выбивалъ палки, а собачья стая бѣсновалась вокругъ.

Зачѣмъ я здѣсь? Что за охота была ставить себя въ непріятное положеніе безъ малѣйшей надежды на благопріятный результатъ!

Я поднимаюсь и къ удивленію своему слышу предложеніе пожертвовать пятнадцать пудовъ муки на бѣднѣйшихъ крестьянъ, о чемъ немедленно сдѣлано будетъ распоряженіе управляющему.

Мнѣ не слѣдуетъ обольщать себя и приписывать неожидан-

ную удачу убѣдительности своего краснорѣчія. Это не то. Это просто дань—можетъ быть послѣдняя—свѣтскому воспитанію со стороны человѣка, несомнѣнно получившаго его.

Молодой баронъ вѣжливо провожаетъ меня по лѣстницѣ, удивляется тому, что я пришла пѣшкомъ, и предлагаетъ заложить лошадей.

На прощанье я еще разъ пожимаю его влажную, холодную руку и ухожу, утѣшая себя мыслью, что и пятнадцать пудовъ—все-же хлѣбъ, который не поднимешь на улицѣ.

— Если онъ только не обманетъ и дастъ его,—замѣчаетъ Вѣра Семеновна, когда я являюсь рассказывать ей о своихъ впечатлѣніяхъ.

— Неужели это можетъ быть?

— Бывало. Онъ скупъ и жаденъ на все, кромѣ своихъ развлеченій, которыя, впрочемъ, обходятся ему недорого. И подумать, что въ рукахъ этого человѣка судьба столько хорошихъ людей!

XXIV.

Корниль Ивановичъ—писарь—является ко мнѣ съ предложеніемъ присутствовать на засѣданіи волостного суда. Оно должно состояться въ волостномъ правленіи по дѣлу, имѣющему нѣкоторый современный интересъ.

Судится мѣстный хлѣбный торговецъ-кулакъ за систематическое обвѣшиваніе крестьянъ. Въ качествѣ истцовъ и свидѣтелей является чуть не полъ-деревни. Я знаю ее. Это—Говоровка, сравнительно зажиточная деревня. Столовая открыта и въ ней, но лишь для небольшого числа дѣйствительно неимущихъ. Вообще же крестьяне на полномъ надѣлѣ и всѣмъ на мои глаза—видомъ, разговоромъ, одеждой—отличаются отъ Глѣбова, которому они же дали второе, характерное названіе Тужиловки.

Я съ благодарностью принимаю предложеніе и отправляюсь къ назначенному часу въ сопровожденіи Лелечки, которая боится умереть отъ скуки и рада хоть какому-нибудь развлеченію.

Знакомая обстановка остается все та же, какъ и во время засѣданія попечительства. Также у крыльца на завалинкѣ и на травѣ сидитъ группа крестьянъ, оживленная и еще болѣе многочисленная. Также у стола подъ портретами помѣщаются—только на этотъ разъ не земскій и священникъ, а судьи съ благообразными лицами, въ чистыхъ чуйкахъ. Осторожно толстыми, неси-

бающимися пальцами они прикалываютъ на булавкахъ медали къ груди—и засѣданіе открывается.

Рядомъ сидитъ мулла въ зеленомъ халатѣ. Онъ также будетъ судить, если явится кто-нибудь изъ татаръ. Корнилъ Ивановичъ помѣстился на узкомъ концѣ стола, съ перомъ за ухомъ и бумагами передъ собой.

Передъ рѣшоткой, въ двухъ шагахъ отъ меня, я вижу невысокую, коренастую фигуру, также въ чуйкѣ, но только умышленно поношенной и грязной. Голова съ просѣдью; правильное, съ крупными чертами лицо и сѣдая борода, одна сторона которой сбилась въ войлокъ и болтается по жилету неопрятнымъ, длиннымъ блокомъ.

Это и есть подсудимый—Никита Іоновъ, мѣстный крестьянинъ, *тысячникъ*, какъ мнѣ рекомендовалъ его писарь,—въ первый разъ попавшій подъ судъ. Онъ стоитъ, видимо усиливаясь сохранить хладнокровіе, и не выдерживаетъ: безпокойно озирается, запускаетъ пальцы въ сбившійся войлокъ и теребитъ бороду.

Сидящій по срединѣ стола, съ пріятнымъ лицомъ, еще не старый судья, даетъ распоряженіе сторожу ввести свидѣтелей.

За стѣной слышно движеніе, и въ комнатѣ за рѣшоткой появляется, какъ бы выпертая изнутри силой, женщина въ сарафанѣ и огромномъ клѣтчатомъ шерстяномъ платкѣ, несмотря на жару, повязанномъ на головѣ. Она озирается вокругъ съ растеряннымъ выраженіемъ и улыбается.

— Ну, что скажешь? Чего ищешь?—спокойнымъ голосомъ, поднимая на нее глаза, спрашиваетъ судья.

Женщина молчитъ и продолжаетъ улыбаться.

— Говори же. Что же молчишь?

Молчаніе продолжается.

Улыбка—безъ всякаго выраженія, какой улыбаются собаки; простая гримаса подъ вліяніемъ смущенія; но окружающіе не видятъ этого, и судья повторяетъ строже, возвышая голосъ:

— Говори же, матушка. Смѣяться нечему. Смѣшного нѣтъ ничего. Тебя спрашиваютъ, отвѣчать нужно. Говори, чего ищешь? Чего тебѣ охота взыскать?

Губы раздвигаются такъ, что, кажется, сейчасъ смѣхъ раздается изъ нихъ на всю комнату, но вмѣсто смѣха слышится смущенный, почти страдальческій голосъ.

— Чего я ищу... Я сама не знаю, чего я ищу, а муки не хватаетъ.

— Такъ, видно, ты ее и ищешь, муку, что-ли?—старается до-

пытаться судья. — Купила муки, муки и не хватаетъ. Много ли не хватаетъ-то?

— Восемь фунтовъ.

— Ты думаешь, восемь фунтовъ?

— Стало быть.

— А много ли ты брала?

Опять улыбка и не слышно отвѣта.

Судья теряетъ терпѣніе.

— Въ другой разъ скажу мужу, чтобы ѣхалъ за тебя покупать. Не знаешь, что тебѣ нужно, не знаешь, много ли брала.

— За одинъ вѣсъ я брала. Мнѣ догадаться нельзя, у меня вѣсовъ нѣтъ. А пѣка не вышло.

Путемъ разнообразныхъ вопросовъ удастся, наконецъ, получить опредѣленный отвѣтъ: истица желаетъ взыскать съ обвиняемаго восемь фунтовъ, не довѣренныхъ ей, по ея мнѣнію, при покупке на базарѣ одного пуда муки.

Вопросы окончены, дается позволеніе уйти. Баба уходитъ, вздыхая съ облегченіемъ, и вытираетъ концомъ платка все еще улыбающееся лицо.

— Иона Ивановъ Стифѣевъ! — возглашаетъ писарь.

За рѣшотку выходитъ худой мужикъ въ коричневой, короткой, какъ бы бабьей кофтѣ, съ серьезнымъ лицомъ. Онъ видимо неохотно даетъ показанія, о чемъ и заявляетъ вслухъ, ссылаясь на какого-то Герасима, который боленъ, не можетъ явиться на судъ, но также настаиваетъ на недовѣсѣ, не опредѣляя, однако, количества фунтовъ.

— Гдѣ хватиться! Я не видалъ, какой и коромаясь. Принесъ домой, а ее ужъ ждутъ. Ничего я не ищу, не моя охота. Мое пропало, за милостыньку пойдетъ.

Подсудимый какъ на привязи мечется у рѣшотки. Онъ то схватится обѣими руками за перила и перегнется назадъ, то снова теревитъ войлокъ въ бородѣ и безпокойно озирается на свидѣтелей и судей. При послѣднихъ словахъ онъ съ ненавистью оглядываетъ худого мужика и не выдерживаетъ молчанія.

— Иона, тебя бѣдностью Богъ довольно наказалъ.

Но судья прерываетъ его, обращаясь къ свидѣтелю:

— А мука какая? Хороша ли была?

— Мука въ одномъ положеніи. Мука средственная. Ну, да не я стряпалъ. Вы его призовите — Герасима. Онъ вамъ буквально все расскажетъ. А кабы не онъ, и мы бы сюда не пришли.

Свидѣтели появляются одни за другими и не уходятъ, какъ первая женщина, а толпятся всѣ вмѣстѣ въ тѣсномъ простран-

ствѣ за рѣшоткою. Обвиненія съ каждымъ разомъ становятся все настойчивѣе и энергичнѣе. Женщина—еще молодая, съ красивымъ, умнымъ лицомъ—особенно настаиваетъ на своемъ, уже безъ всякаго колебанія требуя тѣ же восемь фунтовъ, которыхъ не хватило, когда она свѣшала покупку на безменѣ, вернувшись домой.

Подсудимый въ негодованіи обращается къ ней.

— На безменѣ! Ты бы на базарѣ на вѣсахъ свѣшала, да потомъ бы и говорила. Совершенный облогъ!

— На базарѣ! Да на базарѣ я бы съ тебя за этакое дѣло кафтанъ, а не то, гляди, и шкуру бы содрала. Виданное ли дѣло! Каравая два, на третью квашню и не хватило..

— А съ кѣмъ ты вѣшала?—спрашиваетъ судья.

— Сама съ собой вѣшала. Всѣми дѣтьми божусь, что невѣрно, а бѣжать мнѣ не отъ кого. У меня въ избѣ въ четыре голоса не ѣмши режутъ. Мы съ бабушкой Машей, какъ смекнули, на то же утро кинулись, въ амбаръ пошли. Вы что же, молъ, какія дѣла дѣлаете? А они—вотъ онъ, и работникъ, и сынокъ ихній: „вы, бабушка Маша, не кричите, говорятъ, мы вамъ доведемъ“.

— Что же, можетъ быть, онъ довѣсилъ—тебя пожалѣлъ?

— Пожалѣть! По неустойкѣ довѣсилъ. А то, гляди, какъ же, пожалѣлъ бы!

— И что это васъ новѣшее время досыта не накормить никто,—начинаетъ—было подсудимый, но ему опять мѣшаютъ говорить.

За рѣшоткой появляется крохотная старушка съ миниатюрнымъ лицомъ и миниатюрными ручками, съ той необыкновенной пропорціональностью сложенія и всѣхъ членовъ, отъ которой кажется всегда еще меньше всякій маленькій ростъ. Название *бабушки Маши* какъ-то особенно подходитъ къ ней. На головѣ у нея чистый бѣлый платокъ; отъ него еще темнѣй высухшее, но все живое, безупречно-правильное, темное личико; на плечахъ домотканый сарафанъ; маленькіе лапти, аккуратно обутые, бѣлѣютъ изъ-подъ узорчатаго края юбки внизу.

Она входитъ, крестится на образъ и безстрашно устанавливается передъ судьями, глядя прямо въ глаза безстрашными, какъ два брилліанта черными, блестящими глазами.

Ей предлагаютъ тотъ же вопросъ относительно вѣса и количества недовѣшенныхъ фунтовъ.

— Вѣрно ли отвѣсилъ?—спрашиваетъ судья.

— Невѣрно. Я какъ на плечо подняла, то узнала, что нѣтъ.

— Вонъ какъ! Плечо у нея знаетъ,—ворчить подсудимый вслухъ.

Бабушка Маша съ тѣмъ же выраженіемъ поворачиваетъ къ нему свою головку.

— И знаетъ! Пора ему знать. Я больше не скажу и меньше не скажу. Мнѣ шестьдесятъ два года. Неужели я на это кинусь?

— А ежели тебѣ, бабушка, въ шестьдесятъ два года эти восемь фунтовъ на душу повѣсить? Чтò тогда будетъ?—замѣчаетъ другой судья съ задумчивымъ и блѣднымъ лицомъ.—Какъ бы грѣха не вышло. Нонѣ всѣмъ намъ пуды-то кажутся легки.

Но бабушка Маша стоитъ на своемъ. Гнѣвное личико ея еще разъ обращается къ подсудимому.

— Чего стоишь-то здѣсь, людей морочишь, грѣховодникъ! Самъ знаешь не хуже нашего. Не деньги тебѣ несли, а слезы.

Она энергичной походкой отходитъ въ сторону и прислоняется къ стѣнѣ, внимательно слѣдя за ходомъ дѣла.

Мало-по-малу пространство за рѣшоткой наполняется такъ, что люди толпятся въ немъ будто въ клѣткѣ. Нѣсколько чловѣкъ почти отказываются давать показанія, говорятъ неохотно, ссылаясь на различные обстоятельства.

— Я ничего не знаю... Не я покупалъ... Брала муку родительница...

Подсудимый, несомнѣнно, сила въ своемъ родѣ, сила отъ которой придется зависѣть и впослѣдствіи, какой бы ни былъ исходъ дѣла и приговоръ суда. Онъ самъ хорошо понимаетъ это и пріободряется, начинаетъ держать себя развязнѣе, чаще прежняго вступаетъ въ разговоръ и прерываетъ показанія свидѣтелей.

Судьи въ продолженіе всего времени избѣгаютъ слишкомъ круто обрывать его и дѣлать замѣчанія.

Человѣкъ этотъ ведетъ тысячные обороты, держитъ въ рукахъ населеніе на нѣсколько десятковъ верстъ кругомъ. Протестъ говорювскихъ крестьянъ является въ своемъ родѣ подвигомъ гражданскаго мужества; вынудить ихъ къ тому могла, очевидно, только крайность, отчаяніе, доведенное до послѣдняго предѣла.

Страшная мысль западаетъ мнѣ на умъ: чтò, если практическія соображенія подѣйствуютъ и возьмутъ верхъ? Чтò, если эти видимо хорошіе люди, съ честными лицами, поддадутся слабости, если не простительной, то понятной въ этотъ страшный годъ? Хлѣбъ, деньги, кредитъ—все въ рукахъ этого человѣка.

А вѣдь это—тѣ же простые мужики, несмотря на ихъ медали и чуйки и внѣшнее благообразіе. Мнѣ нравится ихъ достоин-

ство, манера держать себя и обращеніе съ свидѣтелями. Я недовольна только однимъ: постановкой вопросовъ, неумѣніемъ пользоваться выгодами полсженія. Были случаи, когда ничего не стоило прижать къ стѣнѣ подсудимаго, сдѣлать очевидной виновность его, которая для меня является несомнѣнной. Изъ показаній свидѣтелей выясняется, что къ одному концу коромысла привязана была *вывѣска*, какъ они называютъ ее, обернутый тряпкой кирпичъ, существующій, по словамъ обвиняемаго, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, по словамъ свидѣтелей — появившійся на вѣсахъ лишь всего нѣсколько времени назадъ. Разница въ вѣсѣ особенно видна при покупкѣ въ малыхъ количествахъ; при большихъ въ нѣсколько пудовъ она менѣе замѣтна. Оставалось бы, казалось, спросить: сколько же вѣситъ самая вывѣска-кирпичъ? Но вопроса этого почему-то не предлагаетъ никто. Онъ вертится у меня на языкѣ, я готова его подсказать... Меня удерживаетъ почтительное отношеніе, невольное внушаемое простотой этой обстановки, серьезнымъ, почти набожнымъ выраженіемъ всѣхъ этихъ напряженно-внимательныхъ лицъ.

За рѣшоткой появляется новая фигура, въ жилетѣ и розовой рубашкѣ, но съ несомнѣнной военной выправкой. Оказывается, дѣйствительно запасный рядовой. На вопросы онъ отвѣчаетъ громко, съ рѣшительнымъ видомъ, часто взглядывая на подсудимаго.

— Пришелъ на базаръ, купилъ муку, привезъ домой: жена, вѣдь, затѣвай. На другой день прихожу—не выходитъ двухъ караваевъ.

— Да ты, какъ пришелъ, вѣшалъ?—спрашиваетъ судья. Свидѣтель усмѣхается.

— Ежелибы я вѣсилъ, я бы не такъ искалъ. Провѣрить у меня этой совѣсти не хватило, а онъ говоритъ: полъ-пуда не пять пудовъ, восемь фунтовъ—разстояніе небольшое.

— Что же, онъ послѣ довѣсилъ тебѣ?

— Извѣстное дѣло, довѣсилъ. Я не баба. Попотчую, такъ не поздоровится.

Подсудимый багровѣетъ въ лицѣ.

— Довѣсилъ! Я говорю работнику: отвѣсь восемь фунтовъ, подай Христа ради.

— Ты не Христа ради подавалъ, а за рубль за пятьдесятъ пять копѣекъ.

— Цѣны Богъ строить. Никто не обращался, одни говороскіе обратились.

— Всѣ тебя на тотъ свѣтъ посылаютъ хорошо.

— Какъ же такъ, Никита Ивановичъ? Что ты можешь сказать

за себя въ такомъ разѣ? Вонъ, говорятъ, вѣсы у тебя невѣрны, вывѣска...

— Гири невступныя, а вывѣска четырнадцатый годъ привязана за коромысъ,—перебиваетъ подсудимый. — Сказать можно! Все можно сказать, а у меня двѣсти тридцать пудовъ овса приняли въ три часа, не болѣе, на тѣхъ же вѣсахъ. Вѣдь это подлогъ сильный! Плечо у нея знаетъ — вонъ какая небылица! Въ недѣлю сожрали, тогда и узнали! — огрызается онъ на всѣ стороны.

— А вывѣска въ какомъ вѣсѣ будетъ?—спрашиваетъ судья съ задумчивымъ лицомъ, не поднимая глазъ.

Подсудимый мѣняется въ лицѣ и уклоняется отъ прямого отвѣта.

— Да продавалъ не я. У меня работникъ руководствуетъ. Довѣсилъ восемь фунтовъ. Что же такое, что довѣсилъ! Люди жертвуютъ, и я жертвовалъ,—говоритъ онъ,—и въ голосѣ не слышно уже прежней убѣдительности.

Вызываютъ татарина-работника, долговязаго малаго съ необыкновенно длинными руками, коверкающаго, какъ всегда, русскій языкъ.

— Мука приѣмка кончалъ, овесъ принималъ на одна скала...

— Врешь, парень, врешь! Я самъ видѣлъ, вывѣска по полу валялась у тебя,—кричитъ солдатикъ.

— А много ли вѣситъ вывѣска?—спрашиваетъ еще разъ у татарина блѣдный судья.

— Да фунтовъ восемь будетъ.

Въ комнатѣ движеніе. Всѣ переглядываются. Допросъ оконченъ. Остается одинъ послѣдній свидѣтель—больной Герасимъ, не явившійся по болѣзни.

Судья обращается съ вопросомъ: желаютъ ли свидѣтели и подсудимый отложить дѣло, чтобы опросить этого послѣдняго свидѣтеля, или окончить теперь?

— Кончать, кончать! — раздаются голоса со всѣхъ сторонъ. — Все лишняя склока, утрата времени. Страда придетъ.

Судьи встаютъ и писарь предлагаетъ оставить засѣданіе.

Я ухожу сравнительно успокоенная. Виновость слишкомъ ясна для того, чтобы не быть признанной, и конечно не останется безнаказанной. Но каково будетъ наказаніе? Въ эту минуту я согласилась бы на лютую казнь. Обманывать этихъ людей въ этотъ страшный годъ! Брать хлѣбъ у маленькихъ дѣтей, у жалкихъ старухъ! Чтò у него — кирпичъ въ восемь фунтовъ вмѣсто сердца, у этого человѣка!

Совѣщаніе продолжается не долго. Мы возвращаемся въ комнату и выслушиваемъ, стоя, приговоръ, который въ первую минуту приводитъ меня въ отчаяніе.

Подсудимый обязуется удовлетворить всѣ претензіи и довѣситъ каждому изъ истцовъ недовѣшенное количество фунтовъ, а затѣмъ приговаривается къ денежному штрафу въ пять рублей, каковыя долженъ внести немедленно за небрежный присмотръ за своимъ работникомъ.

— Помилуйте! Что же для него значать эти пять рублей! — съ огорченіемъ говорю я Корнилу Иванычу, между тѣмъ какъ свидѣтели и судьи выходятъ изъ комнаты на время перерыва между двумя дѣлами. — Это все равно, какъ еслибы его оправдали и не приговорили ни къ какому наказанію.

— Не скажите! — возражаетъ Корниль Иванычъ, сгребая въ кучу разбросанные листы бумагъ и засыпая свѣжія чернила пескомъ. — Не скажите! Слово нѣтъ, ловокъ малый, подстроилъ — по закону ухватиться не за что: не я, молъ, работникъ руководствуетъ, работникъ и въ отвѣтъ долженъ быть. Ну, а все-жъ таки чего-нибудь и безчестіе стоитъ. Какъ ни какъ, а по суду не оправданъ, — осужденъ, и присвоенное обязуется всенародно возвратить. Какъ ни какъ, а и это не сладко покажется. Да больше-то по закону, пожалуй, ничего и сдѣлать было нельзя.

Я выхожу на крыльцо и застаю всеобщее оживленіе. Подсудимый прохаживается въ сѣняхъ, теребитъ бороду и грозитъ обжаловать рѣшеніе; но ясно по лицу, по тону воркотни, что ни о какомъ обжалованіи не можетъ быть и рѣчи; онъ доволенъ и ожидалъ, по всему вѣроятію, несравненно болѣе суроваго приговора.

Довольны и крестьяне, которымъ возмѣщены будутъ понесенныя убытки. Довольна бабушка Маша. Она блеститъ брилліантовыми глазками и объясняетъ кому-то, что она „не какая-нибудь, а честнаго отца дочь“. Отецъ вѣкъ работалъ и она работаетъ, своими трудами обувается и одѣвается. Одѣлась, пошла и вотъ поставила на своемъ, вывела дѣло на свѣжую воду. Въ другой разъ неповадно будетъ... Очевидно, это счастливое окончаніе дѣла она приписываетъ въ значительной мѣрѣ самой себѣ и особенно довольна этимъ заключеніемъ.

Всѣ довольны. Нѣтъ ни озлобленія, ни вражды. Корниль Иванычъ правъ...

Какъ хорошо! Какъ могло бы быть все хорошо, еслибы не эта вѣчная, страшная мысль: отчего они всѣ такъ худы и блѣдны? Ъли ли они сегодня? Будетъ ли чтò у нихъ ѣсть на завтрашній день?

XXV.

Я испытываю то самое чувство, которое было у меня на Кавказѣ, на военно-грузинской дорогѣ при въѣздѣ въ Дарьяльское ущелье. При самомъ началѣ его горы кажутся уже такъ близки, что если уменьшить хотя сколько-нибудь разстояніе—не останется ни воздуха, ни свѣта, и одна каменная громада столкнется съ другой. Но разстояніе уменьшается; оно сгущивается съ каждой минутой на глазахъ, а экипажъ пробирается все впередъ, поднимается вверхъ, виситъ надъ пропастью, каменные глыбы, того и гляди, вотъ-вотъ сомкнутся надъ головой, и не въ-рится, будто есть выходъ изъ этого страшнаго мѣста куда-нибудь на воздухъ и просторъ.

Мнѣ казалось, что не можетъ быть ничего ужаснѣе того положенія, въ которомъ я застаю Липовку, Глѣбово и другія окрестныя деревни; но положеніе это ухудшается съ каждымъ днемъ, и всѣ мы продолжаемъ жить, и продолжаемъ какъ будто что-то дѣлать, и Богъ знаетъ, что выйдетъ изъ всего этого, чѣмъ окончится это положеніе, изъ котораго я не вижу выхода.

Случайно явившись за справками въ волостное правленіе, передъ отъѣздомъ въ дальнія столовыя, я нахожу нумеръ столичной газеты, истрепанный и засаленный, на который, однако, накидываюсь, такъ какъ не видала столичныхъ газетъ уже около двухъ мѣсяцевъ.

Первое, что поражаетъ меня, это одно и то же слово, повторяющееся чуть не въ каждой строкѣ всѣхъ четырехъ страницъ, напечатанное крупными буквами въ объявленіяхъ,—слово, о которомъ и помину не было при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, и которое не могло же явиться такъ вдругъ и завладѣть мѣстомъ и общимъ вниманіемъ.

Холера, холера... О холерѣ передовая статья и отдѣльныя замѣтки, и книжныя объявленія. Идетъ перечень случаевъ въ Астрахани, предсказанія о вѣроятномъ движеніи ея вверхъ по Волгѣ. Смотрю на число—нумеръ давнишній, уже болѣе недѣли назадъ.

Меня пугаетъ главнымъ образомъ тонъ газетнаго обсужденія. Видно, что идетъ дѣло о чемъ-то, о чемъ толкуютъ давно, что отодвинуло назадъ и поглотило всѣ другіе интересы. Отдѣльныя изданія, брошюры успѣли выйти о холерѣ, а мы живемъ и не знаемъ ничего, и Богъ знаетъ, что успѣло произойти и куда она зашла теперь въ теченіе этихъ послѣднихъ дней.

Безпокойство овладѣваетъ мной. Почта—по поведѣльникамъ, одинъ разъ въ недѣлю; я аккуратно получаю извѣстія изъ дому, но какъ долго покажется эта недѣля теперь, при мысли о возможности появленія холеры въ Москвѣ! Она даетъ о себѣ знать предварительными заболѣваніями въ слабой формѣ. Это мнѣніе я вычитываю тутъ же въ газетѣ, и страшная мысль приходитъ на умъ. Ужъ не предвѣстники ли ея всѣ эти многочисленныя желудочныя заболѣванія послѣдняго времени, которыя мы приписывали дурному питанію? И однако они не пощадили и насъ самихъ, хотя мы питаемся удовлетворительно.

Я начинаю понимать, почему, не называя причины, подъ общими предлогами, меня все настойчивѣе вызываютъ домой, и въ первый разъ мысль о возвращеніи представляется возможной раньше жатвы и новаго хлѣба. О продолженіи путешествія въ саратовскую губернію я давно не думаю. Прежніе планы давно заслонились новыми впечатлѣніями.

Я чувствую себя смущенной и выбитой изъ колеи и отношу газету Вѣрѣ Семеновнѣ.

Она успокоиваетъ меня обѣщаніемъ узнать все подробно—и, можетъ быть, не далѣе, какъ завтрашній день. Ожидаютъ гостью, давно обѣщавшую свое сотрудничество въ наблюденіи за столовыми. По послѣднему письму она должна была выѣхать изъ Казани наканунѣ, и нѣтъ причины задержаться въ пути долѣе двухъ дней.

Вѣра Семеновна послѣднее время занята еще болѣе обыкновеннаго. Она сводитъ счеты, въ виду приближенія окончанія срока, и занимается бухгалтеріей. Для справокъ приходится посѣщать дальнія столовые, и мы, противъ обыкновенія, раздѣляемся: она обѣзжаетъ однѣ, я—другія деревни. Она безстрашно отправляется въ село, гдѣ свирѣпствуетъ дифтеритъ, чтобы закрыть столовую и устроить кухню на татарскій манеръ. У татаръ вообще не принялись столовые, и вездѣ вмѣсто нихъ устроены общественныя кухни—почти всегда на выѣздѣ изъ деревни, на берегу рѣки, или ручья, или просто оврага, изъ опасности пожара. Подъ сколоченнымъ кое-какъ навѣсомъ вмазанъ въ глиняную печурку котелъ—и два татарина завѣдуютъ раздачей порцій и стряпней.

Глѣбовскій баронъ не сдержалъ слова, какъ и предсказывала Вѣра Семеновна. Въ первую минуту я думаю пойти къ нему, потомъ рѣшаю написать, потомъ беру лошадь и крохотнаго возницу, двѣнадцатилѣтняго Васю, сына липовскаго мужика, и отправляюсь на базаръ.

Знакомый татаринъ—батюшкинъ работникъ—покупаетъ для

васъ пятнадцать пудовъ муки, самъ укладываетъ въ телѣгу мѣшки, и все лицо его сіяетъ восторгомъ, когда я даю ему за хлопоты гривенникъ на чай.

Погода при выѣздѣ изъ дому раннимъ утромъ была хорошая, но вдругъ поднялся вѣтеръ, закрутила буря, и дождь полилъ неожиданно-скоро — не успѣли мы отѣхать и двухъ верстъ отъ села.

Насъ трое: Вася, я и Анюта, шестнадцатилѣтняя дѣвочка изъ Глѣбова. Она ходила на базаръ отдать пряжу сипить, но не отдала, потому что дорого просятъ, и несетъ ее обратно домой.

Вася сидитъ на облучкѣ; я и Анюта идемъ около телѣги пѣшкомъ. Вѣтеръ валитъ меня съ ногъ. Я сажусь въ телѣгу на мѣшки и необдуманно предлагаю сдѣлать то же Анютѣ. Но Вася протестуетъ: лошадь молодая, ей будетъ тяжело. Умное личико его оживлено серьезнымъ безпокойствомъ. Онъ боится, какъ бы я не стала настаивать, и для умиловленія вытягиваетъ изъ-подъ мѣшковъ и даетъ мнѣ отцовскій кафтанъ. Дождь сильный; по счастью вѣтъ грозы. Я все время ношу на рукѣ ватерпруфъ и въ сердцахъ на барона забываю его именно въ этотъ разъ, когда онъ могъ бы пригодиться отъ дождя.

Вася править съ усердіемъ, но лошадь некованная, оступается и скользитъ. Я сижу, покрывшись кафтаномъ съ головой, въ видѣ какого-то идола, на мѣшкахъ съ мукой, и послѣ нѣсколькихъ шаговъ слѣзаю съ телѣги и иду пѣшкомъ, укрывши мѣшки, содержимое которыхъ дорогою грозитъ обратиться въ салму.

Въ какія-нибудь десять минутъ сѣрая пыль превратилась въ черную грязь. Я смотрю, какъ по ней ступаютъ стройныя, босыя, худенькія ножки моей спутницы, какъ грязь мало-по-малу пачкается и облѣпляетъ ихъ сплошнымъ, чернымъ чулкомъ. Я давно знаю и особенно люблю эту дѣвочку, замѣняющую хозяйку и мать въ осиротѣвшей семьѣ, гдѣ шесть человѣкъ дѣтей, не считая ея; между ними — одинъ убогій, больной сухоткой, *сухенькій мальчикъ*, какъ она выражается о немъ.

Отецъ — хорошій мужикъ, явно выбивающійся изъ силъ. Последнее время онъ также хвораетъ лихорадкой и жалуется на голову.

Дочь рассказываетъ, что на осень онъ думаетъ раздѣлить семью на двѣ части: половину дѣтей взять съ собой и уѣхать на лошади побираться Христа-ради, а другую половину оставить съ нею въ избѣ.

— И ты не побоишься? Останешься? — спрашиваю я.

— А то что же! Знамо, останешься. Нѣтъ, не страшно. Чего же бояться?

Я поворачиваю голову и съ новымъ вниманіемъ разсматриваю еще разъ знакомое лицо.

Это обыкновенное русское личико, кругленькое по своему овалу, вытянувшееся отъ худобы. Мелкія черты съ особенно-мягкимъ, привлекательнымъ выраженіемъ у рта; сѣрые глаза смотрять равнодушнымъ, не-дѣтскимъ взглядомъ.

Я слушаю и думаю, что она права. Чего еще бояться ей теперь? Какая осталась категорія впечатлѣній—страховъ и ужасовъ, которыхъ бы не испытало уже это дитя? Голодь? Но отецъ не избавилъ ихъ отъ него; они прожили, голодая, зиму, они голодаютъ теперь. Мать умерла отъ загадочной болѣзни, которой никто не лечилъ, отъ *пухоты*, какъ она говоритъ. Братъ сохнетъ живьемъ. Чего же пугаться еще?

— А Филиппъ-то, слышали, рехнулся, не въ своемъ разумѣ, —говоритъ она, какъ бы подслушавъ мою мысль и отвѣчая на вопросъ.

— Что ты! Не можетъ быть. Когда же? Нѣтъ, я не слышала ничего.

— Сею ночью. Тетку Марью чуть-было не порѣшилъ. Утресъ хотѣла она къ вамъ бѣжать.

— Я сама къ ней зайду. Господи, этого только еще не-доставало!

Дождь проходить скоро. Мы обсыхаемъ дорогою, и я отсылаю Васю съ мукой къ мужику, который завѣдуетъ столовой, а сама отправляюсь въ избу къ Филиппу съ надеждой, что дѣло не такъ страшно, какъ о немъ говорятъ.

Въ сѣняхъ баба съ воплемъ бросается въ ноги.

Дверь оказывается приперта снаружи, и она со всѣми дѣтьми перебралась сюда, потому что въ избѣ мужъ воюетъ, грозитъ перерѣзать дѣтей, убить себя и ее.

— Да какъ же это случилось? Отчего? Давно это съ нимъ? —спрашиваю я, не зная, что спросить, прислушиваясь къ дикимъ завываніямъ, которыя раздались вдругъ за стѣной.

— Чу! Услыхалъ! Мы все больше молчимъ, тутъ и онъ молчитъ, а чуть услышитъ—загугорили,—и пойдетъ, и пойдетъ.

Мы выходимъ во дворъ и садимся на крыльцо. Звуки затихаютъ, но мы боимся уже возвысить голосъ и разговариваемъ шопотомъ. Дѣти—мелюзга отъ десяти и до двухъ лѣтъ—жмутся къ матери и молчатъ. Грудной ребенокъ замолчалъ у груди.

— Смѣшался, родимая ты моя, смѣшался на все; теперь ужъ, знать, и не отойдетъ. Барыня Вѣра Семеновна была давѣ,—

говорить—природная въ ёмъ эта скорбь. А я знаю—не она; нѣтъ, не она. Отъ думы смѣшался, отъ заботы. Купилъ домъ...

— Ну и что же? Денегъ не хватило?—спрашиваю я, переждавъ, пока стихнетъ припадокъ горькихъ всхлипываній, которыя возбуждаетъ одна мысль о купленномъ домѣ.

— Пятьдесятъ отдали, пятьдесятъ за нами и сейчасъ. Въ томъ мѣсяцѣ, вотъ, что послѣ Покрова мѣсяцъ пойдетъ—отдавать. А гдѣ ихъ взять! Въ дому-то на два двугривенныхъ не осталось. На той недѣлѣ сукно за два рубля попадѣ снесла, муки купила...

Изъ затворенной двери доносится долгій стонъ, похожій на вой.

Несчастная женщина прислушивается съ выраженіемъ ужаса въ остановившихся глазахъ и молчитъ, выжидая.

Но стонъ не повторяется. Шопотомъ, переложивъ къ другой груди дитя, она рассказываетъ о событіяхъ страшной ночи, въ которую „и не чаяла живой быть до утра“.

Признаки ненормальнаго состоянія обнаруживались, очевидно, уже нѣсколько времени тому назадъ.

— Все задумывался, все тосковалъ. Родимая, какъ не тосковать! Жили, тоже, не плоше людей. При батюшкѣ при свекрѣ дворъ-то какъ колычокъ былъ. Ну, раздѣлились, потѣснѣе стало житье, а все не хочется съ кляшкой подъ окошками ходить. Коровенка была—проѣли, лошадь осталась. Пришелъ съ поля, вижу—лошадь запрягъ, сбирается. — Куда, молъ, ты, Филиппъ Яковлевичъ? — „Въ городъ“, — говоритъ. — Дѣло не ближнее—зачѣмъ бы ему? Какая, думаю, такая приключилась нужда? А спросить боюсь, вижу — самъ не въ себѣ. Сѣлъ, поѣхалъ. Былъ ли онъ въ городѣ, не былъ ли—Господь его вѣдаетъ, а пріѣхалъ вчерашній день ввечеру, лошадь замореная, самъ безъ шапки. Потѣстъ нонѣшнее время нечего, — прихлебнулъ водицы, полѣзъ на печь. Ночью проснулась я, слышу—по печи кто словно шаркаетъ, словно ищетъ чего. — Филиппъ, ты, молъ, что? Молчитъ. Вижу, спицы досталъ, сѣрнички. Чиркнетъ, освѣтитъ и погаситъ. Опять чиркнетъ, опять погаситъ. Господи-батюшка! До смерти боюсь, пожару какъ бы не надѣлалъ, сохрани Богъ. По тѣхъ поръ чиркалъ, покудова всѣ спицы извелъ. Слышу—лѣзетъ съ печи... — Филиппъ, ты, молъ, куда? Молчитъ. Смотрю... а въ избѣ такъ чу-уть видно, огня-то нѣтъ, вздуть нечего, кирасину забыли, когда и покупали его; вижу — ползетъ къ лавкѣ, да за собой этакъ по полу и тяпаетъ, словно что волочѣтъ. Я себя не помню, какъ съ печи скатилась, какъ къ нему подползла... Рукой нащупала — сидитъ на лавкѣ, топоръ рядомъ положилъ, а тутъ и дѣти спать двое бѣленькія. Я дѣвочку-то разбудила, вонъ ее. —

Она указываетъ на десятилѣтнюю крошку, которая слушаетъ весь рассказъ не сморгнувъ, прижавшись бокомъ къ колѣнямъ матери. — Бѣги, молъ, Маша, зови сюда баушку! — А она, глупая, забоялась. „Боюсь, говорить, не пойду“. Что мнѣ дѣлать! Уйти боюсь, и остаться боюсь. Оня сидитъ, не шелохнется, словно и забылъ, и не слышитъ ничего. Я скорѣе топоръ въ фартукъ, окно отворила, да въ окно, а тамъ мы съ нею вдвоемъ за баушкой по улицѣ бѣгомъ. Такъ всю ночь и просидѣли надъ имъ. Онъ не спитъ, и мы не спимъ. И сейчасъ не спитъ...

Рѣзкій стукъ въ дверь подтверждаетъ предположеніе.

Мы всѣ настораживаемся и прислушиваемся.

Стукъ повторяется сильнѣе.

— Идти надоть, — говоритъ бѣдная женщина, передавая младенца дѣвочкѣ и мѣняясь въ лицѣ

Я боюсь сумасшедшихъ больше эпидеміи, больше холеры, боюсь настолько, что ни разу, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, ради психологическаго интереса, не рѣшаюсь ихъ видѣть въ Москвѣ. Но здѣсь — другое дѣло. Прежде всего невозможно уйти. Нельзя бросить въ критическую минуту бѣдную женщину, у которой и безъ того отъ ужаса подгибаются ноги, когда она волочащейся походкой, на ходу застегивая сарафанъ, идетъ къ дверямъ. А затѣмъ это не стѣитъ мнѣ здѣсь большихъ усилій надъ собой. Состояніе, въ которомъ я нахожусь въ продолженіе всего своего путешествія, можетъ быть названо состояніемъ продолжительнаго экстаза. Страшное кажется не страшно въ немъ, трудное — легко, оскорбительное — не производитъ впечатлѣнія. Слова, поступки и дѣйствія получаютъ свой особый характеръ, и оцѣнка имъ должна быть иная, не та, которую вызываютъ по отношенію къ себѣ дѣйствія человѣка, находящагося въ нормальномъ, спокойномъ настроеніи.

Мы обѣ вмѣстѣ идемъ и открываемъ дверь.

Вмѣсто изступленнаго выраженія, сжатыхъ кулаковъ, искаженнаго лица, которыхъ почему-то ожидаю я, — я вижу блѣдное, на первый взглядъ ничуть не измѣнившееся, знакомое лицо. Больной меня узнаетъ и конфузливо отступаетъ назадъ.

Это худой, высокій, стройный мужикъ, кудрявый брюнетъ съ прекрасными и тонкими чертами лица. Небольшіе темные глаза его быстро взглядываютъ на меня и потупляются тотчасъ же. Онъ садится на лавку и ладонями опирается въ нее.

Я протягиваю руку, но онъ не замѣчаетъ ея.

— Здравствуй, Филиппъ Яковлевичъ! — говорю я, подходя

ближе и оставаясь противъ лавки. — Что ты, говорятъ, нездоровъ? Что у тебя болитъ?

Больной все такъ же робко взглядываетъ на меня и показываетъ на ноги.

— Ноги вотъ болятъ. Ходить не могу.

Я прошу разуть, наклоняюсь и осматриваю ноги.

Въ первую минуту мнѣ кажется, что это въ сильной степени цинга, но я тотчасъ же замѣчаю свою ошибку. Распухшія, какъ налитыя блѣдно-розоваго цвѣта, съ особымъ глянцемъ, ноги покрыты по всѣмъ направленіямъ темно-красными, крупными, неправильной формы пятнами. При давленіи больной не чувствуетъ боли, но жалуется, что ноги *тоскуютъ* и что ему трудно ходить.

Я сижу на полу и вижу наклоненное надъ собой блѣдное лицо и не замѣчаю признаковъ безумія, а только выраженіе тоски и какого-то испуга въ красивыхъ глазахъ, вопросительно и робко смотрящихъ на меня. Мнѣ удастся разспросить больного и добиться отвѣта, что ему желается чайку, который я и обѣщала тотчасъ же прислать, удастся уговорить его лечь и попробовать заснуть. Онъ тутъ же покорно ложится при мнѣ на лавку, головой на свернутый кафтанъ.

Мы всѣ выходимъ и затворяемъ за собою дверь.

Я стараюсь успокоить жену, и она дѣйствительно успокаивается послѣ обѣщанія похлопотать, прислать къ ней мужиковъ, которые провели бы съ нею ночь. Для этого нужно только обратиться къ старостѣ; онъ обязанъ нарядить караулъ.

— Богъ милостивъ, можетъ быть, ничего и не понадобится. Онъ заснетъ, успокоится, все и пройдетъ сномъ. А тебѣ бы самой нужно отдохнуть. Ты вся извелась! — говорю я, съ жалостью смотря на блѣдную мать, еще молодую, истощенную, очевидно, нуждой и частыми дѣтьми, не считая послѣдняго ужаснаго потрясенія. — Много ли времени маленькому?

— Да годокъ ужъ сравнялся.

— Тебѣ бы его лучше отнять.

— Отнимай хоть и не отнимай — все едино. Вотъ она, грудь, а чтѣ въ ей взять? Грошъ ей цѣна! — говоритъ она, открывая, жалкую, высохшую грудь, которую жадно ловить раскрытый маленькій ротъ.

Старшія дѣти, притихнувшія на время, пріободрились теперь и теребятъ мать, прося ѣсть. Вѣсть о томъ, что привезли въ деревню и будутъ дѣлить муку, уже успѣла дойти до нея. Такія извѣстія разносятся съ быстротой телеграфа. Но на долю

каждой семьи придется по числу ѣдоковъ не больше нѣсколькихъ фунтовъ, изъ которыхъ нельзя будетъ даже спечь хлѣбъ, можно будетъ только варить салму.

Я не иду смотрѣть, какъ вѣшаютъ и дѣлятъ эти несчастные фунты. Приходитъ староста. Мы уговариваемся относительно караула къ больному, и я завязываю на платкѣ узелокъ, чтобы не позабыть прислать свѣчей. Изъ всѣхъ подробностей разсказа всего болѣе поражаетъ меня и кажется страшнѣе всего одно — темнота, среди которой происходитъ дѣйствіе, которую нельзя прекратить по желанію. Ужасно!

XXVI.

Казанская гостя пріѣзжаетъ въ назначенный срокъ и привозитъ извѣстія, которыя сразу измѣняютъ все: настроеніе наше, образъ жизни, настоящія намѣренія и дальнѣйшіе планы.

Холера охватила уже все низовье Волги, отъ Астрахани и до Казани. По официальному донесенію, было семь случаевъ въ самой Казани. Пароходы выдерживаютъ карантинъ и идутъ подъ желтыми флагами. Въ Тетюшахъ строятъ холерный баракъ, и мы не знаемъ даже этого. Вотъ что значитъ недостатокъ лошадей. Въ прежнее время это было бы невозможно.

Земскіе начальники вызываются на совѣщаніе. Егоръ Егоровичъ уже отправился. Предписываются санитарныя мѣры и не упоминается ни слова о столовыхъ.

Въ письмахъ изъ дому, полученныхъ съ эказіей, въ первый разъ—открытое извѣщеніе о холерѣ и настойчивое требованіе немедленнаго возвращенія.

Я не имѣю ничего противъ того. До осязаемости ясно я чувствую, какъ съ каждымъ днемъ все туже и выше, какъ струны музыкальнаго инструмента, натягиваются и взвинчиваются нервы—безполезно и бесплодно, ибо никакая доброжелательность, никакія усилія не въ состояніи создать того, чего нѣтъ у насъ и должно не хватить въ скоромъ времени — денегъ и хлѣба... И къ прежнему прибавляется теперь новое бѣдствіе.

Отъѣздъ—вынужденный, неожиданный—является спасеніемъ, выходомъ для меня лично, и я имъ пользуюсь. Холера, безъ сомнѣнія, не остановится въ Казани, а пойдетъ или уже пошла дальше—въ Нижній, въ Москву. Медлить нельзя.

Вѣра Семеновна совѣтуетъ до послѣдней минуты ничего не

говорить объ отъѣздѣ изъ предосторожности, опасаясь нападеній дорогой, — уговариваетъ уѣхать, не прощаясь ни съ кѣмъ.

Но передъ отъѣздомъ мнѣ удастся увидетьъ большую часть знакомыхъ крестьянъ. Они другъ за другомъ кучками и по одиночкѣ собираются на барскій дворъ, устанавливаются вокругъ крыльца и вызываютъ меня.

Вѣры Семеновны вѣтъ дома. Я выхожу одна, недоумѣвая, что означаетъ это сборище. По столько не собирались еще ни разу. Бабу почти не видно; пришли одни мужики. Всѣ безъ шапокъ.

Сѣдой, знакомый старикъ выходитъ впередъ и держитъ рѣчь. Содержаніемъ ея служатъ тревожные слухи о закрытіи столовыхъ и прекращеніи продовольствія.

— Матушка, милостивица ты наша! Гладомъ умираемъ... Не дай помереть...

Онъ не падаетъ на колѣни, не плачетъ, а прислоняется головой къ выступу крыльца и молчитъ. И кругомъ всѣ молчать.

Я должна говорить...

Прощаюсь съ собравшимися, объясняя свой отъѣздъ домашнею необходимостью, и не нахожу въ себѣ мужества возвѣстить имъ о новомъ бѣдствіи.

Уѣзжаю съ мучительнымъ чувствомъ человѣка, понявшаго бесплодность перенесеннаго мученія.

Мысли объ опасности, возможности нападенія, ограбленія — не тревожатъ меня въ продолженіе обратнаго пути. Другого рода тревога, скорбное недоумѣніе охватываетъ умъ, вопросы встаютъ передъ смущенной душой...

И я не знаю отвѣта...

Л. Нелидова.

СИБИРСКІЯ КАРТИНКИ

XVIII-го ВѢКА.

Изъ дѣлъ сибирской старины.

РАЗСКАЗЪ.

„Наше историческое развитіе шло по своему“.

Н. Данилевскій.

Окончаніе.

XIV *).

Извѣстный своею добротою и религіозностью московскій сенаторъ И. В. Лопухинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ интересныхъ записокъ говоритъ: „Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ“, но ежели осмѣлится сказать, то Онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ ¹⁾. Это замѣчаніе получить себѣ не одно подтвержденіе въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ дальнѣйшее теченіе дѣла „о небытіи“, которое развивалось давно и закончилось еще давнѣе.

„Фаворъ“, которымъ духовенство пользовалось при Елизаветѣ Петровнѣ, прекратился съ воцареніемъ Екатерины II, и тогда же рѣзко перемѣнилась „долго сдерживаемая политика свѣтскихъ правителей“.

*) См. выше: мартъ, 177 стр.

¹⁾ См. *Русскій Архивъ* 1884 № 1 стр. 32. „Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйств. тайн. совѣтн. сенатора И. В. Лопухина, сочин. самимъ“

Бывшій въ то время въ Сибири губернаторомъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, „пылкій грѣшникъ, пользовавшійся неограниченною властью“, рѣзче всѣхъ обнаружилъ „нетерпѣливое самовластіе“ и началъ усмирять распущенное сибирское духовенство. Для того, чтобы взяться за это, Денисъ Ивановичъ имѣлъ поводъ, поданный дѣломъ „о небытіи“.

По веснѣ 1767 года онъ получилъ изъ Петербурга „выговоръ“ за то, что штрафныя деньги „за небытіе“ у исповѣди собираются неуспѣшно. Чичеринъ вникъ въ дѣло и пришелъ въ негодование на то, какъ безуспѣшно вело это дѣло духовенство, и сразу же „вынужденнымъ“ нашелся сдѣлать распоряженіе ¹⁾, чтобы сельскіе *старосты* и *сотскіе* во время постовъ *сами вели подробные и обстоятельные списки о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и доносили бы въ канцелярію* ²⁾ для того, чтобы по полученіи росписей духовныхъ можно было ихъ повѣрить“.

Такое распоряженіе Чичерина было не только въ высшей степени безцеремонно и грубо, но оно даже и не основывалось ни на какомъ правѣ, такъ какъ дѣло о штрафованіи за „небытіе“ лежало на отвѣтственности духовнаго вѣдомства. Арсеній Мацѣевичъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы на эту дерзость еще большею дерзостью, но архіерей Варлаамъ (Петровъ) снесъ это.

Сельскіе старосты и сотскіе исполнили порученное имъ губернаторомъ церковное дѣло и представили составленные ими списки Чичерину; но тогда приходскіе священники, увидѣвши, что справа о небытіи ускользаетъ изъ ихъ рукъ, обнаружили свою дѣеспособность и сами тоже составили списки и прислали ихъ въ консисторію. Отъ этого избытка, однако, добра не вышло, а произошла только большая путаница, которую сначала принимали за случайность, а потомъ стали приписывать хитрому и дальнозоркому расчету духовныхъ, доставившихъ отъ себя списки небытейцамъ, кромѣ тѣхъ, которые составили старосты. Когда дошло до наложенія штрафовъ и привелось свѣрять списки, присланные сотскими къ губернатору, со списками, полученными въ консисторіяхъ отъ священниковъ, то оказалось, что между одними и другими огромная разница, которой согласить невозможно. Кто записанъ въ „небытіи“ у сотскихъ и старостъ, тотъ отмѣченъ „бывшимъ“ у священниковъ—и наоборотъ. Поднялась страшная кутерьма: Чичеринъ принималъ сторону своихъ подчиненныхъ, а архіерей отстаивалъ своихъ, и пока

¹⁾ Указъ 11-го мая, 1767 года.

²⁾ Очевидно, „въ канцелярію губернатора“.

успѣли что-нибудь выяснить, Чичеринъ въ 1771 году получили уже „высочайшій выговоръ и страшно ожесточился“ ¹⁾).

Должностныя лица въ Сибири были этимъ очень удивлены, такъ какъ губернаторы до сихъ поръ никогда еще не подвергались отвѣтственности за дѣла церковнаго управленія, а Чичеринъ, „пользовавшійся неограниченною властію“, былъ такъ сконфузень!.. Всѣ знали, что онъ самолюбивъ безмѣрно, и всѣ сразу сказали, что „Чичеринъ этого не стерпитъ“.

XV.

Чичеринъ и дѣйствительно не стерпѣлъ, и началъ ожесточенную „войну съ попами“: онъ тотчасъ же самъ „выѣхалъ въ губернію на ревизію“ и самъ ревизовалъ „почти въ каждомъ селѣ“ церковныя документы и неисправныхъ священниковъ бралъ подъ стражу, сажалъ въ холодную, а нѣкоторыхъ подъ карауломъ отсылалъ въ Тобольскъ, въ свою канцелярію, гдѣ ихъ заставлялъ составлять или исправлять невѣрно ими составленные документы“. Но какъ ни энергиченъ былъ Чичеринъ, онъ однако немного успѣлъ въ своей „войнѣ съ попами“, потому что обревизовать Сибирь такимъ образомъ, какъ онъ началъ, ему не удалось бы даже въ теченіе многихъ лѣтъ, а къ тому же и представители сибирскаго приходскаго духовенства сдѣлали для него успѣхъ ревизіи совсѣмъ невозможнымъ. Священники, слѣдя за маршрутомъ губернатора, устраивали Чичерину такую подготовку, что какъ только онъ наѣзжалъ на одно храмовое селеніе и начиналъ тамъ смотрѣть церковныя документы, такъ объ этомъ быстро узнавали духовныя сосѣднихъ приходовъ, и сейчасъ же всѣ батюшки „уѣзжали къ боли“. Въ домахъ же поповскихъ оставались однѣ попады да дѣти, и можетъ быть еще какой-нибудь безотвѣтный дячокъ, который ничего не зналъ въ „небытейскихъ книгахъ“. На разспросы же губернатора о попѣ—„отвѣчали, что попъ отѣхалъ въ приходъ, а когда назалъ будетъ—невѣдомо. А послать за нимъ для сыску нельзя, потому что поѣхалъ онъ не въ одно мѣсто, а приходы пространствомъ безмѣрные, во всѣ стороны“.

Губернатору оставалось развѣ самому садиться у попа и ждать его возвращенія.

¹⁾ Въ указѣ отъ 15-го сент. 1771 г. сказано, что высочайшій выговоръ послѣдовалъ въ томъ году, 24-го августа.

Нетерпѣливый и гнѣвный Чичеринъ увидалъ себя одураченнымъ и возвратился въ Тобольскъ, „скрежеща зубами и искій кого поглотити“.

Тѣ попы, которые не успѣли бѣжать „къ боли“ и были забраны къ Чичерину въ канцелярію, за всѣхъ пострадали и отвѣтили. Чичеринъ съ ними не поцеремонился и сорвалъ на нихъ свой пылкій гнѣвъ; но какъ онъ былъ вспыльчивъ и непостояненъ, то ему надобно съ ними возиться и лучше показалось свалить опять все на руки епархіальнаго вѣдомства, которое тоже поступило и не хотѣло болѣе контрировать съ губернаторомъ: теперь архіерей самъ просилъ Чичерина, чтобы полицейскіе агенты помогали духовнымъ.

Такимъ образомъ, архіерей и губернаторъ заключили унію и взялись вести „государственное дѣло“ строго: духовный ли, свѣтскій ли „агентъ“ попадется въ винѣ—ни одному не давать поблажки.

Первый попался „нижне-тунгусскій попъ съ причтомъ“¹⁾.

Тобольская консисторія предписала туруханскому закащику (благочинному), „истребуя отъ тамошняго городничаго, или земскаго суда, двухъ нарочныхъ сыскать ниже-тунгусскаго погоста попа съ причтомъ въ духовное правленіе и тутъ ихъ, доколѣ они за 1789 годъ росписей не исправятъ, *держатъ безъ выпуску въ цѣпяхъ подъ карауломъ и денно-нощно ихъ къ тому принуждать*“.

Однако и это ни къ чему не повело: и тунгусскій попъ убѣжалъ, да и вообще попы „разбѣгались“, а тѣ, которыхъ ловили и сажали на цѣпь, „сидѣли безъ выпуску“, но проку отъ этого не выходило, потому что списковъ они составить не могли, ибо неисправность была уже слишкомъ долго запущена.

А какъ „сѣнодь требовалъ списка неотступно“, то несчастная консисторія вынуждена была сознаться, что она „ничего не можетъ сдѣлать, понеже духовныя правленія и священноцерковнослужители *по безстрашію ихъ* о государственномъ дѣлѣ не брегуть“.

Дойдя до откровеній о своей несостоятельности, консисторія уже не стѣснялась и выкладывала всю правду: въ іюлѣ 1786 года она доносила, что у нея совѣмъ не на кого положиться, потому что и закащики, и члены духовныхъ правленій, всѣ „ослушники, огурники, супротивники и коварники“. Вся соль осолилась! Утрата дисциплины и повиновенія была полная, но однако во

¹⁾ Указъ консисторіи 20-го августа 1790 г.

многихъ случаяхъ трудно было и ждать исполнительности и повиновенія. Закащики вытребовывали „поповъ“ изъ-за сотенъ и даже изъ-за тысячъ верстъ, „для вчиненія рукоприкладствъ“ и другихъ неважныхъ дѣлъ, безъ чего было можно обойтись, и „держали ихъ въ заказахъ долго, по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ, а отъ такихъ сыскиваній происходили для сельскихъ причтовъ великіе убытки въ переѣздахъ, поминкахъ и подаркахъ, а въ приходахъ остановка въ исполненіи духовныхъ требъ.

Тобольская консисторія поповъ не жалѣла и стала „просить губернаторовъ, чтобы они приказали городничимъ и исправникамъ давать сыщиковъ“, которые должны „приводить неисправныхъ священниковъ въ духовныя правленія и держать тамъ подъ карауломъ до окончанія росписей“, но черезъ мѣсяць консисторія сдѣлала еще болѣе: она совѣмъ уже предала „свою команду“ мірскимъ командирамъ и „съ дозволенія губернаторовъ“ прямо сама отъ себя предписала всѣмъ исправникамъ и городничимъ держать подъ стражею безвыпускно и самихъ закащиковъ (благочинныхъ) и всѣхъ членовъ духовныхъ правленій, поколѣ они всѣхъ росписей не исправятъ и не отошлютъ къ его преосвященству“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, все тогдашнее непослушное „безстрашное“ и „огурное“ духовенство Сибири, выведя изъ терпѣнія свое начальство, было имъ „предано во власть мірскихъ чловѣковъ“, т.-е. губернаторскихъ чиновниковъ, которые „со дней митрополита Арсенія точили на нихъ зубы, но только не смѣли на оныхъ въ дѣйствіяхъ покуситься“, а теперь эти приказные получали право всѣхъ мало-мальски неаккуратныхъ священно-церковнослужителей „хватать яко неблагопокорныхъ“, и лишить ихъ свободы, и держать безвыпускно... Чиновники постарались показать свое усердіе и такъ „хватали“, что Сибирь во многихъ мѣстахъ осталась безъ требоисправителей, но „батюшка Денисъ Ивановичъ“ объ этомъ не беспокоился и „истязалъ поповъ такъ, что даже кожа на нихъ трещала. А объ отвѣтъ не унывалъ, мня яко въ потребный часъ вся покрыеть своею орденскою мантиею“.

Тутъ сибирскіе требоисправители, лишенные свободы и доходовъ, потеряли свое „огурство“ и, „впавъ въ рудъ Чичерина, явились благопослушны“: они написали списки.

Чичеринъ хвалился: „Я сказалъ, что я свое возьму, и вотъ я взялъ!“ А вышколенные имъ попы, отъѣзжая изъ его канце-

¹⁾ Ук. 17-го апр. № 1414.

ляріи, говорили себѣ: „Похвальбишка! Ну, взялъ — такъ и взялъ, а подожди хвалиться-то!“

XVI.

Въ 1794 году росписи пришли и изъ всѣхъ сибирскихъ казавъ, ибо „до всѣхъ дошло вѣденіе яко вси преданы Чичерину“, и въ Тобольскѣ консисторскіе подъячіе сдѣлали изъ тѣхъ росписей „экстрактъ“, который и былъ представленъ въ сѣнодь¹⁾. Требованіе начальства этимъ было выполнено: вся „скала небытія“ обозначилась на виду, и все оформлено и приведено въ надлежащій порядокъ, такъ что можно было составить смѣту: сколько придетъ дохода отъ небытія; но на мѣстахъ, при самомъ обложеніи денежною платою за „небытіе“, начали вновь обнаруживаться невѣроятныя вещи, черезъ которыя опять должна была происходить несусвѣтная путаница. При повѣркѣ на мѣстахъ оказалось, что „въ числѣ показанныхъ (по спискамъ) небывшими нерѣдко попадали *давно умершіе* или (находившіеся) по нѣскольку лѣтъ въ бѣгахъ, въ ссылкѣ, или переселенные куда-нибудь въ Иркутскую или въ Якутскую области. Напротивъ, истые раскольники, записанные свѣтскими властями въ двойной окладъ, оказывались отмѣченными въ числѣ *бывшихъ* у исповѣди и притомъ за нѣсколько лѣтъ кряду“...

Отчего же и какъ могла произойти такая неисправность при всей наличности внѣшняго рачительства и порядка со стороны „тѣсно ущемленнаго Чичеринымъ духовенства“, и что еще можно было теперь измыслить: кому еще во второй разъ „предать“ духовенство и какъ его „защемить“, чтобы добиться отъ него точно обозначенной „скалы небытія“? И вотъ тутъ, въ эту-то пору, въ самой канцеляріи у Чичерина явилось убѣжденіе, что въ такомъ огромномъ и дикомъ краѣ, какъ Сибирь, рѣшительно нельзя услѣдить за всѣми, кто исповѣдуется, а кто не исповѣдуется, и что потому правильное обложеніе налогомъ за „небытіе“ есть вещь невозможная. А то, чего сѣнодь достигъ послѣ множества усиленныхъ и неотступныхъ требованій, была просто фикція, которую продѣлали надъ Чичеринымъ „преданные ему и имъ тѣсно ущемленные попы“, и надъ другимъ начальствомъ „подъячіе духовныхъ правленій и консисторій“, которые, будучи „нуждою и страхомъ гонимы и побуждаемы“, всѣ писали въ спискахъ „что попало“.

¹⁾ Ук. 24-го февр. 1794, № 234.

Казалось бы, что такой велемощный сановникъ, какъ Денисъ Ив. Чичеринъ, увидавъ дѣло какъ есть, такъ и долженъ былъ донести о немъ въ Петербургъ, чтобы тамъ знали настоящее положеніе и не требовали того, что невозможно исполнить,—но Чичеринъ этого не сдѣлалъ. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ понизить статью въ смѣтѣ ожидаемыхъ доходовъ, которую все-таки желали собрать, а можетъ быть весь его большой будто бы характеръ выходилъ на кипяченіе и озорство, съ кѣмъ это было удобно, а для правдиваго представленія о дѣлахъ вѣрннаго ему края духа у него не доставало...

Приходскіе же священники кромѣ того, что они не могли, но они и не умѣли составить вѣрныхъ отмѣтокъ „о небытіи“¹⁾. И они это поняли и увидали, что имъ надо дѣлать. Такъ какъ не доставлять списковъ стало нельзя,—потому что за это „можно впасть въ ружь Чичерина“, а если составить „списки сочиненные“, то можно попасть въ руки подъячихъ,—то малописьменные попы исхитрились такъ, что стали поручать составленіе отмѣтокъ „о небытіи“ самимъ же подъячимъ, служившимъ въ тѣхъ самыхъ духовныхъ правленіяхъ, куда надо было представлять списки, а на то, чтобы вознаградить этихъ подъячихъ за трудъ ихъ, завели со всѣхъ своихъ прихожанъ обоого пола новый „безобидный *сборъ за уволокъ* отъ исповѣди по 5 копѣекъ съ души“²⁾.

Устроивши такимъ манеромъ экономическую сторону дѣла, сибирскіе священники еще лучше устроили техническую сторону операціи: они захотѣли сдѣлать такъ, чтобы требовательное начальство получало для своего удовольствія списки о небытейцахъ, но чтобы списковъ этихъ въ приходахъ не писать, такъ какъ отъ этого только двойная работа: пусть кто эти списки ревируетъ — тотъ самъ же ихъ и *сочиняетъ*. На этомъ священники уговорились съ консисторскими приказными и стали присылать этимъ подъячимъ „бѣлые листы съ своею подписью да хлопотныя деньги по количеству“, и подъячіе брали деньги, а на бѣлыхъ листахъ писали въ списки что знали, „по примѣру прошлыхъ лѣтъ“, и пригоняли текстъ списковъ „какъ прилично къ сдѣлан-

¹⁾ Въ числѣ сибирскихъ священниковъ того времени было много малограмотныхъ, „едва умѣвшихъ только читать церковное“. Религіозная образованность ихъ была такая, что даже одинъ „градскій священникъ“ г. Кузнецка, по фамиліи Ломшаковъ, на вопросъ протоіерея Комарова: „какъ читается седьмая заповѣдь?“—отвѣчалъ: „Помилуй мя, Боже“, а на вопросъ: „сколько таинствъ и какая ихъ сущность?“ далъ отвѣтъ: „таинствъ есть *десять*, а сущность ихъ непостижима“ (Указ. тоб. дух. консист. 27-го апр. 1770 г.).

²⁾ Дѣло томск. дух. консистор. въ „Колокольномъ Архивѣ“ Алексѣевского монастыря.

нымъ заранѣе подписямъ“, и, разумѣется, списки, составленные такимъ образомъ, подъячіе уже не браковали и не возвращали, а направляли дѣло выше, гдѣ оно веселило ожидавшихъ результатовъ, которые должны были „оправдать предназначенія“. И пошло бы это вѣроятно на многія лѣта, но вмѣшался врагъ и все дѣло испортилъ: священники, собирая по пятаку за уволоку, не все отдавали подъячимъ и не хотѣли ничего удѣлять своимъ причетникамъ, которые разсердились и о всемъ донесли и на поповъ, и на приказныхъ. Неумѣренная жадность поповъ разрушила такую удобную организацію и оба начальства—свѣтское и духовное—явились другъ передъ другомъ въ недостойномъ ихъ, смѣшномъ видѣ.

Но надо было, разумѣется, доказать, что списки небытейщикамъ сочиняютъ приказные, и за этимъ дѣло не стало: не только между причетниками, но даже и между приказными нашелся предатель: одинъ приказный обидѣлся, что попъ, съ которымъ они состояли въ компаніи, прислалъ ему мало денегъ. Подъячій навелъ справку: сколько попъ собралъ, и сравнилъ съ тѣмъ, сколько онъ ему доставилъ, увидалъ, что онъ удержалъ у себя львиную долю, и это приказному не понравилось и показалось обидно. А какъ и другіе подъячіе имѣли подозрѣніе на другихъ поповъ, что они передаютъ не все, чтѣ собираютъ „за уволоку“, то мстивый подъячій рѣшился наказать всѣхъ поповъ за ихъ жадность и отправилъ въ консисторію, какъ будто бы по ошибкѣ... вмѣсто списковъ—одни пустые листы бумаги, съ поповскими подписями!..

Неопровержимая улика была на-лицо, и отъ этого людямъ стало не лучше, а еще хуже: теперь, когда консисторскіе подъячіе знали плутню правленскихъ и, посмотрѣвъ многія сохраняемые росписи, увидали, что всѣ онѣ писаны одною рукою подъячаго,—консисторскіе потребовали себѣ части отъ правленскихъ, а тѣ отъ поповъ, а попы должны были увеличить сборъ съ мірянъ. И такъ дѣло опять уладилось.

Вмѣсто прежняго „повального положенія“, при которомъ „попъ собиралъ за уволоку по 5 к. съ души“, теперь плата повысилась.

Все это теперь происходило явно и священникъ непременно долженъ былъ дѣлать эти поборы, потому что иначе онъ своими списками никогда бы подъячимъ не угодилъ и его замучили бы „истязаніями“.

Но и въ этомъ усовершенномъ порядкѣ опять обнаружили свои недостатки, которымъ начальство не нашлось какъ помочь,

а оборотистое сибирское духовенство опять само изъ нихъ вы-
билось.

Когда старыми сборами „за уволоку“ пришлось дѣлиться съ
большимъ числомъ участниковъ, тогда приходскіе священники
ввели еще одинъ поборъ „за скверноядство“.

Эта статья очень любопытная, но она требуетъ отступленія
и объясненій.

XVII.

Еще въ началѣ XVII столѣтія казаки, „простираясь къ сѣвер-
нымъ предѣламъ Сибири, подбивали подъ власть свою вогуловъ,
остяковъ, тунгусовъ, юроковъ, якутовъ и другихъ народцевъ, коче-
вавшихъ въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ Сибири“. Когда окан-
чивалось покореніе или „подбитіе“, тотчасъ же начинались заботы
о введеніи новыхъ порядковъ: „о сборѣ ясака и о просвѣщеніи
свѣтомъ истинной вѣры“.

Для этого казаки узнавали пункты, гдѣ „народцы“ въ извѣст-
ные сроки сходятся другъ съ дружкой, чтобы обмѣняться до-
бычею своихъ лововъ и иныхъ промысловъ. Тутъ казаки сейчасъ
же и завели „постройки“, которыя назвались „острожками“, или
„острогами“, или „крѣпостями“, а впослѣдствіи „городами“.

Такимъ образомъ возникъ Березовъ, Обдорскъ, Сургутъ, На-
рымъ, Туруханскъ, Якутскъ и другіе нынѣшніе города. Перво-
начальное заведеніе здѣшнихъ городовъ обыкновенно шло такъ:
сначала строили первую избу для воеводы, вторую для попа и
третью, общую, для „служилыхъ людей“, а насупротивъ ихъ — ссып-
ной амбаръ для хлѣба, погребъ для пороху и церковь. Церковь
была „та же изба, только съ крестомъ на крышѣ“.

Заводили осѣдлости на такихъ мѣстахъ, гдѣ кочевники имѣли
обычай сходить для мѣны; тутъ ихъ разсчитывали „осѣтить
и обратъ съ нихъ ясакъ“. Придуманно было хорошо, и казаки,
указавъ заводчикамъ, какъ собирать ясакъ, указали и слѣдовав-
шимъ за ними священно-церковнослужителямъ средства, какъ
„просвѣщать язычниковъ святою вѣрою и чѣмъ отъ нихъ кор-
миться“. „Просвѣщать же язычниковъ“ — это было цѣлю прибы-
тія духовныхъ въ сибирскую глушь, а „кормиться“ отъ своей паствы
имъ было необходимо, такъ какъ отъ казны имъ на все прожитіе
было „пожаловано въ годъ на попа по 28 руб., а на причетника
по 18 рублей на ассигнацію“ (= 8 р. и 5 р. 30 к.). „Паства“,
которую только-что накрестили, вся состояла изъ кочевниковъ,
которыхъ цѣлый годъ не увидишь — только разъ въ годъ, въ

обычное время они сближаются къ извѣстнымъ мѣстностямъ для взаимнаго торговаго размѣна, и тутъ-то надо около нихъ сдѣлать все, что нужно, т.-е. и „осѣтить, обратъ ясакъ и научить святой вѣрѣ“. Когда воеводы со своими служилыми людьми хлопочутъ собирать съ народовъ ясакъ въ казну, тутъ же и священнику одно только время научить язычниковъ христіанству и исполнить для нихъ заднимъ числомъ всѣ церковныя требы для живыхъ и мертвыхъ, и получить съ нихъ за это требоисправленіе побольше шкуръ въ свою пользу.

Въ церкви, или какъ сами казаки называли ихъ— „въ церквицѣ“—въ теченіе года бывали только воевода да его служилые люди, а „ясашныхъ“ прихожанъ никогда не бывало. Молились ли они, и какъ, и кому молились въ теченіе всего года—объ этомъ священникъ не могъ знать, и церкви, и попа они боялись; но зато, когда они сходились, чтобы отдать ясакъ воеводѣ, казаки „имали ихъ и загоняли на требы къ попу“, и „народцы“ одинаково считали „ясакомъ“ какъ то, что они платили воеводскимъ служилымъ людямъ, такъ и то, что платили попу. Такъ они и говорили, что должны платить „два ясака: одинъ воеводѣ, а другой попу“¹⁾. Оба ясака взымались съ большимъ произволомъ: служилые люди „донимали“ съ дикарей вдвое и болѣе противъ положеннаго, угрожая за недодачу лишеніемъ драгоценной всякому свободы, а духовенство „правило свой ясакъ по количеству“, т.-е. по числу душъ, которое дикари сами показывали въ своихъ семействахъ „съ удивительною простотою“. Попъ спрашивалъ дикаря: „кто въ семьѣ родился, и кои померли, и кои жить поймались на ново какъ мужъ съ женою“, а дикарь достаточно уже умудренный опытомъ, что ему отъ этихъ разспросовъ выйдетъ вредъ, все-таки всегда давалъ откровенный и справедливый отвѣтъ „съ врожденною простотою“. По его же показаніямъ попъ его и „облагалъ, какъ повелось по правиламъ: за крещеніе новорожденнаго дитя 10 либо 15 бѣлокъ, за „очищеніе“ (?) 5 бѣлокъ, за женитву—2 соболя или 5 песцовъ“. Иногда надъ дикарями заднимъ числомъ исполняли какіе-нибудь обряды, но большею частію дѣло ограничивалось только сборомъ ясака, а наличностью производилась только одна исповѣдь,—причемъ за разрѣшеніе грѣховъ всей семьи расплачивался съ попомъ старшій въ родѣ, и тутъ приходилось торговаться. Съ обыкновеннаго грѣшника брали отъ пяти до десяти бѣлокъ, но съ такого, у котораго было больше, священникъ требовалъ и ясакъ побольше, а въ общей сложности

¹⁾ См. „Сибирскій лѣтописецъ“,—о ясакаѣ.

для отца семейства или главы рода это составляло расчетъ, противъ котораго онъ спорилъ. Исповѣднѣй ясакъ иногда доходилъ до двухсотъ бѣлокъ на семейство, и дикари этимъ очень тяготились, но „по простотѣ своей“ своихъ грѣховъ все-таки не скрывали, а только спѣшили скорѣе „очиститься и бѣжать“. Обыкновенно они „убѣгали“ тотчасъ же послѣ исповѣди и не дожидались причастія, о важности котораго совсѣмъ не имѣли понятія.

Сибирскіе священники распоряжались наложеніемъ ясака по всей своей волѣ. Свѣтскія власти въ это не вмѣшивались, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ „бироновщины“, когда „духовнаго чина людямъ началось отъ свѣтскихъ командировъ и еретиковъ притѣсненіе и тѣга“, но они „черезъ это время отстоялись и скоро достигли лучшаго вѣка Елизаветы“. Однакоже, какъ и въ Елизаветино время, духовнымъ большаго жалованья не дали, то духовные прибавили къ ясаку „подать за скверноядство“.

XVIII.

Что значить „скверноядство?“ Это то, если человѣкъ ѣстъ что-нибудь „скверное“, т.-е. „непоказанное ему для употребленія въ пищу“. Скверное это не у всѣхъ одно и то же: въ старой Руси сквернымъ почиталась телятина и теперь многими почитается за „скверно“ — угорь, налимъ, минога, раки и устрицы, мясо козы, зайца, голубя и черепахи и т. д. Въ Сибири на огромныхъ пространствахъ, гдѣ кочуютъ „народцы“, нѣтъ ни посѣвовъ, ни убойнаго скота, имѣющаго раздвоенныя копыта и отрыгающаго жвачку, а потому кочевники употребляютъ въ пищу все, что можно съѣсть, и между прочимъ мяса „животныхъ, не показанныхъ“ по требнику, а именно: „медвѣжьёю говядину, соболей и бѣлокъ“.

Дикари ѣли эту пищу всегда, съ тѣхъ поръ какъ живутъ, и пока они не были окрещены Иннокентіемъ Кульчицкимъ, имъ и не представлялось, что это „скверно“. Впрочемъ и св. Иннокентій, зная мѣстныя условія жизни, взысканій за эту „скверность“ не налагалъ. Но теперь настала пора извлечь изъ этого выгоду.

Сибирскіе духовные положили очищать „скверноядущихъ“ дикарей особою молитвою, а за прочтеніе ея наложили „новый ясакъ“ съ таксаціею: 1) за яденіе медвѣжьёй говядины—одна цѣна, 2) за яденіе лисьяго и соболяго мяса—другая, и 3) за бѣлокъ и иныхъ меньшихъ звѣрковъ—третья.

За все это пошли сборы очень прибыльные, но и хлопотливые,

такъ какъ надо было „слѣдить за скверноядцами, и настигать ихъ“, и тутъ ихъ „обкладывать и очищать молитвою“, чтобы они потомъ вновь начинали „скверно ѣсть“ на-ново ¹⁾.

Духовные отбѣзжали въ поля для „настиганія и сбора“, при чемъ полевали не всегда тихо и случалось, что народцы на нихъ плакались, и свѣтскія власти пробовали защищать „народцы“, но тутъ въ сибирскомъ краѣ получили могучее значеніе Арсеній Мацѣвичъ, который имѣлъ „непобѣдимую дерзость“ и стоялъ горой за духовныхъ ²⁾. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Сибирь, когда Биронъ и „еретики“ были уже „свержены“, и могъ знать Сибирь превосходно, такъ какъ въ 1734 г. онъ находился въ экспедиціи, посланной для открытія морского пути въ Камчатку и пробылъ въ Сибири до 1736 года, когда „по секретному дѣлу“ былъ привезенъ изъ Пустозерска въ Адмиралтействъ-Коллегію, „но признанъ невиннымъ“. Онъ былъ упрямъ и дерзокъ отъ природы; питалъ нерасположеніе къ „свѣтскимъ властямъ“ и всегда готовъ былъ дать имъ себя почувствовать. А потому, когда онъ достигъ, въ 1741 г., сана сибирскаго митрополита, онъ тотчасъ же издалъ „циркуляръ“ ³⁾, „чтобы священно-церковнослужители отнюдь не смѣли обращаться въ свѣтскіе суды помимо своего епископа, подъ опасеніемъ низверженія по 11 правилу Антиохійскаго собора“, а черезъ четыре мѣсяца совсѣмъ освободилъ духовенство отъ подчиненія свѣтскимъ властямъ и „указонилъ непослушаніе онымъ“. Въ іюлѣ 1742 г. митрополитъ Арсеній „повелѣлъ, чтобы никто изъ духовныхъ лицъ безъ позволенія своей духовной команды никакихъ отъ свѣтской команды присылаемыхъ указовъ *не слушали*, и ежели кто отъ свѣтскихъ командировъ безъ сношенія съ духовною командою *дерзнетъ* кого изъ духовныхъ лицъ насильно къ суду своему

¹⁾ По требнику, какой нынѣ находится въ употребленіи, имѣтъ раздѣленія разныхъ видовъ „скверноядства“. „Молитва о скверноядшихъ“ читается такъ: „Владыка Господи Боже нашъ, иже съ вышнихъ живыи и на смиренныя призиралъ: привлони ухо твое и услыши насъ молящихся тебѣ, и подаждь прощеніе твоему рабу имя рекъ скверно-ядшему, и вкушему мясъ или каковыхъ любо (sic) брашенъ нечистыхъ ихъ же свѣди отрекъ если въ законѣ святѣмъ твоемъ,—сихъ же неволю причастившагося прости и сподоби его неосужденно причаститься страшныхъ таинствъ честнаго тѣла же и крове Христа твоего, яко да избавится прочее всякаго нечистаго воспріятія и дѣянія, яко напитавався божественными твоими таинствами и наслаждаяся святія твоя и тайныя трапезы и безсмертныхъ таинствъ и сохраняемый съ нами во св. твоей церкви восхвалить и прославить имя твое вышнее во вся дни живота своего“ (Требникъ, гл. 52).

²⁾ Изъ „синадальныхъ іеромонаховъ“, хирот. 26-го марта 1741 г. во еписк. сибирскаго и тобольскаго; 1742 мая 13 митроп. ростовскій.

³⁾ 28-го февр. 1742 г.

привлекать, или *въ свидѣтельствъ какомъ спрашивать*, или указы какіе безъ сношенія съ духовною командою духовнымъ лицамъ отъ себя посылать, то таковымъ присылать обстоятельные письменные протесты въ скорости“.

Сибирское духовенство тогдашняго времени, и безъ того дерзкое и непокорное, увидало въ этомъ циркулярѣ Арсенія „законъ непокорности свѣтскимъ властямъ“ и, „опираясь на него, упорно отказывалось отъ всякихъ сношеній съ свѣтскими судами и администраторами“. Духъ же, возобладавшій тогда въ правительствѣ, заставлялъ администратора „признать мнимую законодательную силу указа митрополита Арсенія“.

При такихъ обстоятельствахъ, какія бы жалобы ни доходили отъ обывателей до „свѣтскихъ командировъ“ на „нестерпимые поборы“ со стороны духовенства, — командиры эти никакой защиты „претерпѣвающимъ“ оказать не могли.

Арсеній однако здѣсь пробылъ недолго: заведя порядки въ Сибири, онъ былъ отозванъ на ростовскую кафедру, а на мѣсто его стали другіе: Антоній Нарожницкій, (1742—1748), а потомъ Селиверстъ Гловатскій (1749—1755). Это были люди не такіе крутые, какъ Мацѣевичъ, но „законъ Арсенія стоялъ въ своей силѣ“ и духовенство постоянно оказывало „непокорность“ свѣтскимъ правителямъ. Бывали въ этомъ родѣ случаи, которымъ даже трудно вѣрить.

Въ 1751 году (при Селиверствѣ Гловатскомъ) проживавшій въ г. Томскѣ коллежскій ассесоръ Костюринъ убилъ принадлежавшую ему крѣпостную дѣвку, а потомъ велѣлъ ее одѣть и „положить подъ святыя“ и позвать священника, чтобы отправить по ней панихиду. Пришелъ священникъ „градо-богоявленской церкви съ причетомъ“, и когда стали пѣть панихиду, то „*причетъ*“ усмотрѣлъ на покойницѣ боевые знаки и тотчасъ же, по выходѣ изъ дома Костюрина подалъ о томъ вѣденіе въ воеводскую канцелярію“. Воеводская канцелярія сразу же, „немедленно“ послала своихъ полицейскихъ, или, по тогдашнему, „дѣтей боярскихъ“, чтобы тѣ освидѣтельствовали тѣло усопшей, и по этому осмотру оказалось, что „причетъ“ не ошибся: „на тѣлѣ умершей были найдены боевые знаки, которые и были признаны смертельными“.

Воеводская канцелярія тотчасъ же начала слѣдствіе, но „по силѣ указа митрополита Арсенія, отъ 22-го іюля 1742 года не сочла себя въ правѣ отобрать формальное показаніе отъ „причета“. Надо было испросить на это разрѣшеніе у „закащика“ (благочиннаго), а „закащикъ“ былъ въ отлучкѣ по своему заказу

и скорого возвращенія онаго нечаятельно“. Томская воеводская канцелярія, 28-го ноября 1751 года, донесла о своемъ затрудненіи въ губернскую канцелярію, а та, 8-го апрѣля 1752 г. (черезъ пять мѣсяцевъ послѣ убійства), „заглушала“ это донесеніе, а 19-го августа (черезъ девять мѣсяцевъ) сообщила тобольской духовной консисторіи, которая „свѣтскимъ командиромъ“ людей своей команды спрашивать не дала, а ровно черезъ годъ послѣ убійства, въ ноябрѣ 1752 года, послала въ Томскъ указъ своему „закащику“, и этимъ указомъ¹⁾ „съ резолюціи митрополита Селиверста“ предписано закащику „самому отобрать нужныя по этому дѣлу показанія отъ причта градо-богоявленской церкви и доставить оныя не въ томскую воеводскую канцелярію“, которая ожидала этихъ свѣденій, а „на архипастырское благоусмотрѣніе его преосвященства“.

При такихъ проволочкахъ всѣ слѣды совершеннаго убійства, разумѣется, исчезли, и дѣло „предано волѣ Божіей“; а въ новомъ указѣ м. Селиверста (отъ 22-го ноября 1752 г.) сибирское духовенство получило еще „наикрѣпчайшее подкрѣпленіе неподчиненности своей, узаконенное м. Арсеніемъ въ указѣ 22-го іюля 1742 года“. Сибирское духовенство „подкрѣплялось“ и заняло такую позицію, что общее правосудіе для него ничего не значило.

Такъ и продолжалось до 1762 года, когда Екатерина II назначила въ Сибирь губернаторомъ бригадира Чичерина, котораго одни съ любовью величали „батюшкой“, а другіе съ ужасомъ называли „бѣшенымъ конемъ“.

Тутъ пошло другое.

XIX.

Денисъ Ивановичъ Чичеринъ былъ человѣкъ не злой и даже, можетъ быть, добрый, но гордый, заносчивый и пылкій: спорить съ нимъ было не легко, да и духъ правительства въ это время перемѣнился и не давалъ болѣе преферанса „духовнымъ командирамъ надъ свѣтскими“²⁾. Чичеринъ могъ остановить дерзость и находилъ въ этомъ свое удовольствіе: онъ пріѣхалъ въ То-

¹⁾ Указъ, тоб. д. конст. 22-го ноября 1752 г.

²⁾ Денисъ Ив. Чичеринъ, капитанъ сем. полк.; при восшествіи имп. Петра III „отставленъ премьеръ-маіоромъ, но не долго находился въ бездѣйствіи: имп. Екатерина II, переименовавъ его въ бригадиры, опредѣлила губернаторомъ въ Сибирь Пользовался особеннымъ довѣріемъ монархини (Слов. достоп. люд. р. з., т. V.).

больскъ „съ превеликою пышностію“, и засталъ здѣсь на митрополичей каѳедрѣ Павла Конюсевича“ ¹⁾).

О Чичеринѣ въ Сибири, разумѣется, знали и чиновные люди, ожидали его „съ притрепетомъ“ и говорили, что онъ „ужасно себя покажетъ“, но духовные „не брегли, уповая на законы Арсеніевы“. Знатоки жизни обращали вниманіе на то, что Чичеринъ передъ этимъ былъ въ немилости и „долго находился въ бездѣйствіи“, а между тѣмъ очень любилъ властвовать, и потому, какъ бы взалкавъ, теперь „скоро себя вознаградить за все терпѣніе“. При этомъ увѣряли, будто онъ получилъ отъ монархини безмѣрные полномочія и „воленъ на всѣхъ въ жизни и смерти“. Разсказывали также чудеса о его великомъ богатствѣ и царственной щедрости: „кто ему угодитъ, онъ того въ дворяне произведетъ и золотомъ засыплетъ“. А Денисъ Ивановичъ зналъ, что ему предшествуетъ такая выгодная молва, и сдѣлалъ такъ, что превзошелъ всѣ слухи, предшествовавшіе его прибытію въ Тобольскъ. Онъ поразилъ Сибирь своимъ вступленіемъ въ ея предѣлы. Одной прислуги съ нимъ пріѣхало полтора ста человѣкъ, — въ числѣ которыхъ были гайдуки, скороходы, конюхи и повара. Самъ онъ въѣхалъ въ богатѣйшей каретѣ, за которою слѣдовалъ „штатъ“, состоявшій изъ лицъ военныхъ и гражданскихъ, и вступивъ въ домъ никого изъ духовныхъ особъ къ себѣ не позвалъ и самъ къ митрополиту не поѣхалъ и даже объявилъ, что „не желаетъ имѣть съ нимъ знакомства“. Съ перваго же дня своего пріѣзда Чичеринъ сталъ приглашать къ своему столу „ежедневно не менѣе какъ по тридцати стороннихъ особъ изъ разныхъ сословій, а въ нарочитые дни и болѣе“, но ни разу не позвалъ митрополита или кого-нибудь изъ духовенства. Въ обхожденіи со всѣми онъ тоже былъ простъ и обо всѣхъ участливо узнавалъ, кому какъ живется, но объ одномъ митрополитѣ ничего не хотѣлъ знать. Митрополитъ Павелъ почувствовалъ обиду отъ этого пренебреженія, но еще не сробѣлъ и надѣялся дать Чичерину урокъ и заставить его понять, что духовное величіе выше плотского: митрополитъ скрылъ обиду на сердцѣ своемъ, терпѣлъ до „торжественнаго именитаго дня Александра Невскаго“ и въ тотъ день собрался служить съ великою пышностію, чтобы напомануть людямъ и о своемъ величіи. Говорили, будто бы онъ намѣревался даже чѣмъ то „уловить Чичерина въ несоблюденіи“ и хотѣлъ произнести ему обличеніе; но всѣ эти

¹⁾ Павелъ Конюсевичъ былъ митрополитомъ въ Тобольскѣ съ 1758 по 1768 г. Въмѣстѣ съ Чичеринимъ служилъ въ Тобольскѣ шесть лѣтъ (съ 1762 по 1768).

намѣренія митрополита остались невыполненными, а Чичеринъ страшно восторжествовалъ. Дѣло было въ томъ, что это разсчитанное столкновеніе произошло въ *орденскій день* того самаго ордена, котораго Чичеринъ былъ кавалеромъ и „имѣлъ его одѣяніе“. А потому едва митрополитъ началъ свое торжественное служеніе, незамѣтно чѣмъ превосходящее обыкновенное архіерейское служеніе, какъ на площади Тобольска открылось никогда еще здѣсь невиданное и поразительное зрѣлище: это было шествіе, которое совершалъ самъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, „облеченный въ орденскую *мантію*“ (которую простой народъ называлъ „мантилей“). Онъ шествовалъ въ соборъ въ семъ величественномъ и никѣмъ до сей поры невиданномъ одѣяніи, сопутствуемый военными и гражданскими чиновниками въ расшитыхъ мундирахъ, а за ними все множество людей, которые успѣли собраться и слѣдовали за великолѣпнымъ выходомъ Чичерина. Въ городѣ всѣ побѣждали смотрѣть на губернатора, и смятеніе, сдѣлавшееся по этому случаю, проникло даже въ храмъ, гдѣ служилъ архіерей, и здѣсь, какъ слышали, что по улицѣ идетъ губернаторъ „въ мантиль“, всѣ выскочили изъ церкви и гурьбою повалили встрѣчать и сопровождать Чичерина въ мантии... Митрополитъ остался въ храмѣ съ одними своими сослужащими, да и изъ тѣхъ напѣлись легкомысленники, которые бросились къ окнамъ и все позабыли, смотря на Чичерина, который казался имъ „совсѣмъ какъ карточный король“. Зрѣлище это имѣло какое-то ошеломляющее вліяніе на тобольцевъ. Говорятъ, что когда „Чичеринъ въ мантии“ и со свитою изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ прошелъ уже весь путь отъ своего дома до собора и поднимался на всходы храма, то растерявшіеся звонари, не зная, какъ имъ поступать, подняли трезвонъ, а народъ вопрошалъ: „неужели еще Соломонъ болѣе сего былъ въ славѣ своей?“ И въ храмѣ люди будто уже „ни пѣнія, ни молитвъ не слышали, а единственно только великолѣпную вельможи дивились“. По окончаніи же службы, когда Чичеринъ обратился къ выходу, не удостоивъ говорить со владыкою, то всѣ люди опять и устремились за своимъ пестрымъ „карточнымъ королемъ“ и не ожидали владыческаго благословенія. Такъ всѣхъ плѣнило и увлекало показанное Чичеринымъ великолѣпіе, передъ которымъ благочестіе города Тобольска не устояло, и люди обнаружили всю свою суетность!

„Народъ рукоплеща“ проводилъ батюшку Діонисія Ивановича до его губернаторскаго дома или „дворца“, и по пути многіе „лова лобызали его руки, кои онъ простиралъ имъ изъ мантии“ 1).

¹⁾ Объ этой „мантии“, или „мантили“, въ которой Чичеринъ сдѣлалъ „орденское
Томъ II.—Апрѣль, 1893.

Потомъ же Чичеринъ „давалъ обѣдъ при громѣ музыки, орудій и неумолкаемой ружейной стрѣльбѣ“.

Митрополитъ Павелъ увидалъ, что ему съ такимъ противникомъ не справиться: онъ болѣе на Чичерина и не пошелъ, а сталъ говорить о своемъ желаніи ѣхать въ Кіевъ на богомолье. Губернаторъ же забиралъ ретиво, и управленіе его многимъ нравилось; это было управленіе во вкусѣ Гарунъ-Аль-Рашида: Чичеринъ вставалъ съ постели въ четыре часа утра и допускалъ къ себѣ всѣхъ просителей безъ доклада, и рѣшалъ самъ дѣла всякаго рода безъ исключенія. Такое судбище у насъ до сихъ поръ имѣетъ своихъ приверженцевъ. Чичеринъ выслушивалъ жалобщика и сейчасъ же посылалъ за отвѣтчикомъ, а иногда и прямо сразу опредѣлялъ: кто правъ, а кто виноватъ, и „правымъ оказывалъ скорѣе удовлетвореніе, а ябедниковъ наказывалъ въ то же время“. Наказанія онъ часто производилъ „отечески“, т.-е. собственноручно, или черезъ „ближайшую особу“. Это тоже нравилось; говорили: „отца родного не надо какъ Діонисъ Иваннычъ: поучить, а несчастнымъ не сдѣлаетъ“. „Такъ поступалъ онъ и съ подчиненными своими, впадавшими въ проступки; но за гнѣвомъ немедленно слѣдовали милости, а если то было напрасно, то и извиненія“. „Вспыльчивость и горячность его не долго продолжались“, и когда гнѣвъ съ него сходилъ, онъ „старался оказывать каждому услуги“ и слылъ за человѣка „добраго сердца“. „Въ занятіяхъ былъ *неутомимъ*“ и легко переходилъ отъ одного дѣла къ другому. Онъ не только былъ высшій правитель „обширнѣйшаго края“, но не пренебрегалъ и низшими обязанностями полиціймейстера: вставалъ ночами, бралъ съ собою гусаровъ и вдругъ наѣзжалъ въ такія мѣста, гдѣ могли быть темныя сборища и безпорядки, и сейчасъ же самъ возстановлялъ здѣсь порядки... Даже самое увеселеніе собравшихъ имъ къ себѣ гостей не удаляло Чичерина отъ страсти къ быстрой расправѣ. „Если до него доходили какія-либо происшествія во время

шествіе“, рассчитанное на то, чтобы импонировать тобольскому митрополиту Павлу Конюшкевичу, упомянуто у Бантыша-Каменскаго, но указаніе, кажется, не обстоятельно и сбивчиво. Чичеринъ пріѣхалъ въ Сибирь въ 1762 г., а въ 1765 получилъ орденъ св. Анны, тогда еще голштинскій; орденъ же Александра Невскаго данъ ему въ 1785. Митрополитъ же Павелъ „спассовалъ“ передъ Чичеринымъ и „уволился въ Кіевъ по обѣщанію въ 1763 году“. Слѣдовательно, демонстративное „шествіе“, въ видѣ короля, Чичеринъ могъ произвести не ранѣе 1765 года и вѣроятно былъ при томъ въ „орденскомъ одѣяніи“ или въ мантии св. Анны, а не Александра Невскаго, красная бархатная мантия котораго на бѣломъ подбоя установлена только въ 1797 г. имп. Павломъ, при „улучшеніи одѣянія“ этого ордена. Чичеринъ тогда уже не жилъ († 1785).

съѣздовъ (т.-е. при гостяхъ), то онъ безъ малѣйшей перемѣны въ лицѣ переходилъ изъ гостиныхъ покоевъ въ канцелярію, допрашивалъ здѣсь прикосновенныхъ и виновныхъ наказывалъ“, а потомъ возвращался къ дамамъ съ пріятностью, не объявляя никому о томъ, что дѣлалъ“. Только особенно близкія персоны знали, что значить такое удаленіе. Получивъ во время бала извѣстіе о томъ, что у него показались пугачевскія шайки, Чичеринъ вышелъ изъ залы, оставивъ гостей веселиться, а „когда надлежало гостямъ разъѣзжаться, онъ раздалъ повеселѣвшимъ чиновникамъ запечатанные конверты и отдалъ приказъ выступить двумъ ротамъ, „съ тѣмъ, чтобы врученныя бумаги были вскрыты не позже, какъ по прибытіи ихъ въ назначенныя мѣста“. Отъ этого въ Тобольскѣ получился большой эффектъ; но тамъ, куда выступившіе пришли, ихъ встрѣтили неудачи, зависѣвшія отъ того, что скорое распоряженіе, послѣдовавшее подъ звуки бальной музыки, оказалось очень неудобнымъ при встрѣчахъ съ разбойниками. Впрочемъ, къ удовольствію Чичерина, посланные имъ „экспромту“ войска хотя и пострадали и самыхъ важныхъ людей упустили, но все-таки изловили нѣсколько „бунтовщиковъ, вспомошествовавшихъ Пугачеву“, и Чичеринъ сейчасъ же четверыхъ изъ нихъ повѣсилъ въ Тобольскѣ. Это почиталось достаточнымъ, въ смыслѣ благопріятнаго впечатлѣнія...

Чичеринъ видѣлъ, конечно, и всѣ дурныя стороны мѣстнаго церковнаго управленія и не прочь былъ сдѣлать что-нибудь лучшее; но по его мнѣнію—ему „не съ кѣмъ было объ этомъ говорить“; митрополитъ Павелъ, котораго онъ засталъ въ Тобольскѣ, былъ ему неугоденъ, а митрополитъ тоже говорилъ, что „не желаетъ имати въ немъ тивуна или судью духовныхъ дѣлъ, по примѣру тивуна Маноилова, исправлявшаго чинъ церковной оправы“¹⁾. На этихъ ихъ „контрахъ“ застряли и сборы за „небытіе“, и безпрепятственно совершалось „дониманіе за скверноядство“. Чтобы улучшить что-нибудь въ церковномъ управленіи, Чичерину казалось необходимымъ сбыть съ рукъ Павла и посадить на его мѣсто другого человѣка, болѣе съ нимъ согласнаго. Но Павелъ просился на богомолье, а пока все-таки не уступалъ и старался платить Чичерину око за око и зубъ за зубъ. Наконецъ онъ до того разсердилъ Чичерина, что тотъ (какъ повѣствуетъ „Тобольскій Лѣтописецъ“) „во время гулянья на масляницѣ приказалъ своимъ прислужникамъ нарядиться въ монашеское платье и въ такомъ видѣ заѣзжать въ городскіе кабаки и раз-

¹⁾ Упоминается въ Стоглавѣ, № 525.

вратные дома; а митрополитъ въ свою очередь, въ оплату Чичерину, приказалъ (sic) въ одной градской церкви на картинѣ страшнаго суда изобразить на первомъ планѣ Чичерина, котораго тянуть крюкомъ за животъ въ пекло рогатые бѣсы“ ¹⁾).

Чичеринъ этого будто не устыдился, а только смѣялся надъ этимъ. Онъ ужъ такъ „усилился“, что сталъ „давать около Тобольска чиновникамъ заимки и производить ихъ въ сибирскіе дворяне“, и митрополитъ, видя его усиліе, опять началъ проситься у Синода въ Кіевъ на богомолье, гдѣ и умеръ, а на его мѣсто въ Сибирь былъ назначенъ Варлаамъ (Петровъ), „братъ славнаго новгородскаго митрополита, съ которымъ Чичеринъ находился въ дружескихъ связяхъ“ ²⁾).

Варлаамъ дѣлалъ все угодное губернатору: онъ называлъ „сборъ за небытіе“ „самонужнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ“ и не мѣшалъ Чичерину „быть тивуномъ“ на самомъ дѣлѣ: при немъ Денисъ Ивановичъ ѣздилъ ревизовать духовенство и забралъ къ себѣ нѣсколько поповъ въ канцелярію, куда имѣлъ обычай заходить иногда по домашнему—въ бешметѣ и съ арапникомъ въ рукѣ.

Однако, все это сокрушило только тѣхъ, которые попались „тивуну“, а остальные продолжали всѣ свои безчинства и „гонялись за очищеніемъ скверноядства“. Съ этой послѣдней заботой здѣсь дошли до такого изступленія, что въ постоянныхъ охотахъ „попы даже дни позабыли“, что и послужило этому дѣлу *какъ бы* къ закончанію.

XX.

Въ 1780 году Чичеринъ, произведенный въ чинъ генераль-поручика, оставилъ Сибирь. Духовенство пріободрилось и повело дѣло по старинѣ, въ духѣ „Арсеніевой независимости“. „Народцы“ терпѣли въ молчаніи. Надъ Европой пронеслись величайшія событія, именуемая французскою революціею; въ Москвѣ побывали дванадцать языкъ; облеченные довѣріемъ государя сенаторы Лопухинъ и Нелединскій, увидавъ расправу съ молоканами въ Харьковѣ, дѣлали представленія въ духѣ терпимости; и всѣмъ было извѣстно желаніе императора „воздержать начальниковъ въ предѣлахъ ихъ власти“ („Р. Арх.“, стр. 104), а въ сибирскихъ тундрахъ съ крещеными „народцами“ дѣлали все, что хотѣли, и это не-

¹⁾ Выписано изъ „Тобольск. Лѣтописца“.

²⁾ Слов. дост. люд., т. V, стр. 279.

обузданное безчинство дошло до того, что наконецъ сами про-свѣтителѣ потеряли память и разучились различать дни въ недѣлѣ.

Въ 1819 году поѣхалъ по Сибири какой-то „именитый путешественникъ“. Прибывъ на рѣку Тазъ, онъ пожелалъ присутствовать при богослуженіи въ тамошней церкви, „въ чемъ, однако, не могъ получить себѣ удовольствленія“ ¹⁾. Почему именно богомольный путешественникъ „не получилъ удовольствленія“ — изъ матеріаловъ, дошедшихъ ко мнѣ отъ генерала Асташева, не видно; видно одно, что „сіе было въ *четвертокъ*, но мѣстный священникъ доказывалъ путешественнику, что *день тотъ былъ пятокъ*, и такимъ образомъ (выходить, что) *вмѣсто воскреснаго дня священникъ отправлялъ службу въ субботу*, а воскресный день остав-лялъ безъ литургій“.

Путешественникъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ князю Александру Николаевичу Голицыну. Князь Голицынъ тогда имѣлъ обширную власть: онъ былъ министромъ духовныхъ дѣлъ и на-роднаго просвѣщенія ²⁾, а сверхъ того ³⁾ управлялъ еще мини-стерствомъ внутреннихъ дѣлъ и именовался главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ. Онъ могъ сдѣлать очень много и вообще „эту эпоху дѣятельной жизни своей ознамено-валъ подвигами, достойными перейти въ потомство“ ⁴⁾. Его уже называли: „другъ царя и человѣчества“ ⁵⁾, и онъ дѣйствительно нерѣдко успѣвалъ быть „доступенъ голосу обидимыхъ несправед-ливостію“ и „не любилъ нетерпимости, а уважалъ чистое хри-стіанское благочестіе“.

Письмо, написанное путешественникомъ съ Таза, пришло къ князю Голицыну одновременно съ „извѣстіемъ изъ Туруханска, что священники тамошняго края заражены корыстолюбіемъ и сильно притѣсняютъ ясашихъ инородцевъ“.

Оба извѣстія, кажется, послѣдовали изъ одного и того же источника, т.-е. отъ путешественника, который увидалъ безпо-рядки и злоупотребленія сибирскаго духовенства и находилъ себя въ благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы обратить на это не-посредственное вниманіе „высокомошняго друга человѣчества“ ⁶⁾.

¹⁾ Предложеніе министра духовн. дѣлъ, получ. архіеписк. тобольскимъ Амбро-сіемъ Келембетомъ 16-го апрѣля 1820 г.

²⁾ Съ 16-го ноября 1817 г.

³⁾ Въ 1819 г.

⁴⁾ Слов. достопамятн. людей, т. I, стр. 418.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Такой образъ дѣйствій тогда не считался за дерзкое вмѣшательство „непри-“

Голицынъ немедленно же далъ ходъ этому дѣлу, направляя его „по вѣдомству духовныхъ дѣлъ“. Архіепископъ тобольскій Амвросій (1-й) Келембетъ ¹⁾, 16-го апрѣля 1820 г., получилъ отъ князя Голицына „строжайшее предписаніе произвести немедленное и само-строжайшее слѣдствіе“, какъ о священникахъ „сильно притѣсняющихъ ясашныхъ инородцевъ“, такъ и о тазовскомъ священникѣ, который помѣшалъ дни.

Дѣла эти, показавшіяся князю Голицыну за что-то необычайное, въ Тобольскѣ никого не удивили: здѣсь всѣ знали, что ясакъ собирается съ дикарей духовными искони и постоянно и всегда въ произвольномъ размѣрѣ; священники же, странствуя въ отдаленныхъ мѣстахъ, „путають дни“, а потому за это даже нельзя было строго и взыскивать, такъ какъ у священниковъ „часовъ численныхъ не было и въ разтѣздахъ ихъ дни у нихъ нерѣдко приходили въ забвеніе“.

Архіепископъ Амвросій доставилъ объясненіе, что „на притѣсненія ясашныхъ священниками“ жалобы дѣйствительно иногда бывали, но что дѣла эти были несерьезны и „или прекращались сами собою, за давностію времени, или оканчивались взаимнымъ примиреніемъ; а если дикари могли представить несомнѣнныя доказательства, что ихъ „обираютъ, тогда причту „былъ выговоръ“.

Князю Голицыну, однако, рассказали, что въ Сибири всѣ изслѣдованія о разорительныхъ поборахъ духовенства производить обыкновенно „одинъ сосѣдній священникъ надъ другимъ таковымъ же“, и потому они другъ друга покрываютъ и лгутъ, и на ихъ изслѣдованія полагаться нельзя. Голицынъ поблагодарилъ за указаніе и принялъ противъ сибирской поповской взаимщины такія мѣры, которыя, по мнѣнію этого высокопоставленнаго вельможи, должны были положить конецъ злоупотребленію слѣдователей, а вмѣсто того сдѣлали невозможнымъ даже самое начало слѣдствія.

XXI.

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія назначилъ слѣдствіе надъ „тазовскимъ забвенникомъ“ и надъ при-

званнаго самозванства“ и всѣ знали, что откровенныя мнѣнія сенатора Лопухина о русской набожности были приняты государемъ какъ умное и правдивое слово, а Лопухинъ смотрѣлъ такъ, что „хотя у насъ въ школахъ и на каедряхъ твердятъ: „любѣ Бога, любѣ ближняго“, но не воспитываютъ той натуры, коей любовь свойственна; а это все равно какъ бы разслабленнаго больного, не вылечивъ и не укрѣпивъ, заставить ходить“ („Р. Арх.“ 84 г., стр. 17).

¹⁾ Еп. тоб. съ 1806 по 1822 г. (уволень 21-го дек. 1822 г.). См. Юр. Толстой.

тѣснителями дикихъ скверноядцевъ, предписавъ, чтобы слѣдствіе это производилось „съ прикомандированіемъ депутата со свѣтской стороны“. Депутатъ съ свѣтской стороны еще могъ быть допущенъ по уголовному дѣлу, въ которомъ вмѣшаны міряне и клирики, но по дѣлу чисто церковному, каково есть по своему существу недоразумѣніе между прихожанами и духовникомъ, — депутатъ съ свѣтской стороны представлялся лицомъ неумѣстнымъ, излишнимъ и крайне нежелательнымъ. А потому въ Тобольскѣ думали, что архіерей Амвросій Келембетъ „не подчинится“ и не допуститъ свѣтскаго депутата къ слѣдствію между прихожанами и ихъ духовникомъ, но Амвросій не только подчинился, а даже засуетился и заспѣшилъ. Онъ призвалъ къ себѣ секретаря консисторіи и „повелѣлъ ему въ два дня сдѣлать все какъ указано“. Тобольская консисторія разсудила, что ужъ если спѣшить, такъ слѣшить, и дѣйствительно въ два дня провела все: докладъ, журналъ, особый протоколъ и исполненіе, — и все въ томъ духѣ, какъ угодно было „другу людей“. По предложенію или предписанію, полученному тобольскимъ архіереемъ только 16-го апрѣля, 19-го апрѣля уже былъ посланъ „самонужнѣйшій указъ“ консисторіи въ туруханское духовное правленіе „о самонастрожайшемъ производствѣ слѣдствія, по пунктамъ, указаннымъ въ *предписаніи* министра“.

Указъ этотъ скакалъ до Туруханска два мѣсяца, — и зато, какъ только духовное правленіе его распечатало, такъ сейчасъ же отнеслось въ тамошній земскій судъ о „самонемедленнѣйшемъ командированіи депутата“.

Тутъ Голицынское строгое предписаніе и стерли въ порошокъ.

Весь личный составъ туруханскаго земскаго суда состоялъ въ эту пору изъ одного секретаря, который самъ себя командировать не могъ. Исправникъ же и дворянскій засѣдатель (въ Туруханскѣ!!) были „въ отлучкахъ по обширному краю, и судъ не могъ дать свѣденій: гдѣ они въ данное время находятся“.

Ихъ ждали до октября мѣсяца, а въ это время духовное правленіе, чтобы показать свою дѣятельность, „еженедѣльно писало въ земскій судъ повторенія о командированіи депутата, а секретарь земскаго суда тоже еженедѣльно отвѣчалъ, что командировать некого, ибо всѣ члены въ расходѣ“.

Наконецъ, секретарю земскаго суда надоѣло, что духовное правленіе такъ щеголяетъ своею исполнительностью и настояніями, и онъ, перейдя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, самъ „запросилъ правленіе: на какія средства долженъ отправиться депутатъ по обширному краю“, такъ какъ Сперан-

скій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы и „чиновники даромъ не ѣздили, а тоже платили бы прогоны“.

Правленіе не нашлось, что отвѣчать, и сдѣлало представленіе въ консисторію, а консисторія отнеслась въ губернское правленіе, а губернское правленіе потребовало справокъ отъ туруханскаго земскаго суда (вѣроятно, о разстояніяхъ), и *прошедшій годъ*, а слѣдователи изъ Туруханска еще не выѣхали и справки о „небытіи“ и о „скверноядствѣ“ все шли по старому, своимъ удивительнымъ порядкомъ.

Но вотъ въ декабрѣ 1820 года въ Туруханскъ возвратился изъ долгаго объѣзда исправникъ Воскобойниковъ, и ему сейчасъ же объяснили, что онъ опять долженъ немедленно ѣхать по важному дѣлу, указанному министромъ.

Воскобойниковъ не сталъ ждать разрѣшенія вопроса о прогонахъ и готовъ былъ сейчасъ выѣхать, но въ это самое время пріѣхалъ засѣдатель Минголевъ и сообщилъ, что „ясачные по рѣкамъ Тазу и Турухану всѣ разѣхались по своимъ промысламъ и собрать ихъ для слѣдствія теперь нельзя“.

Надо было ждать весны 1821 года. Дождались. Депутатъ былъ готовъ и долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ слѣдователемъ, а слѣдователемъ былъ назначенъ второй членъ туруханскаго духовнаго правленія священникъ Александръ Верещагинъ, — родной братъ того „тазовскаго забвенника“, который „перебилъ дни“ и надъ которымъ надо было производить строжайшее слѣдствіе. Каково бы ни вышло это слѣдствіе, производимое братомъ надъ братомъ, но и оно, однако, не состоялось, потому что священникъ Александръ Верещагинъ передъ выѣздомъ изъ Туруханска умеръ. Во всемъ городѣ теперь оставался только одинъ священникъ, протоіерей Куртуковъ, но онъ не могъ командировать самого себя, да и не могъ оставить городъ безъ требоисправителя.

Все какъ будто издѣвалось надъ „другомъ людей“.

Когда донесли объ этомъ, весною 1820 года, консисторіи, она уже не приняла дѣла съ прежнею горячностью и сама протянула съ отвѣтомъ до осени, а осенью послала въ Туруханскъ такое предписаніе, которое „удивило всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ же и свѣтскихъ“. А именно: тобольская духовная консисторія, какъ будто на смѣхъ надъ предписаніемъ министра, назначила слѣдователемъ „содержавшагося въ туруханскомъ монастырѣ штрафного попа Чемесова“, который былъ присланъ въ туруханскій монастырь изъ Томска „за безмѣрное пьянство и буйство и за неудобъ-описуемые поступки“.

Назначеніе это такъ смутило туруханскаго исправника Воско-

бойникова, что онъ отмѣнилъ свое намѣреніе—самому ѣхать депутатомъ съ свѣтской стороны, и послалъ къ Чемесову вмѣсто себя смотрителя поселенцевъ Данилова.

Но пока и эти неавантажные слѣдователи собрались выѣзжать, кочевники ихъ не стали дожидаться и разсѣялись по своимъ промысламъ.

Опять начинаются ожиданія до весны 1822 года, и на этотъ разъ „штрафной попъ“ Чемесовъ выѣхалъ „для всчатія дѣла“ и, выѣхавши, сдѣлалъ для начала кое-что такъ хорошо, какъ нельзя отъ него было и надѣяться.

XXII.

Прежде всего Чемесовъ принялся за „тазовскаго забвенника“, какъ за лицо, допустившее „анекдотъ“, оскорбившій особу именитаго путешественника.

Забвенникъ повинился, что онъ дѣйствительно „помѣшался въ счетѣ дней“, и что случилось это, вѣроятно, въ ноябрѣ или въ декабрѣ, когда въ ихъ мѣстахъ солнце почти не показывается и весь край освѣщается одними сѣверными сіяніями, а потому не разберешь иногда: когда надо ложиться и когда вставать, и въ это темное время не съ нимъ однимъ бываетъ, что днями ошибаются и путаются.

— „Въ этомъ каюсъ“.

Слѣдователь донесъ какъ дѣло было, а самъ отправился „сѣискивать“, какъ обижаютъ „небытейщиковъ и скверноядцевъ“, и опять, кажется, имѣлъ намѣреніе показать правду,—по крайней мѣрѣ то, о чемъ донесъ Чемесовъ, было не противъ обидимыхъ, а за нихъ, и противъ обидчиковъ; но тутъ бѣдный Чемесовъ спутался и встрѣтилъ множество препятствій для окончанія слѣдствія.

Между тѣмъ открытія Чемесова все-таки драгоцѣнны: онъ отыскалъ такихъ небытейцевъ, которымъ нельзя было и явиться „бытейцами“, такъ какъ это были люди, которые совсѣмъ не считали себя христіанами. Они откровенно и прямо говорили, что не знаютъ, отчего ихъ называютъ крещеными, и что они никогда не бывали у исповѣди, да и родители ихъ и дѣды тоже никогда не бывали, а платить штрафъ за небытіе они согласны, потому что пусть это такъ идетъ, какъ издавна повелось, лишь бы ихъ „не гоняли“, но отчего такъ повелось—они тоже не знаютъ. Объ обидахъ, какія потерпѣли „скверноядцы“, дознавать

было очень трудно, такъ какъ со времени заявленія объ этомъ путешественникомъ уже прошло два года, въ теченіе которыхъ кочевники не разъ перемѣнились мѣстами, а тѣ, которые не измѣнили мѣстъ, все-таки не искали случая свидѣться съ слѣдователемъ, а напротивъ, „удалались за рѣки“. Чемесовъ, однако, все-таки кое-кого изъ этихъ людишекъ настигъ и дозналъ отъ нихъ, что поборы за скверноядство были большіе и никогда не кончались. Приходы ясашные были велики,—верстъ на тысячу и даже на полторы ¹⁾, и прихожане тутъ осѣло не живутъ, но Чемесовъ кое-кого достигалъ, и въ Имбацкомъ приходѣ узналъ, что дѣйствительно ихній священникъ по фамиліи Кайдаловъ, „наложилъ на нихъ ясакъ за скверноядство“ и бралъ за прочтеніе разрѣшительной молитвы отъ сквернояденія за каждого человека въ большой семьѣ по 20 бѣлокъ, а въ маломъ семействѣ по 30 бѣлокъ съ души, и что платежъ этотъ очень тягостенъ, такъ какъ „скверно ѣсть“ дикарямъ приходится постоянно и постоянно же надо за это платить духовенству, а „хорошей ѣды достать негдѣ. Кромѣ того, Чемесовъ разслѣдовалъ, что ясашные Имбацкаго прихода платили священнику Кайдалову по 20 бѣлокъ въ годъ за скверноядство, да по 30 бѣлокъ за житье съ невѣнчанною женою, и по 20 бѣлокъ „за дѣтеныша“, а кто „отбѣгалъ“ отъ этого ясака, съ тѣхъ Кайдаловъ „донималъ еще дороже: такъ, напримѣръ, остяки Сѣрковъ и Тайковъ не являлись два года очищаться отъ сквернояденія“, и Кайдаловъ, прослѣдивъ это, требовалъ съ нихъ по два соболя, а когда они не признавались на исповѣди, то онъ тутъ же въ церкви таскалъ ихъ за волосы и ругалъ всячески, а какъ Сѣрковъ еще не зналъ наизусть молитвъ, то Кайдаловъ заперъ его въ холодной церкви и морилъ тамъ въ холодѣ двое сутокъ голодомъ, но тотъ все-таки молитвы не выучилъ, а „подаль ему двухъ соболей“. Съ остяка Ивана Ортюгина, который питался одною медвѣжьей говядиной, священникъ взялъ ясака за молитву два соболя да тридцать бѣлокъ“. И такихъ случаевъ, гдѣ священникъ Кайдаловъ ясно уличался въ злоупотребленія указаннаго рода, Чемесовъ ввелъ въ дѣло „больше сотни“.

Тогда увидали, что на смѣхъ назначенный въ слѣдователи „штрафной попъ“ и пропойца Чемесовъ ведетъ дѣло какъ энергическій и справедливый человекъ, и попъ Чемесовъ исчезаетъ и о немъ больше не упоминается, а безуспѣшно начатое имъ

¹⁾ Напримѣръ, тазовскій приходъ—900 верстъ, хантайскій—1.200, и хатаганскій—1.350 верстъ.

дѣло тянулось многіе годы и, дошедши опять до тобольской консисторіи, получило себѣ тамъ очень умиротворяющее заглавіе, а именно, его наименовали здѣсь: „Туруханское дѣло о злоупотребленіи природною простотою жителей“.

Болѣе удачнаго тона для смягченія некрасивой сущности этого дѣла, кажется, трудно было придумать; но однако священникъ Кайдаловъ и этимъ еще остался недоволенъ и когда ему дали „вопросные пункты“,—между прочимъ, не употреблялъ ли онъ во зло простоту мѣстныхъ природныхъ жителей?—то онъ обидѣлся и отвѣчалъ: „я никакой простоты въ ясашныхъ не знаю, и даже никогда не подозрѣвалъ, что они просты“.

Такіе наглые отвѣты Кайдаловъ давалъ въ 1824 году, зная, что князь А. Н. Голицынъ уже охладѣлъ къ письму именитаго путешественника и не слѣдилъ за этимъ грубымъ дѣломъ, такъ какъ вниманіемъ его послѣ пользовались иныя дѣла, на которыя „смотрѣла Европа“: въ 1820 г. „въ Одессѣ и Кишиневѣ появилось до десяти тысячъ греческихъ выходцевъ, удалившихся изъ Константинополя, и многіе изъ сихъ несчастныхъ единовѣрцевъ нашихъ были ввержены въ нищету“. Голицынъ старался „на нихъ обратить вниманіе императора Александра I-го и исходатайствовалъ позволеніе открыть въ ихъ пользу подписку, которою и собралъ 900.000 рублей“, а потомъ сейчасъ же „приступилъ къ сбору для хіосцевъ и критянъ, и умѣлъ и на этотъ предметъ собрать до 750.000“, а въ 1824 г., когда Кайдаловъ нахальничалъ, давая отвѣты, Голицынъ былъ уже уволенъ отъ званія министра духовныхъ дѣлъ, и опасаться его было нечего. Такъ это дѣло и протянули; а затѣмъ наступилъ 1825 годъ,—годъ кончины императора Александра I-го и другихъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, событій, измѣнившихъ духъ и направленіе въ управленіи всѣми дѣлами.

Это же повліяло и на судьбу всѣхъ дѣлъ о „небытіи“ и о „скверноядствѣ“, соединенныхъ въ одно дѣло, получившее общее заглавіе: „о туруханской простотѣ“.

Но и теперь это дѣло еще не сразу забросили (что было бы лучше), а пошли „смѣшнить имъ людей“, и стали „разыскивать и вызывать въ туруханское духовное правленіе къ слѣдствію тунгусовъ и остяковъ, кочевавшихъ въ Сургутскомъ и Обдорскомъ краѣ, около Обской губы, т.-е. слишкомъ за двѣ тысячи верстъ“. А тѣ „кочевали въ мѣстахъ недоступныхъ за тундрами, зимой уже отходили промыслять звѣря, такъ что и найти ихъ было невозможно“. „Нѣсколько лѣтъ еще ѣздили за ними отъ Оби до

Лены, чтобы собрать этихъ прихожанъ, и убѣдились, что невозможно не только собрать ихъ, но нельзя получить свѣденій: гдѣ ихъ искать“. Тогда ужъ не было ни побужденій, ни выгодъ—что-нибудь придумывать еще, а настало время бросить дѣло, которое лучше было бы и не начинать.

XXIII.

Послѣдній актъ величайшей подъяческой продерзости и смѣлости заключался въ томъ, что когда „бумажное дѣлопроизводство“ „о злоупотребленіи простотою“ сдѣлалось „чрезмѣрно велико“ и его неудобно стало ни возить съ собою, ни пересылать по почтѣ, тогда нашли нужнымъ посадить за это дѣло подъячихъ, чтобы они составили изъ него „экстрактъ“.

Подъячіе въ туруханскомъ духовномъ правленіи были „лядащіе“, малотолковитые, и „въ сочиненіи не искусные“, а при томъ были подавлены тяжкими обстоятельствами при самоничтожнѣйшемъ жалованіи“. Они жили „даяніями“ и „вымоганіями“, которыя могли собирать съ дѣлъ, по которымъ былъ на-лицо живой проситель, а по необъятному дѣлу „о злоупотребленіи простотою“ некому было ни ходить, ни приносить поминки, и потому оно подъячихъ не интересовало. Но и кромѣ того они не могли бы разобраться въ этомъ дѣлѣ при его страшномъ объемѣ и при той путаницѣ, которой оно было преисполнено; однако они все-таки „экстрактъ“ сдѣлали, и при томъ очень замѣчательный; а когда туруханское духовное правленіе захотѣло проредактировать это произведеніе, то оказалось, что въ немъ нельзя ничего понять!.. Довольно бы, кажется, но нѣтъ!—духовное правленіе послало отношеніе въ туруханскій земскій судъ, прося его: „*выслать въ оное правленіе всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу, для подтвержденія ихъ первоначальныхъ показаній и для рукоприкладства подъ экстрактомъ*“.

Такъ какъ это происходило уже въ тридцатыхъ годахъ нынѣ уже истекающаго XIX-го столѣтія, то тутъ только этому дѣлу „о злоупотребленіи простотою“ наступилъ конецъ; туруханскій земскій судъ, увидавъ, что отъ него требуютъ нѣчто чудовищное,—чтобы онъ собралъ и „выслалъ въ Туруханскъ всѣхъ дикарей, кочующихъ по сѣверной Сибири отъ Чукотскаго носа до Урала“, то онъ и призналъ за самое лучшее—ничего не дѣлать.

Такимъ образомъ, только черезъ такое благоразумное отно-

шеніе къ этому дѣлу оно и получило конецъ—слишкомъ послѣ столѣтняго производства. Можетъ быть, что акта о зачисленіи его конченнымъ и о сдачѣ въ архивъ и до сихъ поръ нѣтъ, но тѣмъ не менѣе съ тридцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія о дѣлѣ этомъ больше нигдѣ не упоминается, и оно теперь не имѣетъ уже никакого значенія для канцелярій, а представляетъ собою только цѣнный матеріалъ лишь для бытовой исторіи Сибири прошедшаго вѣка.

Николай Лѣсковъ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АМЕРИКѢ

Изъ личныхъ воспоминаній.

VIII *).

Меньше чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ, восточные штаты Сѣверо-Американскаго Союза были совершенно отдѣлены отъ западнаго тихо-океанскаго побережья. Путешествіе сухимъ путемъ, черезъ Великую пустыню и хребты Скалистыхъ горъ, было сопряжено съ чрезвычайными трудностями и опасностями и требовало иногда цѣлаго года времени. Открытіе золотыхъ приисковъ въ Калифорніи въ 1849 году, а затѣмъ завоеваніе и присоединеніе къ Союзу всего западнаго берега отъ границъ англійскихъ владѣній до нижней Калифорніи, вызвали сильную эмиграцію съ востока на западъ; исторія „золотой горячки“, которая охватила всѣ штаты Союза въ 1849, 1850 и послѣдующихъ годахъ вплоть до междоусобной войны, и до сихъ поръ служить предметомъ изумленія даже для самихъ американцевъ, народа вообще чрезвычайно предприимчиваго и подвижнаго. Въ теченіе трехсотъ лѣтъ испанскаго — а впослѣдствіи мексиканскаго — владычества Калифорнія спала непробуднымъ сномъ; католическое духовенство было единственнымъ руководителемъ индѣйскаго населенія и тѣхъ немногихъ коронныхъ чиновниковъ, которые отъ времени до времени присылались метрополіей для номинальнаго управленія страной. Все бѣлое населеніе тихо-океанскаго побережья не превышало, вѣроятно, десяти тысячъ, когда авантюристъ Фримонтъ, хотя и состоявшій на государственной службѣ Союза, но не

*) См. выше: мартъ, 320 стр.

имѣвшій ни положительныхъ инструкцій, ни полномочій,—съ помощью союзнаго флота и нѣсколькихъ сотенъ драгуновъ и волонтеровъ провозгласилъ присоединеніе Калифорніи къ Соединеннымъ Штатамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ этой смѣлой выходки, какъ границы на сѣверѣ—отъ британскихъ владѣній, и на югѣ—отъ Мексики, такъ и внутреннее управленіе были въ самомъ неопредѣленномъ состояніи, и никакого правильнаго сообщенія съ востокомъ Союза не существовало, пока баснословные барыши, дѣлаемые купцами Санъ-Франциско какъ на золотѣ, такъ и на всевозможныхъ товарахъ, не вызвали цѣлаго флота парусныхъ судовъ, обогнувшихъ мысъ Горнъ, а затѣмъ и пароходовъ чрезъ Мексиканскій заливъ съ сухопутнымъ транзитомъ пассажировъ и товаровъ черезъ Панамскій перешеекъ. Парусныя суда требовали отъ 4 до 6 мѣсяцевъ, а иногда и болѣе, отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско; пароходы черезъ Панаму—иногда до двухъ мѣсяцевъ, причемъ цѣны за переѣздъ достигали пяти и шестисотъ долларовъ за пассажира; часто не было возможности достать какого-либо мѣста на пароходѣ за какую-либо цѣну. Вандербилты положили основаніе своему колоссальному богатству именно перевозкой пассажировъ пароходами въ теченіе „золотой горячки“. Само собой разумѣется, что только люди болѣе или менѣе состоятельные могли затрачивать такія суммы; громадное большинство эмигрантовъ добиралось всевозможными путями до западныхъ границъ Миссури и Канзаса—въ то время крайнихъ предѣловъ заселенія съ востока — и оттуда пускались въ путь, черезъ 2.000 миль пустыни и горныхъ хребтовъ, въ повозкахъ. Десятки тысячъ этихъ смѣльчаковъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ женщинами и дѣтьми, погибли на этомъ пути; дороги того времени усыпаны ихъ костями, и многіе караваны погибли цѣликомъ—были уничтожены индѣйцами, засыпаны снѣгомъ въ горахъ или умерли отъ голода и жажды. Тѣмъ не менѣе, наплывъ былъ такъ великъ, что уже въ 1860 году Калифорнія насчитывала около 400.000 жителей, а весь берегъ Тихаго океана—около полумилліона, и страна, кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ, начала производить пшеницу и разные другіе земледѣльческіе продукты въ такихъ размѣрахъ, что восточные штаты стали сознавать необходимость прямого и вѣрнаго сообщенія съ этимъ новымъ рынкомъ для сбыта ихъ мануфактуръ. Громче и громче стали раздаваться голоса въ пользу правительственной помощи первой желѣзной дорогѣ, которая пересѣчетъ пустыню и горы и соединитъ востокъ съ новыми землями запада. Конгрессъ занялся этимъ вопросомъ, и уже въ началѣ семидесятихъ годовъ, съ

неимоверными трудностями и подъ прикрытіемъ сильныхъ вооруженныхъ отрядовъ регулярной арміи, съ знаменитымъ генераломъ Шерманомъ во главѣ, была открыта первая желѣзно-дорожная линія, пересѣкающая штатъ Небраску, территорію Юта (Utah) штата Вайомингъ, Айдахо, Неваду и Калифорнію и соединившая порты Атлантическаго океана съ Санъ-Франциско. Около десяти лѣтъ эта линія была единственной и могла существовать только благодаря значительнымъ ежегоднымъ правительственнымъ субсидіямъ; издержки эксплуатаціи были такъ велики, что долго сомнѣвались въ возможности когда-либо обратить эту линію въ исключительно частное предпріятіе. Какъ первоначальная помощь въ видѣ земельного и денежнаго гранта, такъ и послѣдующія ежегодныя субсидіи въ пользу этой дороги въ теченіе многихъ лѣтъ служили могучимъ орудіемъ въ рукахъ демократическихъ политикановъ Союза въ ихъ нападеніяхъ противъ республиканской партіи; факты и цифры были извращены и манипулированы до безконечности, и все дѣло вызвало изслѣдованіе особой конгрессіонной комиссіей всѣхъ дѣловыхъ и финансовыхъ сношеній федеральнаго правительства съ компаніей дороги. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что часть субсидій, — правда, весьма незначительная, — была украдена; первоначальный грантъ, особенно земельный, также какъ-то необыкновенно быстро улетучился въ пространство, оставляя только весьма слабый слѣдъ въ казначействѣ компаніи; тѣмъ не менѣе, какъ ни сильны были партизанскія нападки нѣкоторыхъ членовъ комиссіи, было доказано неопровержимо, что сама дорога не могла бы быть никогда построена безъ правительственной помощи и несомнѣнно принесла громадную пользу какъ всей странѣ, такъ и федеральному правительству въ особенности, въ дѣлѣ сбереженій на перевозку почтъ и въ особенности войскъ и ихъ провіанта и предметовъ снабженія; индѣйскія войны семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ какъ въ сѣверо-западныхъ территоріяхъ, такъ и на пространствѣ великой американской пустыни, были бы немыслимы безъ этой дороги. Наконецъ, всѣ опасенія относительно неоплатности долговъ дороги оказались совершенно неосновательными: уже въ 1880 году населеніе штатовъ, принадлежащихъ къ району этой дороги, возросло до полутора милліона, и она не только стала справляться успѣшно съ своими текущими расходами, но и начала медленно, но вѣрно расплачиваться съ своими правительственными долгами и дала поводъ къ постройкѣ другихъ, дополняющихъ линій — и въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ четыре новыхъ линій пересѣкли континентъ Америки отъ океана до океана; въ настоя-

щее время пять отдѣльных системъ соединяють порты Атлантическаго океана съ портами Тихаго, и, насколько можно судить по ихъ годовымъ отчетамъ, всѣ онѣ не только оплачиваютъ издержки эксплуатаціи, но и платятъ дивиденды акціонерамъ; населеніе же принадлежащей имъ территоріи возросло свыше трехъ милліоновъ и растетъ пропорціонально быстрѣе, чѣмъ какая-либо другая часть Союза.

Исходными пунктами трансконтинентальнаго транзита на востокъ служатъ въ настоящее время города Эль-Пазо на границѣ Тексаса и Мексико, Альбукеркъ въ территоріи Нью-Мексико, Денверъ въ Колорадо, Сольтъ-Лэкъ-Сити въ Юта, Чайеннъ въ Вайомингѣ, Фарго въ Сѣверной-Дакотѣ и Виннипегъ въ британской провинціи Манитоба. Отъ Атлантическаго побережья до этихъ пунктовъ путешественникъ можетъ выбрать любую изъ нѣсколькихъ десятковъ дорогъ, концентрирующихся въ этихъ пунктахъ, но далѣе на западъ онъ долженъ ѣхать по одной изъ пяти трансконтинентальныхъ линій. Самой сѣверной является канадская тихо-океанская желѣзная дорога (Canadian Pacific R. R.), начинающаяся въ Виннипегѣ и идущая до городовъ Викторіи и Ванкувера на заливѣ Ванкуверъ въ Тихомъ океанѣ. Дорога эта окончена и открыта всего четыре года тому назадъ, но въ финансовомъ отношеніи стоитъ едва ли не лучше всѣхъ ея старѣйшихъ американскихъ соперниковъ, благодаря относительной прямизнѣ и короткости линіи, замѣчательному плодородію почвы, лѣсному, пушному и минеральному богатству принадлежащей ей территоріи и, главное, преобладанію англійскаго торговаго флота на Тихомъ океанѣ. Съ открытіемъ этой дороги, двѣ трети трансконтинентальной транзитной торговли какъ Соединенныхъ-Штатовъ, такъ и Европы съ Китаемъ, Японіей, островами Тихаго океана и даже Австраліей—перешли безвозвратно въ руки этой дороги, благодаря щедрымъ субсидіямъ британской имперіи парусному и въ особенности пароходному судоходству Тихаго океана. Города Виннипегъ, Викторія и Ванкуверъ, исходные пункты, выросли какъ бы волшебствомъ; страна быстро заселяется, особенно выходцами изъ восточныхъ провинцій англійской Канады, гдѣ нетерпимость и распри мѣстныхъ партій за послѣдніе года дошли до грандіозныхъ размѣровъ и грозятъ открытымъ разрывомъ; многочисленныя побочныя вѣтви строятся каждое лѣто, проникая все далѣе на сѣверъ по чрезвычайно плодороднымъ, богатымъ долинамъ рѣкъ сѣверной Канады, и главная линія уже и въ настоящее время справляется съ тру-

домъ съ той массой груза, которую ей приходится передвигать, и которая растетъ неудержимо съ каждымъ годомъ.

Самая сѣверная изъ трансконтинентальныхъ линій Соединенныхъ Штатовъ, сѣверная тихо-океанская желѣзная дорога (Northern Pacific R. R.) начинается тремя отдѣльными вѣтвями, одной въ Чикаго, другой въ городѣ Дюлютсѣ (Duluth), самомъ западномъ портѣ Верхняго озера и третьей въ Виннипегѣ, въ провинціи Манитоба. Эта линія пересѣкаетъ штаты Висконсинъ, Миннесоту, Сѣверную-Дакоту, Монтану и Айдахо и кончается въ штатѣ Вашингтонѣ портами Сіэттль (Seattle) и Такота на Пюджетъ-Соундѣ, и въ штатѣ Орегонѣ—портомъ Портлендъ на рѣкѣ Колумбіи. Дорога эта на границахъ штатовъ Миннесоты и Сѣверной-Дакоты пересѣкаетъ долину Красной Рѣки Сѣвера (Red River of the North), въ которой она имѣетъ многочисленныя побочныя вѣтви, и которая въ настоящее время считается житницей Соединенныхъ-Штатовъ и, по качеству пшеницы и по количеству урожая, стоитъ безспорно во главѣ всѣхъ другихъ частей Союза. Штаты Миннесота, Сѣверная-Дакота и Монтана весьма быстро заселяются; они болѣе чѣмъ удвоили свое народонаселеніе въ теченіе прошлаго десятилѣтія, главнымъ образомъ благодаря массѣ нѣмецкихъ и скандинавскихъ эмигрантовъ-земледѣльцевъ, и производство пшеницы въ нихъ съ каждымъ годомъ быстро возрастаетъ. Знаменитыя фермы Дальримпла, Стиля и ихъ послѣдователей, съ десятками тысячъ обрабатываемыхъ акровъ, съ паровыми плугами и всѣми послѣдними нововведеніями машинно-парового земледѣлія, находятся на линіи этой дороги; я имѣлъ случай посѣтить нѣкоторыя изъ нихъ, и, вникнувъ въ детали и стоимость производства, не могъ никоимъ образомъ понять, какъ можетъ русская пшеница успѣшно конкурировать съ американской, и гдѣ же секретъ того, что она все еще занимаетъ довольно важное мѣсто на всемірномъ рынкѣ? Въ дешевомъ трудѣ или въ хроническихъ убыткахъ земледѣльца, покрывающаго эти убытки изъ другихъ источниковъ?

За послѣднее время производство пшеницы получило значительный толчокъ впередъ, благодаря удешевленію перевозки, послѣдствію усовершенствованій судоходства на Великихъ озерахъ и соединяющихъ ихъ съ Атлантическимъ океаномъ каналовъ; съ прорытіемъ новаго Велландскаго канала между озерами Эри и Онтарио и съ уничтоженіемъ пороговъ на рѣкѣ св. Лаврентія, громадныя количества пшеницы доставляются съ безконечныхъ полей Дакоты по сѣверной тихо-океанской желѣзной дорогѣ въ порты Чикаго и особенно Дюлютса и съ одной только пере-

грузкой въ китоподобные пароходы (whaleback steamers) передвигаются во всѣ порты Европы и всего міра. Городъ Дюлюгъ и его сосѣдъ, городъ Сьюпріоръ, отдѣленный отъ него только незначительной рѣчкой, за послѣднее десятилѣтіе выросли изъ небольшихъ деревушекъ въ города съ шестидесятитысячнымъ населеніемъ и перегнали Чикаго въ дѣлѣ отправки пшеницы; а судоходство города Детройта, въ штатѣ Мичиганѣ, стоящаго на проливѣ, соединяющемъ озера Гуронъ и Эри, въ которомъ обязаны регистрироваться всѣ суда, работающія на Великихъ озерахъ, за послѣдній годъ превысило судоходство Лондона и Ливерпуля, взятыхъ вмѣстѣ, какъ по числу судовъ, такъ и по количеству тоннъ груза.

Сѣверная тихо-океанская желѣзная дорога и въ настоящее уже время перевозитъ болѣе пшеницы, чѣмъ какая-либо другая линія во всемъ Союзѣ; и хотя ея основатель, знаменитый въ лѣтописяхъ американской спекуляціи Джэй Кукъ (Jay Cook) умеръ банкротомъ, и его паденіе въ 1873 году вызвало самый острый и самый тяжелый финансовый кризисъ, который когда-либо разражался въ Америкѣ, разорившая его дорога давно раздѣлалась съ неоплатными, казалось, долгами и, за самое послѣднее время, даже начала платить небольшіе дивиденды. Кромѣ усиленія производства пшеницы, небывалаго даже въ лѣтописяхъ Америки, этой счастливой перемѣнѣ много способствовало учрежденіе на верховьяхъ рѣки Миссури „Йеллоустонскаго Національнаго Парка“, (Yellownstone National Park), привлекающаго каждое лѣто десятки тысячъ туристовъ со всѣхъ концовъ Союза. Паркъ этотъ учрежденъ особымъ актомъ конгресса, заключаетъ въ себѣ значительную территорію, замѣчательную по дикой красотѣ мѣстности и многимъ цѣлебнымъ ключамъ и гейзерамъ; въ немъ построено нѣсколько громаднхъ отелей со всѣми удобствами цивилизаціи, и въ теченіе лѣтняго сезона онъ всегда биткомъ набитъ туристами и больными.

Пшеница составляетъ главный грузъ восточной половины дороги—западная живетъ скотоводствомъ и, главное, лѣснымъ дѣломъ. Вся центральная полоса сѣверо-американскаго континента, начинающаяся отъ границъ Мексико на югъ и включающая западныя части штата Тексаса, индѣйскую территорію, территоріи Аризону, Нью-Мексико и Юга, части штатовъ Канзаса, Колорадо и Невады, штаты Вайомингъ, Айдахо и Монтану до границъ британскихъ владѣній на сѣверѣ, занимается скотоводствомъ и овцеводствомъ въ большихъ размѣрахъ и снабжаетъ мясомъ не только всѣ большіе города Союза, но и посылаетъ его въ разныхъ видахъ чуть ли не во всѣ концы земного шара. Громад-

ныя стада мясного скота пасутся тамъ, гдѣ еще только двадцать пять лѣтъ тому назадъ блуждалъ только дикій бизонъ, теперь окончательно исчезнувшій и составляющій зоологическую рѣдкость, изрѣдка встрѣчаемую только въ самыхъ отдаленныхъ долинахъ сѣверной Канады. Скотъ этотъ пасется круглый годъ, подвигаясь сообразно съ временами года изъ долинъ въ горы и обратно; десятки и сотни тысячъ погибаютъ ежегодно отъ снѣговъ и бурь на сѣверѣ и отъ недостатка воды и корма лѣтомъ на югѣ—но все-таки скотоводство оплачивается хорошо, благодаря тому, что всѣ расходы сводятся къ наблюденію за скотомъ и къ доставкѣ его на мѣсто сбыта. Пастбище, въ сущности, не ограничено—скотъ иногда дѣлаетъ большіе переходы, и пастухи (cowboys), собственно говоря, не имѣютъ осѣлости, а перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по состоянію корма и воды. Каждая скотина заклеена клеймомъ владѣльца, и уничтоженіе или измѣненіе такого клейма считается преступленіемъ, равносильнымъ воровству и грабежу; и еще въ самое недавнее время наказывалось судомъ Линча; и теперь эти коубои или пастухи составляютъ самый грубый классъ американскаго населенія; послѣдній сохранившійся типъ бывшихъ пограничныхъ бравъ Америки, которые, отвоевавъ весь Западъ отъ индѣйца, сдѣлали свое дѣло и теперь быстро исчезаютъ съ горизонта, уступивъ свое мѣсто мирному земледѣльцу. Въ извѣстное время года, смотря по мѣстности, когда скотъ наиболѣе тученъ, его гоняютъ къ желѣзнымъ дорогамъ и отправляютъ на скотобойни городовъ Канзасъ-Сити, Омахи и Чикаго, въ которыхъ расположены самыя значительныя мясныя фабрики Союза. Цѣна скоту всегда дѣлается по его живому вѣсу; скотопромышленники горько жалуются въ послѣднее время на то, что цѣна на скотъ очень низка, благодаря мясному trust'у, какъ говорятъ они; члены же trust'a, обнимающаго всѣ сколько-нибудь значительныя скотобойни и мясныя фабрики, говорятъ, что виной тому—перепроизводство и плохое качество скота, результатъ недостатка пастбищъ; полагать надобно, что обѣ стороны правы до извѣстной степени.

Западная половина штата Монтаны и штаты Вашингтонъ и Орегонъ производятъ въ настоящее время громадныя количества теса разнаго рода; лѣса ели, сосны, ясени и въ особенности краснаго дерева или секвой—тянутся на большія пространства и отличаются замѣчательной густотой и размѣрами растительности. Во многихъ мѣстахъ построены лѣсопильными заводами желѣзнодорожныя вѣтви для подвозки бревенъ, и количество ежедневно отправляемаго теса, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, достигаетъ огром-

ныхъ размѣровъ. Пюджетъ-Соундъ, этотъ рукавъ Тихаго океана, далеко врѣзывающійся въ материкъ, считается наилучшимъ и наибольшимъ рейдомъ во всемъ мірѣ, и сотни кораблей нагружаются тесомъ въ его портахъ и развозятъ его во всѣ концы міра. Экспортная торговля тесомъ портовъ Пюджетъ-Соунда за послѣдніе года догнала и перегнала, по количеству и цѣнности матеріала, всѣ остальные пункты Союза и все еще продолжаетъ расти. Города Сіэттль, Такома и Портлендъ, главные порты сѣверной части тихо-океанскаго побережья и центры его внутренней и внѣшней торговли растутъ чрезвычайно быстро, и изученіе ихъ развитія и внутренняго устройства даетъ путешественнику наилучшее понятіе о тѣхъ могучихъ силахъ, которыя, какъ бы по волшебству, создаютъ въ Америкѣ, въ теченіе баснословно короткихъ промежутковъ времени, цвѣтущіе города съ десятками и сотнями тысячъ жителей, наслаждающихся всѣми послѣдними благами цивилизаціи.

На разстояніи отъ трехсотъ до пятисотъ миль къ югу отъ Сѣверной тихо-океанской дороги идетъ старѣйшая трансконтинентальная американская линія, построенная при помощи федеральнаго правительства, о которой я уже имѣлъ случай говорить выше, и составленная изъ двухъ самостоятельныхъ дорогъ: союзной тихо-океанской (Union Pacific), на востокъ, и центральной тихо-океанской (Central Pacific), на западъ. Контроль надъ этой послѣдней принадлежитъ въ настоящее время южной тихо-океанской дорогѣ (Southern Pacific R. R.), о которой я буду подробно говорить ниже, такъ какъ она владѣетъ также отдѣльной трансконтинентальной линіей. Союзная тихо-океанская желѣзная дорога отъ города Чайенна (Cheyenne), въ штатѣ Вайомингѣ, развѣтвляется на многочисленныя побочныя линіи, достигающія многихъ центральныхъ пунктовъ въ штатахъ Колорадо, Небраскѣ и Канзасѣ. Города Денверъ, Омаха и Канзасъ-Сити составляютъ ея главные исходные пункты на востокъ, и такъ какъ линія эта и до сихъ поръ составляетъ кратчайшій и скорѣйшій путь между Санъ-Франциско и почти всѣми значительными городами среднихъ и восточныхъ штатовъ, благодаря сравнительной прямизнѣ линіи и ея центральному положенію, то и до сихъ поръ она служитъ главнымъ путемъ пассажирскаго трансконтинентальнаго движенія въ Соединенныхъ-Штатахъ. Время переѣзда между Санъ-Франциско и Нью-Йоркомъ сокращается съ каждымъ годомъ; въ послѣднее время его довели до 4-хъ сутокъ, а нѣсколько экстренныхъ поѣздовъ успѣли сдѣлать его въ 3½ сутокъ; надѣются, что къ концу настоящаго года это время будетъ достаточнымъ

для обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздовъ. Впрочемъ, какъ эта линія, такъ и обѣ предъидущія, въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, особенно февраля и марта, ежегодно страдаютъ отъ снѣжныхъ заносовъ, которые иногда совсѣмъ останавливаютъ всякое движеніе на недѣлю, на двѣ и даже долѣе. Въ горахъ снѣговые бури зимой очень часты и сильны и иногда заносятъ полотно дороги въ глубокихъ выемкахъ на цѣлые 20 футовъ. Самыя разнообразныя приспособленія, стоющія большихъ денегъ, употребляются на всѣхъ этихъ дорогахъ; но бури иногда оказываются сильнѣе всего, чтѣ человѣкъ изобрѣлъ до сихъ поръ въ этомъ отношеніи, и нерѣдко приходится отрывать цѣлые поѣзда, остановленные снѣгомъ между станціями. Паровыя снѣговые плуги, иногда десять въ одномъ поѣздѣ, бываютъ безсильны подвинуться на одинъ дюймъ, и тысячи рабочихъ употребляются для очистки пути руками.

Центральная тихо-океанская желѣзная дорога, которая составляетъ западную половину этой линіи, въ Санъ-Франциско раздвояется: одна вѣтвь идетъ на сѣверъ до Портленда въ Орегонѣ, другая—на югъ до города Лосъ-Анжелеса, гдѣ она и соединяется съ южной тихо-океанской желѣзной дорогой, которая, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше, контролируетъ ее, и, такимъ образомъ, является единственной желѣзно-дорожной системой для всего тихо-океанскаго побережья на югъ отъ Портленда и на сѣверъ отъ Лосъ-Анжелеса, на разстояніи болѣе тысячи англійскихъ миль. Многочисленныя вѣтви идутъ отъ нея во всѣхъ направленіяхъ, соединяя съ одной стороны прибрежные города и земледѣльческія мѣстности западной части, а съ другой—долины горныхъ рѣчекъ Скалистыхъ горъ и ихъ многочисленные рудники съ главной линіей. Весь южный Орегонъ и вся Калифорнія, исключая г. Лосъ-Анжелесъ и прилегающую къ нему территорію на крайнемъ южномъ концѣ штата, находятся въ рукахъ этой системы; громадная торговля города Санъ-Франциско сдавлена ею со всѣхъ сторонъ, и благодаря тому факту, что всѣ доступны къ этому городу принадлежатъ южной тихо-океанской дорогѣ, весьма сомнительно, чтобы по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ положеніе дѣла измѣнилось къ лучшему. Какъ извѣстно, городъ Санъ-Франциско расположенъ на длинномъ и узкомъ полуостровѣ, отдѣленномъ отъ континента заливомъ океана, составляющимъ его портъ; южная тихо-океанская дорога владѣетъ не только всѣмъ перешейкомъ этого полуострова, но и всѣмъ берегомъ залива, такъ что никакая другая дорога не можетъ взойти въ городъ безъ ея согласія; завладѣла она этой поземельной собственностью когда земля была дешева, а теперь цѣны на

нее поднялись до такихъ баснословныхъ размѣровъ, что экспроприация права на путь будетъ стоять неслыханныхъ суммъ и, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, запугивала всѣ тѣ новыя компаніи, которыя стремились достигъ Сантъ-Франциско съ востока; легче выстроить цѣлую новую трансконтинентальную линію до Денвера или Сольтъ-Лэкъ-Сити, полторы тысячи миль по горамъ и пустынѣ, чѣмъ войти въ предѣлы Сантъ-Франциско, и потому ростъ этого города за послѣднее время замѣтно замедлился; несмотря на его превосходное географическое положеніе, несмотря на его несравненный портъ, Портлендъ на сѣверѣ и Лосъ-Анжелесъ на югѣ медленно, но вѣрно захватываютъ одну за другой многочисленныя отрасли его торговли и промышленности и растутъ, пропорціонально, гораздо быстрее, чѣмъ Сантъ-Франциско.

Начинаясь многочисленными вѣтвями въ штатахъ Тексасѣ, Арканзасѣ, Миссури, Иллинойсѣ, Эйюэ, Канзасѣ, Небраскѣ и Колорадо, идетъ самая значительная по числу эксплуатируемыхъ ею миль (9.316 миль къ началу текущаго 1892 года) желѣзнодорожная система въ Соединенныхъ-Штатахъ, Этчисонъ, Топика и Санта Фе (Atchison, Topeka & Santa Fe), Эль-Пазо на границѣ Тексаса и Мексико, Гальвестонъ на берегу Мексиканскаго залива на югѣ, Чикаго и Сапъ-Луисъ на востокѣ, Омаха, Денверъ и Сольтъ-Лэкъ-Сити на сѣверѣ— всѣ эти торговые и промышленные центры служатъ исходными пунктами этой многомильной системы, соединяясь въ г. Альбукеркѣ, въ территоріи Нью-Мексико, откуда собственно и начинается трансконтинентальная линія этой системы, пересекающая территоріи Нью-Мексико и Аризону и кончающаяся въ штатѣ Калифорніи нѣсколькими вѣтвями, отъ города Лосъ-Анжелеса идущими къ различнымъ южнымъ портамъ, куда еще весьма незначительнымъ, такъ какъ вся южная Калифорнія и до сихъ поръ страна еще совершенно новая, только въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ начавшая быстро заселяться.

Отъ г. Альбукерка до западныхъ исходныхъ пунктовъ линія эта была выстроена лѣтъ десять тому назадъ, какъ самостоятельная дорога, подъ названіемъ атлантической и тихо-океанской желѣзной дороги (Atlantic & Pacific R. R.) и только недавно была поглощена А. Т. & С. Ф. системой, такъ какъ самостоятельное существованіе, безъ связей на востокѣ, оказалось невозможнымъ. Проходить она на цѣлыя полторы тысячи миль по абсолютнымъ пустынямъ Нью-Мексико, Аризоны и Восточной Калифорніи, и хотя на ея пути и нѣтъ тѣхъ горныхъ хребтовъ и снѣжныхъ заносовъ, съ которыми борются три сѣверныя линіи, эксплуатація ея едва ли обходится дешевле, такъ какъ поддержа пути по со-

вершеннымъ пустынямъ, часто на цѣлыя сотни миль не имѣющимъ ни одного жителя, а главное, снабженіе подвижного состава водою, стоитъ огромныхъ денегъ. Великая американская пустыня, обнимающая собою все центральное плато Союза, возвышающееся до 5 и 6 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря и перерѣзанное во всѣхъ направленіяхъ горными хребтами, представляетъ собою волнистую сплошную возвышенность съ самою незначительною растительностью и съ весьма немногими, на большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другого, потоками, которые часто теряются въ пескахъ и лѣтомъ почти всѣ совершенно пересыхаютъ. Почва, чрезвычайно непривлекательный на видъ красноватый или желтоватый песокъ, чрезвычайно производительна, если только возможно правильное орошеніе, и потому ирригація всевозможныхъ родовъ составляетъ главную заботу не только немногихъ жителей, но и желѣзно-дорожныхъ и рудокопныхъ компаній, и правительства какъ отдѣльныхъ штатовъ и территорій, такъ и всего Союза. Уже нѣсколько лѣтъ какъ изданъ конгрессомъ особый законъ „о пустынныхъ земляхъ“ (arid lands), законъ, по которому всякая компанія или частное лицо получаетъ въ полную собственность, безъ всякой платы, все то количество пустынной земли, которое посредствомъ искусственной ирригаціи сдѣлано способнымъ къ воздѣлыванію; сотни милліоновъ акровъ принадлежатъ правительству въ великой американской пустынѣ, и всѣ эти земли подлежатъ этому закону. Здѣсь я кстати упомяну, что такой же законъ существуетъ относительно осушенія болотъ во многихъ южныхъ штатахъ; компанія Дисстона во Флоридѣ осушила и приобрѣла два милліона акровъ, засадила ихъ сахарнымъ тростникомъ и въ настоящее время оперируетъ одинъ изъ самыхъ большихъ сахарныхъ заводовъ Союза. Такой же законъ встрѣчаемъ и на преріяхъ Сѣвера, гдѣ можно бесплатно приобрести въ собственность землю, засаженную лѣсомъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что каждое отдѣльное лицо можетъ засадить не болѣе 160 акровъ; въ дѣлѣ ирригаціи и осушенія болотъ нѣтъ предѣла, и все орошенное или осушенное пространство дѣлается собственностью улучшателя, сколько бы въ немъ ни было акровъ.

Земля въ пустынѣ безъ ирригаціи не стоитъ абсолютно ничего; съ правильной ирригаціей цѣна на нее доходитъ до баснословныхъ размѣровъ, часто до пятисотъ долларовъ за акръ; поэтому каждый, самый незначительный ручей утилизируется до послѣдней возможности; во многихъ мѣстахъ роютъ съ большими расходами артезіанскіе колодцы, проводятъ воду желѣзными трубами отъ горныхъ ключей въ долины на многія мили и т. д.,

и т. д. За послѣднее время англійскіе капиталисты обратили особенное вниманіе на территоріи Нью-Мексико и Аризону. Нѣсколько компаній съ громадными капиталами строятъ нѣсколько гигантскихъ плотинъ, стоящихъ милліоны долларовъ и остановившихъ рѣки въ искусственныхъ резервуарахъ, образующихъ цѣлыя озера и правильно орошающихъ въ теченіе сухого періода обширныя плантаціи; высчитываютъ, что со времени изданія вышеприведеннаго закона объ ирригаціи около 18 милліоновъ акровъ были такимъ образомъ отвоеваны отъ пустыни и присоединены къ числу обрабатываемыхъ земель.

Какъ на самый блестящій примѣръ успѣховъ ирригаціи указываютъ на городокъ Эдди, въ юго-восточной части территоріи Нью-Мексико. Пять лѣтъ тому назадъ вся мѣстность была не что иное, какъ голая пустыня; странствовавшій по ней янки съ слабыми легкими увлекся мѣстностью, которая показалась ему особенно полезной для его здоровья, и рѣшилъ сдѣлать эксперименты съ задержаніемъ водъ небольшого горнаго потока. У него были деньги и друзья съ деньгами — опытъ оказался необыкновенно удачнымъ, климатъ особенно пригоднымъ для чахоточныхъ; была построена желѣзно-дорожная вѣтвь въ 160 миль, чтобъ связать этотъ уголокъ съ цивилизованнымъ міромъ, и черезъ пять лѣтъ получилась цвѣтущая община съ тридцатью тысячами жителей, роскошными фруктовыми садами и виноградниками, быстро растущая и съ такимъ блестящимъ будущимъ, что посѣтившій прошлой зимою Эдди знаменитый желѣзнодорожникъ Джэй Гүльдъ въ два слова купилъ желѣзно-дорожную вѣтвь, — а этотъ дѣлецъ не купитъ ничего, что не обѣщало бы большихъ барышей.

На нѣкоторыхъ дивизіяхъ атлантической и тихо-океанской желѣзной дороги воды нѣтъ совсѣмъ, и каждый поѣздъ беретъ съ собою нѣсколько водяныхъ вагоновъ, состоящихъ изъ огромныхъ желѣзныхъ или деревянныхъ чановъ, соединенныхъ съ локомотивомъ гуттаперчевыми трубками; служащіе и рабочіе на линіи на этихъ дивизіяхъ снабжаются водою изъ этихъ же чановъ, и сохраненіе воды является довольно затруднительной задачей, такъ какъ испареніе въ этихъ пустыняхъ необыкновенно сильно, особенно когда дуютъ южные вѣтры, поднимающіе настоящія песчаная бури и высушивающіе цѣлые резервуары въ баснословно-короткое время. Станціи и жилища служащихъ на этихъ дивизіяхъ строятся съ двойными стѣнами и крышами; удрушающая сила вѣтра и разрушительныя способности гонимаго имъ песку такъ велики, что служащіе носятъ въ теченіе лѣта особыя маски, а дерево пробивается пескомъ насквозь; телеграфные столбы,

напр., мѣняются каждые четыре мѣсяца, такъ какъ ихъ нижнія части перетираются пескомъ пополамъ.

Несмотря на всѣ эти препятствія, клочки пустыни отвоевываются человѣкомъ каждый годъ и обращаются въ цвѣтушіе оазисы. Какъ только правильное орошеніе дѣлается возможнымъ, такъ производительная сила почвы и климатъ берутъ свое—голая пустыня въ необыкновенно короткое время обращается въ фруктовые сады, и качество фруктовъ такъ высоко, что они приносятъ хорошія цѣны на рынкахъ большихъ восточныхъ городовъ Союза и быстро обогащаютъ владѣльцевъ. Груши, яблоки, сливы, абрикосы, миндаль, орѣхи, оливки и въ особенности виноградъ пустыни—превосходны; за послѣднее время стали дѣлать не только обыкновенныя столовыя вина, но и шампанское, которое, говорить, мало уступаетъ французскому.

Все, что сказано мною выше о великой американской пустынѣ, относится и къ территоріи самой южной американской трансконтинентальной линіи—южной тихо-океанской желѣзной дороги, о которой я уже не разъ упоминалъ выше. Дорога эта начинается нѣсколькими вѣтвями въ штатахъ Тексасѣ и Луизианѣ, причемъ главными исходными пунктами служатъ города Нью-Орлеансѣ или Новый-Орлеанъ, Гальвестонъ и Санъ-Антоніо. Идетъ она по южнымъ частямъ Тексаса, территорій Нью-Мексико и Аризоны, почти все время совершенно параллельно съ границей Мексико, и всего въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ нея пересѣкаетъ рѣку Колорадо почти при впаденіи ея въ Калифорнскій заливъ, и затѣмъ въ штатѣ Калифорніи и въ городѣ Лосъ-Анжелесѣ соединяется центральной тихо-океанской желѣзной дорогой.

На линіи этой дороги началось съ прошлаго лѣта и продолжается и до сихъ поръ замѣчательное физическое явленіе, до сихъ поръ не объясненное удовлетворительнымъ путемъ. Миляхъ въ 30-ти къ востоку отъ рѣки Колорадо плотно дороги идетъ на многія мили по глубокой долиנѣ, очевидно служившей когда-то морскимъ дномъ; лежитъ эта долина на нѣсколько футовъ ниже уровня океана и занимаетъ нѣсколько сотъ квадратныхъ миль; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней существуютъ соляныя залежи, и довольно значительный заводъ уже нѣсколько лѣтъ занимался ихъ разработкою. Въ одно прекрасное утро прошлымъ лѣтомъ, въ самые ужасные жары, доходившіе до 130⁰ Фаренгейта, долина вдругъ оказалась наполненной водою на нѣсколько футовъ глубины, и плотно желѣзной дороги оказалось на многія мили подъ водою. Сначала думали, что рѣка Колорадо почему-либо вдругъ измѣнила свое русло и залила долину—но количество воды въ

рѣкѣ не уменьшилось, да и наполнилась долина слишкомъ быстро: стояло сухое время года, и количество воды въ рѣкѣ было не настолько значительно, чтобы наполнить эту площадь. Несмотря на страшныя массы воды, поглощаемыя испареніемъ, вода въ новомъ морѣ все поднималась, разрушила соляной заводъ, надѣлала тѣму хлопотъ желѣзно-дорожной компаніи и стоитъ въ томъ же положеніи и теперь. Я проѣзжалъ мимо въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ и видѣлъ собственными глазами это новое водохранилище, неизвѣстно откуда появившееся. Геологи и специалисты всякаго рода и до сихъ поръ ломаютъ надъ этимъ голову, а мѣстные индѣйцы утверждаютъ, что вода исчезнетъ такъ же внезапно, какъ появилась, и что много лѣтъ тому назадъ произошелъ совершенно такой же казусъ.

Вся торговля тихо-океанскаго побережья съ югомъ Союза и странами, прилежащими къ Мексиканскому заливу, находится въ рукахъ южной тихо-океанской желѣзной дороги, тѣмъ болѣе что всѣ пароходныя линіи между портами восточныхъ штатовъ и Новымъ-Орлеаномъ, Гальвестономъ и портами Мексико и Центральной Америки съ одной стороны, и портами Панамскаго перешейка и Мексико и тихо-океанскимъ побережьемъ, съ другой, принадлежитъ ей же. Трудно преувеличить ту абсолютную зависимость отъ этой системы, въ которой находится въ настоящее время не только Санъ-Франциско, но и вся Калифорнія. Каждый годъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ образуются компаніи для того, чтобы избавиться отъ этой крѣпостной зависимости, но всѣ онѣ обыкновенно попадаютъ въ лапы агентовъ желѣзной дороги и поглощаются ею такъ или иначе. Попытка контролировать тарифы посредствомъ желѣзно-дорожной комиссіи совершенно не удалась, такъ какъ опять-таки желѣзная дорога позаботилась заблаговременно относительно состава легислатуры, имѣвшей назначить членовъ этой комиссіи, и она сразу оказалась не чѣмъ инымъ, какъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ президента дороги, знаменитаго С. П. Хюнтингтона.

По цenzу 1890 года, штаты и территоріи района четырехъ сѣверо-американскихъ трансконтинентальныхъ дорогъ представляли территорію въ 1.142.101 кв. англ. милю, съ 2.798.134 жителями. Эта территорія обнимаетъ собою всѣ штаты тихо-океанскаго побережья, всю центральную полосу и штатъ Сѣверную-Дакоту—всего 10 штатовъ и территорій. Словомъ, весь дальній Западъ и Сѣверо-западъ Союза. Для удовлетворенія нуждъ этого крайне незначительнаго, по европейскимъ понятіямъ, народонаселенія, разбросаннаго на такомъ огромномъ пространствѣ, были

выстроены и эксплуатируются съ сравнительнымъ успѣхомъ 16.611 миль желѣзныхъ дорогъ. Принимая въ соображеніе характеръ страны, крайне неблагоприятный какъ для постройки, такъ и для эксплуатаціи желѣзныхъ путей, я буду, вѣроятно, весьма близокъ къ истинѣ, если предположу, что стоимость постройки и экипировки должна была обойтись не менѣе сорока тысячъ долларовъ на милю; американскіе специалисты высчитываютъ, что на западъ отъ рѣки Миссисипи, въ среднемъ, всѣ желѣзныя дороги стоили около этой суммы. Такимъ образомъ получимъ громадную сумму въ \$ 664.440.000, издержанную на устройство желѣзно-дорожныхъ путей сообщенія для 2.798.134, жителей, или \$ 237 на каждого мужчину, женщину и ребенка. Читатель можетъ самъ придти къ заключенію, и безъ моей помощи, относительно оцѣнки производительности страны и энергіи ея жителей, потребовавшихъ такихъ затратъ и дѣлающихъ возможною ихъ успѣшную и даже выгодную эксплуатацію. Если восточные штаты своими туристами и помогаютъ этому до извѣстной степени, то, съ другой стороны, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что торговля и промышленность района пользуются также Тихимъ океаномъ какъ средствомъ къ сообщенію какъ между собою, такъ и съ остальнымъ міромъ, такъ что, вѣроятно, эти два фактора уравниваютъ одинъ другого, и можно безъ большихъ ошибокъ разсчитывать, что желѣзныя дороги поддерживаются мѣстнымъ населеніемъ. Мало того, населеніе это самымъ энергичнымъ образомъ утверждаетъ, что настоящихъ путей сообщенія для него недостаточно, что развитіе его задерживается самымъ чувствительнымъ образомъ отсутствіемъ болѣе дешевыхъ путей сообщенія съ Востокомъ Союза и Европой, и всячески старается о скорѣйшемъ окончаніи Никарагвскаго канала, этого гигантскаго предпріятія, смѣнившаго остановившуюся работу и совершенно разорившуюся французскую компанію Лессепа по постройкѣ Панамскаго канала.

IX.

Я нахожу не лишнимъ дать подробное описаніе Никарагвскаго канала; хотя онъ и строится внѣ территоріи Союза, но является предпріятіемъ чисто американскимъ, и осуществленіе его несомнѣнно повліяетъ не только на положеніе торговли и промышленности Союза, но и на относительное положеніе всемірныхъ торговыхъ рынковъ. Я лично знакомъ съ президентомъ никарагвской компаніи, бывшимъ сенаторомъ Соединенныхъ-Шта-

товъ отъ штата Нью-Йорка, Варкеромъ Миллеромъ; одинъ изъ инженеровъ канала работалъ со мною во Флоридѣ нѣсколько лѣтъ, и я могу безусловно поручиться за точность сообщаемыхъ мною свѣдѣній, хотя лично я и не былъ никогда въ Никарагвѣ.

Приведенное выше, хотя и краткое, описаніе трансконтинентальныхъ желѣзно-дорожныхъ линій, указывая на неизбѣжную дороговизну ихъ эксплуатаціи и поддержки, даетъ нѣкоторое понятіе о высотѣ фрахтовъ, во многихъ случаяхъ совершенно запретительныхъ. Необходимъ болѣе дешевый способъ перевозки, а океанъ всегда и вездѣ является наилучшимъ способомъ. Знаменитый инженеръ В. Ж. Макъ Альпинъ (Mac Alpine), неоспоримый авторитетъ по этому предмету, высчитываетъ, что отношеніе стоимости перевозки миле-тонны морскимъ путемъ, при длинныхъ переѣздахъ, къ стоимости перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, равняется въ среднемъ отношеніи 1 къ 10; на дорогахъ съ благопріятными условіями оно падаетъ до отношенія 1 къ 8; съ неблагопріятными—поднимается до отношенія 1 къ 15. Съ тѣми усовершенствованіями, которыя въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ были сдѣланы въ паровыхъ машинахъ и вообще въ конструкціи океанскихъ пароходовъ, отношенія эти все болѣе и болѣе измѣняются въ пользу морского пути. Такъ, новый товарный пароходъ „Куфикъ“ (Cufic) перевозитъ 6.100 тоннъ, черезъ Атлантическій океанъ, въ 11½ дней, потребляя всего 33 тонны угля въ день; а „Номадикъ“ (Nomadic), съ емкостью въ 6.800 тоннъ, и того меньше. Пароходы эти могутъ конкурировать съ успѣхомъ не только съ такими желѣзными дорогами, какъ американскія трансконтинентальныя, но и съ парусными судами, и, особенно при короткихъ переѣздахъ, вытѣсняють эти послѣднія совершенно. Для уясненія сокращенія морскихъ путей съ прорытіемъ Никарагвскаго канала приведу слѣдующую таблицу:

		Черезъ мысъ Горнъ.	Ч. Никарагвскій каналъ.	Сокращеніе:
		Морскихъ миль.		
Нью-Йоркъ до Санъ-Франциско	14.840	4.946	9.894	
„ „ Вальпарайзо, Чили. . . .	9.750	4.688	5.062	
„ „ Каллао, Перу	10.689	3.701	6.988	
„ „ Гонгъ-Конгъ, Китай	18.180	11.038	7.152	
„ „ Мельбурнъ, Австралія	13.502	10.000	3.502	
Новый-Орлеанъ до Санъ-Франциско	15.052	4.047	11.105	
„ „ Вальпарайзо	9.962	3.987	5.975	
„ „ Каллао	10.901	2.988	7.913	
Ливерпуль до Санъ-Франциско. . . .	14.690	7.694	6.996	
„ „ Каллао	10.539	6.449	4.090	
„ „ Токамы, Японія	17.529	12.111	5.418	
Гамбургъ до Мазатланъ, Мексико	13.931	6.880	7.051	

Какъ читатель можетъ усмотрѣть изъ этой таблицы, разстоянія уменьшатся во многихъ случаяхъ больше чѣмъ на половину, и многіе громоздкіе и дешевые предметы торговли, до сихъ поръ совершенно пропадающіе за невозможностью ихъ перевозки вслѣдствіе дороговизны, приобретутъ торговую цѣнность; есть всякое основаніе предполагать, что установившіяся въ настоящее время на всемірномъ рынкѣ цѣны на подобные предметы должны будутъ совершенно измѣниться, какъ только каналъ будетъ открытъ. Кромѣ того, каналъ этотъ будетъ имѣть великую важность въ военномъ отношеніи, особенно для Соединенныхъ-Штатовъ. „Дядя“ самъ шибко побаивается Джонъ-Буля; они конкурируютъ во всѣхъ концахъ міра, постоянно сталкиваются и спорятъ, а въ случаѣ разрыва, который, по мнѣнію всѣхъ выдающихся государственныхъ людей Америки, можетъ случиться по самому ничтожному поводу во всякій моментъ, Англія въ нѣсколько дней сосредоточитъ свою тихо-океанскую броненосную эскадру, всегда чрезвычайно сильную, на тихо-океанскомъ побережьѣ Союза, прежде чѣмъ этотъ послѣдній будетъ въ состояніи сдѣлать что-либо для защиты его портовъ. Джонъ Буль не збывалъ за послѣднее время—онъ имѣетъ и свою собственную трансконтинентальную линію, и громадный морской арсеналъ въ Ванкуверѣ, и всегда держитъ на-готовѣ на разныхъ станціяхъ Тихаго океана сильный и многочисленный флотъ. Поэтому-то Блэнъ и называетъ Никарагвскій каналъ не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ береговой линіи Соединенныхъ-Штатовъ; поэтому-то Союзъ такъ и остался глухъ и нѣмъ ко всѣмъ призывамъ Лессепса и компаніи Панамскаго канала, даже по всей вѣроятности всячески, хотя и тайно, мѣшалъ этому предпріятію: вѣдь оно принадлежало Франціи, а страна эта, по его окончаніи, конечно, не преминула бы создать изъ него второй Гибралтаръ. Въ настоящее время нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Никарагвскій каналъ будетъ и останется предпріятіемъ чисто американскимъ, — если, благодаря съ одной стороны могучей оппозиціи трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ, а съ другой, постоянной борьбѣ политическихъ партій, боящихся высказаться открыто по поводу федеральной помощи каналу наканунѣ президентской кампаніи, конгрессъ и не принялъ еще до сихъ поръ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, въ формѣ или субсидіи, или гарантіи облигацій никарагвской компаніи,—тѣмъ не менѣе несомнѣненъ тотъ фактъ, что европейскія державы никогда и ни въ какомъ случаѣ не завладѣютъ предпріятіемъ. Общественное мнѣніе этого не допуститъ; допущеніе Панамскаго канала до того пункта, до котораго онъ дошелъ въ то время, когда на немъ прекрати-

лись работы, признается открыто колоссальной ошибкой, и мнѣ сдается, что паденіе Лессепса было значительно ускорено давленіемъ этого американскаго общественнаго мнѣнія. Американская дипломатія вообще очень искусна; мексиканская экспедиція, Панамскій каналъ, бразильская республика, чилийская междоусобная война, кубанскія возстанія, распри другихъ вестъ-индскихъ острововъ — все это носитъ на себѣ неизгладимые слѣды работы этой дипломатіи. Она зорко и ревниво сторожитъ весь американскій континентъ — и, не вмѣшиваясь ни подъ какимъ предлогомъ въ европейскія столкновенія, въ то же время коротко и энергично заявляетъ всему міру: „hands off!“ — какъ только дѣло касается чисто американскихъ интересовъ.

Какъ извѣстно, Скалистыя горы идутъ по всему западному берегу американскаго континента, отъ Аляски до мыса Горна; на всемъ этомъ протяженіи онѣ очень высоки, исключая нѣсколькихъ проходовъ на Панамскомъ перешейкѣ. Первымъ съ сѣвера и самымъ низкимъ, 153 фута надъ уровнемъ моря, является проходъ, по которому идетъ Никарагвскій каналъ; на его пути лежатъ два большія озера, Никарагва и Манагва, 110 футовъ надъ уровнемъ моря, изъ которыхъ текутъ рѣки въ обѣ стороны — одна въ Атлантическій, другая въ Тихій океаны. Слѣдующій проходъ, Панамскій, съ вершиной въ 295 футовъ надъ уровнемъ моря, затѣмъ Санъ-Блазъ въ 1.145 ф. и всего въ 30 миль ширины, Тегуантепекъ въ 755, Каледонія-Тирайасъ въ 800, Аtrato-Напина въ 778, Аtrato-Тюйра въ 800 и Аtrato Трюандо въ 950 футовъ вышины. Всѣ эти послѣдніе, по своей, сравнительно, значительной высотѣ, само собой разумѣется, не особенно пригодны для корабельнаго канала; Панамскій переходъ завязъ развалинами канала Лессепса, и потому Никарагвскій оставался единственнымъ открытымъ путемъ для американской предприимчивости.

Еще въ 1550 году испанскій изслѣдователь Антоніо Гальвао указалъ на удобства Никарагвскаго прохода для между-океанскаго пути. Начиная съ 1825 года предметъ этотъ неоднократно представлялся съ разныхъ сторонъ правительствамъ Соединенныхъ Штатовъ и Никарагвы. Въ 1844 г., донъ Франциско Кастеллонъ, гражданинъ Никарагвы, посѣтилъ Францію и обратилъ вниманіе принца Лудовика-Наполеона, впослѣдствіи императора французовъ, на этотъ проектъ; тотъ написалъ и издалъ брошюру по поводу канала, но ничего положительнаго не вышло изъ этой попытки. Въ 1849 г., Корнелиусъ Вандербильтъ и Комп. достали отъ никарагвскаго правительства концессию на постройку корабельнаго канала, и полковникъ Чайльдсъ, филадельфійскій инже-

неръ, произвелъ первое мѣстное изслѣдованіе и составилъ для нихъ проектъ канала, который былъ признанъ удобоисполнимымъ правительственными инженерами Соединенныхъ-Штатовъ. Но компанія предпочла заняться перевозкой калифорнійскихъ эмигрантовъ, которые оказались синицей въ рукахъ; журавля же въ небѣ — концессию на каналъ — она оставила въ сторонѣ, и концессія была отъ нихъ отобрана. Съ 1852 года начался цѣлый рядъ инженерныхъ изслѣдованій, покрывшихъ весь перешеекъ, — изслѣдованій, предпринятыхъ частію частными лицами, но преимущественно правительствомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Изслѣдованія эти были завершены въ 1872 и 1873 годахъ особой комиссіей, подъ главнымъ начальствомъ командора союзнаго флота Лулля (Lull) съ А.-Ж. Менокалемъ, какъ главнымъ инженеромъ. Эта комиссія занялась преимущественно Панамскимъ и Никарагвскимъ проходами, и результатомъ ея работы былъ подробный и обстоятельный докладъ, отдававшій рѣшительное преимущество никарагвскому пути, со шлюзами и озерами, какъ вершиннымъ уровнемъ. Докладъ призналъ возможность и Панамскаго канала, подъ условіемъ шлюзовой системы, но съ большими расходами и съ вершиннымъ уровнемъ на 14 футовъ выше Никарагвскаго, и доказалъ безусловную невозможность канала съ морскимъ уровнемъ, именно то, что впослѣдствіи предприняли французы.

Въ 1879 году Лессепсъ созвалъ интернаціональный канальный конгрессъ въ Парижѣ, будто бы съ цѣлью совѣщанія по предмету выбора пути. Правительство Соединенныхъ-Штатовъ назначило своими делегатами контръ-адмирала флота Даниэля Аммена и вышеупомянутаго инженера А.-Ж. Менокала. Такъ какъ въ теченіе преній выяснилось, что конгрессъ въполнѣ контролируется лицами, уже получившими концессию на сооруженіе Панамскаго канала, и которымъ свободное и безпристрастное обсужденіе предмета было крайне нежелательнымъ, делегаты Союза уклонились отъ голосованія. Впослѣдствіи выяснилось, что французскій синдикатъ, съ Лессепсомъ во главѣ, не успѣвъ получить концессіи отъ никарагвскаго правительства (вѣроятно вслѣдствіе тайнаго соглашенія этого послѣдняго съ американскимъ правительствомъ), приобрѣлъ концессию Вайра отъ колумбійскаго правительства на постройку Панамскаго канала. Успѣй Лессепсъ въ первомъ — онъ, можетъ быть, и докончилъ бы свое предпріятіе, такъ какъ одной трети тѣхъ денегъ, которыхъ онъ израсходовалъ на Панамскій каналъ, было бы въполнѣ достаточно для того, чтобы совершенно окончить Никарагвскій. Вѣсьма многіе, и въ особенности разоренные имъ его соотечественники,

обвиняють его въ нечестности, но я думаю, что это обвиненіе неосновательно и несправедливо. Онъ построилъ каналъ съ морскимъ уровнемъ въ Суэцѣ, встрѣтивъ только политическія препятствія, и потому полагалъ, что можетъ сдѣлать то же самое и въ Панамѣ, при совершенно другихъ условіяхъ относительно количества ежегодно выпадающаго дохода, стока водъ и топографіи страны вообще. Онъ былъ самолюбивъ и тщеславенъ. Его инженеры, уничтоживъ естественныя водохранилища на вершинахъ восточнаго склона, сдѣлали шлюзовую систему невозможною, прежде чѣмъ должны были признать неисполнимою систему канала съ морскимъ уровнемъ, надъ которымъ они проработали пять лѣтъ и на который убили свыше трехсотъ милліоновъ долларовъ. Легкость, съ которой Лессепсъ доставалъ деньги, казалась волшебною всему финансовому міру. Онъ обладалъ полнымъ довѣріемъ среднихъ классовъ французскаго народа, которые безъ всякихъ колебаній ввѣрили ему свои сбереженія. „Онъ успѣлъ въ Суэцѣ; онъ успѣетъ и въ Панамѣ“, таковъ былъ приговоръ этихъ несчастныхъ, большинство которыхъ потеряли безвозвратно все, что имѣли.

Въ 1880 году было образовано въ Нью-Йоркѣ общество междуокеанскаго канала, съ генералами Грантомъ и Макъ-Клеманомъ и адмираломъ Амменомъ во главѣ. Покойный Грантъ, говорятъ, былъ обстоятельно знакомъ со всѣми деталями обоихъ предпріятій, извѣстно, что онъ не разъ публично высказывалъ то мнѣніе, что Панамскій каналъ съ морскимъ уровнемъ немыслимъ, и что панамскіе акціонеры теряютъ свои гроши. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года общество это досіало концессію отъ Никарагвскаго правительства, и въ декабрѣ 1881 года былъ внесенъ въ сенатъ Соединенныхъ-Штатовъ билль о сооруженіи Никарагвскаго канала подъ контролемъ союзнаго правительства. Несмотря на жестокую оппозицію приверженцевъ и агентовъ Панамскаго канала, находившагося тогда въ апогеѣ своей славы, трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ, и, главное, знаменитаго капитана Идса (Eads), представившаго въ конгрессъ и защищавшаго свой проектъ междуокеанской корабельной желѣзной дороги,—билль былъ принятъ сенатомъ, но не могъ добыть необходимыхъ двухъ третей голосовъ въ палатѣ представителей, хотя и получилъ въ ней значительное большинство, и такимъ образомъ былъ безвозвратно убитъ. Между тѣмъ администрація президента Артюра вела секретные переговоры съ никарагвскимъ правительствомъ о постройкѣ канала на правительственный счетъ, съ обоюдными правами на управленіе каналомъ и на укрѣпленіе его исходныхъ пунктовъ. Этотъ

трактатъ былъ ратификованъ сенатомъ Никарагвы, и былъ бы и сомнѣнно ратификованъ и сенатомъ Соединенныхъ-Штатовъ, когда занявшій между тѣмъ президентское кресло Союза Кливелендъ поспѣшно отозвалъ его изъ сената, подъ предлогомъ опасенія интернаціональныхъ столкновеній, которыя будто бы были бы вызваны его осуществленіемъ; республиканцы утверждаютъ, что бездарность его статсъ-секретаря и премьера Баярда и демократическая трусость вообще были единственными причинами того. Друзья предпріятія, однакоже, не потеряли вѣры въ него; потребность въ каналѣ увеличивается съ теченіемъ времени, а возможность и сравнительная легкость его сооруженія были неоднократно доказаны какъ вышеупомянутыми изслѣдованіями, такъ и позднѣйшими дополнительными, произведенными тѣмъ же Менокалемъ въ 1876 и 1877 и 1884 и 1885 годахъ, опять-таки по порученію и на счетъ федеральнаго правительства.

Въ 1886 году была организована ассоціація Никарагвскаго канала; другая концессія была получена ею отъ правительства Никарагвы и Коста-Рики, и опять начались подробныя изслѣдованія съ цѣлью найти наилучшій путь и по возможности больше воспользоваться мѣстными удобствами; затѣмъ были заключены контракты на постройку канала со всѣми необходимыми сооруженіями, и по настоящее время свыше пяти милліоновъ долларовъ издержано на производство работъ. Въ январѣ 1888 года былъ внесенъ въ конгрессъ билль объ инкорпорациі морской никарагвской канальной компаніи. Билль этотъ не даетъ компаніи никакихъ преимуществъ или гарантій, а только моральную поддержку правительства Соединенныхъ-Штатовъ, и былъ принятъ обѣими палатами безъ всякой оппозиціи. Наконецъ, 10-го января 1891 г., сенаторъ Шерманъ внесъ въ союзный сенатъ билль, уполномочивающій правительство гарантировать четыре процента на сто милліоновъ долларовъ облигацій канала, имѣющихъ быть выпущенными по мѣрѣ издержекъ на сооруженіе, и по свидѣтельствамъ пяти правительственныхъ инженеровъ, назначенныхъ президентомъ Союза; компанія же обязывается оставить въ залогъ у министерства финансовъ семь-десятихъ всего акціонернаго капитала, каковую часть правительство имѣетъ право купить по заранѣе опредѣленной цѣнѣ, въ теченіе всего времени, пока вышеупомянутыя облигаціи не будутъ сполна погашены, а до тѣхъ поръ правительству предоставляется право вотировать эти акціи на собраніяхъ общества и назначать шесть директоровъ, или безусловное большинство, въ совѣтъ собранія. Билль этотъ былъ внесенъ въ сенатъ не по представленіямъ компаніи, но зародился въ самомъ сенатѣ;

тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе различныхъ соображеній, онъ былъ отозванъ и опять внесенъ въ настоящій уже конгрессъ, съ настоятельной рекомендаціей президента Гаррисона, изложенной въ его посланіи конгрессу въ началѣ декабрьской сессіи 1891 года.

Еще со временъ Филибустера Вокера (Walker), въ 1856 году, республика Никарагвы наслаждается миромъ и хорошимъ правительствомъ. У нея нѣту долга, а ежегодный излишекъ въ доходахъ употребляется на постройку желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ государству и оперируемыхъ только для покрытія расходовъ по ихъ эксплуатаціи. Страна раздѣлена на девять департаментовъ, управляемыхъ префектами; во всемъ остальномъ форма правленія похожа на американскую. Настоящій президентъ, докторъ Роберто Саказа, пользуется общимъ уваженіемъ и считается мудрымъ и патріотическимъ правителемъ. Значительнѣйшими городами являются Леонъ съ 35.000 жителей, Гранада съ 15.000, Чинандаго съ 12.000, Манагва, столица республики съ 10.000, и Марайя съ 18.000. Дороги въ странѣ плохи, и транспортъ товаровъ дорогъ и медленъ. Большинство населеній расположено на западномъ берегу; на восточномъ или Атлантическомъ разведеніе банановъ и кокосовыхъ орѣховъ ведется съ большимъ успѣхомъ, и для перевозки ихъ существуетъ недѣльное правильное пароходное сообщеніе между такъ называемымъ Москито-берегомъ и Новымъ-Орлеаномъ. Восточный берегъ низменъ, покрытъ дремучими лѣсами, и ежегодное выпаденіе дождя на немъ очень велико. Между Атлантическимъ берегомъ и озеромъ Никарагва находятся богатые минеральные округа, съ разрабатываемыми золотыми и серебряными рудниками; акціи двухъ изъ нихъ котируются на лондонской биржѣ. Западная часть республики занимается преимущественно скотоводствомъ.

Никарагвскій корабельный путь нельзя собственно назвать каналомъ; это—цѣлая судоходная система; разстояніе отъ Санъ-Жуанъ-дель-Норте, Атлантическаго термина, до Брито, тихоокеанскаго, равняется $169\frac{1}{2}$ милямъ, и изъ этого числа навигація на разстояніи $142\frac{2}{3}$ миль будетъ производиться по озеру, рѣкамъ и бассейнамъ, и только $26\frac{3}{4}$ миль—по искусственнымъ каналамъ. Весь путь раздѣляется на четыре дивизіи: Восточную, Санъ-Франциско, Озерно-рѣчную и Западную. Первая изъ нихъ, длиною въ $18\frac{7}{8}$ миль, включаетъ въ себѣ шлюзы восточнаго склона, простирается отъ Санъ-Жуана-дель-Норте до бассейна Санъ-Франциско, и отъ океана до шлюза № 1 вода будетъ держаться на морскомъ уровнѣ, съ шириной дна 120 футъ, поверхности въ 280 ф. и съ наименьшей глубиной въ 28 футъ. Пло-

щадь поперечнаго сѣченія равняется 5.712 квадратнымъ футамъ, тогда какъ Суэцкій каналъ имѣетъ только 3.700. Эта часть въ сущности будетъ продолженіемъ гавани; грунтъ вездѣ наносный, и выемка уже производится черпальными машинами Славена. Шлюзъ № 1—съ подъемомъ въ 31 футъ и, какъ и всѣ остальные, въ 650 футовъ длины и 80 футовъ ширины—размѣры совершенно достаточные для одновременнаго пропуска двухъ судовъ въ 2.500 тоннъ каждое. Дно этого шлюза состоитъ изъ твердой глины; онъ, какъ и всѣ остальные, будетъ построенъ изъ желѣза и бетона. Шлюзъ № 2 отстоитъ на $1\frac{1}{4}$ мили отъ № 1. Между ними теперь течетъ небольшая рѣчка Дезеадо. Плотина, соединенная со шлюзомъ № 1, подниметъ воду на 20 футовъ выше дна долины, и по этому-то бассейну будетъ проходить каналъ, только частію въ выемкѣ, до шлюза № 2, съ подъемомъ въ 30 футовъ и съ гравитнымъ дномъ; такимъ образомъ уровень канала будетъ поднять на 61 футъ выше уровня моря. Шлюзъ № 3, съ подъемомъ 45 футовъ, находится на разстояніи $12\frac{3}{4}$ миль отъ Атлантическаго терминауса и почти двухъ миль отъ шлюза № 2. И между шлюзами №№ 2 и 3, и надъ шлюзомъ № 3 рѣчку Дезеадо предполагается обнести каменными берегами, образовавъ искусственные бассейны; надъ шлюзомъ № 3 стѣны эти, на протяженіи $1\frac{1}{3}$ мили, будутъ въ среднемъ около 21 фута вышины, а искусственная выемка понадобится въ общемъ только на протяженіи $\frac{1}{3}$ мили, и посредствомъ этой работы получится искусственное озеро слишкомъ въ 3 мили длины и отъ 30 до 70 футовъ глубины. Уровень этого бассейна будетъ 106 футовъ выше уровня моря. Такимъ образомъ, непосредственно надъ каждымъ шлюзомъ будетъ находиться обширный водный бассейнъ, который будетъ въ состояніи доставлять необходимое количество воды безъ ущерба для уровня канала.

Въ трехъ миляхъ отъ шлюза № 3 начинается выемка восточнаго водораздѣла. Отрогъ Кордильеровъ въ 2,09 мили ширины составляетъ этотъ водораздѣлъ и потребуетъ выемки, въ среднемъ, въ 141 футъ глубины до дна канала. Матеріалъ въ этой выемкѣ, по большей части, твердый гранитъ, допускающій минимальную глубину и отвѣсные склоны. Гранитъ этотъ будетъ употребленъ на постройку плотинъ, мола на Атлантическомъ терминусѣ и на облицовку канала въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грунтъ мягокъ и требуетъ такой облицовки. По обѣимъ сторонамъ выемки находятся значительныя водяныя силы, снабженныя горными потоками, которые предполагается утилизировать для приведенія въ движеніе выемочныхъ машинъ и для освѣщенія работъ. Время, необходимое для

окончанія этой выемки, и служить мѣриломъ времени, необходимаго для окончанія канала, такъ какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ работу можно производить одновременно. Подрядчики гарантируютъ окончаніе этой выемки въ четыре года.

Дивизія Санъ-Франциско начинается отъ гребня этого водораздѣла и кончается плотиною Очоа (Ochoa), разстояніе $12\frac{1}{2}$ миль. Вблизи гребня водораздѣла, какъ разъ на пути канала, берутъ свое начало двѣ рѣчки, Дезеадо и Лимпіо, текуція въ противоположныхъ направленіяхъ. Посредствомъ утилизаціи ихъ руселъ работа ихъ соединенія значительно упрощается и удешевляется. На протяженіи $\frac{3}{4}$ мили отъ гребня, русло р. Лимпіо будетъ углублено въ среднемъ на 16 футовъ для того, чтобы достичь глубины необходимой для дна канала. Плотина Очоа, въ 1.900 футовъ длины и въ 70 футовъ максимальной вышины, подниметъ уровень рѣки Санъ-Жуана на четыре фута ниже уровня озера Никарагва. Между гребнемъ водораздѣла и плотиною Очоа, на протяженіи въ общемъ около трехъ миль, и съ максимальной вышиной въ 60 футовъ, необходимы будутъ искусственные берега или насыпи, такъ какъ мѣстность не вездѣ поднимается до необходимаго уровня. Изъ всей дивизіи Санъ-Франциско $8\frac{2}{3}$ миль будетъ въ этихъ искусственныхъ бассейнахъ, образованныхъ затопленными долинами, значительной глубиной и шириной, и только $2\frac{1}{2}$ мили частію и $1\frac{1}{4}$ мили совершенно—въ искусственной выемкѣ.

Озерно-рѣчная дивизія начинается плотиною Очоа, которая поднимаетъ воды рѣки Санъ-Жуана на 106 футовъ надъ поверхностью океана, въ уровень съ бассейномъ надъ шлюзомъ № 3. Уровень озера Никарагва на 110 футовъ выше уровня моря, и разница въ 4 фута между уровнями плотины и озера дастъ склонъ въ $\frac{3}{4}$ дюйма на милю на протяженіи 64 миль навигаціи по рѣкѣ, для свободнаго стока водъ озера и рѣки, составляющихъ около 20.000 кубическихъ футовъ воды въ секунду, и допускающій быстроту теченія около $\frac{3}{4}$ мили въ часъ. Эта плотина доставитъ свободную навигацію по всей рѣкѣ до озера, съ проходомъ около тысячи футовъ въ ширину, исключая 28 миль выше пороговъ Торо, и съ глубиной отъ 28 до 130 футовъ. Очистка русла рѣки на среднюю глубину въ $4\frac{1}{2}$ фута будетъ необходима на протяженіи 28 миль выше пороговъ Торо; съ этой очисткой каналъ будетъ имѣть не менѣе 125 футовъ ширины на днѣ, и отъ 500 до 1.500 футовъ ширины на поверхности. Въ трехъ мѣстахъ будетъ необходимо выпрямленіе русла, такъ какъ настоящіе изгибы рѣки слишкомъ круты для удобнаго прохода большихъ судовъ.

Для полученія судоходнаго канала въ 30 футовъ глубины необходимо будетъ очищеніе дна озера Никарагва на протяженіи первыхъ 14 миль отъ восточнаго берега, на среднюю глубину въ 10 футовъ, въ мягкомъ илистомъ грунтѣ. Озеро это имѣетъ овальную форму, 110 миль въ длину и 45 въ ширину, съ средней глубиной отъ 130 до 150 футовъ по срединѣ ¹⁾. Отъ форта Санъ-Карлоса при истокѣ рѣки Санъ-Жуана изъ озера, до устьевъ рѣчки Лажаса, гдѣ каналъ оставляетъ озеро на своемъ пути къ Тихому океану, разстояніе по озеру равняется $56\frac{1}{2}$ милямъ. Западный берегъ озера состоитъ изъ горныхъ породъ, и вода мелка на 1.400 футовъ отъ устья канала; необходимо будетъ углубленіе русла на этомъ протяженіи и на этой сторонѣ.

Западная дивизія начинается истокомъ канала изъ озера и идетъ до Тихаго океана,—разстояніе 17,04 мили. Изъ этого числа $11\frac{1}{2}$ миль будетъ состоять изъ искусственной выемки, а $5\frac{1}{2}$ будутъ находиться въ бассейнѣ Тола (Tola). Искусственная выемка, имѣющая соединить озеро съ этимъ бассейномъ, имѣетъ 9 миль длины, и самая глубокая ея часть, пересѣкающая гребень водораздѣла между озеромъ и Тихимъ океаномъ, потребуетъ выемки въ 43 фута отъ поверхности канала, находясь 153 фута выше уровня океана и давая высшую точку Никарагвскаго прохода. На разстояніи $1\frac{1}{2}$ мили отъ озера, дно канала будетъ въ 120, а поверхность въ 210 ф. ширины; затѣмъ, на разстояніи 5 миль, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ выемки, дно будетъ въ 80 футовъ ширины. Выйдя изъ выемки, каналъ послѣдуетъ по руслу рѣчки Ріо-Гранде, съ шириной дна въ 80 и поверхности въ 184 фута. Бассейнъ Тола будетъ въ $5\frac{1}{2}$ миль длины, и $4\frac{1}{2}$ изъ нихъ не потребуютъ никакой работы, а плотина Ля-Флоръ, въ 1.800 футовъ длины и 70 футовъ вышины, затопитъ 4.000 акровъ луговъ и лѣсовъ. Средняя ширина бассейна будетъ около мили, а глубина—отъ 30 до 70 футовъ. Между бассейномъ Тола и Тихимъ океаномъ будутъ находиться шлюзы № 4 и 5 съ подъемомъ въ $42\frac{1}{2}$ фута каждый, и шлюзъ № 6 съ подъемомъ сообразно съ приливомъ и отливомъ океана, и отъ него, на разстояніи $1\frac{1}{4}$ мили, уровень канала будетъ на уровнѣ океана съ шириной дна въ 120 и поверхности въ 288 футовъ, такъ что въ сущности онъ будетъ представлять собою продолженіе гавани, которую, впрочемъ, предстоитъ еще создать. Предполагается построить молъ въ 900 футовъ длины съ одной стороны, и въ

¹⁾ Озеро Никарагва и рѣка Санъ-Жуанъ полны морскими акулами, которая вполне акклиматизировались здѣсь, хотя вода и озера и рѣки совершенно прѣсная.

825 ф. съ другой, оставя проходъ въ 800 ф. ширины и отвоевавъ, такимъ образомъ, отъ океана около 100 акровъ гавани, которая, въ связи съ частью канала отъ шлюза № 6 до океана, будетъ совершенно достаточной для близкаго будущаго.

Портъ Санъ-Жуанъ-дель-Норте, атлантическій терминусъ канала, былъ прекрасной гаванью 35 лѣтъ тому назадъ, но за послѣднее время значительно обмелѣлъ. Его возстановленіе будетъ стоить около двухъ миллионѣвъ долларѣвъ. Молъ въ 3.000 футовъ длины необходимъ для огражденія гавани отъ наносныхъ песковъ съ океана, и каналъ долженъ быть углубленъ, въ среднемъ, на 15 футовъ; 1.100 футовъ мола уже построены и углубленіе гавани идетъ въ настоящее время. Портъ Санъ-Жуанъ-дель-Норте иногда называется Грэйтоуномъ, но имя это ненавистно мѣстнымъ жителямъ, такъ какъ оно дано было порту англичанами, когда они захватили его и назначили его военнымъ губернаторомъ сэра Джорджа Грея. Англичане принуждены были очистить восточный берегъ Никарагвы послѣ ратификаціи трактата Клэйтонъ-Булъвера съ Соединенными-Штатами; нѣкоторые пункты его оспариваются и до сихъ поръ правительствами обѣихъ сторонъ.

Время, потребное для прохода канала отдѣльнымъ судномъ, опредѣляется въ 28 часовъ, и онъ будетъ въ состояніи пропустить 20.440.000 тоннъ въ 24 часа, а удвоивши шлюзы—можетъ удвоить эту работу. Суэцкій каналъ въ 1890 г. пропустилъ 9.000.000 тоннъ и заработалъ 19% дивиденда на свой капиталъ; его акціи стоятъ теперь 500 за 100.

Смѣты стоимости сооруженія Никарагвскаго канала были приготовлены три раза: однажды Менокалемъ, исчислившимъ ихъ въ \$ 65.084.176; затѣмъ комиссіей англійскихъ инженеровъ, превысившихъ смѣту Менокаля на \$ 600.000, и, наконецъ, совѣтомъ инженеровъ американскаго правительства, требовавшихъ \$ 87.799.570. Всѣ эти смѣты не отчисляли ничего на банкирскія комиссіи и расходы на проценты на все время производства работъ.

П. Тверской.

ДИКАРКА

Повѣсть Э. Л. Оржешко.

Съ польскаго.

V *).

— Вы бывали во Франціи?—повторилъ мнѣ свой вопросъ дѣдушка Северины, Адамъ Здроіовскій.—Боже мой! бывалъ ли я во Франціи?! Еслибы этотъ старикъ не былъ лишень зрѣнія, то довольно было бы взглянуть на меня, чтобы убѣдиться, что я вовсе не похожъ на человѣка, который никогда не бывалъ во Франціи. Утвердительный мой отвѣтъ на его вопросъ видимо удовлетворилъ старика. Онъ обрадовался, что нашелъ человѣка, съ которымъ могъ бесѣдовать о томъ, что часто, если только не всегда, было предметомъ его размышлений.

— Вы, конечно, видѣли французскія поля, сады, виноградники? Вотъ что значить трудъ человѣка?.. Это вѣдь рай, настоящій рай!.. Изобиліе во всемъ, красота, достатокъ!.. Не правда ли?.. Да, тамъ и о красотѣ земли тоже заботятся... да, заботятся... Рай, рай настоящій!..

Я вполне раздѣлялъ это мнѣніе и согласился со старикомъ, а на его лицѣ, какъ бы съ тѣнью загара отъ порохового дыма и южнаго солнца, я подмѣтилъ такое выраженіе, какъ будто бы онъ еще и теперь находился въ этомъ раю.

— Тамъ нѣтъ... нѣтъ... голода и... и нужды,—сказалъ онъ.

*) См. выше: мартъ, 67 стр.

Я невольно нѣсколько шире раскрылъ глаза. Какъ такъ? Тамъ нѣтъ ни голода, ни нужды?!

— Видѣли ли вы тамъ когда-нибудь нищаго?.. А?.. Видѣли ли нищаго?.. Видѣли ли вы тамъ обиженнаго, оскорбленнаго человѣка?.. Конечно, нѣтъ. Общество, которое вотъ уже сколько лѣтъ пользуется всѣми благами справедливости, которое дышетъ ею, живетъ ею, такое общество не знаетъ несчастныхъ и обиженныхъ... Да, тамъ ужъ давно нѣтъ кривды и обиды! Да, да! нѣтъ больше той кривды, которая хотѣла свѣтъ поглотить, но не поглотила, потому что Франція свѣтъ спасла!.. Да!..

Старикъ ликовалъ, былъ безконечно веселъ и улыбался широко, добродушною улыбкою, время отъ времени ударяя высохшей рукою по колѣну, какъ будто радуясь, что ему удалось кому-то и надъ кѣмъ-то выкинуть большой-пребольшой фокусъ!.. Я самъ не зналъ, чтò думать. Какъ это такъ? Тамъ вовсе нѣтъ нищихъ! да и гдѣ же это на свѣтѣ нѣтъ больше кривды!.. Удивительное дѣло, ни Дала, ни Конрадъ, не предупредили меня о томъ, что этотъ Адамъ Здроіовскій немножко выжилъ изъ ума!

Я сказалъ что-то такое въ отвѣтъ ему о пролетаріатѣ, о рабочемъ вопросѣ во Франціи.

Адамъ Здроіовскій улыбнулся и махнулъ рукою.

— Да не вѣрьте этому, не вѣрьте!.. Объ этомъ, видите-ли, пишутъ изъ зависти и желанія оклеветать ближнихъ... Объ этомъ только пишутъ... Я двадцать лѣтъ прожилъ тамъ... во-очію видѣлъ... Да впрочемъ, вамъ должно быть извѣстно, что тамъ крупная собственность давно распалась на мелкія... да, распалась на мелкія...

Здѣсь старикъ съ большою точностью фактовъ и чиселъ разсказалъ исторію послѣ-революціоннаго распада великой собственности на множество мелкихъ владѣній во Франціи. И тутъ же прибавилъ:

— Но все это не имѣетъ особеннаго значенія. Большая ли, малая ли собственность—это не важно. Можно сказать, что тамъ вовсе нѣтъ собственности, потому... потому что... тамъ нѣтъ эгоизма, нѣтъ роскоши, а есть состраданіе и любовь. Да, тамъ богатый человѣкъ не могъ бы никакъ глядѣть равнодушно на нужду другого человѣка... да!.. *Fraternité*, видите ли, *fraternité*!.. Люди любятъ другъ друга, живутъ какъ братья, рука въ руку, сердечно, любовно... да, да! И вотъ потому-то никто тамъ ничѣмъ и никѣмъ не злоупотребляетъ, никто не страдаетъ... А страна вѣдь и велика, и обильна... жизнь кипитъ... вездѣ многолюдство... да!.. Вотъ что: надо жить рука въ руку... А то вѣдь

иначе что же! А до чего дожила Франція?.. Рай... солнце земли! Да чтѣ и говорить!..

Этотъ экстазъ старика произвелъ на меня странное впечатлѣніе: мнѣ казалось, что со мною бесѣдуетъ человѣкъ если не вполне тронувшійся, то по крайней мѣрѣ одержимый какою-то странной маніей. Вскорѣ къ намъ подошла Северина и шепнула мнѣ на ухо:

— Кузенъ, прошу васъ не спорить съ дѣдушкою и не убѣждать его въ томъ, что онъ ошибается... Эта ошибка — его счастье.

Что эта ошибка не была слѣдствіемъ полного его душевнаго расстройства, въ этомъ я сейчасъ убѣдился, потому что старикъ отвѣтилъ мнѣ вполне резонно на нѣсколько вопросовъ, касающихся тѣхъ событій, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Отвѣты его всѣ до одного были проникнуты своеобразною, но все же здоровою философіею. Видно, что когда-то дѣдушка читалъ и думалъ много, да и обладалъ недюжинными способностями. Но жизнь съ ея опытомъ, потеря зрѣнія, долгіе годы — все это отразилось на немъ. Жизнь въ данномъ случаѣ сыграла роль большого пресса, который выдавливаетъ ягодный сокъ, а шелуху отбрасываетъ въ сторону. И здѣсь все отпало: личныя вожделѣнія, расчеты, даже обаяніе личныхъ воспоминаній и восторговъ, а то, чтѣ покоилось на самомъ днѣ души этого человѣка и составляло главное ея содержимое, превратилось въ кристаллъ, въ каплю, въ которой отразились на вѣчныя времена картины небывалой Атлантиды. Но старикъ среди окружающей его вотъ уже много лѣтъ темноты такъ внимательно и постоянно всматривался въ эту Атлантиду, такъ прихорашивалъ ее всѣмъ, чтѣ считалъ прекраснымъ, что, наконецъ, увѣровалъ въ возможность и необходимость ея существованія, — увѣровалъ въ возможность идеала на землѣ... Это довольно своеобразное и сложное психическое явленіе въ эту минуту не могло всецѣло поглотить меня, потому что я горѣлъ желаніемъ поскорѣ поболтать съ Севериною, да и старикъ какъ разъ въ это же время чрезвычайно мягкимъ голосомъ обратился къ своей спутницѣ:

— Юля!

— Я здѣсь, Адамъ! — едва слышнымъ, мягкимъ и пріятнымъ голосомъ отвѣтила старушка.

— Пойдемъ въ свою комнату, Юля!

— Хорошо, пойдемъ.

Старушка при помощи Северины поднялась со своего мѣста и взяла за руку своего супруга. Старикъ повернулъ лицо въ

сторону, откуда слышалъ мой голосъ, и произнесъ съ пріятною, спокойною улыбкою на лицѣ:

— Прощу васъ... будьте любезны, заверните и къ намъ. Здѣсь-то мы являемся очень рѣдко. Видите-ли, жена моя страдаетъ ногами. Да и зачѣмъ?.. Намъ покойно и удобно въ нашихъ комнаткахъ. Мы вотъ вмѣстѣ читаемъ... то-есть, я хотѣлъ сказать, Юля читаетъ мнѣ вслухъ. Она—мои глаза, а я, видите-ли, играю роль палки, которая помогаетъ ей передвигаться съ мѣста на мѣсто. И такъ-то мы ни въ чемъ не ощущаемъ недостатка. Вотъ теперь мы читаемъ очерки Маколея о томъ, какъ англичане завладѣли Индіей. Боже мой, какое злоупотребленіе силою, какія жестокости!.. Но и этому скоро будетъ конецъ... да, да!.. На землѣ есть идея, которую мы всюду посѣяли... есть Франція! Вспомните когда-нибудь мое слово: вскорѣ весь міръ будетъ похожъ на Францію...

— Пойдемъ, пойдемъ, Адамъ!—сказала старушка.

— Пойдемъ... Надѣюсь, господинъ Грановскій, вы не забудете зайти и къ намъ...

И старики ушли такъ, какъ пришли,—тихо, спокойно. Адамъ и Юля! Мнѣ казалось, что передо мною явилась олицетворенная сказка, и я не посмѣлъ бы поручиться, не былъ ли я похожъ въ эту минуту на удивленнаго ротозѣя.

И все въ этомъ домѣ являлось для меня чѣмъ-то неожиданнымъ. Вотъ хотя бы обѣдъ такъ рано. Около трехъ часовъ я бы могъ ожидать, что меня пригласятъ къ завтраку, опоздавшему нѣсколько, но обѣдать въ три часа пополудни—этого я понять не могъ. Въ обширной комнатѣ, которую вѣрнѣе слѣдовало бы назвать большою избою, еслибы ее не украшалъ старинный буфетъ, настоящая древность, обратившая на себя съ перваго же взгляда все мое вниманіе,—я встрѣтился за обѣденнымъ столомъ съ обществомъ—страннымъ, чтобы не сказать болѣе, и оно произвело на меня не особенно пріятное впечатлѣніе. Я замѣтилъ среди сидящихъ за столомъ господина Богурскаго, къ которому, хотя я его до того ни разу не видѣлъ, какъ-то инстинктивно питалъ нѣчто въ родѣ маленькаго отвращенія. Крайне не понравилось мнѣ то, что онъ явился въ высокихъ сапогахъ и въ какомъ-то сюртукѣ страннаго покроя... Вмѣстѣ съ нимъ вошли какіе-то молодые люди, о которыхъ я сейчасъ же составилъ себѣ самое нелестное мнѣніе. Я узналъ потомъ, что это были сосѣди Северины, которые въ ея имѣніи обучались сельскому хозяйству. И эти господа были такъ же одѣты, какъ господинъ Богурскій. Никогда благовоспитанные молодые люди не посмѣли

бы явиться въ комнату, въ которой находится женщина, которую они уважаютъ. Мало ли что толкуютъ, будто не платье украшаетъ человѣка,—но среди цивилизованныхъ людей самая незначительная форма общественныхъ отношеній является выраженіемъ какого-нибудь чувства или убѣжденія. Въ этомъ никто не можетъ и не долженъ сомнѣваться. Конечно, бываютъ случаи, когда мы одѣваемъ фраки въ честь людей, которыхъ мы вовсе не уважаемъ, но все-же фракъ является выраженіемъ почтенія, а высокіе сапоги—доказательствомъ полного его отсутствія. Но въ лѣсу—какъ въ лѣсу! здѣсь невозможно требовать слишкомъ большой тонкости и проницательности, а ихъ отсутствіе можетъ объяснить многое. Да впрочемъ, и то сказать,—здѣсь вообще были странные обычаи, но они казались странными лишь мнѣ одному. Вотъ, напримеръ, двѣ барышни, которымъ я былъ представленъ, какъ кузень хозяйки,—я бы принялъ ихъ за горничныхъ, еслибы мнѣ не сказали, что одна изъ нихъ, мадемоазель Звиркевичъ, обучаетъ въ Красовицахъ премногимъ наукамъ разныхъ ребятъ, а другая—фамиліи ея я не запомнилъ—тоже чему-то и кого-то обучаетъ. Все это—сыновья и дочери сосѣдей, по всей вѣроятности, похожіе на Звиркевича,—вотъ и все. Эти молодые господа и молодые барышни чему-то практически обучались въ образцовомъ имѣніи Северины. Я замѣтилъ за столомъ еще одно мѣсто для любимой нянюшки, но она очень рѣдко и на короткое время занимала его, потому что все возилась около стола, подавая разныя блюда при помощи какой-то молоденькой дѣвушки, не то горничной, не то судомойки.

Меня посадили на почетномъ мѣстѣ, между хозяйкою и тетеею Леонтиною. О чемъ-нибудь въ родѣ лакея здѣсь не имѣли ни малѣйшаго понятія; фарфоръ и серебро, о которыхъ я слышалъ въ Мировѣ, почти отсутствовали на столѣ, являясь лишь въ самомъ необходимомъ, ограниченномъ количествѣ. Мое появленіе впервые въ этомъ домѣ не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія; никто и не думалъ почтить меня какимъ-нибудь, ну, хотя бы малѣйшимъ вниманіемъ. Вдобавокъ, согласно здѣшнимъ взглядамъ и обычаямъ, все это не должно было нисколько удивлять и меня. О жителяхъ Красовицъ я уже зналъ кое-что отъ Северины, да и безъ того долженъ былъ знать, что допотопныя платья и странныя прически *à la bergère* должны быть окружены похожими на нихъ аксессуарами. Но я забылъ объ этомъ. Правда, приближался я къ Красовицамъ съ нѣкоторымъ опасливымъ безпокойствомъ о фонѣ и объ аксессуарахъ, но послѣ я смутился, ужасно смутился. Да и какъ не смутиться человѣку,

живущему въ извѣстномъ кругу понятій и обычаевъ, при появленіи своемъ среди людей чуждыхъ этимъ понятіямъ, живущихъ совершенно иначе, своеобразно! Въ такихъ случаяхъ хозяева ломаютъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ вопроса: что дѣлать съ такимъ субъектомъ? А субъектъ въ свою очередь радъ бы провалиться хоть сквозь землю.

Такъ или иначе, а пришлось мнѣ спасти мое незавидное положеніе. Съ этою цѣлью я охотно, даже съ нѣкоторою долею благодарности, схватился за нить бесѣды, которую началъ со мною вести господинъ Богурскій. Онъ спросилъ меня безъ всякой рисовки и особеннаго желанія порисоваться передъ другими дѣльнымъ разговоромъ о томъ, въ какомъ состояніи находятся большія имѣнія въ мѣстности, обитаемой мною, какъ ведутъ тамъ хозяйство, какова культура, общее настроеніе и т. п. Все это вмѣстѣ вовсе не составляло излюбленныхъ мною предметовъ размышленій и бесѣдъ, но въ данную минуту мною овладѣло желаніе доказать всѣмъ, что все человѣческое не чуждо мнѣ; да и то сказать,—мнѣ хотѣлось обратить на себя вниманіе прекрасныхъ глазъ, полныхъ задумчивости и грусти, и заставить улыбнуться коралловыя губки, которыя упорно молчали. Северина переживала какое-то странное чувство, котораго я понять не могъ: на ея щекахъ показались маленькія розовыя пятна, и кромѣ того, несмотря на всѣ усилія, она не могла ни ѣсть, ни говорить; и то, и другое вовсе не было ей къ лицу. Она такъ глубоко задумалась, что никакъ не могла освободиться отъ осаждающихъ ее, какъ видно, назойливыхъ мыслей. Я тогда подумалъ, что она не привыкла еще принимать гостей, или... или переносить чувственные потрясенія извѣстной категоріи.

Я вообще ненавидѣлъ всякаго рода обскурантизмъ, а потому и обладалъ нѣкоторыми свѣденіями о чрезполосномъ хозяйствѣ, о мужикахъ, объ ипотекахъ, о чемъ я довольно долго бесѣдовалъ съ господиномъ Богурскимъ. Во время этого разговора я убѣдился, что мой собесѣдникъ вовсе не антипатиченъ. Господинъ Богурскій былъ своеобразнымъ, но дѣльнымъ типомъ, обладающимъ физическою силою и большою энергіею. Черты его лица не отличались нѣжными контурами; онѣ были нѣсколько грубы, по большей части суровы и какъ бы покрыты туманомъ глубокой задумчивости. Улыбка разсѣвала этотъ туманъ лишь изрѣдка и то на очень короткое время, какъ будто ее удерживало отъ лишнихъ изліяній внутреннее суровое чувство. Господинъ Богурскій обладалъ, кромѣ того, тою искрою въ голосѣ, которая невольно приковывала вниманіе къ его рѣчи даже тогда, когда онъ выражалъ свое мнѣніе

о такихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, культура какого-то растенія, которое обладаетъ способностью удобрять почву, на которой его воздѣлываютъ. Я узналъ отъ господина Богурскаго, что это растеніе начали уже культивировать въ прусскихъ хозяйствахъ, что опыты дали прекрасные результаты, а потому и наши сельскіе хозяева обязаны заняться разработкою этого важнаго вопроса, потому что... Здѣсь только начался цѣлый рядъ весьма интересныхъ положеній. Мѣстности, въ которыхъ земля не отличается большою жизнетворящею способностью, обязаны культивировать это новое растеніе именно потому, что оно способно повліять благотворно на состояніе небольшихъ крестьянскихъ хозяйствъ, чтѣ, конечно, повлечетъ за собою возвышеніе уровня общаго экономическаго благосостоянія, единственнаго источника всякихъ стремленій къ просвѣщенію и нравственному возрожденію народа, не сознающаго еще теперь ни своего жалкаго положенія, ни своихъ силъ. Просвѣщеніе и нравственность въ свою очередь явятся надежнымъ и вѣрнымъ источникомъ вѣрныхъ и ясныхъ понятій объ обязанностяхъ человѣка и гражданина, на которыхъ зиждется все рѣшительно, чтѣ дорого отдѣльному человѣку и всему обществу...

Я привожу лишь общій выводъ разсужденія, которое я выслушала съ большимъ вниманіемъ, а выслушала я его потому именно такъ внимательно, что за часъ еще до него я бы скорѣе надѣялся сейчасъ же умереть, нежели думать, что культура какого-то растеньица являлась моею обязанностью, отъ которой я никакъ отказаться не смѣю, и что отъ этой-то культуры зависитъ — хотя бы въ малѣйшей степени — счастье чуть ли не всего человѣчества. Но и у Северины я замѣтилъ эту странную способность слишкомъ широкихъ кругозоровъ, слишкомъ отдаленныхъ разсужденій, изъ которыхъ и она тоже всегда выводила чрезмѣрно отдаленныя слѣдствія, которыхъ провѣрка оказывалась возможною развѣ въ отдаленномъ будущемъ. Такіе взгляды, должно быть, являлись чѣмъ-то присущимъ данной мѣстности, такъ же точно, какъ присущею способностью людей, здѣсь живущихъ, являлось умѣнье глядѣть на жизнь сквозь туманъ задумчивости, чтѣ придавало даже молодымъ людямъ оттѣнокъ грусти. Эту особенность я замѣтилъ даже въ сыновьяхъ и дочеряхъ сосѣдей, которые вовсе не походили на другихъ молодыхъ людей, какихъ мнѣ случалось встрѣчать въ жизни. Я привыкъ видѣть веселую молодежь, готовую всегда въ этомъ отношеніи спорить изъ-за первенства съ легкимъ весеннимъ вѣтеркомъ и съ пернатыми жителями лѣсовъ. Барышни обладали очень миленькими личиками, молодые люди держали себя весьма прилично, но все вмѣстѣ не походили на пор-

хающих мотыльковъ. Несмотря на здоровье, которое отражалось на ихъ лицахъ и крѣпкихъ фигурахъ,—виднѣлось въ нихъ еще что-то какъ будто бы тусклое, какіе-то слѣды заботы, труда... я самъ не знаю, чего именно?—но что удерживало ихъ отъ всякихъ изліяній веселости, свойственной молодежи. Впрочемъ, я вспомнилъ Звиркевича и невольно подумалъ, что дѣйствительно молодые годы его дочери не были „сномъ среди благоухающихъ цвѣтовъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что и эта тусклая молодежь происходила отъ отцовъ, до мозга костей проникнутыхъ такъ называемымъ тяжелымъ временемъ... Да, теперь только я началъ нѣсколько понимать Северину. Но все же по какой странной причинѣ они особенно глубоко проникаются этимъ тяжелымъ временемъ? Я знаю многихъ, даже очень многихъ ихъ ровесниковъ, которые счастливы. Счастливы ли они? Счастливы ли я?—задалъ я себѣ мысленно этотъ вопросъ, и у меня явилось почти непреодолимое желаніе расхохотаться. Я—и счастье!.. Какое сопоставленіе!

Я думалъ обо всемъ этомъ, не переставая бесѣдовать съ господиномъ Богурскимъ; многолѣтняя практика въ дѣлѣ бесѣдованія о чемъ угодно и съ кѣмъ угодно развила во мнѣ способность одновременно разговаривать съ кѣмъ-нибудь и съ самимъ собою. Вдругъ мой собесѣдникъ, въ промежуткѣ между двумя предложеніями о стремленіи мелкихъ владѣльцевъ къ подражанію экономическимъ и другимъ обычаямъ крупныхъ своихъ коллегъ, обратился къ одной изъ барышень и спросилъ:

— Зеленое? ¹⁾

На лицѣ господина Богурскаго засіяла такая улыбка, что мнѣ казалось, что онъ сразу сталъ моложе по крайней мѣрѣ десятью годами. До этой минуты я былъ увѣренъ, что ему никакъ не менѣе сорока лѣтъ, но теперь я убѣдился, что онъ молодѣ, даже сравнительно очень молодѣ, но молодость его раньше времени какъ будто угасла подъ вліяніемъ большой заботы, о которой онъ постоянно думалъ. Барышня, къ которой онъ обратился съ такимъ неожиданнымъ вопросомъ, покраснѣлась, опустила глаза и вынула изъ-за кушака небольшой листъ какого-то комнатнаго растенія, который она ему показала, ловко показывая рукою въ воздухъ. И онъ тоже показалъ ей небольшую

¹⁾ У поляковъ молодежь играетъ весною и лѣтомъ въ „зеленое“ (zielone). Игра состоитъ въ томъ, что обѣ стороны обязываются постоянно имѣть при себѣ зеленый листъ или вѣтку, которые обязаны показывать своему партнеру по первому его требованію. Кто первый окажется безъ „зеленаго“, тотъ проигралъ.

вѣтку, которую вынулъ изъ кармана. При этомъ онъ взглянулъ на нее такъ, что всякій догадался бы, что это былъ — флиртъ!

Такъ вотъ оно что! Это божественное изобрѣтеніе знакомо было и жителямъ лѣсовъ! Господинъ Богурскій флиртовалъ съ мадемоазель Мальвиною Звиркевичъ посредствомъ игры въ „зеленое“, положимъ, не модной, но я ужъ убѣждался нѣсколько разъ, что понятія этихъ людей вообще не имѣютъ ничего общаго съ модою. Да, впрочемъ, дѣло не въ модѣ! Его флиртъ съ барышнею Звиркевичъ, которая меня вовсе не интересовала, произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе, потому что, по правдѣ сказать, моя антипатія къ нему происходила исключительно изъ того источника, что мнѣ казалось, будто онъ состоитъ въ слишкомъ дружескихъ отношеніяхъ съ Севериною. Я долженъ здѣсь оговориться. Я ни въ чемъ не подозрѣвалъ Северину, невозможно даже было въ чемъ-либо ее подозрѣвать; но все же этотъ другъ ея брата, этотъ соучастникъ ея трудовъ и стремленій, котораго фамиліи въ ея присутствіи нельзя было произнести, чтобы сейчасъ же не вызвать ея гнѣва, просто инстинктивно злилъ меня. Теперь, мнѣ кажется, всѣмъ станетъ понятнымъ, что я съ удовольствіемъ глядѣлъ на господина Богурскаго въ то время, когда онъ пожиралъ глазами мадемоазель Мальвину Звиркевичъ и игралъ съ нею въ „зеленое“. Да вообще меня радовало то, что красота или, можетъ быть, какія-нибудь особенныя качества барышни Звиркевичъ восхищали моего собесѣдника. Очень радъ! Такое его расположеніе въ то время, когда у него очень легко могло явиться желаніе адресовать свои чувства совсѣмъ въ другую сторону, отвѣчало вполне моему желанію, да и вообще соотвѣтствовало тому положенію, какое онъ занималъ въ обществѣ. Несмотря на нѣкоторую восторженность мыслей и рѣчи, господинъ Богурскій долженъ былъ обладать здравымъ разсудкомъ, о чемъ я могъ судить хотя бы по тому одному факту, что онъ прекрасно понималъ, какое громадное пространство отдѣляло сына любимой нянюшки отъ красавицкой кастелянши. Но мода, какъ и все на свѣтѣ—вещь относительная. Здѣсь „зеленое“, какъ видно, считалось моднымъ, потому что, какъ бы по данному сигналу, двѣ барышни и два молодыхъ человека стали показывать другъ другу зеленые листья и вѣтки. Только съ этой минуты они начали разговаривать и улыбаться. Мое присутствіе, по всей вѣроятности, мѣшало имъ хохотать и шутить нѣсколько громче. Любимая няня тоже повесѣлѣла и начала поддразнивать молодежь; общій ихъ разговоръ сталъ какъ бы задушевнѣе и веселѣе. Нѣсколько времени спустя, пошутивъ съ молодыми людьми, она обратилась ко мнѣ и пѣву-

чимъ тономъ начала рассказывать мнѣ, что она знала моего отца, а именно, что она видѣла его въ Красовицахъ, когда онъ прїѣзжалъ какъ-то къ Ромуальду Здроіовскому.

— Северки еще тогда не было на свѣтѣ, — рассказывала старушка: — а я кормила тогда покойнаго Адама, потому-то онъ и Владиславъ были молочными братьями... Быть можетъ, потому же они и любили другъ друга, какъ братъ любить брата. Потомъ Ромуальдъ вмѣстѣ съ Адамомъ послалъ Владислава въ университетъ, и вотъ — вѣчный покой доброму господину! — сдѣлалъ изъ него человѣка, который, быть можетъ, не будетъ въ тягость ни себѣ, ни другимъ! При этихъ словахъ она какъ разъ проходила около своего сына и погладила его по головѣ своею костлявой рукою. Владиславъ Богурскій взялъ руку матери въ обѣ свои крупныя руки и почтительно ее поцѣловалъ. Одинъ вопросъ: дѣйствительно ли было для него прїятно воспоминаніе матери о томъ, что жизнью онъ обязанъ мамкѣ Здроіовскаго, а воспитаніемъ — его отцу, или же онъ такъ ловко притворялся, что его неудовольствія никто и подозрѣвать не могъ? Вѣдь можно быть демократомъ по убѣжденію, можно быть глубоко убѣжденнымъ въ томъ, что всѣ люди равны между собою, а все же мнѣ показалось невѣроятнымъ, чтобы такого рода воспоминанія и рассказы, особенно же въ присутствіи незнакомыхъ людей, не были причиною весьма основательнаго неудовольствія.

Вообще, я въ то время не зналъ, во снѣ ли я все вижу и слышу, или на яву. Мною все болѣе и болѣе овладѣвало чувство несогласія моего я, моей личности, моихъ убѣжденій, со всѣмъ тѣмъ, что меня окружало, и съ тѣмъ, что говорилось вокругъ меня. Я снова испыталъ то самое чувство, которое овладѣло мною въ то время, когда я впервые очутился среди здѣшной суровой природы. Я не былъ въ состояніи никого и ничего ни въ чемъ упрекнуть: сервировка и обѣденное меню хотя не отличались роскошью, но были вполне приличны, а я не былъ такимъ гасстрономомъ, чтобы три блюда не были въ состояніи вполне удовлетворить меня. Лица, окружавшія столъ, слѣдовало бы скорѣе причислить къ красивымъ, нежели къ какой бы то ни было другой категоріи, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, лица любимой нянюшки и господина Богурскаго, возбуждали даже мое любопытство; въ бесѣдахъ, которыя мнѣ пришлось вести, или которыя я слышалъ, не было ни малѣйшихъ отступленій отъ общепринятыхъ формъ, ни грамматическихъ или логическихъ ошибокъ. Въ чемъ же могъ я упрекать этихъ людей, среди которыхъ, напротивъ, я искался многого, что мнѣ было симпатично, но въ

томъ лишь бѣда, что все это было чуждо мнѣ, что оно не имѣло ничего общаго съ общимъ строемъ моей жизни. Все это, вмѣстѣ взятое, повергало меня въ самыя противорѣчивыя чувства удивленія, смущенія и полнаго отчужденія отъ всего, что здѣсь происходило. Еслибы я пожелалъ найти слово, которое было бы въ состояніи вполне охарактеризовать весь мой антуражъ, я бы не сказалъ, что онъ некрасивъ, или глупъ, или скверенъ; нѣтъ! но я долженъ былъ бы сказать, что онъ—дикъ!

Одна подробность казалась мнѣ похожимъ на меня самого пришлецомъ изъ какого-то другого міра, а именно: долетающій до меня во время обѣда легкій запахъ геліотропа. Запахъ всегда производилъ на меня особенное впечатлѣніе, а запахъ геліотропа дѣйствовалъ на мою впечатлительность энергичнѣе другихъ. Этотъ запахъ невольно казался мнѣ запахомъ, навѣяннымъ сюда изъ моихъ родныхъ угловъ. Сначала я не давалъ себѣ отчета въ томъ, гдѣ слѣдовало искать его источникъ, и лишь случайно замѣтилъ, что издавала его маленькая вѣтка съ маленькимъ же цвѣткомъ, которая покоилась на груди госпожи Брожекъ. Раньше, я увѣренъ, этой вѣтки тамъ вовсе не было; она очутилась на этомъ мѣстѣ лишь теперь, послѣ моего пріѣзда... На этой вѣткѣ можно было сдѣлать надпись, нѣчто въ родѣ посвященія: изгнанница—изгнаннику! О, да! Насъ двое только, она и я, мы были достойны этихъ названій! Я взглянулъ на мою сосѣдку и сейчасъ же замѣтилъ, что взглядъ мой явился не въ-время на ея лицѣ, а именно въ такую минуту, въ которую это несомнѣнно нѣкогда красивое лицо совершенно забыло о томъ, что туалетъ необходимъ. Госпожа Брожекъ не принимала, конечно, никакого участія въ моей бесѣдѣ съ господиномъ Богурскимъ о всевозможныхъ нравственныхъ и другихъ культурахъ. Забытая всѣми мадамъ Леонтинъ впала въ такое глубокое раздумье, что черты ея лица не слушались ея воли и желаній, и принимали видъ, какой имъ вздумалось принять. Мадамъ Леонтинъ въ эту минуту была такая кислая, какъ будто бы сейчасъ проглотила цѣлый лимонъ; не утратившія еще прежней красоты ея губы приняли теперь видъ безобразной кривой линіи, а на подбородкѣ появились складки, которыя неумолимое время заблагоразсудило уложить по своему желанію. Въ эту минуту мадамъ Леонтинъ являлась прекраснымъ олицетвореніемъ всего горькаго и кислаго, что съ вѣткою геліотропа производило крайне непріятное впечатлѣніе. Это былъ по истинѣ обидный контрастъ.

Когда въ исходѣ обѣда я наливалъ воду въ стаканъ другой моей сосѣдки, изъ-подъ поднимающихся съ трудомъ ея вѣкъ и

длинныхъ рѣсницъ взглянули на меня такіе томные, глубокіе, прекрасные глаза, полные вопросовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такіе грустные и какъ будто испуганные, что я почувствовалъ, что голова у меня начинаетъ кружиться, а къ сердцу прихлынуло такое глубокое чувство, что она невольно должна была это почувствовать. Ошибался ли я, или нѣтъ — трудно сказать, но я замѣтилъ, что моя сосѣдка какъ будто бы возродилась и съ оживленіемъ, какого я въ ней доискивался напрасно, предложила мнѣ осмотрѣть старинныя картины и старинную мебель, да и все вообще, что было достойно вниманія въ ея домѣ.

— Особеннаго здѣсь ничего нѣтъ, — сказала она, — но я знаю, что вы, кузень, любитель старинныхъ вещей, а здѣсь все старинное...

Да, она была права; здѣсь все слишкомъ старо. Съ самаго моего пріѣзда я не могъ рѣшить, какое дать названіе тремъ комнатамъ, которыя я видѣлъ: залы ли это, или просто избы... Полы паркетные; обои нѣкогда прекрасные и дорогіе; картины въ золоченыхъ рамахъ, какихъ теперь вовсе не дѣлаютъ, потому что были бы не по нашимъ карманамъ; то здѣсь, то тамъ какой-нибудь предметъ, канделябръ, экранъ, шкафъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, имѣющее несомнѣнную высокую цѣнность старинныхъ предметовъ — все это съ одной стороны; а съ другой — диваны такихъ размѣровъ, какъ будто бы хотѣли въ себѣ вмѣстить полъ-свѣта; кресла невозможныхъ фазоновъ, да вообще вся мебель — изъ той эпохи, когда въ Польшу проникали первые лучи цивилизаціи. Даже занавѣсы у оконъ были сдѣланы изъ какого-то тяжелаго, пожелтѣвшаго матеріала, о которомъ теперь не имѣютъ даже понятія. Въ цѣломъ домѣ я замѣтилъ полное отсутствіе чего-нибудь нѣжнаго, чего-нибудь такого, что свидѣтельствовало бы о комфортѣ или веселости. Вообще все это не было некрасиво, напротивъ, все вмѣстѣ взятое производило впечатлѣніе зажиточности и богатства, но веселило развѣ цвѣты, которыми были украшены всѣ окна. Я любилъ такого рода предметы и мебель, но лишь въ музеяхъ или въ домахъ, въ которыхъ когда-то жили великіе люди. Но жилой домъ не могъ такъ смотрѣть — въ этомъ отношеніи у меня было свое собственное, твердое мнѣніе. Надо же, наконецъ, придти къ убѣжденію, что мебель, что каждый предметъ, находящійся въ нашей квартирѣ, вовсе не пустякъ, а напротивъ, — эти предметы не только въ физической, но и въ психической нашей жизни играютъ весьма важную роль. Я вотъ даже понять не могу, какъ предки ваши могли мечтать и любить на такой неудобной ме-

бели. Размѣры и форма этихъ дивановъ и креселъ не могли способствовать физической природѣ чловѣка вторить движеніямъ его души; я, по крайней мѣрѣ, переставалъ бы сознать свое собственное я, еслибы каждому отѣнку моего психическаго состоянія не соотвѣтствовало соотвѣтственное положеніе моего тѣла: мечтательное, лѣнивое и т. п. Надо замѣтить здѣсь, что это вовсе не потому, чтобы я нарочно принималъ такія положенія, но они являлись сами собою, какъ бы вторя психическимъ движеніямъ души. Эти-то положенія какъ нельзя лучше способствовали полному развитію внутреннихъ ощущеній. Я увѣренъ, что еслибы Геркулесъ не могъ садиться у ногъ Омфалы, а долженъ былъ все торчать около нея на какомъ-нибудь древнемъ стулѣ, исторія не могла бы похвалиться разсказомъ о великанѣ, сидящемъ за прялкою.

Но Северина вовсе не торчала на своей старинной мебели; напротивъ, она напоминала старинныя легенды о кастеляншахъ, тихихъ и скромныхъ, и такъ же недоступныхъ, какъ все то, что свѣтитъ и блеститъ на недосягаемыхъ высотахъ. Повторилась здѣсь та же исторія, которая происходила уже съ платьемъ: въ немъ Даля была похожа на мокрую курицу, а Северина—на интересный портретъ дамы изъ другой эпохи. Вся тайна такихъ разницъ, по всей вѣроятности, состоитъ въ томъ, чтобы аксессуары на картинѣ были въ гармоническомъ отношеніи съ ея содержаніемъ, а изображенныя фигуры—съ общимъ фономъ. Северина здѣсь являлась гораздо болѣе интересною, чѣмъ на фонѣ нашей великосвѣтской жизни большого города. За время нашего съ нею знакомства въ ней произошли мелкія, едва замѣтныя перемѣны, которыя, однако, я сразу замѣтилъ: Северина похудѣла немного, и цвѣтъ ея лица сталъ блѣднѣе, чѣмъ тогда, когда я ее увидѣлъ въ первый разъ въ моей жизни. Теперь, не употребляя вовсе поэтическихъ сравненій, но говоря реальнымъ, образнымъ языкомъ, Северина была бѣла, какъ лепестокъ лиліи, что придавало ея овальному лицу отѣнокъ чрезвычайной нѣжности. Въ способѣ глядѣть на все окружающее и въ голосѣ у нея явилось новое обаяніе, свойственное созданіямъ, находящимся подъ вліяніемъ чувства, которое они стараются, но никакъ не могутъ преодолѣть. Я замѣтилъ въ ней отѣнокъ нерѣшительности, нѣчто такое, что проглядывало въ ея улыбкѣ, во взглядахъ, и постоянно являлось подъ видомъ опасливаго страха или радости, которая на мгновеніе позволяла намъ обоимъ предаваться чувству прежней дружбы. Мы рассмотрѣли нѣсколько старинныхъ картинъ, вполне достойныхъ вниманія, нѣсколько прекрасныхъ подсвѣчниковъ и канде-

лабровъ, и много другихъ цѣнныхъ предметовъ, а въ концѣ концовъ мы очутились въ столовой, передъ самымъ изящнымъ буфетомъ, какой мнѣ когда-либо въ жизни приходилось видѣть. Въ то время, когда я съ любопытствомъ и съ истиннымъ удовольствіемъ разсматривалъ его украшенія, я замѣтилъ, что между Севериной и мадамъ Брожекъ, сопутствовавшей намъ въ нашихъ артистическихъ походахъ по этому дому, произошло какое-то недоразумѣніе, принявшее вначалѣ безсловесную, мимическую форму. Тетя Леонтина послѣ обѣда повеселѣла и помогала Северинѣ знакомить меня съ достопримѣчательностями этого дома, дѣлая свои замѣчанія, не имѣвшія, однако, большой цѣны. Я замѣтилъ тогда, что подробности ея умственного туалета во время дна были подобраны довольно старательно, но затѣмъ въ одиночествѣ завяли и поблекли, точно такъ, какъ и ея красота. Теперь, стоя передъ буфетомъ, тетя Леонтина указывала Северинѣ глазами его прекрасный замѣкъ, на что Северина отвѣчала лишь движеніемъ головы, означавшимъ, что съ мнѣніемъ или желаніемъ тети она согласиться не можетъ. Тогда мадамъ Брожекъ стала шептать ей что-то на ухо, вызывая только учащенные движенія Северины и нѣсколько тихонько произнесенныхъ словъ, сказанныхъ съ улыбкою. Я подошелъ къ нимъ и сталъ за ними, принявъ видъ чловѣка, подслушивающаго самые интимные секреты; когда онѣ замѣтили меня и расхохотались, я принялъ самый серьезный видъ и сказалъ:

— Вотъ уже второй разъ я замѣчаю среди членовъ моего семейства разногласіе въ мнѣніяхъ или желаніяхъ... Руководствуясь искреннимъ желаніемъ возстановленія семейнаго согласія, требую, чтобы обѣ стороны рассказали мнѣ, въ чемъ дѣло...

— Прекрасно! — воскликнула Северина. — Будьте нашимъ судьей, кузень! Вотъ видите ли, тетя хочетъ, чтобы я по поводу вашего пріѣзда устроила большую выставку...

Я сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Выставку прекрасныхъ сервизовъ, слава которыхъ даже и мнѣ извѣстна, — добавилъ я.

— Да; притомъ тетя хочетъ, чтобы на выставкѣ фигурировалъ и старикъ-лакей, который уже давно состоитъ въ отставкѣ.

Северина произнесла эти слова съ такою забавною улыбкою, что я не могъ удержаться отъ смѣха. Даже тетя Леонтина улыбнулась.

— Всѣ такъ дѣлаютъ! — защищалась она нѣсколько сконфуженная.

Мнѣ казалось тогда... Нѣтъ, это не то... Я былъ тогда увѣ-

ренъ, что я знаю, почему Северина не хотѣла сдѣлать такъ, какъ дѣлають всѣ. Это была гордость, которая не позволяла восхищать обожающаго человѣка блескомъ металловъ и раскрашенной глины; откровенность, не желающая показывать лакея въ отставкѣ тамъ, гдѣ обыкновенно вовсе не было лакея. Но я сейчасъ же убѣдился, что это не были единственныя причины, заставившія ее отказать тетѣ Леонтинѣ въ ея желаніяхъ. Когда мы очутились съ нею въ небольшой боковой комнатѣ, въ которой находилось старинное бюро, Северина сказала мнѣ, что всѣ старинные предметы, находящіеся въ Красовицахъ и большею частью старательно собранные ея отцомъ, большимъ ихъ любителемъ, составляютъ предметъ ея заботъ и хлопотъ, причиняя ей особенно много этихъ послѣднихъ. Всѣ вмѣстѣ предметы эти составляютъ довольно крупный, но, къ сожалѣнію, мертвый капиталъ, который, можетъ быть, и слѣдовало бы употребить на что-нибудь другое, но Северина ни за что не рѣшилась бы распродать всѣ эти предметы... И то еще надо сказать, — Северинѣ казалось, что, распродавъ ихъ, она оскорбила бы чью-то память... На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, она рѣшила пока не трогать ничего.

— Когда-нибудь, можетъ быть, все это будетъ въ музеѣ...

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула мадамъ Брожекъ, окончательно выведенная изъ терпѣнія: — почему же ты не хочешь употребить ихъ когда и какъ тебѣ вздумается?!

— Потому, что это не моя собственность, — отвѣтила она спокойно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ тономъ, который свидѣтельствовалъ о ея непоколебимомъ рѣшеніи. Тонъ этотъ убѣдилъ меня, что моя кузина Северина, кромѣ многихъ прекрасныхъ качествъ сердца и души, обладаетъ еще не малою дозою настойчивости.

Но и тетя Леонтина не была изъ трусливыхъ.

— Чья же это собственность? — вскрикнула мадамъ Брожекъ, краснѣя. — Чья же это собственность, если не твоя?

Я нѣсколько наклонился надъ Севериною и шепнулъ ей на ухо:

— Адама?.. Не такъ ли?

— Да, — отвѣтила она и послѣ нѣкотораго колебанія добавила:

— И людей...

— Почему же не ваша, кузина?

Северина подняла на меня глаза и отвѣтила вопросомъ:

— А почему я должна считаться владѣлицей всего этого?

— По весьма простой и очевидной причинѣ... Потому что вы — дочь своего отца...

— Это писанный законъ; но есть другой...

Кузина какъ будто не знала, говорить ли со мною объ этомъ, или нѣтъ. Она не хотѣла говорить со мною о такомъ предметѣ, который долженъ былъ неминуемо вызвать съ моей стороны возраженіе. Но все-же она добавила немного погодя:

— Есть законъ, который устанавливають сердце и долгъ.

— Я долженъ отъ души поблагодарить васъ, кузина,—сказалъ я, кланаясь Северинѣ,—за то, что вы не возвели моего прїѣзда до степени катастрофы, и такимъ образомъ позволили надѣяться, что мы навсегда останемся друзьями.

Въ эту минуту я дѣйствительно говорилъ то, что чувствовалъ: ея дружба была мнѣ дороже всякихъ выставокъ красовицкихъ предметовъ. Но все-же одновременно мною овладѣло странное чувство горечи. Я вспомнилъ то, что разные люди говорили въ Мировѣ о Здроіовскихъ... Да, тамъ говорили, что семья Здроіовскихъ — семья маніаковъ. Дѣдушка мечтаетъ о раѣ на землѣ, внучка—о какомъ-то депозитѣ. Тутъ несомнѣнно дѣйствуетъ законъ послѣдственности...

Переходя изъ одной комнаты въ другую, мы очутились, наконецъ, въ просторной не то избѣ, не то комнатѣ, въ которой за роскошнымъ токарнымъ станкомъ работалъ какой-то старикъ и два подростка. Старикъ смахивалъ на ремесленника изъ небольшого городка, а два парня — на крестьянскихъ сыновей. Северина объяснила мнѣ, что дѣдушка прежде, еще до потери зрѣнія, страстно предавался токарному мастерству, но теперь станокъ служить для обученія двухъ крестьянъ этому искусству, которое можетъ дать хорошіе барыши. Я не спорю, конечно, что это и практичный, и умный способъ эксплуатаціи дѣдушкина станка, но вопросъ этотъ меня вовсе не интересовалъ. Гораздо интереснѣе показалась мнѣ комната, со всѣхъ сторонъ обставленная шкафами, въ которыхъ хранилось очень много книгъ. Это была библіотека дѣда и отца, которую Северина обогащала старательно. По срединѣ комнаты стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, а на немъ лежали журналы, газеты, письменныя принадлежности и прекрасно составленные каталоги. Эта комната напомнила мнѣ обстановку барскихъ деревенскихъ резиденцій на западѣ, во Франціи, особенно же въ Англіи. Библіотека произвела на меня отрадное впечатлѣніе. Донимирскіе были правы, утверждая, что Красовицы обладали старымъ, но прекрасно устроеннымъ дворцомъ, приспособленнымъ не къ одной только затворнической жизни. По всему было замѣтно, что когда-то здѣсь не мечтали исключительно о благодѣяніяхъ и добрыхъ дѣлахъ. Разсматривая библіотеку, я не безъ удивленія услышалъ въ сосѣдней

комнатъ стукъ бильярдныхъ шаровъ. Я не ошибся. Въ сосѣдней комнатѣ стоялъ старый, но настоящій бильярдъ, на которомъ игралъ господинъ Богурскій съ однимъ изъ своихъ учениковъ. Я замѣтилъ даже, что они играли съ большимъ удовольствіемъ. Господинъ Богурскій обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не пожелаю ли я сыграть съ нимъ партію, но я отказался, поблагодаривъ его за любезность, главнымъ образомъ потому, что Северина предложила мнѣ осмотрѣть нѣсколько картинъ и статуй, которыя находились въ домовой каплицѣ. Каплица помѣщалась въ верхнемъ этажѣ. Лѣстница, ведущая въ каплицу, была удобна и украшена со вкусомъ, подобающимъ храму Божію. Я окончательно пришелъ теперь къ убѣжденію, что весь этотъ домъ представлялъ богатый матеріалъ, изъ котораго очень легко можно было сдѣлать прекрасную и во всѣхъ отношеніяхъ удобную барскую резиденцію. И думалось мнѣ еще, что хозяйка этого богатаго матеріала всей своей фигурою, движеніями, даже взглядомъ, напоминаетъ прежнихъ кастеляншъ. Ея походка, ея удивительно чистая по контурамъ талія, лилейно-бѣлый цвѣтъ ея лица, даже костюмъ — все это вмѣстѣ, взятое въ цѣломъ, какъ нельзя лучше гармонировало со всѣмъ, чтѣ ее окружало. Хотя она и не хотѣла ни за что считать себя владѣлицей-хозяйкою, но достаточно было взглянуть на нее, чтобы убѣдиться, что она здѣсь властвуетъ, что она является добрымъ геніемъ всего, чтѣ ее окружаетъ. Пожелаетъ ли она когда-нибудь оставить навсегда этотъ домъ, который, однако, она не считаетъ своей собственностью?..

Изъ каплицы, которая была, въ сущности, большою комнатою, превращенною въ домовую церковь, послѣ осмотра прекрасной копіи Рафаэлевой Мадонны и оригинальнаго произведенія Челлини, мы вернулись въ гостиную, которую тетя Леонтина успѣла уже вполнѣ освѣтить. Мадамъ Брожекъ оставила насъ давно и вернулась въ гостиную, по всей вѣроятности затѣмъ, чтобы здѣсь устроить все такъ, какъ слѣдуетъ, какъ принято въ свѣтѣ. Мадамъ Брожекъ за это время успѣла положить на свое лицо новый слой бѣлой пудры... Это я невольно замѣтилъ при приближеніи мадамъ Брожекъ къ лампѣ, которая горѣла на столѣ. Меня преслѣдовала мысль, которой я не могъ высказать Северинѣ; мысль эта не оставляла меня ни на минуту.

— Изъ этого дома и изо всего рѣшительно, чтѣ я въ немъ вижу, можно бы сдѣлать настоящую, прелестную игрушку комфорта и эстетики! — обратился я къ мадамъ Брожекъ, догадываясь, что лишь она одна въ состояніи понять мои чувства. Насъ двое только, я и тетя Леонтина, только насъ двое видѣли много

и могли понять то, чего Северина понимать не хотѣла. Какъ и слѣдовало ожидать, предвидѣнное мною оправдалось.

— О, да! — воскликнула мадамъ Брожекъ. — Какъ много можно бы сдѣлать въ Красовицахъ, какъ много! Еслибы только Северина захотѣла, у нея было бы много мѣста и матеріала для того, чтобы доказать свой вкусъ... Но...

Мадамъ Брожекъ при этихъ словахъ взглянула на меня и вышла въ другую комнату, гдѣ ловкими движеніями своихъ костлявыхъ рукъ принялась поправлять абажуры на лампахъ и цвѣты на окнахъ. О, да, мадамъ Брожекъ, дай ей только волю, сѣумѣла бы здѣсь устроить все по-своему!

Мы съ Севериною молча прохаживались вдоль и поперекъ большой гостиной. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія я, наконецъ, рѣшился спросить ее, не ощущаетъ ли она иногда потребности украсить свой домъ всѣмъ, чтò дало намъ прикладное искусство и другія составныя части нашей цивилизаціи? Северина долго не отвѣчала на мой вопросъ, который, насколько я могъ замѣтить по ея лицу, былъ ей непріятенъ. О нѣкоторыхъ предметахъ она вовсе со мною не хотѣла говорить. Послѣ нѣкотораго молчанія она, однако, рѣшилась отвѣтить:

— Для этого необходимы значительныя средства... большія затраты...

— А у васъ, кузина, эти средства являются только тогда, когда необходимо спасать малые хуторки бѣдныхъ сосѣдей?

Северина посмотрѣла на меня широко открытыми, удивленными глазами. Я поторопился рассказать ей происшествіе со Звиркевичемъ въ Мировѣ, конечно, безъ разговоровъ, которые вызвали тоску, и безъ моего на него отвѣта. Северина сначала была крайне изумлена, но когда я передалъ ей рѣчь „фигуры“, за исключеніемъ лишь того, чтò въ ней касалось вызвавшего ее разговора, она такъ искренно обрадовалась, что я невольно сравнилъ эту радость съ тою, которую причинило ей мое появленіе въ ея домѣ. Увы, я и теперь еще не могу разрѣшить назойливаго вопроса: въ чувствахъ, которыя я возбуждалъ въ ней, было ли больше радости, страха или сердечной боли? Это сравненіе стало для меня жаломъ, которое кололо меня и не переставало колоть. Подъ вліяніемъ этого чувства, которое осмѣлюсь назвать сладкою болью, я началъ рассказывать ей съ поддѣльною развязностью и такимъ же дѣланымъ юморомъ, съ какимъ трудомъ пришлось мнѣ узнавать фамилію Звиркевича, какъ его забыли или не знали вовсе мои двѣ сосѣдки и какъ мы сѣумѣли все-таки разгадать неизвѣстное, назвавъ господина Звир-

кевича— „фигурою“. Я зналъ напередъ, что Северинъ эти подробности не понравятся, но и мое жало стремилось уколоть ее; да и то сказать, такое именно отношеніе къ красавицъ-женщинѣ я привыкъ считать одною изъ пріятныхъ составныхъ частей флирта. Северина старалась не обращать никакого вниманія на мой рассказъ, но ей это не удалось. Въ ея душѣ произошла быстрая перемѣна, которую я уже умѣлъ угадывать по блеску ея глазъ и по такому движенію ея головы, которое свидѣтельствовало о ея желаніи кому-то что-то приказать сдѣлать или сказать.

— Не знаете ли, кузень,—спросила она,—зачѣмъ Звиркевичъ пріѣхалъ въ Мировъ.

И тутъ же прибавила:

— Онъ вѣдь знаетъ прекрасно, что въ Мировѣ люди, точно на страшномъ судѣ, раздѣлены на козловъ и барановъ, а тотъ, у кого нѣтъ шерсти—не можетъ даже мечтать о спасеніи.

— А! кузина, вы хотите показаться злою, въ чемъ, впрочемъ, я убѣждаюсь не первый разъ... Мнѣ кажется, что въ такомъ случаѣ вы бы должны и другимъ кое-что прощать...

— Но вѣдь тамъ вовсе не по такой причинѣ раздѣляютъ людей,—воскликнула Северина,—а просто по дикости!

— Боже, какъ же такъ?

— У краснокожихъ и другихъ дикарей степень уваженія, которое оказываютъ дикари дикарямъ, зависитъ отъ количества буйволловъ, какимъ кто обладаетъ, и отъ красоты татуировки, какою они разукрашаютъ свою кожу.

Северина высказала это мнѣніе такимъ тономъ, какъ будто бы не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что Мировъ въ самомъ дѣлѣ—колонія настоящихъ дикарей. Я же съ такимъ восторгомъ глядѣлъ на мою собесѣдницу, что даже и не думалъ ей возражать. Въ этомъ тихомъ созданіи смѣлость и оригинальность высказываемыхъ сужденій приводили меня въ восторгъ! Но Северина, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мое душевное состояніе, посмотрѣла мнѣ прямо въ лицо и спросила:

— Какія же были причины, ради которыхъ вы обратили бѣднаго Звиркевича въ предметъ своихъ насмѣшекъ?

Этотъ вопросъ поставилъ меня въ положеніе человѣка, прижатого къ стѣнѣ, который не знаетъ, чѣмъ отвѣтить.

Причины? Какія же у насъ могли быть причины?

Я отвѣтилъ покорно и невольно искреннѣе, чѣмъ даже было бы мнѣ желательно:

— Увы, кузина, вы правы! Причиною въ данномъ случаѣ

былъ атласный жилетъ съ разноцвѣтными цвѣточками... Татуировка!

Северина хохотала.

— Ахъ, кузень,—сказала она:—до моего съ вами знакомства я не знала, что изъ несчастныхъ горбатыхъ можно устраивать веселыхъ арлекиновъ!

— Догадываюсь, кузина, что названіемъ арлекина вамъ угодно окрестить мое жалкое остроуміе; но скажите, кто или чтѣ играетъ здѣсь роль горбатаго человѣчка?

— Собственно говоря,—отвѣтила она:—горбомъ, большимъ горбомъ общества являются такіе понятія и обычаи, какіе существуютъ въ Мировѣ...

— Ахъ, общество! — произнесъ я тономъ человѣка, вспомнившего вдругъ что-то на время забытое.

Северина не удостоила меня отвѣтомъ. Ее всецѣло поглощала мысль о Звиркевичѣ.

— Не знаете ли, кузень, — спросила она послѣ минутнаго молчанія:—зачѣмъ Звиркевичъ ѣздилъ въ Мировъ?

Я сказалъ все, чтѣ зналъ: и просьбу „фигуры“, и отказъ Конрада.

Северина задумалась.

— Конрадъ ему отказалъ,—повторила она.—Конечно, ему-то какое дѣло...

— Да, конечно... — замѣтилъ я. — Будьте же справедливы, кузина! Какое дѣло Конраду, что молодой господинъ Звиркевичъ, чужой вѣдь человѣкъ...

— Совершенно чужой, — добавила Северина:—да вдобавокъ сынъ... цвѣтнаго жилета...

— Извините, кузина, сынъ человѣка, который имѣетъ достаточно мужества, чтобы носить такой жилетъ...

— Нѣтъ; сынъ жилета. Потому что подъ некрасивой татуировкой не можетъ же существовать хоть что-нибудь.

— Пусть и такъ, но позвольте же мнѣ быть въ извѣстной степени рыцаремъ Конрада. Не можетъ же онъ посвящать себя образованію молодыхъ господъ Звиркевичей, хотя бы потому, что весною онъ долженъ ѣхать за границу.

— Долженъ,—повторила Северина:—конечно, долженъ. Но, мнѣ кажется, онъ сдѣлалъ бы очень умно, еслибы передъ отъѣздомъ спросилъ какую-нибудь ворожею, не уйдетъ ли у него Мировъ при посредствѣ Парижа такъ, что поймать его не будетъ въ состояніи не только онъ самъ, но никто изъ Донимирскихъ, Звиркевичей и...

— Ни изъ Грановскихъ... Здроіовскихъ... — прибавилъ я.

— Да, — сказала она. — Рѣшительно никто.

Глаза ея горѣли, губы ея дрожали... Ахъ, какъ прекрасна страсть, если ея выраженіемъ являются такіе глаза и такія губы! Нельзя же было сказать, чтобы предметъ этой страсти былъ почему-либо ничтожный или недостойный... О, нѣтъ. Не былъ же я до того тупъ, не былъ я такимъ абсентеистомъ, чтобы не быть въ состояніи понимать и чувствовать всей важности предмета, который въ данномъ случаѣ былъ причиной нѣсколько экзальтированнаго, но тѣмъ не менѣе небезосновательнаго ея негодованія. На одну минуту, подъ вліяніемъ сказаннаго Северину, и я призадумался надъ будущею судьбою Мiroва — и не одного только Мiroва... Ея торжественное отношеніе ко всему, ея взгляды на жизнь — или съ трагической точки зрѣнія, или съ безконечно далекой и широкой — и всѣ ея проявленія хватали духъ мой за волосы и, потряхивая имъ надъ бездонною пропастью, кричали громкимъ голосомъ: „смотри! смотри!“ Это было благородное и отчасти, быть можетъ, полезное упражненіе, но все-же не безъ горечи думалъ я, что такое упражненіе очень похоже на каплю яда, которая по нашей доброй волѣ и безъ всякой нужды просачивается въ нашу жизнь въ такія именно минуты, которыя для насъ обоихъ могли бы быть истиннымъ счастіемъ и наслажденіемъ. Веселое мое настроеніе куда-то улетучилось. Северина сразу замѣтила перемѣну, происшедшую во мнѣ, и сейчасъ же перемѣнила предметъ нашего разговора. Долго еще мы бесѣдовали о новыхъ книгахъ, о знакомыхъ, о всякаго рода ихъ отношеніяхъ, вообще о предметахъ, которые насъ очень мало интересовали, но которые, по крайней мѣрѣ, имѣли то достоинство, что не могли, хотя бы въ малѣйшей степени, обнаруживать наше несогласіе. Мадамъ Брожекъ время отъ времени принимала участіе въ этомъ разговорѣ обо всемъ, а въ сущности ни о чемъ. Ужинъ и чай сервировали для насъ въ гостиной.

Такимъ образомъ я провелъ нѣсколько часовъ очень пріятно, но все же не такъ, какъ я бы того желалъ и о чемъ я мечталъ. Быть можетъ, мечты мои были слишкомъ смѣлы; быть можетъ, здѣсь именно слѣдовало употребить гораздо больше времени, чѣмъ гдѣ-нибудь, или же выжидать удобнаго случая или благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы онѣ могли осуществиться; но если человѣкъ привыкъ брать смѣлостью и храбростью все рѣшительно, — удивительно ли, что онъ не безъ досады соглашается съ мыслью, что не всегда и не вездѣ бываетъ такъ, какъ ему думается. Несмотря на истинное удовольствіе, которое причиняло мнѣ ея присутствіе,

я чувствовалъ, что остываю, и долженъ до извѣстной степени работать надъ собою, чтобы вести разговоръ по всѣмъ правиламъ хорошо знакомаго мнѣ искусства. Да, къ великому моему ужасу, я замѣтилъ, что и Северина тоже понемногу остываетъ, а если и бесѣдуетъ со мною обо всемъ и ни о чемъ, то дѣлаетъ это только потому, что такъ должно быть, но безъ всякаго удовольствія. Я увѣренъ, что еслибы не благодѣтельное въ данномъ случаѣ участіе тети Леонтины, нить нашей бесѣды постоянно прерывалась бы, и мы бы сидѣли другъ противъ друга, погруженные въ полное, не столько пріятное, сколько удручающее молчаніе. Это слишкомъ откровенное остываніе обѣихъ сторонъ почти въ одинаковой степени причиняло мнѣ жгучую боль съ одной стороны, а съ другой—какъ бы удивительнымъ ни показалось—возбуждало во мнѣ внутреннюю скептическую улыбку. Между нами воздвигалась какая-то стѣна, а можетъ быть ощущался недостатокъ чего-то соединяющаго насъ,—и это-то причиняло мнѣ сердечную боль. А несмотря на то, я, однако, улыбался. Я долженъ былъ знать, что въ пустынѣ иногда расцвѣтають дикіе цвѣты, обладающіе упоительнымъ запахомъ, но что объ искусствѣ поддерживать бесѣду тамъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Еслибы ей теперь вздумалось спѣть „Калину“, которую она поетъ такъ чудесно, быть можетъ мнѣ стало бы вдругъ теплѣе. Я обратился къ ней съ этою просьбою; она охотно согласилась исполнить мое желаніе.

— Я обыкновенно пою подѣ піанино, которое находится въ моей комнатѣ,—сказала она.—Можетъ быть, перейдемъ туда.

Я обрадовался. Ея комната!.. Передъ моимъ воображеніемъ въ одно мгновеніе возстали во всей красѣ стѣны и обстановка знакомыхъ мнѣ будуаровъ... Тетя Леонтина какъ разъ ушла куда-то, и мы остались вдвоемъ!

Ея комната!.. Развѣ это будуаръ?.. Въ первое мгновеніе я испыталъ оригинальное и пріятное впечатлѣніе. Еслибы у меня была повязка на глазахъ, я могъ бы подумать, что меня вдругъ поставили по срединѣ только-что скошеннаго луга—до того воздухъ въ этой комнатѣ былъ пропитанъ ароматомъ дикихъ растений и цвѣтовъ. Благодаря чрезвычайной моей впечатлительности, я отличалъ въ окружающемъ меня воздухѣ легкій запахъ меда, болѣе интенсивный запахъ мяты и всевозможныхъ, вовсе мнѣ незнакомыхъ украшеній полей и лѣсовъ. Я никакъ не могъ понять, гдѣ кроется источникъ этихъ ароматовъ; я зналъ лишь то, что это не духи, потому что такихъ духовъ нѣтъ. Быть можетъ, отчасти, эти ароматы происходили отъ большихъ и ма-

лыхъ связокъ травъ и цвѣтовъ, которыя были разбросаны и разставлены по всѣмъ угламъ. Эти связки вовсе не походили на макартовскіе букеты, которыми я никогда не восхищался, а скорѣе напоминали тѣ букеты, которые на прогулкахъ срываетъ каждый полною рукою, приносить домой и бросаетъ ихъ какъ и гдѣ попало. Но и въ этомъ безпорядкѣ была извѣстная симметрия, извѣстный вкусъ, который не можетъ существовать безъ извѣстной гармоніи въ деталяхъ. Я былъ пораженъ красотою и изяществомъ всѣхъ этихъ, до сего невиданныхъ мною никогда листиковъ, цвѣтковъ, большихъ разноцвѣтныхъ звѣздъ... Удивительное дѣло! Такая неприглядная, казалось бы, природа можетъ быть, однако, такъ прелестна! По всей вѣроятности только здѣсь, въ этой обстановкѣ, она могла такою казаться! Одна лампа стояла на столѣ передъ стариннымъ диваномъ, отличавшимся отъ всѣхъ другихъ въ этомъ домѣ лишь тѣмъ, что размѣры его были не такъ поразительны. Другая лампа стояла на письменномъ столѣ, на которомъ я замѣтилъ нѣсколько книгъ и какихъ-то бумагъ. Красивое піанино стояло у стѣны, на которой развѣшены были гравюры и нѣсколько портретовъ. Большая группа растений передъ однимъ окномъ, столъ, на которомъ лежали какія-то большія книги, нѣсколько окружающихъ его креселъ — вотъ и все, что украшало эту комнату, которой я никакъ не могу пазвать будуаромъ. Однако же, потому ли, что мебель была хорошо и удобно разставлена, потому ли, что тутъ и тамъ виднѣлись разныя женскія бездѣлушки, но съ первой же минуты я былъ пораженъ тѣмъ, что вполне отсутствовало во всѣхъ остальныхъ комнатахъ: здѣсь все было нѣжно, мягко, деликатно, во всемъ видны были слѣды женскаго призора. Ароматы, наполняющіе эту комнату, возбудили во мнѣ идиллическія, но упоительныя мечты. Такой комнаты мнѣ еще въ жизни не приходилось никогда видѣть. Я одаренъ былъ отъ природы способностью отличать всѣ формы и оттѣнки артистическаго вкуса, а потому и неудивительно, что я здѣсь сразу успокоился и повеселѣлъ.

— Ароматы, которые наполняютъ вашу комнату, кухня, — проговорилъ я первый, такъ какъ она молчала, — очень похожи на васъ.

— Въ какомъ отношеніи? — спросила Северина съ удивленіемъ, въ которомъ не было ни тѣни кокетства или чего-нибудь искусственнаго, дѣланнаго.

— Они свѣжи, оригинальны и восхищаютъ раньше, чѣмъ успѣешь узнать ихъ источникъ.

Не столько эти слова, сколько способъ ихъ произношенія — на

одно мгновеніе смутили Северину, которая подошла къ столу и сказала:

— Вотъ я вамъ сейчасъ укажу ихъ источникъ!..

При этихъ словахъ она открыла одну изъ большихъ книгъ, лежавшихъ на столѣ. Первый разъ въ моей жизни мое обоняніе было поражено такимъ удивительнымъ ароматомъ, первый разъ въ жизни я видѣлъ такое разнообразіе цвѣтовъ, контуровъ и фантастическихъ линій. Всѣ эти чудеса можетъ создавать лишь природа въ своихъ отдаленныхъ, не испорченныхъ еще рукою чловѣка, тайныхъ и недоступныхъ углахъ. Гербаріи Северины могли удовлетворить даже профессиональнаго ботаника. Для того, чтобы собрать эти прелести, Северина должна была цѣлые часы проводить въ пустынныхъ лѣсахъ или среди благоухающихъ луговъ. Она рассказала мнѣ нѣсколько своихъ приключеній во время этихъ отдаленныхъ экскурсій. Все это она рассказывала просто, непринужденно, безъ тѣни рисовки. Но когда она, перелистывая гербарій, начала рассказывать о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находила то или другое растеніе, я вслушивался въ ея слова точно въ отрывокъ прекрасной поэмы. Въ ея голосѣ звучала правда, неподдѣльная искренность и чувство. Передо мною возставали во всей красѣ картины дремучаго лѣса, освѣщеннаго золотыми лучами солнца, луга—всѣ прелести природы. Северина въ эту минуту похожа была одновременно на божественную Сафо и на молоденькую деревенскую дѣвушку, влюбленную въ золотое солнышко, ручеекъ и цвѣтки. Въ ея голосѣ, въ ея лицѣ, во всей ея фигурѣ проявлялась глубина и въ то же время свѣжесть чувства, которая меня изумляли, потому что такого сочетанія мнѣ еще не случалось встрѣтить никогда и нигдѣ. Въ ея возрастѣ и въ ея положеніи молодыя дѣвушки любятъ обыкновенно цвѣты, вырабатываемые на парижскихъ фабрикахъ, но ужъ никакъ не такіе цвѣты, которые растутъ гдѣ-то въ глубинѣ лѣсовъ. Молодые барышни любятъ изумруды, но лишь въ окнахъ у ювелировъ, а никакъ не среди лѣсовъ. Въ этой ея любви природы, быть можетъ, таилось нѣчто дикое, но тѣмъ не менѣе она производила на меня чарующее впечатлѣніе, и я стоялъ передъ нею съ поникшей головою, съ чувствомъ благоговѣнія въ груди—не знаю, передъ сватынею ли природы, или передъ тою, которая такъ горячо и наивно умѣла въ ней молиться. Я тогда сказалъ ей, что и я люблю природу; но для того, чтобы природа могла возбудить во мнѣ это чувство, необходимо было, чтобы природа являлась передо мною во всемъ своемъ могуществѣ. Я умѣю восхищаться восходомъ солнца съ вершинъ знаменитыхъ горъ,

но не могу допустить даже, чтобы въ этомъ восходѣ можно было увидѣть хоть частицу прекраснаго кое-гдѣ и съ кое-какой точки зрѣнія. Я преклоняю голову передъ могучимъ водопадомъ и восхищаюсь безграничнымъ морскимъ пространствомъ; я понимаю, что можно восхищаться гигантскими утесами и скалами и тому подобными грандіозными явленіями, которыя не являются передъ нами во всякое время; но ручейки, холмики, обыкновенная зелень луговъ, все это не приковываетъ къ себѣ моего вниманія, не потому только, чтобы я брезгалъ ими, но просто потому, что я ихъ не вижу, что взоръ мой ищетъ лишь вершинъ, брезгая равнинами; я привыкъ видѣть лишь грандіозное цѣлое, не интересуясь нисколько его деталями. Северина сразу и безъ труда поняла мою любовь природы.

— Это скорѣе любовь особенностей и сильныхъ ощущеній,— сказала она, улыбаясь, и тутъ же прибавила:

— Видите ли, кузень, съ этою зеленою толпою происходить то же самое, что и съ сѣрою, до тѣхъ поръ пока намъ незнакомо ни одно отдѣльное ея лицо. До тѣхъ поръ толпа эта кажется намъ совсѣмъ незнакомою и въ то же время до того знакомою и чуть ли не видѣнною каждую минуту, что даже успѣла надоесть. Но чѣмъ ближе мы съ нею знакомимся, чѣмъ больше узнаемъ въ ней отдѣльныхъ личностей, тѣмъ больше убѣждаемся, что цѣлое состоитъ изъ очень интересныхъ частностей. Повѣрьте, кузень, монотонность равнины есть плодъ недостатковъ нашего зрѣнія...

— Вы правы, кузина,— отвѣтилъ я:— моя любовь природы не что иное, какъ любовь особенностей и сильныхъ ощущеній, то-есть, другими словами, это одна изъ игрушекъ, которыми человѣкъ старается наполнить пустоту души, чтобы въ ней не бушевали ужасные вѣтры меланхоліи и скуки... Но что касается толпы, то хотя я не знаю частностей ни той, ни другой толпы, я все-же предпочитаю толпу травъ толпѣ людей.

— Недостатокъ зрѣнія,— замѣтила Северина.

— По всей вѣроятности, неизлечимый,— прибавилъ я:— который, однако, я считаю высокою степенью его развитія.

— Въ какомъ направленіи?

— Въ направленіи красоты...

— Замкнутой лишь въ сферѣ явленій чувственныхъ и внѣшнихъ,—добавила Северина, и тутъ же, желая избѣгнуть спора, она начала спрашивать меня о деталяхъ одного изъ дальнихъ и прекрасныхъ видовъ природы, о которыхъ я вспомнилъ. Но все же ея слова заставили меня призадуматься. Дѣйствительно ли

область прекраснаго шире и просторнѣе, чѣмъ я думалъ, а взоръ мой не былъ въ состояніи видѣть крайнихъ ея предѣловъ?.. Быть можетъ. Быть можетъ, Северина находитъ явленія красоты въ толпѣ людей такъ точно, какъ находитъ ихъ въ толпѣ луговыхъ и лѣсныхъ травъ? Но чтобы это стало возможнымъ для человѣка, необходимо жить долго въ обществѣ этихъ травъ и людей, изъ которыхъ состоитъ толпа, необходимо существовать гдѣ-то въ глуши, въ разстояніи сотни сотенъ верстъ отъ цивилизаціи. Эти мысли лишь промелькнули у меня въ головѣ, для ихъ полнаго развитія у меня не было времени, потому что, замѣтивъ, какъ искренно она заинтересовалась тѣмъ, что я рассказывалъ, я отблагодарилъ ее за прекрасныя ея картины глуши, лѣсовъ и луговъ цѣлымъ рядомъ обаятельныхъ картинъ грандіозной южной природы. Время я провелъ пріятно, но все-же не такъ, какъ я того желалъ, какъ я объ этомъ мечталъ. Несмотря на кажущееся мое оживленіе, я все-же не былъ такимъ, какимъ мнѣ казалось, что я непременно буду въ ея обществѣ. Мебель ли, старинныя ли ея формы, или, можетъ быть, спокойныя черты лица хозяйки-кастелянши, личность которой такъ прекрасно гармонировала со всѣмъ, что ее окружало,—но мнѣ все казалось, что мнѣ невозможно приблизиться къ предмету, который такъ обаятельно сильно на меня дѣйствовалъ. Мнѣ казалось, что здѣсь мнѣ что-то воспрещено, что кромѣ старинной мебели насъ съ нею что-то другъ отъ друга отдѣляетъ. Во всякомъ случаѣ это не были условія общепринятаго приличія. Северина слишкомъ часто поступала вопреки всевозможнымъ условіямъ общепринятаго приличія; я же всегда старался жить съ ними въ полномъ согласіи, но все-же не тогда, когда надо всѣми обстоятельствами времени и мѣста царила высшая сила. Мнѣ были прекрасно знакомы такія обстоятельства, и не менѣе прекрасно я зналъ, что они должны всегда уступить требованіямъ высшей силы. Здѣсь, напротивъ, эта сила уступала и какъ бы пряталась отъ чего-то для меня непонятнаго, чего я не могъ никакъ опредѣлить, ни побороть.

Вдругъ, какъ разъ въ ту самую минуту, когда я съ большимъ воодушевленіемъ рассказывалъ ей о Неаполитанскомъ заливѣ, а она со своей стороны съ видимымъ удовольствіемъ слушала мой рассказъ, я услышалъ какой-то крикъ, пѣніе, вой,—я никакъ не могъ сообразить, что это именно, но во всякомъ случаѣ это было нѣчто ужасное. Множество голосовъ раздавалось въ противоположномъ концѣ дома, хотя сравнительно далеко, но все же настолько близко, что это произвело на меня такое впечатлѣніе, какъ

будто бы сотня пилъ врѣзалась во всѣ мои нервы. Я выпрямился инстинктивно и вскричалъ:

— Что это такое?

Одновременно съ этимъ вопросомъ, не дождавшись даже отвѣта, я понималъ, что это было хоровое пѣніе, изъ котораго частицы знакомой мелодіи долетали даже къ намъ. Боже мой, какое примитивное, ужасное, грубое пѣніе!.. Я сначала никакъ не могъ сообразить, откуда оно раздавалось. Зулусы или ніамъ-ніамы приближались откуда-то къ дому Северины?.. Между тѣмъ Северина взглянула на меня, чуть-чуть улыбулась и сказала:

— Ужаснаго тутъ ничего нѣтъ, кузень; это просто люди поютъ...

— Какіе люди?..

Северина совершенно спокойно отвѣтила, не находя въ этомъ ничего удивительнаго:

— Жители Красовицъ, садовники, дворники и другіе.

Я все еще не могъ понять этого страннаго явленія.

— Зачѣмъ же они такъ безобразно кричатъ въ вашемъ домѣ, кухня?.. Развѣ сегодня какой-нибудь народный праздникъ, Иванъ Купала, что-ли?

Вопросъ мой разсмѣшил Северину.

— Да нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она, смѣясь.—Успокойтесь, кузень!.. Духи изъ могилъ не явятся къ намъ, да и никто не будетъ танцовать среди пламени...

И Северина рассказала мнѣ, что въ Красовицахъ до сихъ поръ все еще существуетъ старинный обычай: всѣ крестьяне и вообще прислуга по вечерамъ сходятся въ большой избѣ въ концѣ дома, въ которой они ужинаютъ, читаютъ, поютъ, бесѣдуютъ.

— Я знаю, что этотъ обычай существовалъ во время дно, но все-же не понимаю, почему вы, кухня, не устранили его?.. Это вѣдь зависитъ отъ васъ?

— Ахъ, напротивъ, кузень—отвѣтила Северина.—Я старательно оберегаю этотъ старый обычай, потому что въ немъ много, очень много хорошаго. Эти вечера съ громадною пользою можно эксплуатировать съ цѣлью...

Северина вдругъ остановилась и опустила глаза. На ея лицѣ я замѣтилъ выраженіе грусти.

— Съ какою цѣлью?.. Бога ради, кухня, какая же тутъ можетъ быть цѣль?

Северина отвѣтила какъ бы нѣхотя:

— Въ этомъ отношеніи, кузень, мы никогда не поймемъ другъ друга...

Кузина и теперь остановилась, но послѣ нѣкотораго молчанія продолжала:

— Но коль скоро спрашиваете, кузень... желаете знать... скажу вамъ, что здѣсь цѣлью является взаимное знакомство, возможность подѣлиться съ ними тѣмъ, что сама знаю и имѣю. Я не намѣрена ничего преувеличивать въ этомъ отношеніи... Это не Богъ вѣсть что такое, но все же... имъ хорошо и мнѣ... тоже... Да, притомъ, мнѣ кажется, что это является небольшою каплею, которая проникаетъ въ море...

— Общественнаго счастья; не правда ли?—сказалъ я, изумленный до степени полного почти непониманія.

Удивительное созданіе!.. Возможно ли по доброй волѣ позволять себѣ портить нервы ради чего-то идеальнаго, абстрактнаго! Да вѣдь за обѣщанное царство небесное я бы не согласился слушать этого воя и скрипа, даже разъ въ мѣсяцъ, не то что каждый день! Все это несомнѣнно, все это такъ, но я долженъ сознаться, что ея грусть, ея странный способъ спорить со мною съ видимымъ желаніемъ не затрогивать моего самолюбія, крайне благотѣльно вліялъ на меня. Я былъ восхищенъ и растроганъ. Я невольно вспомнилъ слова Каина: „я происхожу изъ рода ангеловъ; хочешь ли сдѣлаться на меня похожимъ?“ Да, она-то происходила изъ рода ангеловъ, но только не спрашивала меня, желаю ли я стать на нее похожимъ. „Въ этомъ отношеніи, кузень, мы никогда не поймемъ другъ друга!“ Да, это она сказала, но проговорила эти слова безъ всякой рисовки, безъ малѣйшаго желанія доказать мнѣ, что она во сто кратъ цѣльнѣе, лучше меня. Мною овладѣло желаніе приблизиться къ ней, какъ я имѣлъ обыкновеніе дѣлать у Дали, но эти рѣзныя, большія ручки у старинныхъ креселъ являлись непреодолимымъ, грубымъ препятствіемъ. Ахъ, еслибы здѣсь былъ пуфъ Дали, на которомъ я садился почти у ея ногъ! Но, несмотря на невозможную ручку стариннаго кресла, я стумѣлъ взглянуть въ ея лицо достаточно близко для того, чтобы замѣтить, что ея опущенныя рѣсницы блистали прозрачными слезинками... Ахъ, такъ вотъ что! Значить, это „никогда не поймемъ другъ друга“ причиняло жестокую боль этой божественной женщинѣ, этому ангелу!.. О, дорогая моя!.. Я готовъ былъ преодолѣть всѣ препятствія, я чувствовалъ, что на моихъ губахъ дрожали слова, которыхъ я ей еще ни разу не сказалъ, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ я услышалъ какое-то движеніе, которое обратило на себя мое вниманіе... Дверь, ведущая въ эту комнату, была открыта настежь... Я невольно взглянулъ въ сосѣднюю комнату и увидѣлъ любимую няню Богусю, которая весь вечеръ ходила

по всѣмъ комнатамъ по дѣлу и безъ дѣла. Она то являлась, то исчезала, хозяйничая и поглядывая время отъ времени на Северину и на меня. Теперь она вошла въ сосѣдную комнату, и несмотря на то, что большая лампа освѣщала ее вполне достаточно, няня Богуса, съ зажженною свѣчкою въ рукахъ, взобралась на высокое кресло и чрезвычайно внимательно начала заводить большіе, старинные часы. Когда я взглянулъ на нее, она какъ разъ подняла обѣ руки вверхъ, и вся ея фигура была похожа на большой кубъ, завернутый въ цвѣтной платокъ, но зато ея лицо, обрамленное бѣлымъ чепцомъ, было чрезвычайно характерно. Это былъ настоящій мотивъ для живописца, который захотѣлъ бы создать типъ старушки, заводящей часы. *C'était grotesque*, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой картинкѣ, которая невольно поглотила мое вниманіе, была олицетворена характеристика старой служанки, чрезвычайно милая и симпатичная. Да и то сказать, сердце мое растаяло въ небольшой капелькѣ, которую я замѣтилъ на опущенныхъ рѣсницахъ прекраснаго созданія. Я поднялся съ мѣста и тихонько подошелъ къ нянѣ Богусѣ въ то время, когда она собиралась сходить съ высокаго кресла. Я обѣ руки поднималъ вверхъ. Няня Богуса удивилась.

— Это что?—спросила она.

— Хочу вамъ помочь спрыгнуть съ этого кресла... И, не дожидаясь ея согласія, я обнялъ ее обѣими руками и поставилъ на полъ. Няня Богуса съ такимъ стукомъ обѣими ногами остановилась на полу, что это произвело впечатлѣніе, будто упало большое полѣно дровъ. Лицо ея, однако, засіяло радостью.

— Благодарю васъ! — сказала она, и въ свою очередь, не дожидаясь моего отвѣта, взяла мою голову въ свои руки и крѣпко поцѣловала меня въ лобъ. Этотъ поцѣлуй, несмотря на всю свою нелѣпость, здѣсь былъ какъ нельзя болѣе кстати.

— Развѣ нянюшка каждый день всѣ часы сама заводитъ?

Няня Богуса засіяла еще больше—до того понравилось ей, что я ее назвалъ нянюшкою.

— А то какъ же? Часы нужны... очень нужны... Безъ нихъ не было бы никакого порядка.

Няня Богуса взглянула на меня своими умными глазами и спросила:

— А тамъ у васъ, въ большомъ свѣтѣ, часы всегда ходятъ вѣрно?

— Конечно, надобно тоже знать, когда отправиться на балъ, когда идти съ визитомъ.

— Когда приняться за работу,—шутила нянюшка.

— Это... это-то почти никогда не случается...

Когда я обернулся, я увидѣлъ двѣ прекрасныя звѣзды, которыя смотрѣли на меня такъ радостно, съ такимъ чувствомъ искренней благодарности, что за одно это я бы охотно вторично обнялъ няню Богусю, еслибы въ эту же самую минуту опять не раздался хоровой вой, который послѣ нѣкотораго времени притихъ. Но вскорѣ этотъ же ужасный вой раздался съ большею еще силою на мотивъ краковяка... На подобіе гончей собаки, которая боится плети любимаго своего хозяина, я съѣжился весь и, зажимая уши руками, взмолился къ Северинѣ:

— Ой, ой, ой!

Северина хохотала.

— Богуся, — обратилась она къ нянѣ: — будьте любезны попросить ихъ не пѣть сегодня... Пусть лучше читаютъ...

— Да, да, пусть читаютъ! — прибавилъ и я свою просьбу. Северина же, точно желая вознаградить меня за испытанное мною неудовольствіе, сейчасъ же сѣла за рояль. Нѣсколько минутъ спустя ужасные крики притихли, а въ комнатѣ раздался прекрасный сопрано и прелестная, полная жизненной правды мелодія:

„Росла калина“...

Часъ спустя я находился уже съ моимъ Викентіемъ въ отведенной для меня комнатѣ, въ верхнемъ этажѣ дома, въ корридорѣ, по другой сторонѣ котораго жили старики Здроіовскіе, а въ самомъ его концѣ помѣщалась каплица. Я не безъ ужаса раздумывалъ о томъ, что теперь только одиннадцать часовъ. Въ самые ранніе годы моей жизни меня заставляли ложиться такъ рано. Мнѣ было досадно, что Северина поспѣшила проститься со мною, потому что, несмотря на всю аккуратность няни въ заводкѣ часовъ, Северина должна была забыть о нихъ. Въ раю вѣдь часовъ нѣтъ, и времени никто тамъ не считаетъ: но развѣ для этой женщины, несмотря на множество кажущихся противорѣчій, холодной и не понимающей нѣкоторыхъ сторонъ жизни, гдѣ-нибудь и когда-нибудь можетъ существовать рай земной? Теперь я сталъ въ этомъ сомнѣваться. Она заявила очень просто, что должна проститься со мною потому, что обыкновенно въ одиннадцать часовъ ходитъ въ каплицу, чтобы отвлечь бабушку отъ слишкомъ усердной молитвы и отвести ее въ спальню. По поводу этого эпизода я слышалъ отъ Северины нѣкоторыя подробности изъ жизни стариковъ Здроіовскихъ. Между прочимъ Северина рассказала мнѣ, что вскорѣ послѣ потери зрѣнія

Адамъ Здроіовскій передалъ Красовицы въ полное владѣніе своему сыну, и съ этого времени жена стала его неразлучною спутницею, нянею, слугою. Старушка, главнымъ образомъ потому, что болѣе двадцати лѣтъ ведетъ уединенную, полную многихъ печалей жизнь, потеряла физическія силы и стала до того религіозною, что эта религіозность очень быстро свела бы ее въ могилу, еслибы не вліяніе внучки, которой она повинуется. Северина одна можетъ прервать ея ночныя молитвы, что она и дѣлаетъ ежедневно. Идеи и добродѣтели! Этотъ домъ былъ вмѣстилищемъ добродѣтелей и идей всякаго рода! Положимъ, оно возвышенно и прекрасно, но все-же требовать отъ человѣка, чтобы онъ зимою засыпалъ въ одиннадцать часовъ—это въ своемъ родѣ варварство, котораго нигдѣ не встрѣтишь! Къ счастью, здѣсь, какъ я убѣдился, существовалъ обычай давать гостямъ книги на ночь. Еще бы! что же бы они, несчастные, дѣлали во время безконечно длинныхъ зимнихъ вечеровъ! Я съ удовольствіемъ взглянулъ на нѣсколько книгъ, которыя лежали на столѣ. Есть изъ чего выбирать!

Въ то время, когда Викентій приводилъ въ порядокъ и размѣщалъ на коммодѣ мои дорожные туалетные приборы, я стоялъ у окна и любовался чудною лунною ночью, которая и домъ Северины, и все, что его окружало, усыпила въ безконечномъ спокойствіи и тишинѣ и облила серебристымъ свѣтомъ. Множество клумбъ и цѣлыхъ группъ деревьевъ съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, въ этомъ освѣщеніи были похожи на чудный садъ, которымъ сѣверный духъ окружилъ свой дворецъ, созданный изъ льда и снѣговъ. Все было ослѣпительно снѣжной бѣлизны и неподвижно. Въ этой бѣлой, сѣверной картинѣ было что-то грандіозное, что могло восхищать зрителя нѣсколько минутъ, но послѣ того тотчасъ являлось непреодолимое желаніе уйти поскорѣе. Въ то время, когда я стоялъ у окна, до меня долетали какіе-то странные звуки, похожіе на стоны, на зовъ на большомъ разстояніи: плачъ замерзшей земли или скованныхъ морозомъ элементовъ природы. Иногда среди общей тишины раздавался одинъ лишь голосъ, иногда въ разныхъ мѣстахъ поднимались безобразные крики и вой; тогда мнѣ казалось, что гдѣ-то по близости находится адъ или по крайней мѣрѣ чистилище, въ которомъ плачутъ о помощи несчастные духи. Сначала я не обращалъ вниманія на этотъ странный концертъ, но потомъ онъ сталъ беспокоить меня не на шутку.

Я обратился къ Викентію:

— Что это такое?

Викентій скривилъ ротъ такъ, что одинъ конецъ его рыжихъ усовъ очутился у него гдѣ-то подѣ глазомъ, и отвѣтилъ:

— Волки, баринъ!

— Что такое?!..

— Волки...

И, раздѣвая меня, добавилъ:

— Здѣшніе люди рассказываютъ, что иногда, проснувшись утромъ, имъ случается видѣть волка подѣ самымъ домомъ, среди какой-нибудь клумбы...

Послѣ этихъ словъ Викентій такъ жестоко надулъ губы, что я не на шутку опасался, что онъ своими усами выколетъ себѣ глазъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія я спросилъ его:

— Ну, какъ, Викентій? Здѣсь весело, а?

И теперь рыжій усъ Викентія очутился гдѣ-то въ окрестностяхъ его глаза.

— Домъ-то настоящій барскій, но...

И Викентій замолчалъ почтительно...

— Что же?

— Люди здѣшніе, баринъ, какіе-то...

Онъ самъ не зналъ, какимъ словомъ можно опредѣлить здѣшнихъ людей, и лишь послѣ нѣкотораго раздумья прибавилъ:

— ...Какіе-то—дикіе!

Я обрадовался и, могу сказать, чуть не возгордился тѣмъ согласіемъ, которое, какъ видно, царило въ мнѣніяхъ моихъ и моего лакея! Bravo! вотъ что значитъ имѣть постоянно передъ глазами картины и плоды цивилизаціи, видѣнной хотя бы сквозь полотенце, которымъ вытираютъ тарелки!

Когда, раздѣвъ меня, онъ остановился въ почтительномъ разстояніи и спросилъ, не уѣдемъ ли отсюда завтра,—я, не задумываясь даже ни на секунду, отвѣтилъ, что нѣтъ, не уѣдемъ. Завтра? Уже завтра разстаться съ нею, быть можетъ, навсегда? Ни за что! Да и съ чѣмъ же я бы уѣхалъ отсюда? Да вѣдь я даже ни одного ласковаго слова отъ нея не услышалъ! Уѣхать завтра! А ее оставить здѣсь, быть можетъ, навсегда, въ этой пустынѣ, среди волковъ?.. Ни за что!.. Надо же хоть немного времени для того, чтобы королевичъ могъ разбудить спящую королевну, особенно если эта королевна не на шутку упряма!

Гл.

ИСКУССТВО И ПРАВСТВЕННОСТЬ

О ЧЕРКЪ.

Когда слово „нравственность“ соединяется съ словом „искусство“ и, чрезъ грамматическое подчиненіе второго первому, эти два слова стягиваются въ одно выраженіе, то обыкновенно получается формула: „*нравственность въ искусствѣ*“; этимъ весь интересъ вопроса цѣликомъ переносится въ содержаніе искусства: смотря по тому, что изобразилъ художникъ, а главное, какъ заставилъ насъ отнестись къ изображенному—показалъ ли пороки въ привлекательномъ или отталкивающимъ видѣ—произведеніе признается нравственнымъ или безнравственнымъ; такъ, отрицательное искусство, благодаря дидактическимъ соображеніямъ, получаетъ положительную моральную цѣнность въ смыслѣ исправителя нравовъ.

Такая постановка, мнѣ кажется, далеко не отвѣчаетъ на всѣ тѣ вопросы, которые возникаютъ въ нашемъ умѣ при встрѣчѣ этихъ понятій: „нравственность“ и „искусство“. Было бы крайне интересно, ставъ на точку зрѣнія нравственности, взглянуть на искусство помимо его содержанія, взять его ранѣе его раздѣленія на нравственное и безнравственное, вынести моральный критерій изъ предѣловъ искусства, сдѣлать само искусство объектомъ этого критерія, и самый фактъ его существованія и воздѣйствія на людей освѣтить съ этической точки зрѣнія. Тогда грамматическое подчиненіе двухъ интересующихъ насъ терминовъ дастъ уже другую формулу, и, вмѣсто „нравственности въ искусствѣ“, мы станемъ говорить о „*нравственности искусства*“. Практически вопросъ выразится въ слѣдующей формѣ: въ какой мѣрѣ тѣ духовныя радости, которыя доставляетъ намъ искусство, являются

стимулами на пути нравственного совершенства; и, взятая сама по себѣ, помимо того, какъ они практически отзываются въ жизни, въ какой мѣрѣ эстетическія эмоціи, въ тотъ самый моментъ, когда мы имъ отдаемся, могутъ быть одобрены съ точки зрѣнія нравственности? Хорошо ли я поступаю, воспитывая въ себѣ чувство красоты? Имѣю ли я нравственное право отдаваться тѣмъ страстямъ, которыя пробуждаетъ во мнѣ, напримѣръ, театральное представленіе; позволительно ли искать такихъ удовольствій, которыя заставляютъ дрожать самыя священныя струны нашей природы безъ практическаго приложенія, которыя поднимаютъ насъ на вершины такихъ духовныхъ ощущеній, какъ состраданіе, любовь, ненависть, негодованіе, — и все это въ области вымысла? Вопросы важные, трудные, болѣе глубокіе, чѣмъ они кажутся на первый взглядъ, потому что за ихъ практической формой встаетъ отвлеченный, принципиальный вопросъ объ отношеніяхъ добра и красоты, о необходимости ихъ совпаденія, или о возможности конфликта между ними.

Вовсе не имѣя въ виду дать сколько-нибудь исчерпывающіе отвѣты на вышенамѣченные вопросы, мы въ настоящемъ краткомъ опытѣ желали бы по возможности собрать и представить тѣ факты, при встрѣчѣ съ которыми вопросъ о взаимномъ отношеніи нравственности и искусства неминуемо выступаетъ наружу; вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, сами собой выяснятся и обнажатся тѣ пункты эстетики, на которые, по моему мнѣнію, слѣдовало бы направить свои изслѣдованія тому, кто пожелалъ бы разработать занимающій насъ предметъ.

I.

Склонность новѣйшей мысли къ специализированію не могла не сказаться и въ области эстетики, и чрезмѣрное увлеченіе расчлененіемъ должно было въ теоріи искусства привести къ обостренію нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ, которыхъ въ прежнее время мысль не выдѣляла изъ общихъ вопросовъ эстетики. Красота, какъ предметъ изученія, все болѣе и болѣе отлекалась отъ жизни, все рѣзче и рѣзче обозначалась грань между прекраснымъ и полезнымъ. Съ другой стороны, лихорадочная дѣятельность, увлекающая всѣ силы новѣйшихъ поколѣній на путь усовершенствованія условій жизни, казалось, совершенно исключила изъ области практическихъ изобрѣтеній всякое попеченіе о художественности пластическихъ формъ; прикладныя знанія сбро-

сили съ себя роскошную, но неудобную ризу искусства и съ небывалой легкостью и быстротой пустились къ своей конечной цѣли—удовлетворенію земныхъ нуждъ человѣчества. Всякая надежда на возникновеніе какого-нибудь новаго архитектурнаго стиля при этихъ условіяхъ тщетна, и эстетикѣ для своихъ изслѣдованій въ области пластическихъ формъ остается лишь богатое наслѣдіе прежнихъ временъ. Сторонники чистаго искусства становятся все многочисленнѣе, и тотъ характеръ отрѣшенности, который въ силу застоя въ архитектурѣ ложится на памятники самаго практическаго изъ всѣхъ искусствъ, понемногу проникаетъ въ сознаніе всѣхъ истинныхъ приверженцевъ красоты. Искусство становится чѣмъ-то въ родѣ пантеона, въ которомъ собраны произведенія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, и куда поклонники красоты сходятся для сладостнаго созерцанія, оставляя при входѣ на паперти пыльную одежду будничной жизни. Большинство, насладившись отдыхомъ, выходитъ изъ храмины, снова берется за поношенныя одежды; но есть натуры, которымъ это возвращеніе на паперть не подъ силу: по свободному ли выбору, или изъ слабости, только они остаются въ храмѣ и уже не выходятъ изъ него. И вотъ раздается голосъ мыслителя, пробуждающій въ нихъ сознательное отношеніе къ ихъ поступкамъ; тогда у нихъ является мучительное недоумѣніе: хорошо ли они поступаютъ, не забыли ли они на паперти вмѣстѣ съ будничной одеждой всѣ свои обязанности и само чувство долга, и, оставаясь въ храмѣ, творятъ ли они благо или зло?

Что подобное отношеніе къ искусству дѣйствительно существуетъ, составляя, по нашему убѣжденію, одинъ изъ характерныхъ симптомовъ новѣйшей эстетической культуры, въ этомъ убѣдится всякій, кто сколько-нибудь слѣдилъ за эстетическими движеніями послѣдняго времени на западѣ и въ особенности въ Англіи. Нигдѣ художественный дилеттантизмъ, коллекціонерство, артистическое эпикурейство не доведены до такой утонченности, какъ тамъ; ни въ какомъ другомъ обществѣ, кромѣ англійскаго, немислимо открытое признаніе такой артистической секты, какъ извѣстныя въ свое время „*aesthetics*“, которые въ своемъ поклоненіи красивымъ формамъ доходили до того, что стремились изъ самой жизни сдѣлать своего рода искусство; проповѣдуя необходимость поднять художественный вкусъ главнымъ образомъ въ домашней обстановкѣ и современной одеждѣ, они дѣйствовали собственнымъ примѣромъ, сами въ своей особѣ воплощали ту или другую эпоху, перенимая соотвѣтственный костюмъ и складъ рѣчи; вѣчно занятые мыслью о соблюденіи скульптурной красоты,

они въ гостиныхъ принимали самыя изысканныя позы, садились на полу, какъ Гамлеты у ногъ случайныхъ Офелій, а въ своей домашней обстановкѣ окружали себя собраніями художественныхъ произведеній въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ въ смыслѣ эпохъ, народностей и стилей. Можно было подумать, что они задались цѣлью изъ всей своей жизни сдѣлать одну живую картину. И такова падкость англійскаго общества на все эксцентричное, что оно дало право гражданства даже тѣмъ изъ нихъ, которые не заявляли себя ни литературной дѣятельностью, ни въ какомъ-либо иномъ искусствѣ: боязнь отступить отъ общепринятыхъ формъ и раболѣпство предъ свѣтскою рутиной окружали ореоломъ оригинальности всякаго, кто имѣлъ смѣлость выдѣлиться изъ толпы „простыхъ смертныхъ“ хотя бы только тѣмъ, что являлся на вечеръ въ бархатной курткѣ съ воротникомъ венеціанскихъ кружевъ.

Можетъ показаться страннымъ по поводу общихъ принципиальныхъ вопросовъ касаться такого факта, который легко можетъ быть объясненъ, какъ слишкомъ исключительное, болѣзненное отношеніе къ искусству: скажутъ, что теорія искусства не должна считаться съ ненормальностями. Но мы не безъ цѣли остановились на этомъ уродливомъ явленіи; намъ кажется, что оно только своей преувеличенностью обязано англійскому духу, по существу же оно есть не что иное, какъ одно изъ выраженій всеобщаго исканія той пластической красоты, которая въ нашу эпоху покинула практическую жизнь.

Какъ было замѣчено выше, прикладныя знанія, ворвавшись въ строй современной жизни, совершенно вытѣснили изъ нея пластическій элементъ: паръ и электричество увлекли ее на такой путь, гдѣ чувству пластичности нѣтъ творческаго примѣненія, и любитель формы по-неволѣ обращается къ созерцанію прошлаго; но замѣчательно, что тѣ же самыя открытія и изобрѣтенія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ дѣятельное существованіе пластики, являютъ огромную помощь человѣку въ его созерцательныхъ стремленіяхъ къ прошлому. Усовершенствованіе и облегченіе способовъ путешествія открываетъ намъ доступъ къ красотахъ самыхъ отдаленныхъ и вмѣстѣ самыхъ разнообразныхъ произведеній человѣческаго творчества; фотографія, печатаніе, всевозможныя воспроизведенія и имитаціи позволяютъ намъ, не сходя съ мѣста, приходить въ соприкосновеніе съ ними. Максъ Нордау въ своей новой книгѣ „о вырожденіи“ ¹⁾, весьма про-

¹⁾ Max Nordau, „Entartung“. Berlin 1892, S. 62—63.

странно говорить о томъ вліяніи, какое оказали на современное поколѣніе новѣйшія изобрѣтенія въ смыслѣ расширенія горизонта умственныхъ впечатлѣній. „Всякій обитатель деревни,—говоритъ онъ,—имѣетъ въ наше время болѣе обширное географическое поле зрѣнія, болѣе многочисленные и сложные умственные интересы, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи первый министръ маленькаго или даже средней величины государства... Кухарка получаетъ и отсылаетъ нынче больше писемъ, чѣмъ въ былое время какой-нибудь профессоръ“. Приведенныя слова можно въ равной мѣрѣ примѣнить къ вліянію прикладныхъ знаній на эстетическія впечатлѣнія: для того, кто можетъ пользоваться новѣйшими изобрѣтеніями, поле эстетической уязвимости несомнѣнно увеличилось. Теннисонъ сказалъ: „I am a part of all that I have seen“²⁾; понятны значеніе и объемъ этихъ словъ въ наше время, когда все то, что прежде было недостижимо по своей отдаленности, становится доступно всякому, когда впечатлѣнія, которыя въ прежнія времена считались экзотическими, составляютъ почти всеобщее достояніе. Пространственная перспектива уничтожается.

Но еще больше уничтожается перспектива времени: болѣе чѣмъ когда-либо въ искусствѣ все прошлое принадлежитъ настоящему. Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ назадъ,—мы увидимъ, что каждая историческая эпоха жила, дѣйствовала и двигалась въ своей собственной пластической обстановкѣ: архитектурный стиль, убранство жилищъ, костюмъ,—все являлось продуктомъ современнаго пластическаго творчества, которое само было фазисомъ общей художественной эволюціи. Въ наше время пластическая обстановка, въ которой движется жизнь, представляетъ изъ себя смѣшеніе всѣхъ предшествовавшихъ эпохъ; своя же эпоха ничего не даетъ, кромѣ утонченнаго эклектизма въ подражаніи стариннымъ образцамъ. Эволюція пластическихъ искусствъ кончена, и послѣдній ея фазисъ, который еще имѣетъ право на наименованіе стиля,—такъ называемый „Empire“,—представляетъ безплодное возвращеніе къ тому античному источнику, изъ котораго великіе преобразователи пластики христіанскихъ временъ почерпнули свою силу въ эпоху возрожденія. Не знаю, былъ ли кѣмъ отмѣченъ этотъ фактъ, но намъ кажется знаменательнымъ, что послѣднее усиліе истощеннаго творчества ищетъ жизни тамъ, откуда оно ее получило на зарѣ своего расцвѣта. Невольно заставляетъ призадуматься это ложное дитя искусства, встающее на рубежѣ нашего бурнаго столѣтія, холодное, без-

¹⁾ „Я составляю часть всего, что я видѣлъ“.

страстное, окаменѣлыми очами вперяющееся въ неразгаданное будущее...

Итакъ, влеченіе къ пластическимъ формамъ въ наши дни выводитъ человѣка изъ практической жизни, но та же практическая жизнь облегчаетъ ему бѣгство въ область вымысла и формы; та же практическая жизнь со своими изобрѣтеніями идетъ на встрѣчу его созерцательныхъ стремленій и приводитъ къ тому, что дѣйствительно не только въ теоріи, но на практикѣ все прошлое принадлежитъ настоящему. Чтобы еще пояснить нашу мысль, остановимся на томъ, въ чемъ собственно состоитъ созерцательное отношеніе къ пластическимъ памятникамъ прошлаго,—мы увидимъ, что уничтоженіе временной перспективы, о которомъ мы упомянули выше, слѣдуетъ признать однимъ изъ тѣхъ явленій, которыя прежде всего заставляютъ призадуматься надъ вопросомъ объ отношеніяхъ правственности и искусства.

Пластическое творчество украшаетъ жизнь: никто не станетъ утверждать, что архитектурные стили, орнаментация въ примѣненіи къ домашней обстановкѣ, безконечное разнообразіе, какое представляетъ изъ себя исторія развитія костюма,—имѣли другую цѣль, а не украшеніе человѣческой жизни; иной вопросъ—какъ и почему они возникли; его мы не касаемся, но когда мы себя спрашиваемъ—„для чего они возникли?“—мы не можемъ отвѣтить иначе, какъ—для украшенія. Ибо для того, чтобы укрыться отъ непогоды, человѣку не нужно было воздвигать Пропилеи; чтобы прикрыть наготу своего тѣла, ему не надо было создавать эту фантастическую вереницу костюмовъ, которую его воображеніе развернуло отъ звѣриной шкуры до напудренной маркизы; для того, чтобы чинить судъ и расправу, ему незачѣмъ было утверждать тяжелый дворецъ венеціанскихъ дождей на рѣшетчатомъ основаніи изъ сквозныхъ колоннъ, незачѣмъ было посылать въ поднебесіе стрѣльчатые крыши и готическія башни германскихъ ратушъ; для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей такъ много не надо, да, наконецъ, мы видимъ, что потребности исчезли, а памятники своей цѣнности не утратили; почему?—потому что цѣнность ихъ не въ тѣхъ утилитарныхъ цѣляхъ, которымъ они *когда-то* отвѣчали, а въ томъ удовлетвореніи чувствъ красоты, которое ихъ *однажды* вызвало къ существованію. Утилитарная цѣль со временемъ отпадаетъ: то, что прежде было живымъ храмомъ, ликующимъ циркомъ, становится мертвою развалиной, но то, что въ этомъ храмѣ было прекраснаго, что явилось отвѣтомъ на создавшее его чувство красоты, то остается прекраснымъ и продолжаетъ существовать для насъ, какъ существовало для современ-

никовъ. То, что для археолога представляетъ мертвую развалину, отъ которой онъ восходитъ къ живой старинѣ, то для эстетика есть памятникъ мертвой старины, который воплотилъ въ себѣ живую красоту.

Понятно теперь наше выраженіе— „все прошлое принадлежитъ настоящему“: любовь къ красотѣ, распространяясь въ равной мѣрѣ на памятники всѣхъ временъ, ставитъ ихъ всѣ на одинаковый планъ въ нашихъ глазахъ; силою нашего стремленія къ ихъ прекраснымъ формамъ, мы извлекаемъ ихъ изъ глубины временъ и вводимъ въ составъ современной намъ пластической обстановки. Искусство вѣчно юно не потому, что его памятники всегда существуютъ, но потому, что они всегда способны нравиться и доставлять намъ наслажденіе. Такимъ образомъ, каждая эпоха получаетъ отъ предъидущей все, что было выработано до нея, влѣдряетъ въ себя всѣ памятники прошлаго, прибавляетъ къ нимъ то, что создала сама и, положивъ на все свою печать, передаетъ послѣдующимъ временамъ. Осмыслить отношеніе человѣка къ этому міру пластическихъ формъ, который, накопившись въ теченіе тридцати вѣковъ, встаетъ передъ нами вѣчно юный, опредѣлить его мѣсто въ практической жизни, приблизить его къ пониманію всѣхъ и cadaго, воспитать чувство красоты, размягчить сердца и сдѣлать, чтобы вообще имъ были эстетически доступны „всѣ впечатлѣнія бытѣя“—вотъ, мнѣ кажется, къ чему сводятся стремленія той новой эстетической литературы, которая въ послѣднее время такъ размножилась въ Англіи.

II.

Цѣлая серія авторовъ приступаетъ къ разсмотрѣнію и толкованію произведеній искусства исключительно съ точки зрѣнія настоящаго момента. Первый результатъ подобнаго приѣма тотъ, что историческая критика при этомъ должна совершенно устраниваться, да оно и понятно. Самый смѣлый, рѣзкій и парадоксальный изъ нихъ—Оскаръ Уайльдъ сказалъ: „All beautiful things belong to the same age“—„всѣ прекрасныя произведенія принадлежатъ одной эпохѣ“; чтобы договорить свою мысль до конца, ему слѣдовало бы прибавить: „эпохѣ, въ которую я живу, въ которую я имѣю возможность ихъ видѣть, ими наслаждаться“. Къ чему же здѣсь исторія въ примѣненіи къ художественной критикѣ? Если все прошлое принадлежитъ настоящему, то оно можетъ насъ интересоватъ лишь постольку, поскольку оно въ

этомъ настоящемъ уцѣлѣло, а вовсе не само по себѣ; исторія тогда представляется ужъ не виновницей произведенія искусства, а рамкой, фономъ, на которомъ оно ярче и картиннѣе выступаетъ; эпоха, въ которую произведеніе возникло, теряетъ то значеніе почвы, которое ей присвоивала историческая критика, и становится лишь обстановкой, невидимой спутницей его; воспоминаніе объ эпохѣ служитъ какъ бы ореоломъ вокругъ произведенія искусства, тѣмъ болѣе яркимъ, чѣмъ многостороннѣ наши свѣденія о ней; само же изученіе исторіи, наша собственная культура, получаютъ цѣнность лишь въ той мѣрѣ, въ какой они доставляютъ при взглядѣ на произведеніе искусства—болѣе или менѣе богатый матеріалъ для ассоціаціи идей.

Не трудно убѣдиться, къ какой аномаліи, съ точки зрѣнія нравственности, должно привести подобное положеніе; ясно, что для чистаго эстетика время не существуетъ; вѣдь если прошлое имѣетъ значеніе только какъ матеріалъ для наслажденія настоящимъ, то будущее цѣнно лишь настолько, насколько оно намъ обезпечиваетъ въ предѣлахъ нашей жизни болѣе или менѣе продолжительную послѣдовательность настоящихъ моментовъ. „Но вѣдь это безнравственно!“—восклицаемъ мы, сами испугавшись того, къ чему пришли простымъ логическимъ путемъ, и тотъ же Оскаръ Уайльдъ отвѣтитъ намъ съ холодной безстрастностью: „All art is immoral“,—„всякое искусство безнравственно“¹⁾.

„Не мудрено,—скажутъ намъ,—не мудрено, что вы очутились передъ абсурдомъ: вы обращали вниманіе на одну лишь внѣшнюю, чувственную сторону искусства и упустили изъ виду его внутреннюю, духовную сторону; вспомните, что искусство есть движеніе, одинъ изъ тѣхъ путей, которыми духъ человѣческій идетъ къ конечной цѣли совершенства, осуществленію правды и сліянію съ добромъ; вспомните, что лучшее, чтъ намъ даетъ искусство, есть лишь слабый отблескъ абсолютной красоты; искусство вѣчно вовсе не потому, что всегда способно вамъ нравиться, а потому, что всегда способно насъ усовершенствовать; вы занимались до сихъ поръ одной статикой искусства: оно имѣетъ свою динамику; увѣруйте въ его сверхземное значеніе, и само ваше увлеченіе имъ получитъ нравственную цѣну“. Вотъ чтъ намъ скажутъ послѣдователи культа вѣчной красоты и приверженцы ея сліянія съ добромъ.

Къ сожалѣнію, всякая попытка связать любовь къ искусству съ опредѣленными философскими вѣрованіями или поставить эсте-

¹⁾ Oscar Wilde, „Intentions“, p. 137.

тическую отзывчивость въ зависимость отъ нравственныхъ качествъ человѣка должна разбиться о разнообразіе тѣхъ примѣровъ, которые въ этомъ отношеніи представляетъ сама жизнь: мы видимъ, что любовью къ искусству горятъ люди всевозможныхъ вѣрованій и на всякихъ ступеняхъ нравственного совершенства. Искусство существуетъ для всѣхъ одинаково, оно всѣхъ зоветъ къ себѣ, и если не всякій равно способенъ понимать его, то всякій равно имѣетъ на то право, помимо тѣхъ конечныхъ причинъ, которыя онъ видитъ за предѣлами конкретного искусства. Бэконъ Веруламскій, который называлъ конечныя причины бесплодными дѣлами, — своимъ опредѣленіемъ искусства, хотя и не совсѣмъ полнымъ, ясно намѣтилъ предметъ и границы художественной критики: „ars—homo additus naturae“, сказалъ онъ ¹⁾, и въ предѣлахъ человѣка и природы должны мы искать отвѣта на эстетическіе вопросы. Гёте былъ великій мыслитель, но когда его, какъ художника, спрашивали о конечныхъ причинахъ творчества, онъ говорилъ, что предпочитаетъ, чтобы оставался для него сокрытымъ тотъ принципъ, въ силу котораго онъ работаетъ. Неужели же мы будемъ имѣть дерзость поднимать ту завѣсу, къ которой Гёте предпочиталъ не прикасаться? Нѣтъ, теорія искусства слишкомъ долго составляла монополію философовъ; только въ послѣднее время поняли, что для того, чтобы говорить объ искусствѣ, нужно быть сперва художникомъ, а потомъ уже философомъ, и что останавливаться при разборѣ произведеній искусства на вопросѣ объ абсолютной красотѣ есть то же, что въ механикѣ ломать себѣ голову надъ вопросомъ о сущности силъ. Только въ самое недавнее время убѣдились, что въ вопросахъ эстетики чуткость и отзывчивость при извѣстной способности въ формулировкѣ даютъ человѣку одинаковыя права, какъ знаніе и эрудиція въ области научной, и этимъ мы опять-таки обязаны все тѣмъ же новѣйшимъ англійскимъ писателямъ; понять и прочувствовать произведеніе искусства и свое собственное пониманіе и чувство кристаллизировать въ конкретной формѣ и сдѣлать предметомъ наслажденія и изученія для другихъ — вотъ въ чемъ ихъ задача; они явили одинъ изъ самыхъ сильныхъ примѣровъ того, что наслажденіе искусствомъ есть такое же творчество, какъ и само искусство. Можно подумать, что лозунгомъ ихъ дѣятельности послужило двустипіе Гёте:

¹⁾ „Искусство—человѣкъ, приложенный къ природѣ“. Неполнота этого опредѣленія очевидна въ наши дни, когда подъ него подпадаютъ всѣ прикладныя знанія; оно справедливо въ данной формѣ, но оно не допускаетъ обратнаго: „homo additus naturae—ars“ справедливо лишь на половину.

Selbst erfinden ist schön, doch glücklich von Andern Gefundenes,
Fröhlich erkannt und geschätzt,—nennst du das wenig dein?

Вотъ эта-то собственная оцѣнка чужого произведенія возведена ими въ предметъ изученія.

Такимъ образомъ второй результатъ той точки зрѣнія, на которую мы стали, есть высвобожденіе эстетическихъ вопросовъ изъ области метафизики. Вальтеръ Патеръ ¹⁾, одинъ изъ интересующихъ насъ авторовъ, прямо говоритъ въ предисловіи къ своимъ замѣткамъ объ итальянскомъ возрожденіи, что попытки дать какую-нибудь одну, общую, формулу для опредѣленія абстрактной красоты никогда никому не помогли ни понять, ни почувствовать красоты художественнаго произведенія. Не въ абстрактной формулѣ единой красоты, но въ возможно конкретной формулѣ, исчерпывающей данное ея проявленіе, лежитъ цѣль эстетическихъ изысканій. Другой авторъ, Вернонъ Ли ²⁾, не менѣе категорично говоритъ: „Наша жажда невыразимой гармоніи вовсе не доказываетъ, что такая гармонія существуетъ: тѣ очертанія всеобщаго совершенства, которыя носятъ передъ нами, не суть отраженіе отдаленной дѣйствительности, а лишь безплотная тѣнь, которую бросаютъ наши собственные желанія; мы всегда гонимся за ней, но мы никогда ея не достигнемъ“. Очевидно, весь центръ тяжести переносится въ человѣка и въ то впечатлѣніе, которое онъ получаетъ отъ конкретного воплощенія красоты; самый же вопросъ о красотѣ—этотъ ветхій членъ, на которомъ старая эстетика носилась по туманнымъ водамъ метафизики, — остается совершенно въ сторонѣ. Тотъ же Вальтеръ Патеръ, со свойственной англичанамъ неустрашимостью предъ крайними примѣрами, восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ: „Кто бы изъ насъ согласился промѣнять изгибъ одного розоваго лепестка на то недосягаемое существо безъ очертаній, которое такъ превозносить Платонъ!“ И, несмотря на всѣ парадоксальныя выходки ихъ изложенія, нельзя не признать за ними огромной заслуги съ точки зрѣнія эстетическаго воспитанія; они приблизили художественное произведеніе къ человѣку, обративъ изученіе искусства въ изученіе своихъ отъ него впечатлѣній. Этимъ эстетика вводится въ то движеніе человѣческаго разума, въ основаніи котораго лежитъ стародавнее сократовское „Γνώθι σεαυτόν“; путь самопознаванія есть путь почтенный, а самопознаніе, какъ цѣль, далеко не заслуживаетъ презрѣнія; по крайней мѣрѣ, Гёте при-

¹⁾ Walter Pater, „The renaissance“. London, 1883.

²⁾ Vernon Lee, „Belcaro“. London, 1887.

знавалъ, что это есть высшее, чего можетъ достигъ человѣкъ, такъ какъ только черезъ себя онъ можетъ понимать другихъ ¹⁾. Намъ кажется, что сдѣлать искусство предметомъ вѣры никогда никому не удастся, и что можно только привѣтствовать всякую попытку поставить эстетику на близкую и всѣмъ доступную почву личныхъ впечатлѣній.

Другой вопросъ, намѣченный нами выше по поводу возраженія со стороны приверженцевъ слиянія добра и красоты,—вопросъ болѣе практическій,—касался того, насколько эстетическая отзывчивость должна или можетъ идти объ руку съ чуткостью въ добру и злу. Намъ подобный вопросъ кажется даже страннымъ; вѣдь тотъ простой фактъ, что въ жизни существуетъ масса добродѣтельныхъ людей, которые никакихъ эстетическихъ стремленій не испытываютъ, казалось бы, дѣлаетъ совершенно естественнымъ существованіе обратныхъ примѣровъ; и тѣмъ не менѣе мы всегда склонны вѣрить въ добродѣтель таланта, мы всегда испытываемъ разочарованіе, когда узнаемъ что-нибудь безнравственное о художникѣ; но вѣдь мы же не удивляемся тому, что нравственный человѣкъ не артистиченъ—почему же намъ представляется чѣмъ-то такимъ ненормальнымъ отсутствіе нравственности въ художникѣ? Повторяю, — намъ кажется даже смѣшнымъ опровергать подобный взглядъ, но онъ существуетъ и даже весьма распространенъ, а потому мы должны и ему удѣлить нѣкоторое вниманіе; только вмѣсто опроверженій позволимъ себѣ привести примѣръ, который заимствуемъ у того же Оскара Уайльда, о которомъ мы уже упоминали.

Въ своей парадоксальной, но крайне любопытной книжкѣ: „Intentions“, онъ посвящаетъ одну главу жизнеописанію поэта Уэйнрайта; біографія озаглавлена: „Перо, кисть и ядъ“. Оказывается, что названный поэтъ (род. въ 1794 г. въ Чисвикѣ, умеръ въ 1852 г. въ Ванъ-Дименовой Землѣ), который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прекраснымъ живописцемъ, въ своей жизни отравилъ нѣсколько человѣкъ какимъ-то особымъ сильнымъ ядомъ, привезеннымъ изъ Индіи, который онъ носилъ въ своемъ кольцѣ. Это былъ, по словамъ Уайльда, одинъ изъ самыхъ тонкихъ знатоковъ искусства своего времени; своими критическими статьями онъ много способствовалъ пробужденію пластическаго чувства, и артистическое движеніе Англіи почерпнуло значительную долю своей энергіи въ томъ подъемѣ духа, который былъ вызванъ его дѣятельностью. Уэйнрайтъ первый понялъ, въ то время, когда

¹⁾ Goethe, „Shakspeare und kein Ende“.

вся Европа въ поискахъ за новымъ стилемъ воздвигала памятники фальшивой готики и искусственныя развалины, — что понятіе пластическаго вкуса нужно искать въ возвращеніи къ стариннымъ образцамъ; онъ первый сталъ на практикѣ примѣнять тотъ эклектизмъ въ пластической обстановкѣ, который отличаетъ наше время. И этотъ чуткій цѣнитель красоты, который былъ способенъ страдать отъ непріятнаго сочетанія цвѣтовъ, былъ совершенно безразличенъ къ вопросамъ нравственности. Онъ отравляетъ своего опекуна и его жену, чтобы унаслѣдовать ихъ имѣніе, свою красавицу-свояченицу онъ отравляетъ, предварительно застраховавъ ея жизнь въ 18.000 фунтовъ стерлинговъ, и когда, — уже послѣ того, что онъ попалъ, наконецъ, въ руки правосудія, — одинъ изъ его друзей, придя навѣстить его въ темницѣ, возмущается его поступкомъ, онъ пожимаетъ плечами и говоритъ: „Да, конечно, это было ужасно, но у нея были такія толстыя щиколотки!“

Еще гораздо интереснѣе біографическихъ данныхъ, которыя намъ сообщаетъ Уайльдъ, его личное отношеніе къ нимъ и та оцѣнка, которую онъ дѣлаетъ этому характеру. Вотъ на поддержку нѣсколько изреченій. „Тотъ фактъ, что человѣкъ былъ отравителемъ, ничуть не умаляетъ достоинства его прозы“. Разсказавъ о его осужденіи и ссылкѣ, онъ прибавляетъ: „Все-таки есть что-то драматическое, какъ подумаешь, въ томъ, что такое тяжкое наказаніе было наложено на него за то, что, собственно говоря, — если вспомнить его пагубное вліяніе на стиль современной журналистики, — составляло, конечно, не самое злое изъ его преступленій“. „Искусство не забыло его, — такъ кончаетъ онъ свою біографическую замѣтку: „онъ послужилъ героемъ Дикенсовскаго „Hunted Down“, онъ — Варней въ „Лукреціи“ Бульвера; и пріятно отмѣтить, что вымыселъ заплатилъ дань тому, кто былъ такъ силенъ перомъ, кистью и ядомъ. Послужить предметомъ вдохновенія для вымысла — значитъ имѣть больше значенія, чѣмъ любой фактъ“.

Мы здѣсь проходимъ молчаніемъ тѣ стороны этихъ цитатъ, которыя открываютъ болѣе или менѣе устрашающія перспективы на міровоззрѣнія Уайльда вообще, — намъ только хотѣлось указать на этотъ разительный примѣръ сочетанія эстетичности и безнравственности и на отношеніе къ нему такого тонкаго критика, какъ Уайльдъ. Вотъ еще одна, послѣдняя, выписка, изъ которой ясно выступить безстрастность эстетической критики: перечисляя такихъ людей, какъ Неронъ, Тиверій, Цезарь Борджія, онъ говоритъ: „Они могутъ внушать намъ страхъ, отвращеніе, удивленіе,

но они не могутъ вредить намъ, намъ нечего бояться отъ нихъ. Они перешли въ область искусства и науки, и ни искусство, ни наука ничего не знаютъ о нравственномъ одобреніи или неодобреніи“.

Вотъ тѣ крайніе выводы, къ которымъ пришли люди, не убоявшіеся договорить свою мысль до конца, послѣ того, какъ разъ стали на извѣстную точку зрѣнія. Намъ скажутъ, что крайности ничего не доказываютъ, что парадоксальнымъ выводамъ изъ ненормальныхъ явленій нельзя придавать значенія; мы не совсѣмъ согласны съ такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ ненормальностямъ и къ парадоксу: для искателя истины они имѣютъ свою цѣну. Ненормальности своимъ исключительнымъ развитіемъ въ одну какую-нибудь сторону выясняютъ составные элементы той нормальной почвы, на которой онѣ выросли, и такимъ образомъ обличаютъ отысканіе истины; парадоксъ же, благодаря тому, что всегда перескакиваетъ за предѣлы истины, помогаетъ усвоенію ея границъ.

Но предвидимъ другое, болѣе существенное, возраженіе: всѣ три явленія, на которыхъ мы до сихъ поръ останавливались, т.-е. уничтоженіе перспективы времени, освобожденіе отъ метафизики и практическая совмѣстимость эстетичности и безнравственности, собственно говоря, вовсе не присущи самой природѣ искусства; все это—результатъ извѣстнаго *отношенія* къ нему, а потому и выводы не могутъ распространяться на сущность искусства; вѣдь если человѣкъ, махнувшій рукой на нравственность, любитъ красоту, изъ этого еще не слѣдуетъ, что и сама красота не имѣетъ ничего общаго съ нравственностью. Мы бы могли отвѣтить, что если нравственный человѣкъ вѣритъ въ моральную цѣнность красоты, то это точно также еще не служить доказательствомъ тому, что искусство и нравственность непременно *должны* совпадать; но мы слишкомъ хорошо понимаемъ важность возраженія, чтобы отдѣлаться отъ него такимъ легкимъ способомъ, а потому, предоставивъ всякому его собственный взглядъ и субъективное отношеніе къ искусству, перенесемъ наши изслѣдованія на самую природу эстетическихъ ощущеній и постараемся уяснить себѣ, чѣмъ отличаются волненія этого порядка отъ нравственныхъ волненій, которыя намъ причиняютъ другія явленія жизни. Мы увидимъ, что въ самомъ свойствѣ этихъ волненій и въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они возможны, лежитъ корень раздѣленія нравственности и искусства.

III.

До сихъ поръ мы все вращались въ области пластическихъ искусствъ, — пластическихъ въ самомъ исключительномъ смыслѣ этого слова; мы брали искусство только со стороны красивыхъ формъ, и даже живопись, которая подъ пластическими формами имѣетъ возможность выражать ту или другую идею, нами ни разу не была упомянута; мы взяли искусство, такъ сказать, съ его незлобивой, безразличной стороны, съ точки зрѣнія ласканія взоровъ; но искусство, какъ извѣстно, не только ласкаетъ и тѣшитъ, оно не ограничивается однимъ внѣшнимъ раздраженіемъ зрѣнія и слуха: мы сказали въ началѣ, что оно способно поднимать насъ на вершины тѣхъ же самыхъ духовныхъ ощущеній, чрезъ которыя насъ заставляютъ проходить всѣ радостныя и горестныя событія жизни. „И вотъ, — скажутъ намъ противники теоріи искусства для искусства, — вотъ гдѣ слѣдуетъ искать настоящаго разрѣшенія интересующаго насъ вопроса: не въ удовлетвореніи чувству красоты лежитъ моральная цѣнность искусства, а въ тѣхъ духовныхъ радостяхъ и страданіяхъ, которыя оно въ насъ пробуждаетъ *при помощи* чувства красоты. Понятно, что бездѣятельное созерцаніе красивыхъ формъ не можетъ быть одобрено съ точки зрѣнія нравственности, но вѣдь, кромѣ артистической нирваны въ мірѣ пластики, искусство даетъ намъ дѣятельное пробужденіе высокихъ страстей“. Насколько эти страсти дѣятельны и каково ихъ вліяніе на того, кто ихъ испытываетъ, вотъ что намъ предстоитъ разобратъ; не вдаваясь въ психологію эстетическихъ ощущеній, мы постараемся прослѣдить, чѣмъ отличаются страсти, пробуждаемыя въ насъ произведеніями искусства, отъ однородныхъ страстей, пробуждаемыхъ явленіями жизни.

Ясно, что самый цѣнный матеріалъ въ этомъ отношеніи для насъ представить драматическое искусство, такъ какъ вызываемыя имъ волненія ближе всего подходятъ къ волненіямъ жизни; хотя и принято говорить, что музыка пробуждаетъ въ насъ и грусть, и радость, и страхъ, но всякій согласится, что эти ощущенія лишь въ слабой степени похожи на однородныя ощущенія, возбуждаемыя самой жизнью, что мы въ большинствѣ случаевъ только по аналогіи даемъ музыкальнымъ ощущеніямъ такіа названія, которыя ихъ подводятъ подъ ту или другую категорію житейскихъ страстей ¹⁾, а во всякомъ случаѣ, если даже при-

¹⁾ „Enrichir l'âme humaine d'émotions qu'elle ne trouverait pas ailleurs, créer des sentiments nouveaux, les exprimer dans un langage parfaitement clair, univer-

знать, что здѣсь не только аналогія, но и полное тождество, то все же музыка способна вызывать лишь безразличное настроеніе, извѣстное душевное состояніе, но никакъ не активную страсть: музыка никогда не можетъ заставить насъ почувствовать расположеніе или нерасположеніе, а потому ей недоступны именно тѣ житейскія страсти, которыя наиболѣе интересны съ точки зрѣнія нравственности. Совсѣмъ иное дѣло—драматическое искусство: нѣтъ такой страсти человѣческой, изображеніе которой ему было бы недоступно, а слѣдовательно и симпатическое отношеніе къ которой оно не было бы способно вызвать въ зрителѣ. Вотъ эти-то эстетическія волненія, возбуждаемыя театральнымъ представленіемъ, мы и разберемъ теперь, и увидимъ, что чѣмъ ближе искусственно пробуждаемая страсть подходитъ къ истинной страсти, тѣмъ болѣе обостряется вопросъ объ отношеніяхъ искусства и нравственности.

Первый отличительный признакъ всѣхъ эстетическихъ ощущеній—ихъ безкорыстіе, отсутствіе какого бы то ни было элемента прибыли или пользы въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыя они намъ доставляютъ; это есть основное, краеугольное положеніе, которое мы должны признать. Хотя споръ о красотѣ и пользѣ по существу и не относится къ нашему вопросу, тѣмъ не менѣе намъ нельзя обойти его, такъ какъ отъ его разрѣшенія въ ту или въ другую сторону будутъ зависѣть наши дальнѣйшіе выводы.

Вопросъ о раздѣленіи пользы и красоты, собственно говоря, уже давно рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и освященъ такими различными въ своемъ родѣ авторитетами, какъ Кантъ, Шиллеръ и Спенсеръ, но, несмотря на это, все еще встрѣчаются попытки перевести эстетику на зыбкую почву сліянія этихъ двухъ несоединимыхъ элементовъ.

Въ послѣднее время во Франціи много труда, остроумія и любви положилъ на это дѣло Гюйо. Онъ въ своемъ стремленіи отождествить красоту съ полезностью доходитъ до того, что у него всѣ радости жизни, даже самыя несложныя физическія ощущенія, получаютъ эстетическій характеръ; полезность предмета въ его глазахъ сама по себѣ уже обуславливаетъ извѣстную степень эстетичности его (замѣтимъ, что онъ принимаетъ слово „польза“ въ самомъ высокомъ его значеніи, отождествляя его съ добромъ). Но совершенно основательно возражаетъ ему Геннекенъ въ своей „Critique scientifique“, что полезные предметы

только тогда возбуждаютъ эстетическое чувство, когда они, *кромя того*, красивы; корзина съ персиками производитъ эстетическое впечатлѣніе, но можно-ли то-же самое сказать про порцію паштета? ¹⁾

Впрочемъ Гюйо самъ своими собственными доказательствами и крайностью своихъ примѣровъ лучше всего освѣтилъ ложность того пути, на которомъ онъ старается утвердить эстетику. Разъ ставъ на почву сліянія пользы и красоты, онъ долженъ былъ придти къ полному смѣшенію жизни и искусства и для оправданія своей теоріи искать апостериорнаго объясненія всѣхъ пріятныхъ ощущеній жизни съ эстетической точки зрѣнія; и здѣсь онъ приходитъ къ такимъ крайностямъ, которыя, вмѣсто доказательствъ, становятся опроверженіями: такъ, онъ совершенно логически и послѣдовательно, но совершенно неосновательно, долженъ признать эстетическій характеръ за ощущеніями вкуса и запаха. Онъ рассказываетъ ²⁾, какъ онъ однажды въ знойный полдень, прогуливаясь въ Пиренеяхъ, попросилъ у пастуха напиться, какъ тотъ подаль ему крынку холоднаго молока, и какъ ему казалось, что вмѣстѣ съ этимъ молокомъ онъ впивалъ въ себя воздухъ и всѣ ароматы Пиренейскихъ горъ; это ли не эстетическое ощущеніе? „Это была, — говоритъ онъ, — пасторальная симфонія, только я воспринималъ ее не слухомъ, но вкусомъ“. И на этомъ сравненіи утверждается теорія объ эстетическомъ характерѣ ощущенія вкуса. Но какъ же не видѣть того, что въ данномъ случаѣ весь эстетическій элементъ ощущеній есть результатъ субъективнаго привнесенія; что только то, что вызвано ассоціаціей идей, доставляетъ здѣсь эстетическое наслажденіе, въ самомъ же ощущеніи вкуса элементъ красоты отсутствуетъ? Вѣдь ничто не мѣшало нашему автору раздувать эстетическую цѣнность крынки молока до безконечности и, кромѣ пасторальной симфоніи, воспринимать путемъ вкуса и всѣ историческія легенды Пиренейскихъ горъ, и сказаніе о Роландѣ, и весь циклъ Каролингскаго эпоса, но это не значитъ, что ощущеніе вкуса само по себѣ эстетично. Точно также, если запахъ сирени вызываетъ въ нашей памяти красивыя картины и романтическое настроеніе, то не потому, что онъ самъ по себѣ эстетиченъ, ибо другіе запахи, завѣдомо скверные, способны точно также доставлять наслажденіе: затхлый, непріятный воздухъ стараго, заброшеннаго дома вызываетъ въ насъ эстетическія картины минув-

¹⁾ E. Hennequin, „La critique scientifique“, Paris, 1890, p. 27.

²⁾ M. Guyau, „Les problèmes de l'esthétique contemporaine“. Paris, 1891, p. 63.

шей старины, запахъ скотнаго двора рисуеъ намъ прелестныя картины сельской природы и можетъ заставитьъ насъ почувствовать то, что Виргилій называлъ „divini gloria ruris“; тутъ мы можемъ сказать, какъ Гюйо: это есть картина Поля Поттера, только мы ее воспринимаемъ не зрѣніемъ, а обоняніемъ ¹⁾).

Подобные выводы должны заставитьъ усомниться въ правильности основныхъ положеній; да врядъ-ли можно вообще изъ смѣшенія искусства съ жизнью вывести какія-либо точныя эстетическія опредѣленія; намъ кажется, что одно изъ условій ясности заключеній есть строгое разграниченіе одной области отъ другой. Гёте сказалъ: „Die Natur ist von der Kunst durch eine ungeheure Kluft getrent, welche das Genie selbst ohne aüssere Hilfsmittel zu überschreiten nicht vermag ²⁾“. Гюйо не боялся перешагнуть чрезъ эту пропасть; мостомъ ему послужила его отзывчивая и любвеобильная природа, но теорія раздѣленія красоты и пользы имъ не поколеблена. Онъ не доказалъ, какъ справедливо отмѣчаетъ Геннекенъ, двухъ положеній: во-первыхъ, что эстетическое чувство, возбуждаемое полезнымъ предметомъ, однородно съ тѣмъ удовольствіемъ, которое онъ доставляетъ въ то время, когда удовлетворяетъ нашу въ немъ потребность; и во-вторыхъ, что предметы, полезные, пріятные, реальные, живые, могутъ возбуждать эстетическую эмоцію, когда они только полезны, пріятны ³⁾ и т. д.

Итакъ, предметы намъ нравятся эстетически не потому, что полезны, а потому, что красивы ⁴⁾, а когда полезность съ красотою совпадаетъ, то все-же эстетическое воспріятіе предмета совершенно иное, чѣмъ утилитарное; художественное воспріятіе есть, если можно такъ выразиться,—„обезцѣленіе“ полезности: то чувство, которое волнующаяся нива вызвала въ Лермонтовѣ,

¹⁾ Любопытно, что Гюйо, который даетъ себѣ такъ много труда, чтобы объективировать красоту въ полезности, въ большинствѣ своихъ примѣровъ, самъ того не замѣчая, является откровеннѣйшимъ субъективистомъ.

²⁾ „Природа отдѣлена отъ искусства неизмѣримой пропастью, которую даже геній безъ посторонней помощи перешагнуть не въ состояніи“.

³⁾ E. Hennequin, Op. cit.

⁴⁾ Укажемъ мимоходомъ на любопытный опытъ отождествленія красоты съ полезностью, именно на книгу г. Велямовича: „*Психо-физиологическія основанія эстетики*“ (Спб., 1878). И здѣсь многое остается неразъясненнымъ; такъ, если изъ остроумныхъ доказательствъ автора можно вывести, почему толпа крестьянъ, молотящихъ хлѣбъ, красивѣе паровой молотилки, то его объясненія не въ состояніи доказать, почему старая голландская вѣтряная мельница красивѣе новаго американскаго привода. Точно также, если понятно, откуда—красота пейзажа съ лѣсомъ и водою, то непонятна эстетическая цѣнность безводной пустыни.

когда онъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе, ничего общаго не имѣетъ съ чувствами сельскаго хозяина, который смотритъ на ту-же волнующуюся ниву и думаетъ о количествѣ копенъ и умолота. Такимъ образомъ, если предметъ способенъ нравиться съ двухъ различныхъ сторонъ, то и въ человѣкѣ при взглядѣ на предметъ могутъ приходить въ движеніе двѣ совершенно разнородныя категоріи наклонностей, смотря по тому, имѣетъ ли онъ вообще, или въ данный моментъ, большую отзывчивость къ полезности или къ красотѣ; въ первомъ случаѣ будутъ говорить наклонности корыстныя, стоящія въ связи съ необходимостью борьбы за существованіе и инстинктомъ самосохраненія; во второмъ случаѣ—наклонности безкорыстныя, пробуждающіяся только при забвеніи борьбы за существованіе, а иногда прямо противорѣчащія чувству самосохраненія. Отсюда ясно, что тѣ изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, которыя наиболѣе связаны съ борьбою за существованіе, способны дать намъ наименьшее количество эстетическихъ ощущеній; тѣ же чувства, функціи которыхъ не направлены на эту борьбу, остаются свободными для воспріятія красоты; этимъ объясняется, почему въ эстетикѣ зрѣніе и слухъ относятся къ высшимъ чувствамъ, тогда какъ предъ глазами природы вкусъ, обоняніе и осязаніе съ ними по меньшей мѣрѣ равноправны ¹⁾).

Безкорыстіе эстетическихъ ощущеній, слѣдовательно, подтверждается: или—отсутствіемъ элемента полезности въ тѣхъ сторонахъ предмета, которыми они вызываются, или—отсутствіемъ всякаго элемента корысти въ сознаніи того, кто ихъ ощущаетъ. Последнее есть, какъ мы сказали, основное условіе всякаго эстетическаго наслажденія, вытекающее изъ того, что тѣ силы нашей природы, которыя вообще способны эстетически возбуждаться, могутъ быть вызваны къ этой дѣятельности лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ не заняты исполненіемъ своихъ жизненныхъ функцій.

Спенсеръ, обрисовывая происхожденіе искусства съ эволюціонной точки зрѣнія, ясно показалъ, что оно есть результатъ избытка жизненныхъ силъ. Животныя на низшей ступени раз-

¹⁾ Обыкновенно въ пользу эстетическаго характера тѣхъ ощущеній, которыя намъ доставляетъ осязаніе, приводятъ въ примѣръ слѣпорожденнаго, который на ощупь познаетъ красоту формъ. Но забываютъ, что осязаніе въ этомъ случаѣ является органомъ воспріятія красоты лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно *замѣняетъ* зрѣніе, что оно при этомъ исполняетъ такіа функціи, ради которыхъ зрячій къ осязанію не прибѣгаетъ, и что, слѣдовательно, оно доставляетъ ощущеніе эстетическаго порядка именно тою стороною своей дѣятельности, которою оно *уклоняется* отъ своихъ нормальныхъ функцій.

житія поглощены исключительно одной заботой о сохраненіи своего существованія; но чѣмъ выше, тѣмъ болѣе у нихъ является избытокъ силъ, и этотъ избытокъ они начинаютъ тратить на игру: чѣмъ выше родъ животнаго, тѣмъ больше у него замѣчается наклонность къ игрѣ, и, наконецъ, у человѣка является такое сбереженіе силъ, что онъ способенъ ихъ тратить въ цѣлой области имъ самимъ выдуманной; искусство, такимъ образомъ, для человѣка—то же, что игра для животнаго ¹⁾. Къ сожалѣнію, слово „игра“ представляетъ то неудобство, что оно одинаково не-пріятно поражаетъ какъ проповѣдниковъ утилитарнаго искусства, такъ и поклонниковъ искусства чистаго; но если превозмочь въ себѣ то коробящее чувство, которое возбуждаетъ въ насъ это приравненіе искусства къ кувырканію собаки на травѣ, то нельзя не согласиться, что эта теорія вноситъ свѣтъ и порядокъ въ разграниченіе эстетическихъ ощущеній отъ фیزیологическихъ, и что придти путемъ опыта и наблюденія къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ пришелъ романтикъ Шиллеръ ²⁾ путемъ умозрительнымъ и силою художественнаго инстинкта, во всякомъ случаѣ не предосудительно.

Къ нѣкоторымъ изъ затронутыхъ нами вопросовъ мы еще вернемся, въ частности къ вопросу о чувствѣ самосохраненія, а пока, отмѣтивъ въ послѣдній разъ характеръ безкорыстія эстетическихъ ощущеній, перейдемъ къ ихъ другому отличительному признаку—къ ихъ неактивности и, слѣдовательно, бесплодности въ данный моментъ.

Въ самомъ началѣ былъ нами поставленъ вопросъ, по поводу чувствъ, возбуждаемыхъ театральнымъ представленіемъ: позволительно ли искать такихъ удовольствій, которыя заставляютъ дрожать самыя священныя струны нашей природы безъ практическаго приложенія? Но такъ какъ не всѣ, можетъ быть, согласны съ такимъ непризнаніемъ практическаго характера за эстетическими эмоціями, то постараемся его выяснить и доказать.

Всякое душевное волненіе, вызванное тѣмъ или другимъ событіемъ жизни, есть исходная точка для дальнѣйшаго движенія, которое въ концѣ концовъ приводитъ къ дѣйствию; можно сказать, что всякое волненіе, которое является результатомъ прикосновенія жизни, идетъ обратно въ жизнь въ видѣ дѣятельной силы; всякое нравственное потрясеніе, если оно и не вызываетъ немедленнаго дѣйствія въ данномъ субъектѣ, то чрезъ него вліяетъ

¹⁾ Н. Spencer, „Principes de psychologie“. Paris 1875, t. II, p. 661—663.

²⁾ Schiller, „Ueber die ästhetische Erziehung des Menschen“, Brief 15.

на другихъ и такимъ образомъ представляеть изъ себя начало цѣлаго сцѣпленія душевныхъ состояній и дѣйствій; не можетъ быть въ жизни такого волненія, которое могло бы возникнуть и пропасть, какъ искра въ темнотѣ, потому что никакое волненіе жизни не служить само себѣ цѣлью. Посмотримъ, такъ ли въ искусствѣ; возьмемъ самое сильное потрясеніе, какое оно можетъ дать намъ—слезы состраданія въ театрѣ. Послѣ вышеизложеннаго, прежде всего должно намъ броситься въ глаза то, что это потрясеніе не вызываетъ въ насъ ни одного изъ тѣхъ движеній, которыя вызвало бы подобное же, и даже меньшее, потрясеніе въ жизни. Вѣдь мы не кидаемся на помощь того, кого на сценѣ истязуютъ; мы не собираемъ послѣднихъ нашихъ денегъ, чтобы выручить изъ бѣды погибающее семейство; мы не бросаемся вмѣстѣ съ Дездемоной къ ногамъ Отелло, чтобы крикнуть ему въ лицо, что Яго жжетъ, что платокъ попалъ въ руки Кассіо безъ ея вѣдома, а вѣдь мы бы могли однимъ словомъ прекратить страданія этихъ любящихъ существъ. Но если бы мы и могли и захотѣли,—кому бы мы помогли?—вѣдь они не существуютъ, вѣдь это вымыселъ, зачѣмъ же и помогать имъ? Изъ всего, что здѣсь въ театрѣ происходитъ, только одно реально существуетъ—наше волненіе, изъ котораго мы никакимъ активнымъ движеніемъ выйти не можемъ; да наконецъ мы и не желаемъ выходить изъ него: мы за тѣмъ и пришли въ театръ, чтобы испытать его, мы его искали, и намъ было бы обидно, если бы актеръ намъ его не далъ.

Отсюда уже ясно обрисовывается разница страсти въ жизни и страсти въ театрѣ. Въ жизни страсть есть начало, толчокъ, это нѣчто переходное, на чемъ мы даже не останавливаемся, потому что когда она намъ причиняетъ страданіе,—мы стремимся ее погасить въ дѣйстви, когда она намъ доставляетъ наслажденіе—мы стремимся ее удовлетворить въ дѣйстви; страсти въ театрѣ неудовлетворимы, это ясно изъ предыдущаго, но таковы же удѣлъ всѣхъ эстетическихъ вожделѣній вообще. Всѣ волненія, вызываемыя искусствомъ, неугасимы; они могутъ утихнуть, потому что перестаетъ на насъ дѣйствовать тотъ предметъ, который ихъ вызвалъ, но естественнымъ ходомъ развитія они не могутъ прекратиться; всякое вожделѣніе удовлетворяется обладаніемъ, красота же обладанію не поддается; отсюда та неутолимость эстетическихъ стремленій, которою они отличаются отъ всѣхъ жизненныхъ страстей; эстетическое наслажденіе состоитъ не въ удовлетвореніи страсти, но въ поддержаніи ея; это—голодъ безъ насыщенія, горѣніе безъ сгаранія.

Итакъ, страсти, возбуждаемая театральнымъ представленіемъ, неудовлетворимы, потому что страсть, вызываемая жизнью, удовлетворяется дѣйствіемъ; эстетическая же страсть, вызываемая изображеніемъ жизни, по существу исключаетъ всякій переходъ въ дѣяніе, она бездѣтельна, а потому въ тотъ моментъ, когда возникаетъ и пока длится,—она для жизни бесплодна. Въ то время, какъ страсть житейская есть нѣчто такое, изъ чего мы стремимся выйти, страсть въ театрѣ есть сама себѣ цѣль, это есть среда, въ которой мы пребываемъ, и пребываніе въ которой намъ доставляетъ наслажденіе,—вотъ новое отличіе сценическихъ волненій: какое бы грустное зрѣлище передъ нами ни происходило, какія бы горючія слезы мы ни проливали,—мы въ это время не страдаемъ, а наслаждаемся, потому что если бы театръ причинялъ намъ страданіе, то мы бы давно перестали ходить въ него. Мы плачемъ, но мы не уязвлены, мы соболѣзуемъ, но намъ не больно; подобно тому, какъ еслибы мы могли подойти къ подводному міру и сквозь хрустальную доску гигантскаго акваріума смотрѣть на копошащихся за нею гадовъ,—такъ смотримъ мы на развертывающуюся предъ нами картину человѣческихъ страданій: жгучесть ихъ прикосновенія ослаблена, ядовитость ихъ нейтрализована; осталась одна возбуждательность, а всякое возбужденіе жизненныхъ функцій само по себѣ пріятно, и мы ему отдаемся. Можно не раздѣлять мнѣнія Лессинга, что конечная цѣль всякаго искусства—удовольствіе ¹⁾, но нельзя отрицать, что удовольствіе есть одинъ изъ входящихъ элементовъ всякаго эстетическаго волненія,—можетъ быть, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не самый уважительный элементъ, но во всякомъ случаѣ самый необходимый, безъ котораго эстетическаго волненія не бываетъ и быть не можетъ.

Такимъ образомъ, мы вывели слѣдующія отличительныя черты, которыми эстетическія страданія отличаются отъ реальныхъ: ихъ *безкорыстіе*—потому что они не вызываются соображеніями пользы; ихъ *бесплодность*—потому что они не переходятъ въ дѣйствіе; ихъ *безпредметность*—потому что они направлены на вымыселъ; ихъ *безболѣзненность*—потому что они не уязвляютъ, но доставляютъ наслажденіе.

Здѣсь намъ нельзя обойти одного важнаго вопроса, который занималъ многихъ психологовъ и эстетиковъ, а именно—разнятся ли эстетически вызываемыя страсти отъ реальныхъ по существу, или только качественно? есть ли это двѣ совершенно разно-

¹⁾ „Der Endzweck der Künste ist Vergnügen“. Lessing, „Laocoon“.

родныя области ощущеній, результатъ двухъ различныхъ психическихъ способностей, или это совершенно тождественныя ощущенія, только приводимыя въ дѣйствіе при разныхъ условіяхъ, вызываемыя разными причинами, а потому и дающія разные результаты?

Хотя только-что приведенныя нами различія между волненіями жизни и эстетическими волненіями настолько существенны, что казалось бы опредѣляютъ собою ихъ полнѣйшее нетождество, тѣмъ не менѣе намъ представляется труднымъ признать такое существованіе двухъ различныхъ источниковъ аналогичныхъ явленій; трудно допустить, чтобы человѣкъ былъ снабженъ двумя различными психическими аппаратами,—однимъ для жизни, другимъ для искусства. Искусство есть результатъ отвлеченія красоты изъ жизни и ея воплощенія въ области вымысла, и эстетическое волненіе есть уклоненіе психическихъ способностей отъ жизни и ихъ приложеніе въ области вымысла; одинъ и тотъ же психическій механизмъ дѣйствуетъ и въ жизни, и въ искусствѣ, но результаты не похожи, потому что поле дѣйствія другое.

Спенсеръ говоритъ, что тѣ же самыя силы приходятъ въ движеніе, но разница въ томъ, какъ наше сознаніе относится къ результатамъ этого движенія: скользнуть ли оно по нимъ, видя предъ собою лишь конечную цѣль—дѣйствіе, или занято исключительно ими изъ желанія сохранить ихъ возможно дольше ¹⁾.

Геннекенъ рядомъ тонкихъ разсужденій, повторяетъ которыя здѣсь было бы слишкомъ долго, приходитъ къ тому же выводу, т.-е., что страсть, вызываемая эстетическимъ волненіемъ, есть бездѣятельная форма обыкновенной страсти, и что такимъ образомъ и та и другая—результатъ того же самого механизма ²⁾.

Можно еще предложить одно практическое доказательство въ пользу той же теоріи. Если допустить двѣ совершенно разныя категоріи страстей, то люди съ наиболѣе утонченнымъ эстетическимъ воспитаніемъ одни могли бы испытывать наивысшую степень состраданія въ театрѣ; между тѣмъ мы видимъ, что люди простые, наивные, безъ всякаго эстетическаго воспитанія, способны даже на гораздо болѣшую отзывчивость къ страданіямъ, которыя видятъ на сценѣ. Очевидно, въ нихъ дѣйствуетъ подъ давленіемъ искусства общій аппаратъ жизненныхъ страстей ³⁾.

¹⁾ Н. Spencer, Op. cit., p. 683.

²⁾ E. Hennequin, Op. cit., p. 31—40.

³⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеизображенными страстями то художественное наслажденіе, которое имъ можетъ сопутствовать, а можетъ—и нѣтъ, и степень котораго, конечно, стоитъ въ зависимости отъ утонченности эстетическаго воспитанія.

IV.

Вотъ бѣглый очеркъ главнѣйшихъ признаковъ, которыми эстетическія волненія отличаются отъ волненій жизни; мы разоблачили тѣ стороны ихъ, разъясненіе которыхъ намъ казалось существеннымъ для уясненія интересующаго насъ вопроса. Изъ всего сказаннаго ясно, что мы должны искать нравственную цѣнность эстетическихъ волненій не въ томъ, какъ они проявляются въ жизни, ибо они для жизни бесплодны, а въ томъ, какое вліяніе они имѣютъ на того, кто имъ предается; если они не даютъ немедленнаго результата въ видѣ дѣятельнаго перехода въ жизнь, то они исподволь оказываютъ вліяніе на внутренній строй человѣка, такъ что извѣстныя его наклонности, возрѣнія, а потому и дѣйствія, должны быть объясняемы, какъ результатъ вліянія на него искусства. Вліяніе это, по словамъ Геннекена, имѣетъ двѣ стороны, — одну неблаготворную, а другую благотворную.

Неблаготворность эстетическихъ волненій ясна, кажется, изъ предъидущаго очерка: приводя въ движеніе извѣстную группу душевныхъ способностей и направляя ихъ въ область вымысла, искусство не только отвлекаетъ ихъ отъ жизни въ данный моментъ, но постепенно отъучаетъ ихъ вообще отъ трудной и мучительной работы на жизненной почвѣ; оно пріохочиваетъ ихъ къ тому неактивному раздраженію безъ боли, въ которое ихъ приводитъ соприкосновеніе съ красотою, и такимъ образомъ атрофируетъ для жизни самыя необходимыя для нея силы. Паденіе воли, ослабленіе энергіи — вотъ результаты этой стороны воздѣйствія искусства, какъ на единичнаго человѣка, такъ и на цѣлыя націи. На рядѣ историческихъ примѣровъ Геннекенъ показываетъ, какъ пышный расцвѣтъ искусства предшествовалъ паденію государственнаго строя и гибели многихъ народовъ. Но, кромѣ этого пагубнаго, есть и благотворное вліяніе искусства: люди по природѣ черствые, грубые, неспособные къ состраданію, — если только искусство ихъ сумѣетъ заинтересовать, — непременно должны будутъ прочувствовать тѣ высокія движенія души, которыя вызываетъ видъ чужого страданія; взволнованные сначала фиктивнымъ горемъ, они потомъ получаютъ возможность отзываться и на реальныя страданія; мало-по-малу то количество зла, которое человѣкъ былъ способенъ причинять ближнему, будетъ уменьшаться соразмѣрно съ его способностью соболѣзновать. Вотъ какимъ

путемъ искусство смягчаетъ нравы ¹⁾. Не трудно подмѣтить уязвимость только-что изложенной теоріи съ исторической точки зрѣнія. Геннекенъ думаетъ, что разрѣшилъ задачу о нравственномъ значеніи искусства, признавъ одновременное существованіе двухъ противоположныхъ вліяній. Не говоря уже о томъ, что довольно трудно опредѣлить равнодѣйствующую этихъ двухъ силъ, намъ кажется, что само ихъ раздѣленіе теоретично и не оправдывается практикой. Начавъ съ разсмотрѣнія неблагоотворнаго вліянія искусства, Геннекенъ не замѣтилъ, что онъ началъ съ конца, и что-то, что онъ считалъ двумя параллельными движеніями, есть просто постепенное видоизмѣненіе одного и того же движенія. Начнемъ съ благотворнаго вліянія искусства,—мы непременно придемъ къ неблагоотворному. Тѣ же самыя итальянскія республики, которыя, по справедливому замѣчанію Геннекена, во многомъ обязаны своимъ паденіемъ разслабляющему вліянію искусства, прежде чѣмъ дойти до разслабленія, испытали его благотворное дѣйствіе. Франція Людовика XIV пала, между прочимъ, истощенная утончающимъ вліяніемъ искусства, но то же утончающее вліяніе, между прочимъ, вывело ее изъ мрака Меровингскихъ временъ. Въ мірѣ все развивается органически, и если само искусство имѣетъ свое зарожденіе, свой расцвѣтъ и свой упадокъ, то и вліяніе искусства имѣетъ свои стадіи, смотря по тому, на какую почву оно падаетъ.

Изъ тѣхъ культурно-историческихъ примѣровъ, которые приводитъ Геннекенъ, мы должны, слѣдовательно, вывести заключеніе, что всякій народъ, если хочетъ сохранить бодрость и свѣжесть своихъ силъ, долженъ умѣть въ-время остановиться въ своемъ увлеченіи искусствомъ, чтобы не подпасть его атрофирующему вліянію. Задача, очевидно, трудная, но которая становится еще труднѣе, если мы приложимъ ее не къ цѣлому народу, а къ отдѣльнымъ личностямъ, изъ которыхъ народъ составляется. Человѣкъ рождается не на первой стадіи человѣческаго развитія,—онъ съ момента своего рожденія принадлежитъ тому періоду эстетической культуры, который присущъ его эпохѣ; исторія индивидуальнаго эстетическаго развитія поэтому не представляетъ собой уменьшенную картину развитія народа; вся подготовительная работа, которою народъ дошелъ до даннаго момента, вложена въ человѣка наслѣдственно, если онъ принадлежитъ къ культурной расѣ: искусство застаётъ человѣка съ самыхъ юныхъ лѣтъ под-

¹⁾ Е. Hennequin, *Op. cit.* p. 200—210 Это положительное вліяніе эстетически возбуждаемыхъ страстей собственно сводится къ теоріи Аристотеля объ „Очищеніи“. См. книгу Д. В. Аверкіева: „О Драмѣ“. Спб., 1893, стр. 209—213.

готовленнаго подпасть подъ то вліяніе, которое оно оказываетъ на современную ему эпоху: понятно, какъ трудно человѣку одаренному сильными эстетическими стремленіями, и который вступаетъ въ жизнь въ позднѣйшую эпоху эстетической культуры, не поддаться разслабляющему вліянію искусства. Если не легко опредѣлить для цѣлаго народа ту точку, на которой ему слѣдовало остановиться въ своихъ эстетическихъ увлеченіяхъ, то какъ же указать ее человѣку, который начинаетъ развитіе и примѣненіе своихъ способностей уже въ сферѣ нежелательныхъ результатовъ, предшествовавшихъ эпохъ. Нравственно-облагораживающая цѣнность искусства здѣсь становится въ зависимость отъ природы того человѣка, на котораго оно дѣйствуетъ. Чѣмъ человѣкъ проще, ближе къ природѣ, чѣмъ меньше въ немъ унаслѣдованныхъ результатовъ эстетической культуры предъидущихъ поколѣній, тѣмъ лучшую почву найдетъ искусство для благотворнаго воздѣйствія; напротивъ, чѣмъ утонченнѣе, чѣмъ дальше отъ природы человѣкъ, чѣмъ больше въ немъ безсознательныхъ результатовъ унаслѣдованной культуры, тѣмъ менѣе искусство будетъ въ состояніи выказать на немъ свое облагораживающее вліяніе и тѣмъ лучшую почву найдетъ оно для безплоднаго отвлеченія и атрофированія жизненныхъ силъ. Вотъ почему то же самое искусство, которое на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія находитъ полный просторъ для благотворнаго и нравственнаго вліянія, можетъ сдѣлаться въ культурныхъ расахъ, и въ особенности въ такъ называемыхъ высшихъ слояхъ общества, безнравственнымъ источникомъ душевнаго квіэтизма, артистическаго эпикурейства и полной духовной атараксіи въ сферѣ практической жизни.

По той же причинѣ, когда намъ случается встрѣтить человѣка, который условіями жизни поставленъ въ необходимость вѣчно думать о поддержаніи своего существованія, и который, несмотря на это, временами находитъ въ своей душѣ откликъ на прекрасное, мы проникаемся величайшимъ уваженіемъ къ нему: его увлеченіе красотой является результатомъ побѣды духа надъ матеріальными заботами, онъ на время заставилъ замолчать въ себѣ инстинкты первѣйшей необходимости, для того, чтобы среди жизненной нищеты подарить себѣ то, чего не можетъ купить ни одинъ богачъ, если въ немъ нѣтъ художественной искры. Напротивъ, человѣкъ, самую жизнь избавленный отъ заботы о сохраненіи, который ничѣмъ не рискуетъ, удѣляя значительную долю своего времени и своихъ способностей на художественное созерцаніе, являетъ намъ картину мягкаго, изнѣженнаго сибаритизма и внушаетъ невольное недовѣріе какъ къ силѣ своего

характера, такъ и къ самой искренности своихъ увлеченій. Въ первомъ случаѣ мы видимъ результатъ борьбы духа, идущаго противъ теченія и вырывающагося изъ горнила жизни на свободу; во-второмъ случаѣ—результатъ отсутствія борьбы, характеръ, покойно плывущій по теченію и, можетъ быть, въ горнилѣ жизни никогда не бывавшій. Два полюса этого контраста представляютъ изъ себя съ одной стороны художникъ, который изъ нищеты и мрака неизвѣстности силою своего таланта возносится на вершину славы, съ другой стороны—любитель-коллекціонеръ, который, родившись на вершинѣ соціальной лѣстницы, окруженный полнымъ благосостояніемъ, умираетъ ненужный для міра и уноситъ съ собою въ могилу свою безплодную любовь къ красотѣ.

Эта сторона воздѣйствія искусства станетъ намъ еще яснѣе, когда мы рассмотримъ тѣ условія, при какихъ эстетическія волненія вообще возможны: постараемся ихъ выяснитъ, чтобы тѣмъ окончательно обнажить искусство предъ судомъ нравственности.

Мы упоминали выше о томъ, что эстетическое волненіе есть результатъ такихъ наклонностей, которыя не связаны съ чувствомъ самосохраненія; мы увидимъ ниже, что оно возможно въ человѣкѣ лишь при условіи сознанія своей безопасности.

Возьмемъ самый простой примѣръ. Предъ нами картина, изображающая тусклый, непривѣтливый ноябрьскій день: съ сѣраго, низкаго неба, накрапываетъ холодный дождикъ; по необозримой равнинѣ тянется унылая дорога, и по грязнымъ лужамъ, между колеями, въ которыхъ сверкаетъ дождевая вода, идетъ продрогшій путникъ; ему холодно, ему жутко, дорога безконечна, мелкій дождь колетъ ему лицо, но мы смотримъ на картину и наслаждаемся,—наслаждаемся именно всѣмъ тѣмъ грустнымъ и непривѣтливымъ, что на ней изображено. Теперь представьте, что мы сами попали въ такую обстановку, что мы сами тотъ путникъ, который ступаетъ по грязи,—будемъ ли мы способны къ какому-нибудь эстетическому воспріятію того самаго пейзажа, изображеніе котораго намъ доставляло такое удовольствіе? конечно, нѣтъ; достаточно будетъ перваго болѣзненнаго прикосновенія природы, чтобы сразу пресѣчь всякую попытку на эстетическое отношеніе къ дѣйствительности; почему? потому что между нашими эстетическими наклонностями и тѣмъ предметомъ, который вызывалъ ихъ къ дѣятельности, закралось чувство самосохраненія, потому что, вмѣсто того, чтобы возбуждать художественные инстинкты нашей природы, окружающая дѣйствительность бьетъ по самымъ жизненнымъ ея инстинктамъ и такимъ образомъ не оставляетъ ни мѣста, ни досуга для отвлеченія.

Кто захочетъ распространить этотъ частный примѣръ на всѣ искусства вообще, тотъ долженъ будетъ признать, что непремѣнное условіе эстетическаго волненія, безъ котораго оно прямо невозможно, есть усыпленное чувство самосохраненія: достаточно этому чувству пробудиться, чтобы самое сильное художественное волненіе исчезло подъ натискомъ дѣйствительности, чтобы самыя яркія картины въ мірѣ вымысла и отвлеченія пропали отъ прикосновенія жизни, какъ марево въ пустынѣ.

Такимъ образомъ воспріятіе красоты въ природѣ возможно лишь при сознаніи своей безопасности; то же самое море, которое было для насъ полно прелести, пока мы мирно плыли по его поверхности, теряетъ для насъ всякую эстетическую цѣнность, какъ только нашъ челнъ подвергается опасности; но красота опять вступаетъ въ свои права, когда мы, выбравшись на берегъ, смотримъ на разъяренную стихію съ высоты гранитнаго утеса. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что увѣренность въ безопасности должна возрастать соразмѣрно грандіозности того зрѣлища, которымъ мы любуемся: чѣмъ больше наше физическое ничтожество предъ какимъ-либо явленіемъ, тѣмъ больше нужно намъ сознаніе безопасности для того, чтобы овладѣть нравственнымъ его смысломъ и быть въ состояніи имъ любоваться. Еслибы Плиній, взобравшійся на Везувій, чтобы наблюдать изверженіе, не былъ засыпанъ лавою, и могъ видѣть гибель Геркуланума и Помпеи, то, конечно, онъ испыталъ бы одно изъ сильнѣйшихъ впечатлѣній, какія человѣку дано испытать въ области возвышеннаго. Неронъ задалъ себѣ одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ эстетическихъ праздниковъ, когда съ высоты Палатинскихъ дворцовъ, глядя на пылающій Римъ, воспѣвалъ пожаръ Трои; если онъ могъ пѣть въ такой моментъ, то потому, что зналъ, что его дворецъ не загорится ¹⁾.

¹⁾ Кому случалось наблюдать за впечатлѣніемъ страшнаго зрѣлища на дѣтей, тотъ могъ замѣтить, что ощущеніе удовольствія и радости наступаетъ лишь по окончаніи представленія, такъ сказать, по минованіи опасности. Намъ пришлось однажды видѣть въ циркѣ, какъ ребенокъ въ неистовомъ восторгѣ хлопалъ въ ладоши и требовалъ повторенія какого-то фокуса, который сопровождался пальбой изъ револьвера; какъ только желанная пальба возобновлялась, онъ съ ужасомъ пряталъ свое лицо въ шубу матери и оставался такъ во все время перестрѣлки, но лишь только пальба прекращалась, онъ, сіяющій, выскакивалъ къ рампѣ и аплодировалъ пуще прежняго. Очевидно, ребенокъ не имѣлъ силы противопоставить чувству ужаса сознаніе безопасности, и потому удовольствіе, вмѣсто того, чтобы вытѣснить ощущеніе страха, съ нимъ чередовалось: пока длился страхъ, не было удовольствія, но какъ только возвращалось сознаніе безопасности, онъ, такъ сказать заднимъ числомъ, восторгался тѣмъ самымъ, что за минуту передъ тѣмъ его повергало въ ужасъ.

Но жизнь не можетъ дать намъ всегда то сознаніе безопасности, которое необходимо для отвлеченія изъ нея красоты, и вотъ есть люди, которые полагаютъ въ этомъ работу своей жизни; художники отвлекаютъ красоту изъ природы, воплощаютъ ее въ матеріи, и въ искусствѣ создаютъ такую область, въ которой человѣкъ можетъ безъ опасенія для себя наслаждаться всякимъ проявленіемъ красоты. И въ этомъ опять-таки заключается обоюдострое оружіе искусства. Раскрываясь человѣку только въ тѣ минуты, когда онъ свободенъ отъ заботы самосохраненія, оно съ одной стороны заставляетъ его искать всевозможныхъ предлоговъ, чтобы стряхнуть съ себя эту заботу, и своею заманчивою прелестью отвлекаетъ его отъ житейскихъ обязанностей въ отношеніи себя самого и ближняго; но съ другой стороны, — своимъ могущественнымъ вмѣшательствомъ въ жизнь, врываясь въ душевный строй человѣка помимо него, иногда въ самые тяжелые часы борьбы за существованіе, искусство силою своего очарованія извлекаетъ человѣка изъ житейской борьбы, даруетъ ему минуты отдыха и покоя, а потому и силу на дальнѣйшее исполненіе своего долга.

Укажемъ здѣсь на послѣднюю опасность со стороны искусства, которая собственно не является прямымъ его результатомъ, но которая, конечно, въ искусствѣ встрѣчаетъ сильную поддержку. Мы говоримъ объ исключительномъ развитіи эстетическаго отношенія къ дѣйствительности.

Люди, одаренные отъ природы слишкомъ чуткою отзывчивостью къ красотѣ, склонны всякое явленіе жизни оцѣнивать прежде всего, а иногда исключительно, съ эстетической точки зрѣнія. Не трудно убѣдиться, къ какимъ результатамъ должна привести эта способность откликаться *только* на красоту явленій и находить въ своей душѣ запасъ негодованія и порицанія *только* для уродливости ихъ; необходимое условіе наслажденія красотой — усиленное чувство самосохраненія — становится здѣсь необходимымъ условіемъ жизни, и всѣ старанія человѣка направлены къ тому, чтобы усыпить его путемъ разобщенія со всѣмъ, чтѣ въ жизни причиняетъ болѣзненное прикосновеніе — прежде всего съ чужою жизнью, съ чужимъ горемъ. Тогда вырабатывается способность смотрѣть на чужія страданія, какъ мы смотримъ на нихъ въ театрѣ, т.-е. плакать слезами, которыя не причиняютъ боли; тогда преступленіе можетъ вызвать восторгъ своею красотой вмѣсто того, чтобы вырвать крикъ негодованія своей безнравственностью. Тутъ уже нѣтъ границъ въ смыслѣ уклоненія отъ нравственнаго закона; отъ безразличія къ чужому горю не далеко до насла-

жденія чужими страданіями; звѣрства такихъ людей, какъ Неронъ и Иванъ Грозный, гораздо глубже коренятся въ ихъ эстетическихъ инстинктахъ, чѣмъ въ физическихъ; они истязали не потому, что удовлетворяли свою кровожадность, но потому, что упивались красотою преступленія. Калигула былъ утонченный эстетикъ зла, когда жалѣлъ о томъ, что у всѣхъ людей не одна голова, для того, чтобы заразъ обезглавить человѣчество; онъ сознавалъ не-утолимость своихъ вождѣлнй и предпочиталъ уничтожить самый предметъ своихъ желаній.

Въ наши времена подобныя излишества уже немислимы, но значить ли это, что въ современныхъ намъ людяхъ съ слишкомъ односторонними инстинктами не таится возможное ихъ пробужденіе? Люди въ наше время такъ не поступаютъ? Но вѣдь нравственная цѣнность человѣка измѣряется не тѣмъ, чего онъ не дѣлаетъ, а тѣмъ *по какимъ побужденіямъ* онъ не дѣлаетъ. Но когда вся жизнь съ своимъ безконечнымъ разнообразіемъ добра и зла, правды и неправды, можетъ превратиться въ одинъ матеріалъ для эстетическаго отвлеченія, когда весь міръ можетъ превратиться въ Пантеонъ для созерцанія красоты, то невольно приходится придти къ заключенію, что поклоненіе красотѣ ведетъ въ другую сторону, а не къ поклоненію добру ¹⁾.

Подобное отношеніе къ дѣйствительности должно дать въ порядкѣ нравственныхъ явленій результатъ, который можно сравнить съ тѣмъ, что бы получилось въ мірѣ физическомъ отъ свѣденія трехъ измѣреній къ двумъ: люди, явленія, дѣянія, какъ бы теряютъ свой объемъ и представляютъ одну лишь поверхность, — тѣло исчезаетъ, остается одѣяніе; ибо сущность, зерно всего существующаго заключается въ его нравственной цѣнности, а видѣтъ въ явленіяхъ одну лишь эстетическую цѣнность — значить превращать вселенную въ пустоцвѣтъ. Достоевскій сказалъ, что „красота спасетъ міръ“, — нѣтъ, когда міръ будетъ спасенъ, онъ будетъ спасенъ добромъ, а тѣ, кто называетъ добро нравственною красотой, отдѣлываются игрою словъ; красота не есть добро, и если они могутъ совпадать, то это не доказываетъ ихъ тождества; красота не можетъ замѣнить добра, точно такъ, какъ вкусъ не можетъ замѣнить совѣсти.

¹⁾ Древняя Греція, которая возвела поклоненіе красотѣ въ религію, должна была принять подъ покровительство закона такіе способы сбереженія красоты женскаго тѣла, которые претятъ нравственному чувству и во всѣ времена считались и считаются позорными.

Вотъ тѣ факты, мысли и соображенія, съ которыми приходится считаться, если поставить вопросъ объ отношеніяхъ нравственности и искусства такъ, какъ мы его поставили въ началѣ нашего изслѣдованія; далеко не считаемъ исчерпаннымъ весь матеріалъ, который затрогиваетъ интересующій насъ вопросъ, но думаемъ, что предъидущія разсужденія позволяютъ намъ придти къ нѣкоторымъ заключеніямъ о нравственной цѣнности искусства.

Само по себѣ оно ни нравственно, ни безнравственно—оно *безразлично*. Это безразличіе именно и есть то свойство, которое ставитъ вліяніе искусства въ зависимость отъ почвы, на которую оно падаетъ, и обусловливаетъ противоположность его результатовъ съ точки зрѣнія нравственности. Если же мы въ нашемъ изслѣдованіи останавливались преимущественно на его безнравственныхъ результатахъ, то не потому, чтобы мы говорили вмѣстѣ съ Оскаромъ Уайльдомъ: „All art is immoral“, не потому, чтобы мы не понимали, какимъ могучимъ *союзникомъ* искусство можетъ сдѣлаться для увлеченія человѣка на путь добра, или отрицали участіе искусства въ историческомъ стремленіи человѣчества къ совершенствованію, но потому что хотѣли этимъ путемъ ярче выставить раздѣльность эстетическаго и этического критеріевъ. Ясно, что искусство заключаетъ въ себѣ огромную силу, способную при *исключительномъ* своемъ развитіи увлечь человѣка въ сторону совершенно противоположную нравственности. Не даромъ съ незапамятныхъ временъ искусство устрашало всѣхъ радѣтелей нравственности, и не съ одной только цензурной точки зрѣнія по отношенію къ содержанію его. Мы, конечно, не говоримъ о тѣхъ обскурантныхъ воззрѣніяхъ, которыя смотрѣли на театръ какъ на бѣсовскія игрища,—самые свѣтлые, просвѣщенные умы предпочитали изъять изъ жизни этотъ опасный стимулъ искусственныхъ страстей. Платонъ, который самъ былъ однимъ изъ величайшихъ поэтовъ міра, изгналъ поэтовъ изъ своей республики; Сенека громилъ противъ расслабляющаго вліянія театральныя представленія; кому не извѣстно отношеніе представителей церкви къ искусству, которые видѣли въ немъ—и не въ первыя только времена христіанства—самое сильное подстрекательство къ наслажденію земными благами? Во всѣхъ этихъ опасеніяхъ если и не выражено прямо, то чувствуется не столько боязнь предъ безнравственными сюжетами, сколько боязнь красоты; извѣстно, что многіе аскетическіе писатели возставали даже противъ благолѣпнаго пѣнія въ церквахъ. Единственно страхомъ предъ красотой объясняется это инстинктивное недовѣріе къ искусству, и послѣ тѣхъ крайностей, которыя мы видѣли, нельзя не признать нѣкотораго осно-

ванія за этими опасеніями,—только прибавимъ тутъ же, что одинаковаго опасенія заслуживаетъ всякое увлеченіе крайностью: и наука можетъ иссушить ученаго и атрофировать его для жизни, и слишкомъ исключительное исполненіе нравственнаго предписанія религіи о личномъ спасеніи можетъ превратиться въ своего рода эгоизмъ.

Итакъ, нравственность и искусство представляютъ изъ себя двѣ раздѣльныя области; само ихъ проникновеніе въ жизнь настолько различно, что исключаетъ обязательность совпаденія: они очерчены различными границами. Принципъ нравственности—обузданіе, она исключаетъ извѣстныя формы развитія жизни; принципъ искусства—свобода, оно допускаетъ всѣ формы развитія жизни и, по выраженію одного французскаго критика ¹⁾, „не знаетъ иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя ему предписываютъ красота и вкусъ“.

Также точно разграничены и тѣ стороны нашей природы, которыми мы познаемъ *красоту* (явленій или *доброту* ихъ ²⁾). Этимъ объясняется, почему насильственное привлеченіе элемента нравственности въ искусство никогда не давало богатыхъ результатовъ съ точки зрѣнія эстетики. Еще Шиллеръ жаловался на то, что усиленное стремленіе сдѣлать нравственно-прекрасное конечной цѣлью искусства дало такъ много посредственнаго какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи искусства ³⁾. „Comme la morale et l'art sont l'une et l'autre de belles et bonnes choses“,—сказалъ другой французскій писатель ⁴⁾. „On a pensé, bien à tort, qu'en les mêlant on rendrait le plaisir plus intense et plus salutaire“. Нѣтъ, какъ несліянны эти двѣ области, такъ несоединимы и тѣ наслажденія, которыя онѣ доставляютъ. Самую блистательную неудачу въ этомъ отношеніи представляетъ попытка Джона Роскина объяснить этическими соображеніями эстетическую цѣнность пластическихъ искусствъ. Онъ своей личностью и всѣмъ своимъ трудомъ представляетъ живое воплощеніе той несліянности, въ которой пребываютъ эти два элемента въ отношеніи другъ друга. Въ немъ все время борется моралистъ съ эстетикомъ, и вся его система представляетъ чередованіе созиданія и саморазрушенія: эстетикъ воздвигаетъ, моралистъ опрокидываетъ; эстетикъ

¹⁾ G. Larroumet, „Etudes d'histoire et de critique dramatique“. Paris, 1892, p. 233.

²⁾ Обѣ онѣ въ свою очередь разграничены отъ той стороны нашей природы, которою мы познаемъ *истинность* явленій.

³⁾ Schiller, „Ueber den Grund des Vergnügens an tragischen Gegenständen“.

⁴⁾ C. Martha, „La délicatesse dans l'art“. Paris, 1884, p. 149.

сперва по-неволѣ уступаетъ, а потомъ обосновываетъ свою уступку теоретически и снова воздвигаетъ на своихъ же собственныхъ развалинахъ.

Какая же нравственная оцѣнка подобаетъ служителямъ красоты: художнику, который ее воплощаетъ, и любителю, который ею наслаждается?

Оцѣнка художника ясно опредѣлится, если вспомнимъ, въ чемъ Шиллеръ полагалъ цѣль искусства. Возражая тѣмъ, которые признають удовольствіе слишкомъ унизительною цѣлью, онъ говоритъ, что не слѣдуетъ относиться къ ней съ пренебреженіемъ, не слѣдуетъ смѣшивать удовольствій житейскихъ съ тѣмъ, что было бы приличнѣе назвать *радостью*. Всякій истинный цѣнитель искусства пойметъ смыслъ этого слова; всякій почувствуетъ, что въ этомъ — самая суть воздѣйствія искусства, потому что безъ ощущенія радости даже нѣтъ и не можетъ быть пониманія его; и художникъ даруетъ человѣчеству источникъ этой радости. Если къ тому же вспомнимъ, что искусство способно воспитывать въ человѣкѣ чувство состраданія, то мы увидимъ, что оно даетъ ему то, къ чему сводятся предписанія всѣхъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи ближняго; если прибавимъ, наконецъ, что, врываясь въ жизнь человѣка, искусство заставляетъ его забыть борьбу за существованіе, то мы признаемъ, что художникъ обезпечиваетъ человѣку, — хотя на краткія мгновенія, — то самое, что составляетъ конечное стремленіе всѣхъ социальныхъ ученій. Кажется, — достаточное право на нравственную заслугу предъ ближнимъ; какъ бы художникъ ни исполнялъ, съ точки зрѣнія закона, заповѣдь личнаго своего спасенія; — онъ даруетъ человѣчеству одинъ изъ видовъ счастья на землѣ, — и это не можетъ не быть ему зачтено.

Что касается любителя красоты, поклонника чужого творчества, то онъ долженъ помнить, что есть нѣчто высшее, предъ чѣмъ красота должна склонить голову, и во имя чего онъ обязанъ пожертвовать предметомъ своего обожанія; это высшее, подчиняющее, повелѣвающее, есть — добро.

Кн. Сергѣй Волконскій.

Январь 1893.

ВЪ СОРОЧКѢ РОДИЛСЯ

Романъ, соч. Фр. Шпильгагена.

— Sonntagskind, Roman in sechs Büchern, v. Fr. Spielhagen. Berlin, 1893.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ *).

I.

Изъ дневника отшельника.

Заглавіе не ново; но у меня двѣ причины избрать его для моихъ замѣтокъ. Во-первыхъ, лучшаго мнѣ въ голову не приходитъ, а во-вторыхъ, мнѣ кажется, это дѣйствительно подходящій флагъ для моего „товара“.

Я сильно подозреваю, — товаръ будетъ довольно пестрый, — что не пристало настоящей книгѣ; но когда она и не претендуетъ на такое званіе и не предназначается для постороннихъ глазъ, а должна служить лишь для моей пользы и удовольствія, то это простительно, даже естественно.

Для моей пользы и удовольствія? Ну да, конечно, если фрау Кёрнеръ была права — а когда же она не бываетъ права! — говоря мнѣ сегодня въ саду: — „Дѣло не въ томъ, что вы будете писать, но въ томъ, чтобы вы писали. Мой отецъ говоритъ, что онъ думаетъ только тогда, когда пишетъ. Это одинъ изъ парадоксовъ, которые онъ такъ любитъ. Но часть правды въ немъ несомнѣнно есть“.

*) См. выше: мартъ, 95.

Она охотно цитируетъ отца, утверждая, что ему она обязана всѣмъ рѣшительно, и этимъ доказываетъ мнѣ, что склонность свою къ парадоксамъ она во всякомъ случаѣ унаслѣдовала отъ него. И также свою удивительную начитанность, и основательное знаніе новѣйшихъ языковъ, и то, что она читаетъ Горация и Тацита не хуже гимназиста старшаго класса—всѣмъ этимъ и еще многимъ другимъ она, конечно, обязана отцу. Но это не мѣшаетъ ей быть чрезвычайно самостоятельной. Я хочу сказать, что если она говорить про своего мужа, что онъ „self-made-man“, то про нее—переносясь изъ практической сферы въ сферу нравственную и умственную—можно сказать, что она „self-made-woman“.

Сегодня послѣ полудня мы два часа гуляли въ саду! Я уже привыкъ смотрѣть на эти воскресныя прогулки какъ на должное; къ сожалѣнію, поздняя осень мѣшаетъ намъ. Но сегодня было чудесно. Теплый солнечный свѣтъ проникалъ сквозь оголенные деревья; отжившіе листья тихо падали съ нихъ на землю. Въ высокихъ еляхъ, стоящихъ точно пограничная стража между директорскимъ садомъ и графскимъ паркомъ, пѣлъ черный дроздъ. Сладкіе, протяжные звуки не мѣшали нашей бесѣдѣ, равно какъ и радостные крики рѣзвившихся на лугу дѣтей: шестилѣтняго темноглазаго Вольфганга и пятилѣтней Эрны; у послѣдней материнскіе умные сѣро-голубые глаза, и она—моя любимица. Бебѣ намъ тоже не мѣшало: онъ спалъ завиднымъ крѣпкимъ сномъ, да и Гапка, хорошенькая нянька-полька, молчала, не зная и ста словъ по-нѣмецки и не понимая того, что мы говорили.

О чемъ мы, однако, говорили? Да, да!—что я долженъ писать—и я послушно это выполняю; а затѣмъ... Непростительно, право, какъ плохо я запоминаю то, что она говоритъ. Причина тому, я думаю, та, что она такъ хорошо, такъ краснорѣчиво говоритъ. Восхищаясь красивой формой рѣчи, я недостаточно вникаю въ глубину ея содержанія. Еслибы она только не такъ быстро говорила! Мнѣ бываетъ иногда трудно услѣдить за ней. И притомъ звукъ ея голоса такъ симпатиченъ! Странно: а пишетъ она неловкимъ, неуклюжимъ, почти дѣтскимъ почеркомъ, совсѣмъ противоположнымъ твердому, отчетливому почерку той, которая...

Мой милый такъ называемый дневникъ, я еще не настолько освоился съ тобой, чтобы говорить тебѣ рѣшительно все. Позднѣе, быть можетъ, когда мы покороче познакомимся другъ съ другомъ и у меня не будетъ такъ тяжело на сердцѣ, какъ въ эту минуту...

Но вотъ я вспомнилъ кое-что изъ нашего разговора. Мы говорили,—вѣришь, она говорила о современной литературѣ. Странно,—говорила она,—въ прежнее время поэты называли себя избранны-

ками музы и жителями Парнаса. Въ наше время молодые люди отрешиваются отъ такой великой чести; увѣряютъ,—къ сожалѣнію не въ смыслѣ пѣсни Беранжé, которой я сочувствую:—„Je suis vilain et très-vilain“, и гордятся, если наука признаетъ ихъ своими усердными слугами. Ну, если они хотятъ больше служить, нежели господствовать,—это ихъ дѣло. Но если господа эти такъ усердно подпиливаютъ вѣтку, на которой сидятъ, то не должны они, конечно, удивляться, если вѣтка подломится, и они ниже упадутъ въ глазахъ разумныхъ людей, чѣмъ-то себѣ представляла ихъ философія (NB: я еще ничего не читалъ изъ Беранжé; надо будетъ попросить у нея при случаѣ его „Пѣсни“).

Нѣтъ, въ обществѣ лучшей изъ женщинъ я дѣйствительно не одинъ; но когда съ наступленіемъ ночи я бродилъ по окрестности... Кругомъ—не было ни души. Бургбергъ—все тотъ же, какъ былъ, когда мы посѣтили его въ день ея именинъ. Въ паркѣ я еще ни разу не былъ. Старыя раны оживляются при видѣ знакомыхъ предметовъ...

Я и по лѣсу хожу неохотно. Между своимъ настоящимъ и прошедшимъ я хочу воздвигнуть толстую стѣну. Конечно, добродушному Андерсу, уже два раза посѣтившему меня здѣсь, мнѣ придется отдать визитъ; но для этого я долженъ пойти на шоссе, которое я ненавижу.

„Qu'y a-t-il de plus beau qu'un chemin?“ — спрашиваетъ Жоржъ-Зандъ въ „Консуэло“. При этомъ она, конечно, не думала о шоссе, а еслибы она знала наше, съ его жалкими деревьями и еще болѣе жалкими одноконными телѣгами, запряженными жалкой клячей, понукаемой пьянымъ мужикомъ, съ вереницами нищенскаго вида мужиковъ, парней и женщинъ, отправляющихся на работу или возвращающихся съ работы, держа въ рукахъ башмаки, чтобы они не такъ скоро снашивались... клянусь небомъ, она бы сказала: „Qu'y a-t-il de plus laid?“.

Сторожъ высвистываетъ полуночный сигналъ. Онъ звучитъ точь-въ-точь какъ крикъ большого сына. Вначалѣ я его и принималъ за крикъ сына: почему бы и не водиться сычамъ въ старыхъ стѣнахъ? Но мнѣ сказали, что это кричитъ сторожъ. Я не повѣрилъ, пока самъ не увидѣлъ. И дѣло объяснилось: онъ самъ похожъ необычайно на стараго филина.

Что за погода сегодня ночью! Около моей башни буря реветъ какъ голодный звѣрь. Большія ели стонутъ передъ окнами и трещатъ, точно имъ приходитъ конецъ. Милыя воскресныя про-

гулки окончательно прекращены. Какъ любезно съ ея стороны было пригласить меня въ замокъ пить кофе! Дѣло происходило въ той самой гостиной, гдѣ я рассказывалъ свою сказку. Я замѣтилъ ей, что графиня Сивилла предпочитаетъ „практическую“ развязку, по которой Губертъ, лишившись Майской Ночи, дѣлается отшельникомъ и много, много лѣтъ проводить въ служеніи бѣднымъ и несчастнымъ. — Это, конечно, тоже прекрасная мысль и совершенно въ духѣ набожной молодой особы, — сказала фрау Кёрнеръ, — но она не такъ поэтична, какъ первая, гдѣ у молодого охотника сердце разрывается съ тоски по милой. Поэзія должна быть логичнѣе, нежели жизнь, и соединять въ толстый узелъ то, чтò въ дѣйствительности расчлняется. Дѣйствительность не можетъ быть послѣдовательной, если хочетъ существовать; поэзія должна быть послѣдовательной и только этимъ она и существуетъ.

Послѣ того мы заговорили о Беранже, „Пѣсни“ котораго я прилежно читаю, и конечно прочелъ то стихотвореніе, припѣвъ котораго: „Je suis vilain, vilain, vilain“. Это отвѣтъ поэта на ядовитое замѣчаніе его враговъ, что онъ, либеральный пѣвецъ, сохраняетъ частичку „de“ передъ своимъ именемъ:

Eh quoi! j'apprends que l'on critique

Le „de“ qui précède mon nom.

Etes-vous de noblesse antique?

Moi, noble? oh, vraiment, messieurs, non“...

Онъ не хочетъ знать такого рода благородства:

„J'honore une race commune“...

Я сказалъ ей, что хотѣлъ бы, чтобы передъ моимъ именемъ стояла частичка „von“, чтобы иронизировать надъ нею, какъ Беранже, — и даже еще злѣе.

Она засмѣялась, но отвѣчала: „все это прекрасно, но оно не мѣшаетъ тому, чтобы вы, какъ и всѣ поэты, были прирожденнымъ аристократомъ“. Я хотѣлъ возразить, что это зависитъ отъ того, какъ она понимаетъ слово аристократъ, но не успѣлъ. Вошелъ директоръ, и разговоръ принялъ иное направленіе. Вскорѣ я ушелъ... Я долженъ осмотрительно пользоваться свободой, предоставленной мнѣ.

Нѣтъ! что это за погода! Теперь дождь забарабанилъ въ окна, какъ будто для того, чтобы я живѣе оцѣнилъ чувство безопасности и уюта, какія испытываю въ моей башнѣ.

И всѣмъ этимъ я обязанъ ей! Она такъ же добра, какъ и умна, а этимъ много сказано. Она отлично сдумала создать мнѣ здѣсь положеніе удобное и безобидное для моего самолюбія. Когда я поступилъ въ контору, меня удручала, грызла мысль, что я все-таки поступаю на службу къ графу. Я ничего объ этомъ ей

не говорилъ; развѣ можно было въ моемъ положеніи ставить какія-нибудь условія! Но она сама это почувствовала и устроила такъ, что я служу не писцомъ въ графской конторѣ, а частнымъ секретаремъ главнаго директора, занимаюсь въ его частномъ кабинетѣ, получаю жалованье изъ его собственнаго кармана, занимаю комнату въ его квартирѣ. Обѣдаю я въ ресторанѣ, и это тоже по ея распоряженію. Такимъ образомъ сохраняется хоть тѣнь независимости, которую я бы вполне утратилъ, еслибы обѣдалъ съ ея слугами въ домѣ. Въ домѣ Марты—иное дѣло. Тамъ я былъ равный между равными и могъ обѣдать за однимъ столомъ со всей семьей...

Мнѣ невольно при каждомъ случаѣ наворачивается сравненіе между Мартой и фрау Эвой... Я могу вѣдь такъ называть ее въ своемъ скромномъ дневникѣ?—Конечно, и это вовсе не удивительно. Въ одномъ отношеніи онѣ равны: въ безграничной добротѣ, съ какой отнеслись ко всѣмъ заброшенному. Самая преданная, любящая сестра не могла бы сдѣлать больше. И во многомъ другъ онѣ сходны. Только у фрау Эвы складъ мыслей, какъ оно и естественно, тоньше, возвышеннѣе: онѣ отличаются другъ отъ друга такъ, какъ двѣ дѣвочки, которыхъ я видѣлъ у нея въ альбомѣ, на гравюрѣ, снятой съ одной картины голландской школы и изображающей маленькую принцессу и ея молочную сестру. И она всегда говоритъ о Мартѣ, которая, какъ мнѣ кажется, пишетъ ей отъ времени до времени, съ большимъ уваженіемъ... Мнѣ Марта еще ни разу не писала. Я не знаю почему...

Но это становится, наконецъ, нестерпимо. Вода не остается за окномъ; она образовала цѣлое озеро на широкомъ подоконникѣ и теперь каскадомъ струится на полъ. Еслибы еще она устранила сухость моего дневника!

Желалъ бы я знать, являюсь ли я для моего начальника *persona grata*, или онъ меня только терпитъ въ угоду ей? Несомнѣнно, что онъ не очень высокаго обо мнѣ мнѣнія, и я никакъ не могу быть на него за это въ претензіи. Какъ я ни стараюсь хорошо выполнить свое дѣло, какъ тщательно ни разрабатываю его конспекты, ни переписываю его черновыя бумаги, какъ ни пишу быстро и правильно подъ его диктовку—все это, во-первыхъ, не геройскія дѣла, а, во-вторыхъ, этотъ человѣкъ давно пришелъ къ заключенію, что исчерпалъ до конца весь запасъ моихъ способностей, или, говоря другими словами, что я — дуракъ. Я не могу не быть дуракомъ въ глазахъ этого человѣка, который на мой взглядъ обладаетъ талантомъ, вѣрнѣе сказать, гениемъ практичности. Когда я вижу, чего только не заключаетъ

голова этого человѣка, моя собственная начинаетъ кружиться. Я думаю, что нѣтъ ни одной сферы технической дѣятельности, которую бы онъ не изучилъ основательно. Зайдетъ ли рѣчь объ углѣ, стали, желѣзѣ, золотѣ, мѣди, хлопчатой бумагѣ—онъ знаетъ всякое производство, всѣ методы обработки, точно всю жизнь проработалъ надъ этой отраслью. Химию, статику, физику и какъ еще тамъ называются эти зловѣщія науки—онъ изучилъ въ корень, и ему случается поправлять специалистовъ, которые, собственно говоря, должны были бы знать свое дѣло лучше, чѣмъ онъ. Подчиненные скорѣе боятся его, нежели любятъ, хотя онъ никогда не кричитъ на нихъ, не горячится и, я убѣжденъ, неспособенъ къ несправедливости. Во всемъ у него на первомъ планѣ дѣло, но это-то, какъ говоритъ ффрау Эва, и составляетъ въ глазахъ многихъ людей смертный грѣхъ...

Лампа находитъ, что отслужила сегодня вечеромъ свою службу. Покойной ночи, значить! Кому? Кому интересно прощаніе отшельника!

Я прочиталъ ффрау Эвѣ написанное мною стихотвореніе; я былъ въ подходящемъ настроеніи: наканунѣ пришло извѣщеніе объ ея свадьбѣ съ барономъ Шёнау, адресованное на имя начальника. Такъ какъ она знаетъ, гдѣ я нахожусь—я ей сообщилъ это, когда осенью написалъ нѣсколько поздравительныхъ строкъ по поводу ея помолвки,—то это извѣщеніе имѣло въ виду, быть можетъ, также и меня. Во всякомъ случаѣ я не получилъ особаго извѣщенія. Не стоитъ со мною церемониться!

Свадьба дѣйствительно происходила въ Лондонѣ, и молодая чета проведетъ часть зимы въ имѣніи ближайшаго родственника барона. Весною они отправятся въ Итацію. Такъ сообщила мнѣ ффрау Эва на основаніи письма отъ жены д-ра Эбергарда.

— Ей теперь почти семнадцать лѣтъ. Какъ она должна быть хороша!..

Когда я читалъ свое стихотвореніе, у меня голосъ дрожалъ, и я почувствовалъ себя совсѣмъ неловко, когда, поднявъ глаза, встрѣтился съ ея умными глазами. Мнѣ казалось, что ихъ взглядъ проникаетъ мнѣ въ самую душу. И чувство не обмануло меня, хотя все, чтó затѣмъ ни говорила эта чудесная женщина, не было вовсе личными вопросами, ни по оборотамъ рѣчи, ни по выраженіямъ, но сокровенный смыслъ всего сказаннаго я все-же уразумѣлъ.

Во-первыхъ, она нашла стихотвореніе въ общемъ неудовлетворительнымъ, хотя и похвалила отдѣльныя мѣста: впечатлѣніе,

которое желалъ передать поэтъ, недостаточно ясно выражено; онъ впадаетъ въ патологическій тонъ, непріятный для тонкаго слуха. Поэтъ, и въ особенности лирическій, долженъ всегда помнить слова Шиллера, что рука, которая дрожитъ отъ страсти, не должна изображать страсть, потому что не можетъ художественно изобразить ее. Она, конечно, знала, чѣмъ полна моя душа, и если я и не могъ говорить, то для меня было бы наслажденіемъ слушать о ней. И она заговорила со мной о ней... о! какъ нѣжно!.. мнѣ хотѣлось и плакать, и смѣяться отъ удовольствія!

Она еще не видѣла болѣе привлекательнаго созданія и не сочла бы мужчиной человѣка, который могъ бы противостоять ея обаянію. Совершенно понятно, что всѣ мужчины лежатъ у ногъ молодой красавицы, и по всей вѣроятности такъ будетъ и дальше. А поэтому она хорошо сдѣлала, что вышла такъ рано замужъ: этимъ она избѣгаетъ опасности; иначе хоръ похвалъ и поклоненіе притупили бы ея чувствительность и впечатлительность. Она должна также заключить по нѣкоторымъ намекамъ жены д-ра Эбергарда, что, покидая графскій домъ, она доказываетъ свой тактъ и свою честность. Она бы не могла дольше въ немъ оставаться, не внося раздора въ фамилію, гдѣ уже и безъ того нѣтъ согласія, и не рискуя вызвать катастрофу. Дай Богъ, чтобы не одни лишь эти соображенія играли роль въ ея рѣшимости; баронъ Шёнау уступаетъ ей въ умственномъ отношеніи, и она всегда готова этому повѣрить! Хотя не слѣдуетъ также забывать, какъ прихотливы бываютъ склонности именно у даровитыхъ женщинъ, и кромѣ того, было бы несправедливо не признать за барономъ Шёнау много достойнѣйшихъ качествъ. Эва одного только опасается: онъ не сѣмѣетъ распорядиться деньгами, которыя достались ему по смерти родителей. Надо надѣяться, что молодая жена и въ этомъ отношеніи будетъ ему полезной помощницей. Три имѣнія, доставшіяся барону Шёнау, представляютъ собой весьма значительное имущество, но уже всѣ три обложены тяжелыми ипотеками, а этого рода долги растутъ какъ грибы въ водѣ...

Какъ она ободрила меня этими сообщеніями! Послѣ этого разговора я пошелъ бродить по полямъ, безъ думы, безъ цѣли, и очутился, самъ не знаю какъ, въ Бургбергѣ. Тамъ, при свѣтѣ звѣздъ, сверкавшихъ на темномъ небѣ, бросился я на колѣни и благодарилъ Бога за то, что онъ создалъ ее такою же честной, какъ и прекрасной, и молилъ не взыскивать на ней сердечное горе, которое она мнѣ причинила, и сдѣлать ее счастливой, счастливой, счастливой!

Конечно, когда я вернулся сюда назадъ въ свою тѣсную комнату, гдѣ высокія звѣзды уже не свѣтили надъ моей головой, ночной вѣтеръ не доносился на широкихъ крыльяхъ съ дальнихъ равнинъ,—у меня въ душѣ снова стало мрачно, а сердце сжималось судорожно отъ горечи и гнѣва. Чѣмъ этотъ человекъ перещеголялъ меня?—тѣмъ, что года на два старше меня, носить титулъ барона и владѣть тремя рыцарскими помѣстьями—все вещи, зависящія отъ слѣпой случайности. Во всѣхъ другихъ качествахъ не только нѣтъ ума и сердца, но даже и физической силы; я могу съ нимъ поспорить. И я любилъ ее съ дѣтскихъ лѣтъ; я долгіе годы жилъ только затѣмъ, чтобы угождать ей; терпѣлъ за нее обиды и страданія, изсушившія мою молодость, какъ морозъ побиваетъ цвѣты!

Нѣтъ! она не будетъ счастлива съ этимъ человекомъ, хотя онъ и не принцъ-людоѣдъ, а добродушный, дюжинный кавалеръ. Дитя свѣта, какою она кажется, она все-же не можетъ отрѣшиться отъ своей волшебной природы. И придетъ день, когда эта природа возьметъ верхъ, и тогда... бѣдный дюжинный кавалеръ! Тогда ты съ плачемъ пожалѣешь, что не искалъ себѣ жены между дочерьми тебѣ равныхъ, не мечтающихъ о томъ, чтобы носиться въ воздухѣ съ подругами-феями при свѣтѣ мѣсяца въ майскую ночь...

Я чувствую, что рука, которая дрожитъ отъ страсти, не только не можетъ написать хорошихъ стиховъ, но даже и еносной прозы. И во всякомъ случаѣ на сегодняшній вечеръ довольно.

Въ прошлое воскресенье нездоровье bebé, къ счастью скоро миновавшее, лишило меня послѣ-полуденнаго визита къ ней. Я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы отдать давно откладываемый визитъ моему доброму Андерсу. Выборъ пути былъ уже внѣ моей власти; я долженъ былъ идти по шоссе; въ лѣсу свѣтъ былъ слишкомъ глубокъ. Но и по шоссе идти было очень трудно, хотя тамъ и сямъ десятокъ людей притворялись, будто расчищаютъ дорогу, и полевой жандармъ съ сизымъ носомъ, верхомъ на худомъ клепперѣ, сомнительно поглядывалъ на одно особенно бойкое мѣстечко.

Моя старая деревня смотрѣла очень печально въ тускломъ послѣ-полуденномъ свѣтѣ съ своими полу-занесенными снѣгомъ хижинами. А пребываніе въ сумрачномъ домѣ моего стараго пріятеля не могло подѣйствовать ободряющимъ образомъ на меня. Они меня ждали, и мы вмѣстѣ пили кофе: Андерсъ, его жена и

я; между тѣмъ какъ мальчишки рядомъ въ горницѣ возились и шумѣли, Андерсъ курилъ трубку; его жена вязала чулокъ,— конечно, чтобы мнѣ доказать, что она стала теперь настоящей хозяйкой. Разговоръ не клеился. Я не могъ никакъ помѣшать ему коснуться несчастнаго случая, лишившаго меня употребленія лѣвой руки. Я долженъ былъ ее показывать, отвѣчать на вопросы: есть ли надежда на выпрямленіе двухъ искривленныхъ пальцевъ? не ощущаю ли я по временамъ боли? и т. д.

Мнѣ жаль было бѣдной женщины: она то блѣднѣла, то краснѣла. Наконецъ, не выдержала и подъ какимъ-то предлогомъ вышла изъ комнаты.

— Не знаю, чтò съ ней такое,—сказалъ Андерсъ.—Она совсѣмъ перемѣнилась, не хочетъ больше гулять, почти не выходитъ изъ дому.

Жена его снова вошла въ комнату. Я спросилъ про Марту.

— Она перешла вмѣстѣ съ д-ромъ Эбергардомъ изъ малаго госпиталя, гдѣ сначала находилась, въ Charité. Она благополучно поживаетъ, но пишетъ рѣдко и коротко: ей некогда много писать.

Наконецъ я могъ уйти; Андерсъ провожалъ меня часть дороги въ наступающихъ сумеркахъ. Понятно, мы коснулись старыхъ, излюбленныхъ темъ. Трогательно, право, какъ крѣпко вѣрить старикъ въ спасительную силу социально-демократическаго ученія. И въ одномъ онъ правъ: наше теперешнее хозяйство безсильно передъ постоянно возрастающимъ обѣднѣніемъ низшихъ и нижайшихъ слоевъ общества. Его приверженцы признаются въ своемъ безсиліи, хотя и утверждаютъ, что эта нищета—общественная необходимость, она не можетъ быть искоренена, и въ лучшихъ случаяхъ—только ослаблена и смягчена.

И тѣ, которые дѣлаютъ эту уступку—еще лучшіе, говоритъ Андерсъ; другіе живутъ не задумываясь со дня на день и представляютъ всѣ заботы Господу Богу; но есть и еще худшіе: тѣмъ доставляетъ рѣшительное удовольствіе, когда они могутъ ухудшить положеніе бѣдняковъ. Къ такимъ принадлежитъ нашъ графъ. Съ давнихъ поръ и по сіе время бѣдные имѣли право получать безвозмездно изъ лѣсничества доски для гробовъ своихъ покойниковъ; теперь графъ объявилъ, что впредь за эти доски будетъ дѣлаться вычетъ.

Я сказалъ Андерсу, что оберъ-директоръ энергически протестовалъ противъ этого варварскаго скряжничества,—но къ несчастію напрасно. Я самъ переписывалъ эти бумаги.

— Вѣрю тебѣ,—отвѣчалъ Андерсъ:—но въ томъ-то и дѣло,

что даже лучшіе, къ какимъ принадлежить оберъ-директоръ, не властны что-либо измѣнить, пока люди не рѣшатся вырвать зло съ корнемъ, т.-е. выкинуть за бортъ всю свою общественную и экономическую теорію и практику. А отъ этого оберъ-директоръ также далекъ, какъ и самъ графъ.

Я былъ бы радъ опровергнуть Андерса, но не могъ.

Печальный вернулся я домой.

Не могу выкинуть изъ головы воспоминанія о времени, проведенномъ у Андерса. Какой безгранично негостепріимной казалась мнѣ нищенская горница! Какой удушливый, смертный воздухъ! Я просидѣлъ тамъ всего часъ, но прожилъ тамъ два года. Когда я объ этомъ подумаю, то мнѣ дѣлается почти дурно. Неужели она права, называя меня скрытымъ аристократомъ? Ну да! у меня инстинктивное отвращеніе ко всему безобразному. Но развѣ это аристократизмъ? Въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть и такъ, но не въ высшемъ и благороднѣйшемъ. Въ высшемъ и благороднѣйшемъ дядя Андерсъ гораздо болѣе аристократъ, чѣмъ графъ, хотя не обойдетъ лужи, если можетъ этимъ сократить дорогу, и не особенно часто мѣняетъ бѣлье. По-моему, существуютъ физическія и нравственные анти-эстетическія безобразія. Обыкновенно называютъ аристократомъ того, кого возмущаютъ первыя, хотя бы онъ былъ совершенно равнодушенъ ко вторымъ. Но Гёте заставляетъ своего Ореста сказать: „А если не любишь солнца и звѣздъ, то ступай за мной въ темную ночь тѣней!“ Конечно, Гёте и его принцъ врядъ ли думали при этомъ о тѣняхъ, которыя грозно витають въ хижинахъ бѣдняковъ и несчастныхъ.

Если такъ пойдетъ и дальше, то ты, мой милый дневникъ, не потолстѣешь и не достигнешь преклонныхъ лѣтъ. Послѣдняя запись была сдѣлана въ концѣ ноября, а теперь уже конецъ февраля. Но я долженъ пользоваться всякой свободной минутой для пополненія своего образованія. Я пришелъ къ этому заключенію, когда Эва попросила у меня грамматическаго объясненія одного мѣста у Тацита, и я не сѣумѣлъ отвѣтить. Мнѣ было ужасно стыдно, хотя она ласково утѣшала меня. Да и еще съ латинскимъ не трудно наладить дѣло теперь, когда я снова принялся за старыхъ друзей, но съ греческимъ—совсѣмъ нехорошо. Старикъ Гомеръ еще милостивъ ко мнѣ. Но трагиковъ и tutti-quantі приходится изучать посредствомъ хорошихъ переводовъ.

Я утѣшаю себя мыслью, что съ Гёте и Шиллеромъ была та же исторія; главное, и они довольствовались переводами, а потому при занятіяхъ мнѣ слѣдуетъ всегда помнить слова Веніамина Франклина и „не покупать слишкомъ дорого своей трубки“.

Ну, вотъ и весна наступила во всемъ своемъ великолѣпіи, и... она уже двѣ недѣли, какъ находится въ Италіи. Какая жалкая вещь — человѣческое сердце! Когда милая фрау Кернеръ сообщила мнѣ это изъ письма жены доктора Эбергарда, у меня глухо заняло въ груди и въ глазахъ потемнѣло. Но это такъ же скоро прошло, какъ боль въ рукѣ, которую я иногда ощущаю въ худую погоду.

Въ Италіи! Великій Боже! когда я вспомню все то, что рассказывалъ намъ про Италію добрый патеръ за урокомъ географіи: про Монте-Пинчіо, съ котораго открывается видъ на вѣчный городъ и на соборъ св. Петра; про форумъ, Колизей, Via Appia, которая ведетъ черезъ бурю Кампанью, мимо полу-разрушенныхъ памятниковъ и гордыхъ акведуковъ къ голубымъ Сабинскимъ горамъ; про улыбающійся Неаполь съ Везувіемъ, на вершинѣ котораго вьется облачко дыма, про блестящую цѣпь городовъ и мѣстечекъ, окаймляющихъ заливъ, съ одного высокаго пункта, на мысѣ, который онъ, кажется, называлъ Скари-Катайо; передъ глазами упоеннаго зрителя открываются оба залива: Неаполитанскій и Амальфи, съ выступающими на нихъ скалистыми островами: Капри, Исхией, Прочидой... И я, когда добрый человѣкъ такъ краснорѣчиво это описывалъ, смотрѣлъ ей въ глаза и видѣлъ, какъ они становились все шире и болѣе блестящи, между тѣмъ какъ красныя губки раскрывались, а тонкія ноздри дрожали, какъ будто вдыхали ароматъ розъ, увивающихся бѣлыя стѣны, и золотыхъ апельсиновъ, сверкающихъ въ темной листьѣ садовъ... Моей лучшей мечтой было увидѣть когда-нибудь всѣ эти чудеса... и не одному... а съ нею... А теперь, теперь! Теперь она находится въ странѣ моихъ грѣзъ... но не со мной, а съ нимъ, котораго я ненавижу! Глупый я мальчикъ! только-что мнѣ удастся убѣдить себя, что я думаю о ней спокойно, и братски радуюсь ея счастью; что я принадлежу къ счастливымъ, которые забываютъ о томъ, чего измѣнить не въ состояніи, — и вдругъ прихожу опять въ возбужденное состояніе, и оно мнѣ доказываетъ совсѣмъ противоположное!

Что бы сказала фрау Эва, еслибы она меня увидѣла! Побранила бы меня? Для этого она слишкомъ добра, слишкомъ со-

страдательна. Но, можетъ быть, она бы посовѣтовала мнѣ докончить стихотвореніе, которымъ я хотѣлъ ей доказать, что и я также могу писать на тему обманутой и презрѣнной любви, рукой, „которая не дрожитъ отъ страсти“. Примусь за него немедленно... Ахъ, что-жъ такое! Никто не заглядываетъ мнѣ черезъ плечо... Что за вереница печальныхъ недѣль! Вольфгангъ и моя любимица Эрна были больны скарлатиной, и можно было опасаться худшаго. Начальникъ, особенно поглощенный въ это время обязанностями службы, вынужденъ бывалъ по цѣлымъ днямъ — иногда даже недѣлямъ — покидать опасно больныхъ дѣтей и оставлять ее одну въ тяжкихъ заботахъ и мучительной тревогѣ! Что за героиня, эта женщина! Хотя бы внутренній страхъ снѣдалъ ее! Нѣтъ, я не видѣлъ, чтобы она хоть на минуту потеряла самообладаніе и спокойствіе... Я помогаль сколько и когда могъ! И она была такъ благодарна за то небольшое, что я могъ сдѣлать! Въ одну страшную ночь, когда малютки, казалось, не переживутъ, я поѣхалъ за докторомъ, и онъ оставилъ насъ со словами надежды, которыя, казалось, не хотѣли сойти у него съ губъ; мы усѣлись у кроватокъ, другъ противъ друга, она отвернула лицо къ окну, сквозь которое глядѣло сѣрое утро; это милое лицо было блѣдно какъ смерть и такъ торжественно спокойно, точно все земное отъ него отлетѣло и оно выступало изъ другого міра, міра духовъ, о которомъ мы, бѣдные смертные, думаемъ съ чувствомъ страха и смущенія. Я не могъ удержаться: опустился на колѣни, я поднесъ къ губамъ ея бѣлую руку. Она не отняла ее. Мы ни слова не сказали другъ другу, но съ тѣхъ поръ она называетъ меня по имени. Ея мужъ немного удивленно взглянулъ на нее, когда она такъ назвала меня въ его присутствіи. Съ тѣхъ поръ онъ уже привыкъ къ этому, хотя самъ по прежнему называетъ меня: г. Арнольдъ, а не Юстъ.

И едва успѣла разсѣяться черная туча, висѣвшая надъ нами, и мы снова вздохнули свободно... начался ужасный судъ присяжныхъ. Два съ половиной года тянулось это тяжелое дѣло. Ровно два года тому назадъ, слѣдователь и прокуроръ настолько подвинули его, что оно должно было разбираться въ тогдашнюю сессію. Я былъ счастливъ, что моихъ показаній не потребовалось... да и что бы я сказалъ! Но первое рѣшеніе было кассировано имперскимъ судомъ за грубую ошибку въ процедурѣ.

Пришлось начинать сначала, потому что новый прокуроръ сталъ на новую точку зрѣнія. Затѣмъ возобновившійся процессъ былъ прерванъ на половинѣ, потому что новый защитникъ нашелъ и доказалъ суду, что не можетъ обойтись безъ одного сви-

дѣтеля. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ поискахъ за этимъ свидѣтелемъ, скрывшимся въ русской Польшѣ, пока его не выслѣдили, и дѣло поступило вновь на судъ присяжныхъ. Чего я только не выстрадалъ! Слава Богу, теперь все кончено.

Шкапчикъ, приговоренный въ первый разъ къ смертной казни, отдѣлался пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Зато негодяю Лѣбу прибавлено еще нѣсколько лѣтъ каторги; остальные отдѣлались легче, чѣмъ того заслуживали; одного—совсѣмъ юношу—признали невиновнымъ. Слава Богу! у него такіе глупые, добрые глаза, и онъ, конечно, былъ невольнымъ свидѣтелемъ злодѣянія. На другой день я посѣтилъ могилу моихъ родителей, и это нѣсколько успокоило мою взволнованную душу. И кромѣ того я могъ рассказать ей про моихъ родителей: какой статный, горделивый человѣкъ былъ отецъ, и какая чистая, святая душа была у моей незабвенной матери!

Я прочиталъ ей мое новое стихотвореніе. Она нашла, что оно гораздо лучше перваго. Я очень счастливъ. Но теперь мнѣ надо серьезно приняться за повѣсть. Я такъ же старъ, какъ и испанскій инфантъ, и такъ же мало сдѣлалъ для безсмертія, какъ и онъ. — Это сжигаетъ мнѣ душу съ тѣхъ поръ, какъ Изабелла попрекнула меня этимъ въ своемъ послѣднемъ жестокомъ письмѣ.

Боже, какъ время летитъ! Вотъ уже снова опадаетъ листь съ деревьевъ, а послѣднія страницы повѣсти еще не дописаны. Но какъ могъ я знать, что изъ повѣсти разовьется цѣлый романъ! Эва мнѣ это предсказывала.

Наконецъ! Полъ-зимы ушло, не бѣда! Тише ѣдешь—дальше будешь. Лишь бы доѣхать! А доѣхалъ ли я съ моимъ романомъ? удался ли онъ? Я, право, этого не знаю, да и она говоритъ, что тоже не знаетъ. Романъ выросалъ на ея глазахъ, глава за главой. У нея такое ощущеніе, точно она его сама написала. Я сказалъ: болѣе тонкой похвалы я бы не могъ услышать изъ устъ величайшаго критика въ мірѣ. Она отвѣчала, усмѣхаясь:—Юсть, съ нѣкоторыхъ поръ вы усвоили привычку льстить, и я васъ отъ этого предостерегаю. Во-первыхъ, это совсѣмъ къ вамъ не идетъ, а во-вторыхъ, я на это ухо глуха, какъ говорятъ французы.—И затѣмъ прибавила серьезно:—И если допустить даже, что я могу

судить объективно, безъ всякихъ субъективныхъ впечатлѣній, — то отъ этого мы еще очень мало выиграемъ. Мое сужденіе — не сужденіе свѣта, къ которому вы обращаетесь. Мало того: во мнѣ живетъ мучительная тревога: свѣтъ, къ которому вы обращаетесь, не существуетъ или уже пересталъ существовать. Я боюсь, Юстъ, мы — то-есть вы да я — нѣсколько отстали отъ вѣка, живя здѣсь въ нашемъ тихомъ уголку. Я заключаю это по тѣмъ произведеніямъ, которыя теперь стоятъ во главѣ движенія — какъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ. Въ послѣдніе мѣсяцы я перечитала цѣлую коллекцію этихъ новыхъ и новѣйшихъ произведеній, и нарочно вамъ ихъ не показывала — чужія мелодіи мѣшаютъ намъ, когда у насъ своя собственная звучитъ въ головѣ. И могу васъ увѣрить: большею частію это были очень странныя мелодіи, и въ нихъ главную роль играютъ диссонансы — неразрѣшенные, разумѣю я, — такъ какъ гармонически разрѣшенный диссонансъ можетъ доставить удовольствіе и мнѣ, — а поэзія, думается мнѣ, какъ и всякое другое искусство, не можетъ безъ нихъ обойтись. И другія, необходимые для современной беллетристики качества у васъ отсутствуютъ. Вы даете себѣ трудъ писать обработаннымъ стилемъ. Это не идетъ. Вы должны научиться составлять предложенія изъ трехъ словъ, въ которыхъ отсутствуетъ подлежащее и сказуемое, и такія, какія авторъ обрываетъ въ серединѣ, чтобы доставить удовольствіе читателямъ самимъ придумать конецъ. Я надѣюсь, что вы сообразите, въ чемъ дѣло, теперь, когда у васъ есть время прочитать эти книги. Я ихъ вамъ доставляю. Конечно, лучше было бы, еслибы вы слышали рыканіе львовъ не издалека, а рѣшились бы войти въ ихъ пещеры, гдѣ они, можетъ быть, не такъ свирѣпы, какими представляются...

Послѣ того она послала мой чисто переписанный романъ къ своему отцу, который былъ такъ добрѣ, что рѣшился прочитать его.

Мнѣ не страшенъ его приговоръ. Конечно, я отъ всего сердца желаю, чтобы романъ ему понравился, но не приду въ отчаяніе, если окажется противное. Въ моемъ положеніи всего важнѣе услышать правду. А этотъ человѣкъ не былъ бы отцомъ своей дочери, ученымъ съ ясной головой и мужественнымъ сердцемъ, какимъ онъ мнѣ представляется въ своихъ сочиненіяхъ, — я ихъ теперь внимательно изучаю, — еслибы онъ вмѣсто хлѣба, о которомъ я прошу, подаль бы мнѣ камень.

Профессоръ Рихтеръ говоритъ: „только тогда онъ думаетъ, когда пишетъ“. Поэтому и я долженъ сегодня писать. Я дол-

женъ попытаться привести въ порядокъ свои мысли. Ея слова: лучше бы мнѣ идти разыскивать львовъ по ихъ пещерамъ, или иными словами: лучше мнѣ отсюда уѣхать, — не выходятъ у меня изъ головы. И въ послѣднее время она уже раза два говорила нѣчто подобное. Этому только два объясненія: она считаетъ, что наступилъ моментъ, когда мнѣ слѣдуетъ, если я вообще хочу научиться плавать, броситься въ житейское море. Или же я надоѣлъ начальнику, и она, зная это, намекаетъ мнѣ о томъ деликатнымъ образомъ, чтобы спасти меня отъ позора оффиціального отказа. Или же, наконецъ, она сама хочетъ, чтобы я уѣхалъ, потому что она... Ну, мужайся Юстъ, и выскажи то, чтѣ думаешь: она усматриваетъ въ моемъ пребываніи здѣсь опасность — не для нея! развѣ она можетъ чего-нибудь опасаться!.. но для меня.

Будь прямодушень, Юстъ, вполне прямодушень! Любишь ли ты ее?

Я испугался, написавъ это слово. Мнѣ представляется это грѣхомъ противъ Духа Святого — тягчайшимъ изъ всѣхъ грѣховъ: во всякой любви таится желаніе и надежда на взаимность любви, и такимъ образомъ я, опутывая и ее, по крайней мѣрѣ мысленно, своимъ преступленіемъ, свожу ее съ высокаго пьедестала, на которомъ она у меня до сихъ поръ стояла. Но не глупо ли съ моей стороны такъ мучиться? Развѣ моя любовь къ той темноокой феѣ не служитъ для меня щитомъ противъ всякой другой любви, — какъ для Зигфрида кровь дракона, въ которой онъ омылся, служила охраной отъ ранъ?

И однако его ранило копье Гагена. Неужели и на мое плечо упалъ липовый листокъ и оставилъ мѣстечко, которое доступно смертельному удару?

Я самъ себя не понимаю. Я люблю не какъ сестру эту женщину, которая на восемь лѣтъ старше меня. Я не могу спокойно встрѣчать и провожать ее. Когда короткіе часы нашихъ свиданій подходятъ къ концу, я бы желалъ задержать каждую минуту; когда дверь за нею затворится, мнѣ кажется, что кругомъ меня все погружается во мракъ; тотъ день, когда я ее не вижу, тянется для меня бесконечно, а когда подступаетъ время увидаться съ ней, сердце у меня начинаетъ биться отъ радости. И когда я представляю себѣ, что наступитъ время, когда я не услышу больше ея милаго голоса, не увижу передъ собой ея гибкой, стройной фигуры, не буду внимать ея умнымъ рѣчамъ, — я печально спрашиваю себя: какъ же это такъ будетъ? Не спущусь ли я еще ниже того уровня, съ котораго она возвысила

меня до себя, и въ состояніи ли я буду дать все, что могу, если буду предоставленъ собственнымъ силамъ?

Но любовь ли это? Зачѣмъ языкъ такъ бѣденъ, что одно и то же слово служить для обозначенія различныхъ ощущеній, подобно той семьѣ пролетаріевъ, которая могла посылать въ церковь только одного изъ своихъ членовъ, такъ какъ у нея было всего одно неистрепанное платье? Это, конечно, любовь, но не та, которую я разумѣю. Ту любовь узнаешь по тому, что простое прикосновеніе къ рукѣ, къ платью, облекающему божественное тѣло, заставляетъ сердце трепетать отъ блаженства. Отъ одной мысли, что она можетъ любовно обнять и прижать губы къ нашимъ губамъ, можно съ ума сойти. Смертельная опасность, стоящая между нами и обладаніемъ ею, нисколько насъ не пугаетъ, и даже преступленіе не представляется слишкомъ высокой цѣной. И любовь этихъ Геро и Леандра, Ромео и Юліи, не ждетъ полутора года, чтобы проявиться, — она, какъ молнія, вспыхиваетъ внезапно. Я знаю, моя любовь къ Изабеллѣ была бы такою любовью, еслибы по волѣ случая мы не росли вмѣстѣ дѣтьми.

Нѣтъ, милая, добрая, лучшая изъ женщинъ, тебѣ незачѣмъ отсылать меня. Мнѣ не грозитъ никакой опасности, пока *та* жива. Да и когда умретъ, тоже — нѣтъ. Я буду и мертвую ее любить, теплѣе даже, чѣмъ любилъ живую.

Roma locuta est! Торжество! Я побѣдилъ! Профессоръ Рихтеръ пишетъ: „Романъ твоего юнаго друга мнѣ очень понравился. Подробнѣе выскажусь въ слѣдующемъ письмѣ“. Конечно, она предостерегаетъ меня не очень радоваться заранѣе. Отецъ ея такъ впечатлителенъ, что совсѣмъ не трудно сразу очаровать его. Но затѣмъ онъ одумается, соберетъ цѣлый арсеналъ критическихкихъ *но* и *еслибы*, и прежде чѣмъ человѣкъ успѣетъ опомниться, вырветъ у него побѣду изъ рукъ. Но на меня это не дѣйствуетъ. Не могу выразить, какъ слова: „очень мнѣ понравился“ — въ устахъ профессора Рихтера понравились мнѣ.

Несчастіе одно не приходитъ, но и счастіе также. Письмо отъ *нея*. Какое милое, доброе письмо! Я хотѣлъ-было подклеить его на этомъ мѣстѣ дневника, но напалъ на блестящую мысль — переписать его, какъ и всѣ послѣдующія, какія она мнѣ напишетъ. Тогда я буду воображать, что это нашъ общій дневникъ и я только окажусь прилежнѣе, по обыкновенію, чѣмъ она.

„Римъ, отель „Европа“. 188*, февраль.

„Ты во истину въ сорочкѣ родился, иначе навѣрное не дождался бы незаслуженнаго счастья получить отъ меня это письмо. У тебя масса талантовъ, но изъ нихъ величайшій — нелюбезность. На каждую страницу, какія я написала тебѣ въ теченіе нескончаемыхъ лѣтъ, какъ мы разстались, придется едва-едва одна строчка отъ тебя! Или, можетъ быть, твоя нелюбезность — не что иное какъ хитрый расчетъ — и ты говоришь себѣ: „у меня нѣтъ никакого иного средства ей дать знать, какъ быть столь же небрежнымъ по отношенію къ ней, сколько ея остальные поклонники ревностны“? Я уже раньше это замѣчала: при всей своей кажущейся безобидности, ты очень лукавый человѣкъ — и это меня радуетъ. Видишь ли, я до сихъ поръ не могу рѣшиться вычеркнуть тебя изъ списка своихъ поклонниковъ, въ которомъ твое имя стоитъ впереди всѣхъ. Ахъ, счастличикъ! хорошее то было время, которое мы прожили вмѣстѣ! Я не знаю, кто это сказалъ — можетъ быть, Бёрне, а можетъ быть, и Конфуцій: „какой я былъ великій человѣкъ, когда былъ еще маленькій мальчикъ!“ Итакъ, и я готова сказать: какъ я была счастлива, когда еще не знала, что значитъ счастье! Пойми меня хорошенько! я говорю: „когда еще не знала“, но не говорю: „когда еще не испытала“. Можно отлично знать что-нибудь, не испытавъ.

„Ахъ! еслибы ты былъ здѣсь со мной въ Римѣ, куда я, сказать мимоходомъ, пріѣзжаю уже вторично, — прошлую осень и пользуясь я прожила въ Англіи и въ Парижѣ, — еслибы ты былъ здѣсь со мной! Большое международное общество, въ которомъ я вращаюсь, было бы, пожалуй, тебѣ не по вкусу, между тѣмъ какъ, наоборотъ, у меня притупился вкусъ ко всѣмъ церквамъ и галереямъ, которыя доставили бы тебѣ блаженство.

Зато вечернія прогулки по улицамъ, къ фонтану Треви и къ Капитолію, и черезъ форумъ въ Колизей, — эти каменные громады, то грозно притаившіяся во мракѣ, то купающіяся почти въ такомъ же яркомъ свѣтѣ, какъ день, когда луна выплываетъ изъ тучъ! Или: утренняя поѣздка черезъ Кампанью въ Тиволи! Ты и я одна — больше никого! Ахъ, счастличикъ! какъ страстно хочется мнѣ услышать человѣческій голосъ! милый голосъ, когда все тихо кругомъ, какъ въ Кампаньѣ, или... какъ въ нашемъ лѣсу.

„Боже мой, какъ ясно слышу я твой голосъ! Когда ты бывалъ возбужденъ — а это съ тобой случалось часто, — то въ твоёмъ голосѣ звучали особенныя низкія, переливчатыя ноты, которыя бы я узнала изъ тысячи голосовъ.

„Когда услышу я ихъ снова? Осенью, можетъ быть, когда я должна вернуться въ Силезію и провести скучную зиму въ деревнѣ. Тогда мы будемъ почти сосѣдями. И будемъ по-сосѣдски видѣться. Я надѣюсь. Уже по одному этому тебѣ не слѣдуетъ бросать своего теперешняго мѣста.

„Ты долженъ знать, что я au courant всего, что тебя касается, благодаря моей милой Эдитѣ: она часто и много мнѣ пишетъ. Такъ, я знаю о несчастномъ случаѣ, отъ котораго пострадала твоя лѣвая рука, бѣдный юноша! Знаю, что ты живешь у нашего оберъ-директора въ старомъ замкѣ, въ пріятной и хорошей должности. Ты навѣрное теперь красивый, статный человекъ. Постой! тебѣ должно быть уже двадцать-одинъ годъ, и темные усики къ тебѣ очень пристали. Дальше: ты поклоняешься милой фрау Кёрнеръ, занимаешься съ ней науками, о которыхъ бѣдная Майская Ночь не имѣетъ понятія, и пишешь большой романъ, героиней котораго—я. И, само собой разумѣется, являюсь я воплощеніемъ красоты, любезности и добродѣтели. На послѣдній пунктъ я особенно напираяю. Если ты вздумаешь изобразить мою наружность, глаза, волосы и т. д., такъ что всѣ меня тотчасъ узнаютъ, и при этомъ представишь меня увѣнчанной кокеткой, une mondaine furieuse, ловящей мужчинъ... Я никогда, никогда не прощу тебѣ этого. Но зачѣмъ же тебѣ такъ меня изображать? Ты знаешь, что я не такая. Да еслибы и была такой, то и тогда тебѣ не слѣдовало бы меня выдавать. Каждый человекъ—и въ особенности поэтъ—долженъ носить въ сердцѣ идеалъ, который ему святъ, какъ ни грѣховна жизнь, на которую его осудила жестокая судьба. Я искони была твоимъ идеаломъ, я это знаю, и знала бы, еслибы ты мнѣ это и не говорилъ сто разъ; я должна и хочу имъ оставаться.

„Ну, я достаточно нацарапала на сей разъ, и мнѣ пора ѣхать въ гости. Старая женщина, какъ я, не можетъ, къ сожалѣнію, полагаться на однѣ свои прелести и должна искать поддержки въ туалетѣ. Ахъ! но что понимаетъ въ туалетѣ бѣдная маленькая фея!

„Будь здоровъ, мой милый счастливецъ, и люби по прежнему твою Майскую Ночь“.

Вотъ я и переписалъ тебя, милое письмо! Повѣрь мнѣ, что я бы этого не сдѣлалъ, будь хотя въ одной строчкѣ твоей упомянуто *его* имя. Но феи деликатны и умны! Почему она знаетъ, что она—героиня моего романа? Конечно, если все, что я до сихъ поръ ни писалъ, вдохновлено ею, то почему бы и роману

не быть также! Какъ я взираю на нее, такъ гомеровскіе пѣвцы должны были взирать на Музу и съ обожаніемъ обращаться къ ней.

И осенью она вернется, проведетъ зиму въ деревнѣ! Я снова увижу ее! Рядомъ съ *нимъ*? Ни за что и никогда! Фрау Эва, если вы даже меня теперь не прогоните, то я самъ уѣду...

Снова „Римъ заговорилъ“, но, ахъ! на этотъ разъ совсѣмъ въ иномъ тонѣ. Да, еслибы не было никакихъ *но* и *бы*! Она мнѣ это предсказывала. Жидкое пламя похвалы погасло, и дымный столбъ критики омрачаетъ небо. „Композиція выдаетъ начинающаго писателя, который не совладалъ съ своимъ матеріаломъ. Начало слишкомъ растянуто по отношенію къ цѣлому и само по себѣ; другими словами, оно недостаточно интересно. Позднѣе, когда интересъ читателя дѣйствительно возбужденъ, у автора не хватаетъ, очевидно, пороку; онъ не знаетъ, какъ ему справиться съ развязкой и, наконецъ, кое-какъ комкаетъ ее, въ ущербъ развитію событій и характеровъ. Похвальной методѣ, принятой имъ, не докучать читателю субъективными воззрѣніями и говорить лишь устами дѣйствующихъ лицъ, которыя сами характеризуютъ себя словами и поступками,—недостаетъ практическаго навыка, благодаря которому сохраняется только нужное, а пустяки и незначащія детали отбрасываются. Его наблюденія надъ людьми вѣрны, какъ это видно изъ намѣреній, но при выполненіи ихъ онъ увлекается идеалистическими порывами (въ сущности очень похвально) и нарушаетъ этимъ гармонію природы. При этомъ у него склонность къ сантиментальному и патетическому, а это умѣстно только тогда, когда здоровый и, гдѣ нужно, даже ѣдкій юморъ служить ему противовѣсомъ. Въ этомъ отношеніи онъ совсѣмъ слабъ, или отъ природнаго недостатка юмора, или отъ робости“...

И такъ идетъ еще на нѣсколькихъ страницахъ. И такое жалкое произведеніе, въ которомъ ничего, кромѣ недостатковъ, не оказывается, „ему понравилось“! Какъ это случилось, Аллахъ вѣдаетъ! Я не знаю.

Милая, добрая, лучшая изъ женщинъ! Она замѣтила, какъ мнѣ тяжело отцовскій обвинительный приговоръ—и это было неизбѣжно. Но сама она была не менѣе огорчена. Ея утѣшеніе, что папѣ совсѣмъ не хотѣлъ осудить романъ, а только счелъ своею обязанностью указать мнѣ идеалъ, къ которому я долженъ

стремиться,—звучало не особенно убѣдительно. Послѣ того она, очевидно, апелировала къ милосердію судьбы и сегодня показала мнѣ его отвѣтъ.

Чего же собственно она хочетъ? Я долженъ гордиться тѣмъ, что онъ приложилъ самую строгую мѣрку къ моему произведенію. Вообще онъ далеко не все высказалъ. То, что онъ сказалъ—это обратная сторона медали. Объ остальной онъ пока умолчить и только замѣтить, что его несправедливо укоряютъ въ противорѣчій, отъ того, что ему „понравилось“ произведеніе, въ которомъ онъ нашелъ столько недостатковъ. Бываютъ непростительныя ошибки и такія, которыя не только простительны, но даже и восхитительны для знатока, потому что свойственны только настоящему дарованію. Впрочемъ (это, кажется, любимое словечко достойнаго человека), онъ отослалъ рукопись съ письмомъ къ знакомому издателю, и очень возможно, что тотъ его напечатаетъ и даже заплатитъ (умѣренный) гонораръ.

Одно только онъ долженъ прибавить: авторъ, очевидно, воспиталъ свой талантъ въ глубокомъ уединеніи. Ему недостаетъ азбуки романиста: свѣта и опыта. Этотъ недостатокъ можетъ исправить только время, конечно, при томъ условіи, чтобы авторъ провелъ его въ свѣтѣ и набрался опыта. Что авторъ не послѣдовалъ современной модѣ и не изобразилъ страданій фабричныхъ рабочихъ, хотя при окружающихъ его условіяхъ жизни онъ могъ подпасть легко такому соблазну—онъ ставитъ ему это въ большое достоинство. Да, его талантъ направленъ совсѣмъ въ иную сторону. Не всѣмъ быть Эмилями Золя, необходимы также и Октавы Фелье; но онъ вовсе не хочетъ этимъ сказать, чтобы тотъ или другой не были великими поэтами. Онъ хочетъ только опредѣлить направленіе моего таланта, какъ онъ ему представляется.

Ну, теперь думаю, что я достаточно наглядѣлся „правой стороны медали“, чтобы быть довольнымъ.

Вчера у меня былъ длинный разговоръ съ ней, отъ котораго еще сегодня все во мнѣ трепещетъ.

Во-первыхъ: она совсѣмъ не хочетъ, чтобы я уѣзжалъ; по ея мнѣнію, я еще долженъ года два провести здѣсь. Что можетъ гнать меня отсюда? Хотя мои занятія какъ частнаго секретаря ея мужа и не Богъ вѣсть какія головоломныя, но онъ никогда на меня не жаловался,—она бы отъ меня этого не скрыла,—и я, значить, не даромъ получаю свои деньги. Дѣтямъ будетъ очень тяжело безъ меня, а такъ какъ она знаетъ, что и я это знаю, то скажетъ то же самое и про себя.

Но все это дѣло второстепенное, сущность же въ томъ: правѣ ли ея отецъ, думая, что развитіе моего таланта зависитъ отъ переменъ мѣстожителства, обстановки, общества и т. д.? Она находитъ, что онъ въ нѣкоторой степени правъ, но не можетъ съ нимъ безусловно согласиться. Я попробую передать смыслъ ея словъ. „Я тоже, — говорила она приблизительно, — считаю направление, указываемое отцомъ для вашего таланта, соответствующимъ вашему духу и образу мыслей. Онъ называлъ васъ Фёлье. Если вы подходите къ нему по обществу, то мы должны быть этимъ, конечно, довольны; но я знаю, что вы поставите себѣ болѣе глубокія задачи, чѣмъ онъ въ своихъ произведеніяхъ, и его нравственный индифферентизмъ никогда не будетъ вашей отличительной чертой. Во всякомъ случаѣ вашъ талантъ пригоднѣе для изображенія высшихъ классовъ, чѣмъ низшихъ, и психологическій анализъ образованныхъ умовъ и тонко чувствующихъ сердецъ удастся вамъ лучше, чѣмъ характеристика грубыхъ умовъ и необразованныхъ душъ. Но потому самому необходимо, по моему, вамъ мужественно изучить все несвободное, некрасивое, безобразное, такъ какъ иначе, я боюсь, картина свѣта, которую вы набрасываете, будетъ недостаточно полна и убѣдительна.

„Человѣчество, изображаемое вашимъ перомъ, не должно, какъ у Фёлье, ограничиваться одними баронами, но не должно также исключать бароновъ, какъ у Золя и его поклонниковъ. Вы должны касаться всего, что есть въ человѣчествѣ. Потому я назвала васъ скрытымъ аристократомъ, что ваша душа возмущается всѣмъ неблагороднымъ, несправедливымъ, и вы питаете глубокую симпатію къ бѣднымъ и страждущимъ. Но для того, чтобы справедливое негодованіе не перешло въ слѣпую ненависть къ высшимъ классамъ, а симпатія къ обездоленнымъ въ напыщенный либерализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, вы должны знать, за кого и за что вы протестуете и кого и что вы защищаете.

„Вы скажете: у меня уже достаточно, слишкомъ достаточно было случаевъ изучать бѣдныхъ и страждущихъ. Случаевъ, — да! Но я сомнѣваюсь, чтобы вы дѣйствительно изучили ихъ. Многое можно видѣть и слышать, въ сущности не видя и не слыша, потому что умъ и чувство заняты другими вещами. Такъ было, я думаю, и съ вами. Въ вашемъ романѣ вамъ гораздо лучше удалось изображеніе образованныхъ людей, чѣмъ невѣжественныхъ, знатныхъ, чѣмъ простолюдиновъ. Это должно выровняться. Я боюсь, въ Берлинѣ — такъ какъ если вы уѣдете, то, конечно, въ Берлинѣ — вы будете безусловно поглощены кружкомъ образованныхъ и знатныхъ людей, къ которому въ качествѣ поэта и скрытаго арис-

тократа вы естественно принадлежите. Тамъ если не искать простолюдиновъ, то они не попадутся сами на дорогѣ. Здѣсь же вы не можете избѣжать ихъ и не должны, послѣ моей лекціи.

„И еслибы вы вздумали пожаловаться, что какъ лирическому поэту въ нашемъ сельскомъ уединеніи у васъ не хватаетъ мотивовъ, то я пристыжу васъ стихотвореніемъ Эмерсона, въ которомъ онъ доказываетъ, какъ много матеріала давала ему сельская природа и обстановка“...

Въ то время, какъ добрыйшшая женщина все это говорила, я находился въ превеликомъ смущеніи. У меня все время вертелось на языкѣ: все это прекрасно, умно, и я бы охотно остался, но не могу... если она пріѣдетъ. Быть можетъ, лучше было бы для меня, еслибы я это сказалъ и избавился отъ плѣна. Но хочу ли я отъ него уйти? Я знаю, что цѣпи, которыми я опутанъ, недостойныя, но у меня нѣтъ силы ихъ разбить.

Эва уѣхала—на недѣлю—въ Берлинъ съ своимъ мужемъ; онъ отправился на совѣщаніе съ графомъ по важному дѣлу: о возобновленіи аренды на угольные копи. Она взяла съ собой и дѣтей, чтобы они могли поздравить дѣдушку съ тридцатилѣтнимъ юбилеемъ его свадьбы, и чтобы ему не такъ скучно было въ этотъ день. Начальникъ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но я отказался подъ предлогомъ, что мнѣ предстоитъ обработать нѣсколько важныхъ конторскихъ дѣлъ. Онъ не настаивалъ, а она на лицѣ у меня прочитала, что это только предлогъ,—но тоже ничего не сказала. Она избѣгаетъ явно покровительствовать мнѣ. И, конечно, очень умно дѣлаетъ. Меня же она, конечно, сочла бы неразумнымъ, еслибы я признался въ настоящей причинѣ; а именно, что я боюсь, какъ бы Изабелла не соскучилась въ Вѣчномъ городѣ, и я не встрѣтилъ бы ее внезапно на улицѣ въ Берлинѣ. Это, конечно, можетъ случиться каждую минуту, если я попаду туда; но какъ говорятъ Гораций: *quid sit futurum cras fuge quaerere*. Въ отвѣтъ на ея письмо, которое я нарочно отложилъ на двѣ недѣли, я ничего ей не писалъ о своихъ берлинскихъ планахъ. Мнѣ тяжело было написать это письмо. Не легко писать, когда приходится сдерживать сердце обѣими руками.

Я почти позабылъ, что я отшельникъ, а теперь могу снова это почувствовать. И мнѣ кажется, что никогда отшельникъ не чувствуетъ себя такимъ одинокимъ, какъ ранней весной, когда при-

рода, просыпаясь отъ зимняго сна, потягивается и глядитъ солнцу въ глаза, мигая какъ лѣнивый ребенокъ, которому не хочется вставать съ постели поутру въ воскресенье, и онъ встаетъ только потому, что впередъ знаетъ о тѣхъ удовольствіяхъ, какія ему принесетъ этотъ день.

Но есть бѣдныя дѣти, и они хорошо знаютъ, что этотъ день пройдетъ, какъ и всѣ остальные: хмуро и пасмурно; и имъ пріятнѣе было бы проспать его, да и всѣ остальные дни также.

Я не могу отнесті себя къ категоріи этихъ злополучныхъ дѣтей: это было бы преступной неблагодарностью. Я не долженъ только думать о безумныхъ желаніяхъ моего сердца и о томъ, что они не исполнятся никогда, никогда! Но тогда, понятно, небо кажется мнѣ сумрачнымъ, а земля превращается въ безплодную пустыню, гдѣ я брожу одинокій, совсѣмъ одинокій.

Я попытался примѣнить эмерсоновскій рецептъ, но время было выбрано неподходящее. Лѣсъ еще не зеленѣетъ, въ кустахъ и низинахъ стоятъ послѣ зимы лужи ледяной воды; о вѣнкахъ нѣтъ еще и помину, а цвѣты мартъ мѣсяцъ разсыпаетъ далеко не щедрой рукой, и даже травъ, которыя бы стоило собирать, еще очень мало. И люди, попадающіеся мнѣ, рѣшительно не даютъ повода написать хотя бы самое скромное стихотвореніе.

Еще неудачнѣе оказалась попытка отыскать пункты для сближенія въ томъ кругѣ людей, который входитъ непосредственно въ сферу моей дѣятельности. Между тѣмъ случай былъ какъ нельзя благопріятнѣе. Теперь, когда начальникъ пребываетъ въ отдаленіи, они всѣ выползли изъ своихъ конторъ, какъ мыши изъ норъ, когда котъ уйдетъ подальше. И такъ они привѣтливо, дружески упрекали меня за то, что я нелюдимъ и кромѣ фамиліи оберъ-директора, повидимому, никого не хочу знать! А между тѣмъ у нихъ, право, бываетъ очень весело на вечеринкахъ по субботамъ въ трактирѣ, на которыхъ и дамы тоже принимаютъ участіе. И въ хорѣ у нихъ недостаетъ второго тенора, и я навѣрное могъ бы занять его мѣсто!

И что за добросовѣстный, усердный, ревнивый къ своей службѣ народъ эти господа чиновники! Вчера меня поймалъ, въ то время какъ я проходилъ по двору замка, г. А., занимающій въ здѣшней служебной іерархіи мѣсто непосредственно послѣ оберъ-директора. Онъ хотѣлъ подъ секретомъ просить меня предостеречь высокоуважаемаго начальника, чтобы онъ, ради самаго неба, не довѣрялся Б., который въ глаза выражаетъ ему полную преданность и покорность, но за спиной всячески старается очернить

и дискредитировать его во мнѣніи графа. Боже мой, недоувѣрчивость свойственна всѣмъ знатымъ господамъ, и графъ тоже не чуждъ этому качеству. Тѣмъ болѣе долженъ каждый честный человѣкъ остерегаться поощрять подобную слабость, какъ давно уже это дѣлаетъ Б., сначала устно, а теперь письменно. Онъ готовъ представить тому доказательства.

Сегодня — въ воскресенье послѣ полудня — кто-то постучался въ мою дверь, и г. Б. ошастливилъ меня — впервые за эти полтора года — своимъ визитомъ. Онъ вчера видѣлъ изъ оконъ своей конторы, что я долго бесѣдовалъ съ господиномъ субъ-директоромъ. И вотъ считаетъ своимъ долгомъ предупредить меня, чтобы я, Боже упаси, не довѣрялъ ни одному слову этого человѣка: онъ интриганъ первой руки и старается за спиной оберъ-директора — который, къ сожалѣнію, черезъ-чуръ довѣрчивъ — погубить его во мнѣніи не совсѣмъ довѣрчиваго графа! У него есть доказательства въ рукахъ. Вообще и всѣ остальные служащіе не лучше г. А. — всѣ шпионы, сплетники, клеветники!

И такихъ-то людей слушаетъ графъ! И хуже всего то, что каждый, обвиняя другого, правъ; а худшее — это то, что господинъ стоитъ своихъ слугъ. Къ счастью, начальнику это хорошо извѣстно, по крайней мѣрѣ такъ утверждаетъ ффрау Эва, съ которой я говорилъ объ этомъ обстоятельстве. Въ такой низменной сферѣ, какъ наша, говорить она, между служащими, — которые всѣ почти, прежде чѣмъ поступить на службу къ графу, потерпѣли крушеніе на другомъ поприщѣ и, очевидно, неудачномъ, — неискоренимы зависть, недоброжелательство, ненависть. Я боюсь, что въ болѣе крупныхъ сферахъ не лучше, хотя все это не такъ выступаетъ наружу здѣсь, гдѣ каждый живетъ какъ въ стеклянномъ домѣ.

Вообще, утверждаетъ Эва, болѣе самостоятельные чиновники, а именно: директоры стальныхъ и желѣзныхъ заводовъ, угольныхъ копей и т. д., почти всѣ — способные, добросовѣстные люди; только среди графской челяди процвѣтають сорныя травы.

Но и тутъ, долженъ я прибавить съ своей стороны, не всѣ — сорная трава. Старикъ-лѣсничій съ большой бѣлой бородой, непосредственный начальникъ моего покойнаго отца, полонъ добрыхъ намѣреній, но не можетъ никогда привести ихъ въ исполненіе отъ природной или отъ нажитой въ теченіе сорокалѣтней службы у графа слабости; и помощникъ начальника конторы вовсе не плутъ, хотя и круглый дуракъ.

Ффрау Эва говоритъ, что я сострадаю бѣднымъ и неимущимъ, и въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ не ошибается во мнѣ, какъ во многомъ другомъ. Я жалѣю даже и этихъ людей, кото-

рые, безъ сомнѣнія, ничтожныѣ и несчастныѣ оборванцевъ, которые въ дождь и бурю шлепаютъ по шоссе, отправляясь на работу. Быть можетъ, умственное и нравственное убожество представляются намъ тѣмъ безобразнѣе, чѣмъ богаче платье, въ которое они облечены, чѣмъ роскошнѣе обстановка, среди которой они обрѣтаются. Въ такомъ случаѣ графъ еще бѣднѣе и жалче своихъ подчиненныхъ, — самый жалкій и самый бѣдный изъ всѣхъ. И я долженъ былъ бы особенно жалѣть его, да и жалѣлъ бы, еслибы только зналъ въ подробности, при какихъ обстоятельствахъ образовался такой человекъ. Въ сущности вѣдь людей образуютъ, конечно, обстоятельства; и тѣ, при которыхъ онъ выросъ и воспитался, были, быть можетъ, въ нравственномъ отношеніи хуже, нежели обстоятельства, обуславливающія испорченность его подчиненныхъ и рабочихъ. Какъ можетъ быть здоровъ человекъ, если среда нездоровая? А развѣ это здоровая среда, гдѣ тысячи обрекаются на физическій нравственный и умственный голодъ — *starving*, какъ говорятъ англичане, — для того, чтобы одинъ всю жизнь утопалъ въ роскоши и не признавалъ надъ собой божескихъ законовъ, — никогда, никогда не испыталъ бы размѣровъ своей собственной силы, никогда бы не зналъ настоящей себѣ цѣны, обитый съ толку льстецами и въ своемъ ослѣпленіи считающій себя чуть не полу-богомъ?!

Несомнѣнно, наши современные реалисты правы, настаивая на условіяхъ „*milieu*“ для объясненія характера своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Хотя при этомъ все-же остается необъяснимымъ, какимъ образомъ изъ одной и той же среды выходятъ такіе люди, какъ этотъ скотоподобный Шкапчикъ и благородный Андерсъ.

Сторожъ, проходя мимо моей башни, свищетъ по совиному и возвѣщаетъ, что уже два часа ночи. Я съ нимъ вмѣстѣ превращаюсь въ ночную птицу.

Слава Богу! Эва вернулась съ дѣтьми, а мужу ея пришлось по графскимъ дѣламъ ѣхать въ Варшаву и въ Россію. Она пріятно провела время въ Берлинѣ. Ей было бы еще пріятнѣе, еслибы совѣщанія мужа съ графомъ привели къ болѣе счастливымъ результатамъ. Она можетъ совершенно откровенно говорить со мной объ этомъ, такъ какъ мнѣ все это довольно хорошо извѣстно изъ корреспонденціи между этими господами, которая проходитъ черезъ мои руки. Дѣло идетъ о новой арендѣ каменноугольныхъ копей на дальнѣйшіе годы, при чемъ предвидится не-

избѣжная потеря въ нѣсколько милліоновъ, такъ какъ дѣло рѣшено вопреки воззрѣніямъ оберъ-директора.

При такихъ условіяхъ проектъ постройки, по сосѣдству отъ копей, человѣческихъ жилищъ, заслуживающихъ этого названія, снова откладывается *ad calendas graecas*,—это само собой разумѣется. При этомъ объясненіи оберъ-директора съ графомъ отношенія ихъ настолько обострились, что одно время можно было опасаться полного разрыва между ними, для вѣщаго удовольствія господина субъ-директора, который и былъ главнымъ совѣтникомъ графа во всемъ этомъ дѣлѣ.

Впрочемъ, у бѣднаго графа были свои личныя причины къ раздражительности. Съ отъѣздомъ изъ его дома Изабеллы исчезъ, повидимому, оттуда послѣдній свѣтлый лучъ. Онъ, кажется, употреблялъ нечеловѣческія усилія, чтобы помѣшать ея браку; когда же Изабелла все-таки поставила на своемъ, то совсѣмъ упалъ духомъ, и единственнымъ утѣшеніемъ для него служить то, что и Арманъ остался не при чемъ. Жена д-ра Эбергарда, сообщившая всѣ эти извѣстія, утверждаетъ, что Арманъ никогда не питалъ никакихъ надеждъ на женитьбу, да къ тому же отецъ его ни за что не далъ бы своего согласія!

Арманъ съ годъ уже какъ произведенъ въ офицеры. Онъ служитъ въ гвардейскомъ драгунскомъ полку и считается однимъ изъ первыхъ кавалеровъ столицы.

Я этому охотно вѣрю. Онъ достаточно для этого красивъ и ловокъ. Вопросъ въ томъ только, насколько щедро снабжаетъ его деньгами отецъ, въ прибавку къ его офицерскому жалованью, и какъ онъ справится съ расходами, связанными съ званіемъ перваго кавалера столицы. Какъ-то они оба выпутаются изъ этого! Во всякомъ случаѣ трудно имъ будетъ ладить другъ съ другомъ, такъ какъ графиня не можетъ больше играть между ними роль посредницы. Постъ страшнаго нервнаго возбужденія, о которомъ мнѣ писала Изабелла, она впала вскорѣ послѣ отъѣзда Изабеллы въ глубочайшую апатію, и ее вынуждены были помѣстить въ *maison de santé*. Бѣдная Сивилла! Мнѣ отъ души жаль бѣдную, нѣжную дѣвушку! Она теперь почти не выходитъ изъ комнаты и большую часть времени проводить въ постели или на кушеткѣ, читая попеременно богословскія и философскія сочиненія. Не могу себѣ представить ничего трогательнѣе ея воскреснаго, почти прозрачнаго лица, на которомъ свѣтились большіе кроткіе глаза съ неземнымъ выраженіемъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть ее еще разъ!

Можетъ быть, это мнѣ удастся. Издатель привялъ мой ро-

манъ съ тѣмъ условіемъ, что я сокращу первую часть, что вполнѣ совпадаетъ съ моими желаніями. Гонораръ—хотя профессоръ Рихтеръ называетъ его скромнымъ—превозмогъ бы мои самыя смѣлыя надежды, еслибъ я питалъ какія-нибудь надежды. Книга появится въ печати нынче осенью. По мнѣнію профессора, я долженъ самъ слѣдить за печатаніемъ и потому могу оставаться здѣсь только до осени, а... фрау Эва должна согласиться съ отцомъ! Когда она толковала со мной о выгодахъ, связанныхъ для меня съ пребываніемъ въ Берлинѣ, мнѣ въ первый разъ показалось, что она не вполнѣ искренна. Обыкновенно она упорнѣе стоитъ за свои мнѣнія, да и голосъ ея звучалъ какъ-то безпокойно и раза два обрывался. Я тщетно ломаю голову, чѣмъ объяснить эту быструю перемену въ ея мнѣніяхъ. Что профессоръ именно осенью нуждается въ услугахъ помощника,—это, конечно, счастливый случай, но въ большомъ городѣ, при нѣкоторой протекціи, подобные случаи должны представляться нерѣдко. Безъ сомнѣнія, она хочетъ удержать меня не ради собственнаго удовольствія, и врядъ ли также тревожится за мое душевное спокойствіе; стало быть, остается одно объясненіе: она говоритъ по желанію, быть можетъ, по порученію своего супруга. Спрашивается, желаетъ ли онъ отдѣлаться отъ неумѣлаго секретаря, или... Глупости! Это такъ непохоже на него, хотя... Полно врать, дружище! Ты боишься своимъ отъѣздомъ нанести ударъ лучшей изъ женщинъ, и вмѣсто того, чтобы принимать вещи просто, какъ онѣ есть, выдумываешь шекспировскія трагедіи ревности, для которыхъ, къ несчастію, недостаетъ *persona dramatis*. Въ ея маленькомъ пальчикѣ больше ума, чѣмъ было въ прекрасной головкѣ Дездемоны, а еслибъ Отелло, вмѣсто полководца венеціанской республики, оказался оберъ-директоромъ графа Вальдбурга, ему некогда было бы поднимать исторіи изъ-за потеряннаго батистоваго платка. Былъ тамъ еще Кассіо, котораго даже его лучший другъ могъ называть красавцемъ, чего обо мнѣ, сколько я знаю, не скажетъ даже мой злѣйшій врагъ.

Truth is stranger than fiction!—Правда страннѣе выдумки! Пока моя фантазія упрямо разыгрывала фантастическую драму, въ Эйзенгаммерѣ завершилась потрясающимъ финаломъ настоящая! Мачиха Марты утопилась въ озерѣ за деревней. Узнавъ объ этомъ, я тотчасъ же попросилъ отпускъ и отправился туда. Отъ Андерса узналъ немного: когда-то такой терпѣливый, онъ теперь совсѣмъ подавленъ; зато языки деревенскихъ кумушекъ обоего

пола развязались. Оказывается, что въ несчастной давно уже замѣчали перемѣну настроенія, доходившую до полного унынія и отчужденія отъ людей. Она перестала посѣщать танцклассъ, который такъ любила прежде, почти не выходила изъ дома, а если и выходила, то куда-нибудь подальше отъ людей, въ лѣсъ или въ поле. Ее оставили въ покоѣ и въ концѣ концовъ совсѣмъ позабыли о той, которая раньше была предметомъ вѣчныхъ разговоровъ. Вспомнили ее только, когда прошелъ слухъ, будто прогулки красавицы не такъ уединенны, какъ думали въ деревнѣ. Слухъ подтверждался и превратился въ полную увѣренность, когда тотъ, кого называла молва, похвастался своей побѣдой въ пьяной компаніи, въ кабацѣ. Оказалось, что это не кто иной какъ Станикъ Сколярчекъ, грубый, упрямый, нахальный парень, надѣждавшій Мартѣ своимъ ухаживаньемъ и пользовавшійся расположеніемъ ея мачихи, которой хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ Марты. Когда Марта оставила, наконецъ, домъ, Станикъ счумѣлъ овладѣть сердцемъ красивой мачихи, что подтвердилось и трагическимъ исходомъ этой исторіи. По всей вѣроятности онъ обѣщалъ жениться на ней, если она разведется съ мужемъ; но вскорѣ несчастная женщина убѣдилась, что это обѣщаніе не будетъ исполнено. Убѣдиться въ этомъ было не трудно, такъ какъ безпутный малый продолжалъ на ея глазахъ свои шашни съ завѣдомыми шлюхами на фабрицѣ. Безъ сомнѣнія, между ними происходили тяжелыя сцены, и одна изъ нихъ закончилась катастрофой. Намекали также на другое обстоятельство, котораго будто бы не могла долѣе скрывать несчастная, что и побудило ее къ самоубійству.

Бѣдный Андерсъ! Онъ всѣмъ сердцемъ любилъ молодую жену и теперь упрямо закрываетъ глаза на печальную истину, которая, однако, слишкомъ очевидна. Врядъ ли онъ переживетъ этотъ ударъ. Онъ отказывается отъ всякой помощи со стороны ффрау Эвы, которая съ обычной готовностью предложила свои услуги, и даже со стороны Марты, которая хочетъ взять къ себѣ въ Берлинъ одного или обоихъ сводныхъ братьевъ. Къ тому же онъ подыскалъ себѣ такую странную хозяйку, что я начинаю опасаться за его разсудокъ: старуху Кубичку, за которой мы съ ффрау Эвой ухаживали въ тотъ вечеръ здѣсь въ залѣ, и которая предсказываетъ женитбу всякой парочкѣ, какую увидитъ передъ собой, и всѣми въ деревнѣ считается за помѣшанную, такъ что Андерсъ могъ бы даже похвастаться, что взялъ себѣ въ жены красавицу изъ красавицъ, а въ хозяйки — безобразнѣйшую изъ безобразныхъ. Можетъ быть, такая крайняя противоположность

нравится чудаку. Другіе иначе объясняютъ это. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда Андерсъ переселился изъ своей нѣмецкой родины въ это польское гнѣздо, Кубичка, въ то время молодая бездѣтная, вдова, влюбилась въ статнаго иностранца, хотя у него была уже семья. Когда первая жена Андерса умерла, она рассчитывала заступитъ ея мѣсто, но онъ обманулъ ея надежду, женившись на покойной. Оттого-то она и помѣшалась, и теперь онъ хотѣлъ, насколько это было въ его силахъ, вознаградить ее за страданія, которыя невольно причинилъ ей. И это на него похоже. Но безуміе остается безуміемъ. Я напишу Мартѣ, не придумаешь ли она, чѣмъ тутъ помочь.

И безъ того воспоминаніе о знойной лѣтней ночи, стоившей мнѣ моей лѣвой руки — самое тягостное въ моей жизни, а благодаря этимъ ужаснымъ событіямъ оно стало еще мучительнѣе. Въ какой тѣмѣ блуждаемъ мы, жалкіе смертные! Могъ ли я спасти несчастную? Какимъ образомъ? Черной измѣной моему старому другу? Оскорбивъ священное право гостя? Навѣки обезчестивъ себя въ собственныхъ глазахъ? И все это ради той, которая во всякомъ случаѣ погибла! которая могла унизиться до какого-нибудь Станика Сколарчека! Она, которую такъ богато одарила природа, и которая могла бы при другихъ условіяхъ...

Можетъ быть, и я былъ бы счастливъ при другихъ условіяхъ, другой средѣ, какъ выражаются наши реалисты, къ которымъ я начинаю чувствовать все большее и большее почтеніе. Условія! Это звучитъ почти такъ же страшно, какъ „Матери“ въ Фаустѣ. Не вырастаетъ ли все изъ ихъ таинственныхъ нѣдръ? Нужно проникнуть въ ихъ тайну, если хочешь достигнуть ясности и истины.

Во всякомъ случаѣ въ слѣдующей же повѣсти (или это опять будетъ романъ?) я займусь „средой“ съ надлежащимъ вниманіемъ.

Какъ бы только со мной не случилось того же, чтò съ Золѣ въ „Жерминаль“, если полагаться на мнѣніе нашего оберъ-директора, который, когда фрау Эва стала говорить при немъ объ удивительномъ знаніи горнаго дѣла, обнаруженномъ авторомъ романа, сначала слушалъ съ удивленіемъ, а потомъ замѣтилъ внушительнымъ тономъ: — Извини, жена, но ты ничего не понимаешь въ этомъ дѣлѣ. Могу тебя увѣрить, что еслибъ кто-нибудь изъ моихъ оберъ-штейгеровъ надѣлалъ столько глупостей, какъ въ этомъ романѣ, то онъ бы и дня не остался на службѣ!

По мнѣнію Фрица Рейтера, хорошо рассказать можно только такую исторію, которая совершилась „на вашихъ глазахъ“. Если

это и вѣрно, то все же рассказывать нужно лишь по истеченіи нѣкотораго времени.

Смерть красавицы-мачихи показалась мнѣ трагическимъ финаломъ деревенской исторіи, которую я попытался изложить въ видѣ повѣсти, чтобы потягаться съ Бертольдомъ Ауэрбахомъ и Готфридомъ Келлеромъ. Но вскорѣ я убѣдился, что повѣсть рѣшительно не вытанцовывается; близкое знакомство съ лицами и событіями убивало свободу поэтического творчества. Съ точки зрѣнія реалиста оно должно бы было послужить на пользу моей работѣ; а между тѣмъ у меня получалась сухая фотографія, вмѣсто живой картины. Къ тому же я не могу остаться внѣ этой исторіи, и въ то же время боюсь помѣстить себя въ число дѣйствующихъ лицъ. Когда же пытаюсь сдѣлать это, то вижу, какъ мало понимаю самого себя, какъ неясны мнѣ мои собственные мотивы, и стыжусь намѣренія читать въ душахъ другихъ, — которыхъ знаю еще меньше, — какъ въ раскрытой книгѣ. Такъ, напримѣръ, у меня явилась странная, ни на чемъ не основанная мысль — мнѣ противно даже записывать ее — будто Марта любила меня; ея мачиха знала это и схватилась за ножъ въ ту ночь, не потому, что обезумѣла отъ неожиданнаго стыда, а съ цѣлью отомстить, наконецъ, ненавистной соперницѣ. Андерсъ тоже возбуждаетъ мою фантазію. Мнѣ показалось крайне удачной въ поэтическомъ отношеніи мысль изобразить добраго, благодушнаго человѣка, никогда никому не причинившаго зла, помѣшавшимся подъ вліяніемъ жестокости судьбы; а теперь я терзаюсь суевѣрнымъ страхомъ, замѣчая у него симптомы если не полнаго безумія, то во всякомъ случаѣ сильнаго душевнаго расстройства. Навѣрное онъ совершенно серьезно обсуждаетъ женитьбу на старухѣ. Ея предшественница была молода и прекрасна, и обманула его; эта — стара и безобразна, и будетъ ему вѣрна; та, которая никогда не любила его, называлась тѣмъ не менѣе его женой, — тѣмъ болѣе не слѣдуетъ этой, которая всегда любила его, оставаться его служанкой; чѣмъ несправедливѣе судьба, тѣмъ сильнѣе должны стремиться къ справедливости люди. и если другіе не заботятся о ней, то это не причина ему сидѣть служа руки. Такъ думалъ и Христосъ, за что и потерпѣлъ казнь, и Арнольдъ Винкельридь, направившій австрійскія копыя въ свою грудь. Онъ хотѣлъ проложить путь свободѣ, которая не могла пошевелиться, пока обнаженная грудь народа сталкивалась съ желѣзными панцырями людоедовъ. Каждая фабрика — людоедъ, котораго нужно уничтожить. И если даже при этомъ все погибнетъ, для людей будетъ не такъ по-

зорно жить на волѣ съ звѣрями и питаться кореньями, какъ ѣсть хлѣбъ на службѣ у людоедовъ.

Эти слова я слышалъ отъ него собственными ушами. Онъ говорилъ, повидимому, безъ всякаго возбужденія, но по временамъ его сѣрые глаза подъ темными бровями свѣтились дикимъ огнемъ.

И я долженъ сознаться, что, по крайней мѣрѣ, эта безумная мысль о людоедахъ засѣла у него съ того дня, когда я рассказывалъ ему сказку въ лѣсу.

Я потратилъ два драгоценные мѣсяца въ тщетныхъ попыткахъ обработать эту трудную тему и придать поэтическую форму неуклюжей грудѣ матеріала.

Фрау Эва очень недовольна мною, да и я—не меньше.

Я написалъ, безъ ея вѣдома, ея отцу въ Берлинъ, что если онъ еще нуждается въ моихъ услугахъ—я могу приѣхать къ первому октября, а то и раньше. Онъ отвѣчалъ очень любезнымъ письмомъ; написалъ, что ждетъ меня къ первому октября. Разумѣется, я сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ моему принципалу, который отнесся къ этому сообщенію очень равнодушно. Да и не все ли ему равно? Онъ ничего не теряетъ отъ моего отъѣзда, а до моей потери ему нѣтъ дѣла. Но ей я не рѣшился сказать объ этомъ; пусть узнаетъ отъ мужа. Мнѣ показалось, что она узнала, и рѣшилась пройти дѣло молчаніемъ.

Я опять ошибся.

Сегодня послѣ обѣда меня позвали пить кофе, и когда я вошелъ въ ея комнату, она быстро подошла ко мнѣ, схватила меня за руки и воскликнула:

— Такъ это рѣшено! Вы уѣзжаете?

— Вы сами совѣтовали мнѣ это, *gnädige Frau*!

— Не называйте меня „*gnädige Frau*“, когда говорите такой вздоръ! Никогда бы вы не дождались отъ меня подобнаго совѣта! Вы знаете, какъ я дорожу вашимъ обществомъ.

— Да и мнѣ трудно будетъ обойтись безъ васъ.

Мы были такъ взволнованы, что когда усѣлись, прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ мы могли продолжать разговоръ.

— Для васъ,—начала она, намекая на мои послѣднія слова,—для васъ эта разлука будетъ во всякомъ случаѣ гораздо легче, чѣмъ для меня, которая останется здѣсь въ одиночествѣ, Богъ знаетъ, на сколько лѣтъ. Мужъ то-и-дѣло въ отлучкѣ, иногда по недѣлямъ, и мнѣ не съ кѣмъ слова сказать, кромѣ какъ съ дѣтьми или съ прислугой. Да если онъ и дома, то бесѣда о лите-

ратурѣ и искусствѣ у насъ не въ ходу. Я не жалуюсь. Я думаю, что всякій мужчина, желающій добиться успѣха въ своей специальности, какова бы она ни была, долженъ быть одностороннимъ, а мой мужъ добился такого значенія въ своей области, что въ правѣ не интересоваться множествомъ вещей, въ томъ числѣ литературой и искусствомъ. Но это все, чѣмъ я интересовалась съ дѣтства и до сего дня. Мой отецъ и люди, посѣщавшіе его домъ, развили во мнѣ эти стремленія. Вамъ покажется смѣшно, а между тѣмъ это вѣрно: вы, никогда не бывавшій въ Берлинѣ, переносили меня въ берлинское общество. Я могла говорить съ вами о моихъ любимыхъ предметахъ; мало того, посвящая меня въ свои литературные замыслы, вы дали мнѣ возможность ознакомиться съ поэтическимъ творчествомъ ближе, чѣмъ когда-либо. Но чтѣ всего лучше...

Она запнулась, а потомъ продолжала обычнымъ смѣлымъ тономъ, глядя мнѣ прямо въ глаза:

— У васъ никогда не было сестры. Я думаю, что это несчастіе для всякаго молодого человѣка, тѣмъ болѣе для того, кто по самой профессіи своей долженъ, между прочимъ, читать въ женской душѣ. Я вообразила, — нѣтъ, я знаю, что вы нашли во мнѣ подругу, которая, конечно, могла бы быть лучше, остроумнѣе, даровитѣе во всѣхъ отношеніяхъ, — но врядъ ли могла бы относиться къ вамъ съ большей симпатіей, именно какъ сестра.

Она протянула мнѣ руку, которую я хотѣлъ поцѣловать. Но самъ не знаю какъ — поцѣловаль ее въ губы, чистѣйшимъ поцѣлуемъ, какимъ только могутъ обмѣняться братъ съ сестрой.

Мы ни чуточки не смутились, — ни я, ни она. Напротивъ! точно ледъ растаялъ между нами; мы впервые разговорились по душѣ, безъ всякаго стѣсненія. Мы смѣялись, шутили и веселились, какъ дѣти. Это былъ счастливѣйшій часъ въ моей жизни. Чтѣ бы ему случиться двумя днями раньше! Тогда бы я подумалъ да и подумалъ, прежде чѣмъ промѣнять это счастье на чечевичную похлебку, называемую Берлиномъ. Теперь поздно.

Я жестоко поплатился за мою торопливость. Передо мною лежитъ письмо — отъ нея! Она не пріѣдетъ осенью.

Неаполь. Hôtel du Louvre. Май, 188*.

„Милый счастливчикъ! Ты слишкомъ рано обрадовался моему пріѣзду. Я еще помыкаюсь по свѣту: мѣсяца два проведу на Капри, осень и зиму въ Парижѣ, быть можетъ въ Каирѣ. Этого

требуютъ врачи (NB: не для меня). Это ужасно, въ особенности потому, что ужасно скучно. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ надоѣла эта жизнь. Иногда я хотѣла бы сдѣлаться разбойникомъ въ Абруццахъ, такъ какъ, полагаю, эти господа не мѣняють туалета по три раза въ день. По мнѣ мурашки бѣгаютъ, когда я услышу слово *corso*, а когда кельнеръ открываетъ дверь въ обѣденную залу, мнѣ кажется, будто я иду не за табльдотъ, а на эшафотъ. Все это было бы, пожалуй, выносимо, не будь тутъ англичанъ. Но они просто нестерпимы. Старые джентльмены, съ тонкими губами, съ высокими галстухами вокругъ тощихъ шей, напоминають мнѣ твоего короля людоѣдовъ, у котораго застряла въ глоткѣ верхушка ели; а молодые, съ вырѣзанными воротничками и жилетами, съ надутой миной, которая, кажется, говоритъ: —я знаю, что я Адонисъ, но нисколько не интересуюсь этимъ,— еще отвратительнѣе. Любой изъ нихъ годится въ модели для твоего принца-людоѣда. Среди дамъ попадаются иногда удивительныя красавицы, но... Я могу вынести все, кромѣ кокетства. Если, прочитавъ эти слова, ты прибавишь: —„которое допускаю только въ себѣ самой“, —то ты не добрый счастливчикъ, а злой мальчишка, не стоящій того, чтобы бѣдная маленькая фея утруждала себѣ пальцы надъ письмомъ къ тебѣ.

„Я ужасно обрадовалась твоему роману, въ которомъ фигурирую въ качествѣ героини. Читая его, я забываю о жестокой прозѣ, окружающей меня, забываю о томъ, что я ничѣмъ не лучше легіона горничныхъ, которыя вмѣстѣ со мною мелькають въ купѣ перваго класса на желѣзныхъ дорогахъ, въ читальняхъ и обѣденныхъ залахъ отелей, и при видѣ которыхъ я съ ужасомъ спрашиваю: зачѣмъ сотворилъ Господь это бесполезное племя?

„Пиши мнѣ сюда, если только собираешься писать такое же милое письмо, какъ предъидущее; кланяйся твоей обожаемой ффрау Эвѣ — и... нѣтъ! Тщеславіе всегда было однимъ изъ твоихъ недостатковъ, и я не хочу его усиливать. Поэтому не посылаю тебѣ того, что совсѣмъ было — собралась послать, но остаюсь, какъ всегда, —твоя Майская Ночь“.

Я полагалъ, что послѣ того какъ Эва сдѣлалась моей „сестрой“, мнѣ незачѣмъ скрывать отъ нея мою безразсудную страсть къ Изабеллѣ, и нисколько не сконфузился, когда она съ улыбкой отвѣтила мнѣ, что эта страсть для нея — все, что угодно, только не тайна. Стараясь скрыть ее, —сказала она, —я поступалъ какъ страусъ, который прячетъ голову въ песокъ, и думаетъ, что его не замѣтятъ охотники. Да и какой поэтъ можетъ удержатъ въ

себѣ свои сердечныя тайны! Болтливость поэта часто неудобна для окружающихъ, но поэзія почерпаетъ въ ней свою лучшую пищу, такъ что приходится мириться съ неизбѣжнымъ зломъ, какъ и сдѣлала Изабелла, увидавъ свой образъ въ моемъ романѣ, — не говоря уже о сказкѣ, которая слишкомъ ясна.

Что-жъ! если страсть является музой, одушевляющей поэта, то нельзя назвать ее глупой; къ тому же она — могущественное оружіе и щитъ противъ пошлости, которой такъ легко поддаются молодые люди. Нужно только ясно сознать, что идеальный міръ и дѣйствительность — двѣ совершенно различныя вещи, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не должно смѣшивать. Иначе выйдетъ только путаница и несчастье, въ чемъ легко убѣдиться, обративъ вниманіе на браки, въ особенности ранніе. Любовь раздѣляетъ съ поэзіей стремленіе къ идеализаціи, но поэзія умѣетъ раздѣлять оба міра, а любовь далеко не въ такой степени способна къ этому. Тотъ, кому Богъ позволилъ изливать свои страданія въ словахъ, этимъ самымъ избавляется отъ страданій, тогда какъ другіе люди должны терзаться безмолвными муками.

— Другими словами, — сказалъ я Эвъ: — счастье для меня, что Изабелла не сдѣлалась моей женой.

— И большое, — отвѣчала она: — такъ какъ этотъ бракъ повелъ бы къ путаницѣ, которая сдѣлала бы васъ обоихъ несчастными.

— Но вы сами сказали, что поэтъ можетъ избавиться отъ этого несчастія.

— Во-первыхъ, это справедливо только относительно васъ, а не Изабеллы; во вторыхъ, какой же ужасной борьбой достигнется побѣда! Нѣтъ, лучше такое положеніе, какъ теперь.

— Изабелла не счастлива, — пробормоталъ я.

— Почему вы такъ увѣрены въ этомъ, тщеславный человѣкъ? А мнѣ кажется, баронъ Шёнау — какъ разъ подходящій мужъ для Изабеллы, которая съ своими блестящими внѣшними преимуществами всегда останется свѣтской женщиной, хотя я не отрицаю у нея ни ума, ни чувства. Но самое важное въ ея глазахъ — именно эти внѣшнія преимущества, а умъ и чувства она цѣнитъ какъ средство усилить ихъ блескъ.

— Мнѣ кажется, вы немножко несправедливы.

— Пожалуй, если это васъ успокоиваетъ. Во всякомъ случаѣ я могу сообщить вамъ, какъ обстоитъ дѣло съ осеннимъ и зимнимъ пребываніемъ на Капри и въ Сициліи. Римскій врачъ констатировалъ у барона признаки начинающагося расстройства легкихъ, да и докторъ Эбергардъ, свидѣтельствовавшій его здѣсь,

думаетъ, что легкія не совсѣмъ въ порядкѣ. Такъ что не мѣшаетъ принять мѣры заблаговременно. Только это продолжительное пребываніе за границей можетъ оказаться не по карману Шёнау. Такъ по крайней мѣрѣ думаетъ мой мужъ. Мнѣ очень прискорбно слышать это. Я не могу безъ глубокаго состраданія представить себѣ лучезарное личико Изабеллы—теперь вы довольны?—омраченное заботой. Ей необходима блестящая обстановка.

— А между тѣмъ она родилась въ такой жалкой обстановкѣ?

— Для того, чтобы избавиться отъ нея при первой возможности. Ну, а какъ подвигается наша повѣсть?

Эва настаиваетъ, чтобы я окончилъ—худо или хорошо—мою деревенскую исторію. По ея словамъ, я не изъ тѣхъ поэтовъ, которые печатаютъ только поэтическіе отрывки; какъ бы ни были хороши эти послѣдніе, но все-же подобные поэты—только отрывочные геніи. Истинный поэтъ—какъ и всякій истинный художникъ—подобенъ муравью Тамерлана, девяносто девять разъ взбиравшемуся на камень съ своимъ пшеничнымъ зерномъ и добившемуся—таки успѣха при сотой попыткѣ; или Іакову, который боролся съ ангеломъ, говоря ему: „не отпущу тебя, пока ты не благословишь меня“.

Итакъ, я снова принялся за работу, но попрежнему безуспѣшно. Если бы я только зналъ, какъ покончить съ Андерсомъ! Онъ сдѣлался центральной фигурой, и такъ какъ это исторія безусловно трагическая, то и его конецъ долженъ быть трагическимъ. Но какимъ же именно? Окончательно свести его съ ума мѣшаетъ мнѣ непреодолимый страхъ,—я точно боюсь накликать на него дѣйствительное безуміе. Это нелѣпо, но я не могу отдѣлаться отъ суевѣрнаго страха. Притомъ, если онъ сойдетъ съ ума, нельзя будетъ женить его на старой вѣдьмѣ. Придется выдумать какую-нибудь катастрофу, въ которой онъ найдетъ достойную себя смерть. Но какую именно?..

Сегодня мы поспорили съ принципаломъ. Мы говорили въ присутствіи Эвы объ Андерсѣ, который все еще держитъ Кубичку въ своемъ домѣ и продолжаетъ удивлять окружающихъ своими вольными рѣчами. Я сказалъ, что по моему мнѣнію бѣднѣе опасно болѣнь, и слѣдовало бы помѣстить его въ больницу для излеченія. Эва согласилась со мной.—Не понимаю, о чемъ вы хлопочете! — воскликнулъ ея мужъ. — Пока онъ исполняетъ свою работу хорошо и аккуратно, я не вижу надобности вмѣшиваться. Отношенія къ старухѣ—его личное дѣло, а болтовнѣ его я не придаю никакого значенія. Ученіе соціаль-демократовъ—такой

сплошной вздоръ, отъ А до Z, что немного больше, немного меньше этого вздора—ничего не составить.

Я позволилъ себѣ замѣтить, что ученіе, которому сочувствуютъ сотни тысячъ мыслящихъ существъ, должно содержать въ себѣ по крайней мѣрѣ зерно истины, и можетъ быть все дѣло въ томъ, чтобы освободить это зерно отъ облекающей его шелухи.

Но и съ этимъ онъ не согласился.

— Мякина всегда останется мякиной, — возразилъ онъ, — какъ вы ее ни провѣивайте. Если даже оставить въ сторонѣ коммунистическую бессмыслицу, всеобщее право голоса, равенство заработной платы и другія утопическія бредни, то остается бессмыслица изъ бессмыслицъ — господство массы. Масса не можетъ управлять, никогда не могла и никогда не сможетъ. Правитель долженъ быть одинъ, — говоритъ, если не ошибаюсь, уже старикъ Гомеръ. Даже тамъ, гдѣ управляютъ двое, одинъ лишній. Вотъ хоть бы у насъ: всѣ затрудненія и неурядица происходятъ отъ того, что графъ путается въ мое дѣло и разстроиваетъ мои планы. Не говорю уже о другихъ господахъ — *nomina sunt odiosa*, — которые рады ловить рыбку въ мутной водѣ. Не будь этого, все пошло бы какъ по маслу, работа кипѣла бы, и у людей не было бы поводовъ жаловаться...

— Стало быть, теперь есть, — замѣтила Эва.

— Но развѣ это аргументъ въ пользу социаль-демократовъ? — воскликнулъ онъ. — Это доказываетъ только, что самая лучшая машина будетъ плохо работать, если ей придется расходовать силу на треніе, совершенно бесполезное и легко устранимое. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ она можетъ и совсѣмъ остановиться въ одинъ прекрасный день. Послѣднія извѣстія изъ Вестфалии очень неутѣшительны. Повидимому, стачка неизбежна, и если даже не дойдутъ до общей стачки — до нея никогда не дойдетъ, — то и мѣстныя могутъ надѣлать немало вреда. Черезъ мѣсяцъ дойдетъ дѣло и до насъ. Конечно, у насъ дѣло обстоитъ иначе, и стачка не можетъ имѣть успѣха, но люди глупы и слѣпы и сплошь и рядомъ сами стремятся къ своей гибели.

Эва постаралась прекратить этотъ непріятный разговоръ, продолжать который было совершенно бесполезно.

У меня вертѣлся на языкѣ вопросъ: — кто же виноватъ въ этой людской глупости? Вѣроятно, я получилъ бы въ отвѣтъ: — вліяніе патеровъ. Я согласенъ, что извѣстная доля отвѣтственности падаетъ на нихъ — не всѣ патеры таковы, какъ мой славный Щончалла — но одни ли они виноваты? Развѣ въ другихъ мѣстахъ,

гдѣ духовенство неповинно въ невѣжествѣ народа, дѣло обстоитъ много лучше?

Нѣтъ, мой почтеннѣйшій принципаль: съ просвѣщеннымъ деспотизмомъ нынче далеко не уйдешь! Посмотримъ, что-то изъ него выйдетъ.

Третьяго дня было рожденіе моего любимца Эрна. Крестный прислалъ ему дорогой альбомъ съ странною надписью: „Trau, schau—wem“ — „вѣрь, смотри только—кому!“ Эва просила меня написать стихи, которые, конечно, не могутъ быть приноровлены къ настоящему развитію ребенка. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ не сочинялъ стиховъ—повидимому, они плохо вяжутся съ писаньемъ повѣстей—и вчера ночью не безъ труда накропалъ слѣдующее:

TRAU, SCHAU—WEM?

Es ist noch längst nicht alles Gold, was glänzt,
 Und manches glänzt nicht, was doch eidel Gold ist:
 Nicht immer scheint die Sonne, wenn es lenzt,
 Und mancher Tag im Winter frühlingshold ist;
 Du siehst nicht manchem armen Mädchen an,
 Dass ihre Seele voll von süßem Duft ist,
 Und Hamlet sagt: es lächelt mancher Mann
 Beständig, der ein abgefeinter Schuft ist;
 Gar mancher scheint geschnitzt aus ganzem Holz,
 Was kläglich doch aus Stücken nur geleimt ist,
 Oft wächst an einem Baume dumm und stolz,
 Auch giebt viel Ungereimtes, das gereimt ist;
 Gar manches Werk dem Publicum gefällt,
 Das doch, bei Licht besch'n, der reine Schund ist,
 Und manche Frau geht Klaglos durch die Welt,
 Der das gequälte Herz zum Sterben wund ist,
 Gar manches steht in der Olympier Hut
 Was einem Cato nimmermehr genehm ist,
 Auch dieses merk dir, Kind: nur dem geht's gut
 Im Leben, dessen Wahlspruch:—Trau, schau—wem?—ist!

„Не все то золото, что блеститъ, и то, что не блеститъ, оказывается иногда чистымъ золотомъ; не всегда свѣтитъ солнце даже весною, и часто зимній день хорошъ, какъ весенній; у иной некрасивой дѣвушки душа—сладкое благоуханіе; а тотъ кто всегда улыбается, бываетъ завзятый пройдоха,—говоритъ Гамлетъ; многое, что кажется вырѣзаннымъ изъ одного куска, на самомъ дѣлѣ кое-какъ слѣплено изъ кусочковъ, и на одномъ деревѣ могутъ вырасти глупость и гордость; безсмысленное содержаніе часто скрывается въ изящной формѣ; произведеніе, которое нравится публикѣ, оказывается иногда совершенною дрянью, и нерѣдко

безъ малѣйшей жалобы проходить въ міръ женщина, растерзанное сердце которой несетъ смертельную рану; многое пользуется покровительствомъ олимпійцевъ, что никогда не будетъ пріятно Катону; и замѣть, дитя: только тому хорошо живется, чей девизъ: „Вѣрь, смотри только — кому!“

— Знаете ли, — сказала Эва, — что мнѣ напоминаютъ ваши стихи? Субботнее меню экономныхъ хозяекъ, которое называютъ обзорѣніемъ недѣли. Такъ и вы взяли понемножку изъ всего, что пережили до сихъ поръ, и дѣлаете видъ, что ваше произведеніе вырѣзано изъ одного куска, хотя на самомъ дѣлѣ оно слѣплено — не кое-какъ, въ этомъ отношеніи я должна защищать васъ отъ васъ самихъ, — но все же слѣплено изъ отдѣльныхъ кусочковъ. Позвольте раскритиковать ваши стихи?

— Пожалуйста.

— Невзрачная бѣдная дѣвушка съ душой, исполненной сладкаго благоуханія, — Марта.

— Допустимъ.

— Чистое золото, которое не блеститъ, — лесть по моему адресу.

— Не лесть.

— Молчите! Дерево, на которомъ въ трогательномъ единеніи произрастаютъ глупость и гордость — графскій...

— Угадали.

— Тогда какъ вѣчно улыбающійся пройдоха — нѣкій младшій директоръ, которому очень хочется угодить оберъ-директору.

— Именно!

— А на ряду съ нимъ очень выгодно оттѣняется гордый Катонъ — въ лицѣ господина автора.

— И это вы называете раскритиковать?

— Сейчасъ я кончу. Очень хорошо съ вашей стороны, что вы съ благоговѣніемъ упомянули о вашей милой матушкѣ, говоря о женщинѣ, которая проходитъ міръ безъ малѣйшей жалобы, и очень гадко, что въ первомъ же стихѣ вы отреклись отъ своего божества, какъ Петръ отъ Господа. И для чего? чтобы угодить мнѣ.

— Я васъ не понимаю.

— Но я беру назадъ свои слова и съ раскаяніемъ признаюсь: она не только блеститъ, она — золото, такъ что чистое золото въ сравненіи съ нею оказывается обыкновеннѣйшей мѣдью, да его и вообще Господь не создаетъ, а выдумываетъ фантазія поэта.

— Перестаньте!

— Согласна, такъ какъ страусъ признается, что снова попытался спрятать въ песокъ свою мудрую голову.

— Все, что вамъ угодно.

Эва подзадоривала меня, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка.

Что за женщина! Моей жизни не хватитъ, чтобы отблагодарить ее за ослѣпительный свѣтъ, который она внесла въ мое темное одинокое существованіе!

Принципаль не ошибся: волненія горнорабочихъ въ Вестфалии отозвались и среди нашихъ рабочихъ. До стачки еще не дошло, но можно ожидать ее каждую минуту. Въ рабочихъ кружкахъ гудятъ, какъ въ ульѣ передъ вылетомъ роя. Онъ постоянно на ногахъ, переходитъ изъ мастерской въ мастерскую, ободряетъ служащихъ, уговариваетъ рабочихъ, въ сотый разъ изслѣдуетъ давно изслѣдованные недостатки и прорѣхи. Я постоянно сопровождаю его. При переходахъ изъ одного мѣста въ другое, онъ старается растолковать мнѣ—чего раньше никогда не дѣлалъ—въ чемъ тутъ собственно дѣло и почему неправы рабочіе. Послушать его, такъ это непроходимые олухи. Да и точно: когда начнешь спрашивать, что побуждаетъ ихъ къ стачкѣ, то получаешь въ отвѣтъ невозможный вздоръ. Одинъ жалуется на школьнаго учителя, который требуетъ линованныхъ тетрадей. Другой желаетъ стачки, потому что при послѣдней раздѣлѣ жалованья его обсчитали на двадцать крейцеровъ; третій—потому что оберъштейгеръ, его же крестный отецъ, говоритъ ему „ты“. Но я думаю, что всѣ эти глупости—результатъ смущенія и трусости людей, которые боятся говорить откровенно съ строгимъ оберъ-директоромъ. Между собой они говорятъ совершенно иное.

И когда онъ доказываетъ мнѣ цифрами, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи объ увеличеніи заработной платы, такъ какъ иначе придется устраниваться отъ конкуренціи на міровомъ рынкѣ и понести дефицитъ,—я спрашиваю себя, почему эти бѣдняки въ закомпѣлыхъ блузахъ должны платиться за грѣхи королей всемірнаго рынка, и такъ ли великъ былъ бы дефицитъ, еслибъ господинъ графъ не всадила, въ свое время, двухъ милліоновъ въ постройку новаго замка, и удовольствовался на будущее время половиной прислуги и конюшни.

У этой медали двѣ стороны, и на одной ужасное лицо—лицо Медузы—на той, которую я вижу теперь ежедневно! Я думалъ, что достаточно ознакомился съ бѣдностью въ Эйзенгаммерѣ, но то была только поверхность, а не пучина нищеты, въ которую я попалъ теперь. Тамъ жилось по-царски въ сравненіи съ тѣмъ, что я вижу въ деревняхъ и мѣстечкахъ вокругъ здѣшнихъ

каменноугольныхъ копей. Вчера мы были въ одномъ баракѣ, гдѣ обитаютъ въ трехъ комнатахъ семьдесятъ человѣкъ; въ одной, самой большой, помѣщается ихъ тридцать: мужчины, женщины, дѣти — ночью — половина пьяные! — Что можетъ быть ужаснѣе этого?!

Злополучные! какую ужасную печать положила нищета на эти истощенныя лица: мужчины — разбитые, сѣдые въ пятьдесятъ лѣтъ! Женщины — старухи къ тридцати годамъ! молодые, восемнадцатилѣтніе парни, съ мѣловыми лицами и трусливо-наглыми взглядами, въ которыхъ читаешь близкое знакомство со всевозможными пороками! И при этомъ милые, нерѣдко красавцы — дѣти, которыя смотрятъ на васъ большими черными грустными глазами, точно спрашиваютъ: неужели мы для того родились, чтобъ сдѣлаться такими же, какъ наши отцы и братья, матери и сестры?!

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Это несправедливо, что бы ни толковали сильные міра сего, мудрецы и такъ называемые благомыслящіе люди! Что-нибудь неладно въ обществѣ, да и не что-нибудь: могущественное съ виду цѣлое, сознающее въ своемъ безсиліи въ виду такого возмутительнаго положенія дѣлъ, подобно пышному зданію, выстроенному на рыхломъ, гниломъ фундаментѣ, который рано или поздно развалится и увлечетъ за собою зданіе.

Я подѣлился съ Эвой своими тяжелыми впечатлѣніями. Она не знаетъ, что сказать мнѣ въ утѣшеніе. Я убѣжденъ, что она смотритъ на вещи такъ же, какъ я.

Какъ же она относится къ своему супругу? Желать и не желать одного и того же — вотъ истинная дружба, — говоритъ Саллюстій. А дружба, говорятъ, лучшая часть любви.

Или это неправда? Можетъ ли быть любовь безъ дружбы? И истинная ли это любовь? Любовь, которая рѣшается сказать: — не все то золото, что блеститъ, — при чемъ ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія не помрачаетъ ея собственнаго блеска?

Что пришлось мнѣ пережить! Я долженъ записать это, чтобы въ послѣдствіи не принять этихъ событій за мечту, дикій бредъ моей фантазіи.

Моя фантазія! Какое ребячество всѣ ея выдумки въ сравненіи съ ужасной гигантской машиной, которая называется жизнью!

Сколько времени я придумывалъ трагическій конецъ для Андерса въ моей деревенской исторіи, — а вотъ машина подхватила настоящаго Андерса, бросила его подъ колесо — и въ одну минуту все кончено!

Но я начинаю съ конца, а хотѣлъ быть точнымъ, какъ старинный хроникеръ.

Мы сидѣли за завтракомъ—въ эти безпокойные дни я сдѣлался у нихъ совсѣмъ членомъ семьи,—собираясь ѣхать на Маріинскій заводъ, какъ вдругъ вбѣжалъ Фридрихъ, блѣдный какъ полотно, съ письмомъ въ рукѣ, которое привезъ верховой съ Адамовскаго завода. Директоръ Маріинскаго завода хотѣлъ-было послать телеграмму, но проволоки были перерѣзаны возмущившимися рабочими. Тогда онъ написалъ письмо, которое одинъ надежный человекъ отнесъ, пробравшись съ опасностью жизни сквозь толпы, стекавшіяся къ Маріинской копи,—на Адамовскій заводъ. Но и здѣсь телеграфныя проволоки были перерѣзаны, такъ что директоръ отправилъ съ письмомъ верхового. Такимъ образомъ прошло по крайней мѣрѣ полтора часа, и уже нельзя было терять ни минуты. Въ депешѣ было сказано: „Пріѣзжайте немедленно; не могу удержать людей“.

Директоръ бросился въ свою комнату; мы съ Эвой переглянулись. Она была очень блѣдна, но выраженіе твердости и самообладанія, которое не исчезало съ ея лица даже въ опаснѣйшія минуты у постели больного ребенка, сохранилось и теперь. Она протянула мнѣ руку и сказала тихимъ твердымъ голосомъ:—Ты не оставишь его.

Никогда еще она не говорила мнѣ: ты; да, безъ сомнѣнія, и теперь сказала бессознательно. Но меня это обращеніе потрясло до глубины души. Я не могъ говорить, и только схватилъ и пожалъ ея милую руку.

Тутъ появился оберъ-директоръ; онъ только засунулъ за поясъ револьверъ. Я убѣжденъ, что Эва не ожидала ничего другого.

Онъ нѣсколько обнялъ жену, которая еще разъ протянула мнѣ руку: она была холодна какъ ледь.

Затѣмъ мы уѣхали въ легкую телѣжку, кони подхватили,—къ счастью намъ пришлось ѣхать по шоссе и только незначительную часть пути проселкомъ. Какъ бы то ни было, переѣздъ продолжался по крайней мѣрѣ три четверти часа, которые показались вѣчностью моему принципалу. До тѣхъ поръ, даже въ критическія минуты, я всегда видѣлъ его спокойнымъ и хладнокровнымъ. Теперь же онъ не могъ скрыть своего волненія, какъ ни старался. Онъ нетерпѣливо шевелился на мѣстѣ, раза два приподнимался и высматривалъ, много ли еще ѣхать, но не торопился. Юганна, видя, что и кучеръ, и лошади, и безъ того изъ кожи лѣзутъ. Мы не обмѣнялись ни единымъ словомъ, чему я былъ очень радъ. Въ мозгу моемъ перекрещивались самыя противорѣчивыя

мысли, въ сердцѣ бушевали непримиримыя чувства. Если дошло до схватки, намъ придется принять въ ней участіе, — а я общалъ Эвъ стоять за него. Могъ ли я не общать этого! и какъ я могъ общать это! Стоять за него, — да, ради нея, — а ради него? Отчего же нѣтъ! Могу ли я отказать въ своемъ сочувствіи, въ своемъ уваженіи мужественному, рѣшительному человѣку? Но вѣдь его мужество, его рѣшимость, направлены противъ тѣхъ, къ кому лежитъ мое сердце! Возмущеніе — глупость съ экономической точки зрѣнія, — преступленіе съ точки зрѣнія закона, — но глупостью и преступленіемъ были возстанія рабовъ въ глазахъ римскихъ патриціевъ, и возстанія крѣпостныхъ въ глазахъ феодальныхъ бароновъ. А въ нашихъ? въ моихъ глазахъ? Какъ отнесутся къ нынѣшнимъ стачкамъ сто, пятьдесятъ лѣтъ спустя? Какъ къ буйнымъ порывамъ дикой, бѣшеной толпы, или какъ къ первымъ проявленіямъ неотвратимаго, неудержимаго движенія, которое должно закончиться возрожденіемъ человѣчества?

Всѣ эти мысли хаотически мелькали въ моей головѣ, и, конечно, не въ томъ порядкѣ, какъ я ихъ излагаю. Я былъ слишкомъ возбужденъ для того. Теперь я припоминаю, что утро было чудесное; нивы волновались подъ дыханіемъ теплаго лѣтняго вѣтерка; на лугахъ мирно паслись стада; на опушкѣ лѣса, мимо котораго мы проѣзжали, стояла парочка оленей; жаворонки звенѣли въ голубомъ небѣ! По мѣрѣ того, какъ мы подѣзжали къ заводу, пейзажъ измѣнялся: появились холмы, гдѣ не было пастбищъ, потому что дернъ былъ срѣзанъ, чтобъ не мѣшало отыскивать руду, и голыя пятна краснобурой земли пестрѣли среди грудъ шлака и пепла. Такой видъ, должно быть, имѣетъ лава по склонамъ Везувія.

Мы проѣхали мимо стальной фабрики. Директоръ вышелъ къ намъ на встрѣчу; онъ съ нѣсколькими служащими одинъ остался при дѣлѣ; работники, два часа тому назадъ, ушли на Маріинскій заводъ, куда должны были собраться и люди съ Адамовскаго завода. Теперь тамъ скопилось, вѣроятно, не меньше тысячи человѣкъ. Такъ какъ вслѣдствіе порчи телеграфныхъ проволокъ нельзя было сноситься съ шефомъ, то онъ рѣшился на свой страхъ потребовать войско. Черезъ полчаса, если не раньше, оно будетъ на Маріинскомъ заводѣ. Начальникъ съ трудомъ подавилъ свое неудовольствіе: это значитъ только раздувать исторію и подливать масла въ огонь. Онъ одинъ управится съ толпой. Директоръ пожалъ плечами: народъ страшно возбужденъ. Для охраны завода остались только директоръ, двое служащихъ, вооруженныхъ, самое большее, револьверами, и двое жандармовъ; но чтѣ они

могутъ подѣлать съ тысячной, возбужденной толпой, въ которой добрая половина пьяны?

Этотъ разговоръ между директоромъ и оберъ-директоромъ длился не болѣе двухъ минутъ, въ теченіе которыхъ дрожавшія, загнанныя лошади могли передохнуть. Затѣмъ мы снова помчались во весь духъ. Черезъ десять минутъ мы были на мѣстѣ. Уже издали слышенъ былъ глухой гулъ толпы, собравшейся, очевидно, по ту сторону зданія, хотя и на встрѣчу намъ попало много рабочихъ, среди которыхъ мы промчались, не замедляя тѣды. Наконецъ, пришлось остановиться. Толпа становилась все гуще; на большомъ дворѣ, гдѣ находится входъ въ шахту, она собралась въ сплошную черную массу. Принципалъ выскочилъ изъ телѣжки и бросился впередъ, расталкивая тѣхъ, кто не успѣвалъ посторониться. Но почти всѣ уступали ему дорогу; многіе даже сняли шапки по старой привычкѣ, повинувая инстинктивному чувству уваженія.

Оно не исчезло и тогда, когда мы пробились, наконецъ, къ низенькому желѣзному крыльцу, на верхней ступенькѣ котораго кучка мужественныхъ людей уже два часа выдерживала натискъ угрожающей толпы. Ихъ разстроенныя, несмотря на мужество, лица оживились, когда они увидѣли, наконецъ, того, кого ждали такъ долго. Да, если кто-нибудь могъ унять бурю, то только онъ.

Нѣтъ! нѣтъ! это не его вина, — не его личная вина!.. Виновы условія, въ которыхъ мы всѣ сдавлены, какъ корабль въ полярныхъ льдахъ; а между тѣмъ...

Когда онъ началъ говорить, толпа нѣсколько стихла и вскорѣ совсѣмъ умолкла. Не могу съ точностью передать содержаніе его рѣчи. Насколько помню, онъ повторялъ то, что я слышалъ отъ него въ послѣднее время, — приравливаясь къ ихъ пониманію: что они ухудшаютъ свое же положеніе этимъ безумнымъ буйствомъ; что имъ извѣстно, какъ онъ всегда всѣми силами стремился улучшить ихъ положеніе, и будетъ стремиться, если они не помѣшаютъ его усиліямъ своимъ поведеніемъ, которое онъ долженъ назвать глупымъ и неблагодарнымъ. Пусть они выберутъ изъ своей среды депутацію, которая изложитъ ему ихъ жалобу — онъ дастъ ей отвѣтъ и объясненія; но если они надѣются застрашать его угрозами, то ошибутся.

Заключительныя слова я, кажется, точно запомнилъ, вѣроятно потому, что они были послѣдними и связаны съ ужаснымъ происшествіемъ, случившимся вслѣдъ за ними:

— Насъ здѣсь только восемь человѣкъ, — сказалъ онъ, — но мы рѣшились скорѣе умереть всѣ до послѣдняго, чѣмъ уступить вамъ.

Чего вы хотите? убить вашихъ товарищей, потому что ихъ контрактъ для нихъ не пустое слово, а обязательство, согласно которому они и сегодня явились, какъ всегда являлись на работу, чтобы честнымъ трудомъ добывать хлѣбъ для себя, для своихъ женъ и дѣтей? Или вы хотите уничтожить машины, затопить шахту? Да вы не думаете о томъ, что потребуются мѣсяцы, чтобы возстановить то, чтѣ вы разрушите въ два часа—если только можно будетъ возстановить—и вамъ же придется голодать, идти съ сумой, бродяжничать и кончить дни въ острогѣ или подъ заборомъ? Подумайте же о своихъ женахъ и дѣтяхъ! подумайте о самихъ себѣ! Совѣтую вамъ это. Я не такъ глупъ, чтобы не понимать, что тысяча человѣкъ, хотя бы и безоружныхъ, раздавятъ, растопчутъ восемь человѣкъ, хотя бы и вооруженныхъ. Некрасивая смерть, чтѣ и говорить, но и умереть отъ револьверной или ружейной пули тоже не сладко. А такъ же вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь, такъ же вѣрно, говорю, что первый изъ васъ, кто подастъ сигналъ къ нападенію, кто ступитъ хоть три шага ко мнѣ, ляжетъ отъ моей руки. Вотъ мое послѣднее слово. Теперь дѣлайте, чтѣ хотите!

Онъ умолкъ среди гробовой тишины, потомъ послышался ропотъ, усиливавшійся какъ вѣтеръ въ лѣсу, когда, поднявшись вдали, онъ несется все ближе и ближе, громче и громче, и, наконецъ, обвѣваетъ васъ съ шумомъ и воемъ. Толпа разбилась на группы, собравшіяся вокругъ вожаковъ.

Тутъ мнѣ почудился въ одной группѣ знакомый голосъ, хотя раньше онъ звучалъ всегда спокойно и кротко, а теперь раздавался рѣзкими, крикливыми нотами—если только это былъ онъ!

Но какъ онъ попалъ сюда изъ Эйзенгаммера, отстоящаго на двѣ мили отсюда?

И однако это былъ онъ.

Онъ внезапно появился передъ толпой, которая снова слилась въ плотную черную массу. Онъ стоялъ спиною къ намъ, вытянувъ руку по направленію къ толпѣ:

— Или вы трусы, или вы дѣти, что позволите запугать себя словами? Наше дѣло—справедливѣйшее въ мірѣ. Долой людоедовъ и ихъ берлоги! За мной! За мной! Я проложу путь свободѣ!

Онъ повернулся къ намъ, я видѣлъ его лицо,—блѣдное, обрамленное клочьями сѣдыхъ волосъ,—когда онъ бросился на насъ, а за нимъ съ оглушительнымъ ревомъ обезумѣвшая толпа.

Но тутъ...

Боже! До конца дней моихъ я буду слышать короткій сухой трескъ, раздавшійся подлѣ моего уха, буду видѣть высокую фи-

гуру, уже почти достигшую крыльца и вдругъ рухнувшую, какъ подрубленное дерево...

Что бы случилось, если бы въ эту минуту на дворѣ не появился отрядъ, вызванный директоромъ стальной фабрики?—бросилась ли бы на насъ толпа черезъ трупъ своего предводителя или отступила въ ужасѣ—какъ по крайней мѣрѣ казалось въ первую минуту—кто знаетъ? Я знаю только, что заводъ и теперь охраняется военной силой, десятка два зачинщиковъ арестованы, а въ остальномъ... все идетъ по старому.

Только не для меня! Я тотчасъ написалъ профессору Рихтеру, можетъ ли онъ принять меня немедленно? Если не можетъ,—все равно: я долженъ уѣхать.

Я не могу оставаться здѣсь долѣе. Не могу искренно пожимать руку, убившую моего лучшаго друга. Въ честномъ бою? Съ его точки зрѣнія,—да! Онъ сдѣлалъ то, что считалъ своей священной обязанностью. И можно ли было предотвратить это убійство? промедлить хоть мгновенье? Еще секунда,—и бѣшенная толпа пронеслась бы по нашимъ трупамъ, чтобы убить своихъ безоружныхъ товарищей или утопить ихъ въ шахтѣ.

То, что совершилось, должно свершиться; но почему должно? Новая жертва Молоху—который не можетъ обойтись безъ такихъ ужасовъ, и онъ—убѣжденный представитель этого Молоха.

То, что онъ сдѣлалъ,—вполнѣ сознательно, исполняя священную обязанность,—онъ сдѣлалъ неохотно. На его лицѣ, когда-то одушевленномъ бодрой энергіей, легло съ тѣхъ поръ мрачное облако; голосъ звучитъ глуше. Эва говоритъ, что нерѣдко ночью онъ по цѣлымъ часамъ рассказываетъ по комнатѣ.

Я вижу, понимаю все это... а между тѣмъ...

Мой бѣдный, злополучный, добродушный Андерсъ! Да, благодушный, несмотря ни на что. Ты тоже исполнялъ то, что считалъ своей священной обязанностью. И если подъ конецъ ты не могъ вполнѣ ясно сознавать того, что дѣлалъ; если твой мозгъ помутился, если ты былъ безумнымъ—то кто же сдѣлалъ тебя безумнымъ? Острое, сверлящее, доходившее до невыносимой боли чувство состраданія къ моральной и физической нищетѣ, смотрѣвшей на тебя изъ впалыхъ глазъ твоихъ собратій! Правда, они не были вполнѣ твоими братьями! ты остался чистымъ среди нечистыхъ, безгрѣшнымъ, насколько это возможно для человѣка, среди грѣшныхъ. Изъ полноты своей любви ты почерпнулъ ненависть, и семейное горе было только послѣдней каплей въ переполненномъ кубкѣ...

Его отнесли въ большую деревянную постройку, гдѣ произ-

водился расчетъ съ рабочими. Я проскользнулъ туда, когда остальные ушли. Трупъ еще лежалъ на длинномъ столѣ, на которомъ изслѣдовалъ его докторъ, вытребованный изъ города. Онъ сообщилъ мнѣ, что пуля пронизала сердце, и смерть послѣдовала мгновенно. Я приподнялъ платокъ, которымъ было прикрыто лицо. Никакой переменны, только густыя брови были грозно сдвинуты, и ротъ сохранилъ отпечатокъ суровой рѣшимости, точно говорилъ:—я сдѣлалъ бы то же вторично, еслибы могъ.

Такъ ты вполне заслужилъ по-своему плату, которую тебѣ отсчитали сегодня...

Я написалъ Мартѣ, спрашивая, что дѣлать съ ея сводными братьями. Теперь она, безъ сомнѣнія, возьметъ ихъ къ себѣ. Можетъ быть, мнѣ можно будетъ захватить ихъ съ собой въ Берлинъ.

Хоть бы ужъ ѣхать скорѣй! Разлука съ нею давитъ мнѣ сердце.

Профессоръ Рихтеръ пишетъ, что радъ принять меня во всякое время; Марта—что я долженъ захватить съ собой мальчиковъ.

Принципаль поѣхалъ на нѣсколько дней въ Бреславль. Слава Богу! Онъ предложилъ мнѣ свой экипажъ для переѣзда въ городъ. Затѣмъ отказываться отъ этого одолженія, разъ я принималъ столько другихъ? Въ Эйзенгаммерѣ захвачу съ собой дѣтей.

Послѣдній листокъ въ дневникѣ отшельника! Или я въ Берлинѣ буду опять одинокъ?

Эва говорить:—нѣтъ! Она настойчиво совѣтуетъ мнѣ пользоваться всякимъ случаемъ для сближенія съ людьми. Я долженъ былъ общать ей это.

Странно, что вчера вечеромъ, во время нашей продолжительной бесѣды, я былъ гораздо спокойнѣе, сдержаннѣе. У нея же то-и-дѣло наворачивались на глазахъ слезы. Сожалѣла ли она о „берлинскомъ обществѣ“, котораго теперь лишается? Надѣется, впрочемъ, что не надолго. Дурныя отношенія между графомъ и ея мужемъ не могутъ тянуться безъ конца. До сихъ поръ она всегда совѣтовала уступки, зная, какое значеніе имѣетъ кипучая дѣятельность мужа для его энергической натуры; теперь не станетъ совѣтовать. Его положеніе здѣсь становится невыносимымъ и въ другихъ отношеніяхъ, — она не сказала мнѣ, въ какихъ именно, такъ какъ мы вообще проходимъ молчаніемъ по-

слѣднія событія. Зачѣмъ растравлять и безъ того мучительныя раны? А я знаю, какъ глубока и мучительна нанесенная ей рана, какъ жестоко она страдаетъ, — тѣмъ болѣе жестоко, что не можетъ ни съ кѣмъ говорить, никому пожаловаться на свои страданія, такъ какъ иначе говорила бы и жаловалась мнѣ. Но тутъ возникаетъ между нами что-то такое, передъ чѣмъ должна отступить самая близкая дружба, самое безусловное довѣріе, самое горячее участіе.

И это нѣчто останется навсегда. Нѣтъ ничего совершеннаго на землѣ, — ни дружбы, ни любви, — ничего!

Сейчасъ она заходила ко мнѣ, въ мою комнатку, впервые съ тѣхъ поръ, какъ два года тому назадъ приготовила ее для меня, — узнать, не нужно ли мнѣ чего, и хорошо ли я уложилъ мои вещи, — мои семь всего вещей! Онѣ помѣстились въ маленькомъ чемоданчикѣ, меньшемъ, чѣмъ ящикъ съ книгами, которыя она дарила мнѣ въ разное время. Спрашивала, уложилъ ли я рукопись деревенской исторіи? Я долженъ кончить ее, самое позднее, черезъ двѣ недѣли; теперь у меня не возникнутъ сомнѣнія насчетъ конца, который такъ затруднялъ меня до сихъ поръ. И я обязанъ никого не щадить, ничего не смягчать, обязанъ высказать свое послѣднее слово вполнѣ откровенно. Отпечатокъ посредственности, лежащій на нашей литературѣ, сплошь и рядомъ зависитъ отъ недостатка мужества у нашихъ поэтовъ и писателей, — талантовъ, выросшихъ въ одиночествѣ и лишенныхъ характера, который просвѣтляется и укрѣпляется только въ мірскомъ водоворотѣ!

Все это она высказала, пересчитывая мои теплые носки.

Нѣтъ другой такой женщины!

Она ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я уѣхалъ въ часъ, такъ какъ должна обѣдать у г-жи форстмейстеръ, празднующей нынче свое рожденіе; и ни за что не хочетъ пропустить праздника.

Итакъ, мы простились.

— Будь здоровъ, Юстъ, и не забывай обо мнѣ и о дѣтяхъ.

— Могу ли я забыть васъ!

Теперь — конецъ. Письмо отъ нея, съ двѣнадцатичасовой почтой, которая почти никогда не привозитъ писемъ. Оно такъ и должно быть: ей принадлежитъ послѣднее слово въ моемъ дневникѣ, какъ и въ бесѣдахъ, которыя ведетъ съ нею мое сердце.

Капри, Hôtel Quisisana, іюль, 188*.

„Счастличикъ! Здѣсь ужасная жара! Ни облачка на хвастливомъ голубомъ небѣ; солнце палитъ, безстыдное, какъ лобъ м-ра

Эдуарда Бёгби (капитанъ въ Her Majestys Army), который предложилъ мнѣ сегодня утромъ прогулку вдвоемъ къ arco naturale. Ахъ, хоть бы разъ вздохнуть воздухомъ моего волшебнаго лѣса, Юсть! хоть бы разъ взглянуть въ твои честные глаза! Мужчины въ полномъ смыслѣ слова: а nasty set—ты знаешь, что это значить?—and really I have no longed patience with them. Хотъ бы отдѣлаться отъ нихъ какъ-нибудь. Но они липнутъ къ тебѣ, какъ репейникъ...

„Да, такъ о чемъ же я хотѣла тебѣ писать? Вотъ что! я останусь здѣсь до сентября и буду вести тихую, уединенную жизнь, если только это мнѣ удастся—на что я надѣюсь—спроводить отсюда м-ра Бёгби и полдюжины другихъ джентльменовъ, интересныя фizioноміи которыхъ набили мнѣ оскомину уже въ отеляхъ Рима, Неаполя и Сорренто. Не слѣдуетъ объявлять за табль-д’отомъ, куда собираешься ѣхать. Ты можешь записать это въ своемъ дневникѣ, прибавивъ: „одобрено Изабеллой“. Кстати. Не можешь ли ты прислать мнѣ свой дневникъ? Я не стану нескромничать и добросовѣстно пропущу всѣ страницы, на которыхъ говорится о „ней“. Или весь дневникъ посвященъ ей? Я тебя не уполномочивала на такое вѣроломство; ты былъ прежде честнымъ человѣкомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ я тебя оставила, тебя, очевидно, сбиваютъ съ толку.

Счастливицк! слова: „съ тѣхъ поръ, какъ я тебя оставила“, тяжело ложатся мнѣ на сердце. Но ты знаешь, я никогда не вычеркиваю ни единого слова, а начинать новое письмо при такой жарѣ невозможно. Пусть же они останутся въ наказаніе мнѣ. Зачѣмъ? Не знаю, но мнѣ такъ грустно. Сколько тебѣ лѣтъ теперь, счастливицк? Кажется, двадцать-одинъ; если такъ, то ты еще юнъ—непростительно юнъ. Что до меня касается, сѣдая ворона не такъ стара, какъ я. Она тоже сто лѣтъ летаетъ вокругъ горы, въ которой людоѣдъ заперъ Майскую-Ночь, за то, что она не хотѣла выйти за его сына. Подѣлдомъ ей: зачѣмъ связалась съ людоѣдами! Зато она и превратилась въ старую-пре-старую, сморщенную старуху, и когда, наконецъ, вышла изъ норы и встрѣтилась съ Губертомъ, который тѣмъ временемъ достигъ твоего возраста, похорошѣлъ и сталъ „ловцомъ передъ Господомъ“,—хотѣла броситься ему на шею. Но онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и, приподнявъ шляпу, сказалъ:—Матушка, я всегда любезенъ и вѣжливъ съ дамами; только, мнѣ кажется, вы ошиблись.—Тутъ она убѣдилась, что онъ не узнаётъ ее и впервые замѣтила, какъ ужасно измѣнилась. Тогда она повернулась и ушла, горько-горько плача, такъ какъ еще въ дѣтствѣ, когда

была маленькой феей, любила молодого охотника. Да и онъ—ее. Вотъ почему это вторичное свиданіе было такъ печально, тогда какъ иначе большія бы деньги нажилъ тотъ, кто изобрѣлъ бы способъ не узнавать другъ друга при встрѣчѣ, разъ встрѣча должна быть тяжелой.

„Слышалъ ли ты, что Арманъ въ одну ночь проигралъ въ клубѣ 300.000 марокъ? Богъ мой, счастличикъ! какой ты былъ дурачокъ, когда могъ ревновать меня къ этому господину! Говорятъ, онъ все хорошѣетъ, такъ что скоро его будутъ называть: „красавецъ Арманъ“. Только этого не доставало! Я ненавижу „красавцевъ-мужчинъ“.

„Эдита пишетъ мнѣ, что ты поѣдешь осенью въ Берлинъ; а я, бѣдняжка, должна ѣхать въ Палермо, и на зиму—въ Каиръ. Сицилійскій адресъ—отель Тринакрія; египетскій—пока неизвѣстенъ; вѣроятно—Хеопсова пирамида, нижній этажъhalbwo, просятъ звонить сильнѣе!

„Почта, которая, разумѣется, не доставила мнѣ письма отъ тебя, уходитъ; я должна кончить. Итакъ, до свиданія, счастличикъ, весною въ Берлинъ! И да благословить тебя Богъ, если ты меня узнаешь при встрѣчѣ.—Твоя — „Майская-Ночь“.

Да! Теперь—въ чемоданъ, мой вѣрный дневникъ, въ чемоданъ! Двинемся изъ одиночества въ широкій міръ!..

А. Э.

ДВА ОЧЕРКА

I.

Ненадолго.

Кругомъ песокъ, песокъ; кое-гдѣ короткая трава, плоскія лужи съ грязными берегами и много вѣтряныхъ мельницъ. Около хатъ — ни кустика. Ту деревню зовутъ уже счастливой, гдѣ передъ колодцемъ стоитъ корявая верба.

У господскаго хутора разведенъ садъ — и хорошій садъ. Подалѣе, правда, идутъ деревья малорослыя, вишенъ да сливы, но ближе, къ пруду, есть двѣ славныя аллеи, совсѣмъ темныя, одна кленовая, другая — изъ бѣлыхъ акацій и широколистныхъ грецкихъ орѣховъ.

Тянется, тянется лѣто — и конца ему не видно. Кажется, ужъ цѣлую вѣчность Любочка живетъ здѣсь, гуляетъ по кленовой аллеѣ въ бѣлыхъ батистовыхъ платицахъ съ голубымъ кушачкомъ и пишетъ письма подругамъ. А между тѣмъ она только въ концѣ мая сдала послѣдній институтскій экзаменъ.

Любочка поклялась Варѣ Бутыркиной и Машѣ Бемъ говорить всю жизнь одну правду, и уже начинала быть неискренней. Она писала имъ, что блаженствуетъ, не видитъ, какъ летятъ дни, что кругомъ тишина, дивная природа, цвѣты, что сестра ея — премилая, а дядя не наглядится на Любочку, исполняетъ всѣ ея прихоти. „О, если бѣ вѣкъ прожить въ этомъ тихомъ уголкѣ!“ — заключала она свои посланія.

Что-то мѣшало Любочкѣ написать, какъ ей порою бываетъ тоскливо. Дядя больше отдыхалъ на широкомъ кретоновомъ ди-

ванѣ; бабушка ворчала въ своей комнатѣ, а сестра Клавдія казалась Любочкѣ ужасно несимпатичной.

Это было неудивительно. Клавдія Ивановна относилась къ Любочкѣ злобно. Она и сама не ожидала, что такъ выйдетъ.

Когда Любочка тоскливо шла по аллеѣ, поднявъ глаза наверхъ, Клавдія Ивановна слѣдила за ней съ террасы и говорила про себя:

— Поскучай, поскучай! молодая дѣвица съ голубымъ кушачкомъ!

Клавдія Ивановна жила какъ птица небесная. Ничего не дѣлала, читала романы, грубо говорила съ дядей и бабушкой и только шлялась по песку. Она обладала здравымъ смысломъ и скоро догадалась, что ни къ чему непригодна, да и не за что ей братья; кромѣ того и наружность у нея была некрасивая. Это-то ее больше всего и злило. А когда злости не хватало и хотѣлось быть доброй, она утѣшала себя мыслью, что наружность не играетъ большой роли въ жизни.

Однако сестра Люба ее возмутила. Она и сама не знала, что собственно въ Любочкѣ такого возмутительнаго. Мало ли куколъ розовыхъ да бѣлыхъ. Самой Клавдіи минуло уже двадцать пять лѣтъ, а по уму она была сущее дитя. И не любила думать—мысли къ ней все злобныя приходили.

Когда начинались лунныя ночи, она до утра просиживала въ саду и попеременно то плакала и жалѣла себя, вспоминая обрывки романовъ, и представляла, какъ было бы хорошо... и какая она несчастная, — то опять зѣвала и куталась въ свой платокъ.

Кромѣ злобныхъ мыслей и сантиментальныхъ мечтаній, у Клавдіи ничего въ головѣ не было. Куда! Ей едва и на это хватало времени.

Дядя и бабушка давно рукой махнули „на эту дуру“, какъ они говорили. „И замужъ ее не выдашь: толстая да черная, а ужъ характерецъ“...

Двѣ зимы дядя прожилъ съ Клавдіей въ губернскомъ городѣ. „И тамъ отъ себя всѣхъ отвратила!“—удивлялся дядя.—„Ну, сиди въ деревнѣ, коли такъ“.

Одинъ разъ, когда Любочка пришла къ обѣду на террасу, она застала тамъ гостя. Дядя былъ въ восторгѣ; гость оказался сыномъ стариннаго пріятеля и привезъ отъ него поклонъ.

— Вы что же, въ отпускъ?

— Да-съ. При производствѣ у насъ даютъ отпускъ. Меня ужъ въ поручики...

— Ну! Скажите, пожалуйста!—И дядя съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на розовенькое, нѣжное, почти дѣтское личико офицера.

У него и усовъ почти не было, а такъ, бѣлый пухъ. Голубые глаза смотрѣли почтительно и наивно. Такъ смотреть щенята, которые въ первый разъ слышатъ человѣческій голосъ.

Любочка вспыхнула при взглядѣ на „кузена“. Такъ она почему-то мысленно назвала офицера. И тутъ же, невольно и неожиданно для себя самой, представила себѣ весь свой будущій романъ: какъ „кузень“ влюбится, признается въ кленовой аллеѣ, и Люба скажетъ: „нѣтъ! но мнѣ васъ жаль“... Опомнилась она, когда уже думала, что онъ застрѣлится... Вспыхнула еще больше отъ досады на себя за такія мысли, молча поздоровалась и сѣла за столъ.

Пришла Клавдія, позднѣе всѣхъ, въ ситцевой блузѣ съ полинявшими рукавами, и едва кивнула гостю головой. Для нея онъ былъ не человѣкъ, пустое мѣсто. Она сама была такимъ пустымъ мѣстомъ для другихъ, знала это и съ удовольствіемъ позволяла себѣ „презирать людей“.

Еслибы „кузень“, или иначе Аркадій Семеновичъ, могъ угадать ея мысли, онъ бы сейчасъ же подумалъ, подумалъ минутъ съ пять, открылъ бы записную книжечку съ цвѣточкомъ и записалъ мысль: „Ненависть и презрѣніе къ людямъ происходятъ изъ источника самолюбія, а также отъ собственныхъ недостатковъ: безсильность возбудить къ себѣ любовь другихъ“.

Любочка робко заговорила съ офицеромъ. Онъ отвѣчалъ тоже робко, но любезно и мило. Любочка оживилась и послѣ обѣда предложила показать садъ Аркадію Семеновичу. Дядя сонливымъ голосомъ протянулъ: „ну, идите, идите, молодежь“...

Клавдія посмотрѣла вслѣдъ удалявшейся парочкѣ и фыркнула.

— Чего ты?—сказалъ дядя, немного проснувшись.

— А то же,—отрѣзала Клавдія.—Смѣшно и противно. Сразу. И видно—какъ! Дѣвчонка эта...

— А тебѣ, матушка, дѣла нѣтъ. Можетъ, это все къ лучшему. Я бы обѣими руками... Вы сироты. Конечно, загадывать нельзя...

— Наплевать мнѣ и на ваши расчеты, и на херувима этого съ Любой... Я васъ не просила со мной разговаривать.

Клавдія пошла въ комнаты и хлопнула дверью, причемъ оставила между дверями свое платье и со злобой оторвала оборку.

Происходило что-то такое странное, что всѣ домашніе находились въ непрерывномъ удивленіи.

Аркадій Семеновичъ все еще гостилъ въ Талалаевкѣ, каждый день собирался и каждый день откладывалъ отъѣздъ. Но въ этомъ-то страннаго ровно ничего не было. Дядя предугадывалъ, что офицеръ заживется. Удивительнымъ казалось, что за Любочкой онъ совсѣмъ не ухаживалъ. А на Клавдію, къ общему недоумѣнію, смотритъ умоляюще, когда проситъ ее за обѣдомъ пойти съ нимъ и съ Любовью-Ивановной на мельницу.

Въ первый разъ Клавдія отвѣтила грубо, даже неожиданно грубо, и не пошла. Потомъ ничего не отвѣтила и не пошла. А третій разъ точно подумала и сказала: „хорошо“.

Всю дорогу Аркадій Семеновичъ говорилъ съ Клавдіей и говорилъ очень мило, хотя и смущался. А на Любочку даже и не смотрѣлъ. Впрочемъ, Клавдіи онъ показался недалновиднымъ и даже глуповатымъ. Онъ съ искренней невинностью хвалилъ дружбу вообще и съ похвалой отзывался о дружбѣ Клавдіи и Любы, хотя могъ бы легко замѣтить, что никакой дружбы между сестрами не было. Врядъ ли онъ допускалъ возможность случая, когда двѣ сестры не дружны. То-есть допускалъ гдѣ-нибудь тамъ, у злыхъ людей. Но самъ онъ еще никогда не видалъ злыхъ людей, или „неимѣющихъ нравственности“, какъ онъ говорилъ.

— Гдѣ вы, батенька, жили? — восклицалъ иногда огорченный дядя. — Въ полку или въ институтѣ, скажите, пожалуйста?

— Я въ полку не жилъ, — отвѣчалъ Аркадій Семеновичъ. — Я всегда жилъ и живу съ мамашей и папашей. А въ полкъ я только хожу.

„Молокососъ!“ — презрительно подумала Клавдія и отправилась въ свою комнату. Тамъ она улеглась на постель съ романомъ Евгеніи Туръ. Стемнѣло. Туръ не давала никакого успокоенія. Клавдія вскочила, схватила большой платокъ и побѣжала въ садъ.

Въ саду было темно, сыро. Молодая луна давно закатилась, непривѣтливый вѣтеръ шумѣлъ листьями. Клавдія прошла по аллеѣ. Въ концѣ стояла скамейка. Клавдія сѣла на нее, закуталась въ платокъ и безцѣльно смотрѣла въ темноту.

Послышался скрипъ шаговъ на пескѣ.

— Вы, Клавдія Ивановна?

— Это былъ офицеръ. Клавдія вздрогнула, однако сказала:

— Ну, я. Чего?

— Я видѣлъ, какъ вы прошли въ садъ. И я надѣлъ пальто

и тотчасъ за вами. Весьма пріятно пройтись въ прохладѣ послѣ душной комнаты. Можно къ вамъ присѣсть?

— Да садитесь, коли хотите.

— Благодарю васъ.

И Аркадій Семеновичъ въ темнотѣ приподнялъ фуражку.

Нѣкоторое время они сидѣли молча. Наконецъ, Клавдія спросила:

— А гдѣ же Люба?

Аркадій Семеновичъ встрепенулся, но сейчасъ же возразилъ своимъ кроткимъ голосомъ:

— Почему, Клавдія Ивановна, вы меня такъ спрашиваете? Я думаю, вамъ болѣе извѣстно, гдѣ ваша сестрица, легла ли она почивать, или еще нѣтъ...

Опять наступило молчаніе.

— Вы вотъ ко мнѣ неласковы, Клавдія Ивановна,—проговорилъ Аркадій Семеновичъ;—не знаю, чѣмъ я ваше нерасположеніе заслужилъ. Это меня весьма огорчаетъ, тѣмъ болѣе, что я всегда изъ всѣхъ силъ стараюсь быть пріятнымъ. Съ вами мнѣ много о чемъ поговорить есть. Я несчастный человѣкъ, Клавдія Ивановна, я до крайности робокъ, нерѣшителенъ. Не пугайте меня своимъ недружелюбіемъ. Повѣрьте, оно для меня весьма, весьма грустно.

Клавдія помолчала, потомъ вдругъ, совершенно неожиданно, сказала:

— А оттого, что всѣ врутъ. Или врутъ, или издѣваются. И наплевать на всѣхъ.

Аркадій Семеновичъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Господи Боже мой! Что это вы такое говорите, Клавдія Ивановна! Развѣ можно о людяхъ такое мнѣніе имѣть? Да вотъ я первый, я за великій для себя позоръ считаю неправду сказать, и никогда не говорилъ, развѣ въ очень раннемъ дѣтствѣ. И вамъ никогда не совру, Клавдія Ивановна, на меня во всемъ положиться можно. Иногда я, можетъ, и утаиваю про себя, но это потому, что друга такого нѣтъ около, или отъ робости. Главное, отъ робости, право.

— Ну, что-жъ. Говорите тогда мнѣ все. Я слушать буду.

— Да, а все-таки я васъ какъ-то боюсь. А мнѣ хоть съ вами-то посмѣлѣе бы себя вести.

— Я не укушу. Нечего меня бояться. И если кто самъ хорошій, то ему и отъ другихъ хорошее можно ждать.

— Вотъ это вы вѣрно!—обрадовался Аркадій Семеновичъ.—

Ужъ я зналъ, что вы не такая, какой съ виду кажется. Въ васъ все иное.

— А почему это вы знали?

— Зналъ, зналъ... И я радъ. Теперь мнѣ все легче будетъ.

Они помолчали.

— Клавдія Ивановна! Вы не разсердитесь, знаете, что я вамъ скажу: изъ всѣхъ тварей, человѣкъ—самая несчастная, и по своей же волѣ: надо ему попросте быть. Вонъ звѣздочки смотрятъ, вѣтеръ утихъ, жуки полетѣли, птички ночныя, свѣтлякъ зажегся... Все они тихо, да мирно, да просто. Нѣтъ у нихъ злобы, обмана, недовѣрчивости этой. И человѣкъ такъ: если ему сразу довѣрчивость показать, думать про него, что онъ добрый, къ природѣ близкій, такъ онъ непременно добрымъ окажется. Еслибъ не робость моя, на которую я самъ сержусь, я бы вамъ все сразу же открылъ.

— Это насчетъ чего же?

— Да, вотъ, что чувствую. Чувства мои,—проговорилъ Аркадій Семеновичъ и вдругъ смутился, испугался, вскочилъ со скамейки, сталъ прощаться.

Когда онъ уже отошелъ нѣсколько шаговъ, Клавдія его окликнула.

— Послушайте!

— Что прикажете?

— Вы какіе романы читали? Вы много читали? Вы о чувствахъ начали. Что вы о любви думаете вообще?

— Я о любви много думалъ и думаю. И я вамъ непременно расскажу все, что думаю. А романовъ я не читалъ, или очень мало читалъ. Мнѣ не особенно нравятся. Въ жизни все гораздо проще и милѣе.

— Вы, пожалуй, и стиховъ не читали?

— Я и стихи не люблю, право. Ну, что они! Ненатурально. До свиданія, Клавдія Ивановна.—Онъ ушелъ. Клавдія посидѣла-посидѣла и тоже медленно пошла къ дому. Она себя не узнавала. Не сантиментальничала и не злилась на офицера, ни капельки. Какое-то доброе чувство было въ ней. Вотъ, узналъ же человѣкъ, что она не такая, какою ее считаютъ. Говорилъ по душѣ. И еще будетъ говорить. Славный какой! Съ Любой вотъ не говорить двухъ словъ, сидитъ красный да молчитъ. Бойтся ее. Даромъ, что бѣленькая да розовенькая, не въ этомъ видно дѣло. И какую онъ все правду говорилъ. Именно такъ все. Съ нимъ сама лучше сдѣлаешься. Только неужели онъ?

Клавдія вдругъ остановилась, даже дверь за собой не притво-

рила. Умиленное выраженіе ея лица смѣнилось суровымъ. Она ожесточенно плюнула, сбросила платокъ и стала раздѣваться на ночь.

Аркадій Семеновичъ съ обѣими сестрами обращался ровно, гулять они ходили вмѣстѣ, только разговаривалъ больше съ Клавдіей, какъ со старшей, менѣе дичился ея. Однако всѣмъ рѣшительно казалось, что Аркадій Семеновичъ ухаживаетъ за Клавдіей: такъ непривычно и неестественно было это ровное отношеніе.

Дядя, любившій выражаться рѣзко, говаривалъ иногда бабушкѣ:

— Станный молодой человекъ, чортъ его дери! Чего онъ съ этой дурой возится? И вѣдь ужъ знаемъ мы молодежь! Какъ ни финти, а тѣмъ же кончить! Люба-то и теперь въ него по уши влюблена. Дѣвчонка ядреная. Чего еще мудрить? Мнѣ ужъ и отецъ его писалъ.

— Ну, однако, онъ съ Любой-то не очень.

— Ладно, ладно. Только бы Клавдинька наша тутъ не попалась.

А Клавдія ужъ давно „попалась“. Влюбилась въ Аркадія Семеновича незамѣтно для самой себя, незамѣтно обо всемъ стала думать какъ онъ, глупо восхищалась имъ, но мечтать о немъ себѣ не позволяла.

Она стала какъ-то мягче, привѣтливѣе со всѣми, смѣялась, шутила, иногда плакала безъ особой причины, но уже не отъ напускного сентиментализма.

— Знаю, что влюблена, знаю, — говорила она себѣ по ночамъ. — И глупо это, а только зачѣмъ онъ...

Тутъ она себя сама прерывала. Ну, чтѣ онъ? Ничего, ровно ничего.

Клавдія сдѣлалась точно молоденькая дѣвчонка. Выйдетъ утромъ къ чаю, ужъ не въ полинялой блузѣ, увидитъ Аркадія Семеновича — и вспыхнетъ. Сердится на себя, а сдѣлать ничего не можетъ.

Впрочемъ, Любочка тоже. Любочка ходила грустная, робкая, точно потерянная и не писала письма подругамъ.

Приближался конецъ августа, срокъ отпуска Аркадія Семеновича. И онъ сталъ грустенъ, безпокоенъ, часто подходилъ къ Клавдіи, сжималъ ей руки и говорилъ тихо: „Вѣдь вы — мой другъ, да? Вѣдь мнѣ можно на васъ надѣяться?“ и смотрѣлъ ей въ глаза.

Клавдія опять мучительно краснѣла и говорила: „Ну, конечно. Вѣдь знаете“.

Клавдія о многомъ не позволяла себѣ думать; и мысленно называла себя душой.

— Нѣчего полуношничать. Да и погода какая. Расходитесь-ка. Я лампадки зажгу, да окна запру пойду. Ну-ка, Любочка, ступайте-ка съ Богомъ.

— Покойной ночи, бабушка.

Люба встала, молча подала руку Аркадію Семеновичу, поцѣловалась съ Клавдіей и вышла. Бабушка тоже ушла и потушила двѣ свѣчи. Стѣнная лампа едва освѣщала большую, низкую комнату съ бѣлыми обоями, двумя окнами и дверью на балконъ. Сквозь опущенныя кисейныя занавѣски видно было, какъ то-идѣло вспыхиваетъ молнія, безъ перерыва, точно громадный бѣлый огонь мелькаетъ отъ вѣтра. Грома не было слышно и дождикъ не шелъ. Такія ночи, мучительныя, тяжелыя, какъ невысказанная любовь, часто случаются на югѣ. Ихъ зовутъ воробьиными ночами.

По срединѣ комнаты стоялъ столъ. На немъ только-что ужинали. Клавдія сидѣла облокотившись и положивъ голову на руки. Она ни о чемъ не думала и не хотѣла думать; ей было только больно, больно...

Аркадій Семеновичъ подошелъ къ ней проститься. Она молча подала ему руку. Онъ вышелъ, она не двинулась, опять прилегла головой и смотрѣла на скатерть, на куски хлѣба, тарелку...

Вдругъ она услышала, что дверь скрипнула. И не поднявъ головы она почувствовала, что это онъ вернулся.

Онъ быстрыми шагами подошелъ къ ней, сѣлъ рядомъ на стулъ.

— Клавдія Ивановна!

— Что? — сказала она и взглянула на него.

Лицо у него было необыкновенное, рѣшительное и почти больное.

— Я, Клавдія Ивановна, такъ не могу уѣхать. Вы одна можете меня спасти. На васъ буду надѣяться... Я знаю, мое поведеніе нехорошее, странное, не сходится у меня со словами, но чтѣ мнѣ дѣлать? И пересиливаю себя, и не могу себя побѣдить. Пожалѣйте меня, голубушка вы моя... Сразу я увидалъ, что вы не такая, какой дѣлаете себя, и съ вами мнѣ легче, чѣмъ съ другими. Легче душу открыть.

Клавдія почти не сознавала, чтѣ онъ говоритъ. Она дрожала. „Ну, откройте, откройте!“ — повторяла она и почему-то хваталась за его рукавъ.

— Видите, вы меня о любви часто спрашивали... И я отвѣ-

чаль, чтò думаю... Для меня это дѣло святое, великое и простое... Тутъ человѣкъ съ природой за-одно... Любить—это Богу молиться... Только надо, чтобъ обѣ души равно другъ къ другу стремились... Чтобы и тутъ безъ обмана, милая вы моя!..

Онъ остановился. Его волненіе все больше и больше передавалось ей. Блескъ молніи перебѣгалъ на лицахъ. Онъ говорилъ скоро-скоро, точно куда-то спѣшилъ, точно не могъ думать медленно въ эту ночь.

— Вотъ и молнія; теперь все въ природѣ на мнѣ отзывается,—сказалъ онъ, замѣтивъ это.—Клавдія Ивановна, родная, пощадите меня—сами угадуйте. Я дѣвушку люблю, и не смѣю ей сказать, души ея не знаю... Нѣтъ силъ... А можетъ быть и не нужно говорить ей? Тяжело мнѣ... Милая, дорогая, нужно ли сказать? Любить ли она? Вы знаете, знаете! Любить ли и она?

Онъ вскочилъ, схватилъ ее за руки, сжималъ ихъ и смотрѣлъ на нее съ такимъ отчаяніемъ и надеждой, что она только могла вскрикнуть: „да, да, любить!“ — вырвалась и убѣжала къ себѣ.

Все измѣнилось. Клавдія плакала, на колѣняхъ передъ своей постелью, упавъ головой на подушки, счастливыми и тихими слезами. И все измѣнилось кругомъ.

„Неужели,—думала Клавдія,—неужели это я—и я была прежде, и все было прежде? Давно, давно... Господи, благодарю Тебя!“

Она, вся въ слезахъ, сѣла на полъ и улыбнулась дѣтской улыбкой. Вотъ когда начинается, вотъ когда стало все понятно и просто... Да, просто, онъ опять правъ. И ненужно ничего, кромѣ этого, а это—нужно, нужно! Нѣтъ такого плохого человѣка безъ счастья... И всѣ добрые, потому что если есть счастье, нельзя быть злымъ...

Клавдія и тутъ почти боялась думать словами, только улыбалась да повторяла: „Ну вотъ! Благодарю Тебя, Господи!“

Она такъ не привыкла мечтать о возможномъ, всегда воображая себя или красавицей-виконтессой, или волшебницей, что не думала о будущемъ и теперь. Она чувствовала, что счастье съ нею, навсегда, она даже устала отъ него: такое оно великое и неожиданное...

— Развѣ я смѣла? Фу, ты, ну что это!

Она отворила окно. Молнія утихла. Вѣтеръ пробѣгалъ по листьямъ. За прудомъ свѣтлѣла полоса.

— Роденькій, миленькій!—шептала Клавдія—и больше ничего не умѣла выдумать.

Потомъ ей вспомнилось, какъ онъ о ней сразу иное подумалъ, чѣмъ другіе.

„Оттого я такой и прикидывалась, и дѣлала себя мерзкой, что всѣ точно ждали, что я мерзкая. И пусть, пусть! И рожа, и злая, и отвратительная, и ненужная! А я вотъ для него нужная, самая ему милая“...

Клавдія не замѣчала слезъ, которыя текли у нея по щекамъ.

„Какая стану — онъ даже и не ожидаетъ! — думала она. — Все теперь другое пойдетъ. Не обману его. Душа у него чистая. Голубчикъ мой бѣлый!“

Когда совсѣмъ разсвѣло, Клавдія сошла въ садъ, спустилась къ пруду и смотрѣла, какъ плывутъ тихіе туманы, какъ желтѣетъ небо и точно холодѣетъ неподвижная вода.

— Ты встала, Клавдинька? — слышался голосъ Любы за дверью.

— Что тебѣ? — съ легкой досадой проговорила Клавдія.

— Поздно, сейчасъ завтракъ. Выходи!

И Клавдія слышала, какъ застучали по корридору каблучки младшей сестры.

Клавдія не торопилась. Она съ тщаніемъ занялась своимъ туалетомъ. Надѣла сѣрое платье, которое ей шили къ Пасхѣ, и брошку приколола.

Смотрясь въ зеркало, она уже не находила себя такой дурной. Ничего, — а глаза даже выразительные. Волосы она причесала по обычному — чтобы сразу не удивились. Потомъ браслетъ надѣла узенькій, любимый. Она такъ себѣ положила, что онъ ей долженъ счастье приносить.

Что она скажетъ? Какъ они встрѣтятся? Клавдія мало спала и не успокоилась.

Ей хотѣлось плакать и говорить съ нимъ.

Наконецъ, она вышла. По корридору шла тихо, тихо. Изъ гостиной услышала его голосъ — счастливый, веселый — и почему-то перекрестилась.

Въ столовой уже кончали завтракать. Аркадій Семеновичъ крѣпко пожалъ ей руку и заглянулъ въ глаза. Клавдія вся просіяла. Она не обратила вниманія, кто кромѣ его сидѣлъ за столомъ и что говорили. Потомъ она встала и прошла въ гостиную. Все улыбаясь, сама не зная зачѣмъ, она сѣла къ роялю. Ей хотѣлось бы играть, много музыки, но она не умѣла... Она ждала, что онъ придетъ.

И онъ точно пришелъ.

Клавдія вся обернулась къ нему и протянула руки. Онъ схватилъ ихъ и крѣпко поцѣловалъ.

— Голубушка моя!—проговорилъ онъ:—никогда не забуду, правду мнѣ сказала! Какіе мы съ Любой счастливые теперь, и у ней въ душѣ то же было, чтѣ у меня! Безъ васъ я, глупый, никогда бы не рѣшился, любовь послѣднюю силу отняла... А послѣ вчерашняго откуда и смѣлость взялась, и вотъ и кончено все! Спасибо вамъ, родная!

Онъ опять поцѣловалъ ея руки. Люба вошла въ комнату и поцѣловала Клавдію.

— Ты рада? Клавдинька, правда, онъ милый?

— Что? Да... Я пойду,—сказала Клавдія, встала и вышла.

Женихъ и невѣста удивленно переглянулись. Аркадія Семеновича что-то непонятное кольнуло въ сердце.

Простое было не такъ просто, какъ ему казалось...

II.

Ближе къ природѣ.

Всѣ были недовольны.

Пока никто еще не говорилъ ни слова, но ясно было, что всѣ недовольны.

Непріятности начались съ минуты пріѣзда на станцію. Шелъ дождикъ. Облака бѣжали низко. Озеро тянулось сѣрое, тусклое. И оказалось, что до имѣнія Столбы, гдѣ двѣ семьи, Назаровы и Каминскіе, наняли вмѣстѣ дачу—дороги нѣтъ, и лошадей достать нельзя.

Поѣздъ ушелъ; на мокрой платформѣ лежали вещи—сундуки, коробки, матрасы, зашитые въ рогожи.

Экономка Текла Павловна поддерживала слѣпую бабушку. Два мальчика тянули за цѣпь большую сенбернардскую собаку. Старшіе совѣщались.

Тоненькая Лили, въ открытыхъ туфелькахъ, презрительно молчала, глядя въ сторону. Она даже зонтика не распустила, и высокіе стебельки мака на ея шляпѣ колебались печально отъ дождевыхъ капель.

Своей презрительно-покорной позой Лили точно хотѣла ска-

зять: „По-своему сдѣлали, не поѣхали въ Павловскъ — и отлично. И еще не то будетъ. И я очень рада“.

Въ сторонѣ, около вещей, стояла кухарка и двѣ горничныхъ. Всѣ онѣ были молодыя дѣвушки. Но одна, самая высокая и полная, отличалась рѣзко одеждой и манерами отъ двухъ другихъ. На ней была надѣта ватная деревенская кофта изъ черноваторыжаго люстрина и большіе сапоги. Она молчала и смотрѣла глубоко-равнодушно.

Наконецъ, дѣло разъяснилось.

Дороги на Столбы точно не было. Дамы смотрѣли имѣніе зимою и ѣздили туда на санихъ по замерзшимъ озерамъ и рѣкѣ. Въ полтора часа можно было доѣхать. Теперь же — единственнымъ средствомъ попасть на дачу оказывался пароходикъ. Онъ былъ такой крошечный, что больше напоминалъ кофейникъ, нежели пароходъ. Пассажиры садились вокругъ машины, вплотную на лавкахъ. Въ лицо — жара, сзади — вѣтеръ. Ѣхать такъ приходилось четыре часа.

Дѣлать было нечего. Дачники отправились къ пароходу по высокой желѣзно-дорожной насыпи. И точно сговорились, никто не выражалъ недовольства, всѣ смотрѣли угрюмо и молчали. Старшія дамы чувствовали, что онѣ виноваты, забыли справиться о лѣтнемъ сообщеніи. Студентамъ было все равно. Бабушка ничего не видѣла. А Лили думала: „И пусть, и пусть... Я очень рада“.

Тащили вещи; Луша и Оля кричали, что тюки уронять въ воду.

— Ну, иди ты! Чего стоишь! Тебѣ говорятъ, Дунька! Иди скорѣе, пароходъ отъѣдетъ.

Невозмутимая дѣвушка въ деревенской кофтѣ влѣзла, наконецъ, по доскѣ и уюстилась на дровахъ у самой машины.

Пароходъ отчалилъ.

Но въ Столбы не доѣхали засвѣтло: на второмъ озерѣ еще три четверти часа просидѣли на мели.

Назарова и Каминская были двоюродныя сестры. Обѣ — дамы полныя, среднихъ лѣтъ, обѣ — вдовы и обѣ притомъ небогатыя, хотя и не бѣдныя. У Каминской было два мальчика и слѣпая бабушка, у Назаровой — взрослая дочь, Лили, и три сына студента.

Кузины рѣшили, что жить вмѣстѣ на дачѣ гораздо выгоднѣе. Даже прислуги можно не столько держать. Совершенно довольно двухъ горничныхъ. Текла Павловна не въ счетъ. Она — экономка и кромѣ того водить слѣпую бабушку.

Не нужно только забираться далеко отъ Петербурга. Станція, ближайшая къ Столбамъ, всего въ двухъ часахъ ѣзды отъ города.

Никто же не могъ предвидѣть, что тутъ явится еще пароходъ. Злополучный пароходъ дѣлалъ Столбл порядочной глушью.

Старый деревянный домъ, выстроенный не для зимняго жилья, былъ похожъ не то на дачу, не то на баракъ. Стоялъ онъ на пустой горѣ, а внизу текла рѣка съ зелеными мелями и лысынами. Кое-гдѣ изъ воды торчалъ тѣсный рядъ кольевъ для рыбной ловли, точно поломанные зубы какой-нибудь громадной твари.

На другой сторонѣ виднѣлся желтый пригорокъ и деревня. А правѣ деревни, вдалекѣ надъ кущей деревьевъ, возвышалась остроконечная соломенная крыша съ низкой трубой на самомъ верху: это была крыша стекляннаго завода.

Оказалось, что провизіи на Столбахъ доставать рѣшительно неоткуда. Мясики не ѣздили, о булкахъ и говорить нечего.

Первая Текла Павловна начала вслухъ высказывать свое недовольство.

— Что же это такое?—разсуждала она.—Ни мяса, ни хлѣба, картофелю даже нѣтъ! А управляющій этотъ, Анкудимъ (тоже—управляющій! прямо себѣ мужикъ), говоритъ: „Вы, говоритъ, ничего не достанете по деревнямъ. Развѣ, говоритъ, на заводъ съѣздите. Тамъ лавка есть. Можетъ, и достанете чего“.

— А самъ-то онъ какъ же?—робко замѣтила Теклѣ Павловнѣ барыня.

— А ему чтò? Живетъ себѣ на мызѣ, тамъ коровы, куры. Хорошо еще, молоко намъ оттуда даютъ. А скоро, говорятъ, и молока не станутъ давать...

— Такъ надо, Текла Павловна, какъ-нибудь на заводъ...

Главная черта характера Теклы Павловны была полная безнадежность. Она никогда не вѣрила, что какое-нибудь дѣло хорошо кончится и что-нибудь удастся. Стоило члену семьи запоздать на прогулкѣ—она съ полной увѣренностью говорила, что отъ либо утонулъ, либо его задавили, ограбили... Сны она видѣла самые дурные, предвѣщавшіе смерть и всякія несчастія.

Текла Павловна совершенно не вѣрила въ стеклянный заводъ и не видѣла возможности туда попасть.

— Кто же это поѣдетъ черезъ озеро?—возразила она съ негодованіемъ.—Да я первая не поѣду. Пусть самъ Анкудимъ и ѣдетъ.

— Мы перевеземъ,—отозвались студенты.—На берегу яликъ есть, вверхъ дномъ лежитъ. Спросить надо управляющаго—гдѣ весла.

Студенты отправились на мызу и вернулись въ полномъ недоумѣннѣи.

Анкудимъ объяснилъ имъ, что на яликѣ теперь ѣхать нельзя, вода спала и отъ берега нужно идти сажени три по щиколку въ водѣ и яликъ нести, пока дойдешь до глубокаго мѣста.

— Тамъ пристать можно, а отъѣхать на яликѣ никакъ нельзя. У насъ берегъ низкій.

— Какъ же вы на ту сторону ѣздите?

— А на ботикѣ. Лопатой гребемъ. Теперь вода очень спала.

Ботикомъ назывался выдолбленный стволъ толстаго дерева, мелкій и шаткій, какъ щепка. Ѣхать можно было въ крайнемъ случаѣ двумъ, причемъ одинъ, стоя сзади, гребъ лопатой.

Студенты не рѣшились отправиться на ботикѣ. Требовался большой навыкъ. Въ воскресенье Анкудимъ обѣщалъ дать работника съ мызы.

Текла Павловна внѣ себя пришла на кухню. А еще надо было самой посмотрѣть пироги. Лукерья ничего не умѣетъ.

— Въ воскресенье!—волновалась Текла Павловна.— Жди-ка воскресенья! А у насъ ни картофелю, ни капусты, ни керосину! Да и не дастъ онъ въ воскресенье никакого работника!

— Что это, Текла Павловна? — спросила любопытная Оля.

Оля была хорошенькая петербургская горничная, затянутая въ корсетъ и скучавшая здѣсь не меньше своей барышни, Лили. Текла Павловна принялась жаловаться.

— А что вы думаете?—сказала вдругъ Дуся, доставая противень изъ духовой:—у насъ Дунька ботикомъ править умѣетъ. Около ихней деревни озеро есть.

Всѣ посмотрѣли на Дуню.

Она сидѣла на порогѣ открытой двери и толкла сахаръ.

— Правда, что-ли, Дуся? Ѣздила на ботикѣ?

— Ѣздила. Я могу.

Дуся совсѣмъ не шевелила губами, когда говорила, и потому слова ея были невняты.

Полное лицо ея съ короткимъ носомъ и свѣтлыми глазами напоминало красивыя и невыразительныя лица нѣкоторыхъ статуй. Ротъ она никогда не закрывала и приподнятая верхняя губа давала ея лицу выраженіе равнодушной удивленности. Одѣвалась въ деревенскія платья съ лифчикомъ, но они не портили ея широкую фигуру. Когда Дуся шла босая мимо буфета, посуда звенѣла и дерево трещало.

— Вретъ она все, деревенщина, — проговорила Текла Павлова.

Дуня ничего не отвѣтила и продолжала толочь сахаръ.

— Не вретъ, — вступилась Луша. — Она умѣетъ. Я хоть сама съ ней поѣду.

— Поѣдете вы, какъ же! Вотъ поѣзжайте-ка, утоните-ка!

— Зачѣмъ утопать. Я могу на ботикѣ, — мѣрно проговорила Дуня, не шевеля губами.

Рѣшено было попробовать и отправить Дуню съ Лушей въ заводскую лавку.

— Ишь ты, какая умѣлая! — сказала Оля: — никто и не зналъ. Даромъ, что изъ лѣсу.

Дуню только два мѣсяца тому назадъ привезла къ Назаровой ея тетка изъ глухой деревни, которая была недалеко отъ ея собственнаго захолустнаго имѣнія въ тверской губерніи. Назарова давно хотѣла нанять деревенскую дѣвушку.

Дуня была ко всему равнодушна, говорила мало и непонятно, молча работала, сохраняя почти веселый видъ.

— Дуня, ты какой губерніи? — приставала къ ней прежде Оля.

— А я не знаю.

— Эка ты! А какъ царя зовутъ?

— Да не знаю.

— А Троица святая гдѣ?

— Какая Троица? На Троицу дѣвки вѣнки...

— А звать тебя какъ?

— Звать Авдотьей...

— Слава Богу, это хоть знаешь. Что у васъ всѣ такіе-то?

— Какіе?

— Да ничего не знаютъ, ни царя, ни Бога?

— А откуда что знать? Церква далеко. Школа далеко. Бабы всѣ такія.

— Ну, а мужчины?

— Мужики? Мужики похитрѣе.

— Откуда жъ мужики знаютъ?

— Они въ волость ходятъ. Имъ подать... Ихнее дѣло не бабье.

Дуня устала отъ длиннаго разговора.

Однако Оля и Луша не унимались.

— А что, Дунька, у тебя женихъ есть?

Дуня взглянула удивленно.

— Да я-жъ въ услуженіи. Я замужъ теперь не пойду.

— Отчего такъ?

— Воля... Дѣвка—что хочешь, то и дѣлаешь. Баба—другое.

— А парни у васъ на деревнѣ есть?

— Есть.

— Что-жъ, тебѣ не нравились?

— Ничего. Дѣвкѣ—воля. Вотъ баба—другое.

— Чудная ты, Дунька. Никакого у васъ понятія ни о чемъ нѣтъ. Люди тоже называются. Сторона-то глухая у васъ.

— Что-жъ, что глухая?

О ля не наплась отвѣтить.

Солнце еще стояло высоко на небѣ, когда къ пристани стекляннаго завода причалилъ ботикъ.

Имъ управляла Дуня, стоя съ лопатой на одномъ концѣ. Внутри, держась обѣими руками за борты, сидѣла Луша.

У пристани пыхтѣлъ грузовой пароходикъ „Альбертъ“. Онъ только-что притащилъ четыре пустыя барки со станціи. На берегу валялись рогожи, мусоръ и кучи битаго стекла. Рабочіе кричали и бранились.

— Дяденьки, куда намъ въ лавку пройти? — робко спросила Луша.

— Прямо идите.

Луша и Дуня отправились по дорогѣ въ гору. Дорога была хорошая, съ двумя канавками, съ густыми деревьями по обѣимъ сторонамъ.

Заводъ оказался цѣлымъ небольшимъ поселкомъ. Домики, около домиковъ доски положены, въ родѣ тротуара. Приближаясь къ главному зданію, Дуня и Луша услышали пронзительный свистокъ. Было четыре часа: рабочимъ полагался отдыхъ и чай.

Главное зданіе — большой черный деревянный сарай съ соломенной крышей—смотрѣло непривѣтливо. Внутри было темно, жарко, только бѣгали красные отсвѣты отъ пылающихъ печей; на полу валялись осколки и брызги стекла; люди въ высокихъ деревянныхъ башмакахъ суетились и что-то кричали. Едва-едва Луша добилась, чтобы ей показали лавку.

Въ лавкѣ были пуговицы, чай, сапоги, колбаса, замки, марки и капуста. Только все оказалось въ три-дорога и въ самой лавкѣ сильно пахло мышами. Толстая сердитая нѣмка и говорить не стала, когда Луша вздумала торговаться.

Пока отмѣривали и отвѣшивали, въ лавку вошелъ рабочій, одѣтый чисто, въ синюю рубаху съ кушакомъ.

— Копченой на пятачокъ!—сказалъ онъ, подавая книжку.

— На пять нельзя, на десять можно,—сказала нѣмка, записала что-то въ книжку и отпустила товаръ.

Рабочій взялъ, но не уходилъ.

— Чего-жъ ты, Филиппъ?—сказала нѣмка.

— А вотъ на красавицъ еще погляжу.

— Очень вамъ благодарны, — возразила бойкая Луша: — а только не стоитъ глядѣть.

— Нельзя ли по имени-отчеству узнать? Откуда, съ какой стороны?

— Меня Лукерья Аеанасьевна, а это—Авдотья, — сказала Луша.—Мы не издалека, мы на Столбахъ живемъ.

— А, на Столбахъ! Ну, сосѣди, значить. Еще увидимся. Прощенья просимъ.

Онъ улыбнулся и вышелъ.

— Что, каковъ, красивый? — сказала нѣмка, которая стала добрѣе.

— Очень хорошенькій!—съ убѣжденіемъ проговорила Луша. —А кто онъ такой?

— Филиппъ, подмастерье, въ шлифовной работаетъ. Хорошо зарабатываетъ, только пьетъ. А такой недурной.

У Филиппа были—что не часто между крестьянами—совершенно черные волосы. Сзади они вились правильными, блестящими кудрями. Небольшая борода и усы, здоровый цвѣтъ лица и серьезные свѣтлые глаза—все было въ немъ привлекательно.

— Дуня, тебѣ Филиппъ понравился?—говорила Луша, когда онѣ ѣхали назадъ на ботикѣ съ мукой, крупой и другими припасами.

— Ничего.

— Ничего! Эка разиня! Съ медвѣдями росла! Не видитъ, не слышитъ!

— Нѣтъ, онъ ничего. Онъ мнѣ понравился, — настойчиво произнесла Дуня.

Окна комнаты Лили выходили на маленькій балкончикъ, совѣмъ отдѣльный.

Какая скука, Господи, какая скука! Лили къ тому же рѣшила наказать маму и тетю за выборъ дачи—и серьезно лишить ихъ своего общества. Если одиночество—такъ одиночество. Не гулять же съ мальчишками и съ ихъ сенбернаромъ, не заниматься же физикой съ братьями-студентами?

И цѣлый день Лили сидѣла на своемъ балконѣ, на низкомъ плетеномъ стулѣ, положивъ ножки на табуретъ.

Лили смотрѣла на свои ажурные чулки, изящныя красныя туфельки и думала о томъ, что ей даже читать нечего, и единственное возможное занятіе—смотрѣть на красныя туфельки.

Впрочемъ, отъ времени до времени Лили взглядываетъ и въ открытое окно своей спальни, гдѣ Дуня убираетъ. Лили сердится: почему нѣтъ Оли? Дуня вѣчно одѣяло постелетъ наизнанку, а то еще уляжется на кровать и спитъ.

Это была истинная правда. Ее нѣсколько разъ заставляли спать.

Дунѣ казалось, что въ жизни есть двѣ радости: сонъ и ѣда. Все свободное время надо употреблять для достиженія этихъ радостей. Часто Дуня улыбалась про себя при мысли, что придетъ вечеръ и она ляжетъ спать. Когда она думала, что никто не узнаетъ—и никто, поэтому, ее бранить не станетъ, она рѣшалась ложиться днемъ на господскія кровати. Она понимала, что худо, когда бранятъ, но не понимала, худо ли спать на кроватяхъ само по себѣ.

Сразу у Дуни никакъ не могло быть больше одной мысли, или много-много двухъ. Когда она видѣла постель—она думала о снѣ; видѣла чьи-нибудь слезы—понимала, что его бранили или обидѣли; видѣла вкусное—хотѣлось съѣсть; но въ послѣднее время стала думать тоже, какъ бы никто ничего не зналъ и не видѣлъ. Тогда—все можно.

Лили, услышавъ подозрительный звукъ бумаги, стремительно вскочила и вбѣжала въ комнату. Дуня стояла передъ коробкой шоколада отъ Крафта и преспокойно откусывала отъ каждой конфетки по маленькому кусочку.

— Что ты дѣлаешь?—закричала Лили.—Мой шоколадъ отъ Крафта! А, теперь я знаю! Вотъ куда дѣвались двѣ тягучки у меня со стола! Такъ ты еще и воровка! Вотъ это мило!

Дуня молчала, какъ пень, и смотрѣла въ землю.

— Ты не думай! Я мамѣ расскажу и тебя выгонятъ!—кипятилась Лили. Потомъ, пристально взглянувъ на молчавшую Дуню, она подумала: „Можетъ быть... *ces gens-là*... они не имѣютъ и понятія о нравственности... Ей можно бы внушить“...

— Дуня,—сказала она, сдерживаясь:—ты понимаешь, что ты воровка, что это чужое, что воровать дурно? Большой грѣхъ—брать чужое, понимаешь? И вообще нехорошо, и... (тутъ Лили запнулась) и Богъ не велѣлъ воровать. Ты знаешь заповѣди?

— Не знаю,—проямлила Дуня.

— Хочешь, я тебя буду учить? — въ порывѣ великодушія воскликнула Лили. — Ты тогда узнаешь, какъ это дурно, и еслибъ даже никто не видалъ — все равно дурно...

Именно этого-то Дуня и не понимала. И на лицѣ ея такъ ясно выразилось непониманіе, что Лили невольно перемѣнила тонъ и прибавила:

— Теперь иди. Помни, что я тебѣ говорила. Если еще увижу — мамѣ скажу и тебя прогонять. Слышишь?

Дуня пошла по балкону въ кухню, тяжело ступая босыми ногами.

Въ кухнѣ сидѣлъ сотскій.

Текла Павловна не особенно жаловала его за балагурство. Однако, чаемъ его поила.

Сотскій былъ богатый мужикъ изъ сосѣдней деревни. Пожилой, крѣпкій, сильно бѣлокурые волосы завивались крутыми кудрями, глаза голубые — онъ еще казался молодцомъ. Мѣсяца три тому назадъ овдовѣлъ и ужъ подумывалъ о новой женитьбѣ — дѣтей больно много въ дому, не справиться.

Оля и Луша до упаду хохотали его шуткамъ.

— Сотскій, правда, что тебя становой въ уѣздномъ городѣ знаетъ? — спрашивали дѣвушки.

— Меня-то? Со мной становой знакомъ лично. Онъ со мной за руку здоровается. Моя должность такая. А вы вотъ, красавицы, изъ низкаго сословія.

— Да, какъ же! Почище тебя! И какая такая твоя должность?

— А вы не знаете? Попросту сказать — фискаль. Случится кража или убійство — я сейчасъ подъ дверями, подъ окнами долженъ подслушивать, что говорятъ. Ну и найду, кто виноватъ. А ужъ особенно я насчетъ младенцевъ люблю. И сколько я на своемъ вѣку этихъ младенцевъ доказалъ!.. Да нынче въ воспитательный не очень навозишь. Этимъ лѣтомъ двоихъ дѣтей возили и назадъ привезли. Двадцать-пять рублей давай — тогда примутъ. По зимѣ хоть десять было, а теперь двадцать-пять. Ну, не у всякой тоже есть. Эхъ, дѣти, дѣти! Что мнѣ съ моими-то дѣлать! Вотъ жениться хочу.

— А взяли бы меня? — лукаво замѣтила Оля.

— Тебя? Бѣлоручку-то? Ну, нѣтъ, и даромъ не надо. Вотъ кого возьму! — закричалъ онъ, увидавъ вошедшую Дуню. — Вотъ красавица-то, лучше всѣхъ васъ, бѣлѣе да румянѣе! Дунюшка-свѣтъ, пойдешь за меня?

Сотскій даже со стула вскочилъ и подлетѣлъ къ Дунѣ. Въ это время дверь отворилась и на порогѣ показался Филиппъ.

— Здравствуйте, — сказала онъ. — Чай да сахаръ.

— Милости просимъ, — отвѣчали ему дѣвушки.

— За кого это ты сватаешься тутъ? — спросилъ Филиппъ, обращаясь къ сотскому.

— А тебѣ-то что? Твоего не тронемъ. И почище твоего найдемъ, — произнесъ сотскій, подмигивая. — Мы вотъ Дунюшку-красу за себя взять хотимъ.

Онъ попытался обнять Дуню, но она неожиданно вырвалась и оттолкнула сотскаго. Всѣ захохотали.

— Нечего! — сказала Дуня. — Только зубы скалить. Этакій старый-то. Замужъ не пойду.

— Ай да Дуня, молодецъ! — похвалилъ Филиппъ. — Вотъ люблю!

Дуня посмотрѣла сердито и вышла на крыльцо.

Филиппъ тоже сталъ прощаться. Онъ былъ на мызѣ и зашелъ мимоходомъ. У него и ботикъ на берегу.

На крыльцѣ онъ встрѣтилъ Дуню.

— Когда на заводъ къ намъ пріѣдете? — спросилъ онъ немного измѣнившимся голосомъ и свѣтлые глаза его стали свѣтлѣе и ласковѣе.

— Не знаю. Можетъ, пріѣдемъ.

— То-то. Или мнѣ, что-ли, въ гости побывать? А, Дунюшка?

— Побывай, ничего... Побывай! — сказала Дуня и вдругъ улыбнулась.

Онъ, надвинувъ картузъ, пошелъ къ рѣкѣ. Дуня не посмотрѣла ему вслѣдъ.

Филиппъ, когда не пилъ, очень много задумывался. Иногда онъ отъ мыслей-то и запивалъ.

Мысли были его горе. Войдетъ что-нибудь въ голову — онъ и самъ не радъ, а отвязаться не можетъ. Онъ былъ убѣжденъ, что это мысли его погубили. Жилъ съ женой хорошо — да сталъ думать, зачѣмъ ихъ повѣнчали, зачѣмъ они вмѣстѣ живутъ, когда настоящей любви между ними нѣту. И зачѣмъ непременно жениться нужно, когда холостому лучше жить? — Ушелъ на заводъ, жена умерла. На заводѣ Филиппу хорошо; можетъ, онъ и самъ бы мастеромъ въ шлифовной сдѣлался, отъ себя бы подмастерьевъ и дѣвушекъ держалъ, да и тутъ мысли ему мѣшаютъ. Иной разъ просто пустяки, а ничего не подѣлаешь. Филиппъ до сихъ поръ помнить, какъ онъ два дня думалъ, отчего говорятъ: стеклянный

заводъ—и ситцевая *фабрика*, и бумажная *фабрика*, а сахарный опять *заводъ*—и ужъ тутъ не ошибешься, а отчего такая разница — неизвѣстно. Филиппъ мальчикомъ долго въ школѣ учился, грамотѣ зналъ хорошо, бывалъ и въ городѣ — однако, нигдѣ ему про это не говорили. Спрашивалъ онъ барина, дачника; тотъ помялся, помялся,—а сказать не могъ. Филиппъ въ село поѣхалъ, батюшкѣ покался, тотъ велѣлъ Богу молиться. Можетъ, де, Господь и откроетъ, если ему, Филиппу, знать это суждено. Филиппъ не выдержалъ—запилъ. Цѣлую недѣлю послѣ этого пилъ.

Наташку Филиппъ не любилъ, а она сама какъ-то ему навязалась. Вначалѣ она ему нравилась. Высокая, худая, смуглая, носъ тонкій, лицо строгое. Она въ шлифовной рядомъ съ нимъ работала.

Онъ ее не обижалъ, дарилъ ей много и денегъ давалъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Филиппъ увидалъ Дуню и она вошла въ его сердце—Наташа ему совсѣмъ не мила стала.

„И вѣдь вотъ, неизъяснимо какъ! — думалъ Филиппъ, идя въ шлифовную однажды раннимъ утромъ.—Чѣмъ она меня, Дуня эта, взяла? И слова-то путемъ сказать не умѣетъ, изъ какой стороны глухой, къ мѣсту нашему не подходящая,—а вѣдь взяла всего какъ есть, только о ней и думаю, только увидать бы... Эхъ!“

Шлифовная была большая, четырехугольная зала съ окнами кругомъ. Вдоль стѣнъ стояли высокіе ящики и сосуды съ водой и пескомъ, вертѣлись круглые маленькіе жернова, называемые здѣсь „шайбами“. Были тутъ и станки—на нихъ работали мастера и подмастерья, втачивали стеклянные пробки въ горлышки графиновъ и банокъ, обрѣзали рюмки... Рюмки, еще сложенные въ корзины, которыя то-и-дѣло таскали мальчишки, не походили на рюмки: онѣ были безъ отверстія наверху и кончались закругленіемъ, точно конецъ яйца.

Дѣвушкамъ давали работу попроще; стояли онѣ по три, потому что каждая вещь должна была пройти три „шайбы“. Новенькихъ ставили на чугунную шайбу. Шлифуетъ дѣвушка дно у стакана на чугунной шайбѣ, поливаетъ ее водой съ пескомъ: и дно станетъ бѣлое. Передаетъ другой—на каменную шайбу—и дно станетъ только мутное. Послѣдняя шайба—деревянная—донишко сдѣлается чистое и свѣтлое.

Наташа стояла на деревянной шайбѣ. Она была понятлива, но дѣло сегодня не спорилось. Филиппъ работалъ недалеко отъ нея. И онъ задумывался. Испортилъ двѣ пробки, пролилъ воду. Мастеръ на него сталъ косо поглядывать.

Никто не разговариваетъ. Лица, особенно у женщинъ, блѣд-

ныя и равнодушно-больныя. Лужи воды текутъ и стоятъ на полу. Слышенъ звонъ разбиваемой посуды, визгъ стекла и шумъ вертящихся колесъ. Хлопаютъ двери. Это мальчишки приносятъ корзины со стекломъ и уносятъ готовое. И опять визгъ, и бульканье воды, опять, безъ конца... Слава Богу, свистокъ! Двѣнадцать часовъ. Всѣ бросили работу, только мастеръ сердито кончаетъ стаканъ. Ему платятъ по-штучно.

Въ темныхъ сѣнцахъ Наташа остановила Филиппа.

— Чего тебѣ? — отозвался онъ сурово. — Проходи-ка, мнѣ время нѣту. Штрафныя двѣ пробки послѣ обѣда втачивать буду.

— Сейчасъ, сейчасъ, Филя, я только тебѣ сказать хотѣла. Давеча Митюшка Анкудимовъ опять бывалъ. На мызу, къ управляющему въ работницы зовутъ. Такъ какъ скажешь: иди али нѣтъ? Мать говоритъ — иди. Отъ заводской работы отдохну, а то здоровье-то мое какое. По осени, коли придется, можно опять въ шлифовню поступить... А? Филиппъ?

Она держалась за рукавъ его рубахи и смотрѣла робкими глазами.

— Что-жь? Иди! — сказалъ, усмѣхаясь, Филиппъ, но усмѣшка у него вышла невеселая. — Иди, я въ гости побываю, на этой же недѣлѣ, коли случится.

Наташа вдругъ закрылась фартукомъ, прислонилась головой къ стѣнѣ и громко зарыдала.

Филиппъ совсѣмъ нахмурился.

— Это еще что! Чего ты?

— Знаю я, знаю... Я-ли тебя не любила... Теперь ужъ не то пошло... не ко мнѣ ты на ту сторону поѣдешь... Люди-то говорятъ... А я на мызу пойду... пойду... сама увижу...

Филиппъ схватилъ Наташу за руку и съ силой повернулъ ее отъ стѣны. Наташа сразу умолкла.

— Такъ вотъ какъ! — сказалъ онъ тихо, почти шопотомъ. — Ты за мной подглядывать идешь... Иди. Только мало ты Филиппа знаешь. Силкомъ его не возьмешь.

Онъ оттолкнулъ дѣвушку и вышелъ вонъ.

Уже цѣлый часъ сидитъ Филиппъ въ кухнѣ, шутить съ Олей и Лушей, а Дуни еще не видалъ. Филиппъ пріодѣлся, жилетъ клѣтчатый у него и визитка открытая. Въ рубахѣ онъ ходитъ только на заводѣ. Наконецъ, стало смеркаться.

— Пора веселой компаніи пожелать пріятныхъ сновъ, — сказалъ Филиппъ, вставая и безпокойно оглядываясь вокругъ. — А нельзя ли узнать, гдѣ скрывается Авдотья Лукинишна?

— Знаемъ, знаемъ, по комъ сердце болить, — засмѣялась Оля. — И весьма вкусу вашему удивляемся. Конечно, кому нравится необразованность.

— Мой вкусъ при мнѣ и останется, Ольга Даниловна. Напрасно вы себя беспокоите, съ нами, мужиками, разговариваете.

— Скажите, пожалуйста!

Оля обидѣлась.

Луша была добрѣе и сказала Филиппу:

— А ты пойди правой дорожкой къ рѣкѣ, — тамъ Дунька бѣлье полощетъ. Эка лѣнивая, до сей поры кончить не можетъ!

Филиппъ встрѣтилъ Дуню у самаго берега; она возвращалась домой съ кучей мокраго бѣлья на плечѣ. Изъ-подъ розоваго платья виднѣлись крѣпкія босыя ноги. Голова была непокрыта.

Филиппъ сразу почувствовалъ, какъ у него дыханье захватило отъ радости — и удивился. Никогда съ нимъ этого не было,

— Дунюшка, сердце мое! — тихимъ голосомъ началъ Филиппъ. — Я къ тебѣ на встрѣчу шелъ. Какъ ты мнѣ мила, родная, я и рассказать не могу. Вотъ какъ передъ Богомъ — ни жену, никого такъ не любилъ. И словечка съ тобой еще не сказалъ, а ужъ душу тебѣ отдалъ... Дуня, а ты, скажи? Не противенъ я тебѣ? Полюби меня, радость!

— Я ничего, — сказала Дуня медленно и улыбнулась. — Я тебя не манила. Ты самъ ко мнѣ льнешь.

— Дуня, хочешь гостинцевъ? Я тебѣ завтра изъ лавки всего навезу. А вотъ тебѣ пока рубль денегъ: можетъ, пригодится на что-нибудь. Хоть брось да возьми, красавица ты моя! Приходи завтра въ это же время сюда подъ липки. Придешь? А, Дуня?

— Чего не придти! Приду. Ты ласковый, пригожий. Ты меня не обидишь. Гостинцевъ-то привези.

— Привезу, привезу!

Онъ, радостный, крѣпко обнялъ Дуню, но не поцѣловалъ и бѣгомъ пустился къ рѣкѣ, гдѣ стоялъ его ботинокъ.

Дуня, какъ только вошла въ кухню, первымъ дѣломъ объявила, заговоривъ отъ несвойственного ей волненія совсѣмъ по-деревенски:

— А, дѣвоньки, послушь-ка, что я скажу: Филиппъ-то мнѣ встрѣтился, рубль денегъ далъ!

— Ну? Что ты! Покажи!

Дуня показала.

— Ишь ты, подцѣпила молодца! Смотри, однако, ухо востро держи. Вотъ дурамъ-то счастье! Господа бы только не узнали.

— Не узнаютъ, — равнодушно проговорила Дуня.

— Дуня, а Дуня! — нѣжнымъ голосомъ начала Ольга. — Дай-ка ты мнѣ этотъ рубль. На что онъ тебѣ? А я завтра необходимо должна рубль денегъ Андрею въ Петербургъ послать. Я тебѣ вотъ ей Богу же отдамъ. А, Дуня?

— Да возьми.

Дуня сказала это просто и даже удивленно: она не понимала, почему Оля такъ умоляетъ? Коли надо — такъ пусть и беретъ.

Въ серединѣ августа, послѣ дождей, наступили холодные, ясные дни. Особенно холодно бывало ночью. Ни вѣтерка; порѣдѣвшія деревья стоятъ, опустивъ листья; круглая луна равнодушно смотритъ съ морознаго неба.

Бѣлыя, мертвыя пятна лежатъ на лугу и по стѣнамъ ветхаго дома. Стекла оконъ тускло мерцаютъ. И кажется, что эта недобрая, мертвая природа — не дѣйствительность, а сонъ, холодный кошмаръ. Надо уйти въ комнаты, зажечь свѣчи и крѣпко закрыть занавѣси, чтобы не проникнули злыя очи луны. Богъ съ ней, съ природой, въ такое время! Не другъ она человѣку.

Въ кухнѣ ужинали и собирались ложиться спать. Дунька дремала съ ложкой въ рукахъ. Говорили о томъ, что скоро и въ городъ ѣхать, что сначала отправятъ старую барыню съ Теклой Павловной и мальчиковъ, а потомъ ужъ и всѣ двинутся.

Кто-то постучалъ въ окно.

Луша встала и подошла ближе.

— Кто тамъ? Чего нужно?

— Это я, — раздался женскій голосъ за окномъ. — Вышлите мнѣ пожалуйста Авдотью. Мнѣ надо ей слова два сказать... Я не войду, некогда.

— Ну-ка, просыпайся, Дунька! — сказала Луша, смѣясь. — Иди, Варвара, на расправу. Это вѣдь Филькина Наташка. Она въ работницахъ на мызѣ. Развѣ ты ее не видала? Она сюда приходила.

— Нѣтъ, я видала, — протянула Дуня.

— Иди-ка теперь, что она тебѣ говорить будетъ. Иди, не бойся.

— Да я не боюсь. Чего ей меня обижать? Она, чай, не барыня.

У Дуни было твердое убѣжденіе, что „обижать“ могутъ только господа, а свой братъ, простой человѣкъ, что бы ни сдѣлалъ — ничего. Не страшно.

На крыльцѣ, бѣломъ и тускломъ отъ луны, сидѣла Наташа,

закутанная въ большой платокъ. Лицо ея казалось еще хуже и чернѣ въ тѣни этого платка, надвинутаго на лобъ.

Дуня вышла, даже не покрывшись.

— Здравствуй.

— Здравствуй,—сказала Наташа.

И, помолчавъ, прибавила:

— Ты присядь-ка, дѣвушка, здѣсь. Послушай, что я тебѣ говорить стану.

Наташа хотѣла казаться спокойной.

Дуня присѣла на верхнюю ступеньку.

— Ты Фильку знаешь? — проговорила Наташа шопотомъ, наклоняясь къ ней.

И неожиданно для себя заплакала.

Дуня молчала.

— Дуня, чѣмъ ты его приманила? — говорила Наташа, немного успокоившись. — Развѣ онъ тебѣ подѣ статья? Разсуди ты сама. Брось это дѣло, Дуня. Мѣсто ваше глухое, народъ вонъ какой сѣрый. Развѣ ты это понимаешь, чтобы любить кого-нибудь? У васъ этого и понятія нѣтъ. Оно — кто его знаетъ — можетъ и лучше, только у насъ-то не такъ. Сторона — сама видишь — заводская, городъ недалеко, у насъ такой обычай, что коли я люблю кого — такъ ужъ и буду любить... Извела ты меня, Дуня... Самая я несчастная изъ-за тебя... Онъ, Филька, непонятный человѣкъ. Развѣ ты ему подходящая? Брось ты его, Дунюшка, рѣдная...

— Жалко.

— Чего тебѣ жалко? Кого жалко? Гостинцевъ, что-ли, жаль?

— Его самого жалко... Убиваться станетъ...

— А меня не жалко? Я какъ щепка высохла... Вѣдь онъ, Филька-то, какъ меня наряжалъ? Отцу, матери одежду пошилъ, мнѣ двѣ подушки пуховыя, перину, одѣяло ватное справилъ... Да ужъ не надо бы одѣяла, только бы онъ на меня разокъ посмотрѣлъ... Онъ за тобой и въ Питеръ потянется, коли ты его здѣсь не бросишь. Ты его не знаешь, Филиппа, какой онъ непонятный человѣкъ. А я его знаю. Онъ все конца ищетъ, во всемъ, во всякомъ дѣлѣ, во всякой мысли добратся хочетъ до послѣдняго. У насъ рѣзчики есть на заводѣ, отъ руки рѣжутъ вензеля да цвѣты, и онъ хорошимъ рѣзчикомъ былъ — такъ нѣтъ, это ему мало: почему не могу всякую картину вырѣзать, и людей, и все, а только буквы да листья?.. Коли рѣзать — такъ чтобы все умѣть... А гдѣ-жъ дойти? Это учиться надо... Ну и запечалился, да какъ! Пить сталъ. Пробки теперь — противъ сердца втачиваетъ. Ну вотъ и съ тобой такъ же: полюбилъ тебя — и все будетъ

больше да больше любить, пока ужъ и любви въ немъ не останется. Такой онъ человѣкъ, Филиппъ этотъ! Дунюшка, Дуня, на тебя одну моя надежда... Больная я, вся оборванная, ни чулокъ у меня, ни платишка. Да и сердце все по немъ болитъ. Можетъ, онъ опять ко мнѣ, ежели ты-то, Дуня, ежели скажешь...

Она опять заплакала, плакала долго, всхлипывая. Дуня словно что-то соображала.

Потомъ тронула Наташу за плечо и сказала:

— Полно-ка. Не убивайся. Ничего. Я его не манила. Онъ самъ. А мнѣ чтò! Мнѣ, пожалуй, какъ хочешь. Завтра у насъ стирка... А потомъ поутру я къ тебѣ на мызу буду. Ладно? Тамъ уговоримся. Не плачь.

Дуня прибѣжала на мызу рано и вызвала Наташу къ ригѣ.

— Вотъ тебѣ!—сказала она, подавая ей узелокъ.

— Что это ты принесла?

— А тебѣ. Тутъ пара чулокъ барыниныхъ, да наволочка, да два полотенца. Не узнаютъ. Скажу—полоскала, такъ въ рѣчку упустила. У нихъ чулокъ этихъ—страсть! Въ годъ не переносишь. А тебѣ надо.

— Какъ же такъ?—нерѣшительно проговорила Наташа.— Вѣдь это не годится. Какъ же я возьму?

— Да вѣдь не узнаютъ же,—сказала Дуня убѣжденно.— Носи. Вотъ еще платокъ шейный, красный шолковый, отъ молодого барина. Ты Филиппу подари. Я сама хотѣла—да ужъ пусть лучше ты. Можетъ, онъ къ тебѣ...

— Ладно, Дунюшка,—заговорила обрадованная Наташа:— я подарю, спасибо тебѣ... А только если Филиппъ къ тебѣ нынче придетъ, ты его неласково прими... Много васъ, молъ, такихъ-то, шляется, скажи... Не сиди съ нимъ... Дуня, я тебя вѣкъ не забуду...

Когда Филиппъ явился вечеромъ, Дуня вошла на минуту съ самоваромъ и не поглядѣла на него.

— Мое почтеніе!—сказалъ Филиппъ.

— Много васъ такихъ-то шляется,—проговорила Дуня, какъ заученный урокъ, и поскорѣе вышла.

— Это что же значить-съ?—И Филиппъ большими глазами, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Ольгу и Луну.

— А должно быть всему конецъ бываетъ!—злорадно отозвалась Ольга.—Намъ, впрочемъ, ничего неизвѣстно...

Шумъ, сборы, суета.

Пьютъ чай, закусываютъ, несмотря на ранній часъ, слѣпую бабушку нарядили въ мантилью и чепецъ, мальчики опять держать на цѣпи своего сенбернара; Текла Павловна виѣ себя и увѣряетъ, что ничего изъ этого не будетъ, на пристань поспѣть нельзя, да и пароходъ, чего добраго, не пойдетъ.

Но пароходъ свиститъ.

Пора идти.

— Что же это такое?—вопить Текла Павловна.—Я должна и бабушку вести, и за мальчиками смотрѣть, и вещи сдавать? Я рѣшительно отказываюсь. Эго не въ моихъ силахъ.

— Что же вы раньше не говорили, Текла Павловна?—сердится барыня.—Ну, берите Дуньку, кого хотите...

— Давайте Дуньку! Давайте Дуньку! Да скорѣе чтобъ собиралась! Пусть большой платокъ накинеть, скорбь ея постъ привезутъ...

Дуньку въ мигъ собрали. Она уѣзжала совершенно неожиданно.

— Что, кланяться Филиппу?—спросила ее Луша на крыльцѣ.

— Кланяйся... А то не... не надо... Наташкѣ кланяйся,—прибавила Дуня, оживившись на минуту.

Филиппъ пришелъ въ тотъ же вечеръ, принесъ съ собою какой-то узелокъ.

— А Дуня-то уѣхала, прости-прощай!—объявила Луша.

— Куда уѣхала?—спросилъ Филиппъ, блѣднѣя.

— Въ Питеръ, нынче утромъ. И кланяться не велѣла. Такъ и сказала: „не надо“. „Наташкѣ, говорить, кланяйся, а Филиппу не надо“.

— Не надо, сказала?—машинально повторилъ Филиппъ. Лицо его сразу осунулось, поблѣднѣло желтоватой блѣдностью.—Ну, не надо, такъ что-жъ... Такъ тому и быть.

Онъ повернулся и пошелъ.

— Куда ты, парень? Вотъ, узелокъ забылъ...

Филиппъ пріостановился, бессмысленно взглянулъ на Лушу, махнулъ рукой и пошелъ дальше.

Въ узелкѣ оказались леденцы, полфунта пряниковъ и три аршина голубого ситцу.

Пришла настоящая осень.

Дни стояли чистые, желтые, прозрачные; небо оказалось блѣдное и прохладное; пахло гарью и лѣсной паутиной; золотые листья падали тихо, безъ шума.

Даже потеплѣло.

Дачники оставались на Столбахъ послѣдніе дни. Лили была весела, вѣроятно, въ ожиданіи скораго отъѣзда, гуляла, играла въ крокетъ на площадкѣ передъ балкономъ.

Партіи случались интересныя. Играли студенты и даже „тетя“, какъ называла Лили m-me Каминскую.

Сегодня почему-то всѣ играли дурно.

Студенты не прошли средняго креста впередъ; Лили обыкновенно первая приводила свой шаръ къ палкѣ и на правахъ „разбойника“ крокировала всѣ шары; но теперь и она запоздала, ей не давали пройти послѣднихъ воротъ...

Порѣдѣвшіе кусты на берегу позволяли видѣть далеко рѣку и озеро. Труба стекляннаго завода слабо дымилась.

Вдругъ зоркіе глаза Лили замѣтили узенькій ботъ, медленно подвигавшійся отъ завода вдоль по рѣкѣ. На ботикѣ стоялъ бѣлый досчатый гробъ.

— Посмотрите, посмотрите, гробы возятъ! — взволновалась Лили. — Можетъ быть, эпидемія какая-нибудь на заводѣ! Нужно узнать!

— Въ самомъ дѣлѣ гробъ! — согласились студенты.

Лили, увидавъ около кухни водовоза, принялась кричать:

— Ѳедоръ, Ѳедоръ! сходите, пожалуйста, къ рѣкѣ, узнайте, чей это гробъ везутъ! Не болѣзнь ли на заводѣ? Ёдутъ близко отъ берега. Пожалуйста, Ѳедоръ, позкорѣе!

Водовозъ побѣжалъ бѣгомъ. Видѣли, какъ ботъ остановился, и мужикъ, который гробъ, что-то долго кричалъ Ѳедору.

Ѳедоръ, безъ шапки, запыхавшись, вернулся къ господамъ.

Лили и студенты, съ молотками въ рукахъ, окружили его.

— А это, барышня, не болѣзнь какая, — объяснилъ Ѳедоръ, — а это вчера на зарѣ подмастерье заводскій Филиппъ утонулъ. Его въ село везутъ, къ батюшкѣ.

— Да не можетъ быть! — закричали всѣ въ одинъ голосъ.

Филиппа знали. Лили даже слышала что-то о его ухаживаніи за Дуней.

— Je comprends... — протянула она. — Вы знаете, несчастная любовь, — обратилась она къ своимъ. — Но какъ же это онъ? Нарочно?

— Нѣтъ, зачѣмъ! — возразилъ Ѳедоръ. — Выпивши они были, онъ, кузнецъ съ заводу и еще одинъ рабочій. И вздумали на другую сторону ѣхать. А какъ Филиппъ больше всѣхъ выпивши былъ и въ неразсудительности могъ ботъ перевернуть, то кузнецъ и рабочій его по рукамъ и ногамъ связали, да на дно и поло-

жили. Однако и они тоже не выдержали, стали пѣсни пѣть, да то, да сѣ—ботъ-то и дѣйствительно перевернулся. Тѣ отрезвѣли и выплыли, а Филиппъ, связанный-то, какъ ключъ ко дну пошелъ. Утромъ только отыскали.

— Ай, какой ужасъ!—замѣтила тетя, довольно, впрочемъ, равнодушнымъ голосомъ.

Лили почему-то была немного разочарована.

— Вотъ чтò значить пьянство!—поучительно произнесла она, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

Федоръ сказалъ:

— Это точно.

Потомъ постоялъ, постоялъ и пошелъ въ кухню.

— Ну, что же, господа?—раздался звонкій голосъ Лили.— Будемъ продолжать. Надо же кончить партію! Тетя, пожалуйста! Господа, мой чередъ! Прохожу послѣднія ворота! Я—разбойникъ!

3. Гиппиусъ.

ДЕРЕВНЯ

— Каронинъ (Петропавловскій). Разказы. Три тома. М. 1890—1891.

Въ прошломъ году, 12-го мая, умеръ въ Саратовѣ Николай Елпидифоровичъ Петропавловскій, гораздо болѣе извѣстный въ нашей литературѣ подъ псевдонимомъ Каронина. Это былъ еще молодой человѣкъ, — онъ умеръ около 35 лѣтъ, — но онъ успѣлъ составить себѣ добрую извѣстность своими трудами, появившимися впервые въ „Отечественныхъ Запискахъ“ времени Салтыкова. Онъ не стоялъ въ первыхъ рядахъ нашей беллетристики, но его дѣятельность останется замѣтной чертой въ литературной исторіи послѣдняго времени. Когда завершилась и дѣятельность, и самая жизнь, личность писателя сама становится историческимъ фактомъ въ судьбахъ нашего общества, и надо желать, чтобы люди, близкіе къ Каронину, рассказали эту біографію, которая была печальной біографіей, и объяснили ту внутреннюю жизнь, результатомъ которой были и его сочиненія. До сихъ поръ мы видѣли въ печати лишь немногія біографическія данныя ¹⁾.

Петропавловскій былъ уроженцемъ одного изъ глухихъ уголковъ Самарской губерніи. „Происходя изъ духовнаго званія, онъ провелъ все свое дѣтство въ деревнѣ и такимъ образомъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ познакомился съ жизнью народа, сроднился съ его горемъ и радостями и, впоследствии, отдалъ себя безповоротнo на служеніе его интересамъ. Учился онъ въ семинаріи, но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ выйти изъ послѣдняго класса“.

Въ дѣйствительности, не только выйти изъ школы, но и оста-

¹⁾ Укажемъ некрологъ въ „Р. Богатствѣ“, 1892, № 6.

вить свою родину. Не знаемъ въ точности обстоятельствъ, но по всей вѣроятности съ нимъ повторилась исторія юношескаго неопытнаго идеализма, за который надо было заплатить испорченною жизнью. Мы читаемъ въ некрологѣ: „Жизнь Н. Е. не была особенно богата разнообразіемъ событій, но она была богата содержаніемъ внутреннимъ и страданіями... Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Саратовѣ. Лишенія и жизненные невзгоды давно уже подорвали его здоровье... Г. Мачетъ, проведеншій съ нимъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, не малое время въ одномъ изъ городовъ Тобольской губерніи, говоритъ, что онъ тогда уже казался совсѣмъ изможденнымъ, совсѣмъ больнымъ,—до того былъ онъ худъ и блѣденъ; первая мысль при взглядѣ на него—была мысль о зломъ недугѣ, о послѣдней степени чахотки. Но тогда ея еще не было,—все это было продуктомъ въ концѣ почти разбитыхъ, истерзанныхъ нервовъ“. Настоящей чахоткой, какъ говорятъ, онъ заразился только въ послѣднее время, но болѣзнь, вѣроятно, нашла уже очень подготовленную почву. „Цѣлые восемь мѣсяцевъ больной мужественно боролся съ недугомъ, не переставая почти все время читать газеты и журналы и интересоваться вопросами русской жизни и литературы. Онъ сознавалъ, что умираетъ, и смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти... Люди, окружавшіе его въ это время, по истинѣ поражались силою его духа“...

Литературная дѣятельность Каронина началась въ концѣ 70-хъ годовъ. Кромѣ „Отечественныхъ Записокъ“, его рассказы появлялись въ журналѣ „Слово“, а въ послѣднее время въ „Русской Мысли“. Во время своего пребыванія въ Тобольской губерніи онъ занимался экономическими изслѣдованіями южныхъ округовъ этой губерніи и получилъ за нихъ премію отъ Западно-сибирскаго отдѣла Географическаго Общества. Поселившись въ Саратовѣ, онъ принялъ-было участіе въ мѣстныхъ изданіяхъ, но потомъ писалъ только въ „Р. Мысли“, а также въ „Р. Вѣдомостяхъ“ и „Казанскомъ Листѣ“.

Мы читаемъ въ некрологѣ, что, „какъ человѣкъ, онъ своею необыкновенною добротою, гуманностью и мягкостью, своимъ вѣчнымъ стремленіемъ жертвовать своими интересами въ пользу другихъ, умѣлъ возбуждать любовь и уваженіе къ себѣ во всѣхъ, кому приходилось съ нимъ сталкиваться“. На мѣстѣ, человѣкъ, очевидно, близко его знавшій, писалъ о немъ послѣ его смерти:

„...Съ перваго дня своей сознательной жизни и до конца своего тяжелаго, страдальческаго пути онъ посвятилъ себя людямъ; всѣ свои силы, знанія, свой талантъ, свои мечты и мысли онъ отдавалъ имъ, и никто не слышалъ отъ него, чтобы онъ просилъ

чего-нибудь для себя или жаловался за себя. А ужъ не ему ли было на что пожаловаться! Только въ послѣдній моментъ, разставаясь навсегда со всѣмъ, что онъ любилъ, онъ произнесъ въ бреду нѣсколько словъ, изъ которыхъ удалось разслышать просьбу „отпустить на волю“... Вся жизнь его прошла какъ безконечная цѣпь страданій; онъ не видалъ ни одного свѣтлаго дня, развѣ только въ своихъ чистыхъ мечтахъ, и какой высокій духъ долженъ былъ жить въ этомъ человѣкѣ, если онъ сохранилъ глубокую вѣру въ людей, если изъ устъ его раздавались не проклятія, не крикъ ненависти и презрѣнія, а слова любви и надежды“...

Приводимъ, наконецъ, слова того журнала, который по основнымъ интересамъ своей дѣятельности долженъ былъ въ особенности дать себѣ отчетъ въ томъ содержаніи, какое представляютъ произведенія Каронина. „Независимо отъ степени таланта,—говоритъ некрологъ „Р. Богатства“,—намъ кажется, что главное достоинство произведеній Каронина, главная притягательная сила ихъ для мыслящаго читателя заключалась въ ихъ идейности, въ той горячей любви къ людямъ, униженнымъ, обездоленнымъ и страдающимъ, и въ любви къ народу. Въ произведеніяхъ послѣдняго рода Каронинъ стремился не столько захватить отдѣльные типы, сколько очертить извѣстныя народившіяся въ обществѣ явленія, которыя самому ему были близки и интересны, или гдѣ обнаруживалось трудное положеніе при соприкосновеніи интеллигенціи съ народомъ... Такимъ образомъ, подходя съ разныхъ сторонъ къ одному и тому же излюбленному имъ предмету, изображая то самую народную жизнь, со всѣми ея грустными тяжелыми сторонами, то интеллигенцію, желающую идти народу на встрѣчу, Каронинъ всими произведеніями затрогивалъ общественную мысль и самыя лучшія, самыя благородныя струны человеческого сердца“.

Если біографія помогаетъ опредѣлить писателя, то и самыя сочиненія, хотя бы наиболѣе объективныя, способны раскрывать его личность. Какъ мы видѣли, въ настоящемъ случаѣ данныя личнаго характера, кажется, вполне совпадаютъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое оставляютъ произведенія Каронина. Дальше мы приведемъ примѣры, что впечатлѣніе этихъ произведеній дѣйствительно таково, и самая личность писателя, съ ея психологическимъ содержаніемъ, представляется любопытнымъ историческимъ явленіемъ. Повидимому, высшія ступени образованія остались ему недоступны; жизнь прошла въ самыхъ неблагопріятныхъ, крайне тяжелыхъ условіяхъ, вдали отъ общественной жизни и отъ

воздѣйствій личнаго общенія съ другими силами; тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ у этого писателя широкое нравственное содержаніе, сильно развитое общественное чувство: глубокій интересъ къ народной жизни, которымъ проникнуты его сочиненія, воспринять имъ какъ будто изъ цѣлой особой атмосферы, окружавшей лучшіе умы и характеры молодого поколѣнія. Его „направленіе“ не воспитано кружкомъ; оно какъ бы само развивалось въ захолустьяхъ, въ которыхъ проходила его жизнь; одна литература безъ сомнѣнія оказывала на него свое дѣйствіе, но существо его содержанія давалось его личнымъ наблюденіемъ жизни, въ той окраскѣ, какую сообщала упомянутая общественная атмосфера. Понятно, что при этихъ условіяхъ тѣмъ болѣе вырастаетъ интересъ его произведеній: это—нѣчто непосредственное, жизненное и простое; оно любопытно и по собранному бытовому матеріалу, и по самой личности писателя, внутренняя исторія котораго сама является чрезвычайно характернымъ историческимъ фактомъ нашей общественности.

Каронинъ не отличался сильнымъ художественнымъ талантомъ. Изъ ряда писателей, посвящавшихъ свои силы изображенію народнаго быта, онъ далеко уступитъ Глѣбу Успенскому, уступитъ даже Левитову; но въ его дарованіи была привлекательная черта той искренности и правдивости, которая не давала ему уклоняться отъ непосредственнаго смысла дѣйствительности, не допускала впадать ни въ фантастическія мечтанія, ни въ карикатуру. Его можно причислить къ беллетристамъ-народникамъ; но отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ его выгодно отличаетъ именно это отсутствіе преувеличенной идеализаціи, которая, вѣроятно, казалась обязательной для народнаго патріотизма, а на дѣлѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлала вліяніе народнической литературы болѣе тѣснымъ, чѣмъ оно могло бы быть. Никогда онъ не дѣлалъ своего разсказа теоретическимъ разсужденіемъ; въ трехъ томахъ его повѣстей ни разу не встрѣчается рѣчи о деревенскихъ „устояхъ“; нигдѣ филиппики, направленной противъ „интеллигенціи“; если иногда изображеніе нѣкоторыхъ ея представителей виѣшнимъ образомъ похоже на тѣ язвительныя изображенія, какія встрѣчаются у другихъ народниковъ-беллетристовъ, а иной разъ и на тѣ сантиментальныя изображенія, какія посвящались у этихъ беллетристовъ людямъ образованнаго круга, увѣровавшимъ въ „устои“, отрешившимся отъ золъ интеллигенціи и поселившимся въ деревнѣ, — то это сходство только виѣшнее (въ дѣйствительности встрѣчались писателю подобные эпизоды) и авторъ не думалъ дѣлать изъ этого ни теоріи, ни поученія. Онъ только рассказывалъ и

рисовалъ жизнь такую, какою она ему представлялась. Дальше мы встрѣтимся съ мнѣніемъ, которое видѣло въ Каронинѣ народника-пессимиста, а рядомъ съ этимъ полагало возможнымъ причислять его къ тѣмъ псевдо-народникамъ, какіе распложились въ послѣднее время, между прочимъ, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ псевдо-народничества гр. Л. Н. Толстого. Намъ это мнѣніе кажется не совсѣмъ точнымъ или прямо ошибочнымъ. Едва-ли можно сказать, чтобы Каронинъ вообще представлялъ какую-нибудь предвзятую тенденцію подобнаго рода, и тѣмъ менѣе пессимистическую. Много его разсказовъ, если не всѣ, оставляютъ печальное, даже тягостное впечатлѣніе, — но никакъ не потому, чтобы онъ былъ пессимистомъ, чтобы онъ хотѣлъ представлять жизнь въ мрачныхъ краскахъ: онъ былъ только правдивъ, не хотѣлъ подкрашивать дѣйствительности и не его вина была въ томъ, что дѣйствительность слишкомъ часто поражала его своими мрачными красками; его глубочайшей затаенной мыслью было возбудить своей картиной человѣческое сочувствіе къ тѣмъ всячески заброшеннымъ людямъ, какихъ такъ много представляетъ деревня. Въ объясненіе или въ извиненіе этого характера его разсказовъ было замѣчено, что, изображая исключительно однѣ захудалыя деревушки и мужиковъ, дошедшихъ до послѣдней степени нищеты и разоренія, „онъ былъ въ полномъ правѣ въ этой своей односторонности, такъ какъ никто не можетъ воспрепятствовать художнику изображать такіе факты, которые болѣе всего занимаютъ его; къ тому же такіе факты преобладаютъ *въ настоящее время* въ народной жизни, стоятъ на первомъ планѣ и прежде всего просятся подъ перо“ ¹⁾. Мы прибавили бы, что рѣчь идетъ, однако, не только о настоящемъ времени и не только о матеріальной захудалости. Русская деревня издавна вела довольно печальную исторію: во времена крѣпостного права даже случавшееся матеріальное благосостояніе было принижено рабствомъ; за послѣднее время, независимо отъ голода и гораздо раньше его, началось то стремленіе къ переселенію, которое было признакомъ большого матеріальнаго разстройства деревни; формы переселенія, сопровождавшагося крайней нищетой и смертностью, указывали кромѣ матеріальныхъ и общественныя неурядицы. Наконецъ, привычныя явленія быта издавна и до сихъ поръ свидѣтельствовали, несмотря на все предполагаемое могущество „устоевъ“, крайнюю безпомощность умственную и духовную. Не нужно было захудалыхъ

¹⁾ Скабичевскій, Исторія новѣйшей русской литературы, 2-е изд. Спб. 1893, стр. 349.

деревень и разорившихся мужиковъ для того, чтобы картина деревни оставалась мрачной. Новое размноженіе населенія готовить недостатокъ земли, и неумѣнье, или въ данныхъ условіяхъ невозможность, иначе поставить хозяйство поведетъ опять къ захудалости и къ новымъ переселеніямъ; примѣры мужицкаго богатства почти неизмѣнно изображаются и чаще всего дѣйствительно бывають не столько результатомъ разумнаго правильнаго промысла, сколько результатомъ такъ называемаго кулачества, и потому даже они не могутъ особенно радовать наблюдателя народной жизни.

Первый рядъ разсказовъ Каронина дѣйствительно поглощенъ почти безъ исключенія этими безотрадными картинами деревенской нужды, въ которую входитъ не только матеріальная бѣдность, но также общественная безправность и умственная беспомощность. Какъ мы сказали, у Каронина нѣтъ въ этомъ случаѣ никакой намѣренности. Его настроеніе можетъ намъ казаться пессимизмомъ, но онъ, очевидно, не выбиралъ нарочно захудалыхъ деревень, а изображалъ то, что всего сильнѣе поражало человека, желавшаго добра этой деревнѣ. Можно находить недостатки въ его писательской манерѣ, но его нельзя упрекнуть въ выдумкѣ—той выдумкѣ, какой бывало не мало въ тѣ годы, когда лѣтъ сорокъ тому назадъ возникала спеціальная беллетристика изъ народнаго быта, и какая, несмотря на всѣ успѣхи нашей народной повѣсти, не вывелась и до сихъ поръ—въ ту или другую сторону. Деревня была знакома Каронину съ дѣтства, онъ вѣроятно видѣлъ ее не мало и послѣ, и этого знанія было достаточно, чтобы дать содержаніе его разсказамъ: онъ ни въ какомъ случаѣ не принадлежалъ къ тѣмъ повѣствователямъ, которымъ приходится выдумывать сюжеты; онъ говорилъ о томъ, что ему было хорошо извѣстно. То, что называютъ „идейностью“ его повѣстей, заключается въ томъ, что ихъ содержаніе вовсе не есть анекдотъ, безразличная „картинка нравовъ“,—напротивъ, такъ какъ передъ нимъ всегда рисовалось общее положеніе деревни, его разсказы всегда связаны съ какой-нибудь существенной стороною народнаго быта: потому они и могли наводить читателя на размышленіе о томъ, гдѣ причина деревенской бѣды и какъ ей помочь. Мы не будемъ пересказывать содержаніе его повѣстей и приведемъ только нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ, гдѣ отражается это общее положеніе деревни въ ея домашнемъ быту и ея отношенія къ властямъ и къ разнаго рода „барину“.

Въ разсказѣ „Безгласный“ изображается мужикъ Фроль, единственный грамотѣй на всю деревню, котораго зовутъ каждый разъ,

когда въ деревенскихъ дѣлахъ требуется „письменность“ — нужно написать бумагу, объясняться по ней съ начальствомъ и т. п. Фролъ не отказывается отъ подобныхъ хлопотъ, потому что дѣло бываетъ „опчественное“. Разъ пріѣхалъ въ деревню господинъ, собиравшій свѣденія объ общинѣ; на его желаніе поговорить съ знающимъ человѣкомъ, къ нему послали Фрола. Разговоръ вышелъ весьма пелѣпый; оба не понимали другъ друга. „Баринъ принадлежалъ къ числу тѣхъ праздношатающихся, которые, для пополненія празднаго времени, безъ пути слоняются по захоlustьямъ и изслѣдуютъ вопросы съ точки зрѣнія своей собственной праздности. Это было время, когда только-что возникъ вопросъ: сейчасъ упразднить общину или повременить. Изслѣдователь, остановившійся у парашкинцевъ, этимъ вопросомъ и былъ занятъ“. Разговоръ происходилъ такъ:

„— Скажи, пожалуйста... да ты чтѣ стоишь? Садись, другъ мой.

— Покорно благодаримъ...

— Скажи, пожалуйста, какъ у васъ община... крѣпка?

— Это насчетъ чего?

— Не хотите землю дѣлить?

— Не слыхать будто...

— Значить, крѣпко держитесь общинныхъ порядковъ? Ну, а не бѣгутъ отъ васъ люди? не покидаютъ землю? не тяготятся вашими порядками? — спросилъ изслѣдователь, довольный тѣмъ, что вопросы такъ быстро разрѣшаются.

— Бываетъ, и въ бѣги даются.

— И много бѣгутъ?

— Бываетъ.

— Такъ, значить, община-то ваша распадается? — спросилъ пораженный изслѣдователь.

— Которые люди въ городъ бѣгутъ, тѣ отъ опчества отстраняются, а которые въ опчествѣ живутъ, ну, тѣ тутъ и живутъ... — отвѣчалъ Фролъ, недоумѣвая, зачѣмъ все это его спрашиваютъ“.

Разговоръ кончился такъ:

„— Да ты самъ какъ объ этомъ думаешь? вѣдь есть же у тебя мнѣніе?

— Это насчетъ чего?

— Хорошо или худо подѣлить землю?

— Да я что же... какъ опчество...

— Да тебѣ плохо или хорошо жить при этихъ порядкахъ?

— Чего ужъ тутъ хорошаго!

— То-то же и есть; значить, хорошо подѣлить?

— Да какъ опчество...

„Баринъ сплюнулъ; лицо его было красно; сколько онъ ни предлагалъ далѣе вопросовъ, путнаго ничего не вышло“.

Разногласіе у барина и деревенскаго жителя авторъ опредѣляетъ такъ: „Между бариномъ и Фроломъ Пантелѣевымъ было, очевидно, полное непониманіе, и говорили они на разныхъ языкахъ, изумляясь легкомыслію другъ друга; да и трудно было имъ сойтись на какой-нибудь точкѣ взаимнаго разумѣнія. Для изслѣдователя община рисовалась въ видѣ полицейской будки, которую можно упразднить или оставить на мѣстѣ; а для Фрола „опчество“ было его собственнымъ тѣломъ, рѣзать которое, само собою разумѣется, больно. Первый могъ спокойно говорить объ упраздненіи, а второй и не думалъ объ этомъ никогда“.

Вѣроятно этотъ и два-три подобныхъ эпизода привели критику къ заключенію, что Каронинъ, какъ и другіе народники, изображая встрѣчи народа съ интеллигенціей, стремился къ посрамленію послѣдней. Заключение кажется намъ невѣрнымъ. Если, на примѣръ, г. Златовратскій представлялъ дѣло такъ, что обыкновенный интеллигентный смертный, оторвавшійся отъ народа, совсѣмъ не въ состояніи постичь общинныхъ порядковъ, не можетъ и мечтать уразумѣть глубины народнаго духа, то у Каронина мы этого не находимъ. Выведенный имъ „баринъ“ есть „праздношатающійся“ и глупый человѣкъ, который не знаетъ даже, что мужику можетъ быть непонятна книжная терминологія и что съ нимъ надо было говорить болѣе доступнымъ ему языкомъ. Что такіе люди бываютъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и здѣсь можетъ совсѣмъ не быть каррикатуры, — тѣмъ болѣе, что изображеніе другой стороны вовсе не польщено. Фролъ, по словамъ автора, могъ бы отвѣчать опредѣленнѣе, еслибы вопросы были сдѣланы вразумительно для него, — но въ самой общинѣ для Фрола не было такой святыни, какъ обыкновенно предполагаетъ народническая теорія и беллетристика. Чтò сказалъ бы онъ, еслибы понималъ вопросъ? „Можетъ быть, онъ сказалъ бы, что владѣть одному десятиной и разводить на ней капусту гораздо лучше, чѣмъ владѣть ею сообща и сѣять на ней рожь; можетъ быть, онъ подумалъ бы наоборотъ, а можетъ быть, не долго думая, онъ сказалъ бы, что несравненно лучше всего прочаго плюнуть на эту десятину и „даться въ бѣга““.

Дѣло въ томъ, что для Фрола, въ данномъ случаѣ изображавшаго собою многія тысячи ему подобныхъ „членовъ общины“, его „опчество“ было привычной, единственной знакомой формой быта, за которую онъ естественно и держался; но когда она совсѣмъ переставала ему служить и нѣсколько его обезпечивать,

онъ былъ не прочь „даться въ бѣга“, т.-е. совсѣмъ съ ней разстаться. Многіе и „давались въ бѣга“. Его роль въ „общественной жизни“ авторъ изображаетъ такъ. Его односельчанамъ надо было выбрать отъ себя гласнаго въ земское собраніе; прежнимъ гласнымъ, старостой, были—по своимъ домашнимъ дѣламъ—недовольны и теперь выборъ палъ единогласно на Фрола, какъ человѣка письменнаго и уже имѣвшаго дѣла съ начальствами. Фроль былъ пораженъ избраніемъ. „Парашкиницы (односельчане) недоумѣвали, поглядывая на странное лицо своего излюбленнаго, скорѣе деревянное, чѣмъ живое. А Фролу было дѣйствительно не по себѣ. Прежде всего, его поразила неожиданность его избранія; потомъ онъ очумѣлъ отъ страха. А потомъ, ясно представивъ себя дѣятелемъ въ сысойскомъ земствѣ, онъ почувствовалъ боль, отъ которой ныли всѣ его внутренности. Онъ погрузился въ себя, угрюмо и молчаливо шагая среди своихъ парашкинцевъ, ликующихъ, что, наконецъ, повинность справлена“.

Это настроеніе не было, однако, чертой исключительной. Для деревни Фроль, какъ письменный человѣкъ, былъ кладъ и никто не сомнѣвался въ его способности „представлять невѣжество парашкинцевъ въ сысойскомъ земствѣ“,—но для него самого эта репутація не была полезна. „Прежде всего онъ, какъ извѣстный парашкинецъ, любилъ лучше сидѣть дома, чѣмъ тыкаться Богъ знаетъ гдѣ, и понятна горечь, съ какою онъ каждый разъ собирался въ уѣздный городъ Сысойскъ. Только дома онъ чувствовалъ себя хорошо; внѣ же дома онъ былъ рыбой, вытянутой на берегъ. Онъ всю жизнь держался правила или скорѣе вопля: „не тронь меня!“ Можно даже сказать, что и вся-то его жизнь заключалась въ несчетныхъ попыткахъ скрыться, утаить свою душу и тѣло и остаться незамѣченнымъ“.

Взгляды Фрола были, разумѣется, не единичные, и мы имѣемъ дѣло съ результатомъ цѣлой многовѣковой исторіи. Панегиристы „устоевъ“ полагаютъ, кажется, что ихъ порча и колебаніе происходятъ только отъ вины какихъ-то постороннихъ людей, не понимающихъ ихъ значенія; въ дѣйствительности, устои несомнѣнно подвергаются вліянію самыхъ разнообразныхъ отношеній государственно-экономической жизни, а самые носители ихъ едва-ли сдѣлали что-нибудь для того, чтобы охранить ихъ значеніе. Каролинъ не даромъ изображаетъ „письменнаго“ Фрола предпочитающимъ лучше сидѣть дома, чѣмъ „тыкаться Богъ знаетъ гдѣ“, и всего больше старающимся „скрыться, утаить свою душу и тѣло“. Обычная умственная неподвижность крестьянскаго быта мало измѣнилась противъ прежняго; великая реформа, доставившая лич-

ную свободу отъ помѣщика, не вызвала стремленія сознательно оглядѣться въ новыхъ условіяхъ; сельская школа въ огромномъ числѣ случаевъ все еще только терпима крестьянами и нѣтъ стремленія расширить ее до такого размѣра, гдѣ она доставляла бы серьезное пригодное знаніе. На примѣрѣ Фрола Каронинъ указываетъ, какъ сельское населеніе относилось къ земству. Онъ страшно смутился своимъ избраніемъ: что будетъ онъ дѣлать въ этомъ земствѣ? „Прежде онъ приносилъ пользу парашкинцамъ тѣмъ, что въ-время умѣлъ смолчать и скрыть; теперь онъ долженъ говорить, и притомъ гласно. Прежде онъ „дѣйствовалъ“, просилъ, умолялъ; теперь онъ долженъ доказывать, рассуждать, убѣждать. Но долгая привычка молчать, неумѣнье говорить о томъ, что думаешь—все это качества, отъ которыхъ нельзя отдѣлаться мгновенно и по первому требованію. Схумѣетъ ли онъ говорить такъ, чтобы не осрамить своихъ парашкинцевъ? А что его заставляютъ говорить—это было для него ясно, иначе зачѣмъ и земство? Теперь, очевидно, его спросятъ: какія нужды имѣютъ парашкинцы? какими способами удовлетворить ихъ? Какъ ты объ этомъ полагаешь, Фролъ Пантелѣевъ? Фролъ представлялъ себѣ все это и болѣлъ. Ну, а если проврешься? Если осрамишь только парашкинцевъ? Если вмѣсто пользы принесешь имъ одно зло?“

Пріѣхавши въ городъ ко дню открытія земскаго собранія, онъ съ ранняго утра ходилъ около дома, гдѣ помѣщалось земское собраніе, пока, наконецъ, осмѣлился войти и встрѣтилъ тамъ одного сторожа, который сначала обругалъ его, но смягчился, увидѣвъ, что Фролъ „произведенъ въ гласность“. Сторожъ принялся руководить неопытнаго деревенскаго представителя. Главный совѣтъ, который онъ давалъ, состоялъ въ томъ, чтобы сидѣть и молчать.

„А почему? Первое дѣло, языкъ лопата, второе дѣло—умъ за разумъ зайдетъ у тебя, какъ это они начнутъ говорить.“

„Мироновъ остановился, а Фролъ напряженно устремилъ глаза въ пространство и недоумѣвалъ.“

— И все молчать? — спросилъ онъ.

— Молчи.

— Ну, а ежели такъ... къ слову, разумное, что ни на есть?..

— А я тебѣ говорю, молчи. Скажи ты необразованное слово, сейчасъ тебя, Господи благослови, за хвостъ да палкой“.

Затѣмъ Мироновъ объяснялъ, какъ бываетъ „балтировка“.

„— Когда тебѣ скажутъ: Фролъ Пантелѣевъ! Клади черный! ты клади черный; или опять скажутъ: клади бѣлый—клади бѣ-

лый; безъ послушанія!—пояснилъ Мироновъ, самъ изумляясь своему краснорѣчію.

— Ну, а ежели я самъ... положу за кого надо...—нерѣшительно возразилъ Фролъ.

— Безъ послушанія!—сурово проговорилъ Мироновъ, возмущенный недовѣріемъ Фрола“.

Дѣло шло, однако, совсѣмъ не такъ, какъ преподавалъ сторожъ, отставной гренадеръ Мироновъ. На первый день происходилъ выборъ гласныхъ въ губернское земство и ничто не мѣшало Фролу въ его занятіи—примѣчать и учиться.

„Въ этотъ день онъ дѣлалъ то, чѣмъ дѣлали другіе: сидѣлъ, когда всѣ сидѣли, вставалъ, когда вставали другіе; двигался вмѣстѣ съ прочими, и отличался отъ многихъ только тѣмъ, что абсолютно молчалъ въ то время, когда говорили вокругъ него. Тѣмъ не менѣе, внутренности Фрола не переставали болѣть и внутренняя работа не прекращалась въ немъ; ему хотѣлось повясть смыслъ всего происходящаго, чтобы потомъ... а дальше онъ думалъ поступать какъ Богъ на душу положить. За этотъ день Фролъ такъ намучился, что, придя на свой постоялый, и почти ничего „не ѣвши“, онъ какъ снопъ повалился на лавку“.

Въ слѣдующіе дни онъ продолжалъ волноваться, но старался и прислушиваться къ тому, чѣмъ говорилось. Между прочимъ одинъ вопросъ коснулся и парашкинцевъ, въ округѣ которыхъ не было школы. Гавриловскій баринъ настаивалъ, что школа для нихъ нужна, а чекменскій баринъ утверждалъ, что школа имъ не нужна, что они по невѣжеству не желаютъ образовывать себя. Многіе обратили вниманіе на Фрола, какъ представителя парашкинцевъ, и онъ рѣшился сказать свое слово: „Невѣжество — это такъ... но невѣжество надо учить. учёба ему надобна... Парашкинцы и рады бы учить своихъ ребятъ, да силъ-то нѣту“. Чекменскій баринъ и другіе стали смѣяться, тогда Фролъ обратился къ сидѣвшему подлѣ него барину и проговорилъ:

— Грѣхъ вамъ, баринъ, смѣяться!..

„Хохотъ усилился; но въ это время со всѣхъ сторонъ удивленной залы послышались повелительные крики.

— Это нехорошо!

— Перестаньте смѣяться!

— Нечестно!!!

„А какой-то раздражительный голосъ прямо вскрикнулъ:— Подло!

„Взволнованный предсѣдатель принялся звонить. Когда же возстановилась тишина, онъ обратился къ Фролу:

— Продолжайте, господинъ гласный.

„Но Фроль опять улыбнулся грустной, а больше странной улыбкой и только выговорилъ:

— Нѣтъ ужъ...

„И сѣлъ. Предсѣдатель поторопился прервать засѣданіе“.

Фроль сбѣжалъ въ деревню.

Другой примѣръ деревенской безпомощности изображается въ разсказѣ „Ученый“. Этотъ ученый былъ нѣкто Иванъ Ивановъ или дядя Иванъ, совсѣмъ взрослый дѣтина, котораго одолѣла любовь къ грамотѣ, когда въ селѣ была открыта школа. Онъ выпросилъ у учителя позволеніе приходить иногда въ школу и учиться вмѣстѣ съ маленькими мальчуганами. Кое-какъ онъ выучился читать, сталъ покупать грошевыя книжки и разбиралъ ихъ, но въ книжкахъ встрѣчались иногда такія слова, которыхъ онъ никакъ не могъ понять. Къ тому времени школа закрылась, учитель уѣхалъ, и справиться объ этихъ словахъ было не у кого, кромѣ одного писаря, которому, однако, всегда требовалось выпить или опохмелиться, и потому за каждое объясняемое слово онъ требовалъ пятакъ.

„Вся душа Ивана была устремлена къ наукѣ.

„Что онъ разумѣлъ подѣ наукой—ему одному извѣстно, но только мучился за нее онъ нестерпимо, ужасно! А главное—безъ всякой корысти. Корыстныхъ видовъ онъ никакихъ не имѣлъ. Онъ былъ доброволецъ или, лучше сказать, жертва безразсуднаго стремленія „почитаться“. Онъ ничего не ожидалъ отъ книжки, кромѣ „словечекъ“, которыя одно по одному входили въ темную пустоту его головы и одиноко тамъ торчали, какъ вѣхи въ безграничной пустынѣ. Онъ никогда не думалъ о практической пользѣ... Никакихъ „правдъ“ онъ не добивался и не могъ добиться. Это нашелъ не только онъ, а всѣ парашкинцы, которые ничего не возражали, когда у нихъ уничтожили школу, и только какой-то шутникъ замѣтилъ: „а ну ее ко псамъ!“ Учился дядя Иванъ не ради сѣбѣстныхъ припасовъ, а лишь удовлетворяя свой умственный голодъ. Съ наукой ему нечего было дѣлать—продать ее было негдѣ, потому что и базара для парашкинской науки не устроено, да и цѣна ей грошъ мѣдный.

„Сумасшедшая голова дяди Ивана была полна невозможностей. Даже Семенычъ смѣялся надъ нимъ. Парашкинцы тоже стали примѣчать, что дядя Иванъ сталъ чудѣнъ! И парашкинскій староста изумлялся; часто, когда Иванъ ошеломлялъ его какимъ-нибудь неожиданнымъ-негаданнымъ вопросомъ, староста разсказывалъ объ этомъ праздничной кучкѣ парашкинцевъ съ величайшимъ

негодованіемъ, начиная свою рѣчь съ оглушительныхъ словъ: „Ванюха-то!“

„Дядя Иванъ дѣйствительно началъ задумываться; иногда Богъ знаетъ о чемъ тосковалъ; часто даже „пищи рѣшался“. Въ головѣ его копошились странные вопросы:

„Откуда вода?“

„Или опять тоже земля... почему?“

„Куда бѣгутъ тучки?“

„Иногда же странные вопросы достигали крайней несообразности; иногда ему приходило на умъ: откуда мужикъ? И многое множество такихъ нелѣпостей лѣзло ему въ голову“.

Кончилось плохо: онъ забросилъ хозяйство, сталъ забывчивъ, за нимъ накаплились недоимки съ ихъ послѣдствіями; однажды онъ собирался даже топить и уцѣлѣлъ только совершенно случайно. Послѣ этого онъ совсѣмъ забросилъ книжки и только выпивалъ.

Въ числѣ деревенскихъ характеровъ Каронинъ рисуетъ и „Вольнаго человѣка“. Это—молчаливый, сосредоточенный человѣкъ, соединившій съ хозяйствомъ кузнеческое ремесло и старательно охранявшій свою независимость. Онъ дѣйствительно достигъ въ деревнѣ извѣстнаго авторитета; затрогивать его боялись и иногда онъ оказывалъ подвиги мужества, напр. въ спорахъ со старостой, которымъ многіе удивлялись и особенно удивлялся боязливый мужикъ Илья Малый, который мало-по-малу сталъ его кліентомъ. Однажды, когда Илья Малый въ ихъ отрывочныхъ разговорахъ высказалъ соображеніе, что теперь „ничего, жить можно“, суровый кузнецъ возразилъ, что „душа вольна нынче, а тѣло — нѣтъ“; другими словами, онъ доходилъ до извѣстнаго представленія о свободѣ мышленія, но не совсѣмъ надѣялся на житейскіе порядки.

„Егоръ Панкратовъ („вольный человѣкъ“) дошелъ до своей мысли „своимъ умомъ“, тягостно, цѣной всей жизни. Въ его головѣ царилъ такой хаосъ, что онъ съ трудомъ могъ разобраться въ немъ, чтобы выдѣлить свою мысль изъ кучи другихъ, по волѣ гулявшихъ представленій. Въ этомъ хаосѣ была всякая чертовщина и всевозможныя странности; между ними, напримѣръ, и то, что душа — паръ. Легко, поэтому, понять, что онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшался обнаруживать свои соображенія насчетъ тѣла и души, да и то по большей части запутывался въ словахъ и умолкалъ“¹⁾).

¹⁾ Т. I, стр. 95—96.

Къ сожалѣнію, эта независимость повела къ печальнымъ послѣдствіямъ. Однажды онъ вступился за свои права и за права Ильи Малаго у барина, которому они работали и который не платилъ денегъ. На бѣду это случилось тогда, когда у барина были гости и между прочимъ самъ становой.

„По обыкновенію, Егоръ Панкратовъ былъ впереди, а Илья Малый прятался за нимъ.

— Сколько разъ васъ гоняли и говорили вамъ, что некогда? —бѣшено говоритъ Петръ Петровичъ...

— Намъ, ваша милость, дожидать нельзя—описаніе! Мы за своимъ пришли... кровнымъ!—отвѣчалъ съ возроставшимъ волненіемъ Егоръ Панкратовъ.

— Ступайте прочь!..

„А Егоръ Панкратовъ стоялъ передъ нимъ, блѣдный и мрачно глядѣлъ въ землю.

— Эхъ, ваша милость!.. Стыдно обижать вамъ въ этомъ разѣ...—сказалъ онъ.

— Да ты уйдешь? Эй! Яковъ! Гони!—шумѣлъ баринъ.

„Егору Панкратову надо было уйти, а онъ все стоялъ въ прихожей.

„На шумъ вышли почти всѣ гости, сосѣдніе помѣщики, Епифанъ Ивановъ и становой. Послѣдній, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ Егору Панкратову удалиться. Но Егоръ Панкратовъ не удалился; онъ съ отчаяніемъ глядѣлъ то на того, то на другого гостя и, наконецъ, сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Ты, ваше благородіе, не путайся въ это мѣсто“...

Это, конечно, не прошло ему даромъ. Егора велѣно было наказать, но староста побоялся поступить съ нимъ слишкомъ круто и его только заперли на два дня въ темную на хлѣбъ и на воду. Дѣло было глубокой осенью; Егоръ не принималъ никакой пищи и сидѣлъ въ холодномъ „канцерѣ“. Когда онъ вышелъ оттуда, у него открылась горячка; кое-какъ онъ поправился, но здоровье его было надломлено; онъ упалъ духомъ.

„Несчастіе Егора заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ то время, когда не было ничего опредѣленнаго ни въ области мужицкихъ отношеній, ни въ кругѣ тѣхъ отношеній, которыя вліяли на него извнѣ. Его отецъ былъ крѣпостной человѣкъ, жизнь котораго была проста, какъ жизнь вьючнаго животнаго, и опредѣленна, какъ дѣйствіе машины, и который не имѣлъ права мечтать; сынъ Егора устроить свои отношенія человѣчнѣе и опредѣленнѣе... Но самъ Егоръ жилъ въ атмосферѣ загадокъ и „загвоздокъ“. Кругомъ же его въ деревнѣ былъ хаосъ; ничего

прочнаго не видѣлось ему; старое, повидимому, рушилось, но новое еще не было создано. Въ немъ таилась частичка искры Божіей о волѣ, но такъ темно, что въ практическомъ смыслѣ она была бесполезна для него, ибо не могла освѣщать его пути, да и занимала ничтожнѣйшее мѣсто въ немъ, а прочее все существо его было переполнено смутными ожиданіями чего-то худого и безнадежнаго. Опоры для какихъ бы то ни было человѣческихъ надеждъ деревня не представляетъ, гдѣ вся жизнь есть страхъ, беззаконіе, „загвоздка“. Егоръ сидѣлъ между двумя временами, изъ которыхъ прошлое показывало ему цѣпи, а будущее — черную дыру; а въ настоящемъ, когда онъ вздумалъ вообразить себя вольнымъ, постоянно проходятъ передъ его глазами явленія, убивающія самыя низменныя мечты и желанія, подтачивающія всякую энергію. Переходное поколѣніе, къ которому Егоръ Панкратовъ принадлежалъ, самое несчастное, потому что оно не живетъ, а мается, и существуетъ не для самого себя, а для другихъ поколѣній; оно служитъ матеріаломъ для будущаго, но на него прежде всего падаетъ мѣсть уходящаго прошлаго“ ¹⁾.

Еще новый примѣръ безпомощности деревни представляетъ исторія молодого деревенскаго мужика Дёмы ²⁾. У Дёмы въ деревнѣ надѣлъ („душа“) и семья, старая мать и молодая, но больная жена; но жить на этотъ надѣлъ нѣтъ никакой возможности, и потому Дёма отправился на заработки, гдѣ кое-какъ пропитывался. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что ему нѣтъ никакой надобности оставлять за собой эту „душу“, и онъ пришелъ въ деревню, чтобы окончательно сложить ее съ себя, передать ее міру, конечно съ той долей подати, которая на нее приходилась. Міръ долженъ былъ поступить съ ней, какъ знаетъ, но Дёмѣ она была совершенно не нужна. Міръ не соглашался: у Дёмы есть на мірской землѣ изба, гдѣ живетъ его мать и жена; кое-какой скотъ пасется на мірской землѣ, стало быть отказаться отъ души Дёмѣ нельзя; но съ другой стороны Дёма категорически заявилъ, что ему платить нечѣмъ и платить онъ не будетъ, а теперь у него взять годовой паспортъ, за который онъ заплатилъ деньги. Это послѣднее обстоятельство подѣйствовало, потому что дѣйствительно онъ заплатилъ деньги за паспортъ и долженъ имъ воспользоваться; рѣшено было, что у Дёмы останется полъ-души.

¹⁾ Тамъ же, стр. 103—104.

²⁾ „Послѣдній приходъ Дёмы“ (томъ I).

На первое заявленіе Дѣмы о томъ, что онъ не желаетъ имѣть душу, міръ заволновался:

„— Это что-жъ такое?! Платить онъ не можетъ, не будетъ... въ какомъ смыслѣ? Уйдетъ въ бѣга — и лови его!.. Душу бросаетъ, хозяйство въ разоръ — по какой причинѣ? А тамъ плати за него... Плати, вѣрно!.. Ты за него не только плати, а прямо спину подставляй; за ихняго брата порютъ!.. Да, какъ же! Онъ душу свою изматаетъ, бѣжитъ, а міръ въ отвѣтъ?.. Господи, Боже мой! Эдакъ всѣ въ бѣга... Я хозяйство брошу, другой бросить, третій... бѣжимъ всѣ, ищи насъ свищи, кто-жъ останется?.. Кто будетъ платить, ежели мы всѣ въ бѣга, а? Кто?!“

Когда же, наконецъ, надо было согласиться оставить за Дѣмой полъ-души, настроеніе схода было слѣдующее:

„Рѣдко парашкинцы находились въ такомъ гнетущемъ настроеніи; по большей части, каждый шелъ на сходъ съ тайнымъ желаніемъ стряхнуть съ себя обыденныя мерзости. На этотъ разъ, однако, дѣло было иначе, — парашкинцы торопились разойтись. Имъ было противно присутствовать на сходѣ, говорить безъ толку и глядѣть другъ на друга. Ничего они не могли рѣшить, — зачѣмъ же и шумѣть безъ пути? На лицахъ другъ друга они видѣли безпомощность и уныніе, — къ чему же и собираться вмѣстѣ?“

„Ежели всѣ разбѣгутся, то кто же станетъ платить? Вопросъ нелѣпый; но парашкинцы все-таки ломали надъ нимъ свои худыя головы. Не оттого, что каждый изъ нихъ непременно горѣлъ желаніемъ платить, но оттого, что передъ каждымъ изъ нихъ мелькала въ душѣ мысль — бѣжать изъ насиженного мѣста. Это дѣло будущаго, но оно мучило парашкинцевъ въ настоящемъ.“

„Щемящая душу мысль вовсе не была вымыслена. Парашкинцамъ ихъ же ододеревенцы доставляли ежегодный примѣръ того, какъ люди бѣгутъ, куда бѣгутъ. Число парашкинскихъ бродягъ все болѣе и болѣе увеличивалось; образовался особенный кочевой классъ, который только числился на міру, а жилъ уже другою жизнью. Вонъ Климъ Дальній, Петръ Безпаловъ, Семень Бѣлый... да ихъ и не перечесть всѣхъ! Каждый парашкинецъ поэтому понималъ, что если онъ нынче сидитъ твердо на мѣстѣ, то это совсѣмъ не значитъ, что онъ и завтра здѣсь будетъ сидѣть, — сидитъ онъ на мѣстѣ по произволенію Божию. А пройдетъ годъ, смахнутъ его съ мѣста, и онъ быстро войдетъ въ число „кочевыхъ народовъ“.

„По опыту парашкинцы знали, что нынче человѣкъ легко или, правильнѣе сказать, внезапно покидаетъ насиженное мѣсто. Онъ нынче здѣсь, а на слѣдующій годъ уже за тысячу верстъ,

откуда пишетъ оглушительное письмо, что онъ платить больше не можетъ и не будетъ. Разъ же онъ выскочилъ изъ своего мѣста, — онъ рѣдко возвращается обратно; онъ такъ и остается въ числѣ „кочевыхъ народовъ“. Бывали ли прежде такіе случаи? Слыхано ли было когда-нибудь, чтобы парашкинцы только и думали, какъ бы наплевать другъ на друга и разбѣжаться въ разныя стороны? Не бывало этого и парашкинцы объ этомъ не слыхали.

„Тогда ихъ гнали съ насиженного мѣста, а они возвращались назадъ; ихъ столкнуть, а глядишь — они опять лѣзутъ въ то мѣсто, откуда ихъ вытурили.

„Прошло это время. Нынче парашкинецъ бѣжить, не думая возвращаться; онъ радъ, что выбрался по-добру, по-здорову. Онъ часто уходитъ затѣмъ, чтобы только уйти, провалиться. Ему тошно оставаться дома, въ деревнѣ, ему нуженъ какой-нибудь выходъ, хоть въ родѣ проруби, какую дѣлаютъ зимой для ловли задыхающей рыбы“¹⁾...

Что же привело этотъ уходъ Дёмы изъ деревни? Это были тѣ же общія причины, которыя были достаточно понятны и его односельчанамъ — простая невозможность существованія. „Какъ онъ дошелъ до крайности и до мысли бѣжать, это неизвѣстно. Дёма и самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ этомъ; онъ дожилъ до невозможности жить въ деревнѣ и бѣжалъ, а какъ и почему — не спрашивалъ себя. Впрочемъ, причины его хозяйственной несостоятельности были болѣе или менѣе извѣстны парашкинцамъ, которые не удивлялись исчезновенію Дёмы“. Дѣло въ томъ, что передъ тѣмъ на деревню обрушился цѣлый рядъ бѣдствій: голодъ, скотскій моръ. „Много народу за то время скрылось съ поверхности парашкинской жизни; бѣжали и кучами, и въ одиночку. Между послѣдними былъ и Дёма, который съ тѣхъ поръ непрерывно мыкался по свѣту“.

Разъ ушедши изъ деревни, Дёма уже не возвратился въ нее; да ему и незачѣмъ было возвращаться: при нищетѣ трудно было поправить хозяйство, а кромѣ того внѣ деревни, какъ ни плохо была все-таки его жизнь, онъ находилъ то, чего деревня никогда ему не давала. Безполезно было бы при этомъ разсуждать и о „власти земли“, которая кажется инымъ столь благотворной для мужика. Эту жизнь внѣ деревни Каронинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Первое время, послѣ ухода изъ деревни, Дёма употребилъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 110—111.

на то, чтобы *напиться*. Онъ былъ прожорливъ, потому что очень отошаль у себя дома. Тѣ же деньги, которыя у него остались отъ расходовъ на прокормленіе, онъ пропиваль. Поэтому домой въ это время онъ ничего не отсылалъ, или отсылалъ самую малость. Но Иваниха, впрочемъ, не упрекала его за это; она рада была и тому, что хоть самъ-то онъ кормился. Къ тому же Дѣма скоро сдѣлался менѣе прожорливъ.

„Дѣма былъ сперва очень доволенъ жизнью, которую онъ велъ. Онъ вздохнулъ свободнѣе. Удивительна, конечно, свобода, состоявшая въ возможности переходить съ мѣста на мѣсто „по годовому пачпарту“; но, по крайней мѣрѣ, ему не зачѣмъ было нѣтъ съ утра до ночи, какъ это онъ дѣлалъ въ деревнѣ. Пища его также улучшилась, т.-е. онъ былъ увѣренъ, что и завтра онъ будетъ ѣсть, тогда какъ дома онъ не могъ предсказать этого.

„Дѣма переходилъ съ фабрики на фабрику, съ завода на заводъ и такимъ образомъ кормился. Это былъ большой выигрышъ для него. Проигралъ онъ только въ томъ отношеніи, что сдѣлался оглашеннымъ; такой ужъ у него былъ родъ жизни. Дѣма растерялъ свои мысли.

„Но это было неизбежно. Въ деревнѣ или на волѣ—все равно онъ сдѣлался бы оглашеннымъ. Такую жизнь онъ въ последнее время передъ уходомъ велъ и дома у себя; у него ничего не было опредѣленнаго насчетъ будущаго...

„Съ теченіемъ времени его появленія въ деревнѣ дѣлались все рѣже и рѣже. Его уже не влекло сюда съ такой силой, какъ прежде, въ началѣ его кочевой жизни. Къ деревнѣ его привязывали уже однѣ только нитки, которыя очень скоро могли обрваться.

„Деревня опостылѣла Дѣмѣ. Являясь туда, онъ не зналъ, какъ убраться назадъ; по приходѣ домой, онъ не находилъ себѣ мѣста. На него разомъ наваливалось все, отъ чего онъ бѣжалъ; мигомъ онъ погружался въ обстановку, въ которой онъ раньше задыхался. Какъ ни жалки были условія его фабричной жизни, но, сравнивая ихъ съ тѣми, среди которыхъ онъ принужденъ былъ жить въ деревнѣ, онъ приходилъ къ заключенію, что жить на міру нѣтъ никакой возможности.

„Сравненіе было рѣшительно и безповоротно.

„Внѣ деревни Дѣму, по крайней мѣрѣ, никто не смѣлъ тронуть, и то мѣсто, гдѣ ему было не подъ силу и гдѣ ему не нравилось, онъ могъ оставить; а изъ деревни нельзя было уйти во всякое время. Внѣ деревни онъ кормился, а деревня давала

ему только одну траву. Но, важнѣе всего, внѣ деревни его не оскорбляли, деревня же предлагала ему рядъ самыхъ унижительныхъ оскорбленій.

„Страдало человеческое достоинство, проснувшееся отъ сопоставленія двухъ жизней, и деревня для Дёмы, въ его представленіяхъ, стала мѣстомъ мученія. Онъ безсознательно началъ питать къ ней недоброе чувство. И чувство это возросло и крѣпло“¹⁾.

Исторія несчастнаго Дёмы приготовляетъ насъ къ разсказу о бѣдствіяхъ цѣлой его деревни. Она пришла въ окончательный упадокъ, и если не всё, то большинство ея обитателей начинали думать о томъ, какъ бы ее бросить. Въ деревнѣ еще уцѣлѣлъ одинокій столбъ, окрашенный въ бѣлую и черную краску, съ надписью, указывавшей, что въ деревнѣ Парашкинѣ числится душъ 470 и дворовъ 96; но въ дѣйствительности отъ множества этихъ дворовъ не осталось и слѣда.

„Повсюду кругомъ вѣяло запустѣніемъ и заброшенностью. Рѣка тихо катила свои мутныя струи, берега ея поросли мелкимъ кустарникомъ, а ея поверхность покрылась лопухами и кашкой, какъ поверхность озера. Нигдѣ не видно тропинокъ; даже дорога, ведущая къ мосту, заросла травой; только самъ мостъ уцѣлѣлъ, хотя его никто больше не поправлялъ, и онъ видимо готовъ былъ запрудить собой рѣку... На мѣстѣ большинства избъ виднѣется пустое пространство, заваленное навозомъ, щепками и мусоромъ и поросшее крапивой. Кое-гдѣ вмѣсто избъ, просто ямы“²⁾...

Жителей осталось немного, поля не засѣвались сплошь, какъ прежде; „кое-гдѣ вновь появились незамѣтныя прежде болота“. Нравственное состояніе обитателей представляло такую же мрачную картину упадка; на нихъ все больше находило полное равнодушіе.

„Это странное спокойствіе изо дня въ день становилось невозмутимѣе. Прежде они изъ-за всякихъ пустяковъ волновались, радуясь или огорчаясь, но въ послѣдніе два года успокоились.

¹⁾ Тамъ же, стр. 117—120. Передъ этимъ сообщается слѣдующая подробность. Вслѣдствіе послѣднихъ неурожаевъ мать Дёмы, Иваниха, старая женщина, на которой лежало хозяйство (жена была болѣзненна и вскорѣ умерла), больше двухъ лѣтъ не платила податей. „Это обстоятельство возбудило въ волости вопросъ: слѣдуетъ ли ее *посѣчь* (!), или ждать, когда она добровольно выплатитъ долги. Но Сазонъ Акимъ замѣтилъ, что Иваниха не правомощна, и потому вопросъ остается пока *нерѣшеннымъ*“.

²⁾ Тамъ же, стр. 132.

Происходило ли какое дѣло въ ихъ селѣ, отнимали ли у нихъ свиней и овецъ, грозили ли отнять у нихъ земли... они оставались невозмутимы и не задавали себѣ никакихъ вопросовъ насчетъ завтрашняго дня. Даже разносимые богомольцами и солдатами миѳы, что въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ странахъ живутъ люди съ песьими головами, или что въ Питерѣ стоитъ царскій амбаръ въ двѣ версты длиной, наполненный до верху хлѣбомъ, или что изъ-за моря приплывутъ къ Покрову десять кораблей съ мукой, назначенной для раздачи желающимъ, — даже эти миѳическія сказанія, составлявшія значительную долю умственной пищи парашкинцевъ, перестали обращаться между ними. Когда-то эта пища возбуждала ихъ, а теперь имъ было все равно.

„Положеніе ихъ давно сдѣлалось невозможнымъ, а они уже не думали изъ него выходить и употребляли всѣ силы, чтобы къ нему приспособиться... Чѣмъ хуже становились окружающія условія, тѣмъ хуже дѣлались и они, желая лишь одного — остаться въ живыхъ“¹⁾...

Такимъ образомъ они стали питаться хлѣбомъ изъ отрубей, потомъ ихъ питаніемъ сталъ даже клеверъ, который они выпрашивали у помѣщика, не подозрѣвавшаго, на какое онъ шель употребленіе...

„Между тѣмъ о нихъ всюду начали говорить, хотя сами они ничѣмъ не заявляли о своемъ существованіи, ни на что не жалуясь. Еслибы сотая доля этихъ несчастій произошла въ другомъ общественномъ слоѣ, то поднявшійся по этому поводу оглушительный вопль проникъ бы всюду, куда предназначено; но парашкинцы молчали. Ихъ осталось уже немного, и въ деревнѣ царствовала мертвая тишина. Жены ихъ ходили и работали машинально, истомленные, угрюмые и вялые; дѣти не играли, совсѣмъ не показываясь на улицѣ. Мужики не собирались на сходъ, или соберутся, но молчать, а если начнутъ говорить, то о пустякахъ; когда же кто хотѣлъ заговорить о дѣлѣ, на того накидывались и чуть не силой затыкали ему ротъ: до такой степени они дорожили своимъ спокойствіемъ. Свѣжему человѣку жутко было жить среди такого народа“²⁾.

Въ послѣдніе годы тѣ, кто видѣлъ голодающія населенія, отмѣтили тотъ постоянный фактъ, что голоданіе сопровождается глубокой апатіей, которая дѣлаетъ людей какъ будто совсѣмъ безучастными къ своей бѣдѣ. Это состояніе и изображаетъ Каро-

¹⁾ Тамъ же, стр. 135.

²⁾ Тамъ же, стр. 139.

нинъ. У нихъ былъ формальный голодъ,—но Каронинъ описывалъ время, когда еще не принимались правительствомъ, земствомъ и обществомъ экстренныя мѣры для помощи голодавшимъ, и получалась слѣдующая картина:

„Даже исправникъ и становой на эту весну ѣздили къ парашкинцамъ только по необходимости. Первый посѣщалъ ихъ изрѣдка лишь затѣмъ, чтобы посмотреть, тутъ ли они, живы ли? Что касается до послѣдняго, то онъ, разумѣется, волей-неволей долженъ былъ навѣщать ихъ, но дѣлалъ это уже безъ прежней увлекательности, потому что никакихъ дѣлъ съ ними у него больше не было. Приневоленный своими обязанностями отъ времени до времени появляться среди парашкинцевъ, онъ ѣхалъ къ нимъ съ отвращеніемъ, уѣзжалъ съ страшной меланхоліей, какъ будто началъ сомнѣваться, дѣйствительно ли его должность и проистекающія изъ нея обязанности имѣютъ смыслъ послѣ того, какъ выбивать было больше нечего, и можетъ ли онъ по совѣсти сказать, что получаетъ жалованье за работу.

„Сами парашкинцы еще болѣе притихли, когда ихъ начали чуждаться сторонніе люди; они замкнулись въ себѣ и не принимали никакихъ мѣръ противъ своего несчастія, уклоняясь даже отъ взаимныхъ совѣтовъ, которыми въ прежнія времена они облегчали свои души... Шальное выраженіе лицъ, безцѣльность и безпричинность въ разговорѣ, полнѣйшее отсутствіе сознательности—таковы качества, отличавшія всѣхъ вообще парашкинцевъ. Ихъ забыли и они всѣхъ людей забыли“¹⁾...

Въ средѣ ихъ нашелся, однако, человекъ, который придумалъ выходъ изъ невозможнаго положенія. Это былъ „солдатъ“ Ершовъ. У него была семья, изба и „душа“; но онъ также бѣдствовалъ; семья, изъ жены и дочери, разбрелась кто куда на работу и въ прислугу; самъ Ершовъ отыскивалъ пропитаніе всякими способами: „то онъ живетъ цѣлую недѣлю у попа замѣсто кухарки, которая вдругъ заболѣла, и мѣситъ пироги, обнаруживая въ этомъ занятіи увлеченіе и близкое знакомство съ дѣломъ; то отучаетъ у барина жеребятъ отъ соски и быстро достигаетъ своей цѣли, употребляя особые намордники и перцовку; то вдругъ дѣлается нянькой у богатаго мужика, живущаго за пятьдесятъ верстъ отъ Парашкина, и въ этомъ качествѣ живетъ всю страду, выговоривъ за свой трудъ скромное вознагражденіе—„дневное пропитаніе и сапоги къ Успенію“; часто онъ уходилъ, если ужъ нигдѣ не могъ пристроиться, въ Сысойскъ и тамъ въ подвалахъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 141.

куда имѣлъ по своему обширному знакомству свободный доступъ, ловилъ крысъ, продавая шкурки на лайку“. „Солдатомъ“ его называли за шинель, которую онъ носилъ, и за мѣдную пуговицу, которая болталась у него назади. Этотъ-то предприимчивый и бывалый человѣкъ и нашелъ средство выручить парашкинецъ. Средство было простое—„побросать домишки“ и бѣжать; Ершова не спрашивали даже, куда бѣжать: „пойдемъ, куда глаза глядятъ, и до которыхъ мѣстъ дойдемъ, тамъ и сядемъ“. Ершовъ, однако, попытался изобразить мѣста, которыя онъ имѣлъ въ виду, и у него духъ захватывало отъ собственнаго разказа: „Выходило такъ: хлѣба тамъ въ волю, ѣшь, сколько душа просить; въ лѣсу можно заблудиться; въ лугахъ можно пропасть совсѣмъ; въ рѣкахъ рыбу прямо руками бери; въ озерахъ караси кишатъ; птицы всякой—тучи; черноземъ—вд! при этихъ словахъ Ершовъ провелъ ладонью отъ земли до макушки своей головы. Дальше же его описанія были еще лучше: степь неоглядная, кругомъ ни души, воля! Жить можно. Только православныхъ нѣтъ, а все киргизъ“¹⁾...

Крестьяне не имѣли ничего и противъ киргиза.

Въ концѣ концовъ, послѣ таинственнаго совѣщанія въ лѣсу, рѣшено было бѣжать. Слѣдуетъ разказъ, буквально достойный слезъ и смѣха, о томъ, какъ совершалось это бѣгство. Крестьяне безъ труда получили паспорта, такъ какъ въ волости думали, что они хотятъ идти на заработки; чтобы дѣло было вѣрнѣе, рѣшили втянуть въ умыселъ и старосту, и когда тотъ отлынивалъ, его начали стыдить: „Что ты съ нами дѣлаешь? Гдѣ у тебя совѣсть-то? душа-то, крестъ-то есть ли у тебя?“ Письменный Фролъ тоже не устоялъ и рѣшилъ идти: „отправился на огородъ, накопалъ тамъ изъ ямки земли, положилъ ее въ кожаный кошель, висѣвшій у него за пазухой, и только тогда тронулся въ путь. Это было его послѣднее прощаніе“. Парашкинцы дѣятельно и таинственно готовились: „Хлопотъ, впрочемъ, представлялось немного; къ этому моменту у нихъ не оставалось уже ни имущества, ни скота, а потому собирать и везти было нечего, кромѣ себя самихъ. Что касается избенокъ, всѣ рѣшили побросать ихъ, не продавая, потому что трудно было найти покупателей гнилушекъ“. Наконецъ, была принята и послѣдняя предосторожность. Въ день отъѣзда, за деревней на пригоркѣ поставленъ былъ дуракъ Васька, слушать, не звенить ли колокольчикъ и не ѣдетъ ли начальство; а между собой переселенцы выбрали старосту для общаго руко-

¹⁾ Тамъ же, стр. 146.

водства предпріятіемъ; это былъ, конечно, опытный человѣкъ — солдатъ Ершовъ. Отъѣздъ ускорился еще однимъ обстоятельствомъ. Въ числѣ другихъ, не желавшихъ переселиться, былъ одинокій дѣдушка Титъ, сильно одряхлѣвшій, но еще находившійся въ полномъ разумѣніи; сколько его ни уговаривали, онъ отказался идти и имъ не пророчилъ добра.

„— Титъ! Дѣдушка! Какъ ты останешься одинъ? Да тутъ тебя вороны заклюютъ одного-то! Подумай, разсуди. Уважь нашу просьбу—пойдемъ съ нами! Уважь міръ!

„Но дѣдъ или молчалъ, или грозилъ.

— Не донесете вы своихъ худыхъ головъ... свернуть вамъ шею! Помяните слово мое, свернуть!“

На прощаніе Титъ, однако, расчувствовался, пожелалъ имъ добраго пути, отправился къ себѣ въ избушку, сѣлъ за столъ и облокотился на него.

„Въ такомъ положеніи онъ просидѣлъ весь вечеръ, всю ночь и весь слѣдующій день; въ томъ же положеніи его застали и парашкинцы...

„Потому что парашкинцы возвратились“...

Но дѣдушку они нашли уже мертвымъ. А возвратились они потому, что не успѣли они отъѣхать верстъ пятнадцать, какъ ихъ нагналъ становой, какимъ-то образомъ узнавшій объ ихъ бѣгствѣ; онъ бранился, усовѣщивалъ и приказалъ повернуть лошадей назадъ; становой ѣхалъ назадъ. „Передъ вѣздомъ въ деревню, куда погребальное шествіе пришло черезъ нѣсколько часовъ, онъ опять спросилъ, надумались ли они.

— Убѣгемъ!—съ мрачной твердостью отвѣчали парашкинцы“.

Черезъ нѣсколько дней они дѣйствительно убѣгли, только не на новыя мѣста и не всѣ вмѣстѣ, а врозь и куда глаза глядятъ. Солдатъ Ершовъ очутился въ Питерѣ и торговалъ на Гороховой дуями, дряхлый и худой. „Другіе ушли неизвѣстно куда и никѣмъ послѣ не могли быть отысканы, продолжая, однако, числиться жителями деревни. Третьи бродили по окрестностямъ, не имѣя ни семьи, ни опредѣленнаго пристанища, потому что въ свою деревню ни за что не хотѣли вернуться“.

Вторая половина перваго тома разсказовъ Каронина занята цѣлымъ рядомъ эпизодовъ изъ деревенскаго быта, представляющихъ ту же картину самой элементарной, буквальной борьбы за существованіе, примѣровъ „власти земли“, полной нищеты и паденія человѣческаго достоинства. Остановимся изъ нихъ только

на одномъ („Праздничныя размышленія“). Дѣйствующее лицо—здоровенный мужикъ Чилигинъ, въ домашнемъ быту котораго была, между прочимъ, та подробность, что у него былъ старикъ-отецъ, который былъ уже неспособенъ къ работѣ, голодалъ, желалъ иногда выпить и иногда безъ спросу тащилъ въ домѣ что-нибудь стѣбное, за что сынъ его билъ. Въ домашнемъ быту онъ былъ вообще звѣремъ и для укрощенія его требовалось обыкновенно внимательство сосѣдей. Иногда отецъ жаловался сходу на побои отъ сына: „Но сочувствіе никогда не было на его сторонѣ. Ему прямо говорили: „Тѣрь-тѣрь ты свои кости-то, и все конца тебѣ нѣту“. Онъ не работалъ,—слѣдовательно, не имѣлъ права жить; онъ объѣдалъ,—слѣдовательно, долженъ быть истребленъ изморомъ. „Помирать бы давно надо, честь бы надо знать, а ты все мотаешься“, говорили ему въ глаза. Въ описываемомъ округѣ семейная жизнь вообще устроивалась по этому образцу: брать корилъ сестру за ея бесполезность и старался ее „спихнуть“; мужъ сживалъ со свѣта больную жену. Это была страшная, но неизбѣжная логика, и другой не можетъ быть тамъ, гдѣ египетская работа доставляетъ лишь сухую корку и медленно вгоняетъ работника въ гробъ. Тотъ идеалъ, который мы привыкли приурочивать къ деревнѣ, обладаетъ свойствомъ внушать „нервную дрожь“ всякому, кто никогда не видалъ ея. Законъ, право, справедливость принимаютъ здѣсь до того поразительную форму, что съ перваго раза ничего не понимаешь. Законъ представляется въ видѣ здороваго Васьки; право переходитъ въ формулу: „долженъ честь знать“; справедливость вдругъ превращается въ похлебку. А орудіями осуществленія этихъ понятій являются: чугуны, кулакъ, зубы и ногти“.

Однажды съ Чилигинымъ случилась бѣда. Какъ и подобаетъ, въ пьяномъ видѣ онъ подрался съ другимъ человѣкомъ такого же независимаго характера, какъ онъ самъ, и среди побоища прополлъ себѣ ступню о зубья бороны. Принявъ медицинскія мѣры, состоявшія въ томъ, что онъ засыпалъ рану пескомъ, онъ отправился домой, а потомъ и на работу таскать кули. Тѣмъ временемъ рана разболѣлась, онъ вынужденъ былъ обратиться къ фельдшеру; тотъ изъявилъ готовность его лечить, понадобилось лекарство внутрь и перевязка, за что фельдшеръ требовалъ тридцать двѣ копейки, а Чилигинъ торговался.

„— А нельзя ли двѣ гривны? Чтобы, то-есть, нутреное за гривну и гривна въ язву?“

„Мы привычны“,—утверждалъ Чилигинъ, и фельдшеръ тщетно убѣждалъ „верблюжью башку“, что его желудокъ не можетъ,

однако, переварить топора и что брюхо у него все-таки „почти-что естественное“.

Лечение не состоялось, но въ ту же ночь онъ впалъ въ безпамятство, и баринъ, у котораго онъ таскалъ кули, распорядился отвезти его въ городскую больницу, гдѣ онъ очнулся уже много времени спустя и долго проболѣлъ, потому что ему надо было дѣлать операцію.

Въ больницѣ все время лежалъ какой-то баринъ. Когда Чилигинъ сталъ поправляться, онъ былъ пораженъ обстановкой, въ которой онъ находился: его хорошо кормили, ничего онъ не дѣлалъ, все кругомъ было чисто, всему онъ изумлялся. Баринъ началъ съ нимъ заговаривать, но хотя они лежали рядомъ, между ними была глубокая пропасть и говорить было не о чемъ, кромѣ ихъ общаго больничнаго положенія. Тогда баринъ сталъ читать книжку „О землѣ и небѣ“, школьное изданіе. Чилигинъ сначала побаивался книжки; баринъ при чтеніи объяснялъ, и въ результатѣ Чилигинъ нашелъ, что „книжица забавная, побаловаться отъ скуки можно“. Баринъ удивился отвѣту, и Чилигинъ добавилъ, что такое баловство мужику не идетъ, „жирно будетъ“.

„— Почему же жирно? Наука—для всѣхъ.

— А для мужика—предѣлъ,—возразилъ Чилигинъ.—Потому ему предѣлъ, чтобы онъ не безобразничалъ. А то книжки... ловко сказали!

— Да что же худого въ книжкахъ?—спросилъ тоскливо и съ удивленіемъ больной.

— Напримѣръ, развратъ и прочее.

— Какъ?!

— То-есть подлость!—Чилигинъ говорилъ мрачно.—Потому ты не балуйся, а живи по совѣсти. Назначена тебѣ точка, и ты сиди на ней, а нечего тутъ безобразія выдумывать, лежать вверхъ брюхомъ. Ты станешь книжку читать, другой мужикъ захочетъ тоже, а я за тебя отдувайся! Нѣтъ, ужъ ты сдѣлай милость, прекрати эти глупости; работай, братъ, потому тебѣ отъ самаго первоначалу положена эта самая точка, а не забавляйся... А то книжка... эдакъ всякъ бы захотѣлъ книжку читать да ручки свои беречь!“

Баринъ опечалился; онъ увидѣлъ, что они совсѣмъ не понимаютъ другъ друга. Тогда, чтобы добиться съ товарищемъ взаимнаго пониманія, онъ сталъ говорить о прошломъ, началъ издалека и рассказалъ въ простой формѣ, какъ жилъ крестьянинъ въ старыя времена, какъ его преслѣдовали, убивая въ немъ душу, унижая челоѣка и доводя его до звѣринаго состоянія. „Въ немъ

сохранилось много живого, но многое умерло въ его душѣ и исчезло изъ его памяти и жизни. Онъ сталъ трусливъ въ отношеніяхъ къ высшимъ и часто жестокъ къ своему брату. Страдая самъ, онъ сдѣлался равнодушенъ вообще къ страданіямъ. Мѣру человѣческаго достоинства онъ тоже утратилъ... онъ потерялъ величайшую силу жизни—самолюбіе. Живя въ грязи, онъ думаетъ, что это такъ и слѣдуетъ. Ничего не зная, онъ говоритъ, что наука—доброе дѣло, но самъ для себя не считаетъ ее пригодною, потому что онъ мужикъ, т.-е. нѣчто среднее между человѣкомъ и какимъ-то неизвѣстнымъ животнымъ. И вотъ потому, что самъ онъ себя не уважаетъ, никто и изъ постороннихъ не питаетъ уваженія къ нему. Развѣ иногда пожалѣютъ.

— Вѣрно. Такъ. Не уважаютъ. Какъ есть ты свинья, такъ и нѣтъ тебѣ никакого снисхожденія!—взволнованно проговорилъ Чилигинъ, когда баринъ кончилъ свой рассказъ“¹⁾.

На первый разъ цѣль была достигнута. Чилигинъ заинтересовался разговоромъ, но онъ все-таки очень туго понималъ вопросы и давалъ отвѣты, неожиданные для барина. Напримѣръ, когда тотъ спросилъ его, что онъ считаетъ за худо, тотъ безъ запинки отвѣчалъ: „не жрамши быть“, а хорошо было: „двадцать пять рублей“. Оказалось потомъ, что эта цифра была для него почти миѳическая. Баринъ старался дальше объяснить, о чемъ онъ собственно спрашиваетъ—какую жизнь Чилигинъ считалъ бы вообще хорошей. Вопросъ очень взволновалъ Чилигина, но долго онъ никакъ не могъ выразить своей мысли. Баринъ сжалился и хотѣлъ уже отложить разговоръ, но наконецъ, послѣ величайшихъ усилій, Чилигинъ далъ барину слѣдующее объясненіе.

„— Нѣтъ, ты погоди. Я все тебѣ распишу по порядку!—торопливо началъ Чилигинъ.—Во-первыхъ, милый человѣкъ, скажу тебѣ насчетъ сытости, то-есть какъ должно всякому человѣку питаться, напримѣръ, и тутъ я тебѣ скажу прямо, что двухъ пудовъ вполне достаточно для меня, а стало-быть для всего моего семейства, по той причинѣ, что мнѣ за глаза довольно мѣшка. Ладно. Два пуда. Теперича насчетъ хозяйства. Чтобы хозяйство было уже вполне, какъ слѣдуетъ человѣку, а не какому-нибудь бродягѣ,—чтобы вполне довольно было скота, птицы и прочаго обихода, потому безъ этой живности нашему брату, не говоря дурного слова, чистая смерть. Ладно. Птицы и прочее. Но главное—лошади, и ежели говорить по совѣсти, то лошадь должна быть дѣльная, натуральная, т.-е. прямо лошадь въ тѣлѣ, чтобы ежели

¹⁾ Тамъ же, стр. 204.

сорокъ пудовъ, такъ она везла бы честно. На такой лошади, братецъ ты мой, и выѣхать на улицу лестно, потому что она все равно какъ вѣтеръ, а со стороны тебѣ уваженіе.

„Больной баринъ рѣзкимъ движеніемъ завернулся съ головой въ одѣяло и мрачно уткнулъ лицо въ подушку“¹⁾).

Баринъ не желалъ больше слушать и показаль видъ, что ему хочется спать. Но Чилигинъ не успокоился; онъ продолжалъ напряженно размышлять о хорошей жизни. Наконецъ, среди ночи его озарила неожиданная мысль.

„— Баринъ!—тихо, полушопотомъ, окликнулъ онъ сосѣда.

„Баринъ высунулъ голову изъ-подъ одѣяла.

— А вѣдь все это—бездѣльные глупости!—прошепталъ онъ дрожащимъ шопотомъ.

— Что такое?

— А то, что я тебѣ вралъ насчетъ мереньевъ-то. Никогда этому не бывать. Главное не тутъ, что я вралъ...

— Гдѣ же?

— А въ томъ главное, что терпи и больше ничего.

„Сказавъ это, Чилигинъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, потомъ легъ и заснулъ.

„Больной человѣкъ сбросилъ съ себя одѣяло, желая еще о чемъ-то спросить, но Чилигинъ уже спалъ богатырскимъ сномъ“.

Наконецъ, онъ выписался изъ больницы. Когда онъ вернулся въ деревню, оказалось, что жена его изъ-за хлѣба жила у попа; на другой день явился староста и объявилъ его должникомъ міра; въ волости явились многочисленные кредиторы, и Чилигинъ, „быстро сообразивъ, что съ него намѣреваются содрать шкуру, незамѣтно удалился со схода и тѣмъ спасъ себя на короткое время отъ неминуемой гибели“.

Во второмъ томѣ разсказъ „Снизу вверхъ“ представляетъ исторію одного рабочаго, который „оторвался отъ деревни“, какъ говорятъ,—но оторвался по необходимости, потому что въ деревнѣ ему нечего было дѣлать. Въ немъ работала кое-какая мысль, но съ дѣтства онъ былъ уже ожесточенъ бѣдой и несправедливостью. „Съ колыбели, когда его кормили жеванымъ хлѣбомъ, набитымъ въ соску, до послѣдняго дня, когда онъ сталъ во главѣ разрушеннаго дома, онъ ни разу не испыталъ той нѣжности, которая смягчаетъ обозленное сердце. Макина изуродовала его тѣло; безчеловѣчье, среди котораго онъ росъ, сдѣлало

¹⁾ Тамъ же, стр. 205—206.

его жесткимъ. Умственной пищи никто не думалъ дать ему, а ту умственную мякину, которою питались его прадѣды, онъ не считалъ уже годной. И онъ выросъ столь же темнымъ, какъ его родители, но болѣе несчастнымъ, чѣмъ они, потому что желанія его были широки, а средства все такія же грошовыя... Мало-по-малу онъ убѣждался, что разсчитывать въ жизни ему не на кого, кромѣ себя. Если желать что-нибудь получить, то это возможно не иначе, какъ силой. Въ противномъ случаѣ останешься въ дуракахъ. Отца его били, но онъ живьемъ не дастся. На всякое притѣсненіе онъ станетъ огрызаться. На безчеловѣчье онъ отвѣтитъ собственнымъ звѣрствомъ. Онъ ничего не знаетъ, но тѣмъ хуже, потому что всѣмъ своимъ сердцемъ онъ чувствуетъ, какъ жить худо¹⁾.

Онъ отправился въ городъ. Тамъ онъ думалъ найти свою новую жизнь и дѣйствительно на первыхъ порахъ встрѣтилъ земляка, который въ деревнѣ также бѣдствовалъ, а въ городѣ ему повезло: тотъ принялъ Михайлу (такъ звали рабочаго) подъ свое покровительство и увѣрилъ, что нажить деньги вовсе не такъ трудно. Этотъ покровитель, въ сущности глупый чело­вѣкъ, ввелъ его въ одно дѣло, которое дало ничего не понимавшему Михайлѣ значительную для него сумму, но оказалось просто мошенничествомъ, за которое они оба попали вскорѣ въ тюрьму.

„Лукова (покровителя) осудили, но Михайло былъ оправданъ. Присяжные сжалились надъ нимъ. Ихъ поразили его слова, что „онъ ничего не имѣетъ въ своей жизни“. Они увидали передъ собою голаго чело­вѣка. Но Михайло былъ голъ и внутри. Правда, совѣсть, руководящія чувства и мысли—ничего онъ не взялъ изъ деревни, гдѣ живутъ же чѣмъ-нибудь люди... У него вмѣсто всего были деньги. Въ нихъ заключалось для него все—цѣль, причина, побужденіе жить. Для того онъ и пришелъ въ городъ“²⁾.

Только счастливый случай спасъ Михайлу отъ полной гибели. Онъ встрѣтилъ чело­вѣка, который среди его паденія увидѣлъ въ немъ задатки мысли, охоту и способность къ упорному труду, научилъ его грамотѣ и ремеслу, такъ что въ концѣ концовъ онъ сталъ дѣльнымъ рабочимъ. Но вся исторія была, однако, рѣдкая и исключительная.

Въ такихъ мрачныхъ чертахъ вообще рисуется деревня въ разсказахъ Каролина. Какъ мы упоминали, о немъ говорятъ.

¹⁾ Томъ II, стр. 21.

²⁾ Тамъ же, стр. 59.

что онъ изображалъ исключительно деревни захудалыя и бѣдствующія. На это можно сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, если таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ по преимуществу предметъ его изображеній, онъ, къ сожалѣнію, вовсе не составляетъ явленія исключительнаго; напротивъ, за многіе послѣдніе годы исторія нашей деревни доставляетъ массу аналогическихъ примѣровъ. Люди, изображаемые Каронинымъ, несомнѣнные типы, которые считаются, конечно, десятками и сотнями тысячъ. Давнишніе толки о малоземельѣ; давнишнія надежды сельскаго народа на прирѣзку земли, на новый передѣлъ; постоянно повторяющееся весной и лѣтомъ передвиженіе народныхъ массъ на югъ въ поискахъ за полевой работой; постоянный вопросъ о недоимкахъ, лежащихъ на сельскомъ населеніи, и ихъ „выбиваніе“; стихійное движеніе переселенцевъ, идущихъ куда-то наугадъ, на новыя мѣста, — все это явленія того самаго порядка, какія описываетъ Каронинъ въ исторіи своей деревни. Изображеніе голода вѣроятно написано съ натуры и подтверждалось въ послѣдніе годы массой примѣровъ въ цѣлыхъ громадныхъ полосахъ Россіи. Но у Каронина рѣчь идетъ не только о матеріальной нуждѣ. Быть можетъ, не менѣе ужасна нищета умственная и духовная; въ этомъ смыслѣ его изображенія относятся далеко не къ однимъ захудалымъ и бѣднымъ деревушкамъ, а распространяются гораздо дальше, потому что и тамъ, гдѣ нѣтъ матеріальной нищеты, все-таки слишкомъ много этой нищеты духовной; то же общее міровоззрѣніе, то же господство сухого эгоизма, то же круглое невѣжество... Мы не рѣшились бы обвинять Каронина въ пессимизмъ: безъ сомнѣнія, онъ писалъ подѣ влияніемъ видѣнныхъ и хорошо извѣстныхъ фактовъ; рассказы дышатъ правдивостью, и если эти факты были на-лицо, они имѣютъ право занять мѣсто среди другихъ изображеній деревни. Въ послѣднія десятилѣтія намъ столько говорятъ о деревнѣ, о великихъ общественныхъ началахъ, которыя она въ себѣ заключаетъ, о крѣпости и достоинствѣ ея „устоевъ“, о поэтическихъ сторонахъ „власти земли“; намъ столько разъ совѣтовали идти въ деревню, опроститься и при этомъ столько разъ корили интеллигенцію за ея неспособность воспринять деревенскія начала, — что, очевидно, нужно было, для выясненія дѣла, внимательное и безпристрастное изученіе этой деревни. Графъ Л. Н. Толстой въ своей „Власти Тьмы“ показалъ оборотную сторону медали; но еще раньше показалъ ее во многихъ случаяхъ Глѣбъ Успенскій и Каронинъ... Само собою разумѣется, что мрачныя картины деревенскаго быта, отталкивающія фигуры, которыхъ такъ много можно встрѣтить въ разсказахъ Каронина,

вовсе не означаютъ того „пессимизма“, который такъ легко можетъ равняться совершенному безучастію; но онъ является необходимымъ предостереженіемъ противъ неумѣренной идеализаціи, которая можетъ дѣлаться прямо вредной, потому что распространяетъ неправду. Въ нашей литературѣ о деревнѣ мы уже видѣли не мало примѣровъ этой неумѣренной идеализаціи: она восторгается „устоями“ и неразумно закрываетъ себѣ глаза на тѣ мрачныя стороны деревенскаго быта, возможное удаленіе которыхъ должно быть одной изъ первыхъ заботъ всѣхъ друзей народа, будутъ ли они называться народниками, или не пожелаютъ принимать этого уже запутаннаго термина. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что деревенскій бытъ не можетъ не отличаться извѣстными особенностями, прежде всего по самымъ свойствамъ земледѣльческаго труда, по естественному удаленію отъ большихъ городскихъ центровъ и вслѣдствіе того по медленности и слабости культурныхъ вліяній, а у насъ и по скудости матеріальныхъ средствъ. Вслѣдствіе этихъ условій жизни, къ которымъ нѣкогда присоединялось и крѣпостное право, а теперь присоединяется особое фискальное и административное положеніе, въ деревнѣ создалась масса особыхъ обычаевъ, естественнымъ образомъ чуждыхъ обычаю городскому и особливо обычаю образованныхъ классовъ. Здѣсь хранились и традиціонныя остатки первобытной старины и въ видѣ высокой поэзіи, и въ видѣ чудовищныхъ практическихъ суевѣрій, и отголоски старой общинности, и простота сельскаго быта, и грубость его и обычаи, приведенные административнымъ положеніемъ деревни, и „власть земли“ и „власть тмы“. Все это смѣшивается въ быту деревни, если однѣ стороны этого быта могутъ быть привлекательны, то другія, — какъ замѣчаетъ однажды Каронинъ, — способны произвести нервную дрожь въ томъ, кто знакомъ съ ними... Очевидно, Каронинъ никакъ не можетъ быть поставленъ безразлично въ рядъ писателей, которыхъ специфически называютъ народниками. Онъ — народникъ только въ томъ общемъ смыслѣ, что изученіе и изображеніе народной жизни осталось главнымъ или исключительнымъ его трудомъ и что онъ горячо принималъ къ сердцу интересы сельскаго народа; но именно поэтому бросались ему въ глаза бѣдствія этого народа, на которыхъ онъ и хотѣлъ остановить вниманіе читателя. Мы видѣли, что его рассказъ вовсе не есть случайная фотографія: въ каждомъ затронута та или другая сторона деревенской жизни и онъ не извлекаетъ изъ него морали, потому что она достаточно дается самой картиной. Понятно, однако, по всему тону его изображеній, что передъ нимъ рисуется гдѣ-то вдали идеаль другой жизни, гдѣ

этотъ нравъ былъ бы удаленъ преобразованіемъ народнаго быта, участіемъ къ бѣдствію и просвѣщеніемъ.

Разсказъ „Мой Міръ“ и „Борская Колонія“ освѣщены другимъ настроеніемъ, которое казалось критикѣ обычной народнической идеализаціей деревни (при чемъ интеллигенція, при встрѣчѣ съ деревней, должна посрамляться), но на нашъ взглядъ не имѣетъ такого характера. „Мой Міръ“ написанъ отъ лица самого автора. Онъ жилъ въ столицѣ; онъ былъ нервно разстроенъ, почти боленъ. „Нравственное состояніе мое было самое неопредѣленное, словно я былъ внѣ времени и пространства... Лично для себя я не знаю ничего болѣе страшнаго, какъ то состояніе, о которомъ я говорю. Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые не могутъ абсолютно существовать безъ вѣнтренаго мотива, безъ опредѣленной цѣли, безъ руководящей причины, безъ убѣжденій, безъ вѣры. Мнѣ непремѣнно нужна опредѣленная цѣль, чтобы чувствовать себя живымъ; мнѣ нуженъ хотя какой-нибудь принципъ, чтобы я ощущалъ радость. Лишь только такая руководящая мысль исчезнетъ изъ меня, я моментально падаю и ощущаю невыносимый гнетъ жизни“. Его угнетала та общественная обстановка, въ которой проходила его жизнь; наконецъ, разладъ между идеальными стремленіями и дѣйствительностью дошелъ до послѣдняго предѣла. Онъ готовился быть адвокатомъ, но на первыхъ порахъ онъ уже долженъ былъ почувствовать всю тяжесть этого разлада. „Я уже готовился быть однимъ изъ тѣхъ выброшенныхъ жизнью подкидышей, для которыхъ нѣтъ мѣста на людскомъ торжищѣ. Расщепленный на двѣ половины, я становился безсильнымъ и негоднымъ, съ изорванными нервами, съ разодраннымъ умомъ, безъ воли и порядка въ поступкахъ. То безграничное отчаяніе, когда весь міръ кажется сплошною ночью, почти не покидало меня, и я не могъ сдѣлать ни малѣйшаго усилія, чтобы страхнуть съ себя эту болѣзнь. Были минуты, когда меня отдѣлялъ одинъ шагъ отъ самоубійства или сумасшествія“ ¹⁾. Помощи не предвидѣлось и одинъ пріятель далъ ему благой совѣтъ отдохнуть и развлечься въ деревнѣ. Онъ могъ поселиться у одного знакомаго, управляющаго имѣніемъ внутри Россіи, и отдохнуть на деревенскомъ воздухѣ и въ спокойной сельской обстановкѣ. Такъ и было сдѣлано; но когда путешественникъ пріѣхалъ на ту станцію желѣзной дороги, гдѣ долженъ былъ взять лошадей до

¹⁾ Томъ II, стр. 206.

имѣнія, онъ могъ только припомнить, что его встрѣтилъ какой-то мужикъ, съ которымъ онъ и отправился въ путь, но дальше онъ уже не помнилъ ничего. Оказывается, что въ теченіе дороги болѣзнь разыгралась и онъ впалъ въ безпамятство и бредъ; до имѣнія онъ не доѣхалъ, а очнулся, уже долго спустя, въ совершенно незнакомой обстановкѣ, а именно въ избѣ у того самаго мужика, который везъ его со станціи. Здѣсь онъ и остался: за нимъ ухаживали съ такимъ вниманіемъ, съ такой любовью, что онъ уже и не подумалъ уходить отъ своихъ добрыхъ хозяевъ и такъ сжился съ ними, что чувствовалъ себя какъ дома; здоровье его стало быстро поправляться, онъ окрѣпъ и, когда подошли лѣтнія работы, онъ вмѣстѣ со всей семьей принялъ въ нихъ участіе. Это были рѣдко добродушные люди, иногда грубые по языку и ухваткамъ, но рѣдко очень деликатные по чувству; въ концѣ концовъ гость сталъ раздумывать о томъ, чтобы остаться въ деревнѣ совсѣмъ: у него завязались знакомства, даже привязанности; какъ человѣкъ „ученый“, онъ сталъ для деревни очень полезнымъ ея членомъ; наконецъ, открылась и матеріальная возможность устроиться: общими силами ему придумали дѣло. Къ тому времени кончился въ деревнѣ срокъ мельничной аренды, онъ самъ не захотѣлъ быть новымъ арендаторомъ и придумана была такая комбинація, что онъ будетъ только управлять этой мельницей, хозяиномъ которой останется міръ; но въ то самое время, когда все было улажено и онъ долженъ былъ поселиться на мельницѣ, ему внезапно пришлось покинуть деревню, не по своей волѣ. Таковъ сюжетъ этого разсказа, который кажется привлекательной деревенской идилліей, конечно, не безъ нѣкоторыхъ тѣней, и даже какъ будто мало вѣроятной. Но собственно говоря, здѣсь могло бы не быть ничего невѣроятнаго: вездѣ возможны и вездѣ, къ счастью, бываютъ добродушные и честные люди и автору, вѣроятно, хотѣлось собрать въ этомъ разсказѣ (какъ и въ слѣдующемъ) тѣ свѣтлыя впечатлѣнія, какія все-таки встрѣчались ему въ изученіи деревни.

Такія свѣтлыя впечатлѣнія испытывалъ его герой съ первой поры, когда къ нему вернулось сознаніе. Въ семьѣ была великая радость, когда онъ, наконецъ, пришелъ въ себя; всѣ принялись усердно за нимъ ухаживать. Ему захотѣлось пить: „обѣ женщины угадали мой взглядъ: дѣвушка устремила къ печкѣ, вынула оттуда молоко, налила въ чашку и передала ее теткѣ, а эта послѣдняя одною рукой приподняла мою голову, а другою поднесла осторожно къ моимъ губамъ чашку.

„— Господи благослови!.. Пей, сердешный!—говорила она,

когда я съ трудомъ разжалъ губы и сдѣлалъ нѣсколько глотковъ. Больше я не могъ.

„Въ эту минуту заговорилъ мужикъ:

— Ничего, пуцай пьеть... Пей, баринъ... Вѣдь вотъ эти бабы какія! Я бы вотъ совсѣмъ тутъ лишился головы, а ужъ онѣ знаютъ свое дѣло,—и молочка, и водицы, и подушку надо поправить, и волосья... А я бы тутъ только хлопалъ глазами, какъ дуракъ,—помощи въ этомъ разѣ у меня нѣтъ... Ничего, пуцай поправляется... Ужъ теперь мы скоро бѣгать будемъ!..

„Онъ говорилъ весь взволнованный, его широкое лицо свѣтилось улыбкой, и онъ, повидимому, не могъ удержаться онъ выраженія своего восторга по случаю моего выздоровленія. Да и на всѣхъ трехъ добрыхъ лицахъ семьи сіяла радость, желаніе помочь мнѣ и простая доброта. Эта радость перелилась и въ меня. Что-то вдругъ забилося въ груди у меня, слезы выступили на моихъ глазахъ, мнѣ хотѣлось выразить благодарность, но я только въ состояніи былъ невнятно прошептать слова любви“.

Дальше... „Съ этого дня я быстро сталъ поправляться и какъ бы вновь выросталъ тѣломъ и душой. Черезъ нѣсколько дней я уже самъ поворачивался на постели, а еще черезъ нѣсколько дней могъ сидѣть. Участіе всей семьи ко мнѣ проявлялось ежеминутно въ сотнѣ мелочей; мы какъ будто нѣсколько лѣтъ жили вмѣстѣ и привыкли во всемъ другъ къ другу. Между нами происходили постоянные разговоры, не возбуждавшіе никакихъ недоразумѣній. Отношенія становились дружескія, родныя“¹⁾.

„Молодая хозяйка съ перваго же взгляда казалась одною изъ тѣхъ умныхъ женщинъ, съ которыми такъ легко говорить и къ которымъ чувствуешь невольное уваженіе. Ловкая въ движеніяхъ, тихо, но съ необычайной быстротой работающая, Василиса все дѣлала съ величайшимъ тактомъ. На лицѣ ея блуждала чуть замѣтная улыбка, глаза свѣтились лаской и въ то же время каждое движеніе ея было твердое, какъ результатъ заранѣе обдуманнаго плана, а каждое ея слово, повидимому незначительное, вытекало логически изъ цѣлаго ряда разумныхъ мыслей. Никого въ семьѣ не насилуя, она пользовалась неоспоримымъ вліяніемъ. Я никогда не слышалъ съ ея стороны приказаній ни племянницѣ, ни мужу, но оба они дѣлали съ удовольствіемъ все, о чемъ она говорила. Она никогда не совѣтовала, но просто говорила, и однако слова ея принимались за послѣднее рѣшеніе; никого не принуждая что-нибудь сдѣлать, она сама работала, но

¹⁾ Тамъ же, стр. 215, 217.

всѣ старались взять на себя начатую ею работу. Даша питала къ ней безграничное довѣріе, а мужъ постоянно обнаруживалъ неравнодушіе къ ней“.

Картина весны: „Быть можетъ, личное мое настроеніе все окрашивало въ радужные цвѣта, но я видѣлъ, что настроеніе всѣхъ облѣпившихъ берегъ было необыкновенное. И здѣсь, на мѣстѣ, я въ первый разъ понялъ тайну воскресенія мужика. Раньше эта тайна была недоступна мнѣ. Когда я въ газетахъ читалъ о голодѣ, положимъ, малмыжскихъ мужиковъ и подробности описанія ихъ послѣднихъ предсмертныхъ судорогъ, я съ ужасомъ констатировалъ фактъ: „ну, теперь малмыжскіе мужики померли, погубленные безчеловѣчіемъ людей и гнѣвомъ природы“; но когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ тѣхъ же извѣстій узнавалъ, что малмыжскіе мужики успѣшно обдѣлываютъ свои поля, я съ недоумѣніемъ думалъ: „но вѣдь малмыжскіе мужики погибли, — какъ же они, мертвые, могутъ обдѣлывать поля?“ И я ничего не понималъ.

„Теперь я на мѣстѣ прочувствовалъ эту тайну воскресенія изъ мертвыхъ. Малмыжскіе мужики дѣйствительно ежегодно помирали, но ежегодно весной, вмѣстѣ съ возрожденіемъ земли, они воскресали, какъ умершіе и похолодѣвшіе корни растений. Ихъ оживляло это голубое бездонное небо и этотъ теплый воздухъ; а когда яркое солнце вскрывало рѣки и растопляло землю, когда взволнованныя имъ воды съ грохотомъ уносили всю грязь и смрадъ, накопившіеся въ продолженіе цѣлаго года, въ сердцѣ малмыжскихъ мужиковъ разбивалось отчаяніе, и они мужественно принимались снова за прерванную жизнь“.

Мало-по-малу и даже очень скоро стали завязываться деревенскія отношенія. Однажды случилось пріѣзжему дать совѣтъ мужику, которому нездоровилось; совѣтъ оказался полезнымъ и къ пріѣзжему потянулись и такіе больные, которымъ онъ никакъ не могъ помочь. Къ нему стали обращаться и съ другими дѣлами. Когда-то онъ занимался столярнымъ мастерствомъ и ему случилось поправить своему хозяину борону, и это опять подняло его въ глазахъ мужиковъ. Наконецъ ему стала знакома чуть ли не вся деревня.

„Впрочемъ, эти дѣлишки занимали незначительное мѣсто въ деревенской жизни; вскорѣ я увидалъ, что окружающіе меня во всемъ нуждались, и будь мои знанія въ тысячу разъ больше, они быстро были бы впитаны деревней, которая, какъ губка, жадно вбираетъ въ себя все, что притекаетъ къ ней извнѣ. И мужики, и бабы невинно эксплуатировали меня всѣмъ, чѣмъ

только могли. Думаю, что то же самое продѣлываютъ они и со всякимъ свѣжимъ человѣкомъ. Той заскорузлой косности и тупоумія, которыя приписываются мужику, я вовсе не замѣтилъ; напротивъ, всякое слово, слухъ, обрывокъ разговора, кусочекъ новости—все это жадно подхватывалось деревенскимъ умомъ и при помощи воображенія претворялось въ глубокое убѣжденіе, отчего нерѣдко какая-нибудь вещь, возникшая гдѣ-нибудь далеко, превращалась въ деревнѣ въ вычурную сказку; съ тѣмъ вмѣстѣ, голодный деревенскій умъ способенъ поглотить безконечную груды знаній“¹⁾.

Какъ мы сказали, пріѣзжій вошелъ сполна въ деревенскій бытъ. Когда начались полевые работы, онъ скоро научился исправлять и свою долю труда; жизнь на свѣжемъ воздухѣ, сильная физическая работа, простая пища, достаточный отдыхъ поправили его здоровье и подѣйствовали на все настроеніе. „Я втянулся въ работу, гнулъ спину на жнитвѣ, трясся на рыдванѣ со снопами, встрѣчалъ бодрою работой утренній восходъ солнца изъ-за лѣса и провожалъ его вечеромъ за холмъ, гдѣ оно, въ послѣдній разъ позолотивъ желтыя нивы, падало въ ночную мглу. Если это назвать счастьемъ, то оно у меня было; если это только довольство, то я его испыталъ въ полной мѣрѣ. Ни одно изъ тѣхъ убійственныхъ волненій, какими богата была моя прежняя жизнь, больше не посѣщало меня...

„Ко всѣмъ остальнымъ деревенскимъ явленіямъ я относился безразлично. Случалось видѣть драки, ругань, эксплуатацію бѣдняка богачемъ, подлость бѣднаго противъ бѣднаго; видѣлъ то-идѣло я, какъ въ праздникъ какой-нибудь мужикъ летитъ къ кабаку, прижавъ судорожно женины сарафанъ къ груди, а за нимъ съ воплями бѣжитъ жена; видѣлъ и толпы пьяныхъ въ повалку, и смерти отъ истощенія, и жизнь впроголодь; но все это какъ-то мимо меня проскользало; я въ этомъ не участвовалъ и равнодушно проходилъ мимо всего этого. Было ли это равнодушіе свойственно всѣмъ деревенскимъ людямъ, или только я, занятый тяжелыми и пріятными тѣлесными ощущеніями, оставался безчувственнымъ къ окружающему?

„Я уже говорилъ, съ какимъ спокойствіемъ я теперь переносилъ холодъ и жаръ, утомленіе и муки; разъ я напоролъ острою щепкой ногу себѣ—и ничего; боль въ ногѣ нисколько не обезпокоила меня. Такъ же равнодушно я смотрѣлъ и на чужія невзгоды.

¹⁾ Тамъ же, стр. 218, 223, 227.

„Я ничѣмъ не волновался и все видимое признавалъ естественнымъ“¹⁾.

Къ осени явился, наконецъ, вопросъ: пора вернуться изъ деревни къ своимъ дѣламъ; но прѣзжій такъ сжился съ деревней, такой отталкивающей стала казаться ему та жизнь, къ которой онъ долженъ возвратиться, что имъ овладѣло тяжелое раздумье; но его вдругъ озарила мысль: зачѣмъ ему покидать деревню? „Не поѣду. Хотя разъ въ жизни быть оригинальнымъ и свободнымъ. Ничего не бояться, сбросить съ себя иго привычекъ, не ходить пошлыми путями, пробить собственную дорогу—Боже!—какое это счастье!“ Въ деревнѣ ему прекрасно. Физическій трудъ укрѣпилъ его здоровье, простая жизнь въ незатѣйливой обстановкѣ освободить его отъ множества пустыхъ заботъ, о мебели, о фракѣ и т. п., а главное, избавить его отъ тѣхъ вольныхъ и невольныхъ лгуновъ, которые приводили его въ такое озлобленіе въ „обществѣ“.

„Свѣтъ, внезапно озарившій меня, освѣтилъ и все то, что до сихъ поръ темно мнѣ было. Когда, бывало, я платонически мечталъ о деревнѣ, то эти мечты всегда оканчивались ужасомъ за того бога, которому я молился, — за мысль. Я боялся, что мысль и тѣлесный трудъ—два конца, никогда не соединяющіеся. Я боялся, что тьма обязательно должна окутывать всякій физическій трудъ, и невѣжество—естественное слѣдствіе деревенской жизни. Теперь свѣтъ проникъ и въ этотъ темный уголъ.“

„Что же заставляетъ меня разбить этого бога?“

„На свѣтѣ нѣтъ ничего дороже мысли. Она—начало и конецъ всего бытія, причина и слѣдствіе, движущая сила и послѣдняя цѣль. Кто же заставитъ меня отказаться отъ нея? Люди прекрасны только въ той мѣрѣ, въ какой вложена въ нихъ эта міровая сила. Если міръ окутываетъ еще тьма, то потому только, что мысль не освѣтила ее; если среди людей большая часть подлыхъ, то только потому, что мысль не освободила еще ихъ отъ безумія. Какой же смыслъ отказываться отъ нея? Я останусь въ деревнѣ; но значить ли это, что я долженъ опрокинуть тотъ жертвенникъ, который поддерживаетъ мою вѣру, и разбить того бога, выше котораго нѣтъ ничего въ человѣческой жизни? Моя мысль, мои познанія—вѣдь это все, что есть только лучшаго во мнѣ; но если это лучшее для меня, то въ то же время необходимое и для всѣхъ людей, кто бы они ни были—мужики, женщины, дѣти. Не большая заслуга сдѣлаться работникомъ; не

¹⁾ Тамъ же, стр. 264.

большая заслуга „выпачкать лицо навозомъ“ и въ этотъ же навозъ втоптать свою душу. Слепые вожди—тѣ, которые, унижая человѣческій умъ и все то, что онъ добылъ съ такими кровавыми жертвами, проповѣдуютъ сліяніе съ тьмой. Позорное употребленіе изъ своего ума дѣлаетъ тотъ, кто поднимаетъ невѣжество на пьедесталь...

„Кто накормитъ голоднаго, тотъ сдѣлаетъ благородный поступокъ; но въ миллионъ разъ выше тотъ, кто отдастъ нищему духомъ свою мысль, кто напоитъ его жажду знанія, кто научитъ его чему-нибудь, кто зажжетъ свѣтъ тамъ, гдѣ царила тьма. Пожертвовать бѣдному кусокъ хлѣба не тяжело, и не трудно добывать хлѣбъ своими руками, но отдать всю свою жизнь, всю свою душу тому, кто лишенъ средствъ заботиться о своей годовѣ,—выше этого нѣтъ другой жертвы.

„Но для меня же это и не жертва! Въ обменъ на то, что я хочу дать деревнѣ, я получу отъ нея здоровье, волю и покой“¹⁾...

Мы видимъ опять, что Каронинъ былъ не изъ числа тѣхъ, которые думаютъ, что сближеніе съ народомъ обязываетъ относиться презрительно и враждебно къ наукѣ, какъ это слѣдуетъ изъ иныхъ произведеній гр. Л. Н. Толстого. Напротивъ, онъ изъ числа тѣхъ, которые убѣждены, что только съ нѣкоторымъ запасомъ знаній деревня можетъ получить здоровое человѣческое существованіе. Герой Каронина не хочетъ ничего уступать изъ того, чему онъ „молился“: дальнѣйшій выводъ и идеалъ, конечно, не тотъ, что просвѣщеніе должно приспособляться (не по педагогической формѣ, а по существу) къ содержанію „деревни“, а въ томъ, чтобы оно могло проникать въ нее сколько возможно шире. Теперь, конечно, нечего и говорить объ этомъ далекомъ идеалѣ: нужны, вѣроятно, еще вѣка, чтобы наша народная школа могла установиться разумнымъ и широкимъ образомъ; но по крайней мѣрѣ слѣдуетъ уразумѣть, что между „устоями“ и просвѣщеніемъ нѣтъ никакой теоретической противоположности и что, напимѣръ, борьба извѣстной доли народничества противъ именно „интеллигенціи“ есть чудовищное недоразумѣніе или просто бессмыслица.

Онъ началъ практически примѣнять ту роль, для которой остался въ деревнѣ. Когда пошли ненастные осенніе дни, онъ началъ читать вслухъ.

„Мое чтеніе сдѣлалось любимымъ занятіемъ всей семьи: днемъ некогда было,—возня по домашности отнимала все время... На-

¹⁾ Тамъ же, стр. 275—276.

чавши чтеніе съ сильными сомнѣніями, я мало-по-малу увлекся имъ. Вниманіе аудиторіи наградило меня радостью и вызывало энергію. Къ несчастію, книгъ со мной было немного, притомъ бѣлая часть вовсе не подходящихъ.

„Читать въ такой оригинальной обстановкѣ было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Я присутствовалъ при зарожденіи мысли и былъ свидѣтелемъ тайны раскрытія симпатій и антипатій, любви и ненависти“.

Чтенія стали расpirяться. „Два-три мужика изъ близкихъ намъ людей также стали заглядывать, вначалѣ случайно, наконецъ каждый вечеръ. Какъ только увидятъ огонекъ у насъ, такъ и идутъ. Я не успѣвалъ подбирать книгъ и съ тревогой видѣлъ, что скоро мой ничтожный запасъ чтенія изсякнетъ.

„Между тѣмъ я убѣдился, что интересъ къ чтенію существовалъ не въ одномъ нашемъ кружкѣ, а чуть ли не въ каждой избѣ. Достаточно было случайно появиться въ деревнѣ какой-нибудь книгѣ, чтобъ она сію же минуту вошла въ общее употребленіе; обыкновенно такая книга (по большей части дрянная) переходила изъ избы въ избу, отъ одного грамотѣя къ другому и прочитывалась отъ корки до корки; сперва у ней заворачивались углы, потомъ на каждомъ ея листѣ появлялись пятна — слѣды усерднаго чтенія, затѣмъ листы ея становились мягкими, какъ ветошка, и, наконецъ, книга приходила въ то состояніе, въ которомъ читать ее больше ужъ нельзя,—книга съѣдалась“.

Онъ рассказываетъ, какое впечатлѣніе производили его чтенія. Приводимъ одинъ эпизодъ: „Однажды я читалъ рассказъ. Всѣ съ любопытствомъ слѣдили за движеніемъ рассказа, то-идѣло вставляя свои замѣчанія; часто раздавался взрывъ хохота. Но Игнатъ молчалъ, на этотъ разъ даже не вздыхая. Только когда я кончилъ чтеніе при всеобщемъ веселомъ смѣхѣ и оглянулся, то не узналъ его. Лицо его выражало удивленіе и въ то же время скорбь, и по немъ текли слезы, пробираясь по щекамъ къ густымъ зарослямъ бороды... Весь комическій элементъ пропалъ для него; онъ видѣлъ только мрачную подкладку этого смѣха и своимъ отзывчивымъ сердцемъ понялъ то, чтѣ мы всѣ упустили, — страданіе, вызвавшее этотъ смѣхъ. Вотъ когда я одѣнилъ эту темную, но глубокую натуру“¹⁾.

Какъ мы сказали, дѣло было прервано.

„Я принужденъ былъ уѣхать.

„Странно дѣйствуютъ эти неожиданные перевороты! Мысли

¹⁾ Тамъ же, стр. 289—291.

разбиты въ дребезги, біеніе сердца кажется ненужнымъ, вся жизнь представляется злою нелѣпостью. На себя смотришь какъ на что-то внѣшнее, постороннее, и съ высоты опустѣвшей души наблюдаешь за каждымъ своимъ шагомъ“ ¹⁾).

Разсказъ „Борская Колонія“ представляетъ также исторію сожителства интеллигентныхъ людей съ людьми деревенскими, но въ другомъ родѣ. „Колонія“ возникла случайно. Земскій статистикъ Грубовъ занимается своими изслѣдованіями въ деревнѣ; съ нимъ проводить время пріятель, Неразовъ, владѣлецъ хутора въ сосѣдствѣ, добродушный, но безалаберный человѣкъ, который всегда ищетъ себѣ опоры, не находя ее въ себѣ самомъ. Грубовъ — человѣкъ много испытавшій въ жизни, вынесшій, между прочимъ, долгую ссылку за какое-то юношеское увлеченіе, сущность котораго стала ему даже индифферентна, человѣкъ утомленный и жаждавшій разумаго покоя—въ томъ родѣ, какъ искалъ его герой разсказа „Мой міръ“. Разъ, когда пріятели отдыхали послѣ охоты въ лѣсу около хутора, Грубову пришла мысль о томъ, какъ хорошо было бы совсѣмъ остаться въ этой мирной обстановкѣ, вдали отъ тревожной и неудовлетворяющей жизни, и зажить здѣсь спокойно маленькой дружеской колоніей; Неразовъ подхватилъ эту мысль и нашелъ, что это было бы совершенно удобно, такъ какъ его хуторъ былъ бы тотчасъ къ услугамъ колоніи. Дѣло было рѣшено. Къ нимъ присоединился вскорѣ третій пріятель, нѣкто Кугинъ; но такъ какъ они, очевидно, не могли обойтись собственными силами и сельско-хозяйственными знаніями, то въ члены колоніи выбрано было въ качествѣ пайщиковъ, но безъ права голоса, еще два мужика. Въ теченіе лѣта новые колонисты кое-что уже и работали, конечно, не важно, а одинъ изъ колонистовъ, Кугинъ, успѣлъ даже жениться на дочери одного изъ пайщиковъ-мужиковъ. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ, здоровый и красивый, и старательно принималъ на себя видъ настоящаго интеллигентнаго мужика, брался иногда за тяжелую мужицкую работу, особенно когда было кому на это посмотрѣть, ходилъ въ кумачной блузѣ, старался говорить мужицкою рѣчью. Очевидно, это былъ пустой человѣкъ, ломавшійся отъ нечего-дѣлать; на собраніяхъ членовъ колоніи говорилъ „объ идеалѣ колоніи, о теоріи земледѣлія, о задачахъ интеллигенціи, о народѣ и обо всемъ, чтѣ всегда и вездѣ говорится“. Наконецъ, въ колоніи прибавился еще четвертый членъ. Однажды, когда Грубову пришлось ѣхать въ городъ по какому-то дѣлу, къ

¹⁾ Тамъ же, стр. 297.

нему явилась тамъ развязная, красивенькая барышня: оказалось, что она прослышала о существованіи колоніи и непремѣнно желала къ ней принадлежать. Конфузливый Грубовъ не зналъ, какъ отъ нея отдѣлаться, хотя видѣлъ, что она ни къ какой работѣ не можетъ быть пригодна, и взялъ ее съ собой: она хотѣла осмотрѣться, пока не приметъ окончательнаго рѣшенія. Приѣздъ ея былъ началомъ распаденія колоніи. Работать, очевидно, она была неспособна, хотя и утверждала, что цѣль ея была: „жить своимъ трудомъ и приносить пользу народу!“ Дѣло было позднею осенью и въ началѣ зимы; работы у нея не было никакой. Она помѣстилась въ комнатѣ на хуторѣ у Неразова, — Грубовъ жилъ на квартирѣ въ деревнѣ, Кугинъ у тестя. Неразовъ, проживавшій съ барышней на своемъ хуторѣ, конечно, сталъ за ней ухаживать и попалъ въ положеніе прислуги, топилъ печи, ставилъ самовары; барышня предпочитала ничего не дѣлать и только надъ нимъ подсмѣивалась. Съ большимъ усиліемъ сталъ за нею ухаживать и Кугинъ, что вскорѣ замѣтила его молодая жена-крестьянка, и была приведена этимъ въ отчаяніе. Грубовъ видѣлъ происходящую нелѣпость, которая могла стать зловредной и опасной, и, наконецъ, далъ понять своимъ товарищамъ, что по его мнѣнію красивой барышнѣ нечего дѣлать въ колоніи и что ей лучше всего было бы оставить колонію. Это дошло до барышни; она пришла въ негодованіе, и при новомъ объясненіи съ Кугинымъ Грубовъ сказалъ, что онъ самъ покидаетъ колонію; барышня, однако, рѣшила уѣхать; Кугинъ отправился проводить ее въ городъ, а тѣмъ временемъ его жена отравилась.

Таковъ сюжетъ разсказа. Его, кажется, хотѣли истолковать въ обычномъ смыслѣ народнической тенденціи, что интеллигенція оказывается негодной въ сопоставленіи съ деревней; но это толкованіе невѣрно. Предъидущій разсказъ указываетъ ясно взгляды Каронина: разумная интеллигенція не только не составляетъ чего-нибудь несовмѣстимаго съ деревней, но, напротивъ, можетъ прекрасно сжиться съ ней, то-есть съ ея наиболѣе разумными людьми, можетъ найти удовлетвореніе себѣ самой и принести существенную умственную и нравственную пользу для деревни. Въ томъ же разсказѣ мы видѣли его отвращеніе къ тѣмъ теоретикамъ, которые, „унижая человѣческій умъ и все то, что онъ добылъ съ такими кровавыми жертвами, проповѣдуютъ сліяніе съ тьмой“. Конечно, ему также противно было и другое явленіе, когда въ друзья народа лѣзли пустозвонные люди, желавшіе сыграть этимъ какую-то роль, занять свое бездѣлье, особенно на чужой счетъ. Такіе люди появились и въ „Борской колоніи“, а

именно, въ лицѣ Кугина и красивой барышни. Что авторъ могъ отнестись къ подобному явленію только отрицательно, это понятно само собой; оставался бы только вопросъ о томъ, бывали ли подобные факты въ дѣйствительности, не былъ ли рассказъ клеветой на народничество. Не знаемъ, существовалъ ли въ дѣйствительности оригиналъ Борской колоніи, но что другія фальшивыя явленія въ такомъ родѣ бывали, это, кажется, доказано въ литературѣ... Грубовъ былъ, очевидно, изъ разряда тѣхъ людей, которые, какъ герой „Моего міра“, ищутъ въ жизни сознательной цѣли и дѣятельности: имъ понятны и близки интересы народа, но они и не могутъ, и не желаютъ „опроститься“ въ томъ грубомъ смыслѣ, какъ это слово у насъ дѣйствительно принималось и фактически практиковалось. Утомленный жизнью, онъ мечталъ, что найдетъ отдыхъ въ сельскомъ быту, и у него мелькнула мысль о колоніи; но онъ уже вскорѣ разочаровался: въ то время, какъ онъ хлопоталъ о наилучшемъ устройствѣ колоніи, его мысль уже основательно разрушила ее.

„Разумѣется, очень хорошо жить трудами рукъ своихъ, благородно добывать хлѣбъ прямо изъ земли. Притомъ, это очень здорово и не лишено поэзіи. Только на первыхъ порахъ немного скучно. Отчего бы это? Можетъ быть, оттого, что въ этомъ раю всѣ мысли сосредоточены на себѣ: на своемъ тѣлѣ, на своей душѣ, на своемъ благородствѣ, на своемъ спасеніи,—все только на своемъ вертится мысль? Это естественно. Отчего же не думать и не заботиться о себѣ, когда это неизбежно? Но, въ такомъ случаѣ, это уже не мечта, не идеалъ, не стремленіе къ великому. Идеалъ вѣдь это нѣчто огромное и свѣтлое, какъ солнце; нѣчто такое, чего въ мелкой обывденной жизни нѣтъ, но къ чему человѣкъ стремится всѣми лучшими своими помыслами. Ну, а колонія имѣетъ ли хоть что-нибудь въ этомъ родѣ? Ничего. Чтѣ можетъ быть идеальнаго въ томъ, что человѣкъ, вмѣсто сапогъ, надѣнетъ коты, вмѣсто городской квартиры будетъ жить въ избѣ и, вмѣсто добыванія хлѣба косвеннымъ путемъ, прямо будетъ царапать его изъ земли? Чтѣ идеальнаго въ томъ, что человѣкъ головою своей будетъ подпираетъ возъ съ соломой, а душу свою закопаетъ въ землю, окруживъ себя милліонами пустяковъ? И чтѣ идеальнаго будетъ въ жизни человѣка, который забудетъ другихъ и займется только своимъ совершенствомъ? Человѣкъ борется противъ жизненныхъ пустяковъ и стремится раздѣляться съ ними, а тутъ ему пустяки возводятъ въ подвигъ и въ заслугу. Въ лучшія свои минуты ему хочется думать не о себѣ, а о томъ, чтѣ внѣ его, чтѣ велико, безкорыстно, а здѣсь

его заставляют усиленно думать о себѣ, о своемъ здоровьѣ, о своемъ благородствѣ. Въ порывѣ героизма (а такія минуты бываютъ у многихъ) онъ съ восторгомъ сбрасываетъ съ себя всю низкую, самолюбивую жизненную мелочь, а здѣсь его садятъ на мѣсто и говорятъ: сиди тутъ и копайся въ сору, береги свое тѣло, дыши свѣжимъ воздухомъ, работай здоровую работу—и ты будешь спасенъ и благороденъ. Увлечь человѣка можно всѣмъ, даже безумною мечтой, лишь бы въ ней заключались величіе, самопожертвованіе, новизна, подвигъ ради людей, но увлечь его обѣденнымъ соромъ—никогда! И поднять также нельзя. Можно идеализировать соръ, можно сдѣлать его самодовольнымъ, но сдѣлать его выше и чище — нѣтъ, никогда! Личную свою жизнь можно возвести въ идеалъ только подъ однимъ условіемъ: со-всѣмъ отречься отъ жизни, уйти въ пустыню или залѣзть на столбъ и сидѣть на немъ до смерти. Но если и возможно устроить интеллигентный монастырь, то только для тѣхъ, у которыхъ жизнь по истинѣ сошлась клиномъ“ ¹⁾...

Въ третьемъ томѣ помѣщено нѣсколько разсказовъ, изъ которыхъ мы остановимся особенно на двухъ. Одинъ изъ нихъ — „На границѣ человѣка“. Сюжетъ очень простой. Нѣкто Зерновъ, молодой человѣкъ съ конторскими и газетными занятіями, долженъ былъ провести лѣто врозь съ своей супругой: она уѣзжала въ Италію повидаться съ больнымъ братомъ и потребовала отъ мужа, чтобы онъ поселился на дачѣ для свѣжаго воздуха и чтобы „непремѣнно окончилъ поэму“,—онъ торжественно поклялся, что поэма будетъ готова. Дѣйствіе происходитъ въ провинціи, и маленькая дача, которую нанялъ Зерновъ, была весьма первобытная. Перебравшись туда, онъ былъ вскорѣ пораженъ совершенно невиданнымъ и невѣроятнымъ зрѣлищемъ: оказалось, что въ сосѣдствѣ проживали первобытные люди, ходившіе почти безъ всякаго одѣянія и жившіе въ пещерахъ. Мѣстность была неровная, съ пригорками и оврагами, гдѣ брали глину, и въ углубленіяхъ, можетъ быть искусственно увеличенныхъ, проживали эти новѣйшіе троглодиты. Это были, впрочемъ, люди мирные, и Зерновъ въ теченіе лѣта имѣлъ возможность нѣсколько присмотрѣться къ ихъ быту ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 383—384.

²⁾ Мѣстность, повидимому, приволжская, и эти троглодиты составляютъ вариацию типа, существующаго и въ другихъ мѣстахъ; другой вариантъ представляютъ, напримѣръ, кіевскіе босяки, описанные М. Бѣлинскимъ.

„Обыкновенно Зерновъ сѣдился гдѣ-нибудь на открытомъ мѣстѣ и слѣдилъ оттуда за всѣми движеніями голыхъ людей. Это не представляло неудобства, — голые люди совершали всѣ свои дѣла открыто, не стѣняясь ни другъ друга, ни посторонняго глаза. Зерновъ предположилъ, что они — или совершенно дикая порода, не видѣвшая человѣка и относящаяся къ его появленію безъ страха, подобно нѣкоторымъ птицамъ необитаемыхъ острововъ, или они настолько одомашнены и лишены инстинкта самосохраненія, что не обращаютъ уже вниманія на людей, на подобіе коровъ или куръ“.

По временамъ они отправлялись промыслять себѣ пищу — въ теченіе лѣта Зерновъ въ этомъ убѣдился: „Впрочемъ, способовъ добычи пропитанія онъ никогда не узналъ въ точности, потому что способы эти разнообразны, отличаются случайностью, и часто въ высшей степени рискованны и таинственны. Къ болѣе или менѣе привольнымъ занятіямъ можно отнести только похищеніе съ лотковъ булокъ и воблы изъ ларей, но натурально, что и такія опредѣленные средства нерѣдко сопровождались неожиданными осложненіями. Нѣкоторая часть голыхъ людей занималась еще ловлей раковъ и мелкой рыбешки и собираніемъ травъ; наконецъ, аристократы среди голыхъ людей, обладавшіе панталонами и рубахой, служили на толкучкахъ и базарахъ посыльными. Однако, несмотря на это разнообразіе занятій, многимъ изъ обитателей норъ вовсе не удавалось по цѣлымъ днямъ схватить что-нибудь, что можно бы было съѣсть; такіе въ свои норы не возвращались, а продолжали изыскивать средства къ жизни до глубокой ночи“.

Зерновъ былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ просвѣщенный, то онъ не могъ себѣ не задать вопроса о томъ, что онъ передъ собой видитъ.

„Прежде всего, онъ спрашивалъ, къ какому роду существъ надо отнести открытую имъ породу? Если это — животныя, то почему же они не пользуются многими привилегіями послѣднихъ? О дикихъ животныхъ заботится природа, надѣляя ихъ многими дарами, о домашнихъ же животныхъ заботится человѣкъ. Между тѣмъ голые люди безпомощны, и никто о нихъ не заботится, — слѣдовательно, ихъ надо отнести къ разряду людей. Но если это точно люди, почему же они лишены всего, что характеризуетъ человѣка? Людямъ свойственно жить въ семьѣ и обществѣ и принадлежать къ опредѣленному отечеству. Однако, семьи у голыхъ людей не было, ни къ какому обществу они не принадлежали, ибо жили въ сорныхъ ямахъ за городомъ; если же не считать

норъ дачами, то у нихъ не было и опредѣленнаго мѣстопробыванія. Что касается отечества, то несомнѣнно, что они числились гражданами только номинально, а иногда и вовсе не числились. Но если голые люди не имѣютъ семей, находятся внѣ общества и не принадлежать къ отечеству, то кто же они?

„Зерновъ съ холодною тщательностью разсматривалъ эти вопросы“¹⁾.

Изрѣдка въ этой мѣстности показывались низшіе, представители полицейской власти и, когда бывалъ посторонній свидѣтель, для водворенія порядка считали нужнымъ забирать пещерныхъ людей; но впрочемъ, когда послѣдніе успѣвали вырваться и обращались въ бѣгство, власти ихъ не преслѣдовали. Съ теченіемъ времени Зерновъ распредѣлилъ своихъ сосѣдей на три группы: во-первыхъ, мрачно-равнодушные (ихъ было немного); во-вторыхъ, безсознательные (это была бѣольшая часть); въ третьихъ, трудолюбиво-хозяйственные. Вторая группа приводила Зернова въ особенное недоумѣніе: „къ какому роду существъ отнести такихъ субъектовъ, въ душѣ которыхъ царить вѣчная ночь и сонъ? Впрочемъ, Зерновъ былъ увѣренъ, что непробудный сонъ—счастье для нихъ; еслибы какая сила внезапно разбудила ихъ, они не вынесли бы пробужденія“. Третья группа внушала ему смѣхъ и печаль: „Въ самомъ дѣлѣ, трудно даже вообразить себѣ хозяевъ, живущихъ за городомъ въ норахъ,—здѣсь непримиримое противорѣчіе. Можно быть хозяиномъ двора, избы, дома, фабрики, помѣстья, но невозможно быть хозяиномъ норы. И, во всякомъ случаѣ, для хозяина обязательно имѣть панталоны и рубашу—безъ этого хозяинъ немислимъ. Между тѣмъ трудолюбивые голые люди на глазахъ у Зернова примиряли это нелѣпое противорѣчіе“.

Зерновъ, какъ упомянуто, былъ писатель и даже поэтъ. Еслибы онъ принадлежалъ къ той новѣйшей школѣ поклонниковъ чистаго искусства, за которую, напр., такъ ратуетъ г. Мережковскій, онъ долженъ былъ остаться очень доволенъ своей находкой: оригинальный сюжетъ, интересная задача для „искусства“. Онъ могъ бы прекрасно описать эти норы, подробности лохмотьевъ, нашелъ бы удачные эпитеты, сравненія, изобразилъ бы все хорошенькимъ стилемъ и получилось бы „художественное произведеніе“, которое, конечно, не удостоило бы вмѣшиваться въ злобы дня, стало бы выше какихъ-нибудь общественныхъ тенденцій, однимъ словомъ, осталось бы вѣрно „строгому“ искусству. Зерновъ, повидимому, былъ именно преданъ такому

¹⁾ Томъ III, стр. 10—13.

строгому искусству, когда задумывалъ поэму, которую супруга рекомендовала ему непременно кончить. И теперь онъ сталъ было изучать новое явленіе съ „холодной тщательностью“, но въ концѣ концовъ съ нимъ что-то случилось. Въ прежнее время онъ былъ совершенно спокоенъ. „Онъ былъ сынъ своего времени. Время же это вотъ какое: отвращеніе ко всѣмъ иллюзіямъ, смѣхъ надъ всѣмъ, чему еще недавно люди свято вѣрили, холодъ и душевная пустота. Несмотря на молодость, Зерновъ уже съ старческимъ холодомъ относился ко всему, чтѣ его лично не касалось. Литературой занимался онъ такъ же, какъ личнымъ дѣломъ, прочіе же люди нужны ему были только въ качествѣ театральной публики, благодаря чему всякое его созданіе было пустопорожнимъ мѣстомъ, не занятымъ никакою мыслью, и красивымъ измышленіемъ, лишеннымъ цѣли“ ¹⁾).

Теперь все больше стала преслѣдовать его мысль о пещерныхъ людяхъ: „Отчего онъ не видитъ никакой кровной связи своей личности съ людьми вообще и съ такими падшими существами, какъ его голые сосѣди, въ особенности“. Ему привелось случайно слышать разговоры пещерныхъ людей, удручавшіе его человѣческимъ паденіемъ. Ему случалось видѣть ихъ безпомощными въ болѣзни, и онъ задавалъ себѣ вопросъ: „чѣмъ эти люди живутъ? Какая сила заставляетъ ихъ жить и чтѣ ихъ удерживаетъ отъ смерти?“ Но затѣмъ являлся и другой вопросъ: чѣмъ живетъ онъ самъ, чтѣ удерживаетъ отъ смерти его самого? „Несмотря на молодость, въ сердцѣ его червоточина, онъ ни во что не вѣритъ, кромѣ жизненныхъ мелочей, онъ ничего не ждетъ, кромѣ завтрашняго дня; все выходящее изъ круга этихъ мелочей онъ считаетъ или глупымъ, или фальшивымъ. Съ людьми онъ ничѣмъ не связанъ. вмѣсто обязательныхъ идеаловъ, у него пустопорожнее мѣсто. Въ мечтахъ и въ жизни онъ одинъ и самъ не знаетъ, ради чего и кого онъ существуетъ. Онъ просто боится, только въ другомъ родѣ“...

Разъ была сырая, вѣтреная погода; изучая пещерныхъ людей, Зерновъ какъ-то зазябъ и почувствовалъ себя нездоровымъ. Вернувшись на свою дачу, онъ затопилъ печку и, чтобы она хорошенько разгорѣлась, бросилъ въ нее романъ въ пяти частяхъ, а за нимъ и оконченную поэму („художественное созданіе“). Передъ тѣмъ, какъ бросить ее въ печь, онъ сталъ перелистывать ее—не потому, чтобы ему было ея жаль, но лишь затѣмъ, чтобы еще разъ взглянуть на неповинную вещь. „Нѣтъ, ему не

¹⁾ Тамъ же, стр. 25.

жалко было ея!.. Чтобы писать, надо прежде всего имѣть душу, полную содержанія, чтобы писать прекрасно, надо любить что-нибудь: а тутъ одни слова. Только справедливость дѣлаетъ литературу дорогою для людей, только защита всего обездоленнаго и погибающаго составляетъ ея содержаніе. Слово имѣетъ свое сердце, и это сердце есть стремленіе къ истинѣ и борьба за все человѣчное... Здѣсь же холодныя рѣмы, красивые образы, разсчитанные на то, чтобы возбудить нервы сытаго... Эта тетрадь — знатная развратница, общающая наслажденіе всѣмъ пресыщеннымъ и скучающимъ... Зерновъ перелистывалъ рукопись до конца и тихо положилъ ее на огонь. Огонь давно почти потухъ, и ему пришлось усиленно шевырять палкой въ тлѣющемъ пеплѣ, чтобы поджечь свою поэму; а когда она загорѣлась, онъ ворочалъ тростью листы ея до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что ея уже нѣтъ больше“.

Зерновъ написалъ статью о деревнѣ, — потому что всѣ эти пещерные люди вышли изъ деревни. Редакторъ мѣстной газеты, которому онъ принесъ статью, удивился, что случилось съ Зерновымъ, и, вѣроятно, не напечаталъ статью; самъ онъ, однако, заболѣлъ и съ мѣсяцъ пролежалъ.

„За это время успѣла пріѣхать молодая Зернова и была поражена всѣмъ, что увидала и узнала. Она теряла голову, не зная, что дѣлать и какъ поправить любимаго человѣка. Онъ поднялся съ постели, но уже сильно измѣнившимся во всѣхъ отношеніяхъ. Настѣтъ этой перемѣны окружающіе высказывали различныя мнѣнія, среди которыхъ молодая женщина совершенно растерялась. Друзья совѣтовали ей увезти мужа въ Неаполь. Знакомый редакторъ настаивалъ помѣстить его на излеченіе въ больницу для душевно-больныхъ; докторъ совѣтовалъ обратить вниманіе, главнымъ образомъ, на желудокъ. Но самъ Зерновъ былъ иного мнѣнія. Въ откровенную минуту онъ разсказалъ женѣ, чтобы она не беспокоилась, что онъ ничѣмъ не боленъ, напротивъ, навсегда освободившись отъ босяка, какимъ онъ былъ, онъ выздоровѣлъ и только еще не знаетъ, какъ лучше употребить свое здоровье“.

Послѣдняя повѣсть третьяго тома, которая была, кажется, и послѣднимъ трудомъ Каронина, называется: „Учитель жизни“. Дѣйствіе ея происходитъ въ среднемъ кругѣ образованнаго общества, но косвеннымъ образомъ она опять связана съ деревней. „Учитель жизни“ есть молодой человѣкъ того разряда, какіе стали встрѣчаться именно въ послѣднее время — особаго рода народники, полагавшіе, что они нашли высшую истину жизни,

отвергали науку, отвергали принятыя формы общественной жизни и требовали опрощенія. Отецъ этого молодого человѣка, по фамиліи Чехлова, былъ настоящій русскій купецъ, богатый самодуръ, подъ пьяную руку неистово бушевавшій, наводившій ужасъ на свою семью и на все его окружавшее, а потомъ каявшійся, поднимавшій иконы и т. д., до новаго буйства. Старшіе братья Чехлова были заняты отцовскимъ дѣломъ; младшаго онъ пожелалъ отдать въ науку. Отецъ прошелъ гимназическій курсъ и поступилъ въ университетъ, гдѣ, впрочемъ, занимался плохо. Это былъ юноша съ несомнѣннымъ умомъ, съ искусствомъ рѣчи, но выросшій одиноко въ семьѣ, думавшій только про себя; онъ развился неправильно, односторонне, угловато; его мысль, рано начавшая работать, приняла направленіе скептическое, ядовитое и себялюбивое, въ научномъ отношеніи она осталась недисциплинированной—наука не привязала его къ себѣ и осталась ему чужда. Въ юные годы онъ долго не могъ установиться и сколько-нибудь положительно опредѣлить свое міровоззрѣніе.

„Среди этого холода прошла вся его юность. Онъ не находилъ, кого и чтѣ любить.

„Въ этомъ возрастѣ люди увлекаются впервые любовью къ женщинѣ, но онъ и здѣсь остался только въ роли сосредоточеннаго на себѣ наблюдателя. Ни одна женщина не могла увлечь его или, вѣрнѣе, его собственное самолюбіе не было удовлетворено ни одною изъ нихъ, а тѣ, съ которыми онъ знакомился, принадлежали къ подонкамъ „женскаго сословія“, изъ чего онъ вывелъ заключеніе, что, въ сущности, всѣ женщины одинаковы.

„И къ чему только ни прикасался онъ, все оказывалось пустымъ или отвратительнымъ. Были минуты, когда онъ съ наслажденіемъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ разрабатывалъ картину смерти. Самоубійство было несвойственно его коренастой, здоровой натурѣ; по всей вѣроятности, рука его никогда не поднялась бы на самоуничтоженіе, именно потому, что и эта мускулистая рука, и все это здоровое тѣло любили жизнь и отказались бы повиноваться дуплѣ...

„Въ такомъ-то состояніи застало его вѣяніе одного нравственнаго ученія. Онъ его принялъ съ величайшею поспѣшностью, какъ будто это было его собственное, имъ самимъ созданное... Усвоивъ ученіе, Чехловъ сразу почувствовалъ въ себѣ небывалое мужество, увѣренность и силу, самъ признавалъ себя до этой минуты повѣсой, никому ненужнымъ и ничего незнающимъ; онъ вдругъ успокоился и гордо осмотрѣлся кругомъ... Ученіе не явилось для него въ видѣ солнечнаго луча, освѣтившаго ночь, и не

сдѣлало его умственно богаче; читая и обдумывая его, онъ не испытывалъ ни восторга, даваемого истиной, ни любви, доставляемой милымъ, дорогимъ предметомъ, — нѣтъ, онъ почувствовалъ въ себѣ только приливъ самоувѣренности и безстрашія передъ жизнью, которая была до сихъ поръ темна и холодна; такую она и послѣ того осталась у него, только теперь онъ запасся на всякій случай крѣпкимъ, внушительнымъ оружіемъ.

„А любви, по прежнему, не знало его сердце“ ¹⁾.

Чехловъ сталъ проповѣдовать и вскорѣ напелъ себѣ поклонниковъ. Мы сказали выше, какъ направилась его проповѣдь. Любопытно сравнить два взгляда на это ученіе, какіе были высказаны, напримѣръ, г. Златовратскимъ и въ настоящемъ случаѣ Каронинымъ: первый преклонялся передъ этимъ ученіемъ и нѣсколько мистически называлъ его перваго изобрѣтателя „Большимъ человѣкомъ“; взглядъ Каронина увидимъ ниже. Чехловъ является въ провинцію и мы видимъ его въ деревнѣ, въ домѣ управляющаго имѣніемъ Хордина. Это заурядный человѣкъ, нѣкогда имѣвшій, кажется, идеалы, потомъ огрубѣвшій практикъ; жена его — нѣкогда слушавшая медицинскіе курсы, потомъ вынужденная не по своей волѣ жить въ далекихъ странахъ и свято сохранявшая идеалы своей молодости. Чехлова ввелъ къ нимъ одинъ изъ его поклонниковъ, нѣкто Мизинцевъ, молодой человѣкъ, хорошій и скромный; у него новое ученіе свелось на немногія элементарныя правила, которыхъ онъ строго держался, — онъ утверждалъ, что нужно: водку не пить, табакъ не курить, чужихъ женъ не прельщать, дамамъ турнюра не носить и т. п. Въ одно прекрасное утро Мизинцевъ привезъ Чехлова и тотъ съ первыхъ словъ въ общемъ разговорѣ успѣлъ всѣхъ раздражить противъ себя своей рѣзкой манерой и обличительной діалектикой, которая во всѣхъ обычныхъ пріемахъ нашей жизни открывала обманъ, лицемеріе, противорѣчіе самымъ основнымъ правиламъ любви къ ближнему и т. д. Обыкновенно онъ избѣгалъ высказывать свои положенія прямо и предпочиталъ выпрашивать собесѣдника и затѣмъ нападать и опровергать его. Не будемъ пересказывать этихъ диспутовъ, проведенныхъ у Каронина очень искусно, и остановимся только на послѣднихъ впечатлѣніяхъ.

Между прочимъ Чехловъ выполнялъ всѣ требованія новѣйшаго опрощенія. Пріѣхавши въ провинціальный городъ, онъ поселился у своего кліента Мизинцева и первымъ долгомъ потре-

¹⁾ Томъ III, стр. 186—187.

бываль, чтобы въ указанной для него комнатѣ вынесли мягкую мебель: „Лучше всего, разумѣется, сидѣть на землѣ, какъ назначила природа; но если этого нельзя, то, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ садиться на пружины“; вслѣдъ затѣмъ онъ велѣлъ вынести изъ комнаты и кровать съ матрасомъ, потому что онъ спитъ на полу. Разъ въ окошко онъ увидалъ, какъ на дворѣ старуха возилась съ полѣномъ, котораго никакъ не могла разрубить; Чехловъ вышелъ къ ней и накололъ ей дровъ и т. п. Въ концѣ концовъ, однако, въ отношеніяхъ Мизинцева къ его гостю и учителю стало происходить какое-то раздвоеніе: повидимому учитель говорилъ все очень хорошо, но тѣмъ не менѣе у Мизинцева выростала къ нему какая-то антипатія. „Мизинцевъ не могъ объяснить себѣ это непостижимое противорѣчіе... Онъ по складу своего ума не могъ понять, что когда человѣкъ говоритъ большія слова, а подтверждаетъ ихъ ничтожными поступками, то это жалкая профанация, постыдное кощунство, оскверненіе храма слова.

„Не позимая этого, Михаилъ Егоровичъ раздвоился. Онъ долженъ былъ сознаваться на каждомъ шагѣ, что его гость поступаетъ такъ, какъ нужно, но, въ то же время, его прямая натура возмущалась каждымъ движеніемъ того. И чѣмъ больше они встрѣчались, тѣмъ все сильнѣе натура Михаила Егоровича возмущалась Чехловымъ. Это было смутное недовольство“ ¹⁾).

Но это недовольство было еще сильнѣе у г-жи Хординой. Она не могла сговориться даже со скромнымъ Мизинцевымъ, который со словъ учителя настаивалъ, что единственная обязанность человѣка есть личное нравственное совершенствованіе. „Александра Яковлевна (Хордина) родилась подъ глубокимъ и свѣтлымъ небомъ и жила въ свѣтлое, горячее время, когда о себѣ почти некогда было думать; она на опытѣ знала, какъ въ огнѣ общественнаго дѣла очищается сама собой личность. И сама она до этого времени никогда не задавалась исключительно цѣлью очищать свою жизнь, потому что жизнь ея, безъ ея усилій, была чиста, какъ и вся ея натура... Мизинцевъ же воспитывался на одной изъ тѣхъ улицъ, какія существуютъ въ азіатскихъ городахъ, гдѣ каждый домохозяинъ, поддерживая образцовый порядокъ на дворѣ, на общественную улицу выбрасываетъ дохлыхъ собакъ и кошекъ, грязь и помои, — однимъ словомъ, сознательная жизнь его началась при полной мерзости заустѣнія, и вся его жизнь сосредоточилась на азіатскомъ идеалѣ — чисто обставить свой частный дворъ“ ²⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 296.

²⁾ Тамъ же, стр. 229—230.

Но еще больше г-жа Хордина расходилась съ самимъ Чехловымъ. На первый разъ въ его филиппикахъ поразили ее своей справедливостью нѣкоторыя замѣчанія о ненормальности человѣческихъ отношеній, о необходимости самонаблюденія, о любви къ людямъ; но на первыхъ же порахъ поразило ее въ этой проповѣди что-то ненормальное, напр. когда ставились требованія явно невозможныя и даже несправедливыя, когда подвергалась сомнѣнію или отрицалась наука, когда, наконецъ, самая проповѣдь „любви“ и „разума“ дѣлалась въ тонѣ вражды и самолюбиваго раздраженія; она скоро почувствовала во всемъ этомъ какую-то ложь и успѣла разобрать ее. Однажды, среди разговоровъ, въ которыхъ Чехловъ привыкъ къ эффекту своихъ словъ, ему показалось, что онъ замѣтилъ на ея лицѣ насмѣшку: она дѣйствительно увидѣла въ его словахъ недоказанность, противорѣчіе, и онъ потомъ очень обрадовался, когда она стала съ интересомъ спрашивать объ его прошлой жизни. Онъ рассказалъ ей о своихъ родителяхъ, какъ онъ учился, гдѣ путешествовалъ; Хордина все предлагала ему новые вопросы. „Ничего не подозрѣвая, онъ съ жаромъ рассказывалъ, какъ много онъ читалъ, съ какими выдающимися людьми былъ знакомъ и какъ занимался самообразованіемъ, когда бросилъ университетъ, внушавшій ему отвращеніе бездушною шаблонностью... „Только одно самообразование создаетъ разумнаго человѣка“, — кончилъ онъ.

„И вдругъ Александра Яковлевна замѣтила какъ бы про себя:

— Интересно, чтѣ бы изъ васъ вышло, еслибы отецъ сдѣлалъ васъ своимъ приказчикомъ и еслибы послѣ его смерти вы остались съ братьями торговать лѣсомъ?..

— То-есть чтѣ тутъ собственно интереснаго? — спросилъ Чехловъ, все еще ничего не подозрѣвая.

— Да откуда бы вы разумъ-то взяли, еслибы стали торговать бревнами?

„Чехловъ моментально оцѣнилъ этотъ неожиданный и мастерской ударъ и взоръ его безпокойно пробѣжалъ по комнатѣ, но онъ хладнокровно отвѣтилъ:

— При мнѣ бы и остался, если только онъ во мнѣ вообще есть!

— Но вотъ это-то и любопытно: выходить, что можно какъ угодно жить, чѣмъ угодно заниматься, хотя бы грабежомъ на большихъ дорогахъ, какъ есть ничему не учиться и все-таки, несмотря ни на что, носить въ себѣ какой-то разумъ, т.-е. высшее пониманіе всѣхъ вещей! — сказала Александра Яковлевна, но безъ ехидства, съ доброю улыбкой.

— Для васъ это невозможнымъ кажется, но это потому, что вы вѣрите не въ силу человѣка, а его положенія, и ему рабски подчиняетесь! — возразилъ Чехловъ, но уже съ явнымъ раздраженіемъ“.

Ему замѣтили, что онъ дѣйствительно прекрасно сдѣлалъ, что ушелъ отъ своего положенія, такъ какъ иначе, вѣроятно, нельзя было бы услышать отъ него такихъ прекрасныхъ вещей о разумѣ.

„— Но вѣдь я же ушелъ отъ этого положенія! Значить, оно меня не поработило!—вскричалъ Чехловъ и въ первый разъ вышелъ изъ себя.

— Потому что вы имѣли средства бросить его, тогда какъ миллионы людей не могутъ оторваться отъ приковавшей ихъ цѣпи... Во-вторыхъ, потому, что вы кое-чему учились, прежде нежели бросить его, имѣли возможность и дальше учиться, и размышлять, тогда какъ миллионы не только не могутъ чему-нибудь учиться и о чемъ-нибудь размышлять, но часто и потребности такой не сознаютъ... Къ нимъ-то откуда разумъ придетъ?“¹⁾

Въ другой разъ она сказала ему:—„Ваше ученіе, кажется, все имѣетъ, что нужно для каждаго ученія: и разумъ, и любовь, и совершенство, и пути къ нему, все! Нѣтъ только одной, но зато самой необходимой вещи — Бога. То-есть того объединяющаго центра, вокругъ котораго можно было бы расположить всѣ эти прекрасныя вещи—любовь, совершенство, простоту... Никто изъ нуждающихся въ вѣрѣ не приметъ вашего ученія, потому что въ немъ именно вѣры-то и нѣтъ! Оно холодно, умно и безчеловѣчно!.. Задуманное только ради богатыхъ, для нуждающагося бѣдняка оно даетъ только угрозы, жестокія обвиненія и ни одного луча надежды“²⁾.

Для нея, воспитавшейся на другихъ идеалахъ, новое ученіе представляло вообще мало основаній къ сочувствію. Новое ученіе было прежде всего неясно и противорѣчиво, было слишкомъ похоже на капризъ и, наконецъ, осуждая различныя формы общественной жизни, относилось къ нимъ совершенно поверхностно и не давало взамѣнъ ихъ ничего разумно положительнаго.

Первая серьезная встрѣча съ дѣйствительностью нашла самонадѣяннаго учителя совершенно безсильнымъ. Во-первыхъ, въ немъ разгорѣлась страсть: онъ въ первый разъ встрѣтилъ въ Хординой женщину, которая произвела на него сильное впечатлѣніе

¹⁾ Тамъ же, стр. 264—265.

²⁾ Тамъ же, стр. 318.

и своей женственной привлекательностью, и вмѣстѣ той силой ума и характера, которую онъ долженъ былъ увидѣть. Ему казалось, что она была нравственно неудовлетворена въ своихъ домашнихъ отношеніяхъ, и думалъ, что она готова будетъ раздѣлить съ нимъ жизнь: въ этомъ онъ жестоко ошибся, — ея жизненные цѣли были иныя и онъ лично, хотя на первый разъ затронулъ ее своей проповѣдью, самъ по себѣ не внушалъ ей сочувствія. Проповѣдникъ „любви“ и „разума“ не въ состояніи былъ вынести ея отказа слѣдовать за нимъ и предался необузданнымъ порывамъ неразумія и ненависти. Но это испытаніе было вскорѣ совершенно заслонено другимъ: онъ получилъ официальное извѣстіе, что частный банкъ, въ которомъ хранились его деньги, лопнулъ, что надъ дѣйствіями этого банка производится слѣдствіе и т. д.; другими словами, Чехловъ остался нищимъ. Повидимому, прекрасный случай освободиться отъ всѣхъ фальшивыхъ потребностей нашей жизни, противъ которыхъ онъ такъ горячо ратовалъ — отъ хорошей квартиры, отъ мягкой мебели съ пружинами, отъ дорогого платья, отъ ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ (Чехловъ уже дѣлалъ опыты отрицанія ихъ и разъ пришелъ пѣшкомъ изъ города въ деревню къ Хординымъ, — къ нимъ можно было доѣхать по желѣзной дорогѣ); но теперь онъ вовсе не обрадовался этой возможности; напротивъ, онъ встрѣтилъ свою бѣду съ крайнимъ малодушіемъ, на занятія деньги поѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ былъ банкъ, въ надеждѣ спасти, что можно, изъ его крушенія, и тамъ узналъ только, что, быть можетъ, со временемъ, когда дѣло выяснится, вкладчикамъ останется гривенникъ за рубль; затѣмъ онъ бросился домой, пріѣхалъ туда больнымъ и взялъ нѣсколько денегъ у братьевъ: надо было начинать новую жизнь — вѣроятно, уже не въ духѣ прежняго ученія.

Мы указали существенныя черты произведеній Каронина. Если можно назвать его писателемъ народническимъ, онъ, очевидно, не утратилъ нимало старыхъ преданій нашей литературы и оставался сознательнымъ другомъ народа, далекимъ отъ фантастическихъ мечтаній, которыя, хотя въ заглавіи ихъ ставится имя народа, могутъ оказываться весьма неполезными для его существенныхъ интересовъ. Онъ не дѣлилъ общества „интеллигенціи“ отъ народа, положеніе и того и другого ему казалось неправильнымъ, необезпеченнымъ въ ихъ самыхъ существенныхъ нуждахъ — матеріальныхъ и нравственныхъ; и въ томъ и другомъ онъ находилъ много мрачныхъ сторонъ, зависѣвшихъ въ большой мѣрѣ

отъ историческихъ условій ихъ положенія и отъ которыхъ не освободить никакое обособленіе народа отъ общества, а напротивъ, можетъ освободить когда-нибудь лишь совмѣстная работа на пути общественнаго развитія и просвѣщенія. Ему мечталась и теперь возможность дружескаго сожителства людей общества въ народной средѣ („Мой міръ“): быть можетъ, онъ спеціально указывалъ эту возможность въ опроверженіе тѣхъ, кому казалось, что интеллигенція можетъ быть только посрамлена въ своихъ попыткахъ сблизиться съ народомъ, столь высоко ее превышающимъ. Напротивъ, Каронинъ нисколько не скрываетъ отъ себя одичалости деревни, главные источники которой онъ видитъ въ ея нищетѣ и невѣжествѣ, и тѣмъ не менѣе онъ считаетъ возможнымъ, что найдется общая почва, гдѣ „интеллигенція“ можетъ работать для народа, ничего не уступая изъ своего нравственнаго и умственнаго содержанія.

Весьма значительны и литературныя достоинства произведеній Каронина. Онъ знаетъ свой міръ и умѣетъ изображать его, какъ съ внѣшней бытовой стороны, такъ и въ его внутреннихъ побужденіяхъ; его народный языкъ простъ и вѣренъ и нигдѣ не страдаетъ той грубой или слащавой манерностью, какую до сихъ поръ еще можно встрѣтить въ изображеніяхъ народнаго быта. Въ цѣломъ отношеніи его къ народу нѣтъ также никакой сентиментальности, даже въ тѣхъ фигурахъ, въ которыхъ, какъ мы указывали, проходитъ передъ нами деревенская идиллія; но тѣмъ не менѣе вездѣ мы чувствуемъ самое теплое участіе къ народной жизни и въ беллетристической картинѣ проглядываетъ серьезное пониманіе вопросовъ народнаго быта.

Наконецъ, въ сочиненіяхъ Каронина есть еще одна симпатичная сторона: это—самъ писатель. Онъ уже кончилъ свое недолгое поприще, и надо желать, чтобы люди, ему близкіе, собрали данныя его біографіи, которыя освѣтили бы его внѣшнюю судьбу и исторію его внутренняго развитія: его дѣятельность сама по себѣ является уже въ разныхъ отношеніяхъ любопытнымъ фактомъ нашей общественной исторіи.

А. Пыпинъ.

ИЗЪ СЮЛИ ПРИУДОМА

I.—РАЗБИТАЯ ВАЗА.

Вѣромъ задѣта дорсгая ваза,
Гдѣ цвѣты увяли—трещину дала.
Рана незамѣтной для простаго глаза
Въ первый мигъ была.

Но она, вначалѣ скрытая отъ взора,
Дальше расходяся съ каждымъ новымъ днемъ,
Дѣлалась виднѣе, и собою скоро
Вазу охватила роковымъ кольцомъ.

И вервена влаги ожидаетъ тщетно,
Медленно, по каплѣ вытекла вода.
Не касайтесь вазы: это незамѣтно,
Но она разбилась разъ и навсегда.

Такъ порою въ сердцѣ—дорогѣй рукою
Лишь слегка задѣтомъ—остается слѣдъ.
И оно, разбившись вдругъ, самѣ собою—
Для любви и счастья не воскреснетъ, нѣтъ!

Тайна этой раны отъ людей сокрыта,
Но мечты увяли въ глубинѣ его.
Не касайтесь сердца: вѣдь оно разбито
И прикосновенье—гибель для него.

II.—РОСА.

Я предаюсь мечтамъ, поднявъ къ лазури очи
 Въ отрадно тихіе вечерніе часы,
 Когда среди луговъ рукою блѣдной ночи
 Разбросаны вездѣ жемчужины росы.

Откуда же на насъ, дрожа, онѣ упали?
 Прозрачный сводъ небесъ блистаетъ синевой.
 Не тамъ ли, въ вышинѣ сейчасъ онѣ сверкали
 Предъ тѣмъ, какъ снизойти серебряной росой?

Откуда у меня явились эти слезы?
 Лазурь безоблачна и даже вѣтеръ стихъ.
 Не въ сердцѣ ли моемъ росли онѣ, какъ грезы,
 Предъ тѣмъ, какъ заблестать во взорѣ глазъ моихъ?..

III. — ЖЕЛАНІЕ.

Здѣсь на землѣ все слишкомъ скоротечно:
 И запахъ розъ, и пѣнье соловья.
 Такой весны, что остается вѣчно —
 Хотѣлъ бы я!

Здѣсь на землѣ всѣ жаждутъ переменъ,
 Лобзанья здѣсь уходятъ безъ слѣда.
 Я жажду тѣхъ, что вѣчно неизмѣнны
 И — навсегда!

Здѣсь на землѣ любовь непостоянна,
 А дружба длится краткіе годѣ.
 Я чувства жду, какому тѣнь обмана
 Была-бъ чуждѣ!

IV.—ЛАСТОЧКА.

Ты, которая къ небу свободно
 Направляешь отважный полетъ,
 И не падаешь въ мукѣ бесплодной
 Съ недоступно суровыхъ высотъ;

Ты, которая жажду изъ тучи
 На пути утоляешь порой,
 Проносая чрезъ горныя кручи,
 Черезъ море и рѣки—стрѣлой;

Ты, ненастной порою осенней
 Покидавшая насъ для того,
 Чтобъ вернуться съ расцвѣтомъ сиреней;
 Ты, которой дороже всего

Лишь родное гнѣздо и свобода—
 Какъ съ тобою схожусь я во всемъ!
 И во мнѣ пробудила природа
 Все, чтò въ сердцѣ ты носишь своемъ.

Я, какъ ты, поднимаюсь выско
 На крылахъ лучезарныхъ мечты,
 И стремлюся туда одиноко,
 Гдѣ паришь одиноко и ты.

Я ничьей не завидую долѣ.
 Раздѣляя порывы твои,
 Я хочу лишь простора и воли,
 И любви, безконечной любви!

V.—* * *

Два смѣлыхъ путника, взобравшись на утесъ,
 Закрывъ глаза, внимали реву моря.
 — Я слышу въ немъ всю прелесть райскихъ грѣзъ!—
 — А я—весь стонъ земного горя!—

Имъ тотъ же лучъ сіялъ на небѣ голубомъ,
 И съ одинаковою силой
 Имъ море-сфинксъ обоимъ говорило
 Таку-жъ рѣчь, но разнымъ языкомъ.

VI.—СТАТУЯ И ЖЕНЩИНА.

(Les Vénus.)

Былъ зимній день угрюмъ и сѣръ,
 Но я, подъ портикомъ античнымъ,
 Взиралъ съ восторгомъ необычнымъ
 На изваянія Венеръ.

И въ королевскомъ Луврѣ старомъ
 Искусства видя образцы,
 Я понималъ, что имъ не даромъ
 Отведены у насъ дворцы.

Но нищую, идя дорогой,
 На поворотѣ встрѣтилъ я,
 И вмигъ была душа моя
 Объята грустью и тревогой...

Болѣзненно истомлена,
 Въ какомъ-то рубищѣ несчастномъ—
 Какъ молода была она,
 Съ лицомъ божественно-прекраснымъ!

Густыя пряди свѣтлыхъ косъ
 Лежали мягкою волною,
 Глаза, съ ихъ темной глубиною,
 Хранили слѣдъ недавнихъ слезъ.

Рука, исколота иглою,
 Была красива, но худа;
 Отъ непосильнаго труда
 При лампѣ, поздною порою

Ослабло зрѣніе у ней.
 Скрывая стыдъ, скрывая муку,

Она протягивала руку,—
Но кто и чѣмъ поможетъ ей?

Кто видитъ гнетъ ея терзаній?
Она страдаетъ не одна.
Дворцы у насъ—для изваяній,
А ты—ты Богомъ создана!

Твоей красѣ не будетъ храма,
Они—для мертвой красоты.
И въ вихрѣ свѣтской суеты
Забудется простая драма...

Себѣ отыщешь ты пріютъ,
Быть можетъ, въ омутѣ разврата;
Для женщинъ мраморныхъ—палата,
Живыя—тысячами мрутъ!

VII.— * * *

Кто скажетъ: я забылъ весны очарованье?
Кто скажетъ: первую я позабылъ любовь?
Нѣтъ, даже старики, чья охладѣла кровь,
Не скажутъ этого, увидѣвъ дня сіянье.

Но развѣ не всегда любимыя черты
Мы видимъ предъ собой духовными очами?
И въ сердцѣ у себя мы не хранимъ ли сами
И первый поцѣлуй, и первыя мечты?

Когда сіяніе багрянаго заката
Угаснетъ, отгорѣвъ,—изъ наступившей тьмы
Проглянетъ звѣздочка, которую когда-то
Съ восторгомъ сладостнымъ привѣтствовали мы.

И я, отъ суеты и шума утомленный,
Оставшись одинъ, припоминаю вновь
Съ волненьемъ радостнымъ и съ грустью умиленной
Неумирающую въ душѣ моей любовь...

О. Михайлова.

ИППОЛИТЪ ТЭНЬ

I.

5-го марта (21-го февраля) скончался Ипполитъ Тэнь. Почти всѣ некрологи Тэна начинаются указаніемъ на необыкновенную многосторонность его таланта, необыкновенное разнообразіе его литературнаго творчества. И дѣйствительно, онъ былъ философомъ и критикомъ, историкомъ и публицистомъ, наблюдателемъ общественныхъ нравовъ на чужбинѣ и у себя дома. Не вездѣ, однако, онъ проложилъ новые пути и создалъ новые приемы. Въ философіи онъ былъ продолжателемъ традицій XVIII-го вѣка, только лучше вооруженнымъ, благодаря успѣхамъ научнаго знанія. Въ „Замѣткахъ“ объ Англіи и о Парижѣ онъ шелъ по стопамъ Монтескьё, какъ автора „Персидскихъ писемъ“, и подавалъ руку Абу, какъ бытописателю „Современной Греціи“. Его политическіе и экономическіе взгляды немногимъ отличались отъ ходячей и даже нѣсколько стертой монеты буржуазнаго доктринерства. Перенеся ихъ всецѣло въ исторію недавняго прошлаго, онъ обратилъ ее въ обвинительный актъ, составленный съ удивительнымъ мастерствомъ, но меньше всего похожій на строго-научный трактатъ, первоначально задуманный авторомъ. Никогда, быть можетъ, разница между намѣреніемъ и исполненіемъ не была такъ велика, какъ въ послѣднемъ сочиненіи Тэна, которому онъ отдалъ чуть не половину своей трудовой жизни. Онъ хотѣлъ изучить процессъ образованія современной Франціи, какъ „натуралистъ“ изучаетъ „метаморфозы насѣкомаго“—а на самомъ дѣлѣ отнесся къ нему какъ участникъ политической борьбы, проникнутый непримиримой ненавистью къ противнику. Если въ моментъ приступа къ работѣ „любопытство“ историка и было „свободно отъ предвзятаго рѣ-

шенія“, то эта свобода продолжалась недолго. „Предвзятое рѣшеніе“ чувствуется уже въ описаніи стараго порядка, набрасываетъ густую тѣнь на картину дѣятельности учредительнаго собранія, неограниченно царить въ изображеніи конвента. Точно предвидя, что ему не удастся достроить громадное зданіе, авторъ спѣшитъ водрузить надъ нимъ свое излюбленное знамя—и громить третью республику, ничего не сказавъ о промежуточныхъ ступеняхъ, отдѣляющихъ ее отъ первой имперіи. *C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre!*—воскликнулъ кто-то изъ французскихъ генераловъ, смотря на англійскую кавалерійскую атаку при Балаклавѣ. Это остроумно, интересно, оригинально—но это не исторія: вотъ чтѣ хочется замѣтить послѣ прочтенія „Революціи“ и „Новаго порядка“. Блестящаго въ нихъ очень много, но это—блескъ такого рода, который не можетъ обходиться безъ дыма. Дымомъ, сквозь который трудно разсмотрѣть настоящія очертанія предметовъ, является здѣсь масса мелкихъ фактовъ, не проверенныхъ, не взвѣшенныхъ, тенденціозно подобранныхъ, произвольно обобщенныхъ. Къ произведеніямъ, отмѣчающимъ или открывающимъ собою новый фазисъ въ развитіи науки (*epochemachende Werke*), „Происхожденіе современной Франціи“ не можетъ быть отнесено ни по своему матеріалу, ни по методу его обработки. Обратная, закулисная сторона революціи была раскрыта, раньше Тэна, Валлономъ, Мортимеромъ-Тэрно и многими другими. Они вывели на свѣтъ ту массу мелочей, изъ которыхъ, даже въ наиболѣе критическія эпохи, слагается будничная, повседневная жизнь; они показали, что параллельно съ эффектными трагедіями, разыгрываемыми, при бенгальскихъ огняхъ и трубныхъ звукахъ, на главномъ, центральномъ театрѣ, идетъ, внизу и по бокамъ, непрерывная вереница тусклыхъ, заурядныхъ сценъ, въ которыхъ чередуются или смѣшиваются и грязь, и кровь, и слезы. Луи Бланъ утилизировалъ—съ другою, конечно, цѣлью, чѣмъ Тѣнь—мало извѣстную до тѣхъ поръ періодическую литературу временъ революціи. Легендарное представленіе о революціи, какъ о чемъ-то безусловно новомъ, не имѣющемъ корней въ прошедшемъ, невообразимо-чудовищномъ или безгранично-великомъ (смотря по точкѣ зрѣнія), было поколеблено уже Минье и Тьеромъ, разрушено Токвилемъ, Зибелемъ, Кине. Недоставало только такого труда, который, всѣмъ пользуясь и все объединяя, не будучи ни мертвенно-равнодушнымъ, ни ослѣпленно-пристрастнымъ, возстановлялъ бы, въ ихъ настоящемъ видѣ, важѣйшіе факты эпохи, объяснялъ бы ихъ зависимость отъ прошлаго и ихъ взаимную связь, опредѣлялъ бы долю вліянія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществен-

ныхъ группъ, однимъ словомъ—возводилъ бы исторію на степень точной науки, насколько это возможно при нынѣшнемъ положеніи нашихъ знаній. Такого труда нѣтъ и теперь, послѣ появленія книги Тэна — нѣтъ, по крайней мѣрѣ, для внутренней исторіи революціи; по отношенію къ внѣшней ея исторіи, т.-е. къ той роли, которую она играла въ общеевропейскихъ международных сношеніяхъ, желанная цѣль почти достигнута сочиненіемъ Альбера Сореля („L'Europe et la révolution française“). Успѣлъ ли Тэнъ окончить второй (и послѣдній) томъ „Новаго порядка“ — это, покамѣстъ, еще неизвѣстно. Славу покойнаго писателя онъ, во всякомъ случаѣ, не увеличитъ. Слишкомъ близокъ, для этого, его предметъ къ современной дѣйствительности, соприкосновеніе съ которою лишало Тэна главной и лучшей части его силы.

II.

Истинно-великимъ Тэнъ былъ только въ области литературной и художественной критики: здѣсь онъ составилъ себѣ имя, здѣсь праздновалъ свои величайшія побѣды. Его книги о Титѣ Ливіи и Лафонтенѣ, его критическіе этюды, его „Исторія англійской литературы“, его лекціи въ парижской Ecole des Beaux-Arts (Philosophie de l'art, Idéal dans l'art) образуютъ одно гармоническое цѣлое, одинаково характеристичное и для самого автора, и для цѣлой эпохи. Попытка ввести науку въ критику и сдѣлать критику составною частью науки, входить, какъ необходимое звено, въ исторію философской мысли XIX-го вѣка—и вмѣстѣ съ тѣмъ носить на себѣ яркій отпечатокъ индивидуальности писателя. Считаться съ Тэномъ должны, на этой почвѣ, даже его противники; можно пойти далѣе, подняться выше его, но нельзя не пользоваться его приобрѣтеніями; они составляютъ фундаментъ, на которомъ могутъ быть возведены самыя разнообразныя постройки. Абсолютно - новымъ методъ Тэна, конечно, не былъ. „Открытія,—говоритъ самъ Тэнъ (по другому поводу, въ книгѣ о Титѣ Ливіи),—дѣлаются нѣсколько разъ; то, чтѣ сегодня изобрѣтаешь, завтра, можетъ быть, найдешь въ своей бібліотекѣ... У всякаго писателя есть свои предшественники“. Нѣкоторые изъ предшественниковъ Тэна указаны въ книгѣ Брюнетьера, о которой мы, года два тому назадъ, говорили въ „Вѣстникѣ Европы“ („L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature“): это—Кювье и Жофруа-Сентъ-Илеръ, снабдившіе его научнымъ мето-

домъ, англійскіе и французскіе позитивисты, сблизившіе исторію съ точнымъ знаніемъ, Сентъ-Бёвъ, перешедшій отъ изученія произведеній къ изученію писателей. Все взятое у другихъ, кто бы ни были эти другіе, переработано Тэномъ, во всякомъ случаѣ, настолько, чтобы стать его неотъемлемою собственностью. Излагать основныя черты его системы было бы излишне, особенно на страницахъ нашего журнала, гдѣ еще недавно была помѣщена подробная статья о Тэнѣ ¹⁾. Мы коснемся только одной его особенности, большею частью отрицаемой или оставляемой въ тѣни. Въ критикѣ, все, повидимому, сводящемъ къ условіямъ расы, среды и момента, намъ хотѣлось бы показать цѣнителя наиболѣе индивидуальных, наиболѣе интимныхъ сторонъ поэзіи; въ изслѣдователѣ, ко всему, повидимому, подходящемъ съ микроскопомъ и скальпелемъ, мы хотѣли бы показать поэта.

Въ сочиненіяхъ Сентъ-Бёва (*Nouveaux Lundis*, т. VIII) есть любопытная статья, посвященная Тэну—любопытная уже потому, что учитель говоритъ здѣсь объ ученикѣ, самостоятельномъ и непокорномъ, писатель, близкій къ концу своей карьеры—о преемникѣ, идущемъ къ нему на смѣну. Эта статья написана въ 1864 г., по поводу „Исторіи англійской литературы“ — т.-е. какъ разъ тогда, когда Тэнъ окончательно занялъ мѣсто на ряду съ первыми литературными силами своего времени. Подобно всему оригинальному и свѣжему, его труды вызвали массу нападеній, слѣдующимъ образомъ резюмируемыхъ Сентъ-Бёвомъ: „какъ бы прекрасно онъ ни описывалъ расу, въ ея общихъ чертахъ и основныхъ линіяхъ, какъ бы рельефно ни изображалъ нравственную атмосферу, господствующую въ извѣстныя историческія минуты, какъ бы искусно ни ориентировался среди событій и приключеній, опутывающихъ своею сѣтью жизнь даннаго лица—нѣчто отъ него все-таки ускользаетъ. Это нѣчто—самое живое въ человѣкѣ; это нѣчто—именно то, благодаря чему изъ сотни или тысячи людей, подчиненныхъ, повидимому, одинаковымъ внутреннимъ и внѣшнимъ условіямъ, только одинъ выдвигается впередъ и создаетъ своеобразное произведеніе. Тэнъ не схватилъ и не показалъ намъ самую искру генія; онъ рисуетъ передъ нами, деталь за деталью, только оболочку, въ которой появляется, дѣйствуетъ и торжествуетъ эта искра, эта жизнь, эта душа“. Противъ такой характеристики Тэна Сентъ-Бёвъ не возражаетъ; онъ беретъ на себя защиту

¹⁾ „Ипполитъ Тэнъ и его значеніе въ исторической наукѣ“, В. И. Герье, въ №№ 1 и 2 „Вѣстника Европы“ за 1890 г. Эта статья даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе; она подробно разсматриваетъ многіе изъ числа критическихъ этюдовъ Тэна.

молодого писателя, но доказываетъ не его невиновность, а только его право на снисхожденіе. „Хорошо уже и то, — говоритъ царь тогдашней критики, — что авторъ намѣтилъ задачу, близко подошелъ къ ней, окружилъ ее со всѣхъ сторонъ, свелъ ее къ наиболѣе простому выраженію, далъ возможность взвѣсить и сосчитать всѣ ея данныя. Въ самомъ тѣсномъ кругѣ талантъ или гений можетъ совершать чудеса — и если Тэнъ недостаточно изучаетъ эту способность, то, во всякомъ случаѣ, онъ ея не отрицаетъ; онъ только ограничиваетъ ее, облегчая для насъ этимъ самымъ ея опредѣленіе“. Упрекъ сведенъ здѣсь до минимума, но все-таки остается упрекомъ; Сентъ-Бёвъ все-таки признаетъ, что „искра гевія“, т.-е. личный элементъ творчества, не входитъ въ кругъ изслѣдованій Тэна или, по меньшей мѣрѣ, не играетъ въ немъ роли, соотвѣтствующей его значенію. То же самое, четверть вѣка спустя, находятъ новѣйшіе критики — Брюнетьеръ, Геннекенъ, Брандесъ, Фаге. „Какъ бы ни была тѣсна, — говоритъ Брюнетьеръ въ названной уже нами книгѣ, — связь трагедіи Расина или краснорѣчія Боссюэ съ другими частями цивилизаціи XVII-го вѣка, ее нельзя считать *необходимой*, потому что къ тому же времени относится краснорѣчіе Бурдалу и трагедія Томаса Корнеля“. Самое характеристичное въ рѣчи Боссюэ — это присутствіе въ ней самого Боссюэ; „Андромаха“ зависѣла больше отъ самого Расина, чѣмъ отъ чего бы то ни было другого. Геннекенъ (въ „Critique Scientifique“, о которой см. № 11 „Вѣстн. Европы“ за 1888 г.) также оспариваетъ Тэна указаніемъ на одновременное появленіе такихъ несходныхъ писателей, какъ Эврипидъ и Аристофанъ, Лукрецій и Цицеронъ, Гёте и Шиллеръ, Уландъ и Гейне, Левъ Толстой и Достоевскій. Брандесъ (въ лекціи о критикѣ и критикахъ, напечатанной въ № 10 „В. Е.“ за 1887 г.) находитъ, что Тэну недостаетъ чутья и угадыванія (intuition, devination), безъ помощи которыхъ нельзя придти къ „истиннымъ выводамъ“ относительно „индивидуальнаго ума писателя“. По мнѣнію Фаге (см. некрологъ Тэна въ „Revue bleue“), Тэнъ видѣлъ въ литературѣ „математическое выраженіе общества, расы, среды — и ничего больше“. То же самое выражаетъ, другими словами, и авторъ некролога въ „Temps“, Сабатье. *Формальныхъ* основаній для такого взгляда на Тэна въ его статьяхъ и книгахъ можно найти сколько угодно. Какъ всякій новаторъ, Тэнъ съ особенною настойчивостью твердитъ именно то, что считаетъ въ своей доктринѣ наиболѣе новымъ; какъ всякій теоретикъ, онъ стремится къ строго-опредѣленнымъ формуламъ, точность которыхъ не всегда совмѣстна съ полнотою. Рамка, сплошь и рядомъ, ока-

зывается слишкомъ узкой, чтобы вмѣстить все полотно; но тѣ его части, для которыхъ не нашлось мѣста, отнюдь не менѣе цѣнны, чѣмъ остальные. Онѣ не отрѣзаны и не брошены живописцемъ: нужно только ихъ найти и присоединить ихъ къ цѣлому. Всего больше ихъ въ раннихъ произведеніяхъ Тэна, особенно въ его замѣчательной, слишкомъ мало у насъ извѣстной книгѣ о Лафонтенѣ.

III.

„Тайный историкъ (Сенъ-Симонъ), больной духомъ и тѣломъ геометръ (Паскаль), мечтательный добрякъ (Лафонтенъ) — вотъ единственные три артиста XVII-го вѣка, являвшіеся въ немъ рѣдкостью и нѣсколько его скандализировавшіе“ (ils faisaient rareté et un peu scandale). Этими словами заканчивается одинъ изъ самыхъ первыхъ, по времени, критическихъ этюдовъ Тэна (о Сенъ-Симонѣ). Всѣ главные французскіе писатели временъ Людовика XIV принадлежали къ одной и той же расѣ, испытывали вліяніе одной и той же среды, почти однихъ и тѣхъ же моментовъ; и все-таки несходство Паскаля, Лафонтена и Сенъ-Симона какъ между собою, такъ и съ представителями господствующаго типа, не только прямо признается, но и рѣзко подчеркивается Тэномъ. Можно ли утверждать, затѣмъ, что онъ все сводилъ къ общимъ условіямъ, забывая объ особенномъ, индивидуальномъ? Очевидно — нѣтъ. Онъ устанавливалъ только правило, допуская и даже прямо указывая исключенія. Для него была ясна взаимная зависимость общественныхъ явленій; въ данномъ обществѣ, въ данную минуту, онъ видѣлъ какъ бы одно идеальное лицо, всѣ дѣйствія котораго проникнуты однимъ духомъ, исходятъ изъ одного преобладающаго свойства. Это идеальное лицо не поглощаетъ собою, однако, *всѣхъ* конкретныхъ, реальныхъ особей; оно служитъ показателемъ и выразителемъ массы, главной колонны (включая и ея вождей)—но не одинокихъ путниковъ, уклонившихся съ столбовой дороги. Французское общество второй половины XVII вѣка, разсматриваемое какъ одно цѣлое—это воплощеніе дисциплины, гармоніи, симметріи. Черезъ всѣ его составныя части, черезъ всѣ его функціи проходитъ одна красная нить, съ необыкновеннымъ искусствомъ выслѣженная и восстановленная Тэномъ (особенно въ статьѣ о Расинѣ, въ книгѣ о Лафонтенѣ и въ предисловіи къ „*Essais de critique et d'histoire*“). Аллея версальскаго сада, богословское разсужденіе Малебранша, сентенція

Боссюэ о царствѣ Божіемъ, правило стихотворства у Буало, законъ Кольбера о ипотекахъ, комплиментъ, сказанный въ пріемныхъ залахъ Марли — все это, повидимому, явленія совершенно чуждыя другъ другу, между которыми нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. А между тѣмъ Тэнъ справедливо сравниваетъ ихъ съ водами, текущими въ разныя стороны по разнымъ уступамъ, но изъ одного и того же резервуара. Это сравненіе сразу открываетъ передъ нами широкіе горизонты, сближаетъ отдаленное, бросаетъ яркій свѣтъ на внутреннюю связь событій; но оно было бы невѣрно, еслибы рядомъ съ резервуаромъ, питающимъ цѣлую систему водъ, не оставалось мѣста для ручейковъ, имѣющихъ свои отдѣльные источники. Наличие такихъ ручейковъ Тэнъ не только признаетъ, но и объясняетъ. Раскроемъ, наприкладъ, въ книгѣ о Лафонтенѣ главу, озаглавленную: „les dieux“. Законъ взаимной зависимости явленій примѣняется здѣсь къ представленію о божествѣ, измѣняющемуся параллельно съ другими понятіями націи или эпохи. Во Франціи XVII вѣка абсолютный, но законный король занималъ средину между восточнымъ деспотомъ и новѣйшимъ государемъ. Отъ перваго онъ отличался тѣмъ, что управлялъ болѣе или менѣе согласно съ законами, отъ втораго — тѣмъ, что считался и считалъ себя выше законовъ. По образу и подобию царя земного французъ этого времени воображали и царя небеснаго. Богъ, которому они поклонялись, былъ чѣмъ-то въ родѣ увеличеннаго и усиленнаго Людовика XIV. Переворотъ, происшедшій на землѣ, отразился въ понятіяхъ о небѣ. Мѣстные, независимые святыя среднихъ вѣковъ ступеваются или подчиняются, какъ феодальныя сеньеры; и тѣ, и другіе образуютъ дворъ поклонниковъ, „почтительнымъ окомъ“ созерцающихъ блескъ своего господина. Религія, очищенная и великолѣпная, представляетъ зрѣлище корректное и благородное. Философія обращаетъ природу въ систему механизмовъ, организованную декретомъ свыше. Надъ этой правильной организаціей и послушной іерархіей возвышается властелинъ, карающій и награждающій, грозный врагамъ, милостивый къ покорнымъ слугамъ. Блаженство, уготовляемое имъ для послѣднихъ, сильно напоминаетъ обстановку версальскаго двора. Возвышая божественную волю, Боссюэ говоритъ языкомъ французскаго посла, грозящаго гнѣвомъ своего повелителя. Для божества, такимъ образомъ понимаемаго, нѣтъ мѣста ни въ природѣ, ни въ поэзіи. Буало не даромъ запрещаетъ литературѣ касаться божественныхъ тайнъ. Когда ей нужно вывести на сцену что-нибудь сверхъ-естественное, она прибѣгаетъ къ греко-римской мифологіи, но только какъ

къ модному парикѣ, какъ къ условной риторической фигурѣ. И что же? Бѣдные античные боги, низведенные на степень ширмъ или китайскихъ куколъ, нашли себѣ убѣжище въ сердцѣ поэта. Они устроили въ немъ маленькій Олимпъ, больше похожій, правда, на норку крота, чѣмъ на гору; они растеряли значительную часть своей серьезности, своего престижа—но остались, зато, живыми и полными жизни. Лафонтенъ ихъ любитъ, безпрестанно говоритъ о нихъ, дѣлаетъ ихъ хозяевами своей басни, товарищами звѣрей, которые всегда остались такими же, какими были при Гомерѣ, а слѣдовательно могли сохранить и прежнихъ боговъ. Въ своемъ взглядѣ на животныхъ Лафонтенъ столь же рѣзко расходится съ своими современниками, какъ и въ отношеніи къ божеству. Философія XVII вѣка считала животныхъ машинами, безчувственными и бессмысленными. Малербраншъ, кроткій и нѣжный Малербраншъ, съ спокойной совѣстью билъ свою собаку, потому что былъ увѣренъ, что она не чувствуетъ боли. Это было модное мнѣніе, свойственное не однимъ только метафизикамъ. Любовь къ разсужденію и къ дисциплинѣ породила поклоненіе разсудку, какъ чему-то независимому отъ тѣла и обитающему только въ человѣкѣ. Природа, бездушная и пустая, разсматривалась какъ мануфактура продуктовъ, полезныхъ для человѣка—и развѣ еще какъ поводъ къ хвалебнымъ гимнамъ въ честь ея строителя. Въ одномъ направленіи съ теоріей дѣйствовала привычка. Въ глазахъ людей, живущихъ исключительно салонною жизнью, крыса, кроликъ, хорекъ—существа низменные и грязныя; курица—только резервуаръ яицъ, корова—складъ молока, осель—носитель травъ на рынокъ. Совсѣмъ не то видитъ въ животныхъ Лафонтенъ. Онъ убѣжденъ, вопреки Декарту, что у нихъ есть душа; онъ ихъ любитъ, изучаетъ ихъ чувства, слѣдитъ за ихъ разсужденіями, принимаетъ сердечное участіе въ ихъ судьбѣ. Онъ живетъ вмѣстѣ съ ними въ лѣсахъ, на мху, на полевыхъ тропинкахъ, въ хлѣвахъ и курятникахъ. Столь же сильно въ немъ сознаніе близости къ растеніямъ, ко всей природѣ. Онъ жалѣетъ о деревьяхъ, онъ признаетъ и за ними право на жизнь и способности страданія. Жанъ-Жакъ Руссо приписывается обыкновенно честь „открытія природы“; на самомъ дѣлѣ ее открылъ Лафонтенъ, только безъ протестовъ и декламаций, которыми это открытіе сопровождалось у Руссо.

Итакъ, Лафонтенъ плылъ противъ теченія, не подчинялся вліяніямъ, все и всѣхъ порабовавшимъ вокругъ него. Отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы Тэнъ считалъ его совершенно изъятымъ отъ дѣйствія общаго закона. Онъ видитъ въ великомъ баснописцѣ

воплощеніе самыхъ основныхъ и постоянныхъ свойствъ галльской расы. „Писатель, — читаемъ мы въ заключительной главѣ книги о Лафонтенѣ, — можетъ быть разсматриваемъ какъ представитель того или другого духа, отъ котораго онъ заимствуетъ свое достоинство и свою природу. Если этотъ духъ — не болѣе какъ мода, продолжающаяся нѣсколько лѣтъ, выраженіемъ его служить какой-нибудь Вуатюръ. Если онъ управляетъ цѣлымъ вѣкомъ и образуетъ цѣлую литературную форму, выраженіемъ его является такой писатель, какъ Расинъ. Если, наконецъ, онъ составляетъ самую суть расы, переходящую изъ столѣтія въ столѣтіе, его выразитель достигаетъ высоты Лафонтена“. Почему же, однако, именно Лафонтенъ явился, вопреки вліяніямъ *среды* и *момента*, представителемъ такихъ свойствъ галльской *расы*, которыя были оттѣснены и прикрыты цѣлымъ рядомъ наносныхъ наслоеній? Здѣсь-то и выступаетъ на сцену то угадыванье, то чутье, то проникновеніе въ индивидуальность писателя, въ которомъ несправедливо отказываютъ Тэню. Помимо расы, помимо среды, помимо момента, Тэнъ видитъ въ Лафонтенѣ *поэта*, т.-е. челоуѣка иначе организованнаго, иначе видящаго и чувствующаго, чѣмъ другіе. Сравнивъ описанія животныхъ у Лафонтена и у Бюффона и показавъ, насколько первыя полны *жизни*, недостающей послѣднимъ, Тэнъ продолжаетъ: „Поэту нѣтъ надобности быть ученымъ; ему несвойственно медленное накопленіе положительныхъ знаній; онъ не классификаторъ, не аналитикъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не ораторъ. Ему дано *чувствованіе цѣлаго* (la sensation de l'ensemble). Масса наблюденій накопляется въ немъ помимо его воли и образуетъ *одно* впечатлѣніе, подобно тому, какъ воды со всѣхъ сторонъ стекаются въ бассейнъ, откуда, другими путями, текутъ дальше. Онъ не копируетъ, а переводитъ; онъ не передаетъ видѣнное, а творитъ на основаніи видѣннаго. Ученый или ораторъ старается вызвать въ насъ, путемъ перечисленій и группировокъ, извѣстное окончательное впечатлѣніе; поэтъ сразу его достигаетъ и прямо переходитъ къ дальнѣйшему его развитію. Первые поднимаются на вершину медленно и трудно, не пропуская ни одной ступени; для послѣдняго вершина служитъ только подножкой, ведущей въ другую, высшую область. Они учатся — онъ знаетъ; они доказываютъ — онъ видитъ. Преобразуя дѣйствительность, поэзія служить наиболѣе вѣрнымъ ея выраженіемъ; свободное творчество — самое точное изъ всѣхъ воспроизведеній“... „Поэтъ, — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ той же книги, — идетъ къ цѣли самымъ надежнымъ, самымъ короткимъ путемъ, руководимый тѣмъ безсозна-

тельнымъ, слѣпымъ и божественнымъ инстинктомъ, который называется вкусомъ. Какая-то смутная мудрость заставляетъ его избѣгать безполезнаго и неумѣстнаго, стремиться къ лучшему и прекрасному. Этотъ *несвѣдущій разумъ* (*raison ignorante*) — не что иное, какъ гений“. А вотъ что говоритъ Тэнъ о *словѣ*, какъ орудіи поэзіи: „въ началѣ всѣ слова были полны жизни, какъ молодая поросль полна соку. Только въ концѣ своего роста, послѣ многихъ превращеній, слова становятся неподвижными и сухими, какъ мертвое дерево. Удачный ихъ подборъ возвращаетъ имъ прежнюю жизнь, вызываетъ, черезъ ихъ посредство, совокупность яркихъ образовъ. Если подобныхъ словъ набирается цѣлая вереница, слогъ писателя становится чѣмъ-то въ родѣ факела, освѣщающаго, одну за другою, всѣ части картины“. Именно таково слово у Лафонтена, который и здѣсь идетъ въ разрѣзъ съ своимъ временемъ. Для него нѣтъ словъ грубыхъ или низкихъ, устарѣвшихъ или вышедшихъ изъ употребленія; гдѣ бы ему ни встрѣтилось выразительное, колоритное слово — у забытаго ли автора, въ мѣстномъ ли діалектѣ, въ простонародномъ ли языкѣ — онъ считаетъ его своей законной собственностью и ставитъ его на подходящее мѣсто... Не меньше, чѣмъ значеніе *слова*, понятно для Тэна и значеніе *стиха*. „Написать шесть стиховъ истинно прекрасныхъ — труднѣе, чѣмъ выиграть сраженіе... Стихи потому дѣйствуютъ на насъ такъ сильно, что возвращаютъ душу въ ея первобытное состояніе. Языкъ, въ его дѣтствѣ, не былъ собраніемъ отвлеченныхъ знаковъ; онъ отражалъ въ себѣ крики и жесты, его спутниками были пѣсни и танцы. Мысль, облеченная въ ритмическіе звуки, затрогиваетъ въ насъ давно умолкнувшія струны и овладѣваетъ нами всецѣло; мы не только прислушиваемся къ ней — мы ее переживаемъ и отдаемся ея власти“. Что могло подсказать Тэну подобный взглядъ на „божественныя тайны гармоніи стиха“, на великую силу слова, на поэзію и на поэта? Конечно — не теорія расы, среды и момента, а поэтическое чувство, пониманіе тѣхъ сторонъ творчества, которыя коренятся въ глубинѣ человѣческой души, вѣчныя и независимыя отъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ.

IV.

Когда, шесть лѣтъ тому назадъ, Брандесъ посѣтилъ Петербургъ и прочелъ здѣсь нѣсколько публичныхъ лекцій, въ одной изъ привѣтственныхъ рѣчей, сказанныхъ на устроенномъ въ его честь обѣдѣ, были приведены извѣстные слова Сентъ-Бѣва: „il

existe, en un mot, chez les trois quarts des hommes un poète mort jeune à qui l'homme survit". Въ стихотвореніи Мюссе, вызванномъ этими словами, они перефразированы такъ: „souviens-toi qu'en nous il existe souvent un poète endormi toujours jeune et vivant". Примѣненное тогда къ Брандесу, изреченіе Сентъ-Бѣва и Мюссе вполнѣ примѣнимо къ Тэну, какъ и вообще ко всякому великому критику. Чтобы понимать и цѣнить поэзію, нужно самому хоть немного быть поэтомъ—поэтомъ въ стихахъ или въ прозѣ, въ молодости или въ старости, это все равно, лишь бы только въ душу проникъ хоть одинъ лучъ истиннаго свѣта. Поэтический даръ Тэна выражается, прежде всего, въ его способности мыслить образами. Два первые критика Тита Ливія, Бофоръ и Нибуръ, являются ему въ видѣ „протоколистовъ, скептическихъ и ворчливыхъ, идущихъ по стопамъ триумфатора, контролирующихъ его донесенія, на все требующихъ отъ него доказательствъ, повѣряющихъ число убитыхъ". Литература XVII-го вѣка—это театральные подмостки, на которыхъ Боссюз, Буало, Расинъ, съ цѣлымъ хоромъ другихъ писателей, исполняютъ оффиціальную, величественную пьесу. Зрители (читатели нашего времени), сравнивая себя съ актерами, чувствуютъ себя грубыми, худо воспитанными, стыдятся своего чернаго фрака—наслѣдія тогдашнихъ подъячихъ. И вотъ, съ подмостковъ сходитъ герцогъ и пэръ (Сентъ-Симонъ), ведетъ смущенныхъ зрителей изъ партера за кулисы и показываетъ имъ актеровъ, смывшихъ румяна, снявшихъ парадные костюмы. Какая перемѣна! Безъ париковъ, лентъ и манжетъ, они очень похожи на насъ самихъ... Сентъ-Симона Тэнь сравниваетъ съ люстрой, горящей множествомъ огней—но горящей, много десятилѣтій сряду, при закрытыхъ дверяхъ, въ пустой залѣ; когда, наконецъ, туда вошла публика, свѣтъ люстры все еще былъ ослѣпительнъ... Воображеніе Тэна увлекаетъ его еще дальше и заставляетъ его иногда мѣнять критическій анализъ на что-то въ родѣ драматическаго монолога. Ему нужно объяснить, напримѣръ, путемъ какихъ превращеній сухой и скучный рассказъ, сочиненный испанскимъ моралистомъ XVI-го вѣка, обратился въ прелестную басню Лафонтена: „le paysan du Danube". Онъ представляетъ себѣ Лафонтена, читающаго этотъ рассказъ, прерывающаго его своими замѣчаніями, скучающаго, досаждующаго на педантизмъ автора—и рѣшающаго, наконецъ, что годится только основная тема, а все остальное нужно отбросить или передѣлать. Чтобы показать наглядно слабыя стороны Балзака, Тэнь выводитъ на сцену свѣтскаго человѣка, воспитаннаго на классикахъ, дорожащаго хорошимъ вкусомъ и хорошимъ то-

номъ—и ставить его лицомъ къ лицу съ кипой романовъ Бальзака. Его приводитъ въ ужасъ уже одно количество томовъ: „зачѣмъ новѣйшіе писатели пишутъ такъ много? Вѣдь уже Ла-Брюйеръ замѣтилъ, что не остается сказать ничего новаго?“ Онъ рѣшается открыть на удачу одинъ изъ томсвъ—и сразу встрѣчаетъ фразу, требующую предварительнаго перевода на обыкновенный французскій языкъ. Опытъ повторяется нѣсколько разъ — и все съ такимъ же результатомъ. Онъ проситъ указать ему что-нибудь попроще; ему рекомендуютъ исторію скромнаго провинціального священника („le curé de Tours“). Онъ принимается читать ее и наталкивается на „волосные сосуды“ женскаго судилища, на „могущественныя головы, въ которыхъ женскіе сосцы соединены съ божественною силой“. Въ разсказѣ о продѣлкахъ странствующаго комиссіонера онъ встрѣчается съ „человѣческимъ пирофоромъ“, съ „вѣчнымъ мѣомъ Евы и Змѣя, низведеннымъ на степень ежедневнаго факта“. Онъ беретъ въ руки лучшее, по общему отзыву, произведеніе Бальзака (Eugénie Grandet)—и тотчасъ же его роняетъ, до такой степени напыщены и надуты первыя слова романа. Всѣ эти и еще многія другія злословія приводятъ его къ желчному приговору, характеризующему цѣлую категорію читателей—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлую группу особенностей Бальзака: „авторъ, котораго я читаю — это все равно, что человѣкъ, котораго я принимаю къ себѣ въ домъ. Monsieur де-Бальзакъ говоритъ какъ техническій словарь, какъ нѣмецкій философскій учебникъ, какъ энциклопедія естественныхъ наукъ. Если ему и случается промѣнять на что-нибудь эти жаргоны, то развѣ на языкъ подгулявшаго рабочаго. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ немъ пробуждается артистъ, это — артистъ болѣзненный, черезъ-чуръ полнокровный, съ трудомъ облакающій свои идеи въ вычурную, вымученную, преувеличенную форму. Никто изъ людей, соединяющихся, такимъ образомъ, въ лицѣ Бальзака, не умѣетъ разговаривать — и я никого изъ нихъ не пускаю въ свой салонъ“.

Приведенныхъ нами примѣровъ довольно, чтобы убѣдиться въ наличности воображенія у Тэна; но есть ли у него другія свойства поэта — стремленіе проникнуть въ тайную жизнь природы, возвыситься надъ будничною прозою, создать себѣ другой міръ, болѣе ясный и свѣтлый?.. „Когда слишкомъ долго смотрѣлъ на человѣка, — читаемъ мы въ книгѣ о Лафонтенѣ, — не хочется больше смотрѣть на него. На его лицѣ слишкомъ много морщинъ; онъ слишкомъ много работалъ. Сотни вѣковъ, тысячи переворотовъ, милліоны накопленныхъ размышленій положили свою

печать на его душу. Ему ничего не дано; все имъ приобрѣтено. Каждый его жестъ, каждая черта лица, каждая складка одежды говорятъ о громадной работѣ. Мы подавлены опытомъ, мы тащимъ за собою, какъ цѣпь, результатъ предшествовавшихъ усилій и страданій. Современный человѣкъ похожъ на одну изъ современныхъ столицъ: мостовая прикрываетъ землю, дома заслоняютъ небо, искусственный свѣтъ разгоняетъ ночную тьму, изобрѣтенія загромождаютъ улицы; подземныя трубы, набережныя, дворцы, триумфальныя арки, машины представляютъ собою великолѣпное, но печальное зрѣлище покоренной и изуродованной природы. Намъ утомили эти дорого стояющія чудеса; намъ хочется бѣжать отъ нихъ подальше—къ животнымъ, оставшимся такими, какъ въ первый день, свободнымъ отъ бремени наслѣдственныхъ расчетовъ и усилій... Даже поработанные, они свободны; наше господство надъ ними—все равно что господство грозы или бури. Въ сущности они все благородны. Еслибы у нихъ былъ даръ слова, они говорили бы намъ: *ты*, какъ дѣти. Въ самомъ дѣлѣ, это—дѣти, остановленные въ своемъ ростѣ и сохранившія независимость и красоту дѣтства“. Тоже чувство сближаетъ Тэна съ растеніями, со всею природой. Рядъ тополей, окаймляющихъ поле, кажется ему „братской семьей, вѣчный шопотъ которой твердитъ одно и то же слово. Чѣмъ тревожнѣе наша жизнь, тѣмъ привлекательнѣе для насъ спокойствіе деревьевъ. Мы почти удивлены, видя ихъ утромъ на томъ же мѣстѣ, на какомъ оставили ихъ вечеромъ. Намъ хочется спросить ихъ, что они дѣлали ночью, среди молчанія и тьмы, подъ прозрачнымъ покрываломъ тумана. Намъ кажется, что они должны были обрадоваться, когда заря, своимъ прелестнымъ лучомъ, коснулась ихъ тонкой вершины. Они навѣваютъ на насъ тысячи плѣнительныхъ мечтаній, питаемыхъ уединеніемъ и исчезающихъ при первой встрѣчѣ съ человекомъ“... „Я не знаю ничего болѣе трогательнаго, — говоритъ авторъ нѣсколько дальше, — чѣмъ зрѣлище лѣса, срубленнаго осенью. Павшіе стволы на половину прикрыты травой; сломанныя вѣтви и смятые листья свѣшиваются на землю. Красная влага сочится изъ зіяющихъ ранъ; между кустарниками видѣются пни, изувѣченные топоромъ. Весь лѣсъ становится тогда сумрачнымъ и молчаливымъ; мелкій, холодный дождь падаетъ на отцвѣтающую зелень; завернутыя въ туманный воздухъ, какъ въ саванъ, деревья точно плачутъ надъ своими покойниками“. А вотъ еще страница изъ той же книги, позволяющая заглянуть еще глубже въ душу писателя: „Чувства, все преобразующія и освѣщающія чудеснымъ свѣтомъ—вотъ единственное прекрасное и доброе въ человѣкѣ.

Все равно, что служить ихъ источникомъ: ихъ можетъ внушить великая мысль, великое дѣло, точно такъ же, какъ и порывъ любви; но тотъ не жилъ, кто не зналъ ихъ. Мы ѣдимъ, спимъ, стараемся пріобрѣсти побольше почета и денегъ; мы плоско веселимся, живемъ мелочною или животною жизнью; подходя къ концу и оглядываясь на прожитые дни, много ли мы найдемъ часовъ или хотя бы минутъ, когда бы мы испытали чувство божественнаго (*le sentiment du divin*)? А между тѣмъ только въ этихъ рѣдкихъ часахъ — вся цѣнность нашей жизни. Грубое, вульгарное, однообразное полотно, на которомъ кое-гдѣ нарисованъ, вѣжной рукой, прекрасный цвѣтокъ — вотъ символъ нашего существованія; завидна участь того, кому такихъ цвѣтковъ дано сравнительно больше“.

V.

Таковъ былъ Тэнъ въ молодости, когда писалъ свои первые этюды и книги; остался ли онъ такимъ и въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ? Безусловно-утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя. „Человѣкъ, — читаемъ мы въ одномъ изъ самыхъ позднихъ критическихъ этюдовъ Тэна (о Мериме) — „человѣкъ только тогда можетъ произвести все, на что онъ способенъ, когда, создавъ какую-нибудь форму искусства, какой-нибудь научный методъ, однимъ словомъ — какую-нибудь общую идею, онъ предпочитаетъ ее всему (въ особенности — самому себѣ) и поклоняется ей какъ божеству, служеніе которому — высшее счастье“. Въ этихъ словахъ сказалось, очевидно, убѣжденіе, вынесенное Тэномъ изъ собственнаго опыта. По мѣрѣ того, какъ выяснялся и опредѣлялся его научный методъ, онъ все больше и больше подчинялся его власти. Отсюда нѣкоторая исключительность, односторонность, которую, какъ видно изъ той же статьи о Мериме, сознавалъ самъ Тэнъ ¹⁾, но которую онъ принималъ какъ *неизбѣжный* результатъ увлеченія господствующей идеей. Всего больше эта односторонность замѣтна именно въ самомъ крупномъ и зрѣломъ историко-литературномъ произведеніи Тэна — въ „Исторіи англійской литературы“. Ошибочно было бы думать, однако, что поэтъ въ Тэнѣ умеръ или заснулъ навсегда. Если мы недостаточно чувствуемъ его присутствіе въ главѣ о Шекспирѣ, то онъ

¹⁾ „Всѣ наши научные методы, художественныя формы, общія идеи имѣютъ какую-нибудь слабую сторону; то или другое въ нихъ недостаточно, неточно, условно; чтобы находить ихъ совершенными, нужна вѣра, нужна иллюзія любви“.

пробуждается и встаетъ во весь ростъ въ характеристикѣ Байрона, въ заключительномъ словѣ о Диккенсѣ. „Всѣ романы Диккенса сводятся, въ сущности, къ одной формулѣ: будьте добры, любите; источникъ настоящихъ радостей—только въ сердцѣ; чувствительность — это весь человѣкъ. Нѣжность, слезы, душевныя изліянія—самое лучшее въ мірѣ. Жизнь сама по себѣ — ничто; мало быть ученымъ, могущественнымъ, славнымъ; недостаточно быть полезнымъ. Истинно-человѣческой жизнью жилъ только тотъ, кто плакалъ, вспоминая о полученномъ или оказанномъ благодѣяніи“. Правда, вслѣдъ за этимъ Тэнъ старается связать сердечность Диккенса съ основными свойствамъ англійской націи; но оцѣнка Диккенса измѣняется отъ этого столь же мало, какъ оцѣнка Лафонтена—отъ воплощенія въ немъ основныхъ свойствъ галльской расы. Чувствительность, по словамъ самого Тэна, зарыта въ Англіи подъ воспитаніемъ и учрежденіями. Чтобы добраться до нея сквозь всѣ препятствія, чтобы вызвать ее на свѣтъ, мало быть англичаниномъ, хотя бы самымъ типичнымъ—нужно еще быть поэтомъ... Всего яснѣе, быть можетъ, устойчивость поэтического чувства въ самомъ Тэнѣ выразилась въ послѣднихъ страницахъ „Исторіи англійской литературы“—въ параллели между Теннисономъ и Альфредомъ Мюссе, переходящей, по временамъ, въ параллель между англичанами и французами. Душевное волненіе, меньше всего свойственное разсудочному позитивизму, бьетъ здѣсь черезъ край, возвышается на степень истиннаго лиризма. Противопоставивъ размѣренности, уравновѣшенности англійскаго аристократическаго быта лихорадочную уличную жизнь демократическаго Парижа, Тэнъ продолжаетъ: „именно здѣсь, въ Парижѣ, нужно читать Мюссе. Читать его? Мы всѣ знаемъ его наизусть. Онъ умеръ—а мы все еще точно слышимъ его голосъ. Шутливый разговоръ въ мастерской артиста, красивая дѣвушка въ театральной ложѣ, улица съ почернѣвшей мостовой, блестящей послѣ дождя, свѣжее, смѣющееся утро въ фонтенеблоскомъ лѣсу—все напоминаетъ о немъ, все опять призываетъ его къ жизни. Раздавалось ли когда-нибудь слово болѣе звучное и болѣе правдивое? Онъ никогда не лгалъ; онъ говорилъ только то, что чувствовалъ, и точно такъ же, какъ чувствовалъ. Ему не удивлялись — его любили, видя въ немъ нѣчто болѣе, чѣмъ поэта: человѣка. Онъ обладалъ послѣдними добродѣтелями, которыя въ наше время еще удѣлялись — великодушіемъ и искренностью. У него былъ даръ, самый привлекательный для одряхлѣвшей цивилизаціи — даръ юности. Кто больше, чѣмъ онъ, испыталъ любовь, ревность, жажду наслажденій, всѣ пылкія страсти, поднимающіяся

изъ глубины молодого сердца? Онъ былъ переполненъ, покоренъ ими; онъ бросился въ жизнь, какъ породистая лошадь бросается въ ширь полей, опьяненная ароматами растений и безграничнымъ просторомъ, увлеченная безумнымъ бѣгомъ, ломающая всѣ преграды, пока не упадетъ, сломанная ими. Онъ слишкомъ много требовалъ отъ жизни; онъ хотѣлъ сразу ее исчерпать, онъ срывалъ, мять, топталъ ея плоды—и остался съ загрязненными руками, жаждущимъ какъ прежде. Тогда онъ разразился рыданіями, нашедшими отголосокъ во всѣхъ сердцахъ. Онъ обожаетъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ проклинаетъ. Вѣчная иллюзія борется въ немъ съ непобѣдимымъ опытомъ. Онъ состарѣлся, оставаясь молодымъ; онъ поэтъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ скептикъ. Мирная красота музыки, бессмертная свѣжесть природы, блаженная улыбка любви смѣняются передъ его глазами видѣніями разврата и смерти... И все-таки мы его любимъ; всѣ другіе, рядомъ съ нимъ, кажутся намъ холодными или лживыми. Мы выходимъ въ полночь изъ театра, гдѣ онъ слушалъ Малибранъ, и вступаемъ въ эту мрачную улицу des Moulins, гдѣ спалъ и умеръ, на продажной постели, его Ролла. Фонари бросаютъ трепетный свѣтъ на скользкую мостовую. Безпокойныя тѣни выходятъ изъ-подъ воротъ и волочатъ потертыя шелковыя платья на встрѣчу прохожимъ. Окна заперты; кое-гдѣ полоса свѣта, пробиваясь сквозь плохо-притворенныя ставни, освѣщаетъ, на краю подоконника, увядшую георгину. Какъ! неужели здѣсь, въ этомъ отвратительномъ мѣстѣ, создана самая страстная изъ всѣхъ поэмъ? Неужели здѣсь, среди вульгарно-уродливой обстановки гнуснаго притона, лилось божественное краснорѣчіе?.. Наше сердце наполняется состраданіемъ; мы невольно вспоминаемъ о другомъ поэтѣ (Теннисонѣ), спокойномъ и счастливомъ среди сирени и розъ, среди друзей и книгъ. И все-таки нашъ поэтъ, въ этой грязи и въ этомъ упадкѣ, поднялся выше, чѣмъ тотъ счастливецъ. Съ вершины своего сомнѣнія и своего отчаянія онъ видѣлъ безконечное, какъ видишь море съ вершины утеса, о который разбиваются волны. Торжество и паденіе религій, страданія и будущая судьба человѣчества, все чтó есть великаго въ мірѣ пронеслось передъ его глазами, какъ бы озаренное молніей. Онъ испыталъ, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, ту внутреннюю бурю глубокихъ чувствъ, гигантскихъ мечтаній и интенсивныхъ наслажденій, стремленіемъ къ которой онъ жилъ и отъ недостижимости которой онъ умеръ. Онъ наложилъ свою печать на человѣческую мысль; онъ сказалъ міру, чтó такое человѣкъ, любовь, истина, счастье. Онъ страдалъ, но создавалъ; онъ падалъ, но творилъ. Съ отчаяніемъ

вырвалъ онъ изъ своихъ нѣдръ выношенную имъ идею и показлъ ее всѣмъ, окровавленную, но живую. Это—труднѣе и прекраснѣе, чѣмъ созерцать и ласкать чужія идеи. На свѣтѣ есть только одно дѣло, достойное человѣка — порожденіе истины, въ которую вѣришь и которой отдаешься“. За этимъ порывомъ слѣдуетъ финальная фраза, сравнительно холодная, но чрезвычайно характеристичная для Тэна: „публика, слушающая Теннисона (т.-е. англійская аристократія), лучше нашей аристократіи, составленной изъ буржуа и богемовъ; но я больше люблю Альфреда Мюссе, чѣмъ Теннисона“. *Я больше люблю* одного писателя, чѣмъ другого—развѣ въ этихъ словахъ не звучитъ чисто-субъективная нота? Развѣ они совмѣстимы съ олимпійскимъ спокойствіемъ позитивиста-доктринера, какимъ обыкновенно выставляютъ Тэна?

Нѣтъ, теорія Тэна не исключаетъ ни энтузіазма, ни поэтического чутія, ни проникновенія въ интимную жизнь писателя. Раса, среда и моментъ объясняютъ многое, очень многое, но не все; есть еще, если можно такъ выразиться, нерастворимый остатокъ, изученіе котораго не составляло спеціальной задачи Тэна, но наличность котораго онъ вполне признавалъ и, по временамъ, превосходно иллюстрировалъ. Методъ, изобрѣтенный или, лучше сказать, усовершенствованный Тэномъ, составляетъ большой шагъ впередъ въ области критики; не слѣдуетъ только считать его *единственнымъ*, упраздняющимъ или замѣняющимъ всѣ остальные. Рядомъ съ этимъ методомъ не только могутъ, но и должны существовать другіе, старые и новые, точные и приближительные, индуктивные и интуитивные. Весьма вѣроятно, что научному *знанію* суждено играть въ критикѣ роль еще гораздо болѣшую, чѣмъ отведенная ему Тэномъ; но едва-ли оно когда-нибудь уничтожитъ всецѣло то непосредственное общеніе между критикомъ и поэтомъ, благодаря которому критика сама, по временамъ, становится поэзіей.

К. Арсеньевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПАУЗА.

Морозный, тусклый день рисуется предо мной
Картину зимнюю красы необычайной:
Покрытый инеемъ недвижимъ садъ нѣмой;
Онъ замеръ, весь объять какой-то бѣдой тайной.

Движенъя ищетъ взоръ, переходя вокругъ
Съ предмета на предметъ; но тщетно: садъ не дышитъ;
И, слясь уловить хоть мимолетный звукъ,
Слухъ напрягается, но ничего не слышитъ...

II.

ДЕВЯТАЯ СИМФОНІЯ БЕТХОВЕНА.

Въ ней гений выразилъ мятежность думъ печальныхъ,
Борьбу, мечтательность, святыхъ восторговъ кликъ —
И памятникъ себѣ изъ мыслей музыкальныхъ
Громадой звучною воздвигъ.

III.

СЪ ГОРЪ ПОТОКИ.

Весна, весна по всѣмъ примѣтамъ,
Куда теперь я ни взгляну;
Весна съ улыбкой и привѣтомъ...
Затѣмъ жить стѣдитъ въ мірѣ этомъ,
Чтобъ видѣть русскую весну!

Повсюду жизни даръ небесный
Нисходитъ радостно къ полямъ,—
И въ то же время, повсемѣстно,
Все о страданьяхъ смерти крестной
Великій постъ вѣщаетъ намъ.

То въ мірѣ земной, то въ идеальный
Мечты уносятся мои,
Когда, подъ благовѣстъ печальный,
Въ лучахъ весны первоначальной
Журчатъ веселые ручьи.

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

ПАМЯТИ В. А. АРЦИМОВИЧА.

(2-ое—5-ое марта 1893 г.)

Развертывая утромъ свою газету, житель большого города невольно ищетъ,—съ болѣзненнымъ и, быть можетъ, втайнѣ радостнымъ—за самого себя—любопытствомъ,—черныхъ рамокъ съ объявленіями о кончинѣ, объявленіями, которыя говорятъ скучнымъ и условнымъ языкомъ о только-что оконченномъ страданіи отшедшихъ, объ остромъ горѣ или тихой печали оставшихся. Внѣшнее однообразіе этихъ рамокъ сглаживаетъ глубокое внутреннее разнообразіе отдѣльных случаевъ. Изъ-за него не слышится „надгробное рыданіе“, не видится живой образъ того, кто нашелъ, наконецъ, недостижимый на землѣ, вѣчный покой. Вѣсть о новой смерти является для всѣхъ, не принадлежащихъ къ небольшому кружку близкихъ умершаго, исходящею „изъ равнодушныхъ устъ“ и ей „внимаютъ равнодушно“, спѣша обратиться къ другимъ новостямъ и къ „злобамъ дня“.

По временамъ, однако, въ черныхъ рамкахъ стоитъ имя, громко и горестно звучащее для большого круга людей, близкихъ и далекихъ, знающихъ усопшаго лично или только по наслышкѣ. Тогда не хочется вѣрить глазамъ,—хочется думать, что это *не тотъ*, а кто-нибудь другой,—однофамилецъ, можетъ быть,—и сжатое скорбью, взволнованное сердце, вызывая съ особою яркостью представленіе и воспоминаніе о *живомъ*, лишь усугубляетъ этимъ силу и значеніе сознанія, что онъ мертвъ, что онъ утраченъ навсегда...

Къ такимъ именамъ принадлежитъ имя Виктора Антоновича Арцимовича, скончавшагося 2-го марта настоящаго года. На официальном языкѣ обычныхъ некрологовъ въ его лицѣ опочилъ сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, кавалеръ ордена св. Владимира 1-й степени, заслуженный и опытный по разнообразному прохожденію службы сановникъ. Но для тѣхъ, кто его зналъ,—а знали его многіе,—такой характеристики недостаточно. Она ничего не го-

ворить объ его яркой, самобытной и выдающейся личности. „Человѣкъ онъ былъ!“—и этого „званія“ онъ достоинъ прежде всего и независимо отъ своего служебнаго положенія. Человѣкъ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ слова, человѣкъ въ трудѣ и въ отдыхѣ, въ отзывчивости и терпимости, въ упорствѣ и горячности, въ словѣ и въ дѣлѣ... Онъ зналъ Россію съ разныхъ сторонъ, —знаніемъ живымъ, а не кабинетнымъ. Будучи правовѣдомъ второго выпуска (1841 г.), онъ шелъ по торной дорогѣ службы въ канцеляріяхъ сената лишь малое время, да и то съ промежутками, и скоро сдѣлался энергическимъ участникомъ сенаторскихъ ревизій. Эти ревизіи были своего рода тучами, которыя неслись съ сѣвера въ разные концы Россіи и, повиснувъ надъ той или другой мѣстностью, гремѣли во имя поправа закона, метали служебныя молніи въ „рабовъ лѣнивыхъ и лукавыхъ“ и смывали накопившуюся годами грязь распущенности и произвола... Для молодыхъ людей, сопровождавшихъ ревизующихъ сенаторовъ, это была лучшая практическая школа, которая воспитывала въ нихъ уваженіе къ закону, состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ и сознаніе необходимости и условій осуществленія тѣхъ или другихъ мѣръ для блага народа. Впечатлительная горячность молодости и житейскій опытъ сенатора соединялись въ одномъ общемъ трудѣ, результаты котораго всегда оставляли благодарное воспоминаніе въ населеніи. Съ 1842 по 1845 годъ Арцимовичъ участвовалъ въ сенаторскихъ ревизіяхъ орловской и калужской губерній и таганрогскаго градоначальства, завѣдуя разнообразными отраслями дѣла, а въ 1851 году уѣхалъ, сопровождая генералъ-адъютанта Анненкова въ западную Сибирь для надѣлавшей въ свое время много благотворнаго шума ревизіи управленія нашимъ „золотымъ дномъ“, во тѣмъ и молчаніи котораго ютилось не одно золото... Съ 1854 года онъ дѣлается тобольскимъ губернаторомъ. Служба въ далекомъ краѣ, при безлюдьѣ и громадныхъ пространствахъ, была трудная и—въ виду значенія Тобольска, какъ узла, связывавшаго въ то время въ себѣ всѣ нити и пути ссылки—очень отвѣтственная. Но Арцимовичъ имѣлъ свойство привлекать къ себѣ людей и выбирать себѣ добрыхъ и надежныхъ помощниковъ. Онъ обладалъ не только знаніемъ *модей* вообще, но чтѣ весьма важно для государственнаго человѣка—знаніемъ *личностей* и умѣніемъ призывать ихъ къ совмѣстному труду. Это особенно сильно сказалось черезъ нѣсколько лѣтъ, когда, оставивъ Тобольскъ, сопровождаемый общимъ сочувствіемъ, отголоски котораго радовали его до самой смерти, и поработавъ въ подготовительныхъ по крестьянской реформѣ комиссіяхъ — онъ, въ качествѣ калужскаго губернатора, долженъ былъ вводить освобожденіе крестьянъ. Новое дѣло потребовало самоотверженнаго труда и чистыхъ побужденій.

На зовъ Арцимовича собрался обширный кругъ молодыхъ людей, пошедшихъ въ непремѣнные члены и мировые посредники. Имъ приходилось переживать многое—и отъ „вольнаго и невольнаго“ непониманія окружающею средою новыхъ условій быта, и отъ глухой вражды и явныхъ клеветъ,—но двери, сердце и глубокий умъ губернатора были имъ всегда открыты. Поддерживая ихъ внутренне указаніемъ на величіе дѣла, осуществляемого по великодушной волѣ монарха, онъ внѣшнимъ образомъ служилъ имъ опорой всѣмъ своимъ авторитетомъ и личнымъ починомъ. Онъ самъ любилъ вспоминать это время, когда онъ жилъ всею полнотою своихъ силъ, согрѣвая и оживляя другихъ, какъ лучшее въ своей жизни. Несомнѣнно, что скорбная вѣсть о его кончинѣ, дойдя до живущихъ въ провинціальной глуши или, напротивъ, высоко ушедшихъ по служебной лѣстницѣ калужскихъ соратниковъ его, не одного изъ нихъ заставитъ понурить голову и умилиться при воспоминаніи о годахъ благороднѣйшей работы, когда приходилось дѣлить съ усопшимъ надежды и укоры, радости и недоброжелательное отчужденіе... Короткое сенаторство въ Москвѣ, замѣнившее калужское губернаторство, вскорѣ было прервано призывомъ къ труднѣйшей и сложной задачѣ участія въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ царства польскаго, которыя преобразовывались подъ утихавшій шумъ бурнаго волненія.

Открытіе новыхъ судовъ связано съ новымъ родомъ дѣятельности Арцимовича. Все, что было и есть въ новыхъ судебныхъ порядкахъ живого и жизненнаго, нашло горячій отголосокъ въ душѣ покойнаго. Никогда не любившій канцелярскаго производства и даже относившійся къ нему съ нѣкоторою брезгливостью, новый кассационный сенаторъ привѣтствовалъ *живого человека*, который, въ лицѣ тяжущагося или подсудимаго, поднимался изъ-подъ вороха бумагъ, подъ которыми его погребалъ старый судъ, становясь лицомъ къ лицу предъ судьей, руководящимся не безжизненною формальною схемою для сужденія, а свободнымъ убѣжденіемъ совѣсти. Но новые порядки нуждались въ упроченіи, въ разъясненіи, а новые дѣятели—въ руководительствѣ. Въ этомъ состояла первоначальная и чрезвычайно трудная задача кассационнаго суда. Ее выполнили первые сенаторы и оберъ-прокуроры—и въ исторіи реформъ Александра II-го почтенныя имена Буцковскаго, Ковалевскаго и др. не должны умереть. Не можетъ быть забыто и имя Арцимовича, несшаго на себѣ такъ часто и подолгу трудъ предсѣдателя нашего уголовного кассационнаго суда и оставившаго слѣдъ своихъ широкихъ взглядовъ, справедливости и уваженія къ личности человѣка на массѣ рѣшеній, въ коихъ онъ участвовалъ въ теченіе 16-ти лѣтъ.

Его не удовлетворяла, однако, дѣятельность кассационнаго судьи,

особливо когда работа вошла въ болѣе узкія, обыденныя рамки, когда приходилось уже не строить новое, а разъяснять, насколько въ томъ или другомъ дѣлѣ отступлено лишь отъ установленныхъ уже правилъ. Знаніе внутренняго строя и быта Россіи въ ихъ дѣйствительномъ осуществленіи и окраскѣ, воспоминанія объ осязательной по результатамъ и оставившей добрую память дѣятельности въ Калугѣ, глубокая вдумчивость въ государственные вопросы, любовь обращаться мыслью къ общему и цѣльному, а не къ детальному, мѣстному и условному—влекли его къ другой работѣ. Это былъ человѣкъ, не умѣвшій съ удобствомъ помѣщать свои чувства и мышленіе въ узкія рамки конкретнаго случая. Онъ сейчасъ же восходилъ отъ этого случая къ общимъ началамъ, къ основнымъ условіямъ общежитія, къ вѣчнымъ потребностямъ человѣческаго духа. Складъ его ума и характера требовалъ широкихъ взмаховъ кисти,—возможности, какъ говорятъ французы, „tailler en plein drap“. Мелкая, мозаичная работа, съ забвеніемъ о ея назначеніи, размѣрахъ и значеніи въ общей картинѣ, не находила въ немъ живого сочувствія. Судьба дала ему слишкомъ большія и сильныя крылья,—и клѣтка *конкретнаго случая* давила его и стѣсняла его широкій полетъ въ область общихъ началъ и принципиальныхъ взглядовъ.

Разносторонняя и гораздо болѣе широкая сфера дѣятельности перваго департамента сената, которому, между прочимъ, принадлежить, по выраженію закона, высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія, обнародованіе законовъ, охраненіе правъ различныхъ сословій и попеченіе о средствахъ къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ, гораздо болѣе была по душѣ покойному, и ей отдался онъ съ 1880 г. со свойственною ему энергіею. 12-ть лѣтъ стоялъ онъ во главѣ этого учрежденія, будучи старшимъ сенаторомъ, отдавая такимъ образомъ послѣдніе годы своей трудовой и тревожной жизни упорной работѣ по сложнымъ вопросамъ, касающимся весьма чувствительнымъ образомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашего общественнаго быта и потому всегда носящихъ въ себѣ зерно споровъ и разногласій. Эта борьба мнѣній не академическая, въ которой все сводится къ болѣе или менѣе успѣшной діалектикѣ,—она отражается тотчасъ же, въ своемъ окончательномъ результатѣ, на жизни населенія, производя въ ней подчасъ измѣненія годами сложившихся отношеній и сопровождаясь, въ разныхъ ея областяхъ, многоразличными развѣтвленіями разъ установленнаго взгляда или толкованія. Въ этой борьбѣ трудно участвовать съ олимпійскою безстрастностью. Арцимовичъ и не былъ никогда такимъ олимпійцемъ, а ставъ на сторону того, что казалось ему правымъ или полезнымъ, боролся упорно, настойчиво и неуступчиво, нерѣдко осуществляя старую поговорку: „etiamsi

omnes—его поп!“ Но годы брали свое,—здоровье умаялось, подтачиваемая давнимъ недугомъ силы стараго слуги государства слабѣли —и въ началѣ настоящаго года Арцимовичъ стоялъ на порогѣ къ отдыху въ менѣ трудовой и болѣ спокойной обстановкѣ общаго собранія сената. Но онъ его не переступилъ. Смерть стала на порогѣ и замянула для него временный отдыхъ вѣчнымъ. Можно съ увѣренностью, впрочемъ, сказать, что едва-ли бы онъ и сжился съ такимъ отдыхомъ.

Стоило взглянуть на его фигуру, чтобы убѣдиться, что *такіе* люди не отдыхаютъ. Жизнь сламываетъ ихъ, не давъ имъ умалиться въ проявленіяхъ своей энергіи, внутренней силы и „роптанья вѣчнаго души“.—Большого роста, крѣпко и коренасто сложенный, давно уже, повсюду, гдѣ онъ ни появлялся, Арцимовичъ привлекалъ общее вниманіе своимъ величавымъ видомъ, звучнымъ голосомъ, въ которомъ часто слышалась нота глубокаго чувства—и, въ особенности, своею чудесною головою, обрамленною бѣлоснѣжными сѣдинами.—Эти сѣдые волосы, эти „остатки пѣны, покрывающей море послѣ бури“, придавали покойному особую красоту и какъ-то особенно выдѣляли его изъ толпы, вызывая инстинктивное уваженіе къ этому „Монблану судебного вѣдомства“, какъ его называлъ кто-то... Но не въ нихъ однихъ была его внѣшняя привлекательность. Давно уже кѣмъ-то сказано, что лица людей похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри сыро и холодно. Не холодомъ, однако, вѣяло отъ *этого* лица. Въ добрыхъ, живыхъ, съ глубокимъ, то нѣжнымъ, то пронизательнымъ взглядомъ, глазахъ свѣтилась теплота всепонимающей, терпимой и прощающей души, а въ улыбкѣ крупнаго рта сквозила добродушная иронія или привѣтливость человѣка благовоспитаннаго на старій,—увы! теперь забываемый, ладъ. Онъ бывалъ, говорятъ, тяжелъ и угловатъ въ спорахъ; у нѣкоторыхъ по его адресу проскальзывалъ, быть можетъ, упрекъ въ односторонности, въ тенденціозности. Но это упрекъ вовсе не заслуженный. Односторонность дурна, когда она умышленная,—тенденціозность возмущаетъ, когда она не вытекаетъ изъ убѣжденія. Человѣкъ цѣльный, смѣлый и прямой, Арцимовичъ, увѣровавъ въ справедливость подсказаннаго ему опытомъ и совѣстью взгляда и найдя справедливое, по его искреннему убѣженію, примѣненіе этого взгляда къ данному вопросу, уже не сворачивалъ съ дороги, а шумно, громкимъ словомъ и рѣшительнымъ жестомъ заявлялъ о томъ, что, по его мнѣнію, нужно и неизбѣжно. Тѣ, кто видалъ его часто и близко, въ частномъ быту, знаютъ, что въ его мнѣніяхъ съ оттѣнкомъ шутливаго пессимизма не было мѣста узкимъ партійнымъ, ритуальнымъ, племеннымъ или мѣстнымъ взглядамъ, и что если бы, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь мимолетныхъ причинъ, въ немъ и шевельнулись на мгновеніе *такіе* взгляды—они сейчасъ же потонули бы въ широкоразлитомъ въ его душѣ чувствѣ любви и состраданія

къ людямъ вообще, безъ всякихъ заслонокъ и перегородокъ. Быть можетъ, упрекъ въ угловатости, при той живости, которую онъ вносилъ въ споры, — отчасти и справедливъ. Но эта черта покойнаго только можетъ дорисовывать его образъ, ибо его такимъ, какимъ онъ былъ и живетъ въ памяти его знавшихъ, нельзя представить себѣ вкрадчивымъ и мягкимъ въ защитѣ своихъ убѣжденій. Да и недостатокъ ли такая угловатость? „Крупная скала, смѣло выдвинувшаяся въ море, — говоритъ румынская королева (Карменъ Сильва), — становится всегда съ каждымъ годомъ угловатѣе, — зато булыжникъ все закругляется“.

Въ частной жизни Арцимовичъ отличался чрезвычайною привлекательностью. Его отношенія къ людямъ были отмѣчены всегда утонченною любезностью; когда онъ бывалъ въ духѣ, въ средѣ симпатичныхъ ему людей, онъ вносилъ въ разговоръ особое оживленіе безобидными шутками и простодушнымъ юморомъ. Житейскія испытанія, неизбѣжныя разочарованія и надвинувшаяся старость — онъ умеръ 73-хъ лѣтъ отъ роду — нисколько не отражались на его нравственномъ складѣ. Онъ до конца остался молодъ душою, ясенъ и свѣтелъ умомъ, терпимъ и снисходителенъ къ людямъ. Нужны были особенно рѣзкіе факты душевной неприглядности, непонятные его многоизвѣдавшимъ уму и сердцу, чтобы въ его добрыхъ глазахъ промелькнула тѣнь суровости и съ устъ сорвалось его обычное, въ подобныхъ случаяхъ, презрительное слово: „людишки!“... Интересуясь всѣмъ, на все отзываясь, онъ много читалъ, преимущественно по исторіи и любилъ литературную бесѣду. Почва для этой любви была подготовлена издавна, ибо онъ былъ женатъ на А. М. Жемчужниковой, сестрѣ извѣстнаго поэта, участвовавшего когда-то вмѣстѣ со своими братьями и графомъ Алексѣемъ Толстымъ въ созданіи „Кузмы Пруtkова“. Не играя въ карты, рѣдко бывая въ обществѣ и почти никогда въ театрѣ, Арцимовичъ имѣлъ, однако, мало свободнаго времени. Онъ отдавалъ его заботамъ о близкихъ и о нуждающихся. Послѣднимъ онъ помогалъ, чѣмъ только могъ. Съ особою чуткостью отзывался онъ тѣмъ, кому былъ нуженъ его совѣтъ, участіе, нравственная поддержка. Всѣ трогательныя свойства души его сказывались тогда съ особою силою. „Когда темнѣетъ во дворѣ — усиливаютъ свѣтъ въ домѣ“, — сказалъ кому-то удрученному знаменитый русскій духовный ораторъ. Когда кто-нибудь изъ знавшихъ Арцимовича, тревожимый сгустившеюся вокругъ него житейской тьмою, стучался въ дверь его душевнаго дома — онъ тотчасъ же, радостно и заботливо, усиливалъ внутри его огонь, чтобы отогрѣть, ободрить, направить...

Не хочется вѣрить, что красивая, мощная фигура этого человѣка исчезла изъ нашего небогатаго пѣльными людьми обихода, что она не появится болѣе и въ любимомъ имъ уголкѣ, въ имѣніи близъ

Люцина—Рунторть, гдѣ все насажено и взлелѣно его руками. Безъ него, на этотъ разъ, одѣнется весеннимъ цвѣтомъ описанная Жемчужниковымъ („Цвѣтущая старость“) его старая яблоня:

Полюбоваться старымъ другомъ
Подходить къ ней сѣдой старикъ,
Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ...

Недуги взяли, однако, верхъ и изможденное ими тѣло упокоилось послѣ тяжкихъ страданій, среди цвѣтовъ и волнъ кадильнаго дыма, съ выраженіемъ спокойствія и тайны на исхудаломъ лицѣ. Но „запасъ духовныхъ силъ“ не истощился. Онъ долженъ отразиться во всемъ, къ чему покойный приложилъ свою мысль и свою руку,—на всѣхъ, кого онъ любилъ, кто имѣлъ радость встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути, и кому онъ можетъ послужить примѣромъ стойкаго служенія добру и справедливости. Искреннія слезы были пролиты у его гроба и каждый изъ многочисленныхъ вѣнковъ, которыми густо обросло подножіе этого гроба, говорилъ о томъ, что потеряли въ покойномъ не только его близкіе и друзья, но и цѣлыя служебныя и общественныя группы. „Человѣкомълюбивому стражу закона“—гласила надпись на роскошномъ серебряномъ вѣнкѣ отъ сенаторовъ; „Отцу сиротъ“—говорилось въ надписи на лентахъ вѣнка, положеннаго чьею-то благодарною рукою. Въ этихъ двухъ надписяхъ—весь Арцимовичъ,—весь смыслъ его служебной и частной дѣятельности. Лица всякаго званія—отъ стоящихъ на высшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы до безвѣстныхъ людей, которыхъ соединяло съ памятью умершаго какое-нибудь лишь имъ однимъ извѣстное доброе его дѣло,—сошлись въ переполненной народомъ церкви св. Екатерины, на Невскомъ, подъ торжественные звуки „Dies irae, dies illa“... и проводили затѣмъ останки его на далекое Выборгское кладбище. Тамъ, въ торжественномъ молчаніи, безъ всякихъ лишнихъ рѣчей, съ увлажненными глазами, въ виду осиротѣлой семьи покойнаго, долго стояли подъ свѣжимъ дыханіемъ едва начинающей пробуждаться природы, надъ отверстою могилой, осиротѣлые друзья того, чей прахъ медленно опускался и навсегда исчезъ подъ землей. Послѣдній зимній вѣтеръ шумно колебалъ надъ ними деревья, а первые лучи весенняго солнца въ то же время ярко свѣтили и грѣли... Такъ это бывало и въ жизни покойнаго: онъ также умѣлъ свѣтить окружающимъ его и грѣть ихъ, несмотря на шумъ неизбѣжныхъ житейскихъ невзгодъ...

А. К.

5-го марта 1893 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1893 г.

Проектируемый государственный квартирный налогъ.—Можетъ ли онъ замѣнить собою налогъ подоходный? — Главныя условія взиманія квартирнаго налога. — Квартирныя присутствія. — Продовольственный отчетъ нижегородской губернской земской управы. — Земско-статистическія свѣденія о самарской губерніи.—Новые законы.

Весною прошлаго года, подъ вліяніемъ кризиса, вызваннаго неурожаемъ, въ министерствѣ финансовъ возникла—или, лучше сказать, возродилась—мысль о введеніи подоходнаго налога. Мы говоримъ: *возродилась*, потому что необходимость подоходнаго налога, земствомъ провозглашенная еще въ извѣстныхъ отвѣтахъ 1871 г., была признана въ принципѣ, около половины восьмидесятыхъ годовъ, и въ правительственныхъ сферахъ. „Если министерство финансовъ,—говорилъ Н. Х. Бунге въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ представлена была государственная роспись на 1884 г.,—не рѣшилось сразу проектировать общій подоходный налогъ, то это потому, что та же цѣль, по его мнѣнію, въ нѣкоторой степени могла быть достигнута съ меньшимъ потрясеніемъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній, и притомъ не откладывая преобразованія податей до учрежденія уѣзднаго податнаго управленія, потребность въ которомъ становится со дня на день болѣе настоятельною, но для устройства котораго потребуются значительныя финансовыя средства. Это послѣднее обстоятельство заставило министерство финансовъ нѣсколько замедлить преобразованиемъ, которое, однако, *должно быть осуществлено при первой къ тому возможности*“. Препятствіе, указанное въ этомъ докладѣ, давно устранено; податная инспекція существуетъ уже около восьми лѣтъ и дѣйствуетъ удовлетворительно. *Возможность* осуществленія подоходнаго налога несомнѣнно наступила — и весьма понятно, что объ этомъ вспомнили въ тяжелую минуту. Встрѣтились, однако, новыя затрудненія—и введеніе подоходнаго налога

опять отложено на неопредѣленное время. Выѣсто него проектированъ государственный квартирный налогъ, введеніе котораго предстоить, судя по слухамъ, въ ближайшемъ будущемъ.

Что же могло помѣшать реформѣ, справедливости и цѣлесообразности которой стоитъ въ всякаго спора? Повидимому — недостаточность свѣдѣній о доходахъ, подлежащихъ обложенію. Существуетъ опасеніе, что плательщики будутъ скрывать цифру получаемого ими дохода, а администрація, не имѣя возможности обнаружить истину, будетъ дѣйствовать произвольно, вызывая массу жалобъ и неудовольствій. Что въ настоящую минуту администрація не располагаетъ точными данными о доходахъ, подлежащихъ обложенію — этого мы не отрицаемъ; но единственнымъ путемъ къ полученію такихъ данныхъ кажется намъ именно установленіе подоходнаго налога. Въ самомъ дѣлѣ, пока подоходный налогъ не существуетъ, нѣтъ причины отбирать показанія о цифрѣ получаемого дохода; пока нѣтъ такихъ показаній, не можетъ быть рѣчи и о ихъ повѣркѣ — и разъясненіе вопроса не двигается впередъ, а преграда, въ сущности мнимая, остается неустрашенной. Можно было бы, конечно, опросить, въ видѣ пробы, будущихъ плательщиковъ, но едва-ли получилось бы много серьезныхъ отвѣтовъ, разъ что каждый отвѣчающій видѣлъ бы въ самомъ опросѣ только опытъ, ни къ чему не обязывающій и никакихъ реальныхъ послѣдствій за собою не влекущій. Когда, девять лѣтъ тому назадъ, вводился дополнительный процентный сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, свѣдѣніями о доходахъ, доставляемыхъ этими предпріятіями, финансовая администрація не располагала; къ собранію ихъ приступлено было одновременно съ установленіемъ сбора — и никакихъ особенныхъ неудобствъ отъ этого не произошло. Подготовка, въ такихъ случаяхъ, достигается только практикою; приучить общество и администрацію къ подоходному налогу можетъ только дѣйствительное его взиманіе. Попытки уменьшить платежъ, посредствомъ невѣрныхъ показаній о количествѣ получаемого дохода, будутъ встрѣчаться всегда, какія бы ни были произведены предварительныя работы. Есть цѣлыя категоріи доходовъ измѣнчивыхъ, случайныхъ и трудно уловимыхъ, не поддающихся заранѣе никакому, даже приближительному исчисленію (напр. доходы отъ промышленности и торговли, отъ большинства такъ называемыхъ свободныхъ профессій); опредѣлить ихъ сумму можно только отдѣльно за каждый годъ, что, въ свою очередь, мыслимо только при дѣйствіи подоходнаго налога. Говорятъ, что наши мѣстныя общественныя учрежденія мало сдѣлали до сихъ поръ для выясненія доходности земель и городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Допустимъ, что это такъ (хотя на самомъ дѣлѣ оцѣнка земель во многихъ земскихъ губерніяхъ или уѣздахъ гораздо

ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ губерніяхъ не-земскихъ, да и между городами найдутся такіе, которые не мало потрудились въ этомъ направленіи); отсюда вовсе еще не вытекаетъ необходимость отсрочки подоходнаго налога. Единственное средство опредѣлить достовѣрно доходность съ земли—это кадастръ, производство котораго въ такой обширной странѣ, какъ Россія, займетъ очень много времени и обойдется очень дорого. Ждать его окончанія, какъ условія для введенія подоходнаго налога—значило бы отложить послѣднее *sine die*. Кадастръ чрезвычайно важенъ, притомъ, для опредѣленія поземельнаго налога, соразмѣряемаго съ положеніемъ и качествомъ земли, совершенно независимо отъ того, кто ею владѣетъ; онъ имѣетъ гораздо меньшее значеніе при опредѣленіи подоходнаго налога, въ которомъ главное — общая сумма средствъ плательщика. „Произволъ“ администраціи легко можетъ быть введенъ въ сравнительно тѣсныя границы; для этого нужно только усилить роль общественнаго, выборнаго элемента въ смѣшанныхъ комиссіяхъ или присутствіяхъ, повѣряющихъ показанія плательщика и окончательно устанавливающихъ цифру налога.

Не является ли, однако, государственный квартирный налогъ суррогатомъ подоходнаго налога, могущимъ примирить съ отсутствіемъ послѣдняго? Въ пользу утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ приводится, обыкновенно, то соображеніе, что плата за квартиру служитъ довольно точнымъ показателемъ средствъ даннаго лица. Правда, чѣмъ выше доходъ, тѣмъ меньшую его часть составляетъ, въ большинствѣ случаевъ, квартирная плата; но справедливость будетъ соблюдена, если допустить нѣкоторое прогрессивное возростаніе квартирнаго налога, нѣкоторое уменьшеніе его для лицъ многосемейныхъ и нѣкоторое увеличеніе для одинокихъ. Несоразмѣрность, истекающая изъ неодинаковой, въ различныхъ мѣстностяхъ, цѣнности квартиръ можетъ быть устранена возвышеніемъ, для мѣстностей дешевыхъ, процентнаго отношенія налога къ квартирной платѣ. Невозможность примѣненія квартирнаго налога въ деревняхъ и помѣщичьихъ усадьбахъ, а также въ наименѣе значительныхъ уѣздныхъ городахъ, не представляетъ существенно-важнаго неудобства, какъ потому, что лица, проживающія въ деревняхъ, почти всѣ безъ того уже обложены прямыми налогами (чего никакъ нельзя сказать о городскихъ жителяхъ), такъ и потому, что въ деревнѣ качество и объемъ помѣщенія менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ состоятельности даннаго лица. Вполнѣ убѣдительными всѣ эти доводы назвать, по нашему мнѣнію, нельзя. Соотношеніе между квартирной платой и общей цифрой дохода подвержено массѣ слу-

чайностей, массѣ колебаній. Не нужно быть *многосемейнымъ* ¹⁾, чтобы сравнительно много тратить на квартиру. Супругамъ съ однимъ или двумя дѣтьми квартира, *ceteris paribus*, обходится дороже, чѣмъ супругамъ бездѣтнымъ. Тому, кто вынужденъ, по роду занятій, жить въ одной изъ центральныхъ частей города, квартира стоитъ дороже, чѣмъ тому, кто безъ затрудненія можетъ поселиться на одной изъ окраинъ. Тому, чья больная жена не выдерживаетъ подъема на высокія лѣстницы, квартира стоитъ дороже, чѣмъ тому, кому ничто не мѣшаетъ подниматься, съ своими домохозяевами, хоть въ пятый этажъ. Представимъ себѣ двухъ отцовъ семейства, съ одинаковымъ числомъ дѣтей и одинаковыми средствами. Одному изъ нихъ удалось помѣстить своихъ дѣтей въ закрытое учебное заведеніе, на казенный счетъ, и этимъ путемъ уменьшить расходъ не только на воспитаніе дѣтей, но и на наемъ квартиры; квартирный налогъ, упдающій на его долю, уменьшится, такимъ образомъ, именно тогда, когда увеличилась цифра его чистаго дохода. Другой, менѣе счастливый, будетъ по прежнему много тратить и на дѣтей, и на квартиру—и платить сравнительно крупный квартирный налогъ. При правильно организованномъ подоходномъ налогѣ дѣлается различіе между доходами фундированными (прочными, постоянными) и нефундированными (временными, случайными): первые облагаются въ высшей мѣрѣ, чѣмъ послѣдніе. При квартирномъ налогѣ такого различія установить нельзя; изъ чего бы наниматель ни платилъ за квартиру—изъ дохода ли съ процентныхъ бумагъ, составляющихъ его собственность и переходящихъ по наслѣдству къ его семейству, или изъ дохода отъ профессіи, прекращающагося съ его болѣзнью или смертью—это все равно, налогъ взыскивается въ одинаковомъ количествѣ... Прогрессивность—одно изъ основныхъ условій справедливаго подоходнаго налога. Квартирный налогъ, возвышающійся по мѣрѣ увеличенія квартирной платы, прогрессивенъ только по имени; возвышеніе не имѣетъ здѣсь иного смысла, кромѣ сохраненія *пропорціональности*, т.-е. удержаніе, по возможности, одного и того же процентнаго отношенія между налогомъ и доходомъ. Съ дорогой квартиры сборъ взыскивается въ высшемъ процентѣ только потому, что самая плата, по предположенію, представляетъ собою сравнительно меньшую часть всего дохода, получаемого квартирнанимателемъ. Поясимъ нашу мысль примѣромъ. Положимъ, что квартирная плата въ 600 рублей представляетъ собою, въ среднемъ выводѣ, $\frac{1}{7}$ часть дохода, т.-е. соответствуетъ доходу въ 4.200 рублей, а квартирная плата въ 6.000 руб. представляетъ

¹⁾ Проектъ закона о госуд. квартирн. налогѣ устанавливаетъ льготу для тѣхъ, у кого на иждивеніи болѣе трехъ членовъ семейства.

собою $\frac{1}{21}$ часть дохода, т.-е. соответствуетъ доходу въ 126.000 руб. Положимъ, далѣе, что съ первой квартирный налогъ взимается въ размѣрѣ 3% (18 рублей), со второй—въ размѣрѣ 10% (600 рублей). Что же составлять цифры налога по отношенію къ доходу? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ — нѣсколько менѣе $\frac{1}{2}\%$; налогъ, слѣдовательно, является пропорціональнымъ, а не прогрессивнымъ. Между тѣмъ, при существованіи прогрессивнаго *подходящаго* налога лицо, получающее 4.200 рублей, платило бы не только *пропорціонально*, но и *сравнительно* меньше, чѣмъ лицо, получающее 126 тысячъ рублей (напримѣръ, при 1% съ 4.200 руб. и хотя бы только 5% съ дохода въ 126 тыс., первое лицо платило бы 42 рубля, второе—6.360 рублей). Несоответствующимъ справедливости кажется намъ, наконецъ, и нераспространеніе новаго налога на сельскихъ жителей (конечно, здѣсь идетъ рѣчь не о массѣ крестьянъ, которые не подлежали бы квартирному налогу уже въ силу малоцѣнности занимаемыхъ ими помѣщеній). Изъ прямыхъ государственныхъ налоговъ на землевладѣльцахъ лежитъ, болѣею частью, только налогъ поземельный, гораздо менѣе высокій, чѣмъ налогъ съ городскихъ недвижимостей; а между тѣмъ послѣдній не освобождаетъ городскихъ домовладѣльцевъ отъ привлеченія къ квартирному налогу. Правда, въ усадьбахъ чаще, чѣмъ въ городахъ, можно встрѣтить несоответствіе между объемомъ помѣщенія и средствами лица, его занимающаго: но *возможнымъ* такое несоответствіе является и въ городахъ, въ особенности по отношенію къ домамъ-особнякамъ, не приспособленнымъ для раздѣленія на квартиры. Владѣлецъ такого дома часто остается въ немъ и тогда, когда онъ пересталъ быть ему по карману—остается по той простой причинѣ, что не находитъ для него ни покупателя, ни нанимателя. Представимъ себѣ двухъ землевладѣльцевъ, обладающихъ одинаковыми средствами, но поставленныхъ въ различныя житейскія условія. Одинъ изъ нихъ, не имѣя ни дѣтей школьнаго возраста, ни занятій, требующихъ постоянного присутствія въ городѣ, живетъ круглый годъ въ своей усадьбѣ. Другой по необходимости поселяется въ городѣ, съ которымъ его связываетъ или воспитаніе дѣтей, или дѣло, служащее для него главнымъ источникомъ дохода. Поземельный и другіе налоги, сопряженные съ землевладѣніемъ, оба платятъ на одномъ и томъ же основаніи — но для послѣдняго къ нимъ присоединяется квартирный налогъ, отъ котораго свободенъ первый. Эта явная неравномѣрность — тѣмъ болѣе чувствительная, что жизнь въ городѣ и вообще гораздо дороже, чѣмъ въ деревнѣ — не могла бы существовать при правильно организованномъ *подходящемъ* налогѣ. Прибавимъ къ этому, что въ большинствѣ случаевъ лицо, имѣющее возможность безвыѣздно жить въ деревнѣ, пользуется доходомъ фун-

дированнымъ, а лицо, прикованное къ городу—доходомъ нефундированнымъ. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, при дѣйствіи квартирнаго налога болѣе тяжелое податное бремя ложится на того, кому при дѣйствіи подоходнаго налога было бы дано значительное облегченіе. Существуетъ предположеніе, что городское населеніе вообще зажиточнѣе сельскаго, и что подоходный налогъ *фактически* падалъ бы почти исключительно на городское населеніе. Чтобы убѣдиться въ ошибочности этого предположенія, стоитъ только припомнить, что въ составъ сельскаго населенія, въ обширномъ смыслѣ этого слова—т.-е. въ смыслѣ населенія не-городскаго—входятъ не только землевладѣльцы, ихъ управляющіе, арендаторы, врачи, должностныя лица разныхъ категорій, но и фабриканты, заводчики, купцы, промышленныя и торговыя заведенія которыхъ, лично ими управляемыя, находятся за городской чертой. Государственный квартирный налогъ, пріурочиваемый только къ городамъ, создаетъ для всѣхъ этихъ лицъ ничѣмъ не оправдываемую податную льготу, которая съ полнымъ правомъ можетъ быть названа *privilegium odiosum*.

Квартирный налогъ предполагается не распространять на нанимателей небольшихъ, дешевыхъ квартиръ. Предѣлъ наемной платы, освобождающей отъ налога, устанавливается различный, смотря по городамъ, раздѣляемымъ, въ этомъ отношеніи, на пять категорій. Чѣмъ крупнѣе городъ, тѣмъ выше этотъ предѣлъ, и наоборотъ; въ столицахъ, напримѣръ, онъ опредѣляется въ 240 руб., въ наименѣе значительныхъ городахъ (за исключеніемъ вовсе освобождаемыхъ отъ налога)—въ 48 рублей. Различно, въ различныхъ категоріяхъ городовъ, и процентное отношеніе налога къ наемной платѣ; въ городахъ первой категоріи оно достигаетъ максимума (10%) при наемной платѣ въ 6.000 рублей, въ городахъ послѣдней категоріи—при наемной платѣ въ 1.200 рублей. При дальнѣйшемъ повышеніи наемной платы процентъ налога остается неподвижнымъ. Здѣсь опять обнаруживается существенная разница между налогами подоходнымъ и квартирнымъ. Наемная плата, превышающая 6.000 рублей, составляетъ рѣдкость даже въ столицахъ; но не особенно рѣдки здѣсь дома, за наемъ которыхъ, еслибы они не были заняты самими владѣльцами, пришлось бы заплатить гораздо болѣе 6.000 рублей. Квартирный налогъ за такіе дома будетъ уплачиваться пропорціонально возможной, въ случаѣ отдачи ихъ въ наемъ, наемной платѣ, но безъ прогрессивнаго увеличенія, между тѣмъ какъ отношеніе предполагаемой наемной платы ко всей суммѣ дохода будетъ, по общему правилу, становиться все меньше и меньше. Если 6.000 рублей наемной платы составляютъ, по предположенію, $\frac{1}{21}$ дохода и соотвѣтствуютъ доходу въ 126 тыс. рублей, то 12 тысячъ наемной платы

навѣрное составляютъ не болѣе $\frac{1}{25}$ дохода и соотвѣтствуютъ доходу въ 300 тыс. рублей; между тѣмъ квартирный налогъ будетъ, въ послѣднемъ случаѣ, только вдвое больше, чѣмъ въ первомъ. На высшихъ ступеняхъ дохода, т.-е. именно на тѣхъ, которыя всего удобнѣе могли бы быть привлечены къ усиленному обложенію, утрачивается, такимъ образомъ, не только прогрессивность, но и простая пропорціональность. Съ другой стороны, предѣлъ наемной платы, освобождающей отъ налога, кажется намъ слишкомъ низкимъ. Кто платитъ за квартиру въ Петербургѣ или Москвѣ 240 рублей, тотъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ (въ особенности если онъ обремененъ семействомъ) — человѣкъ рѣшительно бѣдный, для котораго чувствительны будутъ и 5 рублей квартирнаго налога. При невысокой квартирной платѣ она едва-ли составляетъ даже четверть всего дохода; платящій за квартиру 240 рублей сплошь и рядомъ получаетъ 1.000 рублей или еще менѣе—а такія лица, при существованіи подоходнаго налога, были бы, по всей вѣроятности, безусловно освобождены отъ налога.

Слѣдуетъ ли привлекать къ платежу государственнаго квартирнаго налога квартиронанимателей (или домовладѣльцевъ), состоящихъ на гражданской или военной службѣ? Этотъ вопросъ возникаетъ именно потому, что государственный квартирный налогъ проектируется какъ бы взамѣнъ подоходнаго, въ взиманіи котораго съ содержанія должностныхъ лицъ усматривается иногда уменьшеніе содержанія, ничѣмъ не вызываемое и не оправдываемое. Намъ кажется, что аргументы этого рода, несостоятельные даже по отношенію къ подоходному налогу, совершенно непримѣнимы къ налогу квартирному. Введеніе налога на государственныя процентныя бумаги равносильно, *фактически*, пониженію платимаго по нимъ процента — но развѣ налогъ становится, вслѣдствіе этого, неправомѣрнымъ и несправедливымъ? Онъ былъ бы несправедливъ лишь въ такомъ случаѣ, еслибы онъ падалъ *только на государственныя бумаги*; но разъ что онъ распространяется на бумаги частныя и общественныя, то несправедливо было бы, наоборотъ, освобожденіе отъ него государственныхъ бумагъ, владѣльцы которыхъ были бы поставлены, этимъ самымъ, въ положеніе привилегированное сравнительно съ другими. То же самое слѣдуетъ сказать и о подоходномъ налогѣ: разъ что онъ берется съ вознагражденія за трудъ неслужебный, нѣтъ никакой причины освобождать отъ него вознагражденіе за трудъ должностныхъ лицъ. Что касается до квартирнаго налога, то наемная плата, съ которой онъ взимается, составляетъ, по предположенію, извѣстную часть *всего дохода* квартиронанимателя. Если квартиронаниматель—должностное лицо, то его доходъ можетъ сла-

гаться изъ жалованья и изъ другихъ полученій, вовсе не зависящихъ отъ службы. Совершенно освобождать его отъ налога только потому, что въ составъ его дохода входитъ, *между прочимъ*, жалованье за службу, было бы явною несообразностью: уменьшать цифру налога, пропорціонально цифрѣ жалованья, значило бы усложнять взиманіе налога запутанными расчетами и, что еще важнѣе, устанавливать неравенство между категоріями плательщиковъ, поставленными, въ сущности, въ совершенно одинаковыя условія. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ двухъ нанимателей, платящихъ за квартиры одну и ту же сумму и располагающихъ одинаковыми средствами; вся разница между ними та, что одинъ изъ нихъ состоитъ на казенной, другой—на общественной службѣ. Вводится квартирный налогъ—и обременяетъ бюджетъ одного изъ нихъ такимъ платежемъ, отъ котораго остается свободнымъ бюджетъ другого. Не ясно ли, что первый будетъ имѣть полное право считать себя обиженнымъ, и обиженнымъ незаслуженно? Вѣдь если для чиновника или офицера квартирный налогъ былъ бы уменьшеніемъ жалованья, то такое же точно значеніе онъ имѣетъ и для служащаго въ думѣ или въ банкѣ. Отъ того, что теряемая сумма поступаетъ не въ пользу учрежденія, платящаго жалованье, служащему въ частномъ обществѣ не холодно и не тепло: онъ знаетъ и видитъ только, что въ его рукахъ остается меньше свободныхъ средствъ, между тѣмъ какъ болѣе счастливый его сосѣдъ, носящій вице-мундиръ, сохраняетъ сполна весь прежній доходъ. Намъ могутъ возразить, что государственная служба должна же имѣть преимущества передъ общественной; но такихъ преимуществъ и безъ того довольно, увеличивать ихъ число нѣтъ никакой надобности. Изъ того, что чиновникъ имѣетъ право на пенсію, чины и ордена, а офицеръ, сверхъ того, на удешевленный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и удешевленное мѣсто въ театрѣ, еще не слѣдуетъ, чтобы въ ихъ пользу нужно было установить изъятіе изъ квартирнаго налога. Тѣ изъ чиновниковъ и офицеровъ, которые получаютъ скудное содержаніе и не имѣютъ другихъ источниковъ дохода, будутъ освобождены отъ квартирнаго налога на общемъ основаніи, въ виду малоцѣнности занимаемыхъ ими квартиръ. Само собой разумѣется, что должностныя лица, живущія въ казенныхъ квартирахъ—если только стоимость послѣднихъ (выведенная изъ сравненія съ соотвѣтственными частными квартирами или изъ размѣра назначаемыхъ, при недостаткѣ квартиръ въ натурѣ, квартирныхъ денегъ) превышаетъ извѣстную минимальную норму,—также должны быть привлечены къ платежу квартирнаго налога: это вытекаетъ изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ о невозможности устанавливать,

въ занимающемъ насъ вопросѣ, какое-либо различіе между частными и должностными лицами.

Для установленія наемной стоимости помѣщеній и для опредѣленія окладовъ государственнаго квартирнаго налога предполагается учредить городскія или (въ городахъ болѣе обширныхъ) участковыя квартирныя присутствія, подъ предсѣдательствомъ податного инспектора или особаго лица по назначенію управляющаго казенной палатой, изъ шести членовъ, избираемыхъ на одинъ годъ городской думой (или собраніемъ городскихъ уполномоченныхъ), изъ числа мѣстныхъ домовладѣльцевъ и квартиронанимателей. Опредѣленія присутствія постановляются по большинству голосовъ; но если съ большинствомъ несогласенъ предсѣдатель, онъ можетъ перенести дѣло на разрѣшеніе губернскаго по квартирному налогу присутствія. Въ составъ послѣдняго входятъ, подъ предсѣдательствомъ управляющаго казенною палатою, члены общаго ея присутствія, городской голова губернскаго города и три лица по выбору губернскаго земскаго собранія, а при разсмотрѣніи дѣлъ, возникшихъ въ уѣздномъ городѣ—и городской голова этого города. Жалобы на постановленія городского или участковаго присутствія приносятся губернскому присутствію, а жалобы на постановленія губернскаго присутствія — министру финансовъ. Эта организація потребуетъ увеличенія числа податныхъ инспекторовъ, занятія которыхъ, съ открытіемъ квартирныхъ присутствій, должны значительно усложниться. Мы слышали, что предполагается учредить 60 новыхъ должностей податныхъ инспекторовъ, не считая тѣхъ 111, которыя безъ того уже создаются, съ 1-го мая нынѣшняго года, въ земскихъ губерніяхъ. Общее число податныхъ инспекторовъ возрастетъ, такимъ образомъ, съ 457 до 628; въ каждомъ уѣздѣ земскихъ губерній будетъ, по меньшей мѣрѣ, по одному податному инспектору. При такой многочисленности мѣстныхъ агентовъ финансоваго вѣдомства ничто не мѣшаетъ приступить къ введенію подоходнаго налога; препятствіе, передъ которымъ девять лѣтъ тому назадъ останавливался Н. Х. Бунге, теперь, можно сказать, болѣе не существуетъ. Ожидаемая сумма квартирнаго налога не составляетъ даже $5\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Столь незначительной прибавкѣ къ государственному доходу едва ли соответствуетъ столь значительное увеличеніе чиновничьяго персонала; достаточнымъ оправданіемъ для послѣдняго могла бы служить только болѣе радикальная финансовая реформа.

Данныя о квартирахъ, подлежащихъ обложенію, доставляются квартирнымъ присутствіемъ домовладѣльцами; но это не устраняетъ собиранія свѣдѣній самими присутствіями, путемъ осмотра квартиръ, обзорѣнія контрактовъ и квартирныхъ книжекъ, справокъ въ нотарі-

альныхъ конторахъ и т. п. Сомнительной, по меньшей мѣрѣ, представляется намъ цѣлесообразность одного изъ этихъ способовъ — осмотра помѣщеній. Какія бы ни принимались мѣры, чтобы сдѣлать его менѣе неудобнымъ и непріятнымъ для квартирохозяевъ (напр. заблаговременное увѣдомленіе ихъ о времени осмотра, назначеніе для него часа не слишкомъ ранняго и не слишкомъ поздняго, производство его безъ участія полицейскихъ чиновниковъ и т. п.), онъ будетъ возбуждать множество неудовольствій и обратитъ квартирный налогъ въ одинъ изъ наиболѣе антипатичныхъ населенію. Между тѣмъ надобности въ осмотрѣ нѣтъ, въ сущности, никакой. На цѣнность квартиры вліяютъ — кромѣ ея размѣровъ, которые могутъ быть опредѣлены и снаружи — преимущественно мѣстность, гдѣ находится домъ, характеръ живущаго въ немъ населенія, степень его чистоты и опрятности, этажъ, въ которомъ расположена квартира, входъ съ улицы или со двора, наличность или отсутствіе водопроводовъ и тому подобныхъ приспособленій. Все это можетъ быть приведено въ ясность безъ осмотра самой квартиры. Внутренней ея отдѣлкой наемная плата обуславливается въ гораздо меньшей степени. Не всегда, притомъ, легко опредѣлить, что именно въ этой отдѣлкѣ принадлежит домохозяину, что — квартиронанимателю. Оклейка обоями, на примѣръ, иногда производится на счетъ домохозяина, иногда — на счетъ квартиронанимателя, и въ послѣднемъ случаѣ нисколько не отражается на наемной цѣнности квартиры. Намъ кажется, поэтому, что осмотръ помѣщенія не слѣдовало бы включать въ число средствъ повѣрки показаній, данныхъ домохозяиномъ, тѣмъ болѣе, что за *умышленную* ихъ невѣрность онъ будетъ подлежать денежной отвѣтственности. Замѣтимъ, мимоходомъ, что опредѣленіе этой отвѣтственности слѣдовало бы предоставить не губернскому квартирному присутствію, а суду. Въ административномъ порядкѣ штрафы могутъ быть налагаемы только тогда, когда для этого достаточно *факта*, надлежащимъ образомъ удостовѣреннаго. Другое дѣло, когда нужно опредѣлить *намыреніе, умыселъ*: здѣсь уместно только судебное производство.

Одну хорошую сторону государственный квартирный налогъ имѣетъ несомнѣнно: онъ составляетъ новый шагъ впередъ на пути къ той цѣли, которая была намѣчена Н. Х. Бунге и затѣмъ совершенно упущена изъ виду — къ перенесенію части податного бремени на болѣе достаточные классы населенія. Къ сожалѣнію, этотъ шагъ еще менѣе рѣшителенъ, чѣмъ прежніе. Пять съ половиною милліоновъ потонуть почти незамѣтно въ милліардномъ бюджетѣ и не облегчатъ бремени, лежащаго на массѣ. Остается только надѣяться, что государственный квартирный налогъ послужитъ переходною ступенью къ прогрессивному подоходному налогу.

Количество матеріаловъ, на основаніи которыхъ можно будетъ, со временемъ, написать исторію послѣднихъ неурожайныхъ годовъ, постоянно растетъ. Весьма видное мѣсто между ними занимаетъ отчетъ нижегородской губернской земской управы по продовольственной операціи 1891—92 г. Интересны здѣсь, между прочимъ, свѣденія о томъ, какъ измѣнялся постепенно взглядъ центральной администраціи на размѣры бѣдствія, а слѣдовательно и на размѣры помощи населенію. Лѣтомъ 1891 г. нижегородское губ. земское собраніе, въ экстренной сессіи, опредѣлило количество хлѣба, необходимаго для обѣщанія озимыхъ полей и для продовольствія населенія, въ 8.229 тыс. пудовъ, на приобрѣтеніе которыхъ требовалось, по тогдашнимъ цѣнамъ, столько же рублей. Центральная администрація, рассмотрѣвъ ходатайство земства, ассигновала, въ іюль мѣсяцъ, только два милліона рублей, при чемъ земству было объявлено, что *увеличеніе ссуды, за истощеніемъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала, не представляется возможнымъ, и земство должно обойтись двумя милліонами, ему выданными*. Вскорѣ, однако, это рѣшеніе поколебалось. Уже въ сентябрѣ, послѣ повторенія ходатайства со стороны второго экстреннаго собранія, земство получило еще 500, въ октябрѣ—также 500 тысячъ рублей. Болѣе точныя и подробныя свѣденія о положеніи населенія, собранныя губернскою управою къ половинѣ октября, повлекли за собою новыя ассигновки, всего на сумму 2½ милліоновъ рублей. Послѣ декабрьскаго очереднаго собранія, опредѣлившаго *всю* цифру ссуды на обѣщаніе и продовольствіе въ 7.344 тысячи рублей, было назначено и выдано земству еще 1.100 тыс. рублей. Общая сумма выдачъ достигла, такимъ образомъ, 6.600 тыс. руб., только на 744 тысячи уступая той, о которой ходатайствовало, въ послѣднемъ счетѣ, земское собраніе. Гораздо болѣе значительной оказывается разница между цифрою *пудовъ*, первоначально вычисленною земствомъ (8.229 тыс.), и цифрою пудовъ, дѣйствительно заготовленныхъ (5.490 тыс.), хотя въ первую цифру не вошелъ сѣменной *яровой* хлѣбъ. Отсюда не слѣдуетъ еще, однако, чтобы первый земскій расчетъ былъ черезъ-чуръ преувеличенъ. Онъ намѣчалъ, приблизительно, то количество хлѣба, которое понадобилось бы для поддержанія *благосостоянія* населенія; хлѣбомъ, дѣйствительно заготовленнымъ, поддержана была только его *жизнь*. Въ пониженіи ссуды громадную роль сыиграли и низкая максимальная норма (30 фун. въ мѣсяцъ), опредѣленная на каждого ѣдока, и уменьшеніе числа ѣдоковъ, исключеніемъ изъ нихъ всѣхъ лицъ рабочаго возраста, и „экономическая политика“, крайними выразителями которой явились пресловутые лукояновскіе „дѣятели“... Какъ бы то ни было, общая сумма ссуды оказывается гораздо болѣе близкой къ

первоначальнымъ земскимъ предположеніямъ, чѣмъ къ той цифрѣ, на которой, въ началѣ осени 1891 г., считала возможнымъ остановиться центральная администрація. Еслибы ассигновки съ самаго начала больше соответствовали размѣрамъ нужды, на ту же сумму можно было бы купить гораздо больше хлѣба. Раннія покупки (въ августѣ) производились по 1 руб. 17 коп. за пудъ, между тѣмъ какъ позже, въ самый разгаръ операціи, цѣны поднялись до 1 руб. 40 коп. и выше.

До конца декабря мѣсяца покупки производились губернской управой преимущественно на дальнихъ рынкахъ, потому что хлѣбъ стоилъ здѣсь значительно дешевле (съ доставкой—около 1 руб. 26 коп. за пудъ ржи и около 1 руб. 29 коп. за пудъ пшеницы, между тѣмъ какъ на мѣстѣ первый обходился около 1 руб. 38 к., второй—около 1 р. 44 к.). Къ покупкамъ на мѣстныхъ рынкахъ управа обратилась только въ январѣ, вслѣдствіе настояній губернатора и увеличивающейся затруднительности подвоза хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ; но покупки на дальнихъ рынкахъ все-таки не прекращались, пока, наконецъ, весною не подешевѣлъ хлѣбъ на мѣстѣ. Въ общемъ, такимъ образомъ, покупки управы постоянно производились тамъ, гдѣ это было выгодноѣ. Много способствовало успѣху покупокъ то обстоятельство, что управа заручилась безвозмезднымъ содѣйствіемъ такихъ лицъ и учреждений, какъ предсѣдатель бессарабской губернской земской управы И. В. Кристи, президентъ полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества Д. К. Квитка, лохвицкое общество сельскихъ хозяевъ. Другія покупки производились агентами управы; обращенія къ торговымъ фирмамъ она избѣгала, и послѣдствія воплію оправдали избранную ею систему. Довольно много шуму надѣлали, въ свое время, извѣстія о негодности нѣсколькихъ партій хлѣба, купленныхъ управой; но теперь, когда подведены всѣ счеты, можно сказать утвердительно, что неудачныхъ покупокъ было очень мало. Сумма всѣхъ расходовъ, вызванныхъ очисткою сорного и браковкою негоднаго хлѣба, опредѣлилась въ 11.308 руб., что составляетъ съ небольшимъ $\frac{1}{2}$ коп. на каждый пудъ доставленнаго съ дальнихъ рынковъ хлѣба. Еще меньше убытокъ, понесенный (въ видѣ недовѣса и т. п.) при перевозкѣ хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ. Вся сумма потерь на дальнихъ покупкахъ не превышаетъ 1 коп. на пудъ, между тѣмъ какъ сбереженіе въ цѣнѣ, ими обусловленное, составляетъ, какъ мы уже видѣли, отъ 12 до 15 коп. на пудъ. Нижегородское земство съ честью вышло изъ громадной и трудной операціи, неожиданно выпавшей на его долю.

Земская статистика продолжаетъ работать надъ изслѣдованіемъ разстройства, произведеннаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ неурожаемъ 1891 г. Чрезвычайно характеристичны, съ этой точки зрѣнія,

свѣденія, собранныя статистическимъ отдѣленіемъ самарской губернской земской управы. „Большая часть населенія,—читаемъ мы въ „Сельско-хозяйственномъ обзорѣ самарской губерніи за 1892 г.“ (выпускъ первый), въ дѣлѣ продовольствія своего скота была предоставлена самой себѣ, что и привело къ крайне печальнымъ результатамъ. Продовольственная ссуда, рассчитанная въ болѣе достаточномъ размѣрѣ, могла бы, по увѣренію всѣхъ хозяевъ, сильно воспрепятствовать сбыту скота и кормовъ... Съ наступленіемъ осени (1891 г.) лошади повсюду продавались на шкурѣ татарамъ: сосуны—по 25-30 коп., стриганы—по 70-80 коп. Средняя цѣна коровы въ осенней продажѣ была 6—8 руб.“. Какъ велико количество скота, проданнаго по столь ничтожнымъ цѣнамъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, заимствованнымъ изъ донесеній земскихъ начальниковъ: изъ 1.025 тыс. штукъ рогатаго скота, числившихся въ самарской губерніи до начала голодовки, къ 15-му января 1892 г. убыло 388 тысячъ, т.-е. почти 38%. Въ двухъ уѣздахъ, николаевскомъ и самарскомъ, эта убыль доходила до 45%! Между тѣмъ она продолжалась, конечно, и послѣ 15-го января, а въ иныхъ мѣстностяхъ продолжается, можетъ быть, и въ настоящее время. Урожай травъ въ сѣверныхъ уѣздахъ самарской губерніи былъ въ 1892 г. не выше средняго, часто спускаясь до плохого и очень плохого. Далеко не хорошо уродился тамъ и хлѣбъ. Сѣверъ самарскаго уѣзда, наприкладъ,—это сплошной, за немногими исключеніями, районъ недорода; въ пятнадцати волостяхъ урожай былъ самъ 1—2; въ болѣе части уѣзда опять нѣтъ средствъ ни на обмѣненіе, ни на продовольствіе. Въ ставропольскомъ уѣздѣ нуждающихся насчитывается до 50 тысячъ. Одинъ только новоузенскій уѣздъ не заявилъ ходатайства о помощи; нужда остальныхъ уѣздовъ, по расчету уѣздныхъ земствъ, принятому губерн. земскимъ собраніемъ, выражается въ цифрѣ 1.834 тыс. пуд. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ссуда на продовольствіе и обмѣненіе разрѣшена самарской губерніи только въ размѣрѣ 1.300 тыс. пудъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошломъ году (30 ф. въ мѣсяцъ на ѣдока нерабочаго возраста), но лишь по 1-е мая. При распредѣленіи ссуды министерство предписываетъ дѣйствовать съ величайшею осторожностью и стараться, по возможности, сокращать издержки, въ виду большихъ расходовъ 1891 г. Значительному уменьшенію ссуды на продовольствіе и обмѣненіе подверглись и въ другихъ губерніяхъ: вмѣсто 39 милл. пуд., о которыхъ ходатайствовали земскія собранія, ассигновано всего около 25 милліоновъ (около 17 милл. на продовольствіе и около 8 милл. на обмѣненіе). Самая крупная цифра ссуды приходится на долю воронежской губерніи (болѣе 6 милл. пуд.); затѣмъ идетъ губернія

тульская (около $3\frac{3}{4}$ милл.), херсонская (около $2\frac{1}{2}$ милл.), орловская (менѣе $2\frac{1}{2}$ милл.), самарская и саратовская (каждая по 1.300 тыс. пуд.), пять уѣздовъ курской ($1\frac{1}{2}$ милл.) и вятская губернія (1.100 тыс.). Изъ этихъ губерній не пострадала въ прошломъ году только одна херсонская; всѣ остальные переживаютъ неурожай вторичный, т.-е. находятся въ условіяхъ особенно тяжелыхъ. Сокращеніе ссудъ, въ связи съ оскудѣніемъ частной и общественной благотворительности, неминуемо должно здѣсь повлечь за собою дальнѣйшій упадокъ крестьянскаго хозяйства.

Самарское губернское земство рѣшилось, какъ извѣстно, воспользоваться неурожаемъ 1891 г., чтобы понудить населеніе къ введенію общественныхъ запасекъ. Опытъ этотъ не выполнѣлся, но мысль, его вызвавшая, все еще не оставлена. Въ совѣщаніи земскихъ начальниковъ самарскаго уѣзда, происходившемъ 18-го октября прошлаго года, „выяснилось, что продовольственные запасы всѣ истощены и населеніе, по всей вѣроятности, будетъ принуждено согласиться на введеніе у себя общественныхъ запасекъ“ („Сельско-хозяйственный обзоръ самарской губерніи“, выпускъ второй). Между тѣмъ многія сельскія общества продолжаютъ относиться къ общественной запашкѣ съ недовѣріемъ и даже *страхомъ* (усматривая въ ней, по всей вѣроятности, нѣчто напоминающее о барщинѣ); въ ставропольскомъ уѣздѣ ее ввела только $\frac{1}{4}$ сельскихъ обществъ, въ уѣздахъ самарскомъ, бугурусланскомъ и бугульминскомъ—приблизительно половина. Особенно туго она прививается въ обществахъ малоземельныхъ. Въ корреспонденціяхъ статистическаго бюро встрѣчается не мало указаній на плохую, небрежную обработку земли подъ общественную запашку, почему и урожай на ней сплошь и рядомъ былъ неудовлетворительный. Значительнымъ количество хлѣба, собраннаго съ общественныхъ запасекъ, можетъ быть названо только въ одномъ новоузенскомъ уѣздѣ; въ уѣздахъ ставропольскомъ и бугульминскомъ оно совершенно ничтожно. Одна половина сбора идетъ на покрытіе продовольственнаго долга, другая раздѣляется на двѣ неровныя части: три четверти ея (т.-е. три восьмыхъ всего сбора) идутъ на вознагражденіе зрителей надъ запашками и на посѣвъ слѣдующаго года, одна четверть остается въ запасѣ. Зрителя, по словамъ обзора, *выбираются*, но кѣмъ—самими ли крестьянами или ихъ начальствомъ,—этого изъ обзора не видно. Какъ бы то ни было, самое появленіе подобныхъ должностныхъ лицъ свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣло поставлено неправильно. Ненормально и то, что земля подъ общественную запашку обрабатывается иногда (въ 20 случаяхъ изъ 88) *наемнымъ трудомъ*. *Поддержаніе* принудительныхъ общественныхъ запасекъ встрѣтитъ, по всей вѣроятности, еще болѣе препят-

ствій, чѣмъ ихъ *введеніе*. Усердіе, теперь вызывающее ихъ къ жизни, скоро охладѣетъ; предоставленныя, болѣе или менѣе, самимъ себѣ, онѣ удѣляютъ только тамъ, гдѣ имъ сочувствуетъ населеніе.

Въ послѣднее время обнародовано нѣсколько новыхъ законовъ, измѣняющихъ къ лучшему ту или другую сторону нашей общественной жизни. Существенно важное значеніе имѣетъ, на примѣръ, законъ 14-го декабря 1892 г., присоединяющій ссылку на житіе въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, къ числу причинъ развода. До сихъ поръ преступленіе одного изъ супруговъ давало другому право просить о разводѣ только тогда, когда оно влекло за собою „уголовное“ наказаніе (ссылку въ каторжныя работы или на поселеніе), сопряженное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Между тѣмъ высшее изъ такъ называемыхъ „исправительныхъ“ наказаній, соединенныхъ не съ потерей всѣхъ правъ состоянія, а только съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ —ссылка на житіе въ Сибирь,—назначается, между прочимъ, за такія преступленія, которыя составляютъ болѣе чѣмъ достаточное основаніе къ расторженію супружескаго союза. Сюда относятся, прежде всего, многія преступленія противъ собственности—кража, мошенничество, присвоеніе, растрата, подлогъ, даже сравнительно легкія формы грабежа. Можно ли вообразить себѣ болѣшую несправедливость, чѣмъ *принужденіе* женщины, ни въ чемъ неповинной, оставаться женою осужденнаго грабителя, мошенника или вора? Если она его все-таки любитъ, ничто не мѣшаетъ ей слѣдовать за нимъ на мѣсто ссылки; но если въ ней угасло всякое къ нему чувство, то болѣе чѣмъ жестоко оставлять за нею презираемое ею имя и запрещать ей вступленіе въ новый бракъ. Къ числу преступленій, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, принадлежитъ, далѣе, жестокое обращеніе мужа съ женою (за исключеніемъ случаевъ наиболѣе важныхъ, подвергающихъ виновнаго лишенію всѣхъ правъ состоянія); между тѣмъ и оно не признавалось до сихъ поръ законнымъ поводомъ къ разводу. Статья 998-ая уложенія о наказаніяхъ грозитъ отцу, изблеченному въ сводничествѣ дѣтей своихъ, ссылкой на житіе въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ; и это преступленіе, слѣдовательно, не освобождало жену отъ брачныхъ узъ съ извергомъ, способнымъ торговать честью своихъ дѣтей! Правда, нашъ законъ допускалъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, *разлученіе* супруговъ, т.-е. не обязывалъ невиннаго супруга слѣдовать за осужден-

нымъ въ ссылку ¹⁾; но бракъ оставался въ полной силѣ, и въ случаѣ помилованія осужденнаго или возвращенія его въ прежнее мѣсто жительства за нимъ сохранялось право требовать возобновленія совмѣстной супружеской жизни. Коммиссія, составляющая проектъ новаго уголовного уложенія, давно уже убѣдилась въ ненормальности такого порядка. Сначала она предполагала допускать расторженіе брака только въ случаѣ присужденія къ каторгѣ, поселенію или продолжительному заточенію; но въ виду многочисленныхъ возраженій, вызванныхъ этимъ предположеніемъ ²⁾, въ окончательной редакціи общей части проекта поводомъ къ расторженію брака признано и заключеніе въ *исправительномъ домѣ*, въ тѣхъ случаяхъ, которые будутъ указаны въ особенной части (т.-е., очевидно, при осужденіи за преступленія, позорящія виновнаго или вообще несовмѣстныя съ дальнѣйшимъ, безъ согласія невинной стороны, продолженіемъ супружескаго союза). Утвержденія и изданія новаго уголовного уложенія можно, однако, ожидать еще не скоро — и вотъ почему мы привѣтствуемъ законъ 14-го декабря, какъ первый шагъ къ достиженію желанной цѣли. Супругу лица, присужденнаго къ ссылкѣ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, предоставляется просить о расторженіи брака, по истеченіи двухъ лѣтъ со дня вступленія приговора въ законную силу. Для насъ не сомнѣнно, почему понадобилось установленіе столь продолжительнаго срока. Если лишеніе одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія даетъ другому супругу возможность *тотчасъ же* просить о расторженіи брака, то мы не видимъ причины, по которой нельзя было бы предоставить такую же возможность супругу лица, лишеннаго всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Два года оставаться связаннымъ, хотя бы только по имени, съ человѣкомъ, совершившимъ позорное преступленіе — это такая пытка, которой не заслуживаетъ невинный супругъ. Еще бѣльшимъ недостаткомъ закона слѣдуетъ признать примѣненіе его только къ ссылкѣ на житіе въ Сибирь. Отъ нея ничѣмъ существенно не отличается ссылка на житіе въ другія отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, также влекущая за собою лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, также назначаемая за кражу, мошенничество, присвоеніе, растрату, подлогъ, нанесеніе менѣ тяжкихъ ранъ и увѣчий (при признаніи за подсудимымъ права на снисхожденіе или при наличности обстоятельствъ, особо уменьшающихъ его вину). Въ настоящее время этотъ видъ ссылки служить основаніемъ къ разлученію супруговъ; гораздо правильнѣе

¹⁾ См. статью о разлученіи супруговъ въ № 3 „В. Европы“ за 1884 г.

²⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 12 „В. Е.“ за 1882 г. и № 8 за 1885 г.

было бы считать его основаніемъ къ разводу. Скажемъ болѣе: поводомъ къ расторженію брака слѣдовало бы признать и присужденіе къ тюрьмѣ, если оно сопряжено съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Это наказаніе налагается, по нашимъ законамъ, именно за опозоривающія преступленія—кражу, мошенничество, присвоеніе, растрату,—при малоцѣнности похищеннаго, присвоеннаго или растраченнаго. Послѣдовательно ли признавать право на разводъ за женою вора, укравшаго 301 рубль, и не признавать его за женою вора, укравшаго 299 рублей?.. Право просить о расторженіи брака предоставляется закономъ 14-го декабря не только невинному супругу, но и виновному, если невинный не послѣдовалъ за нимъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, на мѣсто ссылки. Это постановленіе вполне цѣлесообразно и гуманно: оно даетъ осужденному возможность вступить въ новый бракъ на мѣстѣ ссылки—и вмѣстѣ съ тѣмъ развязываетъ руки невинному супругу, не желавшему, по тѣмъ или другимъ причинамъ, взять на себя инициативу расторженія брака.

Несмотря на множество законовъ, изданныхъ, въ послѣднее время, съ цѣлью устройства поземельныхъ отношеній, не предусмотрѣнныхъ Положеніями 19-го февраля, у насъ все еще остаются цѣлыя категоріи лицъ, поземельныя права которыхъ требуютъ законодательной регламентаціи. Двухъ категорій этого рода касаются законы 21-го декабря 1892 и 19-го января 1893 г. Первый изъ нихъ находится въ непосредственной связи съ злоупотребленіями, совершавшимися, лѣтъ 15 тому назадъ, въ уфимской губерніи. Множество башкирскихъ земель перешло, въ то время, во владѣніе частныхъ лицъ, по актамъ, которые были въ послѣдствіи уничтожены сенатомъ. Между тѣмъ на этихъ земляхъ поселились крестьяне, положеніе которыхъ, послѣ возвращенія земель въ собственность башкиръ, оказалось крайне неопредѣленнымъ. Въ пользу этихъ-то поселенцевъ и предпринято теперь принудительное отчужденіе занятыхъ ими земель, при чемъ башкиры получаютъ отъ казны, въ видѣ вознагражденія, суммы, не доплаченныя поселенцами прежнимъ вотчинникамъ, а поселенцы возвращаютъ эти суммы казнѣ, примѣнительно къ положенію о выкупѣ. Къ выкупной операціи приближается и законъ 19-го января, на основаніи котораго православные арендаторы владѣльческихъ земель въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ, водворившіеся здѣсь до 19-го февраля 1861 г., получаютъ право выкупить, при содѣйствіи казны, занимаемые ими участки, если заявить о томъ въ теченіе трехъ лѣтъ со дня обнародованія закона. Землевладѣлецъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ, однако, обмѣнить этотъ участокъ на другой, соотвѣтственнаго достоинства. По свѣденіямъ „Новостей“, такихъ арендаторовъ числится всего

2.207 семействъ, владѣющихъ 18.189 десятинами. Несравненно важнѣе, чѣмъ эти два частные закона, Высочайшій указъ, данный сенату 18-го февраля 1893 г. и знаменующій собою приступъ къ регулированію крестьянскаго владѣнія въ остзейскихъ губерніяхъ. Вотъ полный текстъ указа: „признавъ своевременнымъ приступить къ окончательному разрѣшенію вопроса о земляхъ, отдѣленныхъ отъ повинностной земли въ лифляндской губерніи и отъ крестьянской арендной земли на островѣ Эзелѣ и въ эстляндской губерніи, подъ соотвѣтствующими названіями квоты и шестой доли, повелѣваемъ: 1) министру внутреннихъ дѣлъ, по надлежащемъ выясненіи вопроса, войти, въ установленномъ порядкѣ, съ представленіемъ объ обращеніи сихъ земель къ законному ихъ назначенію, и 2) временно, впредь до разрѣшенія его представленія, пріостановить: а) производство по дѣламъ о неправильныхъ присоединеніяхъ, въ качествѣ квоты и $\frac{1}{6}$ доли, участковъ повинностной и крестьянской арендной земли къ мызнымъ угодьямъ, и б) продажу участковъ изъ состава означенныхъ земель, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда покупателями ихъ явятся лица мѣстнаго крестьянскаго сословія, не состоящія ни собственниками, ни арендаторами крестьянскихъ участковъ, а продаваемые участки, по размѣрамъ своимъ, не превышаютъ установленнаго мѣстными положеніями наименьшаго размѣра крестьянскихъ арендныхъ участковъ“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1898.

Особенности французской администраціи и бюрократіи.—Старыя традиціи на новой почвѣ.—Послѣдній панамскій процессъ.—Флокé и его судьба.—Клемансо и Фрейсинэ.—Политическіе нравы и пріемы оппортунистовъ.—Темные факты въ панамскомъ дѣлѣ.—Смерть Жюля Ферри.—Болгарскія дѣла и правительственное сообщеніе.

Разсказываютъ, что послѣ революціи 1848 года во Франціи одинъ изъ членовъ временнаго правительства, вступивъ въ отправленіе обязанностей министра, былъ пораженъ количествомъ бумагъ, представленныхъ ему къ подписи: начальники отдѣленій стали почтительно обращаться къ нему по поводу накопившихся дѣлъ, какъ будто никакой перемѣны не произошло, кромѣ лишь назначенія новаго министра на мѣсто стараго. Внутренній механизмъ управленія почти не затрогивался политическими переворотами; французское чиновничество сохраняло старые свои обычаи и порядки, министерскія канцеляріи дѣйствовали по прежнему, даже полиціи не измѣняла своихъ пріемовъ при республикѣ. Французская администрація остается теперь такою же, какъ при монархіи и имперіи; она не подверглась никакимъ преобразованіямъ, проникнута тѣмъ же духомъ рутины, тою же склонностью къ узкому формализму, тою же тяжеловѣсностью и медленностью дѣйствій, тѣми же традиціонными понятіями о государствѣ и обществѣ, какъ и при прежнихъ правительствахъ. Форма мѣняется, но сущность остается. И удивительнѣе всего, что радикальные политическіе дѣятели, получая доступъ къ правительственной власти, становятся упорными консерваторами по отношенію къ административной системѣ, унаслѣдованной отъ имперіи; незамѣтно, мало-по-малу они заражаются идеями бюрократіи, усваиваютъ ея правительственные принципы и пассивно слѣдуютъ установившейся практикѣ въ текущихъ дѣлахъ управленія.

Эту слабую сторону нынѣшней республиканской партіи особенно ярко освѣтилъ процессъ о злоупотребленіяхъ панамской компаніи. Шарль Лессепсъ, обвиняемый въ подкупѣ членовъ парламента, ссылаясь на то давленіе, какое оказывали на него выдающіеся представители власти; онъ откровенно разсказалъ о вмѣшательствѣ Клемансо, Фрейсинэ и Флокé въ дѣловыя отношенія панамскаго общества съ Рейнакомъ. Вызванные въ судъ, эти столпы парламентской республики

неожиданно обнаружили возрѣнія министровъ стараго режима, заговорили о важныхъ политическихъ мотивахъ своихъ дѣйствій и отчасти запутались въ бавальныхъ фразахъ, смыслъ которыхъ былъ не совсѣмъ ясенъ въ устахъ республиканцевъ. Показанія Флокё, Клемансо и Фрейсинэ въ засѣданіи парижской судебной палаты 10 марта (нов. ст.) получили характеръ серьезнаго политическаго событія; они вполне разоблачили все ничтожество идей, выражаемыхъ оппортунизмомъ, и безусловно подтвердили справедливость предположенія, что нѣтъ существеннаго различія между радикалами и умѣренными либералами въ республиканскомъ лагерѣ, что тѣ и другіе—одинаково оппортунисты. Клемансо и Фрейсинэ сѣумѣли по крайней мѣрѣ сохранить подобіе основательности въ своихъ объясненіяхъ; но Флокё потерялъ самообладаніе и совершенно испортилъ или даже уничтожилъ свою давнишнюю репутацію остроумнаго и талантливаго чловѣка. Бывшій президентъ палаты, старый адвокатъ, дошелъ до того, что не могъ отвѣчать на вопросы защитника и смущенно бормоталъ: „мой дорогой собратъ“, „дорогой коллега“, такъ что предсѣдатель долженъ былъ напомнить ему, чтобы онъ обращался къ суду. Флокё, будучи министромъ-президентомъ въ 1888 году, въ эпоху горячей борьбы съ буланжизмомъ, считалъ своимъ долгомъ контролировать распредѣленіе панамскихъ денегъ между органами печати, заботился о предупрежденіи громкихъ процессовъ между панамскимъ обществомъ и частными лицами, призывалъ къ себѣ распорядителей кампаніи, Фердинанда Лессепса съ сыномъ, давалъ имъ совѣты и указанія, во имя интересовъ республики. По словамъ Шарля Лессепса, Флокё обращался также къ панамской кассѣ для покрытія экстренныхъ расходовъ правительства; ему понадобилось триста тысячъ франковъ на уплату нѣкоторымъ газетамъ за избирательную агитацію въ Сѣверномъ департаментѣ, противъ Буланже, а такъ какъ средства секретнаго фонда изсякли, то Лессепсу предложено было оказать правительству эту маленькую услугу и внести нужную сумму изъ панамскихъ денегъ. Флокё выразилъ свое желаніе въ крайне любезной и деликатной формѣ, предупредивъ заранѣе, что доброжелательное отношеніе его къ кампаніи нисколько не измѣнится въ случаѣ отказа, и что Лессепсъ можетъ поступить по своему усмотрѣнію, въ предѣлахъ своихъ полномочій. Лессепсъ хорошо понималъ, что нельзя отказывать въ чемъ-либо столь любезному министру-президенту, и черезъ нѣсколько дней деньги были выданы газетамъ, по указанію Флокё, переданному черезъ Артона. Посредникомъ въ первоначальныхъ переговорахъ, какъ и въ послѣдовавшей уплатѣ, былъ тотъ же аферистъ Артонъ, таинственный искуситель парламентскихъ дѣльцовъ, тщетно разыскиваемый теперь

французскою полиціею въ разныхъ странахъ Европы. Заявленіе Шарля Лессепса выполнѣ точно и опредѣленно не только въ общемъ, но и въ подробностяхъ; а между тѣмъ Флокé столь же положительно утверждаетъ, что ничего подобнаго не было, что никакого разговора о деньгахъ онъ не имѣлъ съ Лессепсомъ и ничего отъ него не получалъ для секретнаго фонда. Лессепсъ нѣсколько разъ категорически подтверждалъ свое показаніе на судѣ, при допросѣ Флокé, и общее впечатлѣніе было таково, что Лессепсъ несомнѣнно говоритъ правду. Отрицательные отвѣты Флокé возбудили даже шумные протесты среди присутствовавшей въ судѣ публики, и предсѣдатель вынужденъ былъ распорядиться очистить залу засѣданій. Флокé доказывалъ, что секретные фонды министерства внутреннихъ дѣлъ далеко не были истощены во время апрѣльскихъ выборовъ 1888 года въ Сѣверномъ департаментѣ, что онъ не могъ въ короткій періодъ отъ вступленія въ министерство, съ начала апрѣля, израсходовать всѣ свободныя суммы и еще задолжать триста тысячъ, въ теченіе двухъ недѣль. Лессепсъ по этому поводу напомнилъ, что и предшественникъ Флокé, Рувьё, долженъ былъ взять займы у банкира Власто значительную сумму на подкрѣпленіе секретныхъ фондовъ, и что часть министерскаго долга (50 тыс. фр.) была покрыта уже позднѣе Рейнакомъ изъ панамскихъ денегъ, при министерствѣ Флокé. Въ отвѣтъ на это напоминаніе почтенный радикальный дѣятель сталъ какъ-то растерянно говорить, что онъ не понимаетъ смысла и цѣли словъ Лессепса, что ему, Флокé, ничего не было извѣстно о долгахъ прежняго министерства, что поэтому онъ не обязанъ былъ платить ихъ, что это вообще не принято между министрами и т. п. Флокé ссылаясь также на то, что въ случаѣ надобности онъ могъ располагать суммою секретнаго фонда за цѣлый годъ, въ размѣрѣ болѣе милліона франковъ. Отрицая всякое участіе панамской кассы въ тогдашнихъ чрезвычайныхъ расходахъ правительства, онъ, однако, ни на минуту не останавливается надъ вопросомъ: удобно ли такъ открыто признавать денежное участіе самого правительства въ парламентскихъ выборахъ, которые въ принципѣ и по закону должны служить свободнымъ выраженіемъ народнаго мнѣнія и народной воли? Съ какой точки зрѣнія и по какому легальному основанію можно было употреблять государственныя средства на расходы по избирательной агитаціи? Не значитъ ли это, что республиканскіе министры допустили на практикѣ ту систему официальной кандидатуры, противъ которой они такъ горячо боролись при имперіи? Во имя какого принципа правительство могло активно вмѣшиваться въ выборы, чтобы противодѣйствовать успѣху того или другого кандидата? Флокé говоритъ о правительственныхъ затратахъ на выборы въ такомъ тонѣ,

какъ будто дѣло идетъ о самомъ законномъ и понятномъ явленіи, о чемъ-то общепринятомъ, неспособномъ вызывать никакихъ сомнѣній. Газеты такъ же точно не замѣчаютъ странности самаго вопроса объ участіи секретныхъ фондовъ въ расходахъ по парламентскимъ выборамъ, а обсуждаютъ только степень правдивости и основательности объясненій, представленныхъ на судъ. Большинство, очевидно, убѣждено, что Флокé пытался скрыть истину и выдалъ себя невольнo своимъ смущеніемъ, въ виду яснаго и категорическаго разсказа Лессепса. Но принципиальный вопросъ о роли и значеніи секретныхъ фондовъ при республикѣ не обратилъ на себя ничего вниманія и оставленъ безъ обсужденія печатью. Очевидно, воздѣйствіе администраціи на парламентскіе выборы при помощи средствъ, собираемыхъ съ народа, не противорѣчитъ господствующимъ понятіямъ и нравамъ республиканской Франціи. Далѣе, Флокé, въ бытность свою министромъ-президентомъ, приглашалъ къ себѣ Лессепса-отца для объясненій по поводу претензій барона Рейнака къ панамской компаніи, при чемъ совѣтовалъ уладить затрудненія, нежелательныя для интересовъ правительства. Лессепсъ объяснилъ тогда министру-президенту, что Рейнакъ требуетъ съ компаніи десять или двѣнадцать милліоновъ безъ всякаго къ тому основанія, подъ давленіемъ настойчивыхъ требованій и угрозъ Корнелія Герца, и что панамское общество не боится процесса при такихъ обстоятельствахъ. Почему же правительство считало нужнымъ вмѣшиваться въ расчеты и пререканія частной компаніи съ отдѣльными лицами? Флокé не объясняетъ этого въ своемъ подробномъ показаніи. „Съ разныхъ сторонъ,—разсказываетъ онъ,—мнѣ сообщали о крупныхъ претензіяхъ, которыя грозили панамскому обществу; объ этомъ говорилось въ служебныхъ докладахъ, въ полицейскихъ донесеніяхъ и отчетахъ, и для компаніи могла возникнуть опасность, на которую полезно было указать Лессепсу. Поэтому я просилъ обоихъ Лессепсовъ побывать въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Я передалъ имъ дошедшія до меня извѣстія и прибавилъ: подробностей дѣла я не знаю, и вы должны сами рѣшить, что дѣлать“. Флокé сознается, что не имѣлъ тогда никакихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи панамской компаніи и о характерѣ счетовъ ея съ разными лицами. „Я ничего не зналъ о вѣщахъ этихъ дѣлахъ, я чуждъ коммерческому міру и не заинтересованъ ни въ какомъ предпріятіи; меня глубоко удивляетъ, что мнѣ приходится отвѣчать на какіе-то намеки по поводу дѣйствій, которыя я повторилъ бы завтра, еслибы это было нужно, и которыя я исполнялъ во имя общей безопасности, когда мнѣ довѣрена была охрана публичныхъ интересовъ“. Какіе же публичные интересы требовали устраненія споровъ съ Рейнакомъ и почему эти

частныя дѣла должны были занимать и тревожить правительство? Если Флокé не былъ посвященъ въ коммерческія тайны и не былъ знакомъ ни съ положеніемъ панамскаго общества, ни съ дѣятельностью Рейнака и Герца, то является крайне странною попытка его вмѣшаться въ эти мало знакомыя ему дѣла, съ цѣлью побудить компанію къ уступчивости относительно какихъ-то прелпримчивыхъ и беззастѣнчивыхъ банкировъ. Оффиціально „приглашать“ къ себѣ въ министерство такого человѣка, какъ престарѣлый Фердинандъ Лессепсъ, безъ законнаго къ тому повода и основанія,—это тоже пріемъ далеко не республиканскій, скорѣе напоминающій министровъ временъ имперіи или монархіи. Еще сбивчивѣе были объясненія Флокé по другому пункту—о мотивахъ его вмѣшательства въ способъ распредѣленія панамскихъ суммъ между газетами. Чтобы не остаться безучастнымъ къ этому важному дѣлу, онъ „внимательно, какъ можно ближе слѣдилъ за упомянутой раздачей, при помощи негласныхъ наблюденій и разслѣдованій“. Надо было бороться съ буланжизмомъ, который впервые пустилъ въ ходъ широкое участіе денегъ въ избирательной агитаціи. Всѣ спрашивали, откуда эти деньги у буланжистовъ, и Флокé старался добратъся до источника ихъ. Когда послѣ разрѣшенія панамскаго выпуска предстояла раздача нѣсколькихъ милліоновъ газетамъ, можно было опасаться, что значительная часть этихъ средствъ поступитъ въ распоряженіе противниковъ республики; поэтому заботливый министр-президентъ „употребилъ всѣ обычныя средства, находящіяся во власти министра, и произвелъ необходимыя разысканія, чтобы узнать, не оказано ли панамскимъ обществомъ предпочтеніе той или другой фракціи при составленіи списка газетъ“. А такъ какъ,—продолжалъ Флокé,—нельзя дѣлать розыски и слѣдить за людьми безъ того, чтобы не почувствовали и не замѣтили этого самые объекты наблюденія, то ко мнѣ пришли лица, напуганныя распространившимися толками, и показали списокъ изданій, въ подтвержденіе равномерности раздачи между органами различныхъ партій“. Флокé удовлетворился этимъ спискомъ и успокоился насчетъ интересовъ республиканской печати. Ему заданъ былъ на судъ еще одинъ щекотливый вопросъ,—имѣлъ ли онъ въ рукахъ шантажныя телеграммы Корнелія Герца къ Рейнаку и зналъ ли ихъ содержаніе. Флокé отвѣчалъ, что частныя депеши, доставляемыя для просмотра министру внутреннихъ дѣлъ въ видахъ общественной безопасности, не могутъ быть разглашаемы, и что въ этихъ случаяхъ необходимо соблюдать строгую тайну. Цѣль вопроса была, однако, достигнута: угрожающія телеграммы Герца, адресованныя къ Рейнаку и къ другимъ лицамъ въ видахъ воздѣйствія на панамскую администрацію, не могли пройти мимо министра внутреннихъ дѣлъ и послужили

вѣроятнo первымъ матеріаломъ для возбужденія его безпокойства по поводу панамскихъ интересовъ. Но принимать на вѣру телеграммы извѣстнаго афериста и основывать на нихъ цѣлый рядъ дѣйствій, направленныхъ косвенно къ его выгодѣ — это было отчасти легкомысленно; а разоблаченіе такого легкомыслія неудобно для бывшихъ и настоящихъ министровъ, такъ что Флокé въ концѣ своего допроса не могъ воздержаться отъ меланхолическаго и рѣзкаго замѣчанія, имѣющаго уже явственно консервативный и даже реакціонный оттѣнокъ: „здѣсь допускается невѣроятное злоупотребленіе“ (т.-е. свободою слова).

Старый радикаль, одинъ изъ столповъ третьей республики, превратился въ зауряднаго хранителя административныхъ традицій, въ силу которыхъ министрамъ принадлежитъ право заботливой полицейской опеки надъ всею общественною и политическою жизнью страны, съ одной только исключительной точки зрѣнія — интересовъ правительственной власти и ея носителей въ данное время. Такъ какъ республика смѣнила имперію, то республиканскіе министры должны пользоваться тѣми же обширными полномочіями и правами, какія установлены были для министровъ стараго режима: — такова основная мысль Флокé и подобныхъ ему политическихъ дѣятелей. Распредѣлять секретные фонды, располагать многочисленною арміею тайной и явной полиціи, тратить казенныя суммы на поддержку благопріятныхъ газетъ, на противодѣйствіе тому или другому кандидату на выборахъ, вліять на раздачу частныхъ промышленныхъ капиталовъ для подкупа отдѣльныхъ изданій, — все это чрезвычайно заманчиво для республиканскихъ дѣятелей, и отказываться отъ такихъ преимуществъ или ограничивать ихъ казалось бы безразсудствомъ, крайне нежелательнымъ для республики. Такимъ образомъ прежняя система управленія сохранилась, съ тою только разницею, что исполнители называются республиканцами или даже радикалами, а министры, стоящіе во главѣ самостоятельныхъ вѣдомствъ, зависятъ отъ палаты, которая всего меньше интересуется устройствомъ бюрократическаго механизма, управляющаго дѣлами Франціи. Министры мѣняются часто, и зависимость ихъ отъ общественнаго мнѣнія и непрерывнаго публичнаго контроля составляетъ наиболѣе характерную черту парламентской республики. Флокé могъ произносить очень эффектные радикальныя рѣчи въ парламентѣ, и всякія заявленія его могли вызывать рукоплесканія; но подчиненная ему администрація дѣйствовала въ духѣ старой полицейско-бюрократической рутины и навязывала эту рутину министру, какъ неизблемый и неизмѣнный законъ. Простота, съ какою бывший президентъ палаты обнаружилъ свое пониманіе правительственныхъ задачъ, поразила многихъ еще по

другой причинѣ: Флокё, бывшій однимъ изъ украшеній республиканской партіи, дожилъ въ почетѣ до старости, и не будь панамскаго дѣла—онъ до сихъ поръ не имѣлъ бы случая раскрыть предъ обществомъ свое дѣйствительное внутреннее содержаніе. Бѣдность и ничтожество этого содержанія оставались бы тайной для публики; звонкія, округленныя фразы и блестящія поверхностнаго остроумія принимались бы по прежнему за признаки скрытаго ума и таланта. Представительная, торжественная фигура Флокё производила впечатлѣніе въ палатѣ депутатовъ, внушала къ себѣ невольное довѣріе и сочувствіе; какъ президентъ, онъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ высокій постъ избавляетъ отъ необходимости серьезной умственной работы, отъ составленія докладовъ и произнесенія рѣчей по разнымъ вопросамъ. Но вырванный изъ этой обычной атмосферы и поставленный въ прозаическое положеніе свидѣтеля на судѣ, подъ вліяніемъ тягостнаго вопроса, вынуждающаго его раскрыть всѣ свои карты, онъ вдругъ является предъ нами въ своемъ настоящемъ видѣ, безъ украшеній и натяжекъ,—является человекомъ, взявшимъ напрокатъ чужія готовые формулы и неспособнымъ извлечь изъ нихъ какой-нибудь разумный смыслъ; онъ съ наивнымъ апломбомъ провозглашаетъ такія практическія истины, которыхъ никто другой не рѣшился бы высказать открыто; онъ не понимаетъ, почему его слова возбуждаютъ недоумѣніе, когда онъ такъ просто и убѣдительно обрисовываетъ свои занятія и заботы въ должности министра; онъ не видитъ и не чувствуетъ, что его самодовольныя указанія наносятъ сильнѣйшій ударъ той политической партіи, которую онъ привыкъ считать единственнымъ законнымъ выраженіемъ новаго политическаго строя. Для Флокё и его единомышленниковъ вся сущность республики заключается въ безпредѣльномъ господствѣ извѣстной группы людей, проповѣдующихъ республиканскія убѣжденія. Чтобы быть истиннымъ республиканцемъ, надо только принадлежать къ извѣстному лагерю, поклоняться установленнымъ принципамъ и противодѣйствовать всѣмъ приверженцамъ старыхъ династій;—этими идеями исчерпывается политическій кругозоръ Флокё. Быть или считаться однимъ изъ вождей республики, въ теченіе около двадцати лѣтъ, при подобной умственной ограниченности и беспомощности, при полномъ отсутствіи всякаго подобія самостоятельной политической мысли,—это уже сама по себѣ задача, предполагающая нѣкоторое искусство съ одной стороны, и довѣрчивое ослѣпленіе—съ другой. Видя неожиданное безсиліе и ничтожество Флокё, его неспособность разъяснить толково самыя простыя политическія обстоятельства, его жалкую растерянность передъ щекотливыми вопросами адвокатовъ въ панамскомъ процессѣ, французскіе наблюдатели были поражены

этими поздними откровениями и усмотрѣли нѣчто трагическое въ судьбѣ этого человѣка, столь долго игравшаго выдающуюся политическую роль и теперь внезапно уничтоженнаго своими собственными невольными признаніями. Личная честность Флокѣ нѣкъ не подвергается сомнѣнію; онъ дѣйствовалъ извѣстнымъ образомъ, не въ силу какихъ-либо дурныхъ мотивовъ, а по твердому убѣжденію въ томъ, что иначе не можетъ дѣйствовать лицо, облеченное правительственною властью. Онъ даже повторяетъ, что поступалъ бы точно такъ же, еслибы былъ вновь назначенъ министромъ: онъ опять слѣдилъ бы за распредѣленіемъ чужихъ денегъ между органами печати, вмѣшивался бы въ расчеты Рейнака и Герца, заботился бы о дѣлахъ и обязательствахъ Фердинанда Лессепса и т. п. И не онъ одинъ проявлялъ такое безпокойство относительно панамскаго общества, съ точки зрѣнія интересовъ республики; Клемансо и Фрейсинэ были вполне солидарны съ нимъ въ этомъ отношеніи.

Предводитель крайней лѣвой велъ себя на судѣ совѣтъ иначе, чѣмъ Флокѣ, хотя былъ поставленъ гораздо хуже безпощадными разоблаченіями Лессепса; онъ по крайней мѣрѣ сохранилъ все свое остроуміе и свою парламентскую ловкость, нисколько не теряя пріятнаго самообладанія при самыхъ затруднительныхъ вопросахъ, бросавшихъ отчасти тѣнь на его личную репутацію честности и безкорыстія. Клемансо находился въ близкихъ дѣловыхъ отношеніяхъ съ Корнелиемъ Герцомъ, который былъ крупнымъ акціонеромъ и банкиромъ его газеты „Justice“; поэтому хлопоты Клемансо передъ панамской компаніею объ удовлетвореніи притязаній Рейнака и Герца имѣли уже другой характеръ, чѣмъ платоническое вмѣшательство Флокѣ. Клемансо и сенаторъ Ранкъ обращались къ Фрейсинэ и просили его употребить свое вліяніе на Лессепса, чтобы побудить его уладить возникшія затрудненія, опасныя будто бы для республики. Рейнакъ сначала являлся къ Лессепсу и говорилъ о десяти или двѣнадцати милліонахъ, причемъ ссылаясь на требованія и угрозы Герца; Лессепсъ категорически отказалъ, но черезъ нѣкоторое время получилъ приглашеніе явиться къ военному министру, Фрейсинэ. Министръ совѣтовалъ ему „сдѣлать чтò возможно“, для избѣжанія скандала, неудобнаго для правительства въ виду горячей борьбы съ буланжизмомъ, тѣмъ болѣе, что процессъ съ Рейнакомъ могъ бы подорвать кредитъ компаніи и причинить ущербъ многочисленнымъ ея акціонерамъ. Лессепсъ возразилъ, что дѣло идетъ объ огромной суммѣ, которую нѣтъ ни малѣйшаго основанія платить, и что требованія Рейнака вызваны шантажными домогательствами Герца, которыя должны быть отвергнуты безусловно. Фрейсинэ отклонилъ отъ себя обсужденіе этихъ „подробностей“ дѣла и не пожелалъ даже выслушать фактическихъ

объясненій Лессепса, такъ какъ сущность спора его не касается и онъ желалъ говорить о предметѣ не въ качествѣ министра, а какъ частное лицо, благосклонно относящееся къ панамскому предпріятію. Разумѣется, впрочемъ, что частное лицо не имѣло бы ни права, ни возможности вызывать Лессепса въ какое-нибудь министерство для бесѣды о частныхъ дѣлахъ. Фрейсинэ, при всей своей дипломатической осторожности, ясно далъ понять Лессепсу, что благоразумно будетъ вступить въ соглашеніе съ Рейнакомъ и удержать его этимъ отъ неудобнаго процесса. На судѣ бывший военный министръ опять-таки сослался на общіе интересы республики, требовавшіе будто бы вмѣшательства правительственной власти въ пререканія Рейнака съ панамскимъ обществомъ. Клемансо тоже подтвердилъ, что, обращаясь къ Фрейсинэ, какъ хорошо знакомому съ Лессепсами, онъ имѣлъ въ виду предупредить непріятный скандалъ, который принесъ бы большой вредъ республикѣ и порадовалъ бы ея враговъ. Шарль Лессепсъ былъ у Клемансо, по его желанію, и разговоръ также клонился къ тому, что надо „уладить дѣло“, чтобы избѣгнуть процесса и т. д. Послѣ вызова въ военное министерство, Лессепсъ убѣдился, что за Рейнакомъ стоятъ вліятельные политическіе дѣятели, съ которыми по-неволѣ приходится считаться; онъ рѣшилъ поэтому выдать хоть часть требуемой суммы и остановился на цифрѣ 5 милліоновъ. За Рейнака прямо или косвенно дѣйствовали такіе люди, какъ знаменитый „разрушитель министерствъ“, Клемансо, военный министръ Фрейсинэ и, наконецъ, Флокé; всѣ они, правда, оговаривались, что не настаиваютъ на исполненіи своихъ совѣтовъ и не хотятъ вообще вмѣшиваться въ денежныя дѣла компаніи, но эти неизбѣжныя оговорки были вполнѣ правильно оцѣнены Лессепсомъ. Дѣйствительный смыслъ этихъ послѣдовательныхъ обращеній къ Лессепсу былъ слишкомъ ясенъ, и выдача денегъ Рейнаку состоялась черезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ Фрейсинэ.

Нельзя предположить, что министры и парламентскіе ихъ союзники были заинтересованы въ дѣлѣ по какимъ-либо частнымъ и личнымъ мотивамъ; напротивъ, можно считать несомнѣннымъ, что тутъ главную роль играло неправильное пониманіе обязанностей правительства по отношенію къ обществу и частнымъ лицамъ. Ни одинъ изъ допрошенныхъ представителей республиканской партіи не могъ объяснить въ точности, какую связь имѣютъ интересы республики съ рѣшеніемъ существовавшихъ споровъ между панамскимъ обществомъ и возможными его кредиторами. Такъ какъ правительство не принимало никакого участія въ операціяхъ панамской компаніи и въ то же время не могло считаться солидарнымъ съ Рейнакомъ и Герцомъ, то возникшія пререканія, какъ имѣющія чисто частный

характеръ, не должны были вовсе тревожить министровъ и совершенно не касались законныхъ функцій государственной власти при республикѣ. Какое дѣло было министрамъ и вождямъ партій до денежныхъ счетовъ между финансовыми дѣльцами? Если претензіи къ панамскому обществу были неосновательны, то судъ отклонилъ бы ихъ, и, слѣдовательно, процессъ не достигъ бы цѣли; если же требованія имѣли основаніе, то почему надо было помѣшать предъявленію ихъ надлежащимъ судебнымъ порядкомъ? Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ процессъ абсолютно не затрогивалъ авторитета республики и ея министровъ. Если тѣмъ не менѣе республиканскіе дѣятели безпокоились и находили нужнымъ вмѣшаться, то они подчинялись въ этомъ отношеніи традиціонному мелкому взгляду, по которому всякіе вообще шумные общественные „инциденты“—и въ томъ числѣ скандальные процессы—признаются вредными для правительства, такъ какъ они могутъ подать поводъ къ оппозиціоннымъ нападкамъ и обвиненіямъ. Изъ этого видно, что во Франціи упорно держится еще возрѣніе, приписывающее государству способность „создавать дождь и хорошую погоду“, и что вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственность власти часто расширяется далеко за предѣлы возможнаго. Передовые республиканцы могли быть свободны отъ такихъ первобытныхъ возрѣній, совершенно неумѣстныхъ при общемъ и свободномъ участіи народа въ государственныхъ дѣлахъ. Отвѣтственность возростаетъ по мѣрѣ увеличенія и обособленія правительственной власти: тамъ, гдѣ правительство беретъ на себя исключительное и неограниченное разрѣшеніе всѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, безъ участія общества и народа,—тамъ отвѣтственность за все совершающееся въ странѣ естественно ложится на власть; тамъ можно еще сказать, что правительство „дѣлаетъ дождь и хорошую погоду“. Но во Франціи министры и вожди партій не распоряжаются обществомъ и народомъ безконтрольно, не навязываютъ странѣ своихъ личныхъ рѣшеній, а напротивъ, сами поставлены въ прямую зависимость отъ представителей общественнаго мнѣнія въ парламентѣ и журналистикѣ. Между тѣмъ многіе французскіе республиканцы продолжаютъ и теперь говорить объ отвѣтственности и авторитетѣ правительства въ такомъ тонѣ, какъ будто министры держатъ въ своихъ рукахъ всю настоящую и будущую судьбу Франціи, — хотя въ дѣйствительности ихъ собственная судьба рѣшается нерѣдко простымъ журналистомъ или депутатомъ, благодаря неограниченной свободѣ публичнаго слова и контроля. Что касается республики, какъ формы правленія, то трудно даже понять, въ какомъ смыслѣ она можетъ быть отвѣтственна за неудачу промышленныхъ предпріятій, подобныхъ панамскому. Еще труднѣе представить себѣ, какъ денежные споры и процессы, не-

имѣющіе политической подкладки, могутъ оказывать вліяніе на популярность и прочность республиканскаго управленія. Министры и предводители партій не олицетворяютъ собою республики, а только временно представляютъ ее; поэтому они не могутъ претендовать на окончательное направленіе ея по одному опредѣленному руслу, не могутъ смотрѣть на нее какъ на постоянную принадлежность той или другой парламентской группы, хотя бы и преобладающей въ данное время. Флокé, напр., провелъ многіе годы въ томъ ошибочномъ сознаніи, что хорошая, настоящая республика есть только та, представителемъ которой служить онъ, Флокé. Клемансо, человѣкъ гораздо болѣе талантливый и остроумный, твердо вѣровалъ, какъ и Флокé, что истинная республиканская идея воплощается въ немъ, Клемансо, и въ его единомышленникахъ, а прочія демократическія теченія и тенденціи суть только ненужныя извращенія или усложненія этой идеи. Какова собственно эта республиканская идея радикальной парламентской группы—это до сихъ поръ осталось неяснымъ, несмотря на многія блестящія рѣчи Клемансо и его сотрудниковъ. Французскіе республиканцы обыкновенно относятся къ республикѣ, какъ бонапартисты — къ имперіи, монархисты — къ своей династіи; они забываютъ, что республика по существу своему не можетъ быть достояніемъ одной партіи, а должна обвинять собою всѣ классы и элементы населенія. Основная сущность республиканскаго строя — принципъ свободнаго народнаго самоуправленія—почти совсѣмъ отвергается на практикѣ въ области мѣстной жизни и дѣятельности, а въ сферѣ общей политики и центральной администраціи господствуетъ лишь въ формѣ непосредственнаго воздѣйствія на личный составъ правительства. Самоуправленіе понимается во Франціи несравненно уже, чѣмъ въ монархической Англіи; правительственные, административные порядки французской республики гораздо болѣе стѣснительны для общества, чѣмъ бюрократическая система въ монархической Пруссіи. Въ этой ненормальности внутренняго положенія заключается источникъ видимой слабости французскаго правительства въ настоящее время; этой ненормальности какъ будто не замѣчаютъ передовые государственные люди Франціи. Министры слѣдятъ за мелочами и утопаютъ въ нихъ; главная забота ихъ — отвѣчать на нападки и запросы противниковъ въ парламентѣ, а текущія задачи дѣйствительнаго управленія они по необходимости оставляютъ въ рукахъ многочисленной, крѣпко организованной арміи чиновничества. Устарѣлыя, рутинныя понятія и странные полицейскіе приемы повторяются и примѣняются министрами, вышедшими изъ радикальнаго лагера; Клемансо и Фрейсінэ добродушно изла-

гаютъ административныя теоріи, отъ которыхъ не отказались бы крайніе бонапартисты и реакціонеры.

Публичное обнаруженіе этихъ особенностей министерской бюрократической дѣятельности составляетъ главный практическій результатъ послѣдняго панамскаго процесса. Эпизодъ съ г-жею Коттю, возбуждшій столько шума въ парижской печати и едва не приведшій къ министерскому кризису, былъ лишь нагляднымъ подтвержденіемъ господства старыхъ традицій въ области французской полицейской администраціи. Начальникъ сыскной полиціи, Суанури, предлагалъ г-жѣ Коттю разныя льготы или даже смягченіе наказанія для ея мужа, если она доставитъ какіе-нибудь свѣденія или документы о раздачѣ панамскихъ денегъ между депутатами-монархистами. Г-жа Коттю чистосердечно рассказала объ этомъ на судѣ, и поступокъ Суанури вызвалъ бурю негодованія не только въ судебной палатѣ, но и въ парламентѣ и въ оппозиціонной журналистикѣ. Несомнѣнно, что еслибъ попытка полицейскаго дипломата увѣнчалась успѣхомъ и послужила къ раскрытію виновности нѣкоторыхъ депутатовъ правой, республиканцы восторгались бы его ловкостью и министры вполне одобрили бы его, хотя и не публично; теперь же на него всѣ напали, а потомъ стали оправдывать указаніемъ на явную искусственность и неправдоподобность показанія г-жи Коттю. Но въ сущности Суанури въ своей сферѣ сдѣлалъ то же самое, что сдѣлали Флокé, Клемансо и Фрейсинэ относительно панамской компаніи: онъ поговорилъ съ г-жею Коттю, чтобы повліять на нее въ интересахъ республиканской партіи, подобно тому, какъ названные политическіе дѣятели приглашали къ себѣ Лессепа, чтобы побудить его поступиться нѣкоторыми интересами компаніи ради воображаемыхъ интересовъ республики. Суанури, конечно, гораздо меньше виновенъ, чѣмъ его начальники и руководители: онъ не имѣлъ такой власти, какъ министры и разрушители министерствъ, и г-жа Коттю не могла потерпѣть особеннаго ущерба отъ предложеній и намековъ искуителя, тогда какъ незаконное вмѣшательство Фрейсинэ, Клемансо и Флокé обошлось панамскому обществу въ пять милліоновъ и косвенно привело администраторовъ компаніи на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ злоупотребленіяхъ и растратѣ. Многіе факты не были разъяснены послѣднимъ процессомъ или оставлены почему-то въ какой то полутѣмѣ; поэтому общественное мнѣніе не могло быть удовлетворено всѣмъ ходомъ дѣла, хотя судебному разбирательству было посвящено цѣлыхъ двѣнадцать засѣданій. Между прочимъ, особенно бросаются въ глаза слѣдующія два обстоятельства, не затронутыя судомъ. Во-первыхъ, вліятельные республиканцы, узнавъ о претензіяхъ и угрозахъ Рейнака, не пытались успокоить послѣд-

няго, не обращались къ нему съ совѣтами и внушеніями,—какъ слѣдовало бы по здравому смыслу,—а прямо обратились въ другую сторону, стали звать къ себѣ Лессепса и пробовали заранѣе склонить его къ уступчивости, прежде чѣмъ ознакомились даже съ характеромъ, размѣрами и степенью основательности предъявленныхъ требованій. Почему же они не успокаивали Рейнака и не удерживали его отъ возбужденія процесса, ради интересовъ республики, а занялись исключительно подачей совѣтовъ и предостереженій Лессепсу и панамской компаніи? Во-вторыхъ, всѣ знали, что Рейнакъ дѣйствуетъ подъ давленіемъ Корнелія Герца, который имѣлъ съ нимъ какіе-то фантастическіе денежные счета, и если въ самомъ дѣлѣ предполагаемый процессъ былъ неудобенъ для правительства и республики въ виду борьбы съ буланжизмомъ, то не было ничего легче, какъ уговорить обоихъ финансистовъ отсрочить шумныя пререканія и угрозы до болѣе спокойнаго времени, когда пройдетъ острый періодъ кризиса. Исполнить это было легко уже потому, что Фрейсинэ и Клемансо стояли въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Герцомъ и Рейнакомъ, чѣмъ съ Лессепсомъ и съ панамской компаніей, и что, сверхъ того, для отсрочки процесса не требовалось никакихъ матеріальныхъ жертвъ, между тѣмъ какъ для Лессепса дѣло шло о немедленной отдачѣ милліоновъ, даже безъ обсужденія вопроса о степени основательности претензій. Но главнѣйшая странность въ томъ, что Рейнакъ повсюду и открыто обвинялъ Герца въ шантажѣ и въ преступныхъ вымогательствахъ, а Фрейсинэ и Клемансо, хорошо знакомые съ Герцомъ, не только не отшатнулись отъ него и не старались повліять на него въ духѣ уступчивости, а напротивъ, принялись хлопотать объ удовлетвореніи всѣхъ его требованій, угнетавшихъ почему-то Рейнака. Почему къ Корнелію Герцу не была примѣнена система конфиденціального политическаго воздѣйствія, которая столь безцеремонно примѣнялась къ знаменитому Лессепсу,—остается загадкою. Мелкій оппортунизмъ въ политикѣ приводитъ къ крайне непріятнымъ и двусмысленнымъ положеніямъ, которыя могутъ несравненно больше повредить республикѣ, чѣмъ самые шумные судебные процессы и скандалы.

Если кто-нибудь виноватъ въ политической путаницѣ, господствующей въ современной Франціи, то прежде всего виноваты, конечно, отцы республиканскаго оппортунизма, Гамбетта и Жюль Ферри. Неожиданная смерть Ферри (6-го марта нов. ст.), избраннаго за десять дней до того президентомъ сената, получила значеніе „національнаго несчастья“ въ глазахъ громаднаго большинства умѣренныхъ республиканцевъ въ парламентѣ и въ странѣ. На Жюля Ферри возлагали еще какія-то надежды, хотя за послѣдніе годы, подъ бреме-

немъ многолѣтней газетной травли и сильной непопулярности въ народѣ, онъ не подавалъ повода къ особеннымъ ожиданіямъ и обнаруживалъ скорѣе признаки умственного утомленія и упадка. Горькій опытъ жизни не измѣнилъ его принциповъ и его политической программы; онъ, повидимому, не извлекъ серьезнаго поученія изъ прошлыхъ испытаній, а остался тѣмъ же старымъ оппортунистомъ, для котораго политическое искусство сводится къ осторожному лавированію между подводными камнями текущей политики. Такимъ характеромъ отличалась и послѣдняя рѣчь его, при вступленіи въ должность президента сената. Хорошія, звонкія фразы объ единеніи и сосредоточеніи республиканцевъ, о важныхъ задачахъ соціальныхъ и политическихъ, произносятся и печатаются постоянно въ теченіе многихъ лѣтъ наиболѣе видными дѣятелями оппортунизма, и никто къ этимъ фразамъ не относится серьезно. Жюль Ферри еще болѣе, чѣмъ Гамбетта, способствовалъ упроченію и усиленію во Франціи того внутренняго разлада, который лежитъ въ основѣ нынѣшней специально-партийной республики. Сдѣлать послѣднюю истинно національною, одинаково открытою для всѣхъ политическихъ партій и направленій,—задача ближайшаго будущаго. Пока оппортунисты разныхъ оттѣнковъ владѣютъ во Франціи, эта задача будетъ давать благодарный матеріалъ для оппозиціонныхъ движеній, въ родѣ буланжистскаго; но рано или поздно общество придетъ къ сознанію, что тѣ идеи борьбы за республику, которыя заставляли Гамбетту и Ферри смотрѣть на консерваторовъ и клерикаловъ какъ на враговъ, потеряли уже свой *raison d'être* послѣ окончательнаго утвержденія принципа народовластія въ странѣ. Въ настоящее время не видно еще признаковъ такого сознанія въ массѣ такъ называемыхъ радикаловъ и либераловъ республиканской партіи; радикалы и прогрессисты мало отличаются въ этомъ отношеніи отъ оппортунистовъ, съ которыми они вообще имѣютъ теперь очень много общаго.

Въ Болгаріи продолжались въ послѣднее время различныя попытки утвердить положеніе принца Кобургскаго и достигнуть по крайней мѣрѣ косвеннаго признанія его западно-европейскими державами; съ этою цѣлью, между прочимъ, правительство въ Софіи предложило измѣнить одну изъ статей конституціи относительно вѣроисповѣданія наслѣдниковъ перваго избраннаго князя, такъ какъ обязательность православной вѣры для потомства мѣшала до сихъ поръ принцу Фердинанду породниться путемъ брака съ какою-нибудь иностранною владѣтельною фамиліею. По этому поводу въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 21-го февраля напечатано было официальное сообщеніе,

которое затѣмъ разослано было правительствамъ великихъ державъ вмѣстѣ съ объяснительною циркулярною потою, текстъ которой появился только въ лондонскомъ „Times“. Приводимъ здѣсь это правительственное сообщеніе цѣликомъ:

„Императорское правительство неоднократно имѣло случай заявлять о взглядахъ своихъ на совершавшіеся въ болгарскомъ княжествѣ перевороты, и на тѣ начала, коими руководствуются въ своей политической дѣятельности софійскіе правители со времени захвата принцемъ Кобургскимъ княжеской власти. Нынѣ, по возвращеніи принца Фердинанда изъ заграничной поѣздки, вышеупомянутые правители предполагаютъ приступить къ созванію великаго народнаго собранія для измѣненія 38-й статьи тырновскаго устава, обезпечивающей принадлежность къ православной вѣрѣ князя болгарскаго и его потомства, за исключеніемъ лишь перваго избраннаго князя. Такимъ образомъ подготавливается посягательство на одну изъ основъ, присущихъ болгарской національной жизни—посягательство противъ народной вѣры, коей болгаре столькимъ обязаны въ своемъ прошедшемъ. Императорское правительство, твердо слѣдуя правилу не вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія княжества, не входитъ въ разсмотрѣніе явно пристрастныхъ мотивовъ, побудившихъ принца Кобургскаго и лицъ, стоящихъ у власти въ Софіи, къ принятому ими прискорбному для самой Болгаріи рѣшенію. Оно не можетъ, однако, въ виду нравственныхъ узъ, связующихъ Россію съ единовѣрнымъ и единоплемennымъ съ нею болгарскимъ народомъ, оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ попытки, направленной къ тому, чтобы поколебать господствующее въ княжествѣ вѣроисповѣданіе. Среди населенія самой Болгаріи попытка эта вызываетъ энергическіе протесты. Экзархъ болгарскій обратился съ представленіями въ Софію, стараясь внушить софійскому правительству отказать отъ проектированнаго имъ нововведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, блаженнѣйшій Іосифъ предложилъ созвать по сему поводу святѣйшій синодъ. Но сподвижники принца Кобургскаго, само собою разумѣется, не согласились отдать тѣмъ самымъ на обсужденіе церкви столь важный вопросъ и отклонили это предложеніе. Несмотря, однако, на стѣснительныя мѣры, принятые по отношенію ко всякимъ проявленіямъ несочувствія противонаціональнымъ стремленіямъ нынѣшнихъ болгарскихъ властей, протестъ экзарха нашелъ сочувственный отзывъ во всѣхъ слояхъ народа. Почти всѣ митрополиты Болгаріи одобрили поведеніе главы болгарской церкви и пожелали блаженнѣйшему Іосифу успѣха въ справедливой борьбѣ за народную вѣру. Помимо духовенства, нѣкоторые политическіе дѣятели, а равно и органы болгарской печати и многіе граждане выска-

зались противъ задуманнаго проекта, совѣтуя не упорствовать въ опасномъ замыслѣ.

„Въ виду вышеизложеннаго, Императорское правительство выражаетъ искреннее желаніе, чтобы возвысившіеся голоса болгарскаго духовенства и благомыслящихъ гражданъ послужили предостереженіемъ для всѣхъ болгаръ, безъ различія партій, и устранили опасность, которая грозитъ всякому народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священныхъ своихъ преданій. Императорское правительство убѣждено, что задуманный нынѣ поворотъ въ духовной и политической жизни княжества не можетъ сопровождаться благопріятными результатами и ведетъ лишь къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ въ будущемъ, путемъ внутренняго разлада и глубокихъ нравственныхъ недоразумѣній“.

Послѣ такого категорическаго и не допускающаго никакихъ толкованій заявленія нашего правительства, не можетъ оставаться мѣста никакому опасенію относительно возможности какихъ-нибудь международныхъ осложненій, по поводу измѣненія одной изъ статей конституціи Болгаріи: по убѣжденію нашего правительства, такое измѣненіе можетъ породить одни внутреннія бѣдствія только для самой Болгаріи, посѣявъ въ ней внутренній разладъ и разномысліе: *concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur...*

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1893.

— *А. П. Энгельгардтъ*. Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ казанской и другихъ средне-вожскихъ губерніяхъ. Казань, 1893. Стр. 126.

Картина народнаго земледѣлія, какую рисуютъ намъ цифры и разсчеты г. Энгельгардта, имѣетъ значеніе не для одной казанской губерніи: тѣ же печальныя черты повторяются повсюду съ убійственнымъ однообразіемъ. По вычисленію автора, всѣ земледѣльческіе доходы крестьянства въ губерніи даютъ среднимъ числомъ не болѣе 10 р. въ годъ на душу; на эти деньги нужно прокормиться и одѣться, а между тѣмъ для продовольствія необходимо одного хлѣба больше чѣмъ на 10 р. въ годъ на человѣка (считая 21 пудъ разнаго хлѣба въ годъ, по средней цѣнѣ 50 коп. за пудъ). Недоимки и долги растутъ съ каждымъ годомъ, подавляя собою запутанное и обѣднѣвшее крестьянское хозяйство. Къ началу 1891 года за крестьянами казанской губерніи состояло казенныхъ и земскихъ недоимокъ около 8¹/₂ милл. рублей; къ 1-му января 1892 г. недоимки возросли уже до 12¹/₂ милліоновъ. По продовольственнымъ ссудамъ къ 1-му января 1891 г. числилось за крестьянами около 2¹/₂ милл. р.; затѣмъ, вслѣдствіе неурожая, пришлось выдать еще 13 милліоновъ, и на эту громадную сумму возросъ крестьянскій долгъ. Если еще прибавить недоимки по повинностямъ за 1892 годъ приблизительно въ 3 милл., то въ настоящее время за крестьянствомъ казанской губерніи числится недоимокъ казенныхъ и земскихъ на 15 милліоновъ р. и по продовольственнымъ ссудамъ столько же, а всего 30 милл. р., кромѣ частныхъ долговъ и взысканій; такимъ образомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ недоимки возросли съ 11 до 30 милл. р. Такъ какъ ежегодный окладъ всѣхъ повинностей составляетъ около 6 милл. рублей, то сумма недоимокъ равняется уже пяти годовымъ окладамъ. Съ 1875 до 1882 года, въ продолженіе семи лѣтъ, недоимки по налогамъ

увеличились въ шесть разъ, а до 1891 года, за шестнадцать лѣтъ, возросли въ 19 разъ (стр. 50). Чистаго дохода въ крестьянствѣ нѣтъ, а на вычисленную теоретически валовую доходность съ сельско-хозяйственныхъ крестьянскихъ имуществъ налоги падаютъ въ размѣрѣ 53%.

Г. Энгельгардтъ предлагаетъ установить нѣкоторыя общія мѣры для облегченія этихъ непосильныхъ податныхъ тягостей, разоряющихъ народное земледѣліе. „Одновременное взысканіе налоговъ, тотчасъ по снятіи урожая, ведетъ къ спѣшной, несвоевременной распродажѣ хлѣба и другихъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства, а одновременное большое предложеніе хлѣба на рынкѣ имѣетъ послѣдствіемъ несоотвѣтственное пониженіе цѣнъ“. Поэтому взиманіе повинностей не деньгами, а натурою—хлѣбомъ, въ мѣстностяхъ исключительно земледѣльческихъ, можетъ значительно облегчить положеніе крестьянъ. Насколько такой способъ оказывается удобнымъ для плательщиковъ и для казны, можно судить по опыту прошлаго года. Какъ извѣстно, крестьянамъ предоставлено было возвращать продовольственную ссуду за 1891 годъ не деньгами, а хлѣбомъ—пудъ за пудъ. Особыя коммисіи по губерніямъ опредѣлили, какое количество хлѣба крестьяне могли бы ссыпать въ 1892 году въ возвратъ выданныхъ имъ ссудъ; земскія управы должны были организовать пріемъ хлѣба, устроивъ по возможности въ каждой волости склады для пріема. Результатъ превзошелъ ожиданія. Несмотря на то, что ссыпка хлѣба могла начаться лишь по мѣрѣ перемолачиванія хлѣба и по наступленіи зимняго пути, т.-е. около 1-го ноября,—въ теченіе одного только мѣсяца, безъ особыхъ принужденій, къ 1-му декабря 1892 г. было уже ссыпано въ земскіе склады казанской губерніи въ счетъ 550.000 пудовъ, предположенныхъ къ поступленію, слишкомъ 400 т. пудовъ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ урожай былъ удовлетворительный, ссыпано крестьянами даже большее количество, чѣмъ было предназначено ко взысканію съ нихъ продовольственными коммисіями (стр. 76—7). Факты такого рода въ высшей степени поучительны; они наглядно показываютъ, что можно весьма существенно помочь крестьянству безъ ущерба для казенныхъ интересовъ, однимъ лишь приспособленіемъ податныхъ и административныхъ порядковъ къ хозяйственнымъ условіямъ народной массы.

При нынѣшней экономической системѣ должны неизбѣжно усиливаться съ каждымъ годомъ симптомы упадка и разложенія земледѣльческаго хозяйства страны. Все болѣе увеличивается число безземельныхъ и малоземельныхъ хозяйствъ, безъ скота, безъ инвентаря. Возрастающая потребность въ хлѣбѣ заставляла расширять пашни на счетъ выгона, луговъ и лѣса; съ истребленіемъ лѣсовъ исчезаетъ плодородіе почвы; умень-

шеніе луговъ и выгоновъ задерживаетъ развитіе скотоводства, урожаи постепенно понижаются, и народная бѣдность становится хроническою, при умственной беспомощности крестьянскаго населенія. Средній чистый сборъ хлѣбовъ въ казанской губерніи при хорошемъ урожаѣ не превышаетъ дѣйствительной потребности населенія въ хлѣбѣ; крестьянство „можетъ удовлетвориться собственнымъ хлѣбомъ безъ ввознаго, но и только, — излишковъ не остается“, такъ что хлѣбъ вовсе не долженъ былъ бы идти на продажу. Между тѣмъ, подъ давленіемъ нужды въ деньгахъ для разныхъ обязательныхъ платежей, крестьяне продаютъ очень много хлѣба осенью, съ тѣмъ, конечно, чтобы снова перекупить его весною по возвышенной цѣнѣ. Даже въ годы хорошихъ урожаевъ населеніе не только не можетъ сберегать какіе-нибудь запасы, но „должно проживать весь свой доходъ, а при неурожаяхъ и другихъ невзгодахъ входить въ долги и растрачивать часть основного и оборотнаго капиталовъ и такимъ образомъ постепенно ихъ сокращать“ (стр. 45 и др.). Объ улучшеніи сельско-хозяйственной техники не можетъ быть и рѣчи при подобныхъ условіяхъ. Авторъ полагаетъ, что эти условія нисколько не лучше, а можетъ быть, и хуже въ другихъ поволжскихъ губерніяхъ, ибо въ предѣлахъ казанской губ. существуютъ еще значительныя пространства казенныхъ лѣсовъ и иныхъ оброчныхъ статей, служащихъ въ извѣстной мѣрѣ на пользу крестьянскому населенію; притомъ обширные казенные лѣса вліяютъ несомнѣнно на самый климатъ, умѣряютъ до нѣкоторой степени дѣйствіе засухъ въ губерніи (стр. 7). Общее положеніе крестьянства обѣщаетъ мало хорошаго въ будущемъ, а надежды на широкую практическую программу необходимыхъ и цѣлесообразныхъ реформъ остаются пока еще въ туманѣ.

— *Прогрессивныя теченія* въ крестьянскомъ хозяйствѣ. В. В. Спб., 1892. Стр. 261. Ц. 1 р. 35 к.

Тѣ немногія улучшенія, которыя вносятся въ крестьянское хозяйство, достаются народу съ большимъ трудомъ, какъ бы случайно, по инициативѣ отдѣльныхъ крестьянъ, безъ правильной помощи и руководства специалистовъ. Много любопытныхъ свѣдѣній о такихъ крестьянскихъ усиліяхъ собрано въ интересной книгѣ г. В. В.

Крестьянамъ приходится часто открывать Америку, „изобрѣтать то, что извѣстно всякому полуобразованному агроному“; учителями массы являются „отхожіе промышленники, нищіе, возвращающіеся со службы солдаты и другіе сельскіе люди, не сидящіе дома, а ходящіе на промыслы въ чужія мѣста. Приходитъ солдатъ съ войны,

привоситъ на родину въ кармапѣ горсть чечевицы, съ которой онъ познакомился на югѣ, хвалить ее сосѣдямъ, — и вотъ начинаются пробы новаго растенія; нищяя, посѣщающая по своей профессіи чужую губернію, поражается ея травами, достаетъ ихъ сѣмена, принести домой, — и здѣсь распространяется травосѣяніе“ (стр. 14—5). Крестьяне одного изъ уѣздовъ самарской губерніи какими-то путями достаютъ съ Кавказа сѣмена неизвѣстнаго имъ растенія, разводятъ его въ грядкахъ и пьютъ этотъ кавказскій чай вмѣсто китайскаго. Одинъ зажиточный крестьянинъ волоколамскаго уѣзда первый распространилъ употребленіе плуговъ въ своей мѣстности; онъ случайно наткнулся въ волостномъ правленіи на объявленіе рижскаго фабриканта земледѣльческихъ орудій, и такъ какъ ему необходимо было плугъ для вспашки арендуемой подъ ленъ земли, то онъ и выписалъ три экземпляра. „Плуги чрезвычайно понравились окрестнымъ крестьянамъ, и ежедневно осаждаемый просьбами одолжить или продать свой плугъ, кр. Нефедовъ ко времени осенней вспашки рѣшился выписать еще 12 плуговъ, къ слѣдующей веснѣ—38 и черезъ годъ еще 50. Выписанныя орудія были раскуплены крестьянами сосѣднихъ волостей (стр. 51). Плуги отдаются въ починку или передѣлку мѣстнымъ кузнецамъ, которые мало-по-малу начинаютъ сами заниматься приготовленіемъ плуговъ, приспособленныхъ къ требованіямъ крестьянскаго хозяйства; такъ развивается кустарное производство сельскохозяйственныхъ машинъ, причемъ въ каждомъ районѣ могутъ вырабатываться особые типы и образцы этихъ орудій, наиболѣе соответствующіе мѣстнымъ условіямъ. На конкурсѣ, устроенномъ московскимъ земствомъ въ 1890 году, признаны образцовыми 8 плуговъ, изъ которыхъ 6 оказались издѣліями кустарнаго производства. „Всѣмъ извѣстна рязанская или сапожковская молотилка, получившая въ послѣднія пятнадцать лѣтъ столь широкое распространеніе, что только одинъ рязанскій округъ ея производства ежегодно пускаетъ въ продажу тысячи экземпляровъ этого орудія. И эта молотилка изобрѣтена, строится и распространяется крестьянами. Первымъ ея конструкторомъ былъ крестьянинъ Хохловъ, служившій машинистомъ у Кошелева. Образцомъ для его молотилки послужилъ заброшенный и испорченный барретовскій конный приводъ, построенный заводомъ Бутенопа. Несмотря на то, что въ образцѣ недоставало одного зубчатаго сѣвленія, Хохловъ понялъ устройство машины, сталь ее соорудить самъ и создалъ не копію съ образца, а новое орудіе, которое по легкости и удобству пользованія считается специалистами превосходящимъ даже первоначальный барретовскій приводъ“. За этимъ изобрѣтеніемъ „послѣдовало кустарное производство молотилокъ, распространившееся на рязанскую, тульскую, владимірскую

губерніи, а затѣмъ на многія другія, вплоть до вятской, пермской и даже уфимской“. Успѣхъ этотъ объясняется какъ практичностью машины, такъ и дешевизною крестьянской работы. „Крестьянскія молотилки пріобрѣли такую славу даже въ крупныхъ хозяйствахъ, напр., поволжскихъ губерній, какою врядъ ли пользуются молотилки другихъ конструкторовъ. Виновникъ же этого широко распространяющагося движенія—крестьянинъ Хохловъ, едва-ли извѣстенъ многимъ, хотя бы по имени. Съ большою вѣроятностью даже можно допустить, — говоритъ проф. Эшлиманъ,—что самъ онъ и не знаетъ, что онъ изобрѣтатель весьма мудренаго переносного привода, и не только не воспользовался до сихъ поръ какими-либо выгодами и привилегіями изобрѣтенія, но „несказанно былъ бы радъ, еслибы кто-нибудь далъ ему за него хоть на чай“ (стр. 60). Новыя отрасли производства создаются по почину самихъ крестьянъ и часто прививаются очень успѣшно; такъ, въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ, одинъ крестьянинъ попробовалъ истолочь сѣмечки подсолнечника и выжать изъ нихъ масло: продуктъ пришелся по вкусу, и сельчане принялись за новое производство. Черезъ нѣсколько лѣтъ производство подсолнечнаго масла было перенесено въ окрестности Саратова и оттуда распространилось по сосѣднимъ губерніямъ; огороды оказались тѣсными для культуры подсолнечника, и воздѣлываніе его перенесено въ поле, гдѣ онъ играетъ важную роль по своему вліянію на раздѣлку почвы (стр. 58). Общинное землевладѣніе не только не мѣшаетъ сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ, но придаетъ имъ большую силу и распространенность, дѣлая ихъ сразу обязательными для цѣлыхъ крестьянскихъ группъ. „Когда покойный Кавелинъ предложилъ бывшимъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ перейти къ шестиполью съ посѣвомъ клевера, объяснивъ выгоды новыхъ порядковъ, убѣжденные имъ отдѣльные члены общины, стѣсненные въ своей хозяйственной дѣятельности обязательностью сѣвооборота, энергично повели пропаганду новой идеи. Рѣдкое собраніе крестьянъ проходило послѣ того безъ совѣщанія объ этомъ предметѣ“; крестьяне не хотѣли приступить къ столь рѣшительному преобразованію, не добившись единогласнаго рѣшенія всѣхъ сообщинниковъ. Если община перейдетъ къ новому сѣвообороту, то перейдетъ въ полномъ составѣ, безъ единого исключенія (стр. 174). Въ одномъ изъ селеній псковскаго уѣзда два крестьянина, убѣдившись въ выгодахъ травосѣянія, предлагали односельцамъ заняться этимъ дѣломъ, но, не достигнувъ цѣли, занялись имъ сами, для чего общество отвело имъ въ сторонѣ три десятины земли. Послѣ хорошаго урожая травы, крестьяне начали изыскивать средства перейти къ травосѣянію цѣлымъ обществомъ (стр. 175 и др.).

Помѣщичье хозяйство не всегда даетъ крестьянамъ хорошіе примѣры, достойные подражанія, и притомъ тѣ усовершенствованія, которыя годятся для крупныхъ имѣній, большею частью непримѣнимы къ крестьянскому земледѣлію. Въ сосѣдствѣ крупныхъ владѣльцевъ заключается часто соблазнъ для крестьянина „свезти удобреніе не на свое, а на чужое поле, продать все свое время сверхъ необходимаго и лишиться такимъ образомъ возможности произвести лишнюю вспашку своей полосы; при всемъ этомъ онъ такъ и не скопитъ денегъ, чтобы пріобрѣсть орудіе, въ пользѣ котораго болѣе или менѣе убѣдился“ (стр. 31). Въ дѣйствительности крупныя владѣльческія хозяйства не играютъ замѣтной роли въ улучшеніи земледѣльческой культуры у крестьянъ, а скорѣе наоборотъ, задерживаютъ ея развитіе. Въ центральной черноземной Россіи, въ области искони помѣщичьей, крестьянское хозяйство отличается наиболѣе рутиннымъ характеромъ; къ сѣверу, рядомъ съ сокращеніемъ помѣщичьей запашки, замѣчается все большее распространеніе улучшенныхъ орудій и культурныхъ пріемовъ земледѣлія въ крестьянской средѣ; еще далѣе къ сѣверу крупное владѣльческое хозяйство почти вовсе исчезаетъ, а мелкое обнаруживаетъ еще большее стремленіе къ прогрессу (стр. 54 и др.). Между прочимъ, извѣстно, что крестьянскій молочный скотъ обладаетъ многими преимуществами предъ владѣльческимъ и даже предъ заграничными усовершенствованными породами, отчасти благодаря внимательному и крайне заботливому уходу, какого невозможно требовать отъ наемной прислуги; — мелкій хозяинъ повсюду имѣетъ въ этомъ дѣлѣ перевѣсъ надъ крупнымъ (стр. 80—1). Во многихъ общинахъ процвѣтаетъ огородничество; въ ростовскомъ уѣздѣ ярославской губерніи „нѣтъ почти селенія, гдѣ бы на при-усадебной землѣ не воздѣлывались цикорій, сахарный горошекъ и разныя овощи“, и это интензивное земледѣліе вполне уживается съ мірскими порядками землевладѣнія. Крестьянство по мѣрѣ возможности выбивается на дорогу къ лучшему, но встрѣчаетъ на пути множество преградъ, иногда неодолимыхъ, и въ числѣ этихъ преградъ первое мѣсто занимаетъ повальное невѣжество массы, отсутствіе или ничтожество образовательныхъ средствъ. Свѣтъ знанія доходитъ до крестьянъ только „черезъ узкія щели“, въ видѣ случайныхъ и часто искаженныхъ обрывковъ, и тѣмъ не менѣе, несмотря на гнетъ матеріальныхъ условій, существуютъ въ народномъ земледѣліи „прогрессивныя теченія“, о которыхъ г. В. В. могъ даже написать цѣлую книгу, очень дѣльную и интересную.

Быть можетъ, авторъ слишкомъ склоненъ къ теоретическому, отвлеченному оптимизму; но съ отдѣльными выводами и замѣчаніями его трудно не согласиться, такъ какъ они опираются на массу тща-

тельно сгруппированныхъ фактическихъ данныхъ. „Не въ упраздненіи общиннаго землевладѣнія, — справедливо говоритъ г. В. В. въ концѣ своей книги, — а въ ослабленіи препятствій духовнаго и матеріальнаго характера, стоящихъ на пути устраненія уже на половину сознанныхъ крестьяниномъ недостатковъ своего быта, заключается настоящая задача здравой соціальной политики“.

— Урожайи ржи въ Европейской Россіи. *Алексѣя Фортунатова*. Москва, 1893. Стр. IV и 254. Ц. 1 р. 25 к.

Исслѣдованіе г. Фортунатова касается специальныхъ вопросовъ сельско-хозяйственной статистики, но содержитъ въ себѣ также не мало свѣденій, представляющихъ значительный общій интересъ. Цифры приводятъ автора къ тому выводу, что „отмѣна крѣпостного права имѣла послѣдствіемъ повышеніе среднихъ урожаевъ ржи въ русскомъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ“ (стр. 88). Урожайи повышаются вмѣстѣ съ увеличеніемъ плотности населенія, такъ какъ „въ большихъ массахъ увеличенная плотность населенія есть признакъ нѣкотораго увеличенія культурности населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и улучшенія земледѣльческой техники“ (стр. 148). Чѣмъ дороже оплачивается наемный трудъ, тѣмъ выше владѣльческіе урожаи сравнительно съ крестьянскими. Вліяніе грамотности населенія не поддается точной статистической оцѣнкѣ: съ одной стороны, максимальный общій урожай получается въ губерніяхъ съ наибольшимъ процентомъ грамотныхъ между рекрутами, а съ другой — наименьшіе урожаи оказываются въ мѣстностяхъ, гдѣ процентъ грамотныхъ выше средняго (стр. 151—2). Объясняется эта странность вѣроятно тѣмъ, что грамотные больше отвлекаются отъ земледѣлія, уходятъ въ города и на разные промыслы, въ ущербъ сельскому хозяйству. Крестьянскіе урожаи правильно повышаются по мѣрѣ уменьшенія надѣла на ревизскую душу; такъ же точно и для владѣльческихъ имѣній наименьшая величина урожая получается при максимальномъ крестьянскомъ надѣлѣ, а въ уѣздахъ съ наименьшими размѣрами надѣла владѣльческое хозяйство даетъ наилучшіе урожаи (стр. 155). Повидимому, меньшій размѣръ надѣла вызываетъ болѣе старательную обработку крестьянской земли и въ то же время обезпечиваетъ частнымъ владѣльцамъ достаточное количество рабочихъ рукъ. Болѣе высокіе урожаи являются вообще и болѣе устойчивыми; поэтому, повышая производительность своей земли, русскіе хозяева не должны опасаться уменьшенія устойчивости урожаевъ (стр. 203).

Авторъ придерживается исключительно статистическаго метода,

но онъ не преувеличиваетъ его значенія и вполне признаетъ важную роль дедукціи и опыта въ народно-хозяйственныхъ вопросахъ. Можно думать, что г. Фортунатовъ видитъ интересы абстрактной науки тамъ, гдѣ есть матеріалъ только для практическихъ задачъ, болѣе или менѣе важныхъ и насущныхъ: съ изученіемъ переменчивыхъ данныхъ объ урожаяхъ ржи въ разное время онъ ошибочно связываетъ стремленіе „приблизиться къ вѣчной, хотя и вѣчно недостижимой для человѣка цѣли научныхъ изслѣдованій,—къ истинѣ“ (стр. 214). Авторъ въ своей работѣ не касается печальнаго 1891 года; но, — говоритъ онъ, — „когда настанетъ время научной разработки свѣдѣній о неурожаяхъ 1891 и 1892 годовъ, наша работа можетъ пригодиться хотя бы для установки хронологическаго значенія послѣднихъ неурожаяевъ“ (стр. IV). Для вѣчной истины и науки вовсе не нужны эти груды статистическихъ цифръ, имѣющихъ лишь временное, переходящее значеніе; эти матеріалы и дѣлаемые изъ нихъ выводы полезны только для экономической, сельско-хозяйственной политики, а никакъ не для отвлеченныхъ, теоретическихъ обобщеній. Какъ замѣчаетъ г. Фортунатовъ въ предисловіи, выясненіе дѣйствительной величины среднихъ урожаевъ даетъ матеріалъ для „общей оцѣнки современнаго уровня земледѣльческой техники какъ въ цѣлой странѣ, такъ и въ различныхъ областяхъ“, для опредѣленія продовольственныхъ средствъ и для производства земельныхъ оцѣнокъ. Абстрактная наука и вѣчная истина тутъ не при чемъ. Было бы очень жаль, еслибы сложнымъ и дѣльнымъ трудамъ по хозяйственной статистикѣ ставились фантастическія, отдаленныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ чисто-практическимъ содержаніемъ и значеніемъ изучаемыхъ явленій.

— *Крестъянское мірское хозяйство*. Составилъ М. А. Скибинскій. Стр. 187. Ц. 1 р. 70 к.

Какъ практическій дѣятель, поставленный въ близкія служебныя отношенія съ крестьянствомъ по должности мирового посредника (въ подольской губерніи), г. Скибинскій имѣлъ возможность наблюдать многія слабыя стороны и особенности сельскаго самоуправления. Чтобы устранить эти недостатки, онъ составилъ подробную „нормальную инструкцію“ о порядкѣ завѣдыванія мірскимъ хозяйствомъ и мірскими капиталами, правила о денежныхъ сборахъ и взысканіяхъ и о продовольственныхъ запасахъ, при чемъ приняты въ расчетъ необходимыя условія контроля и отчетности при общей неграмотности населенія. Помогутъ ли, однако, подробнѣйшія инструкции, когда,

напр., даже такое важное дѣло, какъ сборъ казенныхъ платежей, оставляется безъ всякой разумной организаціи, находясь всецѣло въ рукахъ безграмотныхъ лицъ, контролируемыхъ столь же безграмотными плательщиками?

Г. Скибинскій сообщаетъ любопытныя свѣденія о томъ, какъ производится сборъ обязательныхъ платежей съ крестьянъ. „Въ большинствѣ случаевъ плательщики собираются въ указанномъ мѣстѣ толпою, наполняютъ избу невообразимымъ шумомъ, бранью, ссорами и нерѣдко драками, берущими начало въ спорахъ изъ-за неправильно требуемыхъ съ нихъ сборовъ, и при такой обстановкѣ заваливаютъ неграмотнаго сборщика деньгами. Въ нѣкоторыхъ селахъ сборщики *иногда* удостовѣряютъ въ книжкахъ плательщиковъ пріемъ выкупныхъ платежей; при взысканіи же поземельныхъ, страховыхъ и мірскихъ сборовъ, они *ничѣмъ и никогда не удостовѣряютъ* ни времени, ни количества принятыхъ отъ плательщиковъ денегъ... Въ нѣкоторыхъ селахъ, вслѣдствіе неграмотности сборщиковъ и старость, крестьяне установили обычай платить кому-нибудь изъ грамотныхъ односельцевъ по копѣйкѣ или по двѣ за каждую сдѣланную имъ въ платежной книжкѣ отмѣтку (при сборѣ выкупныхъ платежей). Въ большинствѣ же селъ такого обычая не существуетъ. Неграмотные сборщики послѣднихъ, собравъ отъ плательщиковъ массу денегъ и платежныхъ книжекъ, обыкновенно *блгуютъ съ ними по селу*, пока не упросятъ какого-нибудь грамотѣя отмѣтить въ книжкахъ поступившіе платежи. Если никто не согласится помочь сборщику, что случается очень часто, то послѣдній посылаетъ въ волостное правленіе десятискаго съ просьбою, чтобы къ нему прислали писца или помощника писаря для той же цѣли; но волостное правленіе не можетъ удовлетворять подобнымъ ходатайствамъ, потому что неграмотность сборщиковъ — явленіе общее, а взысканіе выкупныхъ платежей и поземельныхъ сборовъ производится одновременно во всѣхъ обществахъ волости въ теченіе 1—3 недѣль“. Притомъ, еслибы грамотѣй и отмѣтилъ въ книжкахъ поступившіе къ сборщику платежи, то „ни плательщикъ, ни сборщикъ не могутъ понимать, что въ нихъ отмѣчено“; отсюда постоянныя жалобы на злоупотребленія и ошибки. Отмѣтки о времени уплаты и количествѣ внесенныхъ денегъ домохозяевами дѣлаются волостнымъ писаремъ въ податныхъ тетрадяхъ, по принятому обычаю, только два раза въ годъ, не выходя изъ канцеляріи правленія, со словъ сборщика податей; запомнить же въ теченіе полугода время уплаты и количество денегъ, уплаченныхъ сотнями такихъ плательщиковъ, для неграмотнаго сборщика не подъ силу. „Населеніе поэтому несомнѣнно находится въ полной зависимости отъ произвола сборщиковъ, а крестьянскимъ учрежденіямъ нѣтъ

никакой возможности провѣрить ихъ дѣятельность и основательность возбуждаемыхъ послѣднюю жалобъ. Тяжелое и беззащитное положеніе плательщиковъ денежныхъ сборовъ — явленіе общее сорока-милліонному крестьянскому населенію имперіи“ (стр. 67—70).

При такихъ условіяхъ надо еще удивляться, что собранныя деньги не всегда пропадаютъ, и что вопіющія злоупотребленія случаются не вездѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что высшіе образованные классы не выдержали бы подобнаго порядка вещей и давно запутались бы въ цѣломъ рядѣ систематическихъ хищеній и растратъ. Между тѣмъ г. Скибинскій обвиняетъ еще самихъ крестьянъ и находитъ сельскія общества „рѣшительно неспособными къ самостоятельной общественной дѣятельности“, такъ какъ они предоставляютъ отдѣльнымъ лицамъ „безконтрольно эксплуатировать общественные интересы“; злоупотребленія происходятъ будто бы только отъ „полнаго небреженія обществъ къ своимъ интересамъ и безучастнаго отношенія ихъ къ дѣятельности вышеупомянутыхъ немногихъ, но ловкихъ лицъ, обыкновенно захватывающихъ въ свои руки общественныя дѣла и хозяйства“ (стр. 7). Выводъ этотъ, очевидно, несправедливъ: безпомощность крестьянъ вслѣдствіе безграмотности и невѣжества вовсе не свидѣтельствуетъ о неспособности ихъ къ самоуправленію и о невниманіи ихъ къ общественнымъ дѣламъ. Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ сельскіе порядки по сбору и храненію общественныхъ суммъ. Одинъ крестьянинъ состоялъ одновременно сборщикомъ податей и попечителемъ ссудовспомогательнаго общественнаго капитала (свыше семи тысячъ рублей); деньги хранились въ сундукѣ его жены, потому что установленнаго помѣщенія для нихъ въ обществѣ не было. Сборщикъ не устоялъ отъ соблазна и растратилъ болѣе полутора ста рублей; волостной писарь, узнавъ объ этомъ, вошелъ съ нимъ въ стачку и хищеніе было легко возведено въ систему. Крестьяне скоро почувствовали на себѣ результаты этой сдѣлки. Подати и разные платежи исправно прибывали въ сундукъ жены сборщика, но внесенныя заемщиками ссуды далеко не всѣ отмѣчались по книгамъ и продолжали числиться за ними, какъ просроченныя; населеніе, уплачивая двойные поборы, стонало и роптало. Волостной писарь производилъ учеты денежнымъ сборамъ не одновременно съ ссудовспомогательнымъ капиталомъ и мірскими доходами, такъ что сборщикъ имѣлъ возможность при учетахъ всегда предъявлять сходу полную наличность, беря ее для пополненія растраты изъ тѣхъ наличныхъ суммъ, которымъ въ данное время учетъ не производился. Когда дѣло формально обнаружилось черезъ семь лѣтъ, то первые пострадали отъ этого ни въ чемъ неповинные крестьяне: съ нихъ вторично стали взыскивать довольно

крупную сумму выкупныхъ платежей, растраченныхъ сборщикомъ, и крестьяне, понятно, протестовали, за что были отданы подъ судъ и подверглись суровымъ карательнымъ мѣрамъ. „Въ настоящее время, — говоритъ авторъ, — сборщикъ и возбудившіе сопротивленіе властямъ инициаторы крестьянскаго протеста сидятъ въ тюрьмѣ, а волостной писарь благополучно продолжаетъ свою общественно-служебную дѣятельность. Растраченныя же деньги, конечно, пополнены сельскимъ обществомъ (стр. 12—14). Чаше всего сельскія общества дѣлаются жертвами ловкихъ людей, когда приходится вести тяжбу или хлопотать о чемъ-либо предъ начальствомъ; за дѣло берется мѣстный же крестьянинъ, „облакатъ“, который старается перебрать какъ можно больше общественныхъ денегъ подъ предлогомъ необходимыхъ расходовъ. Облакатъ такого рода, получивъ деньги на дорогу и на хлопоты, ѣдетъ въ уѣздный городъ, сидитъ нѣсколько дней въ постояломъ дворѣ, потомъ, возвратившись въ село, рассказываетъ мужикамъ, что былъ въ губернскомъ городѣ, что не засталъ тамъ кого нужно было, или засталъ и ему обѣщали заштитить крестьянское дѣло, и что мужички свое получаютъ. Одна изъ такихъ исторій, по разсказу автора, окончилась тѣмъ, что, послѣ многократныхъ поѣздокъ уполномоченнаго въ разныя мѣста, крестьяне наконецъ снабдили его изъ мірскаго капитала большою суммою денегъ (болѣе 1.500 р.) и послали хлопотать ужъ прямо къ самому Царю. „Облакатъ дальше Ковеля не ѣздилъ, но, просидѣвъ тамъ съ недѣлю, возвратился въ село и разсказалъ крестьянамъ, что Царя не засталъ дома, — поѣхалъ на богомолье въ Іерусалимъ“ (стр. 9). Растраты общественныхъ денегъ случаются постоянно въ разныхъ видахъ и формахъ; иногда деньги, неожиданно поступившія въ мірскую кассу, напр. по рѣшенію суда, пропиваются крестьянами при участіи всего общества. Вліятельные домохозяева часто присвоиваютъ себѣ нѣкоторую долю общественныхъ суммъ. Сколько подобныхъ фактовъ, — восклицаетъ авторъ, — происходило на всемъ пространствѣ имперіи въ продолженіе 32-хъ-лѣтняго существованія крестьянскаго самоуправленія и какія колоссальныя суммы общественныхъ денегъ погибли для крестьянъ безвозвратно! Само собою разумѣется, что дѣло вовсе не въ крестьянскомъ самоуправленіи, а въ полной умственной тѣмѣ, окружающей сельскую массу и въ отсутствіи разумной организаціи даже такихъ серьезныхъ финансовыхъ функцій, какъ сборъ податей съ крестьянъ.

Практическія правила и инструкціи, составленныя г. Скибинскимъ, могутъ оказаться вполне пригодными и полезными для сельскихъ обществъ. Въ концѣ книги приложены формы и образцы для счетовъ.

водства и отчетности сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей и смотрителей хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. — Л. С.

— *Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ.* Отчетъ о помощи голодавшимъ нѣкоторыхъ мѣстностей моршанскаго и кирсановскаго уѣздовъ, тамбовской губерніи, въ 1891—92 г. Составленъ А. А. Корниловымъ. Москва, 1893. (Въ пользу голодающихъ).

Въ теченіе послѣдняго голода не однажды происходило то, что разсказываетъ г. Корниловъ о предпріятіи ихъ небольшого кружка — помочь голодающимъ нѣкоторыхъ мѣстностей тамбовской губерніи. Это было небольшое и совершенно частное предпріятіе, но въ силу обстоятельствъ оно превратилось въ большое общественное дѣло, сохранившее, однако, совершенно частный, неофициальный характеръ, и это послѣднее обстоятельство побудило работавшихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ дать отчетъ въ своей дѣятельности не только передъ жертвователями, но и передъ цѣлымъ обществомъ. Г. Корниловъ замѣчаетъ въ предисловіи, что они могли бы, можетъ быть, не безъ нѣкоторой выгоды для своего дѣла, присоединиться къ дѣйствовавшимъ въ тамбовской губерніи официальнымъ или полу-официальнымъ учрежденіямъ, но предпочли, однако, сохранить свою независимость. „Мы рѣшились избрать этотъ путь, боясь, съ одной стороны, въ случаѣ присоединенія своего къ официальнымъ организаціямъ, быть стѣсненными въ своей дѣятельности разными формальностями, къ которымъ мы чувствовали суетворный страхъ, а съ другой — намъ представлялся чрезвычайно важнымъ и глубоко интереснымъ дѣломъ самый опытъ совершенно частнаго веденія такого общественнаго предпріятія. При этомъ мы должны съ искреннею благодарностью вспомнить, что мѣстныя власти не только не мѣшали намъ въ этомъ, но оказывали, напротивъ, въ нашей дѣятельности нерѣдко весьма цѣнное для насъ содѣйствіе. Это дало намъ возможность произвести такимъ образомъ новый опытъ соприкосновенія представителей интеллигенціи съ народомъ въ очень оригинальной обстановкѣ, причемъ эти представители интеллигенціи явились не въ обычной для народа оболочкѣ представителей власти, а въ своемъ собственномъ видѣ безъ всякихъ чиновничьихъ или другихъ официальныхъ атрибутовъ“.

Среди тяжкихъ испытаній, какія пришлось вынести большой массѣ населенія въ теченіе послѣдняго голода, оказалось одно отрадное явленіе, которое, надо думать, не останется безъ слѣда и на будущее время: это — порывъ глубокаго участія, которое обнаружилось въ кругу образованнаго общества къ народному бѣдствію и вырази-

лось тою дѣятельностью, одинъ изъ фактовъ которой изображаетъ отчетъ г. Корнилова. Это участіе не могло не существовать, и если оно не высказывалось въ такомъ размѣрѣ въ прежнее время, если и въ данномъ случаѣ оно складывалось какъ бы неувѣренно,—виною этого тѣ общія отношенія, въ какихъ вообще поставлена у насъ общественная инициатива: за нею нѣтъ никакого права; люди, которые хотятъ стать ея выразителями, рискуютъ всегда встрѣтиться со всякими препятствіями, даже съ крупными затрудненіями и непріятностями... Какъ извѣстно, и въ данномъ случаѣ не обошлось безъ такихъ затрудненій, но дѣло было такъ серьезно, необходимость помощи была такъ очевидна, что, къ счастью, затрудненія могли быть удалены и поданъ былъ примѣръ благотворныхъ вліяній общественнаго дѣла. Нечего говорить о томъ, какая прекрасная общественная заслуга принадлежитъ тѣмъ людямъ, которые впервые брали на себя эту инициативу, тратя на это много тяжелаго труда и времени. И нельзя не согласиться, что рѣшеніе начинателей дѣла сохранить за нимъ характеръ вполне частной инициативы было въ полной мѣрѣ разумно и цѣлесообразно: мы слишкомъ привыкли къ тому, чтобы все дѣлалось начальствомъ, и нужно было дать примѣръ общественнаго труда и нравственнаго долга тамъ, гдѣ однихъ распоряженій начальства было бы, пожалуй, недостаточно. Успѣхъ дѣла, кажется, превзошелъ ожиданія. Чтобы указать нужды голодавшаго края и привлечь пожертвованія, надо было сдѣлать предпріятіе именно общественнымъ, обратиться къ печати, и въ результатъ явилось множество пожертвованій даже совѣмъ неожиданныхъ. Такъ ясно было, что въ массѣ общества,—какъ мы ни извѣрились въ немъ за послѣднее время,—всегда найдется откликъ на здравое и хорошее дѣло.

Когда начинатели предпріятія рѣшали оставить его дѣломъ общественнымъ, а не оффиціальнымъ, то кромѣ привлеченія общественныхъ силъ была и другая сторона дѣла, для которой это было существенно важно: это было отношеніе къ самому народу. „Мы прожили,—говоритъ г. Корниловъ,—среди нуждавшихся крестьянъ, въ постоянномъ и близкомъ общеніи съ ними, семь мѣсяцевъ и, конечно, не могли не вынести изъ этого общенія многихъ поучительныхъ для себя впечатлѣній, соображеній и заключеній. Подѣлиться съ обществомъ своими впечатлѣніями и нѣкоторыми свѣденіями о положеніи крестьянъ занятаго нами района будетъ также, быть можетъ, не безполезно. Руководясь этими соображеніями, кружокъ нашъ счелъ нужнымъ представить обществу и жертвователямъ полный и подробный, по возможности, отчетъ не только о томъ, куда и на что были израсходованы собранныя деньги, но также и о томъ, какъ организовано было дѣло, въ какомъ положеніи мы нашли крестьянъ избран-

наго нами района, что, какъ и почему для нихъ сдѣлали, стараясь полнѣе и глубже посвятить читателя въ руководившіе нами мотивы⁴. Авторъ извиняется въ томъ, что матеріалъ собранъ недостаточно равномерно: голодъ не ждалъ, рабочихъ силъ было немного, свѣденія собирались разными лицами не по одной заранѣ опредѣленной программѣ; — намъ кажется, что недостатокъ совершенно точной статистики — бѣда небольшая, потому что и по тѣмъ даннымъ, какія есть, можно составить достаточное понятіе о бѣдственномъ положеніи населенія.

Отчетъ составленъ чрезвычайно обстоятельно. Мы укажемъ здѣсь только общую цифру пожертвованій; которыя были собраны для голодающихъ этой мѣстности. Эта сумма составила около 45.000 руб. и въ томъ числѣ было около 6.000 рублей (16.000 франковъ), присланныхъ изъ частной подписки во Франціи; кромѣ того поступало много пожертвованій натурой, въ видѣ хлѣба, сухарей, крестьянскаго платья, сѣна и пр.

Отчетъ останавливается еще на одной сторонѣ этого дѣла, чрезвычайно интересной, а именно, на вопросѣ о нравственномъ значеніи для населенія этой благотворительной организаціи и объ отношеніи къ ней какъ самого голодающаго населенія, такъ и другихъ мѣстныхъ жителей и администраціи. Разумѣется само собою, что говорится только о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ данной мѣстности, но это не лишаетъ ихъ гораздо болѣе широкаго интереса, потому что такія же условія повторялись, конечно, и въ другихъ мѣстахъ. Не будемъ упоминать о разныхъ толкахъ въ обществѣ, на которые отвѣчаетъ отчетъ, какъ, напримѣръ, о томъ, что голодъ „былъ раздуть“: составитель отчета замѣчаетъ объ этомъ послѣднемъ, что достаточнымъ отвѣтомъ можетъ служить описаніе состоянія крестьянскихъ хозяйствъ. Относительно того, что даровая помощь должна имѣть деморализующее дѣйствіе, и что замѣнить ея лучше было бы предложеніе работы, г. Корниловъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что работа подобнаго рода можетъ быть предложена лишь тогда, когда она совершенно правильно организована, и что недостатокъ такой правильной организаціи и былъ причиной того отказа населенія отъ предложенныхъ работъ, который, какъ, напр., въ курской губерніи, „повлекъ за собой внимательство административныхъ властей и рядъ насильственныхъ дѣйствій съ полнымъ игнорированіемъ элементарныхъ правъ человѣческой личности и человѣческаго достоинства“.

Для того кружка, который хотѣлъ работать для голодающаго населенія въ тамбовской губерніи, не представлялось и вопроса о возможности замѣнить даровую помощь оплачиваемой работой: такой

работы не было въ его распоряженіи—„приходилось безъ дальнихъ разсужденій скорѣе спасать населеніе отъ смерти, истощенія и полнаго разоренія“ (стр. 209).

Составитель отчета не отвергаетъ возможности вопроса о деморализаціи, какая можетъ возникать изъ подобной филантропіи: она способна унижать человѣческое достоинство и съ другой стороны отъучать отъ необходимости собственныхъ усилій и труда. „По-давая помощь,—говоритъ авторъ,—мы всячески старались въ сношеніяхъ съ крестьянами щадить и поддерживать ихъ личное достоинство и устранять, по мѣрѣ возможности, т.-е. насколько это отъ насъ зависѣло, все принижающее его“. (стр. 206). Въстѣ съ тѣмъ авторъ, основываясь на практикѣ своего кружка, категорически отвергаетъ возникавшее предположеніе, что даровая помощь испортитъ крестьянъ, отъучитъ ихъ отъ работы и особливо отъ работы, принятой по обязательствамъ съ помѣщиками. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ заявлена была только одна жалоба со стороны помѣщика, который грозилъ даже обратиться къ губернатору съ просьбой приказать запретить выдачу крестьянамъ продовольственной помощи. По ближайшемъ разслѣдованіи жалоба оказалась, однако, совершенно неосновательной, и изъ всей мѣстности нашлось только два мужика, которые бѣжали отъ работы: это были, однако, извѣстные лѣнтяи и лежебоки. Что касается до вопроса о томъ, была ли у крестьянъ должная „благодарность“ къ ихъ благотворителямъ, авторъ справедливо замѣчаетъ: „собственно вопросу о благодарности по настоящему не должно быть и мѣста въ мотивахъ человѣка, который, сознавая свои человѣческія обязанности, рѣшится принести свои силы на помощь постигнутому бѣдой народа. Такъ называемая неблагодарность, подъ которую такъ легко подводятся всякаго рода недоразумѣнія и еще легче обобщаются, ни въ какомъ случаѣ не должна смущать человѣка, серьезно рѣшившагося принести добро народу“ (стр. 213). Съ своей стороны кружокъ заявляетъ, что видѣлъ самыя разнообразныя выраженія благодарности „и внѣшней, формальной,—выражавшейся въ молебнахъ и обѣдняхъ, отслуженныхъ мужиками за здравіе наше, въ записываніи нашихъ именъ въ патерики (авторъ разумѣлъ, вѣроятно, помянники, для поминовенія за здравіе), въ словахъ и рѣчахъ, обращенныхъ къ намъ, и внутренней, душевной—такъ сказать, отпечатанной на лицахъ и выражавшейся иногда въ проявленіяхъ дѣтской радости, въ слезахъ и т. п.“.

Но такое отношеніе крестьянъ къ дѣятелямъ кружка оказалось не вдругъ. Напротивъ, вначалѣ неожиданная помощь со стороны, притомъ приносимая людьми совершенно неизвѣстными, возбудила не мало толковъ и между прочимъ самыхъ нелѣпыхъ догадокъ о ея

происхожденіи; нѣкоторыя „знающія“ бабы опасались даже, не исходить ли эта помощь отъ антихриста, хотя, впрочемъ, населеніе не относилось къ бабымъ догадкамъ серьезно. Но правильному отношенію крестьянъ къ помощи, имъ оказываемой, гораздо больше мѣшали другія соображенія: идея „царскаго пайка“ и кошмаръ круговой поруки. „Такъ какъ мы явились со стороны, то крестьяне не могли причислить насъ къ представителямъ помѣщичьяго элемента, и потому у нихъ сразу установилось убѣжденіе, что мы присланы начальствомъ распредѣлять казенную помощь. А такъ какъ они представляли себѣ казенную помощь въ видѣ ссуды, которую потомъ будутъ взыскивать при помощи круговой поруки, то естественно явилось опасеніе, что впослѣдствіи придется отвѣчать своимъ имуществомъ за бѣднѣйшихъ изъ нихъ и тѣмъ, которые и вовсе не получили никакой помощи. Поэтому чрезвычайно трудно было растолковать имъ, что помощь, которую мы распредѣляемъ,—не казенная, а частная и притомъ безвозвратная, что она идетъ отъ добрыхъ людей и является даровымъ и добровольнымъ пожертвованіемъ, которое, слѣдовательно, и распредѣлить нужно между одними только дѣйствительно нуждающимися и голодными, а никакъ не поровну между всѣми. Не мало пришлось потратить терпѣнія и краснорѣчія, чтобы разъяснить имъ это. Но полный отчетъ въ значеніи оказываемой имъ помощи они себѣ отдали не раньше, чѣмъ привыкли и присмотрѣлись къ намъ самимъ настолько, что стали питать къ намъ нѣкоторое довѣріе, видя, что мы не по должности, а искренно, добровольно желали помочь имъ. Тогда только они стали вѣрить и словамъ нашимъ, съ которыми раньше соглашались лишь по наружности“. Одинъ мужикъ, очень бывалый и, повидимому, смысленный, тоже никакъ не могъ понять этого дѣла, предполагая, что, вѣроятно, господа получаютъ отъ Царя хорошую награду, и когда ему объяснили, что никакихъ наградъ тутъ не будетъ, и что дѣлается помощь вовсе не въ такомъ разсчетѣ, онъ разсудилъ, что значитъ это дѣлается „для души“. При каждомъ появленіи въ новой деревнѣ повторилась опять съ начала та же исторія: мужики требовали, чтобы помощь дѣлилась всѣмъ поровну; имъ объясняли, что не всѣ поровну разорились, и они какъ будто соглашались съ этимъ, поддакивали, но затѣмъ, кто посмѣлѣе, начиналъ роптать: „Что-жъ это вы будете теперь голь-то, да лѣнливыхъ, да пьяницъ кормить, а потомъ мы же за всѣхъ отвѣчай! Нѣтъ ужъ лучше раздавайте всѣмъ поровну,—мы у Царя всѣ равны“—и т. д., опять съ начала“ (стр. 215—218).

Это общеніе съ крестьянскимъ міромъ привело автора, а вѣроятно и другихъ членовъ кружка, и къ общимъ соображеніямъ о нравствен-

номъ и бытовомъ положеніи сельскаго населенія въ настоящее время. Эти соображенія кажутся намъ опять справедливыми. „Недовѣріе крестьянъ ко всякому культурному человѣку, обнаружившееся на первыхъ порахъ нашей дѣятельности, объясняется, конечно, историческими причинами, которыя слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться. Оно затрудняетъ сношеніе съ ними, а для человѣка нетерпѣливаго, или слишкомъ наивнаго и отвлеченнаго, можетъ сдѣлать ихъ совершенно невозможными. Въ этомъ обстоятельствѣ несомнѣнно кроются элементы, изъ которыхъ, при неправильномъ освѣщеніи и обобщеніи ихъ, легко можно вывести понятіе о неблагодарности крестьянъ и о низкомъ уровнѣ ихъ нравственнаго развитія. На дѣлѣ между ними, какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, есть дурные, есть и хорошіе люди; но нельзя, разумѣется, отрицать, что та темнота и мракъ, въ которыхъ живутъ до сихъ поръ крестьяне моршанскаго уѣзда, часто не даютъ высказаться наружу многимъ добрымъ свойствамъ человѣка и, наоборотъ, представляютъ удобную среду для развитія нѣкоторыхъ дурныхъ чертъ человѣческой природы. Мѣстные помѣщики и управляющіе имѣніями обыкновенно бранятъ крестьянъ и утверждаютъ, что нравственность сильно упала среди нихъ за послѣднее десятилѣтіе. Конечно, въ этихъ сужденіяхъ видна иногда раздражительность, вызванная обычнымъ антагонизмомъ между предпринимателемъ и рабочимъ; но я не рѣшился бы все-таки утверждать, что сужденія эти совершенно несправедливы. Жалобы на то, что въ крестьянскомъ быту распались и частью уничтожились прежніе устои нравственности — патріархальный бытъ и семейное и родовое начало, — мнѣ кажется, справедливы. Крестьянское общество несомнѣнно находится теперь въ переходномъ состояніи; но безумна, разумѣется, мысль вернуть его къ прежнему быту какимъ бы то ни было путемъ. Мнѣ кажется, на государствѣ и обществѣ русскомъ лежить, напротивъ, обязанность помочь ему скорѣе выйти изъ теперешняго переходнаго состоянія не *назадъ*, а *впередъ*. Прежніе устои нравственности: великорусская большая семья и патріархальный бытъ — невозстановимы, они отжили свой вѣкъ и печего ихъ жалѣть. Нужно помочь крестьянину скорѣе выработать и сознать въ себѣ новые, болѣе высокіе устои нравственности — человѣческую личность и человѣческое достоинство... Помочь же тутъ можно лишь послѣдовательнымъ признаніемъ за крестьяниномъ всей полноты человѣческихъ правъ и соотвѣтственнымъ обращеніемъ съ нимъ, а также скорѣйшимъ пріобщеніемъ его къ культурной средѣ“ (стр. 220—222)...

Читатель съ удовольствіемъ встрѣтитъ эти здравыя мысли въ книгѣ о предпріятіи, которое посвящено было народу и которое совершалось именно въ его средѣ, въ тяжелую пору. Эти мысли — новое под-

твержденіе того ожиданія, что общественная дѣятельность на помощь голодающимъ должна была принести и для самаго общества благотворный результатъ въ большемъ уясненіи нашего народнаго вопроса. Надо полагать, что впечатлѣнія, вынесенныя участниками пастоящаго предпріятія, послужатъ съ пользой для тѣхъ, кому приводится быть въ общеніи съ народною жизнью на томъ или другомъ поприщѣ. Не считаемъ нужнымъ говорить много о томъ, какое прекрасное общественное и народное дѣло совершалъ тотъ кружокъ, историкомъ дѣятельности котораго является г. Корниловъ, и другіе подобные кружки, которые дѣйствовали въ послѣдніе годы въ средѣ народа.

— *Гроза гимназій.* Разказы изъ школьной жизни. Сигизмунда Либровича. Спб. 1892.

— *А. Желанскій.* Скамья и кафедра. Разказы изъ гимназической жизни семидесятихъ годовъ. Москва, 1893.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойная Хвоцинская (Крестовскій-псевдонимъ) издала переводъ прекрасной книжки Де-Амичиса: „Дневникъ школьника“, — разказы о школьной жизни, въ которыхъ рисовалось воспитательное значеніе школы и передавались нерѣдко трогательные эпизоды изъ психологической жизни юнаго поколѣнія. Быть можетъ, не безъ вліянія этой книжки г. Либровичъ собралъ свои разказы, гдѣ дается отчасти характеристика самой гимназій, отчасти сообщается исторія нѣсколькихъ товарищей, разнесенныхъ жизнью на самые различные пути. Гимназія оставила въ авторѣ весьма теплыя воспоминанія; поставленный во главѣ учитель, „гроза гимназій“, на дѣлѣ былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ казался ученикамъ, а именно это былъ очень добрый человекъ и заботливый педагогъ, который видѣлъ въ своихъ питомцахъ не школьниковъ, ему надоѣдающихъ, а маленькихъ неопытныхъ друзей, которыхъ надо воспитывать и сколько возможно имъ помочь. Эта гимназія, въ которой обучался авторъ (посвящающій книгу своему сыну), существовала вѣроятно уже давно.

О гораздо болѣе новой гимназій, именно гимназій семидесятихъ годовъ, разказываетъ г. Желанскій. Программа книги другая: авторъ не имѣлъ въ виду разказывать исторіи своихъ сотоварищей послѣ школы, а хотѣлъ только разказать о самой школѣ. Передъ нами проходитъ весь преподавательскій персоналъ: директоръ, инспекторъ и учителя тѣхъ предметовъ, которые были для учениковъ главными, т.-е. которыхъ они всего больше боялись. Намъ изображается преподаваніе съ его особенностями у разныхъ учителей, воспитательскіе приемы, отношенія къ тому и другому учениковъ. Сколько можно за-

мѣтить, гимназія не оставила въ тѣхъ, о комъ рассказываетъ авторъ, особенно благодарныхъ и пріятныхъ воспоминаній; ни одного лица, внушающаго сочувствіе, ни одного упоминанія о пользѣ, вынесенной изъ школы,—единственное лицо, не подходившее подъ общій уровень, есть учитель, въ которомъ ученики подмѣтили не заурядный умъ и знаніе, но и это былъ болѣзненный человѣкъ и большой скептикъ, къ ученикамъ равнодушный; былъ, правда, еще учитель — настоящій ученый человѣкъ, попавшій въ провинцію только потому, что его здоровье не выносило климата столицы, но, преданный своей наукѣ, онъ не былъ достаточно строгимъ учителемъ, а ученики, разумѣется, его не поняли. Уровень знаній у преподавателей авторъ изображаетъ вообще весьма невысокимъ; не разъ онъ характеризуетъ учителей какъ невѣждъ, различая только невѣждъ осторожныхъ и неосторожныхъ; ученики рѣдко занимаются сколько-нибудь сознательно: огромное большинство старается только какъ-нибудь сбывать уроки, то-есть получать удовлетворительныя отмѣтки, не заботясь о существѣ дѣла и стараясь только подѣскивать различные вспомогательные способы скрыть отъ учителя свое незнаніе; у одного изъ учениковъ составилъ даже цѣлый „архивъ“ подобныхъ вспомогательныхъ средствъ, листочковъ съ выписанными уроками, „надбитыхъ“ экземпляровъ классиковъ (т.-е. снабженныхъ русскимъ переводомъ, вписаннымъ между строками), подстрочниковъ и т. п.,—этотъ „архивъ“ онъ по окончаніи курса могъ даже съ выгодой продать своимъ преемникамъ. Пребываніе въ школѣ состоитъ для учениковъ исключительно въ разныхъ мелкихъ событіяхъ школьной жизни, въ заботахъ о томъ, какъ сбыть урокъ, какія средства спасенія придумать для экзамена; главной тяготой служатъ, конечно, классическіе языки съ грамматикой, экстенпораліями и т. п.

Разсказъ ведется съ такими подробностями относительно преподавательскихъ пріемовъ учителей, быта и способа дѣйствій учениковъ, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что разсказъ вѣренъ дѣйствительности, если не составляетъ настоящей ея копіи. Цѣлами художественными авторъ, очевидно, не задавался; для него вопросъ былъ только въ томъ, чтобы нарисовать бытовую картинку, и она дѣйствительно получается и въ цѣломъ способна произвести удручающее впечатлѣніе. Все то, что мы читаемъ въ педагогической литературѣ о воспитательномъ и образовательномъ значеніи школы, что мы читаемъ у защитниковъ классицизма о великой пользѣ изученія древнихъ классиковъ, которое должно доставить ученикамъ наилучшую основу умственного развитія и т. п., все это совершенно отсутствуетъ въ школѣ, описанной г. Желанскимъ. Мы не хотимъ думать, что вообще таковъ характеръ новѣйшаго гимназическаго образованія; готовы ду-

мать, что подобныя школы составить только меньшинство, но существованіе подобныхъ явленій во всякомъ случаѣ есть напоминаніе о вопіющихъ нуждахъ нашего средняго образованія.—А. В.

— *Н. В. Горяевъ*. Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка. Съ приложеніемъ: 1) таблицъ соотвѣтствія гласныхъ и согласныхъ звуковъ въ сравниваемыхъ языкахъ; 2) конспективнаго обозрѣнія связи и развитія этихъ послѣднихъ, и 3) алфавитныхъ списковъ греческихъ, латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и армянскихъ словъ, поставленныхъ въ этомъ словарѣ въ связь съ русскими словами. Тифлисъ. 1892.

Въ нашей, вообще небогатой, филологической литературѣ особенно сильно чувствуется недостатокъ пособій, подобныхъ названному. Въ то время, какъ на западѣ (особенно въ Германіи) къ услугамъ интересующихся этимологіей своего роднаго языка имѣется изрядный запасъ самыхъ разнообразныхъ, какъ общихъ, такъ и специальныхъ пособій этого рода, предназначенныхъ и для средняго образованнаго человѣка, и для готоваго ученаго, русская наука можетъ указать до сихъ поръ только на двухъ предшественниковъ г. Горяева: Ѳедора Шимкевича, издавшаго въ 1842 г. „Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всѣми славянскими нарѣчіями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками“, и М. Изюмова, которому принадлежитъ „Опытъ словаря русскаго языка сравнительно съ языками индо-европейскими“ (въ четырехъ отдѣлахъ. Для учащихся въ гимназіяхъ вѣдомства минист. нар. просвѣщенія. Спб. 1880). Книга Шимкевича и въ свое время не стояла на высотѣ научнаго знанія, въ настоящее же время совершенно устарѣла и вдобавокъ не имѣется въ продажѣ. Словарь г. Изюмова также весьма мало извѣстенъ, о чемъ, впрочемъ, жалѣть не приходится. Вотъ какъ характеризуетъ эту книгу извѣстный ученый, профессоръ Бодуэнъ де-Куртенэ: „авторъ, очевидно, не признаетъ строгихъ звуковыхъ законовъ и опредѣленныхъ соотвѣтствій звуковъ отдѣльныхъ языковъ аріо-европейскихъ. Вслѣдствіе сего для людей, не знакомыхъ съ новѣйшимъ состояніемъ языковѣденія примѣнительно къ языкамъ аріо-европейскимъ, книга эта не только не можетъ быть полезнаю, но даже должна ихъ путать и развивать въ нихъ ложное представленіе о языковѣденіи и его пріемахъ. Лингвистъ-спеціалистъ найдетъ здѣсь богатый, хотя вовсе не безъизвѣстный, матеріалъ, съ которымъ, однакожъ, слѣдуетъ обращаться весьма осторожно и критически, такъ какъ онъ расположенъ не цѣлесообразно и далеко недостоверенъ“. Существуютъ въ разныхъ нашихъ специальныхъ журналахъ этимологическія, часто довольно обширныя, собранія словъ Р. Брандта,

А. Потебни, А. Соболевскаго и др. Въ западной литературѣ имѣется далеко не полный и не совершенный „этимологическій словарь славянскихъ языковъ“ Ф. Миклошича (на нѣмецкомъ—Вѣна 1886), но этимологическаго словаря русскаго языка, удовлетворяющаго научнымъ требованіямъ, до сихъ поръ еще нѣтъ. При такой бѣдности научной литературы, книга г. Горяева является несомнѣнно желаннымъ въ нее вкладомъ. Разумѣется, при невысокомъ уровнѣ нашего общаго образованія подобное сочиненіе не можетъ у насъ разсчитывать на такой успѣхъ, какой имѣетъ, напримѣръ, въ Германіи „этимологическій словарь“ нѣмецкаго литературнаго языка проф. Клуге, съ 1883 года выходящій уже пятымъ изданіемъ. Подобный успѣхъ возможенъ лишь при высокомъ уровнѣ общаго образованія, какого мы долго еще не дождемся, а слѣдовательно и книга, въ родѣ труда г. Горяева, не можетъ у насъ разсчитывать и на десятую долю успѣха книги Клуге. Тѣмъ съ бѣльшимъ сочувствіемъ слѣдуетъ отнестись къ настоящему труду, который стремится заполнить несомнѣнный пробѣлъ въ нашей литературѣ и принадлежитъ, повидимому, провинціальному преподавателю гимназіи. Кто знаетъ умственную и научную обстановку нашихъ провинціальныхъ городовъ, не можетъ не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ доброму намѣренію автора, его очевидной любви къ предмету и сильной добросовѣстности, съ которой онъ приступалъ къ работѣ, вдали отъ библіотекъ и совѣта специалистовъ. Изъ имѣющагося въ книгѣ перечня пособій (стр. 240) видно, что авторъ знаетъ работы Боппа, Шлейхера, Курциуса, Лео Мейера, Дица, Миклошича, Лескина, Маценауера, Фика, Клуге и др. Изъ славистовъ встрѣчаемъ имена Срезневскаго, Буслаева, Каткова, Лавровскаго, Колосова, Грота, Соболевскаго, Ягича, Потебни; изъ журналовъ—„Филолог. Записки“ и варшавскій „Филол. Вѣстникъ“. Къ сожалѣнію, по неблагопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ авторъ не могъ „пользоваться многими лингвистическими русскими и иностранными журналами и книгами“, въ которыхъ (особенно въ такихъ, какъ спеціальныя журналы по сравнительному языкознанію Куна и Беценбергера) онъ нашелъ бы весьма богатый и большею частью вполне достовѣрный этимологическій матеріалъ. Въ виду этого нельзя относиться къ труду г. Горяева со всею строгостью научной критики; но при всемъ уваженіи къ доброму намѣренію автора, нельзя не остановиться на его недостаткахъ; при дальнѣйшихъ изданіяхъ книги, которыхъ мы ей желаемъ, авторъ, вѣроятно, найдетъ возможность исправить ихъ. Первый и, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ—извѣстная отсталость автора въ отношеніи строгаго фонетическаго метода. Изъ таблицы звуковыхъ соотвѣтствій въ индо-европейскихъ языкахъ, приложенной къ книгѣ (стр. 234 и слѣд.) видно, что авторъ

(сознательно или нѣтъ) держится въ сторонѣ отъ современной теоріи индо-европейскаго вокализма, принятой теперь европейскими учеными (даже такими стариками, какъ Фикъ и Бедденбергеръ, не говоря уже о болѣе молодыхъ, какъ Йог. Шмидтъ и др.) и все еще стоитъ на оставленной уже въ началѣ 80-хъ гг. точки зрѣнія Шлейхера и Курціуса, признававшихъ въ индо-европейскомъ праязыкѣ только три гласныхъ: *a, i, u*. Мы имѣемъ въ настоящее время недавно законченный полный кодексъ современной сравнительной грамматики, безусловно необходимый для каждаго занимающагося сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, принадлежащій Бругману (*Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogerm. Sprachen*), который, вѣроятно, извѣстенъ автору (въ цитатахъ имя Бругмана встрѣчается) и съ которымъ можно настоятельно посоветовать ему познакомиться возможно ближе. Этимология немислима безъ самаго строгаго фонетическаго метода, и въ послѣднія 10—12 лѣтъ индо-европейская фонетика сдѣлала такіе громадныя успѣхи (и такъ усложнилась), что игнорировать ихъ не представляется возможнымъ. Нерѣдко нашъ авторъ приводитъ такіа этимологіи (книга имѣетъ преимущественно компилятивный характеръ, о чемъ и говорится въ предисловіи), которыя, съ точки зрѣнія современнаго строгаго метода, совершенно невозможны. Особенно часто вводитъ его въ бѣду въ этомъ отношеніи Лео Мейеръ, ученый съ совсѣмъ устарѣлыми фонетическими и этимологическими приѣмами. Весьма довѣрчиво относится авторъ и къ этимологіямъ покойнаго Микуцкаго, большого оригинала по этой части. Собственныя этимологіи автора также подчасъ сомнительны. При установленіи извѣстной этимологіи желательно было бы приведеніе предполагаемой общей праязыковой основной формы даннаго слова или корня. Подобныя „праформы“ много помогаютъ въ смыслѣ наглядности и яснаго представленія о генеалогіи даннаго слова, и авторъ хорошо сдѣлаетъ, при дальнѣйшихъ изданіяхъ своего словаря, если введетъ ихъ. Самый лексическій запасъ русскаго языка, подвергающійся этимологизаціи, представляетъ довольно пеструю смѣсь словъ исконно славянскихъ или русскихъ съ самоновѣйшими, заимствованными и даже иностранными словами. Нельзя въ сравнительно-этимологическомъ словарѣ, основывающемся прежде всего на унаслѣдованномъ изъ индо-европейской общей эпохи лексическомъ матеріалѣ, ставить на одну доску слова въ родѣ: *мать, братъ, имя, волкъ* и т. д., и *геній, герой, шантаж, гитара, ехидна, иконостасъ, иссопъ, кактусъ, кардамонъ*, даже *рицинъ* (?) и т. д. Подобныя слова слѣдовало бы или вовсе исключить изъ словаря, или выдѣлить въ особый глоссарій, что было бы гораздо яснѣе и въ отношеніи историческомъ. Очень часто нельзя узнать, считаетъ ли авторъ приводимыя имъ иноязычныя слова первично

родственными съ русскимъ словомъ, или источникомъ, изъ котораго оно заимствовано, и пр.: „*пилигримъ*“ ср. верх. нѣм. *pilgrim* (нѣм. *Pilger*) изъ лат. *peregrinus*, фр. *pèlerin*“ и т. д. или „*ма-ть...*“, ср. санскр. *mata*“ и т. д. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ несомнѣнное заимствование, во второмъ—исконное индо-европейское слово, но оба приводятся въ связь съ иноязычными словами посредствомъ одного и того же „сравненія“, тогда какъ умѣстно это только во второмъ случаѣ, а въ первомъ слѣдовало бы поставить „заимствование“, и т. д. Надо помнить, что подобной книгой могутъ пользоваться не одни спеціалисты, а также и вообще образованные люди, которыхъ легко такой неясностью и неточностью ввести въ большое заблужденіе. Болѣе подробная оцѣнка труда должна найти мѣсто въ специальномъ изданіи, и здѣсь мы замѣтимъ еще только, что рядомъ съ сомнительными и недостоверными объясненіями онъ заключаетъ много этимологій вполне вѣрныхъ, трудолюбиво и разумно подобранныхъ для главнѣйшихъ словъ русскаго литературнаго языка, такъ что при критическомъ къ нему отношеніи, возможномъ, къ сожалѣнію, лишь для спеціалистовъ, можетъ служить полезной справочной книгой.—С. Б.

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Арнолда, Юрія, Воспоминанія. Вып. 3. М. 93. Стр. 204. Ц. за 3 вып. 5 руб.

Барсуковъ, Н.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб. 93. Стр. 603. Ц. 2 р. 50 к.

Бершадскій, С. А.—О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществѣхъ по лиховскому праву. Спб. 92. Стр. 95.

Бремъ и *Россмесслеръ*.—Лѣсныя животныя. Вып. 2 и 3. Спб. 93. Стр. 81—224.

Гау, Дж.—Минерва. Введеніе при изученіи читаемыхъ въ классѣ писателей греческихъ и латинскихъ. Перев. съ франц. В. Алексѣева. Спб. 93. Ц. 1 р. 50 к.

Гейка, д-ръ К.—Святая Земля и Библія. Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей. Пересказъ съ англ. Ф. А. Коморскаго. Вып. 3. Спб. 93. Стр. 193—288. Ц. 1 р.

Гейслеръ, Э. К.—Краткій курсъ клинической бактериологій для врачей и студентовъ. Спб. 93. Стр. 118. Ц. 1 р. 20 к.

Геркулесъ-Рюрикъ, О.—Краткое объясненіе, что такое право, и изложеніе исторіи русскаго права. Спб. 93. Стр. 16. Ц. 1 р.

Годлевскій, С.—Основы современнаго развитія. Очеркъ умственныхъ стремленій XIX в. Спб. 93. Стр. 80. Ц. 60 к.

Гришищевъ, Н. Е.—Нѣсколько словъ о сѣзидѣ врачей, устроенномъ медицинскимъ департаментомъ въ 1892 г. Новг. 93. Стр. 15.

Дройзенъ, I. Г.—Исторія Эллинизма, перев. М. Шелгунова, съ франц., до-

полн. авторомъ изд., п. р. Бупе-Леклерка. Т. II: Исторія діадоховъ. М. 93. Стр. 385 и 105. Ц. 3 р.

Жбанковъ, Д. Н.—Холерная эпидемія въ смоленской губерніи 1831—1872 гг. Краткій очеркъ. Смоленскъ, 93. Стр. 137.

Желанскій, А.—Скамья и кафедра. Разказы изъ гимназической жизни 70-хъ годовъ. М. 93. Стр. 248. Ц. 1 р. 50 к.

Житецкій, И.—Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. Кіевъ, 93. Стр. 249. Ц. 2 р.

Ефимовъ, А.—Метеоръ, стихотворенія. Спб. 93. Стр. 127. Ц. 1 р.

Загорскій, К. Я.—Торговые обычаи и биржевыя правила, какъ одинъ изъ элементовъ организаціи хлѣбной торговли. Спб. 93. Стр. 44.

Захарыиъ, И. Н. (Якунинъ).—Грёзы и пѣсни. Стихотв. Изд. 3-е. Спб. 93. Стр. 88. Ц. 25 к.

Кантани, проф. А.—Леченіе холеры. Перев. съ нѣм., вр. Т. Шабадъ. М. 93. Стр. 39. Ц. 30 к.

Каптеревъ.—300-лѣтній юбилей отца народной школы Амоса Коменскаго въ С.-Петербургѣ. Собраніе рѣчей гг. Каптерева, Миропольскаго, Модзалевскаго и Сентъ-Илера. Съ портретомъ Коменскаго. 1893. Стр. 66 и 3 стр. нотъ. Ц. 30 к.

Карно, И.—Исторія французской революціи. Перев. съ франц. п. р. и съ предисл. Р. И. Сементковскаго. Спб. 93. Стр. 349. Ц. 1 р.

Карпеевъ, Н.—Исторія западной Европы въ новое время. Развѣтіе культурныхъ социальныхъ отношеній. Т. III: Восемнадцатый вѣкъ и французская революція. Спб. 93. Стр. 350. Ц. 3 р. 50 к.

Кастъ, д-ръ, проф.—Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными въ больницахъ. Перев. съ нѣм., п. р. Н. П. Иванова. Спб. 93. Стр. 132. Ц. 60 к.

Кольцовъ, А. В.—Избранныя стихотворенія (1809—1842 гг.). Кн. I, II и III. Изд. И. Жиркова. М. 93. Стр. 49. Ц. по 5 к.

Корниловъ, А. А.—Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ. Отчетъ о помощи голодавшимъ нѣкоторыхъ мѣстностей моршанскаго и кирсановскаго уѣздовъ, тамбовской губерніи, въ 1891—92 гг. М. 1893. Стр. 231 и 36 (таблицы). Ц. 1 р. (въ пользу голодающихъ).

Коссинскій, В. Д. г.-лейт.—Дополненіе къ Систематическому сборнику приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ Главнаго Штаба, за 1892 г. Спб. 93. Стр. 369. Ц. 4 р.

Кремянскій, Я. С.—Научныя и практическія требованія отъ отчета и сѣзда врачей противъ холерной эпидеміи. Харьк. 93. Стр. 16. Ц. 30 к.

Кюллеръ, д-ръ.—Нервность и неврозы. Гигіена нервныхъ людей. Перев. п. р. ж.-вр. М. Волковой, съ предисл. С. Н. Данилло. Спб. 93. Стр. 298. Ц. 1 р. 25 к.

Лерминъ, Жюль.—Роялистская заговорщица (Reine). Перев. съ франц. Спб. 92. Стр. 350. Ц. 1 р.

Максимовъ, Евг., и *Вертеповъ*, Г.—Туземецъ сѣвернаго Кавказа. Историко-статистическіе очерки. Вып. 1: Осетины, Ингуши, Кабардинцы. Владикавк. 92. Стр. 187. Ц. 1 р.

Мацкевичъ, В. Г.—Киргизскія степи Тургайской области въ холерную эпидемію 1892 г. Спб. 93. Стр. 83. Ц. 85 к.

Мезговъ, В. И.—Русская библиографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ за 1800—1854 гг. Т. I и II. Спб. 92 и 93. Стр. 373 и 377. Ц. 6 р.

Деплюева, И. И., Записки (1693—1773). Спб. 93. Стр. 197. Ц. 2 р.

Обнинскій, П. Н.—Законъ подражанія въ области добрыхъ дѣлъ, какъ игнорируемый факторъ благотворенія. М. 92. Стр. 20.

Осиповъ, Н. Н.—Обзоръ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ и проектъ организаціи сельскаго кредита. Сиб. 93. Стр. 235.

Ризположенскій, Р.—О необходимости и значеніи почвенныхъ изслѣдованій для сельскаго хозяйства и оцѣнки земель. Каз. 92. Стр. 17. Ц. 20 к.

—— Естественнo-историческое описаніе Казанской губерніи. Вып. I. Каз. 92. Стр. 129. Ц. 2 р.

Сербскій, Вл.—По поводу проекта организаціи земскаго попеченія о душевно-больныхъ московской губерніи. Огвѣтъ на возраженія П. И. Якобія. М. 93. Стр. 26. Ц. 30 к.

Созоновичъ, И.—„Ленора“ Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Изслѣдованіе. Варшава, 1893. VII и 251 стр.

Соколовъ, А.—Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей. Т. II, ч. V, вып. 1: Основныя положенія судоустройства, учрежденіе судебныхъ установленій, основныя и общія положенія устава уголовного судопроизводства. Вильно, 93. Стр. 618 и 89. Ц. 3 р. 50 к.

Смирновъ, протоіерей Петръ.—О православіи вообще и въ частности по отношенію къ славянскимъ народамъ. Спб. 93. Стр. 29. Ц. 10 к.

Станюковичъ, К. М.—Пассажирка, разсказъ изъ морской жизни. Спб. 93. Стр. 187. Ц. 1 р.

Степовичъ, А.—Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 93. Стр. 111.

Тураевъ, Б.—Очеркъ исторіи изученія финикійской древности. Спб. 92. Стр. 76.

Фарраръ, Ф.—На разсвѣтъ христіанства. Истор. ром. изъ временъ Нерона. Переработка М. К.—ъ. Спб. 93. Стр. 393.

Фойницкій, И. Я.—Курсъ уголовного права. Часть особенная: Посягательство на личность и имущество. Изд. 2-е, пересмотрѣнное. Спб. 93. Стр. 440. Ц. 3 р.

Чернушенко, Д. Н.—Воздухоплаваніе „Летоходъ“. М. 93. Стр. 48.

Dukmeyer, Fr.—Der Arbeiterkaiser, Trauerspiel. Berl. 92. Стр. 84.

Philippoff, M.—Sur les invariants des équations différentielles linéaires. Thèse présentée pour le doctorat. Heidelberg, 92. Стр. 64.

— Журналы съѣзда производителей табака-махорки въ г. Лохвицѣ. Кіевъ, 92. Стр. 199.

— Моя Библіотека: № 22—27. Фламандскія народныя сказки, пер. А. Н. Галибинъ. Спб. 93. Стр. 387.

— Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 62 и 63: Майоръ-Марсъ. Изд. 6. Товарищ. А. Гарбель и К^о. М. 93. Стр. 2925—3020. Ц. по 40 к.

— Новая Библіотека Суворина: Орасъ, ром. Ж.-Занда, перев. В. Крестовскаго (псевдонимъ).—Жакерія, сцены изъ феодальныхъ временъ, Просп. Меримé, перев. Д. Аверкіева. Сиб. 93. Стр. 331 и 283. Ц. по 60 к.

— Обзоръ дѣятельности россійскаго Общества Краснаго Креста въ 1891—92 гг., по оказанію помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая, и по борьбѣ съ холерной эпидеміей. Спб. 92. Стр. 35 и 10.

— Отчетъ о дѣйствіяхъ общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Андреевскаго собора въ Спб. за 1892 г. Спб. 93. Стр. 33.

- Отчетъ о лѣтнихъ колоніяхъ для дѣтей московскихъ городскихъ началь-
ныхъ училищъ (5-й годъ). М. 93. Стр. 22.
- Отчетъ по лѣсному управленію мин. госуд. имуществъ. Спб. 93.
- Отчетъ Тамбовской губернской Управы по продовольственной опера-
ціи 1891—92 гг. Вып. 1, 2 и 3. Тамб. 92.
- Памятная Книжка Гродненской губерніи на 1893 г. Гр. 92. Ц. 1 р.
- Первое десятилѣтіе дѣятельности прибалтійскаго православнаго брат-
ства, 1882—92 гг. Спб. Стр. 30.
- Семейная Библіотека: № 36. Девяносто-третій годъ, ром. В. Гюго. Т. II.
Спб. 92. Стр. 116. Ц. 25 к.
- Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества. Т. 86. Спб. 93. Стр.
611. Ц. 3 р.
- Списокъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи на 1893 г. М.
93. Стр. 101. Ц. 50 к.
- Энциклопедическій Словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. Т. VIII, а: Гер-
манія—Го. Спб. 93. Стр. 479—958.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

L'évolution sociale, par Bernard-Lavergne, sénateur du Tarn. Paris, 1893.

Книга Бернаръ-Лаверня — не научный трактатъ, а популярное, тепло написанное разсужденіе о способахъ и цѣляхъ соціальной ре-
формы. Авторъ, съ одной стороны, доказываетъ несостоятельность и
неосуществимость крайнихъ требованій соціализма, а съ другой —
признаетъ нѣкоторыя его стороны заслуживающими дальнѣйшаго раз-
витія и примѣненія, оспариваетъ теоріи и идеи одностороннихъ за-
щитниковъ промышленной буржуазіи и подтверждаетъ многими фак-
тами возможность поднятія и улучшенія матеріальнаго быта рабочихъ,
безъ ущерба для капиталистовъ. Бернаръ-Лавернь, принимавшій близ-
кое участіе въ событіяхъ 1848 года, въ качествѣ члена законода-
тельнаго собранія, и внимательно слѣдившій съ тѣхъ поръ за ходомъ
соціальнаго движенія во Франціи, рѣшительно не понимаетъ новѣй-
шаго оппортунизма, который думаетъ устранить опасные и щекотли-
вые вопросы простымъ отрицаніемъ ихъ. Во многихъ предпріятіяхъ,
приносящихъ милліоны дохода, положеніе рабочихъ остается шаткимъ
и ничѣмъ не обезпеченнымъ; возрастающія богатства отдѣльныхъ
лицъ, на ряду съ нуждою и бѣдностью трудящихся массъ, бросаются

слишкомъ рѣзко въ глаза, чтобы можно было рассчитывать на успокоеніе рабочихъ самодовольными фразами доктринеровъ-оптимистовъ. Упорное ослѣпленіе послѣднихъ тѣмъ болѣе странно, что непрерывный и угрожающій ростъ социалистическаго движенія въ рабочемъ классѣ составляетъ безспорный, общеизвѣстный фактъ, съ которымъ такъ или иначе надо считаться. Законъ 1844 года о синдикатахъ установилъ извѣстную легальную форму для организаціи рабочихъ во Франціи, а въ послѣднее время дѣлаются попытки сближенія и соглашенія различныхъ синдикатовъ, съ цѣлью устройства общей федераціи ихъ, такъ что мало-по-малу подготавливается единство въ устройствѣ рабочаго класса. Это единство могло бы оказаться опаснымъ оружіемъ въ рукахъ практическихъ вождей социализма, еслибы не было такой непримиримой розни между многочисленными группами самихъ социалистовъ. Двѣ главные партіи — революціонная и мирная — распадаются въ свою очередь на фракціи, которыя заняты больше взаимными спорами, чѣмъ борьбою съ капитализмомъ и буржуазіею. „Рабочая партія“, руководимая Гедомъ (Guesde) и называемая поэтому гедистскою, держится ученія и программы Маркса; „центральный революціонный комитетъ“ слѣдуетъ указаніямъ Бланки и стремится прежде всего къ политическому насильственному перевороту; „федерація рабочихъ“ подчиняется Бруссу, а „рабочая социалистическо-революціонная партія“ — Алеманну: обѣ эти группы, „бруссисты“ и „алеманнисты“, враждуя между собою, составляютъ одну общую партію „поссибилистовъ“, сторонниковъ мирной социальной реформы, и энергически возстаютъ противъ „гедистовъ“ и бланкистовъ, приверженцевъ и проповѣдниковъ вооруженнаго возстанія. При такомъ пестромъ разнообразіи и взаимномъ разладѣ социалистическихъ группъ и кружковъ, буржуазія можетъ еще пока быть спокойною насчетъ наступательныхъ дѣйствій рабочей демократіи; но и теперь это спокойствіе нарушается періодическими стачками и столкновеніями, доходящими иногда до кровопролитія.

Бернаръ-Лавернь находитъ, что рабочій вопросъ прекрасно разрѣшается на практикѣ въ тѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, гдѣ примѣняется принципъ участія рабочихъ въ прибыли производства. Авторъ приводитъ интересныя свѣденія о фабрикахъ и заводахъ, доставляющихъ рабочимъ обезпеченіе въ старости и болѣзни; существуютъ такія мѣстности во Франціи, гдѣ старые работники пользуются достаткомъ и отдыхомъ, получая свою пенсію, — гдѣ дѣти проводятъ время въ образцовыхъ фабричныхъ школахъ и пріютахъ, и гдѣ рабочіе имѣютъ возможность откладывать значительныя сбереженія, благодаря системѣ раздачи дивидендовъ изъ прибыли предпріятія. Доходы хозяевъ и капиталистовъ отъ этого не уменьшаются.

а напротивъ, увеличиваются, насколько успѣхъ дѣла зависитъ отъ стараній и аккуратности рабочихъ; притомъ исчезаютъ поводы къ забастовкамъ, волненіямъ и беспорядкамъ, столь часто разоряющимъ обѣ стороны. Этотъ отдѣлъ книги (стр. 134—177) читается съ наибольшимъ интересомъ. По мнѣнію автора, разумныя мѣры и учрежденія, обезпечивающія рабочихъ при участіи самихъ хозяевъ, даютъ именно то, къ чему стремятся социалисты; нужно только расширить область примѣненія той же системы, и результаты будутъ самые благотворные. Жаль только, что большинство капиталистовъ не раздѣляетъ гуманныхъ идей и чувствъ Бернаръ-Лаверня. Болѣе радикально авторъ рѣшаетъ вопросъ поземельный: онъ стоитъ за постепенный переходъ всей воздѣлываемой земли къ крестьянамъ, такъ какъ земледѣліе можетъ давать прочный доходъ только въ рукахъ мелкихъ собственниковъ, ведущихъ хозяйство своимъ личнымъ трудомъ.

Искренній тонъ филантропіи, которымъ проникнута вся книга Бернаръ-Лаверня, невольно привлекаетъ читателя даже въ тѣхъ случаяхъ, когда теоретическія разсужденія автора кажутся спорными или ошибочными. Въ общемъ книга эта составляетъ пріятное явленіе въ современной экономической литературѣ, которая, особенно во Франціи, все болѣе вырождается въ сухое и претенціозное доктринерство.—Л. С.

II.

George Pellisier. Essais de littérature contemporaine. P. 1893. Стр. 391.

Этюды, собранные въ книгѣ Пелиссье, составляютъ дополненіе къ извѣстной книгѣ того же автора: „*Le mouvement littéraire au XIX siècle*“, и затрогиваютъ интересные вопросы текущей литературы: о пессимизмѣ въ романѣ и драмѣ, о новѣйшемъ развитіи французской поэзіи, о реформѣ метрики, о критическихъ приемахъ Брюнетьера и т. д. Во всѣхъ этихъ очеркахъ, а также въ характеристикахъ отдѣльных писателей (Октава Феллье, Золя и др.), замѣтна одна общая идея, руководящая сужденіями автора: его беспокоятъ крайности современныхъ литературныхъ направленій, и онъ протестуетъ противъ нихъ во имя стараго „*l'esprit des lettres françaises*“. Въ современномъ пессимизмѣ онъ видитъ вырожденіе въ мизантропію; въ уклоненіи поэтовъ отъ классическихъ принциповъ стихосложенія — вырожденіе французскаго стиха вообще. Это недовѣрчивое отношеніе къ смѣлости новыхъ теченій и видимая привязанность къ традиціоннымъ литературнымъ формуламъ придаютъ оттѣнокъ узкости взгля-

дамъ Пелиссье; но помимо этого книга представляет много любопытнаго въ смыслѣ оцѣнки литературной дѣятельности отдѣльных писателей. Самыя интересныя главы въ книгѣ — этюды о современномъ пессимизмѣ и о критическихъ доктринахъ Брюнетьера. Въ первомъ авторъ не является противникомъ пессимизма вообще, а только доказываетъ, что современные писатели извращаютъ идею рациональнаго пессимизма. Пессимизмъ, правильно понимаемый, благотѣтеленъ для человѣчества: тогда какъ оптимистически настроенное общество, довольное собой и всѣмъ окружающимъ, не идетъ по пути прогресса, пессимизмъ обнажаетъ зло, возбуждаетъ сожалѣніе къ страдающимъ и побуждаетъ стремиться къ изысканію средствъ исцѣленія. Но не этотъ желательный и плодотворный пессимизмъ подмѣчаетъ авторъ въ современной литературѣ, особенно французской. Романисты, поэты и драматурги лишены того, что составляетъ сущность пессимизма — любви къ человѣчеству и состраданія. Они выкапываютъ все, что есть низменнаго въ человѣческой натурѣ, злорадно рисуютъ торжество пошлости и глупости въ жизни и не проявляютъ ни желанія побѣдить зло, ни надежды на болѣе свѣтлое будущее. Это равнодушное, холодно-научное отношеніе къ изображаемому злу побуждаетъ Пелиссье называть представителей современнаго романа не пессимистами, а мизантропами. Онъ тонко и остроумно проводитъ эту разницу между пессимизмомъ въ классическомъ значеніи слова и безплодной, во всѣхъ отношеніяхъ несимпатичной мизантропией, мало выкупающей даже талантами ея представителей. Но когда дѣло доходитъ до подкрѣпленія теоретическихъ сужденій доказательствами, взятыми изъ сочиненій критикуемыхъ авторовъ, авторъ „Essais“ намъ кажется далеко не убѣдительнымъ. Такъ напр., говоря о Мопассанѣ, онъ характеризуетъ его эпикурейцемъ, мрачно смотрящимъ на жизнь, потому что она не представляетъ достаточнаго количества наслажденій чувствамъ и, главнымъ образомъ, достаточнаго разнообразія ощущеній. Идеаль его, въ глазахъ Пелиссье, чисто матеріалистическій; философская подкладка его сочиненій — полнѣйшій сенсуализмъ, доходяшій въ своихъ крайнихъ выводахъ до нигилизма и пессимизма. Съ этимъ, однако, трудно согласиться. Мопассанъ едва-ли производилъ бы такое неотразимо глубокое, удручающее впечатлѣніе на читателей, еслибы онъ занятъ былъ исключительно міромъ матеріальныхъ ощущеній. Вспомнимъ небольшой разсказъ Мопассана: „Solitude“, очень характеристичный для его душевнаго склада. Проникающій его ужасъ полнаго нравственнаго одиночества человѣка въ жизни, сознаніе невозможности проникнуть въ душу другого, невозможность внутренней связи даже между любящими существами — все это, выраженное ярко и просто на нѣсколькихъ страницахъ, по-

казываетъ, что въ душѣ автора сильна потребность духовныхъ началъ жизни, и что только полное отчаяніе въ возможности удовлетворить ее заставляетъ его забыть въ ощущеніяхъ минуты. Точно также опроверженіемъ взгляда Пелиссе можетъ служить извѣстный романъ „La Vie“: героиня его именно потому и дѣлается жертвой жизни, что она ищетъ въ ней осуществленія духовныхъ идеаловъ, въ которыхъ авторъ „Essais“ отказываетъ Мопассану.

Въ этюдѣ о Брюнетьерѣ Пелиссе очень вѣрно отмѣтилъ заслугу академическаго критика предъ литературой: Брюнетьеръ спасъ, такъ сказать, чисто-литературную, эстетическую критику, начавшую уступать мѣсто блестящему историческому методу Тэна и увлекательнымъ парадоксамъ „импрессионистовъ“. Брюнетьеръ возстаетъ противъ увлеченій и заблужденій этихъ школъ и доказываетъ, что искусство должно служить главнымъ образомъ не для изученія судебъ народа, а для воплощенія идеи прекраснаго, и что поэтому критика составляетъ отрасль не исторіи, а эстетики. Изъ этого основного принципа вытекаютъ всѣ достоинства и недостатки Брюнетьера. На послѣднихъ Пелиссе останавливается, впрочемъ, слишкомъ мало.

Отмѣтимъ еще въ книгѣ Пелиссе этюдъ объ Октавѣ Феллье, въ которомъ онъ видитъ выдающагося бытописателя высшихъ классовъ общества и первокласснаго стилиста.

III.

Stéphane Mallarmé, Vers et prose. Morceaux choisis. P. 1893, pp. 220.

Имя Маллармэ очень извѣстно во Франціи, а въ послѣднее время и у насъ; но подлинныя его поэмы слишкомъ разбросаны были до сихъ поръ по специальнымъ журналамъ или издавались какъ библиографическіе курьезы и доходили до публики большей частью лишь въ пародіяхъ противниковъ „символизма“. Теперь Маллармэ, считавшій до сихъ поръ типографскій станокъ профанаціей вдохновенія, рѣшилъ издать избранныя мѣста своихъ произведеній въ общедоступномъ сборникѣ, который, быть можетъ, разсѣетъ легенды о сплошной непонятности его поэзіи.

Въ „Vers et prose“ помѣщены образцы первой манеры Маллармэ, когда, принадлежа еще къ синклиту „парнасцевъ“, онъ отличался отъ своихъ собратьевъ только бѣльшей сложностью и интенсивностью чувства. Таково его „Apparition“, гдѣ символъ еще не замѣняетъ образа, но гдѣ самые образы, сочетающіе впечатлѣнія гармоніи звуковъ и красокъ, указываютъ на новый путь, по которому вскорѣ

пойдетъ поэтъ; таковы также: „Soupir“, „Brise Marine“ и др. Въ сборникѣ находимъ также прелестный драматическій отрывокъ „Hérodias“, написанный вполне яснымъ языкомъ и показывающій пониманіе авторомъ самыхъ причудливыхъ настроеній исключительныхъ натуръ. Отдѣлъ „Sonnets“ и эпическая поэма: „Après midi d'un Faune“ показываютъ читателю настоящаго Маллармэ—поэта-символиста, вѣрующаго въ необходимую и несомнѣнную связь между предметами внѣшняго міра и невидимымъ міромъ ощущеній человѣческой души. Всѣ эти непонятные при первомъ чтеніи сонеты объясняются философскимъ міросозерцаніемъ поэта, его вѣрой въ вѣчную гармонию вселенной, въ силу которой одни и тѣ же отвлеченныя понятія должны вызывать одни и тѣ же символы. Онъ вѣритъ въ правильныя, существующія съ начала временъ соотношенія между міромъ мысли и внѣшней природой, такъ что поэту стоитъ только напомнить о нихъ, чтобы они появились въ человѣческомъ сознаніи, не нуждаясь ни въ какихъ объясненіяхъ. Конечно, эта метафизическая теорія доведена имъ до крайности и не всѣ его сонеты дѣлаются понятными даже тѣмъ изъ его почитателей, которые проникли въ тайну его „символовъ“. Но зато какъ хороши въ своихъ недосказанныхъ образахъ, какъ бы открывающихъ завѣсу въ болѣе свѣтлый міръ фантазіи, стихотворенія: „Victorieusement fui le suicide beau“; „Tout orgueil fume-t-il le soir“; „Surgi de la croupe et du bond—D'une verrerie éphémère“!.. Прозаическіе отрывки въ сборникѣ Маллармэ заключаются въ его художественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма точныхъ переводахъ Эдг. Поэ и въ отдѣльныхъ наброскахъ, какъ бы взятыхъ изъ дневника, куда заносятся мимолетныя впечатлѣнія рядомъ съ самыми сокровенными мыслями. Много въ этихъ страницахъ аффектированнаго, болѣзненнаго пристрастія ко всему вычурному и неестественному, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько поэзіи въ „Frissons d'hiver“, гдѣ поэтъ вызываетъ въ памяти образы лишь неодушевленныхъ предметовъ, мебели и objets d'art, и создаетъ этимъ способомъ картину меланхолической жизни человѣческой души, полной неразгаданныхъ желаній! Отмѣтимъ также „Chant d'Automne“ и „La Pipe“, приближающіеся по законченности формы и по капризной меланхолии настроенія къ „Poèmes en prose“ Бодлэра. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1893 г.

Итоги дѣятельности Особого Комитета. — Частная помощь въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году. — Одна изъ причинъ *несвѣденія* размѣровъ бѣдствія. — Трагическая смерть Н. А. Алексѣева. — П. Я. Александровъ †. — Юбилей В. Н. Герарда.

5-го марта состоялся Высочайшій рескриптъ на имя Наслѣдника Цесаревича, знаменующій собою окончаніе занятій Особого Комитета. Задачи его признаны исполненными. „Обильный притокъ приношеній, — сказано въ рескриптѣ, — не только далъ возможность успѣшно бороться съ бѣдственными послѣдствіями неурожая въ теченіе минувшаго года, но и обезпечилъ способы благотворительной помощи въ нынѣшнемъ году въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ недородъ повторился“. Суммы, поступившія въ кассу Особого Комитета за время съ 3-го декабря 1891 по 19 февраля 1893 г., составляютъ всего 13 съ небольшимъ милліоновъ рублей, распадаясь на слѣдующія три главныя категоріи: 1) непосредственно внесенныя жертвователями — 1.958.324 рубля; 2) перечисленныя въ распоряженіе Комитета изъ различныхъ учреждений, уполномоченныхъ на пріемъ пожертвованій — 2.480.307 рублей, и 3) чистая прибыль отъ двухъ благотворительныхъ лотерей — 8.650.013 руб. Израсходовано изъ этихъ денегъ по 29-ое декабря 1892 г., на нужды губерній, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 г., 10.399.789 рублей. Послѣ 29-го декабря помощь оказывалась уже губерніямъ, пострадавшимъ отъ неурожая 1892 г.; на этотъ предметъ ассигновано всего 1.329.287 рублей (на воронежскую губернію — 500 тысячъ, на тульскую — 400 тысячъ, на херсонскую — 100 тысячъ рублей; отъ 90 до 20 тысячъ получили губерніи орловская, курская, полтавская и бессарабская, другія — менѣе 20 тысячъ). Обществу Краснаго Креста возвращены 550 тысячъ рублей, издержанныя имъ въ прошломъ году изъ запасныхъ, на военное время, капиталовъ общества. Остатокъ — 825 тысячъ рублей — оставленъ въ распоряженіи Наслѣдника Цесаревича, на нужды мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая 1892 г. Если принять въ расчетъ пожертвованія, официально зарегистрированныя до образованія Особого Комитета и продолжавшія, послѣ его образованія, поступать непосредственно въ распоряженіе мѣстныхъ благотворительныхъ учреждений, то общая сумма частныхъ пожертвованій превыситъ 10 милліоновъ рублей деньгами и 2.400 тыс. пудовъ хлѣба (стоимостью не менѣе 3½ милл. рублей). Затѣмъ остается еще большое количество пожертвованій, сдѣланныхъ

помимо официальныхъ благотворительныхъ учреждений и потому не подлежащихъ точному опредѣленію. „Какъ значительны были иногда эти пожертвованія, — читаемъ мы въ отчетѣ Особаго Комитета, — можно заключить изъ того обстоятельства, что посѣтившими нѣкоторыя мѣстности представителями Общества Друзей въ Англіи, гг. Бруксомъ и Джонсомъ, было издержано на благотворительную помощь свыше 275 тыс. рублей“. Чрезвычайно интересно было бы опредѣлить сумму хотя бы тѣхъ не-официальныхъ, негласныхъ пожертвованій, которыя прошли черезъ руки частныхъ организацій. Такихъ организацій было очень много; средства, находившіяся въ ихъ распоряженіи, часто считались тысячами и даже десятками тысячъ. Приведемъ два примѣра, особенно характеристичныхъ. Намъ нѣсколько разъ приходилось упоминать въ прошломъ году о двухъ центрахъ борьбы съ послѣдствіями неурожая — въ николаевскомъ уѣздѣ самарской губерніи и въ моршанскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи. Въ № 49 „Русскихъ Вѣдомостей“ напечатанъ окончательный отчетъ частнаго (дмитріевскаго) благотворительнаго комитета, дѣйствовавшаго въ николаевскомъ уѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ поселанина С. Шмидта. Онъ получилъ, въ теченіе года, почти 51 тыс. рублей деньгами, болѣе 9½ тыс. пудовъ хлѣба, до 1.500 предметовъ одежды, сверхъ того, лекарства, чай, сахаръ — всего, переводя на деньги, близко къ 65 тыс. рублей. Правда, въ составъ этой суммы входятъ 6 тыс. рублей, ассигнованныя Особымъ Комитетомъ, и 14 тыс. руб., доставленные англійскимъ „Обществомъ Друзей“; но и за вычетомъ этихъ денегъ остается еще почти 45 тыс. рублей, собранныхъ частными лицами и не отмѣченныхъ въ отчетѣ Особаго Комитета. Дѣятельность моршанской группы подробно описана въ книгѣ А. А. Корнилова, въ высшей степени обстоятельной и интересной („Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ“; см. выше, Литературное Обзорѣніе). Сумма, находившаяся въ ея распоряженіи, превысила — не считая значительныхъ поступленій натурою — 45 тысячъ рублей. Двумъ частнымъ группамъ удалось, такимъ образомъ, собрать около 90 тыс. руб. частныхъ пожертвованій — а такихъ группъ, въ большинствѣ случаевъ неизвѣстныхъ даже по имени, было, навѣрное, нѣсколько сотъ. Мы слышали отъ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ московскихъ профессоровъ, что ему лично извѣстно о 200 тыс. руб., пожертвованныхъ нѣсколькими лицами, въ теченіе 1891—92 г., безъ всякой отмѣтки или записки куда бы то ни было и ускользающихъ, пока, отъ всякой регистраціи. Такихъ невѣдомыхъ пожертвованій, безъ сомнѣнія, было очень много; но даже и тѣмъ, о которыхъ въ разное время появлялись сообщенія въ газетахъ, итогъ до сихъ поръ не подведенъ. Съ достовѣрностью можно сказать только одно: нигдѣ по-

мощь голодающимъ не достигала до такой степени своей цѣли, какъ именно тамъ, гдѣ ея непосредственно, на мѣстѣ, распоряжались частныя лица или группы; нигдѣ распредѣленіе ея не было, да и не могло быть, основано на такомъ близкомъ изученіи дѣла, нигдѣ она не могла пріобрѣсти такого исчерпывающаго, широкаго характера. Частная благотворительность, если только она располагала сколько-нибудь достаточными средствами, не могла ограничиться избавленіемъ населенія отъ голода; она неизбежно должна была стремиться къ поддержанію или поднятію его благосостоянія, не прекращаясь и по окончаніи голоднаго періода. Дмитріевскій комитетъ, въ николаевскомъ уѣздѣ, израсходовалъ болѣе 20 тыс. рублей на покупку лошадей для безлошадныхъ крестьянъ; вернадовская группа, въ моршанскомъ уѣздѣ, прокормила, передъ началомъ и во время весеннихъ полевыхъ работъ, 1558 крестьянскихъ лошадей и раздала крестьянамъ (благодаря, въ особенности, пожертвованію присоединившагося къ ней Л. Ф. Пантелѣва) 374 лошади. Эта раздача (не даровая, а съ обязанностью уплатить стоимость лошади, четырьмя равными годовыми взносами) положила основаніе весьма полезному учрежденію—попечительству о безлошадныхъ крестьянахъ моршанскаго уѣзда. Средства этого попечительства состоятъся, между прочимъ, изъ денегъ, получаемыхъ въ возвратъ стоимости лошадей. Помощь, оказанная въ тяжелую неурожайную годину, становится, такимъ образомъ, источникомъ постоянной поддержки для крестьянъ, которымъ грозитъ безлошадность, т.-е. полное разореніе.

Теперь, когда подходитъ къ концу второй неурожайный періодъ, можно, къ сожалѣнію, сказать утвердительно, что частная и общественная благотворительность не достигла, на этотъ разъ, той высоты, на которой она стояла въ 1891—92 г. Почему это такъ случилось—вопросъ весьма сложный, выясненіе котораго принадлежитъ будущему. Едва ли можно отрицать, однако, что сравнительное безучастіе общества зависѣло, отчасти, отъ недостаточнаго распространенія въ его средѣ свѣденій о дѣйствительномъ положеніи дѣла—а въ этомъ недостатокъ свѣденій повинны, опять-таки отчасти, наши газеты. И въ 1891 г. было время, когда недовѣріе къ тревожнымъ извѣстіямъ стояло à l'ordre du jour, когда дѣлались попытки уменьшить размѣры бѣдствія, набросить подозрѣніе на отзывы, выставлявшіе его въ настоящемъ свѣтѣ; но это время скоро прошло, и попеченіе о „нуждающихся“ (голодающими ихъ, все-таки, рѣшались называть не всѣ) сдѣлалось не только возможнымъ, но даже моднымъ. Въ 1892—93 г. такой поворотъ нѣсколько разъ казался возможнымъ, близкимъ; но съ такою рѣшительностью и силой, какъ годъ тому назадъ, онъ не наступилъ, хотя основанія для него всѣ были на-лицо. Нельзя же,

въ самомъ дѣлѣ, измѣрять тяжесть бѣдствія только предѣлами его географическаго распространенія; нельзя же утверждать, что положеніе голодающихъ улучшается или ухудшается прямо пропорціонально уменьшенію или увеличенію общаго ихъ числа. Что *районъ* бѣдствія въ нынѣшнемъ году меньше, чѣмъ въ прошломъ—это безспорно; но столь же безспорно и то, что его интенсивность, во многихъ мѣстахъ не меньше или даже больше прошлогодней. Между тѣмъ столичныя газеты, въ прошломъ году *всѣ безъ исключенія* способствовавшія, въ большей или меньшей степени, пробужденію и поддержанію въ обществѣ вниманія и участія къ голодающимъ, въ нынѣшнемъ году, за немногими счастливыми исключеніями (между которыми первое мѣсто занимаютъ „Русскія Вѣдомости“ и „Русская Жизнь“), не исполнили этой задачи. Можно было думать, что нѣкоторые изъ нихъ издаются не въ Россіи, а въ какой-то блаженной странѣ, не знающей неурожаевъ и голодovieвъ. Вотъ, напри- мѣръ, что напечатано въ „Новомъ Времени“ 7-го марта (№ 6114), т.-е. полгода послѣ того, какъ вполне обрисовались результаты послѣдней жатвы: „Намъ пришлось говорить съ нѣкоторыми видными общественными дѣятелями изъ тульской и орловской губерній. Отъ нихъ мы слышали печальныя повѣствованія о положеніи многихъ мѣстностей въ этихъ губерніяхъ, по случаю вторичнаго неурожая“. Приведа, въ немногихъ словахъ, сущность этихъ повѣствованій, не представляющую рѣшительно ничего новаго, газета продолжаетъ: „мы не имѣемъ претензіи разжалобить читателей. Но мы боимся, не происходитъ ли это оскудѣніе общественной благотворительности отъ невѣденія? Двѣ-три, даже сильно пострадавшія, губерніи на всю Россію немного, и, конечно, эти двѣ-три губерніи не могутъ сдѣлать сильнаго впечатлѣнія послѣ года, когда 17 губерній были въ тяжеломъ положеніи. Естественно (!), что объ этихъ двухъ-трехъ губерніяхъ мало и разговоровъ. Кто не былъ на мѣстѣ, не видалъ тяжелой нужды, не слыхалъ жалобы и просьбы, тотъ могъ и совсѣмъ не знать, что именно такія-то мѣстности и въ такой-то мѣрѣ пострадали. О нихъ не только не говорятъ въ столичномъ обществѣ, но и въ газетныхъ корреспонденціяхъ съ мѣста не очень распространяются. Избитая вѣдь тема!.. Но нужда есть, хотя и не вопіетъ о себѣ на весь міръ: придти на помощь этой нуждѣ было бы добрымъ и патріотическимъ дѣломъ общества, и мы увѣрены, что общество откликнется, потому что наше общество всегда отзывчиво на призывъ къ помощи ближнему. Но надо, чтобы мѣстные дѣятели, частью за тѣмъ и пріѣхавшіе въ Петербургъ, чтобы хлопотать о помощи нуждающемуся населенію ихъ мѣстностей,—надобно, чтобы эти дѣятели сами предприняли необходимые шаги для организаціи общественной

помощи. А то вѣдь немногіе и знаютъ, къ кому слѣдуетъ обращаться съ dobroхотною помощью, да и принимается ли такая помощь (!). Вся благотворительная организація по случаю неурожая 1891 года предполагается болѣе несуществующею, за минованіемъ причины, ее вызвавшей. А публичнаго обращенія къ общественной благотворительности со стороны пострадавшихъ мѣстностей не было (!), и можетъ быть многіе отъ всей души желали бы помочь нуждающимся, да не знаютъ, какъ это сдѣлать“. По-истинѣ невѣроятныя, удивительныя строки! Какъ! Журналисту, стоящему у самаго источника новостей, имѣющему подъ рукой всѣ провинціальныя газеты, понадобилась случайная бесѣда съ „видными общественными дѣятелями“, чтобы узнать давно извѣстное всякому не совсѣмъ индифферентному наблюдателю нашей жизни! „Сильно пострадавшихъ“ губерній онъ насчитываетъ, даже послѣ этой бесѣды, только *два-три*, тогда какъ ихъ, по меньшей мѣрѣ, *десять*! Ему кажется „естественнымъ“, что „мало разговоровъ“ о бѣдствіи, постигшемъ *только* *два-три* губерніи!.. Но вѣдь *мало*—не все равно, что *ничего*; разговоры несомнѣнно происходили—нужно было только къ нимъ прислушаться. Съ января мѣсяца, а можетъ быть и раньше, во многихъ петербургскихъ и московскихъ кружкахъ начались устныя сообщенія очевидцевъ о положеніи дѣлъ въ неурожайныхъ губерніяхъ. Ничего не слышать объ этихъ сообщеніяхъ могли только тѣ газеты, которыя не *хотѣли* слышать о нихъ. Еще удивительнѣе увѣреніе, что со стороны пострадавшихъ мѣстностей не было *публичныхъ обращеній къ общественной благотворительности*. А письмо гр. В. А. Бобринскаго, напечатанное, въ нѣсколькихъ газетахъ, еще въ началѣ декабря прошлаго года? А его отчеты о дѣятельности богородицкаго попечительства Краснаго Креста, постоянно, съ тѣхъ поръ, появлявшіеся въ печати? А письмо г. Черткова о печальномъ положеніи южныхъ уѣздовъ воронежской губерніи? А письма госпожи Бобрищевой-Пушкиной, гг. Цвилленева, Бѣлоконскаго и многихъ другихъ? Не звать, что организаціи для помощи до сихъ поръ существуютъ, не звать, куда и къ кому могутъ быть направляемы пожертвованія, прости-тельно только тѣмъ, кто ничего не читаетъ или читаетъ одну какую-нибудь газету, изъ числа молчащихъ о голодѣ—но непростительно самимъ представителямъ печати. Да, „оскудѣніе общественной благотворительности“ происходитъ, отчасти, отъ „невѣденія“—но почему же газета, сѣтующая о томъ теперь, раньше не открывала глаза невѣдующимъ?.. Какъ бы то ни было, лучше поздно, чѣмъ никогда; хорошо уже и то, что хоть съ 7-го марта читатели, черпающіе всѣ свои свѣденія изъ „Новаго Времени“, потеряли возможность „оправдываться незнаніемъ“ о голодѣ. Теперь они имѣютъ передъ собою письмо

госпожи Гротъ (изъ рязанской губерніи), послѣдній отчетъ госпожи Бобрищевой-Пушкиной (№ 6125); имъ нельзя, слѣдовательно, ссылаться и на то, что „нѣтъ публичныхъ обращеній къ общественной благотворительности“... Слишкомъ долго продолжавшееся равнодушіе можетъ еще быть, до извѣстной степени, заглажено; нужда особенно велика именно весною и прекратится—или уменьшится—только черезъ четыре мѣсяца.

Во что разрастаются, на самомъ дѣлѣ, тѣ *дев-три* нуждающіеся губерніи, на открытіе которыхъ „Новому Времени“ понадобилось цѣлыхъ полгода, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по письму госпожи Сѣровой изъ корсунскаго уѣзда (симбирской губерніи), напечатанному въ № 59 „Русскихъ Вѣдомостей“. Симбирская губернія не принадлежитъ къ числу тѣхъ десяти, которыя оффиціально признаны пострадавшими отъ неурожая 1892 г.; а между тѣмъ въ селѣ Судосевѣ „больше половины жителей побирается, хлѣба нѣтъ, положеніе много хуже прошлогодняго... Какъ вздыхаютъ судосевцы по лебедѣ! Пополамъ съ мукой ею кое-какъ кормились, а теперь чѣмъ пробиться? Точно такое же положеніе въ Шуватовѣ, Енгальцевѣ, Елизаветинѣ, Ѳедоровкѣ, Починкахъ (въ первыхъ двухъ селахъ, вдобавокъ, свирѣпствуетъ тифъ); нищимъ перестали подавать, ихъ количество растетъ съ неимоверной быстротой“... Намъ доставлены свѣденія изъ шадринскаго уѣзда (пермской губерніи), бросающія поразительно яркій свѣтъ на послѣдствія неурожая. Въ 22 деревняхъ этого уѣзда 1.473 семейства, имѣвшія, въ началѣ 1891 г., болѣе 1800 лошадей, къ лѣту 1892 г. оказались безлошадными. Коровъ у этихъ семействъ было 1.618, осталось—302; овецъ было 770, осталось—48; построекъ разнаго рода было 962, осталось—311; засѣвали они прежде болѣе 4.000 десятинъ, въ 1892 г. не засѣяли и 2.000. Въ 23 приходахъ шадринскаго уѣзда число родившихся въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ 1888 г. было 2.155, въ теченіе тѣхъ же мѣсяцевъ 1889 г.—1.977, 1890 г.—1.862, 1891 г.—2.063, 1892 г.—1.423. Умершихъ, за тотъ же періодъ времени, было: въ 1888 г.—1.167, въ 1889 г.—1.325, въ 1890 г.—1.542, въ 1891 г.—2.300, въ 1892 г.—2.486. Особенно зловѣщимъ представляется не столько послѣднее число, сколько *постоянное* возрастаніе смертности, начиная съ 1889 г. Голодъ 1891 г. нашель здѣсь, очевидно, слишкомъ хорошо подготовленную почву. Сколько времени и сколько усилій потребуется для того, чтобы залечить столь глубокія раны?!

Москва и вмѣстѣ съ нею все наше общество были глубоко поражены трагическою смертью московскаго городского головы, Н. А. Алексѣева.

Вполнѣ понятно, что въ первыя минуты послѣ печальной вѣсти всѣ вспоминали только добрыя качества покойнаго—тѣмъ болѣе понятно, что такихъ качествъ у него было не мало. Неизбѣжны и вполнѣ извинительны, при подобныхъ условіяхъ, даже преувеличенія, если только они остаются въ извѣстныхъ предѣлахъ и не обращаются ни въ явное извращеніе дѣйствительности, ни въ отрицаніе основныхъ началъ справедливости и права. Этихъ двухъ подводныхъ камней не стѣмѣли избѣжать нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, въ своихъ статьяхъ о безвременно погибшемъ московскомъ дѣятелѣ. „Н. А. Алексѣевъ, — читаемъ мы въ одной изъ нихъ, — уважалъ общественное мнѣніе и презиралъ общественную болтовню. Онъ ненавидѣлъ партійность и безпощадно давилъ оппозицію своимъ начинаніямъ, но охотно давалъ свободу здравому, толковому слову, когда оно преслѣдовало не праздные споры о правахъ, въ то время какъ надо было помнить только обязанности, а цѣли дѣйствительно практическія и близкія къ сути насущныхъ вопросовъ“. Эта характеристика не только невѣрна фактически — она *оправдываетъ* то, что въ лучшемъ случаѣ можетъ быть лишь *объяснено*, какъ тѣневая сторона картины. „Безпощадное подавленіе оппозиціи“ не можетъ идти рука объ руку съ уваженіемъ къ общественному мнѣнію, немислимому безъ свободы порицанія и отрицанія. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо опасна теорія, признающая право на существованіе только за „здравымъ, толковымъ словомъ“ — опасна потому, что она до крайности затрудняетъ борьбу съ „преданіями рабства“, которымъ, по выраженію поэта, такъ „страшно вѣрять“ русскій человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто является, при дѣйствіи этой теоріи, судьей „здравости“ и „толковости“ слова? Тотъ, чьею дѣятельностью оно вызвано. Само собою разумѣется, что „здравымъ и толковымъ“ ему будетъ казаться, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, только слово согласія и одобренія. Не желая выслушивать противника, онъ будетъ увѣрять другихъ и вѣрить самъ, что налагаетъ молчаніе на ненормальность и безтолковость. Другой, заранѣе готовый предлогъ для „подавленія“ оппозиціи—это ссылка на *партійность*. Группа людей, не раздѣляющихъ моего мнѣнія—это *партія*, т. е. нѣчто зловердное и подлежащее искорененію, особенно на русской, на „истинно-русской“ почвѣ. Другое дѣло—группа людей, всегда идущихъ рядомъ со мною или, еще лучше, вслѣдъ за мною: это — союзъ во имя правды и добра, заслуживающій всякаго вниманія и поощренія... Перенесенные въ общественное собраніе, такіе взгляды неизбѣжно приводятъ къ искусственному объединенію большинства, къ безсилію меньшинства, а если найдется человѣкъ съ крѣпкой волей и сильной рукой — къ его единовластію, даже въ томъ, въ чемъ оно всего менѣе нужно и умѣстно. Признаемся откро-

венно, намъ всегда казалось, что именно стремленіе къ единовластію — не только въ исполненіи, но и въ постановленіи рѣшенія — составляло главный недостатокъ дѣятельности Н. А. Алексѣева, какъ московскаго городского головы. Это было, по французскому выраженію, *le défaut de sa qualité*; его энергія выдвигалась на первый планъ даже тамъ, гдѣ болѣе желательны были другія свойства. Именно то, что дѣлало его превосходнымъ предсѣдателемъ городской управы, мѣшало ему быть идеальнымъ предсѣдателемъ городской Думы. Не отъ него, конечно, зависѣло соединеніе въ его рукахъ двухъ существенно различныхъ функцій — но именно его примѣръ свидѣтельствуется всего яснѣе о неудобствахъ такого соединенія. Безпристрастный историкъ его управленія отмѣтитъ всѣ крупныя дѣла, имъ предпринятія или исполненныя (постройка боенъ, зданія думы, устройство водопровода и др.) — но не скроетъ, что ни одно изъ нихъ не было свободно отъ ошибокъ, коренившихся именно въ нетерпимости къ противорѣчію, въ безграничномъ довѣріи къ собственной непогрѣшимости. Можно любоваться, въ лицѣ Н. А. Алексѣева, „широкой русской натурой“ — но не слѣдуетъ возводить „въ перль созданія“ тѣ черты этого типа, которыя составляютъ его кажущуюся силу и дѣйствительную слабость.

Отъ признанія противниковъ Н. А. Алексѣева орудіями „партильности“, „праздными“ спорщиками о „правахъ“, представителями „общественной болтовни“ — только одинъ шагъ до заподозриванія ихъ мотивовъ — и этотъ шагъ сдѣланъ другой газетой. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, Н. А. Алексѣева „дѣлили и любили всѣ, *кромя лицъ, которыя изъ корыстныхъ или иныхъ нечистыхъ побужденій стремились стать ему поперекъ дороги*“. Возражать противъ подобныхъ увѣреній (доходящихъ, нѣсколько дальше, до догадки, что за убійцей — если онъ не сумасшедшій — „могутъ скрываться другія лица, въ качествѣ подстрекателей и сообщниковъ“), конечно, нѣтъ надобности; мы ограничимся только небольшой справкой, не лишенной интереса. Въ одной изъ нашихъ давнишнихъ хроникъ („В. Е.“ 1887 г., № 1) мы нашли слѣдующую цитату изъ газеты, уже тогда воевавшей съ „безсословнымъ, безконтрольнымъ, безотвѣтственнымъ“ городскимъ самоуправленіемъ. „Въ безсословной, безформенной Россіи, — говорила эта газета въ ноябрѣ или декабрѣ 1886 г., — нѣтъ мѣста охранительнымъ началамъ, прогрессу, свободѣ, а есть мѣсто лишь началамъ отрицанія и разрушенія, да всякаго рода хищеніямъ: у царя — власти, у народа — его достоянія... Самодержавная власть во всѣхъ городахъ и весяхъ русской земли принадлежитъ царю, и только царскими законами должны мы руководиться, а законы рыковскіе, *алексѣевскіе* и иныхъ новоявленныхъ законодателей и самодерж-

цевъ, то-есть, все это царство фразы и лжи, должно быть неотлагательно устранено, какъ въ интересахъ населенія, такъ и государства“. Газета, разразившаяся такою изумительною выходкою, въ нашей хроникѣ прямо не названа — но, если не измѣняетъ намъ память, именно она стоитъ теперь въ первомъ ряду панегиристовъ покойнаго городского головы. И пускай намъ не говорятъ, что измѣненіе ея тона вызвано измѣненіемъ характера дѣятельности Н. А. Алексѣева: нѣтъ, отличительныя черты этой дѣятельности съ самаго начала и до самаго конца оставались однѣ и тѣ же. „Либералы“ въ печати и въ Думѣ, порицая деспотическіе *приемы* Н. А. Алексѣева, не впадали въ противорѣчіе сами съ собою—да и самое порицаніе никогда не доходило у нихъ до тѣхъ предѣловъ, которыхъ достигла упомянутая нами газетная статья. Чѣмъ собственно она была вызвана, противъ какого *алексѣевского* „закона“ специально была направлена—этого мы не припомнимъ; мы хотѣли только показать, что слабыя стороны въ дѣятельности Н. А. Алексѣева усматривались не одними только „мошенниками пера и разбойниками печати“, и что московской газетѣ не подобало говорить о „корыстныхъ или иныхъ нечистыхъ побужденіяхъ“, какъ о единственномъ возможномъ источникѣ нападеній на покойнаго.

Заподозриваніе мотивовъ, въ силу которыхъ дѣйствуетъ противникъ—явленіе, въ наше время, совершенно заурадное, и не въ немъ слѣдуетъ видѣть геркулесовы столпы, до которыхъ дошла наша печать, оплакивая Н. А. Алексѣева. Эта роль принадлежитъ по праву одному изъ „Маленькихъ писемъ“ „Новаго Времени“ (№ 6119). Называя убійцу городского головы „бревномъ въ образѣ человека“, авторъ письма продолжаетъ: „и это бревно поступаетъ на испытаніе людей науки, оно будетъ ѣсть и пить, дышать воздухомъ и, пожалуй, высказывать свое неудовольствіе на то, что къ нему недостаточно почтительно и вѣжливо относятся. Не жалѣя свою жертву, это бревно жалѣетъ себя самого и бережетъ свою вредную для людей жизнь и, убивая, знаетъ, что останется жить. Ничего нѣтъ выше собственнаго „я“, своего мелкаго эгоизма въ этомъ бессмысленномъ бревнѣ, которое воображаетъ, что и въ него Богъ вложилъ бессмертную душу, что онъ не безчувственное дерево, только и годное на то, чтобъ его срубить... Но онъ—жалкій сумасшедшій, скажутъ мнѣ. Однако, онъ не бросился съ выстрѣломъ на такое же ничтожное бревно, какъ онъ самъ. Онъ выбиралъ, подготавлился къ своему преступленію, онъ мѣтилъ на лицо выдающееся, популярное; онъ нагло бравируетъ своимъ убійствомъ. Этой вмѣняемости довольно. Но его еще будутъ испытывать, производить два слѣдствія, адвокаты защищать, прокуроры обвинять, интеллигенція научная, судебная, административная

займутся этой презрѣнной особой, этой поврежденной или мелкой душонкой, стоящей ниже, въ порядкѣ Божьяго созданія, того муравья, котораго вы давите безъ сожалѣнія ногой. Какъ, подумаешь, удивительно создалъ самъ себя человѣкъ! Вѣдь еслибъ оцѣнить все горе, которое принесъ этотъ новохоперскій мѣщанинъ, еслибъ оцѣнить всѣ усилія ума, знанія, какія ему будутъ посвящены, еслибъ оцѣнить все то время, которое возьметъ онъ у суда, у слѣдователей, у присяжныхъ, у врачей и проч., еслибъ оцѣнить все это, то получилась бы такая сумма, которая спасла бы отъ нищеты цѣлую сотню полезныхъ и хорошихъ людей“...

Быть можетъ, нѣчто подобное проносится иногда въ головѣ чловека, ошеломленнаго, ослѣпленнаго невознаградимой потерей; быть можетъ, такъ смотритъ иногда на убійцу, въ первыя минуты страшнаго горя, ближайшій родственникъ или другъ убитаго — но даже при такихъ условіяхъ чудовищная мысль не принимаетъ опредѣленной формы, исчезаетъ какъ кошмаръ, не выдерживающій соприкосновенія съ первымъ лучомъ дневнаго свѣта, съ первымъ проблескомъ проснушагося сознанія. Какимъ же образомъ она могла фиксироваться въ умѣ посторонняго, по отношенію къ убитому, лица—фиксироваться настолько, чтобы появиться въ печати? Одно изъ двухъ: или вся приведенная нами тирада—не что иное, какъ причитаніе, претендующее только на эффектъ, а не на серьезное значеніе,—или она имѣетъ смыслъ до крайности печальный. Мы желали бы остановиться на первомъ предположеніи—но этому мѣшаютъ самыя приемы автора: онъ не только вопіетъ—онъ рассуждаетъ, предусматриваетъ возраженія, старается ихъ опровергнуть, обобщаетъ свои выводы. Въ другой странѣ, при другихъ нравахъ, его статья,—по справедливому замѣчанію „Новостей“,—была бы призывомъ къ суду Линча; у насъ она является требованіемъ военно-полевого суда или какой-нибудь другой, еще болѣе „экспедитивной“ расправы. Дерево, „годное только на то, чтобъ его срубить“, муравей, котораго „безъ сожалѣнія можно раздавить ногой“—это, очевидно, не объектъ для сколько-нибудь нормальнаго суда; это—нѣчто подлежащее устраненію... Авторъ статьи не понимаетъ даже того, что правосудіе существуетъ не только для самого подсудимаго, но и для общества. Общество не можетъ чувствовать себя спокойнымъ и удовлетвореннымъ, когда гарантіи, выработанныя вѣками, уступаютъ мѣсто „упрощеннымъ“ способамъ возмездія. Для него нѣтъ ни людей-бревенъ, ни людей-муравьевъ, а есть только *человѣкъ, всегда*, при всякихъ условіяхъ, сохраняющій свою человѣческую душу и человѣческія права. Нарушеніе этихъ правъ, даже въ лицѣ преступника, равносильно нарушенію правъ всего общества... „Маленькое письмо“ осталось бы, въ

нашихъ глазахъ „маленькимъ“ фактомъ, не заслуживающимъ и не требующимъ вниманія, еслибы мы не видѣли въ немъ признака времени. Пренебреженіе къ наукѣ и къ человѣческому достоинству — вотъ характерныя черты „модныхъ“ теченій, отразившіяся, какъ въ зеркалѣ, въ разбираемой нами газетной статьѣ. Смѣлость, съ которою провозглашается здѣсь вновь открытый суммарный способъ установленія вѣроятности—это отголосокъ самодовольства, отрицающаго „чужеземныя, навѣянныя доктрины“ во имя доморощеннаго „практическаго смысла“. Рѣшительность, съ которою человѣкъ приравнивается къ вещи или къ насѣкомому,—это отголосокъ теоріи „спасительнаго страха“, не усматривающей существеннаго различія между народной массой и стадомъ животныхъ...

Всѣ органы печати, упомянувшіе о смерти П. Я. Александрова, —не исключая и тѣхъ, у которыхъ съ нимъ были когда-то личные счёты,—признали единогласно, что въ его лицѣ сошла со сцены одна изъ самыхъ крупныхъ силъ русской присяжной адвокатуры. И дѣйствительно, въ покойномъ были на-лицо всѣ условія, дающія адвокату не только успѣхъ, но и право на уваженіе. Тонкій умъ, основательное образованіе, любовь къ своему дѣлу соединялись въ Александровѣ съ твердостью убѣжденій, не отступавшею передъ самыми трудными и отвѣтственными задачами. Онъ выдвинулся еще въ то время, когда принадлежалъ къ прокурорскому надзору, выдвинулся не только какъ искусный обвинитель, но и какъ безпристрастный искатель правды, способный промѣнять, если этого требуютъ обстоятельства даннаго случая, обвиненіе—на защиту. Во всю свою ширь дарованіе П. Я. Александрова развернулось, однако, только на адвокатскомъ поприщѣ. Быстро слабѣвшія физическія силы не позволяли ему, въ послѣдніе годы жизни, часто выступать передъ судомъ, но не слабѣлъ его талантъ, выказавшійся въ полномъ блескѣ еще за мѣсяцъ до его смерти, въ защитительной рѣчи по дѣлу редактора „Новостей“ съ спб.-тульскимъ земельнымъ банкомъ. Въ этой рѣчи есть одно мѣсто, составляющее какъ бы адвокатское завѣщаніе П. Я. Александрова. Ему нужно было перейти къ разбору тѣхъ доводовъ обвинителя, которыми набрасывалась тѣпъ на *мотивы* газетныхъ нападеній противъ тульского банка. „Господа судьи! — воскликнулъ защитникъ,—съ большимъ волненіемъ я хочу сказать вамъ, что я не въ силахъ бороться на почвѣ этихъ обвиненій, выставленныхъ противъ г. Нотовича. *Я человѣкъ стараго времени, я принадлежу началу моей дѣятельности къ первымъ годамъ судебной реформы. Я проникнутъ традиціями того времени, а въ то время всякая непорядочность въ преніяхъ удалялась, и чистоплотность и порядочность*

преній считалась однимъ изъ лучшихъ украшеній суда. Мы не по сердцу, не по вкусу, не по характеру, не по силамъ, принимать борьбу на этой почвѣ—ислѣдовать мотивы, которыми руководствовался писатель, излагая ту или другую статью. Да развѣ преступленія печати представляютъ такія крупныя преступленія, по которымъ нужно еще рыться въ душѣ писателя и искать—почему онъ написалъ ту или другую статью?“ *Традиціи первыхъ временъ судебной реформы*—вотъ, въ самомъ дѣлѣ, то знамя, которому до конца оставался вѣренъ Александровъ.

Между здравствующими и дѣйствующими адвокатами уцѣлѣло еще, къ счастью, не мало носителей этого знамени. Одинъ изъ нихъ, В. Д. Спасовичъ, оправился послѣ тяжелой болѣзни, по прежнему бодрый не только тѣломъ, но и духомъ. Другой, В. Н. Герардъ, праздновалъ недавно двадцатипятилѣтіе своей адвокатской дѣятельности. Многочисленные его товарищи, прежніе и нынѣшніе, чествовали въ немъ именно человѣка, вѣрнаго лучшимъ завѣтамъ шестидесятихъ годовъ. Пока въ сословіи есть такіе люди и пока они пользуются въ его средѣ общою любовью и уваженіемъ, до тѣхъ поръ нѣтъ причины бояться за будущность русской присяжной адвокатуры. Какими бы упреками, заслуженными или незаслуженными, ее ни осыпали, она остается однимъ изъ тѣхъ немногихъ поприщъ, на которыхъ, съ сравнительной, свободой можетъ созрѣвать русская рѣчь, развиваться русская общественная жизнь. На обѣдѣ, данномъ въ честь В. Н. Герарда, много говорилось о благотворномъ его вліяніи на ближайшихъ его сотрудниковъ и вообще на начинающихъ адвокатовъ. Въ такомъ вліяніи, въ непрерывномъ общеніи между старыми и молодыми членами сословія, въ корпоративномъ устройствѣ, столь дорогомъ для адвокатуры, мы видимъ залогъ прочности традицій, созданныхъ первыми, счастливыми годами новаго суда. Тогдашніе идеалы померкли, но не исчезли, и могутъ снова засіяты прежнимъ свѣтомъ...

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1893.

Книга третья. — Мартъ.

	СТР.
Горленки. — Разсказъ. — I-XX. — П. Д. БОБОРЫКИНА	5
Дикарка. — Повѣсть Эл. Оржешко. — Съ польскаго. — IV. — ГЛ.	37
Въ сорочкѣ родился. — Романъ въ шести книгахъ, соч. Фр. Шпильгагена. — Съ нѣмецкаго. — Книга третья. — I-X. — А. Э.	95
Публичные митинги въ Англии. — Очерки изъ политической исторіи Англии. — IV-IX. — Окончаніе. — В. Θ. ДЕРЮЖИНСКАГО	142
Сибирскія картинки XVIII-го вѣка. — Изъ дѣлъ сибирской старины. — Разсказъ. — I-XIII. — Н. С. ЛѢСКОВА	177
Голоса. — I. Одинъ голосъ. II. Другой голосъ. — Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	201
Изъ поездки на Волгу въ прошломъ году. — Впечатлѣнія и замѣтки. — I-IX. — Л. НЕЛИДОВОЙ	204
Разсказы иностранца о Петрѣ Великомъ. — Записки Юста Юля, датскаго посланника при русскомъ дворѣ (1709—1711). — А. Н. ПЫШИНА	255
Стихотворенія. — I. In memoriam. — II. На прощанье. — III. Nocturno nuovo. — М. МАРТОВА	294
Крестыянскія нужды и ихъ изслѣдователи. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	296
Стихотвореніе. — Когда съ высотъ горящаго Сіона. — КН. Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВА	319
Десять лѣтъ въ Америкѣ. — Изъ личныхъ воспоминаній. — VII. — П. А. ТВЕРСКОГО	320
Хроника. — Соляной налогъ и его значеніе. — Л. В. ХОДСКАГО	340
Внутреннее Овозрѣніе. — Сессія дворянскихъ собраній въ Новгородѣ и Петербургѣ. — Вопросъ о способахъ приобрѣтенія дворянскаго достоинства. — Возраженія дворянскихъ собраній противъ проекта опекунскаго устава. — Заповѣдность дворянскихъ имѣній и воспитаніе дворянскихъ дѣтей. — Сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія. — Земства рязанское и костромское	367
Иностранное Овозрѣніе. — Парламентская „болтовня“ и ея значеніе. — Политическая дѣятельность Гладстона. — Засѣданіе палаты общинъ 13-го февраля. — Новый ирландскій билль, его достоинства и недостатки. — Возраженія оппозиціи. — Вопросъ объ ирландской автономіи въ теоріи и на практикѣ. — Новые консерваторы въ Германіи. — Торжество оппортунизма во Франціи	388
Литературное Овозрѣніе. — Волна, сборникъ русской художественной лирики, К. Геруца. — Р. — Матеріалы для біографіи Гоголя, В. Шенрока. — Записки и Дневникъ А. В. Никитенка. — Этнографическое Обзорѣніе, кн. XIII, XIV и XV. — Извѣстія Общества археол., исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, т. X. — А. П. — Очерки Сибири, С. Елпатьевскаго. — Д. — Новая книги и брошюры	401
Новости иностранной литературы. — I. Cosmopolis, par P. Bourget. — С. П. — НѢ. — II. The Speeches and public Addresses of E. Gladstone, vol. X. — В. Д. — III. L'Ennemi des lois, par M. Barrès. — З. В.	425
Изъ Общественной Хроники. — Развѣтіе борьбы съ послѣдствіями неурожаа. — Усиленіе частной помощи; ея крайняя недостаточность. — Эксплуатація народной нужды. — Эпизодъ одного изъ лукояновскихъ дѣлъ. — Предложеніе черниговскихъ гласныхъ. — Еще о томскомъ обществѣ естествоиспытателей и врачей. — Ю. Э. Янсонъ †	488
Библіографическій Листокъ. — Родъ Шереметевыхъ, А. Барсукова, кн. 6. — Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, Е. Албицкаго и А. Ширгена. — Исторія нѣмецкой литературы, В. Шерера, пер. съ нѣм. п. р. А. Н. Пыпина, ч. I. — Изъ зеленаго царства, Д. Кайгородова. — Въ странѣ контрастовъ, изъ жизни и природы туркестанскаго края, Л. П. Шелгуновой	

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Книга четвертая. — Апрель.

	стр.
Изъ повѣдки на Волгу въ прошломъ году.—Впечатлѣнія и замѣтки.—XI-XXVI. —Окончаніе.—Л. НЕЛИДОВОЙ	453
Сибирскія картинки XVIII-го вѣка.—Изъ дѣлъ сибирской старины.—Разсказъ.— XIV-XXIII.—Окончаніе.—Н. С. ЛѢСКОВА	534
Десять лѣтъ въ Америкѣ.—Изъ личныхъ воспоминаній.—VIII-IX.—П. А. ТВЕР- СКОГО	562
Дикарка.—Повѣсть Эл. Оржешко.—Съ польскаго.—V.—ГД.	588
Искусство и нравственность.—Очеркъ.—КН. С. М. ВОЛКОНСКАГО	620
Въ сорочкѣ родился.—Романъ Фр. Шпиллгана.—Книга четвертая.—А. Э. Два очерка.—I. Ненадолго.—II. Ближе къ природѣ.—З. ГИППИУСЪ	652
Деревня.—Каронинъ, Разказы.—А. Н. ПЫПИНА	701
Изъ Сюлли Прюдома.—I. Разбитая ваза.—II. Роса.—III. Желаніе.—IV. Ла- сточка.—V. Два смѣлыхъ путника.—VI. Статуя и женщина.—VII. Кто скажетъ.—О. МИХАЙЛОВОЙ	730
Ипполитъ Тэнъ.—К. К. АРСЕНЬЕВА	783
Стихотворенія.—I. Пауза.—II. Девятая симфонія Бетховена.—III. Съ горъ по- токи.—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	788
Хроника.—Памяти В. А. Арцимовича.—2-е—5-е марта.—А. К.	805
Внутреннее Овозрѣніе.—Проектируемый государственный квартирный налогъ. —Можетъ ли онъ замѣнить собою налогъ подоходный?—Главныя условія взиманія квартирнаго налога.—Квартирные присутствія.—Продовольствен- ный отчетъ нижегородской губернской земской управы.—Земско-ста- тистическія свѣденія о самарской губерніи.—Новые законы	807
Иностранное Овозрѣніе.—Особенности французской администраціи и бюрократіи. —Старыя традиціи на новой почвѣ.—Послѣдній панамскій процессъ. —Флокé и его судьба.—Клемансо и Фрейсинъ.—Политическіе нравы и пріемы оппортунистовъ.—Темные факты въ панамскомъ дѣлѣ.—Смерть Жюль Ферри.—Болгарскія дѣла и правительственное сообщеніе	814
Литературное Овозрѣніе.—Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ казанской и дру- гихъ средне-волжскихъ губерніяхъ, А. П. Энгельгарта.—Прогрессив- ныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, В. В.—Урожай ржи въ евро- пейской Россіи, А. Фортунатова.—Крестьянское мірское хозяйство, М. Скибинскаго.—Л. С.—Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ, А. Корнилова.—Гроза гимназій, С. Либровича.—Скамья и кафедра, А. Же- ланскаго.—А. В.—Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря ли- тературнаго русскаго языка, Н. Горяева.—С. В.—Новыя книги и бро- шюры	832
Новости Иностранной Литературы.—I. L'évolution sociale, par B. Lavergne.— —Л. С.—II. Essais de littérature contemporaine, par G. Pellissier.— —III. Vers et prose, par Mallarmé.—З. В.	848
Изъ Овеществленной Хроники.—Итоги дѣятельности Особаго Комитета.—Частная помощь въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году.—Одна изъ причинъ <i>невѣ-</i> <i>денія</i> разнѣтровъ бѣдствія.—Трагическая смерть Н. А. Алексѣева въ Москвѣ.—П. Я. Александровъ †.—Юбилей В. Н. Герарда	857
Библиографическій Листокъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. —Германское торговое право, Карла Гарейса, пер. съ нѣм. п. р. Н. И. Нерсесова.—С. Э. Шараровъ. По русскимъ хозяйствамъ.—М. И. Мышь. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ.—Вопросы дня и жизни, В. А. Гольцева.	863

Объявленія.

№ 215.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 215.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

НВ. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами, безъ высылки при этомъ денегъ, и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Пересылка книгъ на счетъ заказчика по дѣйствительной стоимости.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Астафьевъ, Н. Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ. Съ образчиками клинописи, тремя рисунками (въ текстѣ) и картою къ лѣтописямъ ассирійскихъ царей. Спб., 1882 г. Ц. 1 р.

Астафьевъ, Николай. Опытъ исторіи библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и правами. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Буассе, Гастонъ. Паденіе язычества. Изслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы на западѣ въ четвертомъ вѣкѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ М. С. Корелина. Москва. 1892 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Вундтъ, В. Гипнотизмъ и внушеніе. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Колубовской. Москва. 1893 г. Ц. 75 к.

Гусевъ, А., проф. Основныя правила въ правоученіи графа Л. Толстого. Москва. 1893 г. Ц. 1 р.

Друммондъ, Генри, проф. Самое великое въ мірѣ; Міръ съ вами. Какъ преобразить нашу жизнь. Переводъ съ англ. С. Долгова. Москва. 1892 г. Ц. 80 к.

Земная жизнь Пресвятой Богородицы. Съ рисунками. Москва. 1892 г. Ц. 50 к.

Льюисъ, Дж. Г. Исторія философіи. Перев. съ послѣдняго англійскаго изд. Съ

приложеніемъ статьи о жизни и ученіи Шопенгауэра и Гартмана. Изд. второе. Съ полнымъ алфавитнымъ указателемъ. Спб. 1892 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Фарраръ, Ф. В. На зарѣ христіанства или сцены изъ временъ Нерона. Историческій рассказъ. Переводъ съ англійск. А. П. Лопухина. Спб. 1893 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Австенно, В. Скрежесть зубовный. Романъ. Въ двухъ томахъ. Изданіе 2-е. Спб. 1893 г. Ц. за два тома 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Повѣсти и рассказы. Въ двухъ томахъ. Изданіе 2-е. Спб. 1893 г. Ц. за два тома 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Арнольдъ, Эдвинъ. Свѣтъ Азін. Поэма. Переводъ А. Анненской, подъ редакціей В. Лесевича, съ его предисловіемъ и введеніемъ, редактированнымъ имъ же. Изданіе второе, иллюстрирован. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Байронъ, Донъ-Жуанъ. Переводъ П. А. Козлова. (Размѣръ подлинника.) Изд. 2-е, съ предисловіемъ В. П. Буренина и примѣчаніями П. И. Вейнберга. Въ двухъ томахъ. Спб. 1889 г. Цѣна за оба тома 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

*) Книги, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны:

Барсовъ, Н. И., проф. Къ литературѣ объ историческомъ значеніи русскихъ народныхъ заклинаній. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Бѣристерне - Бѣрисонъ. Новобрачные. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Перев. съ датск. П. Г. Ганзена. Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

—— **Марія Шотландская.** Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ датскаго П. Ганзена. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Отъ начала русской образованности до нашихъ дней.) Томъ III. Венни-Боборыкина. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вилинскій, Д. А. Бытовые охотничьи рассказы. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Виргилій, Энеида. Перевелъ съ подлиннаго Н. Квашнинъ-Самаринъ. Спб. 1893. Ц. 2 р.

Владиміровъ, П. В. Критико-библиографическія замѣтки объ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ по русской словесности за 1892 г. Кіевъ. 1893 г. Ц. 45 к.

Гаринъ, Н. Очерки и рассказы. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гаршинъ, Всеволодъ. Первая книжка рассказовъ. Изданіе 6-е. Вторая книжка рассказовъ. Изданіе 4-е. Третья книжка рассказовъ. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ, біографіи, написанной А. М. Скабичевскимъ. 2-е изд. Спб. 1892 г. Цѣна каждой книги 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Гейне, Генрихъ. Флорентійскія ночи. Съ портретомъ Гейне. Переводъ О. Н. Хмѣлевой. Спб. 1893 г. Ц. 20 к.

Гете, Вольфгангъ. Страданія юнаго Вертера. Съ предисловіемъ Густава Вендта. Переводъ О. Н. Хмѣлевой. Съ портретомъ Гете. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Гибшъ, А. Л. Изъ талмуда и мидраша. Очерки, легенды, рассказы и изреченія. Одесса. 1889 г. Ц. 65 к.

Годлевскій, С. Основы современнаго развитія. Очеркъ умственныхъ стремленій XIX вѣка. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

Григоровичъ, Дм. Вас. Полное собраніе сочиненій. Въ десяти томахъ, съ портретомъ автора. Спб. 1890 г. Ц. 15 р., въ перепл. 17 р. 50 к., 18 р. 75 к. и 20 р. Пересылка по разстоянію.

Данте-Алигieri. Божественная Комедія. А д ѣ. Переводъ стихами съ итальянск. А. П. Федорова, съ объяснительными примѣчаніями и біографическимъ очеркомъ Данте. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ четвертый. — I. Крошка Дорритъ. Переводъ М. А. Шишмаревой. — II. Большія ожиданія. Переводъ подъ ре-

дакціей М. А. Шишмаревой и М. Д. Никоновой. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Додз, Альфонсъ. Послѣ развода. Современныя нравы. Переводъ I. I. Ясинскаго. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Дѣдловъ, Сашенька. Повѣсти въ трехъ частяхъ. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. Москва. 1893 г. Ц. 1 р.

Златовратскій, Н. Собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора. Москва. 1891 г. Цѣна за два тома 3 р.

Жемчужниковъ, А. М. Стихотворенія. Въ двухъ томахъ, съ портр. автора и автобіографическимъ очеркомъ. Спб. 1892 г. Цѣна за оба тома 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Жюль Вернь. Вверхъ дномъ. Новый фантастическій романъ. Съ 30 рисунками Ж. Ру. Москва. 1890 г. Ц. 2 р.

—— **Воздушный корабль.** Переводъ Е. Киселева. Рисунки Ж. Бенета. Москва. 1892 г. Ц. 1 р.

Искандеръ. Кто виноватъ? Романъ въ двухъ част. Спб. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Книга о книгахъ. Толковый указатель для выбора книгъ по важнѣйшимъ отраслямъ знаній. Составленъ многими специалистами подъ редакціей И. И. Янжула. Изданіе въ пользу голодающихъ. М. 1892 г. Ц. 3 р.

Ковалевская, С. В. Литературныя сочиненія. Съ портретомъ автора. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія, изданныя подъ редакціей и съ приложеніемъ статьи: „А. В. Кольцовъ, мотивы его поэзіи и языкъ пѣсенъ“, К. М. Терновскаго. Кіевъ. 1892 г. Ц. 20 к.

Кольцовъ, А. В. Полное собраніе стихотвореній, изданное подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ А. В. Кольцова. Спб. 1892 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Карцовъ, В. С., и Мазаевъ, М. Н. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Короленко, Владиміръ. Очерки и рассказы. Книга вторая. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Коть-Мурлына. Темный путь. Романъ-хроника (въ четырехъ частяхъ). Въ двухъ томахъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

—— **Повѣсти, сказки и рассказы.** Пять томовъ. Спб. 1891 г. Цѣна каждого тома отдѣльно. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 20 к.

Котляревскій, Н. Михайлъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Опытъ историко-литературной оцѣнки. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Крашевский, I. Безумная. Романъ. Издание второе. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Крестовский, В. (псевдонимъ). Собрание сочиненій въ пяти томахъ. Съ портретомъ и биографіей автора. Спб. 1892 г. Ц. за пять томовъ 15 р.; перес. по разстоянію.

Ленау, Николай. Фаустъ. Поэма. Переводъ въ стихахъ, съ биографіей и предисловіемъ Н. А.—нскаго. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Леонарди, Джакомо. Стихотворенія. (Полное собраніе). Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Перевелъ съ итальянскаго В. Ф. Помянинъ. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Въ двухъ томахъ. Съ рисунокъ. Москва. 1891 г. Цѣна за два тома 5 р.

Ляшенко, М. М. (М. М. Правдинъ). На зарѣ новой жизни. Романъ въ двухъ частяхъ. Ревель. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Львова, А. Д. (Шидловская). Поэмы и пѣсни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Лѣсковъ, Н. С. Собрание сочиненій. Въ десяти томахъ. Спб. 1890 г. Ц. за десять томъ 25 р., пересылка по разстоянію.

Меренковскій, Д. С. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Минуличъ, В. Мимочка. Очеркъ. I. Мимочка-невѣста. II. Мимочка на водахъ. Спб. 1892. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Мильтонъ, Іоаннъ. Потерянный рай. Возвращенный рай. Поэмы. Е. Т. Съ рисунками. Москва. 1891 г. Ц. 1 р.

Михайловъ, М. Собрание стихотвореній. Спб. 1890 г. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Михневичъ, А. Бездна мысли. Поэтический ежедневникъ. Спб. 1891 г. Цѣна въ перепл. 2 р. 50 к.

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Изданіе одиннадцатое. Спб. 1892 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ роскошномъ календарномъ перепл. 3 р. съ пересылкой.

Незленовъ, А. Тургеневъ въ его произведеніяхъ. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шесть статей о Пушкинѣ. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Вѣломорье и Соловки. Воспоминанія и рассказы. 4-е изд. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Контрабандисты. Романъ. Съ 80 рисунками извѣстныхъ французскихъ и испанскихъ художниковъ. Кіевъ. 1892 г. Ц. 2 р.

Онз, Жоржъ. Торжество любви. Романъ. Переводъ съ французскаго О. Н. Хмѣлевой. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

Орнешко, Элиза. Хамъ. Исторія истинной любви. Романъ. Москва. 1892 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Пазухинъ, А. Буря въ стоячихъ водахъ. Повѣсть. 3-е изд. Москва. 1892 г. Ц. 1 р.

Полѣвой, П. Н. Историческіе рассказы и повѣсти. Съ 65 оригинальными рисунками и виньетками К. В. Лебедева. Спб. 1893 г. Ц. 5 р.,

Полное собраніе сочиненій Вилліама Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей. Н. В. Гербеля. Съ биографіей, fac-simile и портретомъ Шекспира. Въ трехъ томахъ. Четвертое изданіе. Спб. 1888 г. Цѣна за всѣ три тома 12 р., съ пер. 14 р.

Помяловскій, Н. Г. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ и биографіей автора, составленною Н. А. Благовѣщенскимъ. Седьмое изданіе. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

Потанинъ, И. Н. Повѣсти и рассказы. Томъ пятый и шестой. Спб. 1893 г. Цѣна каждому тому 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Пыпинъ, А. Н., и Спасовичъ, В. Д. Исторія славянскихъ литературъ. Изд. второе, вновь переизданное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 40 к. Т. I. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 20 к.

Пыпинъ, А. Н. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки. Изд. второе, съ исправленіями и дополненіями. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Разумовскій, А. „Крейцера Соната“ графа Л. Н. Толстого и ея выводы. Москва. 1892 г. Ц. 60 к.

Розенгеймъ, М. П. Стихотворенія. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ и биографическимъ очеркомъ. Изд. четверт., дополн. (первое посмертное). Спб. 1889 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к., въ перепл. съ пер. 7 р.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Полное собраніе сочиненій. Въ 12-ти томахъ. Спб. 1893 г. Ц. 20 р. Въ роскошномъ коленкоровомъ перепл. 28 р. Цѣна каждого тома отдѣльно 2 р. Въ переплѣтъ 2 р. 75 к.

Семейная жизнь въ ея радостяхъ и печаляхъ. Составлено по англійскимъ, русскимъ и французскимъ писателямъ. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою, въ изящномъ переплѣтъ съ пересылкою 2 р.

Сеневичъ, Генрихъ. Безъ догмата. Романъ. Переводъ В. М. Лаврова. Второе изданіе. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Снабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Соловьевъ, Владиміръ. Стихотворенія. Москва. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

——— **Національный вопросъ въ Россіи.** Выпускъ первый. Изданіе третье. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

——— **Національный вопросъ въ Россіи.** Выпускъ второй. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Соловьевъ, Всеволодъ. Женитья царевны. (Романъ-хроника XVII вѣка.) Изданіе дополненное новыми главами и эпилогомъ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Спасовичъ, В. Д. Сочиненія, т. IV. Перешитое. — Полемика. — Путевыя замѣтки. — Критика. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

——— **Сочиненія. Т. I.** — Литературныя очерки и портреты. Съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Т. II. — Литературныя очерки и портреты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Т. III. — Статьи, диссертация, лекціи юридическаго содержанія. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Станюковичъ, К. М. Пассажирика. Рассказъ изъ морской жизни. Спб. 1893 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Станюковичъ, К. М. Безъ исхода. Романъ. Изданіе второе. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Телетъ, Р. Призраки прошлаго. Романъ. Съ англійскаго. Москва. 1892 г. Цѣна книги въ пер. 1 р.

Уоллесъ, Льюисъ. Вэнъ-Хуръ (Во время оно). Повѣсть изъ римской и восточной жизни въ эпоху возникновенія христіанства. Переводъ съ англійск. М. 1893 г. Ц. 2 р.

Чернышевскаго, М. Н., изданіе. Критич. статьи: Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Островскій, Левъ Толстой, Щедринъ и др. („Современникъ“ 1854—1861 гг.). Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Цѣхановичъ, А. Русскій Рокамболь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Шевченко, Т. Г. Кобзарь. Съ портр. автора. Кіевъ. 1892 г. Цѣна книги въ пер. 2 р.

Шевченко, Т. Г. Кобзарь. Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художн. А. Г. Сластеномъ. Къ малорусскому тексту приложенъ переводъ Н. В. Гербеля. Спб. 1886 г. Ц. 5 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 8 р. 75 к.

Шелли. Сочиненія. Переводъ съ англійскаго К. Д. Балмонта. Выпускъ 1-й. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Шелонскій, Н. Н. Въ мірѣ будущаго. Фантастическій романъ съ оригинальными рисунками художн. А. Э. Гофмана. Москва. 1892 г. Ц. 2 р.

Шелонскій, Н. Н. За крестъ и родину. Романъ изъ эпохи борьбы за освобожденіе Греціи. Въ трехъ частяхъ. Москва. 1893 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Шенронъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. Томъ второй. Москва. 1893 г. Ц. 2 р. Цѣна 1-го т. 2 р.

Шереръ, Вильгельмъ. Исторія нѣмецкой литературы. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей А. Н. Попова. Часть первая. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.

Эберсъ, Георгъ. Тернистымъ путемъ. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Переводъ Д. Л. Михаловскаго. Спб. 1892 г. Цѣна за два тома 2 р.

Эрнманъ-Шатріанъ, Лѣсничій Фредерикъ. Воспоминанія одного француза о бѣдствіяхъ и страданіяхъ въ трагическіе дни присоединенія Эльзаса къ Пруссіи. Переводъ съ французскаго А. В. Успенской. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к. Въ переплетѣ ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Эстетика и поэзія. Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Яворовскій, А. В. Сказки популая. (Передѣлка съ персидскаго.) Со многими рисунк. въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. кн. въ перепл. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Якобсонъ, И. П. Марія Груббе. Романъ изъ жизни датскаго общества XVII в. Съ предисловіемъ Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго П. Г. Ганзена. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

Янжуль, И. И. Въ поискахъ лучшаго будущаго. Соціальныя этюды. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

III. ИСТОРИЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Арнольдъ, Юрій. Воспоминанія. Выпускъ III. Съ портретами автора. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 75 к. Цѣна за всѣ три выпуска 5 р.

Архивъ князя Воронцова. Книга 38. Переписка князя М. С. Воронцова съ графами П. Д. Киселевымъ, С. С. Уваровымъ, съ С. В. Софоновымъ и другими лицами. Москва. 1892 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Барсуковъ, Александръ. Родъ Шереметевыхъ. Книга шестая. Спб. 1892 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р. 60 к., книги 1, 2, 3, 4 и 5. Ц. каждой книги 4 р., съ пер. 5 р. 60 к.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга седьмая. Этою книгою завершается повѣсть о жизни и трудахъ Михаила Петровича Погодина въ теченіе перваго, важнѣйшаго періода его жизни, съ 11-го ноября 1800 по 31-е декабря 1844 г. Къ книгѣ приложенъ алфавитный указатель всѣхъ 7-ми книгъ и снимокъ съ кабинета М. П. Погодина, въ московскомъ его домѣ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Вышло шесть книгъ. Спб.

1892 г. Цѣна каждой книги отдѣльно 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Переводъ В. Невѣдомскаго. Томъ XV. Часть первая — Девятнадцатое столѣтіе. Отъ парижской іюльской революціи до настоящаго времени. Москва. 1892 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 75 к., за всѣ 15 томовъ 74 р., пересылка по разстоянію.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Томъ XV, часть II. Переводъ В. Невѣдомскаго. Съ портретомъ автора. Москва. 1893 г. Ц. 5 р. Цѣна за всѣ тома 79 р.

Газенвинкель, К. Б. Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири XVII вѣка. Казань. 1892 г. Ц. 60 к.

Гринъ, Джовъ Ричардъ. Исторія англійскаго народа. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Томъ четвертый. Революція 1683—1760. Современная Англія 1760—1815. Москва. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Об-ва при Импер. С.-Петербург. университетѣ. Издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣва (1892 г.). Томъ пятый. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историческ. Общ. при Импер. С.-Петерб. университетѣ. Т. I за 1890 годъ. Т. II—1891 г. Т. III—1891 г. Т. IV—1892 г. Спб. 1892 г. Ц. 1-го тома 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.; 2-го, 3-го и 4-го, каждого отдѣльно—2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Кантемиръ, А. Д., Кн. Реляція изъ Лондона (1723—1733 гг.). Томъ I. Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. В. Н. Александренко. Москва. 1892 г. Ц. 2 р.

Карно, И. Исторія французской революціи. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Семеновскаго. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Картевъ, Н., проф. Исторія Западной Европы въ новое время. (Развитіе культурныхъ и социальныхъ отношеній.) Т. I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Спб. 1893 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія Западной Европы въ новое время. (Развитіе культурныхъ и социальныхъ отношеній.) Томъ II. Реформація и политическая жизнь въ XVI и XVII вв. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб. 1890 г. Ц. 4 р.

„Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ. Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Литературная эволюція на За-

падѣ. (Изъ теоріи и исторіи литературы.) Воронежъ. 1886 г. Ц. 2 руб.

Историческій очеркъ польскаго сейма. М. 1888 г. Ц. 1 р.

Картевъ, Н. Исторія западной Европы въ новое время. (Развитіе культурныхъ и социальныхъ отношеній.) Томъ III. Восемнадцатый вѣкъ и французская революція. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Корсановъ, Д. А. Изъ жизни русскихъ дѣателей XVIII-го вѣка. Историко-біографическіе очерки. Казань. 1891 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И. Литературное наследіе. Автобіографія. Стихотворенія. Сценн. Историческіе отрывки. Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа. Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и біографическимъ указателемъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Въ трехъ томахъ. Спб. 1884 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Мазепа и мазепинцы. Историческая монографія. Изданіе второе. Спб. 1885 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой. Историческая монографія. Изд. третье, исправленное и дополненное. 2 тома. Спб. 1886 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Лихачева, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1796—1828). Время императрицы Маріи Теодоровны. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Петрушевскій, А. Ф. Генералиссимусъ князь Суворовъ. Спб. 1884 года, три большихъ тома, на веленовой бумагѣ, съ портретами, картами и факсимиле; удостоено академіей наукъ первой Макарьевской преміи. Ц. 10 р.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской этнографіи. Въ четырехъ томахъ. Томъ I и II. Общій обзоръ изученія народности и этнографія великорусская. Томъ III. Этнографія малорусская. Томъ IV. Вѣлоруссія и Сибирь. Спб. 1892 г. Ц. за всѣ четыре тома 10 р., съ пер. 11 р., отдѣльно каждый томъ по 3 р. съ пересылкою.

Сорель, А. Европа и французская революція. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣва. Томъ третій: Война съ монархами. Томъ четвертый: Естественныя границы. 1794—1795 гг. Спб. 1892 г. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к.

Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей П. Адрианова. Томъ I. Книга I—V. Москва. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Утинъ, Е. И. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. Спб. 1892 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

IV. ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Водовозовъ. Жизнь европейских народовъ. Часть I. Жители юга. Съ 27 оригинальными рисунк. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 5 р. Часть II. Жители сѣвера. Съ 24 рисунками. 2-е изд. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 5 р. Часть III. Жители средней Европы. Съ 24 рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 5 р.

Картавцовъ, Е. Э. По Египту и Палестинѣ. (Путевыя замѣтки.) Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Максимовъ, С. В. Годъ на Сѣверѣ. Съ портретомъ автора и многими рисунками. Четвертое, дополненное изданіе. Москва. 1890 г. Ц. 5 р.

Марновъ, Евгений. Путешествіе на Востокъ. Царьградъ и Архипелагъ. Въ странѣ фараоновъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Путешествіе по Святой Землѣ. Иерусалимъ и Палестина, Самарія, Галилея и берега Малой Азіи. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Поггенполь, Н. В. По альпійскимъ снѣгамъ и тропинкамъ. Спб. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Стэнли, Генри М. Въ дѣбряхъ Африки. Исторія поисковъ, освобожденія и отступленія Эмина-паша, правителя Эваторіи. Въ двухъ томахъ. Переводъ съ англійск. Е. Г. Бекетовой. Подъ редакціей А. Н. Бекетова. Спб. 1892 г. Ц. за два тома 3 р., съ пер. 4 р.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — ФИНАНСЫ — СТАТИСТИКА.

Бишовъ, А. Краткій обзоръ исторіи и теоріи банковъ, съ приложеніемъ ученія о биржевыхъ операціяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго О. Окновскаго, подъ редакціей В. Левитскаго. Ярославль. 1887 г. Ц. 75 к.

В. В. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

Веретенниковъ, И. В. Общественное и частное землевладѣніе въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ Воронежской губерніи. Воронежъ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герценштейнъ, М. Я. Кредитъ для земствъ и городовъ. Москва. 1892 г. Ц. 75 к.

Галузевъ, В. Вексельно-курсовыя вычисленія и арбитражъ. Спб. 1893 г. Ц. 45 к.

Горбъ-Ромашкевичъ, Ѳ. Поземельный кадастръ. Часть I. Варшава. 1892 г. Ц. 2 р.

Досужковъ, А. Н. Статистическій очеркъ таможеннаго дохода Россіи въ періодъ 1822—90 г. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Дюрингъ, Евгений. Курсъ національной и социальнаго экономіи, со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и социализма. Перев. съ нѣм. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. Зиберъ, Н. И. Давидъ Рикардо и Карлъ Маркъсъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Спб. 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Зиберъ, Н. И. Очерки первоначальной экономической культуры. Москва. 1883 г. Ц. 4 р. 50 к.

Инграмъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. И. И. Янжула. Москва. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства А. Фортунатова. Крестьянская община В. В. Москва. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Карышевъ, Николай. Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. II. Крестьянскія вынудѣльныя аренды. Дерптъ. 1892 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Моревъ, Д. Д. Руководство политической экономіи. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1892 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Моревъ, Д. Д. Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Изданіе третье, дополненное и исправленное по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Ц. 2 р.

Ходскій, Л. В. магистръ пол. экономіи. Политическая экономія въ связи съ финансами. 2-е издан., пересмотрѣнное и дополн. Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пересылкою.

Земля и земледѣлецъ. Экономическое и статистическое изслѣдованіе. Въ двухъ томахъ. Спб. 1891 г. Цѣна за два тома 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Цѣшиновскій, Августъ, графъ. Кредитъ и оборотныя его средства. Переводъ съ французскаго подъ редакціей К. В. Трубникова, съ его вступленіемъ и библиографическимъ очеркомъ автора. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Янжулъ, И. И., профессоръ. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Спб. 1890 г. Ц. 4 р.

Янсонъ, Ю., проф. Теорія статистики. Новое изданіе, исправл. и дополненное. Съ 18-ю діаграммами въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Богдановъ, М. Н. Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и рассказы. Изданіе второе. Съ 9-ю рисунками и многими полнотипажамъ въ текстѣ, съ портретомъ, біографическимъ очеркомъ и предисловіемъ Н. П. Вагнера. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Бургеръ, А. И., д-ръ. Мясная пища съ точки зрѣнія вегетаріанца. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Гинтервальднеръ, Иог. М. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Переводъ подъ редакціею и съ приложеніемъ статьи проф. Э. Ю. Петри „Антропологическія коллекціи и наблюденія“. Съ 135 рисунками въ текстѣ. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Гигіена сна. Какъ обезпечить себѣ крѣпкій и здоровый сонъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Я. Канторъ. Москва. 1893 г. Ц. 35 к.

Давыдовъ, М. П. Садоводство и огородничество. Практическое руководство для сельскихъ жителей. Съ пятью рисунками. Изданіе второе, исправленное и значит. дополненное. Казань. 1892 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. Ботаническія свойства, приготовленіе, подѣлка и всемірная торговля. Москва. 1889 г. Ц. 75 к.

Иностранцевъ, А. А., проф. Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ С.-Петербургскаго Университета. Томъ I—Современныя геологическія явленія (динамическая геологія), петрографія и стратиграфія. Съ 301 полнотипажемъ въ текстѣ. 2-е изд., значительно дополненное. Спб. 1889 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р. Томъ II—Историческая геологія. Съ 591 полнотипажемъ въ текстѣ. Спб. 1887 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 50 к.

Казанскій, Н. П. Жемчужныя раковины и жемчугъ вообще и въ Россіи въ особенности. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

Кирхнеръ, Оскаръ, д-ръ. Болѣзнь и поврежденія нашихъ сельско-хозяйственныхъ культурныхъ растений. Руководство къ распознаванію ихъ и къ борьбѣ съ ними для сельскихъ хозяевъ, садоводовъ и проч. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею д-ра Хр. Гоби. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Кичуновъ, Н. И. Культура розы въ открытомъ грунтѣ и подъ стекломъ. Съ 33 рисунками въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.

Кулешовъ, П. Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ живот-

ныхъ въ овцеводствѣ. Съ таблицей фотографіи. Москва. 1890 г. Ц. 2 р.

Марануевъ, В. Н. Практическое русское садоводство (плодовое и ягодное). Москва. 1891 г. Ц. 25 к.

Мушкетовъ, И. В. (проф.). Физическая геологія. Курсъ лекцій, читанныхъ студентамъ горнаго инстит. и инстит. инженеровъ путей сообщенія. Часть первая. Общія свойства земли, вулканическія, сейсмическія и дислокаціонныя явленія (тектоническіе процессы). Съ 3 картами и 420 полнотипажамъ въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 9 р., Часть вторая. Геологическая дѣятельность атмосферы и воды (денудационныя процессы). Съ 8 физическими и геологическими картами и 300 полнотип. въ текстѣ. Спб. 1888 г. Ц. 8 р.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. Уходъ за домашними птицами. Воспитаніе ихъ для рынковъ и выставокъ.—Инкубация.—Болѣзнь птицъ. Переводъ съ англійскаго И. И. Абозиява. Москва. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рихтеръ, В. Учебникъ неорганической химіи, по новѣйшимъ воззрѣніямъ, съ 86-ю полнотипажамъ: Седьмое изданіе, просмотрѣнное и дополненное Л. Явейномъ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Ротертъ, В. Курсъ физиологіи растений. Часть I. Физическая физиологія. Съ 18 рисунками въ текстѣ. Казань. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. Геологическіе очерки. Москва. 1890 г. Ц. 50 к.

Федоровъ, Е. С. Краткое руководство по кристаллографіи. Часть первая, съ таблицей и 234 рисун. въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Яценко, Г. А. Растенія для жилыхъ комнатъ и уходъ за ними. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

X. МЕДИЦИНА — ГИГИЕНА.

Берегите мозгъ отъ сифилиса. (Посвящается молодому поколѣнію.) Спб. 1891 г. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Галанинъ, М. И., д-ръ. Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Съ прибавленіемъ діететики беременности, родовъ и послѣродового періода.—Женщины-врача Никольской-Щечкиной. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Жунъ, В. Н. Мать и Дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. 4-е, вновь обработанное и дополн. изд. со множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. Въ роскошномъ переплетѣ ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р.

Жунъ, В. Н. Дитя. Дневникъ матери. Альбомъ для записи наблюдений надъ физическимъ развитіемъ ребенка. Первые три года жизни. Спб. 1893 г. Цѣна книги въ перепл. 2 р.

Золотаревъ, А. А. Что говоритъ наука о половой потребности и объ ея удовлетвореніи. Популярно-научный очеркъ. Москва. 1891 г. Ц. 30 к.

Илинскій, П. Въ виду холеры. Какъ боролись у насъ съ холерою въ прошломъ году и чему мы научились? Общедоступное чтеніе. Спб. 1893 г. Ц. 15 к.

Кнейппъ, Севастьянъ. Мое дозлече-ніе, испытанное въ продолженіе сорока лѣтъ и изложенное для леченія болѣзней и сохраненія здоровья. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Конспектъ по общей патологіи. Составленъ примѣнительно къ программѣ медицинской комиссіи. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Конспектъ по гистологіи. Составленъ по программѣ полукурсового испытанія на медицинскомъ факультетѣ. Кіевъ. 1892 г. Ц. 50 к.

Краткій курсъ эпизоотіи съ ветеринарою полиціей. Составленный примѣнительно къ программѣ медицинской комиссіи. Кіевъ. 1892 г. Ц. 35 к.

Кюллеръ, д-ръ. Нервность и нервозы. Гигіена нервныхъ людей. Переводъ подъ редакціей женщины-врача М. М. Волковой, съ предисловіемъ С. Н. Данило. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лейнъ, А. Зубы, ихъ леченіе, заболѣванія и уходъ за ними. Искусственные зубы. Съ 20-ю гравированными рисунками. Общепонятное изложеніе. Уфа. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Levillain, F. Гигіена нервныхъ людей. Переводъ подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями д-ра Л. О. Финкельштейна. Спб. 1892 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Любимовъ, Н. М., проф. О борьбѣ съ заразными болѣзнями. Казань. 1893 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Способы распространенія заразныхъ болѣзней. Казань. 1893 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Чашотка, ея причины и предосторожности противъ нея. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Казань. 1893 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Мантегацца, П. Искусство быть здоровымъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Кіевъ. 1890 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Neelsen, D.-r. Основы патолого-анатомической техники для практическихъ врачей и студентовъ. Переводъ съ нѣмец-

каго Л. С. Гинзбурга и А. А. Фонштейна, подъ редакціей и съ дополненіями Н. М. Любимова. Проф. Казань. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Перье, Э. Уходъ за больными дѣтьми. Переводъ съ французскаго Э. Русаковой. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Покровская, М. И., женщина - врачъ. Популярная гигиена. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Сниткинъ, М. П. Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Изд. 2-е исправленное и дополненное статью; Воспитаніе и начальное обученіе. Спб. 1892 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Стокгэмъ, Алиса, д-ръ мед. Токологія или наука о дѣтороженіи. (Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ.) Переводъ съ англійскаго. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.

XI. ЗАКОНОВѢДЕНІЕ—ПОЛИТИКА—СОЦІОЛОГІЯ.

Альбицій, Е., и А. Ширгенъ. Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи. Саратовъ. 1893 г. Ц. 2 р.

Анисимовъ, А. Уставъ о гербовомъ сборѣ (изд. 1886 г. и продолж. 1887 и 1889 г.) съ разъясненіями правительствующаго сената. Изд. 3-е, дополненное. Изданіе неофициальное. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Вербловскій, Г. (членъ оружн. суда). Судопроизводство гражданское и уголовное въ новѣхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ. Объясненія къ правиламъ 29 декабря 1889 г. о производствѣ судебныхъ дѣлъ, основанныя на теоріи и практикѣ гражданского и уголовного судопроизводства. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Движеніе русскаго гражданскаго процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ. Второе, пересмотрѣнное и дополненное изданіе. Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Перевелъ съ нѣмецкаго Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Н. О. Нерсесова. Выпускъ первый. Москва. 1893 г. Ц. 2 р.

Гаугеръ, А. К. Законы гражданскіе (Св. Зак. Т. X, ч. I, изд. 1887 г.), со включеніемъ статей по продолженію 1890 и 1891 гг., позднѣйшихъ узаконеній и разъясненій общ. собр. и гражд. касс. департ. правит. сената по іюню 1892 г. (Изданіе неофициальное.) Спб. 1893 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Горяиновъ, С. М. Уставы о воинской новинности (Сводъ законовъ, т. IV, книга Д, дополненные всѣми позднѣйшими узаконеніями по 1-е окт. 1892 г., съ разъясняющими ихъ извлеченіями изъ рѣшенія прав. сената, приказовъ по военному и морскому вѣдомству, циркуляровъ мин. внутр. дѣлъ, главнаго штаба и другихъ правит. распор. за 1874 и слѣдующіе года, по 1892 г. включительно. 6-е изд. Въ двухъ томахъ). Спб. 1893 г. Цѣна за оба тома 5 р., съ пер. 5 р. 80 к.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. Выпускъ I. Ц. 75 к. Выпускъ II. Ц. 75 к. Выпускъ III. Ц. 1 р. 50 к.

Евреиновъ, А. А. Акцизныя нарушенія въ алфавитномъ порядкѣ, съ приложеніемъ правилъ о взысканіяхъ и кассационныхъ разясненій сената. Изданіе неофициальное. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Двѣ статьи о студенческой жизни въ Дерптѣ. Изданіе второе, значительно дополн. Спб. 1892 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Латининъ, В. Н., проф. Проектъ новаго уложенія составленный законодательной комиссіей 1754—1766 гг. (Часть III, „О состояніяхъ подданныхъ вообще“). Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Лерингъ-фонъ, Рудольфъ. Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. Переводъ Владиміра Огнева, подъ редакціей проф. Сергѣя Муромцева. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

Объ основаніи защиты владѣнія. Пересмотръ ученія о владѣніи. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

Левицкій, Ал. Правила о торговлѣ крѣпкими напѣтками. — I. Законъ 5-го марта 1892 г. — II. Правила о порядкѣ выдачи патентовъ. Изданіе второе, дополненное. Разрѣшено департаментомъ неокладныхъ сборовъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Плискій, Николай. О клентоманіи (врожденной наклонности къ воровству). Изслѣдованіе. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Полетаевъ, Н. А. Иски изъ незаконнаго обогащенія. Спб. 1892 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Поповъ, А. Возобновленіе межевыхъ знаковъ, какъ средство охраненія границъ земельныхъ имуществъ. Спб. 1893 г. Ц. 20 к.

Рошниковскій, Л. П. Судебные уставы императора Александра II, съ комментаріями и разясненіями. Уставъ гражданскаго судопроизводства. Изданіе 3-е, переработанное и дополненное. Изданіе неофициальное. Казань. 1892 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Слонимскій, Л. З. Охрана крестьянскаго землевладѣнія и необходимыя законодательн.

реформы. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Основныя вопросы политики. Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Случевскій, В. Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судопроизводство. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к. Судостройство. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Уголовно-процессуальная казуистика. Пособіе для лекцій и экзаменовъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Таланцевъ, Н. С. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, изданіе 1885 г. Съ дополненіями по продолженіямъ 1890 г., съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ сената. Изданіе седьмое, пересмотрѣнное и дополненное. (Изданіе неофициальное.) Спб. 1892 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г. Изд. седьмое, пересмотрѣнное и дополненное. (Изд. неофициальное.) Спб. 1892 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Лекціи по русскому уголовному праву. Вып. I, II и III. Ч. общая. Спб. Ц. I-го вып. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. II-го 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. III-го 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Лекціи по русскому уголовному праву. Выпускъ IV и послѣдній. Часть общая. Спб. 1892 г. Ц. 4 р.; пересылка по разстоянію.

Тардъ, Г. Преступленіе толпы. Переводъ д-ра И. О. Гюрданскаго, подъ редакціей проф. А. И. Смирнова. Казань. 1893 г. Ц. 50 к.

Трахтенбергъ, Г. И., прис. повѣрен. Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовными касс. и общимъ собраніемъ касс. департ. правит. сената 1878—1891. Изд. пятое, дополненное. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Фойницкій, И. Я. Курсъ уголовного права. Часть особенная: Посягательства на личность и имущество. Изданіе второе, пересмотрѣнное. Спб. 1893 г. Ц. 3 руб.

Щегловитовъ, С. Г. Судебные уставы императора Александра II съ законодательными мотивами и разясненіями. Уставъ уголовного судопроизводства. 5-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1892 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Городовое положеніе съ законодательными мотивами, разясненіями и допознительными мотивами (неофициальное изданіе). Спб. 1892 г. Ц. 4 р., съ перес.

Эдмъ и Коннинггэмъ. Швейцарія и ея учрежденія. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Южаковъ, С. Н. Соціологическіе этюды. Изданіе пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

XII. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Агинъ, А. Сто четыре рисунка къ поэмѣ Н. В. Гоголя „Мертвыя души“. 3-е изданіе. Спб. 1892 г. Цѣна книги въ пер. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Бьернстерне-Бьерисонъ. Перчатка. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Перев. П. Г. Ганзень. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Дьяченко, Викторъ Антоновичъ. Драматическія сочиненія. Томъ II. 1864—1867. Губернёръ. Ныѣшняя любовь. Свѣтскія ширмы. Семейные пороги. Изданіе второе. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Драматическія сочиненія. Томъ I. 1861—1863. Изданіе второе. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

— Драматическія сочиненія. Томъ III. 1868—1869. Изданіе второе. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дьяченко, Викторъ Антоновичъ. Драматическія сочиненія. Томъ IV. 1870—1872 г. Изданіе второе. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дюма, Александръ (сынъ). Дама съ камеліями. Съ предисловіемъ Жюль Жанена. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Крыловъ, Викторъ (Александровъ). Драматическія сочиненія. Томъ шестой. Семья. — Разладъ. — Дивидендъ. — Внучка. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Лессингъ, Эмилія Галотти. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ нѣмецк. Кіевъ. 1892 г. Ц. 25 к.

Львовъ, Т. Н. Энтузіастъ. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Мольеръ, Жанъ-Баптистъ. Мѣщанинъ во дворянствѣ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ В. П. Острогорскаго. Съ предисловіемъ переводчика. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

— Мизантропъ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ въ стихахъ (1666). Переводъ съ французскаго Льва Поливанова. Съ очеркомъ жизни Мольера, объяснительными статьями и съ тремя портретами. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Плещеевъ, Александръ. Для театра. Сборникъ пьесъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Серебряновъ, П. Ученіе о душевныхъ движеніяхъ въ примѣненіи къ сценическому искусству. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Шиллеръ, Фр. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Кіевъ. 1892 г. Ц. 25 к.

XIII. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Антисарматинусъ (псевдонимъ). Огъ Берлина и Вѣны къ Петербургу и Москвѣ и обратно. Огвѣтъ воинствующимъ теводамъ-руссификамъ (съ картою). Изд. 2-е, испр. и дополненное. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Апостоли, Н. Н. Руководство къ изученію практической фотографіи для морскихъ офицеровъ и туристовъ. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.

Бородинъ, Н. Уральское казачье войско. Въ двухъ томахъ. Съ 10 картами. Уральскъ, 1891 г. Ц. за оба тома 4 р.; пересылка по разстоянію.

Даровскій, В. И. Сборникъ свѣдѣній о стипендіяхъ, учрежденныхъ въ кадетскихъ корпусахъ. Съ подробнымъ указаніемъ всѣхъ правилъ и порядка зачисленія этихъ стипендій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Дуропъ. Учебникъ тактики. Часть 2-я (съ чертежами). Изданіе 4-е, вновь пересм. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Лееръ. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Пособіе для изученія военной исторіи въ военныхъ училищахъ. Часть 1-я. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 4 р.

XIV. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ДѢЛО—ТЕХНОЛОГІЯ—СТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО—РЕМЕСЛА.

Боровичъ, Л. А. Фабричныя паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. Систематическое руководство для машинистовъ, мастеровъ и владѣльцевъ паровыхъ котловъ. Съ 172 политипажами въ текстѣ. Москва. 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

Бронишъ, Л. и В. Фишеръ. Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ. Выпускъ I. Матеріалы и работы. Выпускъ II. Часть зданій — 2-е исправленное и дополненное изданіе. Оба выпуска съ чертежами. Спб. 1893 г. Цѣна за оба выпуска 3 р. 60 к.

Веберъ, К. К., инж.-техн. Справочная книга по сельско-хозяйственнымъ техническимъ производствомъ. Для хозяевъ. Спб. 1886 г. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к.

Власевскій, С. Деревянный мостъ въ два пролета. Съ планами. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Германъ, В. Горизонтальный вѣтряной двигатель. Съ планами. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Денисьевскій, М. Гальваноластика. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1893 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Еремѣевъ, М. Загородный двухъ-этажный деревянный домъ. Съ планами. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Проектъ скотнаго и коннаго двора. Съ планами. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Жуновъ, Николай. Аллюминій и его металлургія. Съ 40 чертежами въ текстѣ. Москва. 1893 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Корсановъ, В. Типы ледниковъ. Съ планами. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Королевъ, Ф. Н. Сельское строительное искусство. Съ 418 чертежами въ текстѣ. Спб. 1888 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 25 к.

Недзялковскій, А. А. Сборникъ правилъ и формулъ строительной механики, въ ея приложеніяхъ къ мостовымъ и гражданскимъ сооруженіямъ, съ приложеніемъ численныхъ примѣровъ. Спб. 1876 г. Цѣна за двѣ части 6 руб.

Нотовичъ, С. К. Спутникъ мельника-механика. Собраніе правилъ, таблицъ и практическихъ свѣдѣній для мельниковъ, строителей и владѣльцевъ мельницъ, монтеровъ и т. д. Съ 393 фигурами и 8-ю таблицами разныхъ чертежей. Одесса, 1892 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Симоненко, И. Ф. Фотографія и гальваноластика, съ примѣненіями къ искусственному гравированію. Практическое руководство. Москва. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Степановъ, П. Двухъ-этажная комнатная печь. Съ планами. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Сушильная печь для зерна. Съ планами. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Столповскій, А. А. Катехизисъ железнодорожной электротехники. Москва. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ціолковскій, К. Аэроостатъ металлическій управляемый. Москва. 1892 г. Ц. 50 к.

XV. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Андреевъ, П. П. Домовѣденіе. Руководство для хозяекъ дома, домашнихъ учительницъ и гувернантокъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Дилетантъ. Руководство для любителей, содержащее описаніе 30-ти способовъ приготовленія различныхъ украшеній. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

Изергинъ, В. М. Календаръ пчеловода, составленъ подъ редакціею Г. П. Кондратьева. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1893 г. Цѣна въ переплетѣ 75 к.

Синицынъ, П. В. Руководство къ познанію ухода, содержанія, леченія и ковки лошади для пижнихъ чиновъ пограничной стражи, кавалеристовъ, казачьихъ войскъ и сельскихъ хозяевъ. Евпаторія. 1892 г. Ц. 75 к.

Кузминскій, П. П. Курьеръ. Практическій путеводитель для русскихъ по Европѣ. Съ приложеніемъ 18 картъ и плановъ на 1893 г. Одесса. 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ РУССКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ И ИЗДАТЕЛЕЙ

X-й г. выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. 1893 г.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПЕЧАТАЮТСЯ: Перечень новыхъ книгъ. — Отзывы о книгахъ. — Книжная хроника. — Rossica. — Указатель отзывовъ періодической печати о книгахъ. — Правительственныя распоряженія и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою 3 руб. въ годъ.

Поступили въ продажу семь томовъ—II, III, IV, V, VI, VII и VIII — сочиненій

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

Изданіе седьмое, посмертное, въ девяти томахъ, значительно дополненное, съ портретами и біографіей автора. Цѣна всему изданію, до выхода послѣдняго тома, 12 рублей, съ пересылкой 14 рублей. По выходѣ всего изданія цѣна будетъ увеличена. Лица, желающія пріобрѣсти означенное изданіе съ разсрочкою, платятъ при подпискѣ 5 руб., при полученіи слѣдующихъ трехъ томовъ 5 руб., и при полученіи остальныхъ трехъ 4 рубля. Складъ изданія въ С.-Петербургѣ при книжномъ магазинѣ типографіи Стасюлевича, В. О., 5 линія, д. 28, и у К. Г. Данилевскаго, Звенигородская ул., д. 18, кв. 18.

ДУББЕЛЬНЪ - МАРИЕНБАДЪ

Д-ра Нордстрема.

Лечебно- и водолечебное заведеніе на Прибалтійскомъ взморьѣ, близъ г. Риги, подъ личнымъ наблюденіемъ врача Китта-Киттель. Лѣтній сезонъ—съ 20-го мая по 1-е сентября; зимній сезонъ—съ 20-го сентября по 20-е мая.

Обновленныя, комфортабельно устроенныя семейныя квартиры, какъ и одиночныя комнаты со столомъ для больныхъ, выздоравливающихъ и посѣтителей морского берега.

Подробныя свѣденія даетъ врачъ и содержатель Китта-Киттель—въ Дуббельнѣ.

Жизни и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Кн. VII. Спб., 1893. Стр. 603. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящимъ выпускомъ заключается первый, почти полулѣтний періодъ жизни и дѣятельности Погодина — до оставленія имъ каведры русской исторіи въ Москвѣ. Какъ и въ предыдущихъ выпускахъ, авторъ живописуетъ избранную имъ историческую личность, по возможности, красками, извлекаемыми изъ подлинныхъ документовъ, какъ-то переписки, или изъ современныхъ Погодину журналовъ и газетъ, и притомъ со всею жизненною обстановкой и лицами, съ которыми Погодинъ состоялъ въ дружескихъ или враждебныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ получается панорама весьма интересная по тѣмъ подробностямъ, которыя развиваются предъ глазами читателя, перенося его живьемъ въ эпоху „сороковыхъ годовъ“, когда впервые ставились первоклассными умами той эпохи тѣ вопросы, которые во многихъ отношеніяхъ не нашли себѣ удовлетворительнаго рѣшенія и полѣвка снуетъ послѣ того. О подробностяхъ картинъ того времени въ новомъ выпускѣ можно судить уже по одному тому, что этотъ весьма объемистый выпускъ содержитъ всего два, три года жизни Погодина (1842 — 44 гг.); сюда входятъ и то заграничное его путешествіе, описаніе котораго послужило поводомъ къ остроумной народнѣ Герцена подъ заглавіемъ: „Путевыя Записки Вѣдрина“, приводимыя также въ извлеченіи. Мы имѣли уже случай ближе познакомиться читателей съ содержаніемъ предыдущихъ выпусковъ, а потому постараемся въ одной изъ слѣдующихъ книгъ журнала возвратиться и къ настоящему выпуску — особенно интересному.

Германское торговое право, Карла Гарейса. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Перев. съ нѣм. Н. И. Ржандовскій, п. р. проф. Н. И. Нерсесова. Вып. 1. М. 1893. Ц. 2 р.

Торговое право составляетъ одну изъ наиболѣе космополитическихъ, международныхъ отраслей правовѣденія. Поэтому тщательно исполненный переводъ учебника Гарейса — одного изъ лучшихъ произведеній нѣмецкой юридической литературы по данному предмету — притомъ подъ руководствомъ опытнаго лица, составляетъ во всякомъ случаѣ полезное приобритеніе для всѣхъ, кого интересуютъ вопросы торговаго правовѣденія.

С. О. Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. Москва, 1893. Стр. XI и 230. Ц. 2 р.

Авторъ этой интересной и живо написанной книги, очевидно, гораздо лучше знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ, чѣмъ съ политическими вопросами и направленіями, о которыхъ онъ писалъ весьма поверхностно, въ качествѣ „славянофила“ и сотрудника акасовской „Руси“. Стараясь изучить на практикѣ способы хозяйства въ образцовыхъ имѣніяхъ средней полосы Россіи, онъ долженъ былъ разсыкивать эту русскую сельско-хозяйственную культуру „точно иглоку въ снѣгъ, по слухамъ, по разпросамъ“. Г. Шараповъ ѣздилъ къ А. Н. Энгельгардту, Н. В.

Бережанину и другимъ, имѣлъ съ ними длинныя бесѣды, и изъ этихъ разговоровъ, равно какъ и изъ личнаго осмотра разныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, вынесъ разнообразныя впечатлѣнія, то утѣшительныя, то печальныя, которыми и дѣлится съ читателемъ. Между прочимъ, авторъ невольно забываетъ свои славянофильскія теоріи и свою неприязнь къ нѣмцамъ, когда приходится говорить о полезныхъ начинаніяхъ нѣмецкихъ труженниковъ, занесенныхъ въ глубину Россіи; тутъ оказывается уже, что, напр., маленькое заведеніе имѣнца Гетце въ одномъ изъ селъ владимірской губерніи является „драгоценнѣйшимъ образцомъ“ въ области русскаго *крестьянскаго* льноводства (стр. 179). Дѣло Гетце пошло блестяще, къ большой выгодѣ окрестныхъ крестьянъ, но затѣмъ разстроилось, вслѣдствіе общихъ неблагоприятныхъ условій нашего земледѣлія; „вокругъ Гетце образовался огромный пустырь, льноводство окончательно лопнуло“, и предпринимчивый имѣецъ вынужденъ ликвидировать дѣло и продавать насиченную усадьбу. „Не правда ли, — прибавляетъ авторъ, — любопытное культурное явленіе въ чисто рускомъ вкусѣ? На разстояніи 1½ версты отъ города я могъ любоваться безконечными пустырями самаго безнадѣжнаго вида“. Быть можетъ, г. Шараповъ уже близокъ къ тому заключенію, что желать появленія у насъ побольше такихъ имѣцевъ, какъ Гетце, — не значитъ быть дурнымъ патриотомъ, и что газетная агитація противъ всего иностраннаго и особенно нѣмецкаго должна была бы уступить мѣсто болѣе реальнымъ настоятельнымъ заботамъ.

М. И. Мышь. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Спб., 1892. Стр. 571. Ц. 2 р. 70 к.

Наше законодательство о евреяхъ разрознилось до такихъ размѣровъ, что трудно уже ориентироваться въ этой области безъ помощи опытнаго спеціалиста. Масса различныхъ, отчасти противорѣчивыхъ и неясныхъ узаконеній увеличивается постоянно, изъ года въ годъ, все болѣе усложняя и запутывая практическую постановку такъ называемаго еврейскаго вопроса. Потребовалось, наконецъ, дѣло „руководство“ въ 570 страницъ для систематическаго изложенія и разработки этого огромнаго законодательнаго матеріала, — и эту трудную задачу взялъ на себя и исполнилъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и добросовѣстностью извѣстный юристъ-практикъ, г. Мышь. Поучительная книга г. Мыша будетъ оцѣнена по достоинству всѣми интересующимися вопросомъ о юридическомъ положеніи евреевъ въ Россіи.

Вопросы дня и жизни, В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. Москва. 1893. Стр. 250. Ц. 1 р.

Публичныя лекціи, рѣчи и статьи, вошедшія въ эту книжку г. Гольцева, касаются преимущественно вопросовъ общественно-литературныхъ и нравственныхъ, сохраняющихъ свое значеніе независимо отъ переменчивыхъ текущихъ интересовъ „дня и жизни“. Особенно интересны этюды о нравственныхъ идеяхъ Кавелина, о повѣстяхъ Элизы Оржешко и о современной русской литературѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1893 г.

(Двадцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границы, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою—1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго апрѣля открыта подписка на вторую четверть 1893 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелъе и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителствѣ подписчика. — 2) *Перемята адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

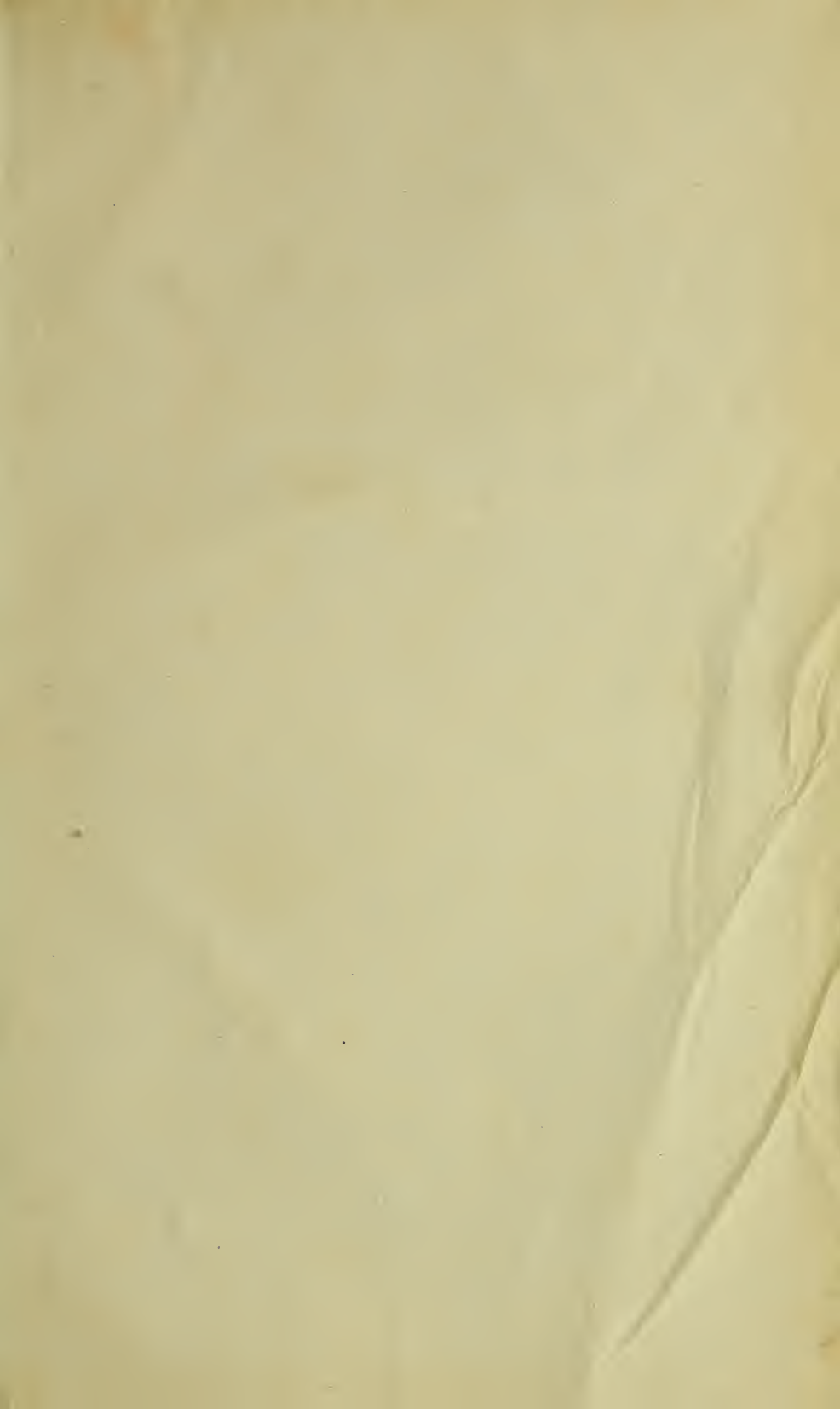
Спб., Галерная 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер. 7.

[10]

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 105549874

3 0112 004182603